

С. М. Стан

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
И СОЦИАЛЬНОЕ
РАЗВИТИЕ
РАННЕГО ГОРОДА

С. М. СТАМ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ
РАННЕГО ГОРОДА

(ТУЛУЗА XI—XIII веков)

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1969

1-6-3

Монография посвящена истории средневекового города в самый ранний, почти не изученный период. В ней исследуется процесс возникновения средневековой Тулузы как рождение фактически нового города, вызванное глубокими сдвигами в феодальном обществе в XI веке. По-новому ставится вопрос о зарождении городского рынка (в связи с особенностями аграрных отношений в этом районе). Тщательно анализируется процесс возникновения и развития городского ремесла; борьба ремесленников за свои цеховые организации против антицеховой политики городского консулата, зарождение эмбриональных форм капиталистической эксплуатации в форме раздачи сырья. Большое внимание уделяется процессу формирования патрициата. Работа нацелена против реакционных течений в современной буржуазной урбанистике.

Монография построена на анализе широкого материала источников: картуляриев, хартий и других актов сеньориальной власти, статуты ремесел, торговых тарифов, хроник, юридических памятников (кутумы) и т. д. с привлечением обширного круга литературы.

Книга рассчитана на историков и экономистов — научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

НЕИЗМЕННОМУ ДРУГУ — Е. Р.

ВВЕДЕНИЕ

В истории феодального общества город занимает особое и очень важное место. Хотя его возникновение связано с более широкими сдвигами, охватившими Европу в XI—XII веках, наиболее важным следствием этих сдвигов и, в свою очередь, источником наиболее активных и результативных общественных импульсов дальнейшего развития явился именно город.

Можно сказать без преувеличения, что с возникновением городов лицо средневековой Европы изменилось до неузнаваемости. Окончилось многовековое безраздельное господство деревни. Рядом с извечным трудом земледельца появился обособленный промышленный труд. Рядом с натуральным хозяйством — товарное производство, с самого начала рассчитанное на обмен. Возникли многочисленные регулярные рынки, дороги оживились. Развитие города глубоко воздействовало на феодальную деревню, стимулируя ее товарную эволюцию и необычайно обостряя внутрисемейные противоречия.

С возникновением города рядом с феодальными сеньорами и зависимыми крестьянами появился совершенно новый социальный слой — горожане, вскоре сделавшийся важной общественной силой. Феодальное общество потрясла новая, невиданная до того, освободительная борьба — коммунальное движение. Неотъемлемые феодальные привилегии сеньоров в городах были ре-

шительно урезаны или вовсе отменены, сеньориальная власть уступила место городским властям, так или иначе выбираемым из среды горожан. У горожан появилось свое право, свой суд, свое войско.

Города стали рассадниками новых идей и общественных движений, о каких до тех пор феодальная Европа не имела представлений. Безраздельное прежде господство католической церкви заколебалось. Из городов вышли крупнейшие ереси, которые охватили широкие массы народа, целые области и страны. В городах угнездилась критическая мысль. Здесь зародились ростки светского знания, возникли нецерковные школы, стала распространяться грамотность. Здесь началось изучение древней философии, возникла оппозиционная схоластика, открыто или скрыто противопоставленная церковному правоверию.

В городах стали воздвигаться немыслимые дотоле грандиозные храмы совершенно оригинальной, стрельчатой архитектуры, еще проникнутой религиозным духом, но уже стремившейся обратиться к природе. Башни городских готических соборов встали над замками феодалов и епископов. Наконец, здесь появилась совершенно новая, городская литература, издевавшаяся над феодалами и церковниками, литература, в которой уже начинал веять дух свободомыслия.

В истории феодального общества наступила новая эпоха. Темп исторического развития Европы резко повысился.

Где был источник этого взлета? Какая сила, скрытая в городе, произвела в феодальном обществе этот глубокий сдвиг и придала всему его развитию невиданную дотоле динамичность? Эти вопросы неизбежно встают перед историком, обращающимся к этой эпохе.

Вместе с тем средневековый город несет на себе печать определенного консерватизма. Городское ремесло само опутывает себя сложной системой ограничительной регламентации, призванной строго оберегать его существование и неизменность в качестве мелкого производства. Собственность, основанная на труде и обмене и противостоявшая феодальному землевладению и феодальной, раздвоенной форме собственности, сама в известной мере обволакивается некоторыми феодальными формами, а верхушка горожан обрастает земельными владениями. Черты партикуляризма, местной обособленности, столь свойственные феодальному обществу, в немалой степени свойственны и экономической и политической позиции городских коммун. Политическое сознание средневекового бюргерства в наиболее зрелых своих проявлениях не поднимается выше идеи (правда, глубоко прогрессивной для того времени идеи) королевской централизации и активной поддержки сословной монархии. Его мировоззрение, несмотря на сильную светскую струю и элементы рационалистического мышления, в целом не вышло за пределы религиозной идеологии.

Чем объясняется эта противоречивость средневекового города? Какова была его действительная историческая роль? Какие тенденции определяли его развитие на различных этапах?

Задача познания сущности любого явления требует в первую очередь выяснения его генезиса. В приложении к нашему сюжету речь должна идти прежде всего о становлении города, как экономического явления, о складывании его социальной структуры. Иначе говоря, задача состоит в изучении истории раннего города. История западноевропейского средневекового города осязаемо распадается на два более или менее равновеликих периода. В течение первого (приблизительно между второй половиной XI и концом XIII — началом XIV века) город возникает как торгово-ремесленный центр, складываются основные элементы его социальной структуры, идет процесс формирования ремесленных организаций, разворачивается антисеньориальная борьба, завоевываются основные коммунальные вольности и складывается более или менее зрелая коммунальная организация. Во втором периоде (приблизительно между первой половиной XIV и концом XVI — началом XVII века), наряду с известным упрочением этих начал, наблюдается постепенно ускоряющийся процесс их разложения; дальнейшее торгово-промышленное развитие уже не укладывается в стеснительные цеховые рамки, оно ищет новых форм и путей: широко развивается система раздачи сырья, появляется мануфактура; идет процесс замыкания и разложения цехов¹ одновременно происходит замыкание аристократической патрицианской верхушки и крайняя олигархизация коммунального правления, которое все более утрачивает поддержку широких масс городского населения и постепенно поглощается королевской централизацией.² Происходит тот процесс увядания вольных городов, этих ярких цветков классического средневековья, который был необходимым условием и следствием начинавшегося процесса первоначального накопления и капиталистического развития³.

Разумеется, в разных странах и городах эти процессы протекали не вполне одновременно и далеко не однозначно. Да и самое это деление, как и всякая историческая периодизация, — не абсолютно. Факты показывают, что порою черты разложения проявлялись раньше, чем само данное явление успело вполне созреть². Но относительность периодизации не отменяет ее реаль-

¹ См.: К. Маркс. Капитал, т. I. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 728.

² «Как при последовательной смене различных геологических формаций, — писал Маркс, — так и при образовании различных экономических формаций общества не следует верить во внезапно появившиеся, резко отделенные друг от друга периоды.

В лоне ремесла развиваются начала мануфактуры...» (К. Маркс. Машины. Применение природных сил и науки. — «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 25, 1968, стр. 51).

ности. Исторически реальна и та специфика, которая отличает ранний город. Она-то и будет объектом нашего рассмотрения.

Изучение раннего города сопряжено с немалыми трудностями. Это прежде всего трудности самой исследовательской базы: скудость источников. Особенно — во всем том, что относится к истории социального и, главное, экономического развития. Несомненно, столь свойственное буржуазной историографии изучение городской истории главным образом в политическом и юридическом плане в первую очередь обуславливалось самым углом зрения, юридичностью буржуазного исторического мировоззрения. Но и состояние источников не могло здесь не сказаться. Ведь еще совсем недавно, в начале нашего столетия, даже наиболее серьезные исследователи средневекового ремесла рассматривали данные не то что XII, но даже XIII века, как очень редкие и очень ранние¹. Более или менее основательное изучение раннего города, особенно его экономического и социального развития, относится только к последним десятилетиям.

Еще важнее источниковедческих на пути к постижению ранней истории средневекового города встают трудности методологические. Где следует искать истоков раннего города? Как он соотносится с предшествующими формами экономического и социального бытия? Идея рождения нового из внутренних противоречий предшествующего развития путем отрицания и преодоления старого чужда буржуазному сознанию. Понимая развитие как процесс чисто (или по преимуществу) квантитативный, оно рассматривает генезис как количественное возрастание исходного начала, и выяснение истоков и причин возникновения данного исторического явления сводит к отысканию в прошлом аналогов или идентичных явлений. Если же допускает появление нового, то лишь как постепенное и плавное видоизменение старого, не нарушающее принципа непрерывности. Не удивительно, что изучение истории раннего города в буржуазной урбанистике последних десятилетий ознаменовалось возвратом к континуитивистским концепциям.

Думается, что речь должна идти скорее именно о ряде (или множестве) континуитивистских концепций, чем о какой-то единой и стройной теории континуитета в развитии средневекового города. В самом деле, если для Эдит Эннен² ранняя история средневекового города — только доказательство вечности неизменных начал, лежащих в основе человеческой истории и, разумеется, доказательство непрерывности права, то пафос построений таких

¹ См., например, P. Boissonnade. *Essai sur l'organisation du travail en Poitou depuis le XI-e siècle jusqu'à la Revolution*, t. I, 2. P., 1900.

² E. Ennen. *Frühgeschichte der europäischen Stadt*. Bonn, 1953; *id.* *Die Entwicklung des Städtewesens an Rhein und Mosel vom 6. bis 9. Jahrhundert* (Città nell'alto medioevo. Spoleto, 1959).

историков, как Жерар Сотель¹, Мишель Роблен² или (частично) Жан Лестокуа³, состоит в идее непрерывности городского развития, в попытке доказать, что достаточно выраженное городское развитие было знакомо и раннему средневековью. Центр тяжести построений Андре Дюпона⁴ и П. Тембаля⁵ лежит в отрицании принципиальной новизны и революционной, антифеодальной направленности коммунального движения и связанных с ним завоеваний горожан. Отрицая экономическую обусловленность и самую историческую закономерность этого движения, эти авторы стремятся представить завоевания горожан в области власти и права просто как результаты постепенной эволюции сеньориальных учреждений. Что же касается таких историков, как уже упомянутый Ж. Лестокуа⁶ (в его основных работах) или Эрих Машке⁷, то краеугольным камнем их построений является идея «континуитета элиты», неустрашимости и непрерывности командующего социального слоя, который, если и меняется, то лишь тем более остается самим собой⁸.

Как видим, континуитивистские концепции в современной урбанистике отнюдь не отличаются единством содержания. Что их объединяет — так это отрицание качественных скачков («никаких перерывов» — *keine Cäsure*, по известному выражению Дюпона), творческой роли момента отрицания и порождаемых им новых сил в историческом развитии. Пафос всех этих концепций состоит в утверждении примата старого над новым и неодолимости сил исторического консерватизма. Именно с этих позиций подходят они к объяснению исторических явлений, именно этот круг идей образует основу исторической методологии континуитивизма.

Но методология эта, так же как и лежащий в ее основе комплекс идей, — не нова. Она получила достаточно выразительное воплощение еще в романизме. Но если ранний романизм

¹ G. Sautel. Les villes du Midi méditerranéen au Moyen Age. — «La ville», 2-me partie. Bruxelles, 1955.

² M. Roblin. Cités ou citadelles? Les enceintes romaines du Bas-Empire d'après l'exemple de Paris. — «Revue des études anciennes», 1951.

³ J. Lestocquoy. The tenth century. — «The economic history review», 1947, N 1.

⁴ A. Dupont. Les cités de la Narbonnaise Première depuis les invasions germaniques jusqu'à l'apparition du consulat. Nîmes, 1942; i d. L'évolution sociale du consulat nîmois. — AM, 1960.

⁵ P. C. Timbal. Les villes de consulat dans le Midi de la France. — «La ville», 1-ère partie. Bruxelles, 1954.

⁶ J. Lestocquoy. Patriciens du Moyen Age. Les dynasties bourgeoises d'Arras du XI-e au XV-e siècle. Arras, 1945; i d. Aux origines de la bourgeoisie: Les villes de Flandre et d'Italie sous le gouvernement des patriciens (XI-e—XV-e siècles). P., 1952.

⁷ E. Maschke. Continuité sociale et histoire urbaine médiévale. — «Annales», 1960, N 5.

⁸ О концепции Ж. Лестокуа см.: С. М. Стам. Об одном реакционном течении в современной французской историографии средневекового города и о проблеме городского патрициата. — СВ, вып. 25, 1964.

(О. Тьерри, Ф. Рейнуар) путем отыскания исторических аналогов и доказательства непрерывности развития правовых институтов и муниципальной свободы стремился обосновать справедливость борьбы новых общественных сил и совершенных ими переворотов, то для позднего романизма (куланжизма) утверждение принципа ненарушимой непрерывности истории служило средством отрицания закономерности каких бы то ни было исторических катаклизмов и переворотов.

Можно сказать, классическим воплощением этой методологии явилась историческая логика немецкой Исторической школы права. Откровенно консервативная и антиреволюционная, именно в старом она усматривала хранилище высших ценностей. Ее односторонний историзм был обращен к задней стороне исторического процесса, по меткому выражению Маркса, видел только «*a posteriori*» истории¹. Соответственно и развитие при этом понималось лишь как постепенная, плавная эволюция неизменных исконных начал, новое мыслилось лишь как видоизменение старого.

Из тех же методологических посылок исходила вотчинная теория. Под пером историков этого направления город утрачивал свою новизну и специфичность и превращался в непосредственное порождение и продолжение поместного строя. Освободительная борьба горожан лишалась сколько-нибудь существенного значения, коммунальная независимость оказывалась лишь одним из вариантов феодального иммунитета, а коммунальная организация — модификацией вотчинной административной системы, разновидностью феодальной сеньории. Работы Ашиля Люшера и Поля Донбона² в значительной мере явились реализацией этой методологии и продолжением этой идейной линии на французской почве³.

На пороге XX столетия В. Зомбарт⁴ выступил по вопросу о происхождении средневекового города, казалось бы, с совершенно иных позиций. В отличие от сторонников вотчинной теории, его интересовало не право и учреждения, а экономическая реальность этого явления. Но его историческая логика шла в том же русле. Средневековый город представлялся ему лишь центром потребления феодальной земельной ренты, присвоенной сеньо-

¹ К. Маркс. К критике гегелевской философии права. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, стр. 416.

² A. Luchaire. Les communes françaises à l'époque des Capétiens directs. P., 1890 (1911); id. Manuel des institutions françaises, P., 1892; P. Dognon. Les institutions politiques et administratives du pays de Languedoc, du XIIIe siècle aux guerres de religion. P.-T., 1895.

³ В новейшее время те же идеи настойчиво развивал Шарль Пти-Дютайи (Ch. Petit-Dutaillis. Les communes françaises. P., 1947, p. 107—114); их можно встретить у Брайса Лайона (B. D. Lyon. From fief to indenture. Cambridge, Mass., 1957, p. 98) и др. авторов. Против — см. M. Bloch. Compte rendu. — МА, 1934, N 3, p. 207.

⁴ W. Sombart. Der moderne Kapitalismus. Bd. I, München—Leipzig, 1902. (Русск. перевод — Москва, 1931).

рами. Он утверждал, что средневековые города Северной Италии своим подъемом и расцветом были обязаны помещичьему элементу, якобы сосредоточенному в их стенах. Таким образом, город оказался не только прямым продолжением старых, феодально-поместных начал, но именно старое оказывалось главной творческой силой, созидающей новое.

Эту же логическую линию продолжил Й. Плеснер¹, пытавшийся доказать, что возвышение средневековых городов было связано не с крестьянской иммиграцией, не с притоком ремесленно-трудового люда, а с иммиграцией в города деревенской верхушки, и особенно поместного дворянства. Его учитель Н. П. Оттокар² опять-таки, казалось бы, подходил к истории средневекового города совсем с другой стороны. Его интересовала история коммун, взаимоотношения горожан и городского сеньора. Но и под его пером сеньоры оказывались первыми поборниками интересов горожан, место широко засвидетельствованной историками ожесточенной борьбы заступала гармония интересов тех и других, а коммунальное движение лишалось всякого смысла и значения. Старое оказывалось лучшим опекуном и защитником нового, развитие этого нового требовало не борьбы со старым, а примирения с ним и подчинения ему.

Как видим, современные континуитивисты вносят не много нового в круг идей, развитых их предшественниками. Частично меняется сюжетика исследований, появляются новые названия концепций, но методология остается старой, старыми, в сущности, остаются и выводы³. Все этого рода разноименные концепции — лишь разновидности одной и той же логики исторического мышления, игнорирующей имманентную противоречивость исторического процесса и исходящей из примата старого над новым.

Едва ли есть необходимость доказывать, насколько эта методология противоположна диалектической логике исторического материализма, и что в наше время именно континуитивистские концепции в первую очередь и более всего противостоят марксистскому пониманию истории. Но следует отметить, что и в рамках буржуазной медиевистики эти концепции не выражают общего мнения историков. Они встречаются более или менее решительные возражения в первую очередь со стороны представителей и продолжателей школы Анри Пиренна, школы «Анналов», но также и со стороны некоторых других наиболее трез-

¹ J. Plesner. L'émigration de la campagne à la ville libre de Florence au XIII-e siècle. Copenhague, 1934.

² Н. П. Оттокар. Опыты по истории французских городов в средние века. Пермь, 1919.

³ Критику допшианско-континуитивистских построений Л. Верье и Р. Латуша см. в статье Ю. Л. Бессмертного. Проблема западноевропейской торговли XI—XIII вв. в современной западной медиевистике. — СВ, вып. 23, 1963.

вых историков. Еще Фердинан Лот отказывался признавать непрерывность городского развития в раннее средневековье. Он считал, что в ту эпоху города находились в «дремотном состоянии»¹. Еще настойчивее эту точку зрения выражает бельгийский историк Ф. Веркаутерен. Решительно отвергая идею непосредственной преемственности между античными и средневековыми городами, он видит в раннем средневековье лишь фикцию городской жизни². Против идеи «непрерывности элиты» возражал Жорж Эспинас, рассматривавший городской патрициат прежде всего как порождение новых экономических сил, принесенных городом³. В том же духе, но еще более решительно, в споре с Жаном Лестокуа выступил Люсьен Февр. Допуская значительность роли дворянского элемента в городском развитии на Юге Европы, он, безусловно, отрицал ее для Севера и, отталкиваясь от пиренновской идеи смены «типов» средневековых городских богатеев, проводил ту же мысль об экономической обусловленности городского патрициата и его конкретной социальной физиономии⁴. Против представления о ведущей роли дворянской иммиграции в городском развитии возражал также Э. Перруа⁵. Против истолкования развития средневековых муниципальных учреждений как постепенной трансформации сеньориальной власти — в своей статье о Монпелье выступил американский историк А. Льюис⁶.

В связи с проблемой континуитета особого внимания заслуживает работа П. А. Феврие о городах Прованса, вышедшая во Франции в 1964 году⁷. В этой работе впервые для изучения средневекового города широко и основательно привлечен археологический материал. Автор стремился проследить историю городов Прованса от римской эпохи и до XIV века как единый процесс. Тем более любопытны результаты его исследований. Археологические данные обогатили картину. Но археология не опровергла здания, возведенного историей. Оказалось, что там, где молчат письменные источники, как правило, молчат и археологические.

Автор должен был прийти к выводу, что с начала VII и до конца XI века (если не считать Арля, который начал оживать-

¹ F. Lot. L'histoire urbaine. — «Journal des savants», 1935.

² F. Vercauteren. De la cité antique à la commune médiévale. — Académie royale de Belgique. Bulletin de la Classe des Lettres, 1962, N 5—6, p. 139. По мнению Юбера Ришардо раннее средневековье было для городов временем «долгого летаргического сна». (H. Richardot. Le fief roturier à Toulouse aux XII-e et XIII-e siècles. — RHDFF, 1935, p. 546).

³ G. Espinas. Les origines du capitalisme; t. III. Lille—Paris, 1946, p. 179.

⁴ L. Febvre. Villes du Nord, villes du Midi. — «Annales», 1952, N 4.

⁵ E. Perroy. Compte-rendu. — «Revue du Nord», N 136, 1952.

⁶ A. Lewis. The development of town government in the XII-th century Montpellier. — «Speculum», 1947.

⁷ P. A. Février. Le développement urbain en Provence de l'époque romaine à la fin du XIV-e siècle. (Archéologie et histoire urbaine). P., 1964.

ся с конца X века) в Провансе невозможно отметить каких-либо следов городского развития. Это относится и к Марселю. В большинстве случаев подъем городов происходит только с XII века.

При этом, как свидетельствует археология, городской пейзаж этих новых городов совсем не похож на пейзаж городов римской эпохи. Хотя почти все средневековые города Прованса развились на месте римских, многие из них, как Грасс, Тараскон, Салон и ряд других, в античности были ничтожными населенными пунктами и получили значение важных центров только в средние века. С другой стороны, на месте значительного римского города Гланум в средние века возникла деревня. Иными словами, единства, непрерывности, непосредственной преемственности в рассматриваемом процессе не было. Даже в таком районе, как Прованс, необычайно богатом античным наследием, городское развитие в средние века не было прямым продолжением античного. Поэтому Феврие вполне резонно называет XI—XII века периодом *возникновения* средневековых городов¹. Вообще можно сказать, что результаты научных исследований почти на протяжении полутора столетий подтвердили правильность вывода, сделанного Марксом и Энгельсом: средневековые не получили городов в готовом виде из прошлой истории².

Не подлежит сомнению, что дальнейшее плодотворное исследование раннего города возможно лишь на путях преодоления континуитивистских построений, лишь исходя из экономической новизны и специфики средневекового города как центра самостоятельного товарного производства и товарного обращения.

* * *

В советской медиэвистике (урбанистике) до недавнего времени основным объектом изучения был поздний город. В этой области сделано немало. Достаточно напомнить хорошо известные работы В. В. Стоклицкой-Терешкович, А. Д. Люблинской, В. И. Рутенбурга, Ф. Я. Полянского, А. Н. Чистозвонова, А. А. Сванидзе, В. А. Ермолаева, Т. П. Вороновой, М. А. Молдавской.

Что же касается раннего города, то он несравненно менее привлекал к себе интересы наших историков. Правда, еще в 1940 году появилась очень содержательная статья Ю. А. Корхова о догородском ремесле³. Хотя, судя по названию, она посвящена догородскому экономическому развитию, в действительности ее содержание и значение гораздо шире. Сопоставляя и разделяя ремесло поместное и ремесло городское, самостоятель-

¹ Ibid., p. 2, 4, 92, 102, 207, 211—213.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 50.

³ Ю. А. Корхов. Догородское ремесло средневековой Германии. — Уч. зап. МГПИ, т. 26, вып. I, 1940.

ное, автор логично и последовательно подводит читателя к уяснению качественной новизны города как экономического явления в феодальном обществе.

Интерес к истории раннего города стал заметно возрастать в послевоенный период. В 50-е годы появилась работа того же автора, посвященная анализу положения ремесла в раннем городе под властью сеньора¹. В те же годы появились статьи А. А. Кирилловой, посвященные английскому городу XIII века². Особенно плодотворной представляется попытка автора проследить процесс развития свободного городского земельного держания и зарождения полной частной собственности на землю в средневековом английском городе. В тот же период к истории раннего города и коммунального движения (преимущественно на итальянском материале) в ряде статей и затем в своей последней книге обратилась и В. В. Стоклицкая-Терешкович³. При этом, быть может, особенно примечательным было обращение автора к проблеме коммунального движения, которая долгое время почти полностью оставалась вне круга интересов советских урбанистов.

Появление этих работ, несомненно, отразило назревшую потребность глубокого изучения с марксистских позиций истории раннего города. Нужно было вплотную браться за эти сюжеты. Первым значительным достижением на этом пути явилась монография Я. А. Левицкого о раннем городе в Англии⁴. Автор тщательно обследовал очень широкий круг источников и подверг скрупулезному анализу все те крупицы сведений о первых ростках торговли и ремесла в средневековой Англии, какие возможно было из них извлечь. Это позволило ему уверенно нарисовать цельную и стройную картину начала городского развития в этой стране. При этом следует особо отметить, что, считая ремесло экономической основой средневекового города, автор вместе с тем удачно избежал искусственного навязывания живому историческому процессу предвзятой схемы и в соответствии с действительным историческим соотношением развития товарного производства и товарного обращения прежде всего тщательно проследил процесс зарождения первых центров обмена, предшествующих интенсивному отделению ремесла от земледе-

¹ Ю. А. Корхов. Ремесленники средневекового Страсбурга под властью сеньора города. — Уч. зап. МГПИ, т. XVIII, вып. 4, 1954.

² А. А. Кириллова. Английский город XIII—XIV вв. — Уч. зап. МГПИ, т. 59, вып. 3, 1949; ее же. Свободное земельное держание в городах Англии XIII в. — Уч. зап. МГПИ, т. 68, вып. 4, 1954; ее же. Из социальной истории городов Англии XIII в. — СВ, вып. 3, 1958.

³ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Классовая борьба в Милане в XI веке и зарождение Миланской коммуны. — СВ, вып. 5, 1954; ее же. Основные вопросы истории средневекового города X—XV ввек. М., 1960.

⁴ Я. А. Левицкий. Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв. М.—Л., 1960; его же. Проблема раннего феодального города в Англии и книга Страшного суда. — СВ, вып. 3, 1951.

делия и сколько-то устойчивому ремесленно-земледельческому рынку.

В 60-е годы изучение раннего города получило дальнейшее развитие — расширилась и сфера исследований советских урбанистов. Примечательно в этом отношении пробуждение интереса к южнофранцузским городам. Известно, что эти города отличались в средние века общностью многих существенных черт, что заставляет выделить их в особый регион средневекового городского развития, — регион весьма своеобразный и очень важный для понимания путей этого развития в целом. Но известно также, что, в отличие от Северной Франции, этот регион до недавнего времени оставался в значительной мере за пределами сферы внимания и в западной урбанистике. Тем более отрадно, что к интенсивному изучению его особенностей приступили медиевисты-марксисты. Первым привлек здесь внимание историков город, отличавшийся необычайной яркостью и своеобразием своего развития — Монпелье. Статьи Н. В. Ревуненковой¹ содержат весьма интересные наблюдения над процессом возникновения средневекового города, особенно — в демографическом плане, а также попытку выявления и истолкования особенностей развития ремесла в этом городе. Посвященные тому же объекту статьи В. И. Осипова² затрагивают другие вопросы экономического и социального развития средневекового Монпелье. Poleмика, возникшая между этими двумя историками по вопросу о так называемом «свободном ремесле», не лишена интереса и для всей нашей урбанистики.

Положительной стороной исследований последних лет следует считать также более пристальное внимание к отдельным сторонам средневекового городского развития. Среди них важное место занимает вопрос об эволюции отношений поземельной собственности в городе. Эта эволюция, зарождение форм свободной собственности в этой сфере (неглавной для города, но важнейшей для господствовавшего в обществе феодализма) было следствием развития отношений товарного производства и обращения в городе и в значительной степени — показателем интенсивности этого развития и связанных с ним социальных сдвигов. Наблюдения над этими процессами, полученные

¹ Н. В. Ревуненкова. Население Монпелье в XII веке. — СВ, вып. 30, 1967; ес же. К истории свободного ремесла в городах Франции XIII—XV веков. — СВ, вып. 21, 1962.

² В. И. Осипов. Развитие ремесла в Монпелье в XII—XIV вв. и проблема «свободного ремесла». — Аспирантский сборник. История средних веков, вып. 3, Саратов, 1966 (Сарат. гос. университет); ес же. Основные этапы коммунального движения в Монпелье. — Там же; ес же. Складывание патрициата в Монпелье (XII—XIII вв.). — В сб.: Средневековый город. Изд. Сарат. ун-та, 1968; ес же. Судьбы городского дворянства Монпелье (XII—XIII вв.). — В сб.: Экономическое развитие и классовая борьба в средние века и в античности. Изд. Сарат. ун-та, 1968.

Т. М. Негуляевой на материале средневекового Страсбурга¹, представляются весьма поучительными.

Наблюдаемое в последние годы расширение круга исследований в области раннего средневековья не может не сказаться благотворно на развитии нашей урбанистики. Глубокое изучение эволюции вестготского общества в работах А. Р. Корсунского показало, как упорно города, оставшиеся от античности, сопротивлялись одолевавшему их процессу замирания товарных связей и городской жизни и как, несмотря на это сопротивление, приблизительно к VII веку городская жизнь в вестготской Испании почти полностью свертывается, оходит на нет². Нет нужды доказывать, насколько важны эти выводы для уяснения общих закономерностей городского развития в условиях феодализма, и в частности — процесса возникновения средневековых городов.

Для более глубокого осмысления путей развития средневекового города в плане сравнительно-историческом очень много дает глубокое изучение исторических судеб византийского города. Особенный интерес для медиевистов-урбанистов представляют работы Г. Л. Курбатова³. Известно, как широко распространено представление, что Восточная Римская империя развивалась по своим особым законам, что, в то время как города Запада приходили в упадок и угасали, византийские города не только не останавливались в своем развитии, но даже достигли высшего расцвета, что на Востоке развитие городов было непрерывным. Исследования Г. Л. Курбатова привлекают прежде всего тем, что их автору удалось, не упуская из вида византийской специфики, избежать гипноза мнимой непрерывности всего византийского развития, иллюзии непоколебимой прочности и неизменности ее социальных и политических институтов и взглянуть на историю Восточной империи и ее городов непредубежденным взглядом. Тщательное изучение письменных и широко привлеченных археологических источников показало, что, вопреки распространенному представлению, восточно-римский го-

¹ Т. М. Негуляева. Проблема поземельной собственности в средневековом городе в немецкой буржуазной историографии. — Историографический сборник № 2. Изд. Саратов. ун-та, 1964; ее же. Свободное земельное держание в средневековом Страсбурге (XI—начало XIV века). — В сб.: Экономическое развитие и классовая борьба в средние века и в античности. Изд. Саратов. ун-та, 1968; ее же. Свободная земельная собственность и ее судьбы в средневековом Страсбурге (XIII—XIV вв.). — В сб.: Средневековый город. Изд. Саратов. ун-та, 1968.

² А. Р. Корсунский. Города Испании в период становления феодальных отношений (V—VII века). — В сб.: Социально-экономические проблемы истории Испании. М., 1965.

³ Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962; его же. Разложение рабовладельческих отношений и проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VI вв. — Вестник ЛГУ, № 14, 1965, вып. 3; его же. Ранневизантийский город (IV—VI вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1966.

род отнюдь не был так неподвижен и неколебим, что он пережили в IV—VI вв. эволюцию, во многом сходную с судьбой его западного собрата, что в эту эпоху города Сирии и Малой Азии находились в состоянии глубокого упадка, а сохранение и даже известный подъем нескольких крупнейших городов имел своею оборотной стороной захирение и полное исчезновение огромного множества прежде активных и жизнеспособных мелких и средних городских центров.

Очень существенно отметить, что за последние годы и у историков-аграрников все настойчивее проявляется тенденция рассматривать эволюцию поземельных отношений в период классического средневековья в связи с развитием городов и его воздействием на феодальную деревню. Известное внимание к городу можно видеть уже в аграрно-историческом исследовании М. А. Барга¹. Еще более — в статьях Ю. Л. Бессмертного². Что же касается монографии Л. А. Котельниковой³, то автор исходит из всестороннего учета взаимодействия города и деревни, как из необходимой предпосылки глубокого осмысления эволюции аграрных отношений в период развитого феодализма. Едва ли есть необходимость доказывать, насколько обоснована и плодотворна такая точка зрения.

Таким образом, значительность работы, проделанной советскими историками в области изучения средневекового города, не подлежит сомнению. Но именно достигнутый уровень наших представлений в этой области делает особенно ощутительной настоятельность и широту стоящих в этой области задач. Без глубокого осмысления экономической и социальной природы, эволюции и роли средневекового города нельзя понять важнейших закономерностей развития и разложения феодального строя, невозможно найти объяснение важнейшим особенностям последующего исторического развития Европы.

Но ключи к постижению закономерностей и средневекового городского развития и, в значительной мере, всего дальнейшего развития феодального общества в целом, несомненно, лежат в истории раннего города, — с него надо начинать. Для этого требуется как выяснение ведущих методологических линий, так и решительное расширение круга конкретно-исторических исследований, анализ и сопоставление обширного и разнообразного материала. Чтобы такое сопоставление стало возможно и,

¹ М. А. Бург. Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М., 1962.

² Ю. Л. Бессмертный. Проблема западноевропейской торговли в XI—XIII вв. в современной западной медиевистике. — СВ, вып. 23; его же. О социальном значении новых форм земельных держаний в рейнской деревне XII—XIII веков. — СВ, вып. 24; его же. К изучению торговли в средне-рейнской деревне XII—XIII вв. — СВ, вып. 25.

³ Л. А. Котельникова. Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. По материалам Средней и Северной Италии. М., 1967.

главное, обосновано, чтобы ведущая нить общих закономерностей не затерялась в сложном переплетении локальных особенностей, очень существенна регионально-типологическая ориентация конкретно-исторических исследований. Но и здесь недостаточно общих, суммарных представлений. Чтобы избежать опасности произвольного отбора тех или иных черт или скользящего по поверхности явлений¹, наиболее целесообразно выбрать один город, достаточно значительный и типичный для данного региона и, насколько возможно, на его материале проследить основные процессы экономического и социального развития. Не для того, чтобы замкнуться в рамках локальной истории или пытаться извлечь отсюда некий всеобщий эталон, но для того, чтобы этим путем прийти к более полному и многогранному представлению об общих закономерностях². Ибо этот путь более всякого другого предохраняет историка даже от непреднамеренного произвола в отборе и сопоставлении фактов и потому более всякого другого позволяет отделить общее от особенного, типическое от единичного и рассмотреть их в живом взаимодействии.

Вот почему мы решились избрать в качестве основного объекта нашего исследования средневековую Тулузу, точнее — раннюю историю этого города в средние века (XI—XIII столетия). Тулуза, столица одноименного графства, обширнейшего и богатейшего феодального княжества в составе средневекового Французского королевства, — была вместе с тем одним из крупнейших и наиболее типичных городов провансальского Юга вообще и Лангедока в особенности. Города здесь были многочисленны, и почти все они вели свою генеалогию с римских и даже доримских времен. Если это античное наследие определило какие-то особенности топографического, демографического, экономического и социального развития этих городов в последующую эпоху, то, несомненно, — эти особенности в высокой степени были присущи почти всем городам этой области. Это полностью относится к Тулузе — городу, быть может, еще иберийского корня, столице кельтского племени вольков-тектосагов (толозатов), одному из важнейших городов римской Нарбоннской провинции, затем — столице Вестготского королевства.

При этом дело состоит не только в общности исторического наследия. Тесно сплетена с историей всего этого региона и очень

¹ Насколько реальна такая опасность при сопоставлении и широком социологическом обобщении материала, качественная однородность которого еще не выяснена, может свидетельствовать, на наш взгляд (хотя она и не лишена отдельных интересных наблюдений), известная работа R. Maunier. *L'origine et la fonction économique des villes*. P., 1910.

² «Только идя конкретно-локальным методом, можно надеяться достигнуть каких-либо результатов при исследовании специальных проблем исторической науки» (А. И. Неусыхин. Социологическое исследование Макса Вебера о городе. — «Под знаменем марксизма», 1923, № 8—9, стр. 250).

ярка сама по себе средневековая история этого города. Тулуза явилась подлинным центром Альбигойского движения. Ее поистине героическое и победоносное восстание против крестоносцев Монфора явилось воодушевляющим примером для многих городов Юга и оказало огромное влияние на ход Альбигойских войн¹.

Редкою яркостью отличается история средневековой тулузской коммуны. Вобрав в себя все те черты, которые обычно считаются наиболее свойственными коммунальному движению в Южной Франции (выкуп большинства сеньориальных поборов, сравнительно мирное развитие, патрицианско-аристократическая окраска системы муниципальной независимости), эта история, вместе с тем, с наибольшей рельефностью выразила и другие, обычно остававшиеся вне поля зрения историков, — мятежные, революционные стороны и проявления этого движения, прорывавшиеся в освободительном движении горожан и в Монпелье, и в Бюкере, и в Каркассоне и в Ниме, но, быть может, ярче всего проявившиеся в Тулузе — в бурных событиях гражданской войны, охватившей город в 80-х гг. XII века, и в народном восстании против крестоносцев в 1216—1218 гг., оказавшем очень существенное влияние на его последующее коммунальное развитие.

Если многие средневековые города провансальского Юга добились высокой степени коммунальной свободы, то в числе наиболее преуспевших на этом пути, несомненно, была Тулуза, хотя ее горожанам приходилось иметь дело непосредственно с наиболее могущественным противником — самим тулузским графом. Попыткам некоторых историков на основе формально-юридических соображений отрицать существование городских коммун на Юге и отказать в этом, в частности, Тулузе² противоречат муниципальные акты южнофранцузских городов (в том числе и Тулузы), самая их терминология³. Что же касается фактической стороны дела, то, по мнению некоторых современных историков, под покровом более или менее формально признавае-

¹ Следует отметить, что, хотя либеральный русский историк прошлого века Н. А. Осокин в своей известной монографии («История альбигойцев и их времени», т. 1—2, Казань, 1869—1872) в истолковании коммунального развития еще остался в плену романтических представлений, он сумел не только ярко живописать героизм сопротивления южан XIII века северным крестоносцам, но и весьма высоко оценить роль Тулузы в этой борьбе (чего, к сожалению, нельзя сказать о современных авторах, — см. P. Bellegon. La croisade contre les Albigeois et l'union de Languedoc à la France. P., 1942).

² Ch. Petit-Dutaillis. La prétendue commune de Toulouse. — «Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres de Paris», 1941; id. Les communes françaises, P., 1947.

³ Противопоставление южных коммун северным коммунальным решительно отвергает Роже Гран (R. Grand. Les «Paix» d'Aurillac. P., 1945, p. XXVIII). Не принимает его и Э. Эннен (Frühgeschichte, S. 278—289).

мого графского сюзеренитета докоролевская Тулуза была в действительности независимой или почти независимой городской республикой, близкой к соответствующему итальянскому типу¹. Во всяком случае несомненно, что Тулуза далеко продвинулась в этом направлении. История города, который в первые годы XIII века своею волей и властью провел целую серию вооруженных экспедиций против феодалов округи, добился их капитуляции и закрепил свою победу рядом мирных договоров, продиктованных коммуной местным сеньорам, история города, который своими силами сбросил власть крестоносцев, своею властью раздвинул границы городской территории, подчиненной консулату и системе коммунальных вольностей, и, воспользовавшись затруднениями графской власти, вырвал у нее неслыханно широкие уступки,—история такого города, безусловно, дает основания для подобного вывода.

Вместе с тем, город, столь ярко проявивший себя в освободительной коммунальной борьбе, должен был иметь, очевидно, не менее яркую экономическую и социальную историю. И в самом деле, экономическое развитие, соотношение и борьба общественных сил в ранней Тулузе при внимательном изучении обнаруживают незаурядную яркость и оригинальность. Своеобразно и поучительно в истории Тулузы переплетаются черты, отражающие коренные закономерности развития средневекового города в Западной Европе вообще, с чертами, присущими именно провансальскому Югу, городам с античной предысторией, и, наконец, с неповторимыми особенностями, свойственными именно этому городу. Анализ экономической и социальной истории такого города может позволить не только выявить региональную типологическую специфику (что само по себе весьма важно в методологическом отношении), но также полнее раскрыть общие закономерности средневекового городского развития и глубже понять соотношение в нем общего и особенного.

Есть еще одна причина, настоятельно побуждающая к пристальному изучению истории средневековой Тулузы. В своем стремлении доказать прямолинейную и гармоническую непрерывность исторического развития вообще и развития города в особенности сторонники континуитизма чаще всего апеллируют к истории городов Южной Европы, обладавших значительным античным наследием. Проблеме континуитета в урбанистике нельзя разрешить без анализа и осмысления средневековой истории этих городов, в частности (наряду с итальянскими) городов Южной Франции. А эта задача снова подводит к Тулузе, как одному из типичнейших городов этого региона.

Вот что определило наш выбор предмета исследования. Этим в значительной мере предопределена и его методика. Если перед нами объект, имеющий ключевое значение для данной проб-

¹ Ph. Wolff. *Chronique d'histoire toulousaine*. — AM, 1955, p. 177.

лемы, необходимо, как любил поворачивать Евгений Алексеевич Косминский, тщательно рассмотреть его через увеличительное стекло. Именно это мы и стремились сделать в отношении краеугольных моментов экономического и социального развития Тулузы XI—XIII веков. При этом мы старались рассматривать их не изолированно, а, насколько возможно, в связи и на фоне общих процессов и особенностей данного региона. Всюду мы искали возможности сопоставить тулузский материал с аналогичным материалом других городов Лангедока, Прованса, частично — Аквитании, изредка — с материалом городской истории других областей Европы.

* *

Казалось бы, история такого города должна была уж давно привлечь внимание медиевистов. Между тем сколько-то серьезное изучение экономической и социальной истории Тулузы (как, впрочем, и подавляющего большинства лангедокских городов) даже во французской историографии началось только в самые последние десятилетия. На фоне монблана литературы, которая посвящена скрупулезному изучению истории северо-французских городов — больших, малых и даже мельчайших, — неизученность южных зияла почти полностью пустотой¹.

Но отставание в изучении истории южнофранцузского города вообще и Тулузы в частности проявилось не только в малочисленности относящихся сюда исследований, но и в их односторонности, определенной методологической архаичности даже в рамках буржуазной историографии. На примере Тулузы это особенно заметно. Нам не может удивлять односторонняя политическая ориентированность работ старинных эрудитов², тем более, что лучшим из них, например Кателью, она не помешала проявить немало исторического чутья, наблюдательности и определенной широты взгляда, а присущие им недостатки во многом искупа-

¹ Мы не можем здесь входить в подробное рассмотрение причин этого странного явления. Южные историки отмечали его многократно и с горечью. (См., например, предисловие Р. Обенаса к работе G. Le Bellegou-Beguin. *L'évolution des institutions municipales toulonnaises*. Aix-en-Provence, 1959). Позднее, горячо приветствуя работу М. Кастэн-Сикар (см. ниже) как первое основательное исследование истории средневекового южнофранцузского права, тот же историк готов был искать истоки этого диссонанса еще в драматических событиях альбигойской эпопеи и в их последствиях (R. Aubenas. *Autour de l'ancien droit toulousain*. — AM, 1960). И подобные соображения высказываются не впервые. Каковы бы ни были причины этого несомненного и долгого равнодушия французской историографии к истории Юга вообще и южного города в частности, не подлежит сомнению, что оно немало обеднило и французскую науку и общесвропейскую урбанистику.

² G. Catel. *Histoire des comtes de Toulouse*. T., 1623; id. *Mémoires d'histoire de Languedoc*. T., 1633; G. La Faille. *Annales de la ville de Toulouse depuis la réunion de la comté de Toulouse à la couronne*. T., 1687.

ются грандиозностью осуществленного замысла и обилием опубликованных источников. (Это особенно относится, разумеется, к Клоду Девигу и Жану Вэссету).

От XIX века можно было бы ожидать большего. Ведь при всей коммунально-исторической ограниченности научных интересов школы О. Тьерри она смогла дать и такие ценные локальные исследования, как работы Александра Жермена о Монпелье¹. Но А. Дюмеж в своем четырехтомном сочинении² еще вдохновлялся духом прошлого, с его пиететом перед тулузским «Капитолием» и «господами капитулами», и, несмотря на отдельные любопытные наблюдения, в целом остался в плену старого исторического мышления, почти и не стремившегося проникнуть глубже поверхности политических событий. Не слишком много ушли вперед и историки, осуществившие второе издание знаменитой многотомной серии бенедиктинцев³. Работа, проделанная ими по разысканию и опубликованию источников, по исправлению, уточнению и дополнению исторических сведений, сообщенных первоначальными авторами, колоссальна. Но их комментарии, хотя и свободные от прямой конфессиональной окраски и наивной доверчивости бенедиктинцев и несравненно лучше фундированные, лишь в отдельных случаях (Эдуар Барри, Огюст Моллинье) значительно выходят за рамки старых научных интересов и возвышаются над старой ограниченностью исторического мышления.

В XX веке первым заметным событием в историографии Тулузы явилась публикация Руже Лимузен-Лямота «Тулузская коммуна и источники по ее истории (1120—1249)»⁴. Впервые (если не считать «Тулузских графов» Кателя) история докоролевской Тулузы стала объектом специального исследования. Но и эта работа в основном привязана к узкой сюжетике муниципальной истории в старом понимании. Экономическому и социальному развитию города здесь уделены считанные страницы. Не удивительно, что Жорж Эспинас и Марк Блок откликнулись на появление этой книги критическими рецензиями: совсем как у старых авторов, в ней нет ни экономики, ни живой социальной борьбы, ни самих людей. Автор не делает ни шагу вглубь от XII века. Склоняясь к ложному представлению о возникновении коммуны из эволюции феодальных учреждений, он не выясняет той экономической и социальной среды, которая порождала но-

¹ A. Germain. Histoire de la commune de Montpellier, t. 1—3. Montpellier, 1851; id. Histoire du commerce de Montpellier, t. 1—2. Montpellier, 1861.

² A. Du Mège. Histoire des institutions religieuses, politiques, judiciaires et littéraires de la ville de Toulouse; t. 1—4. T., 1844.

³ Histoire générale de Languedoc; par Cl. Devic et J. Vaissete. Nouvelle édition; t. I—XVI. T., 1872—1902.

⁴ R. Limouzin-Lamothe. La commune de Toulouse et les sources de son histoire (1120—1249). T.—P., 1932.

вое право¹. При всей справедливости этой критики, необходимо отметить важную заслугу Лимузен-Лямота: в своей книге он впервые опубликовал тексты тулузского муниципального картулярия, точнее двух картуляриев консулата—Бурга и Ситэ. Значение этой публикации переоценить невозможно².

Насколько проделанная к этому времени работа была недостаточна, показала вышедшая в 1942 году упомянутая выше работа Андреэ Дюпона, в которой автор пытался дать всестороннюю историю городов Первой Нарбоннской провинции от падения Римской империи до XII века включительно. Поскольку в том, что касается Тулузы, автор опирался почти исключительно на работу Р. Лимузен-Лямота, развитие (особенно социально-экономическое) этого города здесь представлено весьма бледно.

Дальнейшее серьезное изучение средневековой Тулузы, особенно ее социально-экономической истории, связано (более всего) с научной деятельностью ученика Марка Блока, профессора Тулузского университета, Филиппа Вольффа и его учеников. Интересы самого Ф. Вольффа сосредоточены главным образом на экономической истории столицы Лангедока в XIV—XV вв., которой он посвятил два капитальных исследования³. Но интересы своих учеников он постарался направить также в область ранней истории средневековой Тулузы. Здесь прежде всего следует отметить две дипломные работы, выполненные под его руководством и напечатанные Тулузским университетом (к сожалению, только в машинописи) в 1948 году. Одна из них, опирающаяся на материал муниципального архива, посвящена истории знатного рода тулузских патрициев Руайсов⁴, а другая представляет собою попытку дать набросок общего хода социально-экономического развития Тулузы в XI—XIII вв.⁵ Хотя, ввиду сравнительно небольшого объема, эта последняя работа отличается сжатостью и суммарностью, существенно отметить, что ее автор, П. Суйри, стремился найти ответы на вопросы, выдвигаемые экономической и социальной историей города, в анализе развития производительных сил деревни и возникающего ремесленно-торгового центра, а также — в соотношении борю-

¹ G. Espinas. Histoire urbaine. — ANES, 1933; M. Bloch. Compte rendu. — MA, 1934, № 3.

² Следует отметить также примыкающую к первой работе того же автора: R. Limouzin-Lamothe. Bibliographie critique de l'histoire municipale de Toulouse des origines à 1789. T.-P., 1932.

³ Ph. Wolff. Commerces et marchands à Toulouse (vers 1350 — vers 1450). P., 1954; id. Les «Estimes» toulousaines des XIV-e et XV-e siècles. T., 1956. Сосредоточившись на локальных исследованиях, Ф. Вольфф усматривает свою задачу в том, чтобы, учитывая все многообразие местных особенностей, схватить данное историческое явление в его целостном виде. (См. Ph. Wolff. Corps de métiers au Moyen Age. — AM, 1959, p. 299).

⁴ A. Caramel. Les Rouais. T., 1948.

⁵ P. Souyri. L'évolution économique et sociale de Toulouse du XI-e siècle à 1270. T., 1948.

щихся социальных сил. В 1954 году появилась работа другого молодого историка Жана Копполани,—первая попытка исторической географии Тулузы¹. Годом раньше вышло основательно фундированное архивными источниками исследование Жермена Сикара о мукомольном промысле в средневековой Тулузе и о знаменитых тулузских мельничных товариществах².

Самым значительным событием в новейшей историографии докоролевской Тулузы несомненно явилась работа Джона Манди «Свобода и политическая власть в Тулузе от 1050 до 1230 года»³. Ученик О. П. Иванса, профессора Колумбийского университета (США), Манди провел несколько лет в Тулузе, занимаясь, опять-таки под руководством Ф. Вольфа. Его книга привлекает внимание не только значительностью использованного архивного материала, но главное, гораздо более глубоким подходом к рассматриваемым историческим явлениям. Здесь уже есть и живые люди, и отдельные семьи, и социальные группы населения. В связи с этим автору удалось сделать ряд интересных наблюдений (в частности, он первым заметил смену социальной группировки у кормила консульской власти в самом начале 1200-х годов) и, быть может не бесспорных, но несомненно любопытных частных выводов (например, о «новом патрициате», хотя эта идея и самый термин встречаются уже у А. Пиренна).

Но не социальная и не экономическая история города интересовали автора. Его внимание сосредоточено на эволюции политических и административных учреждений (консулат, его юрисдикция, соотношения его власти с властью тулузского графа, с властью графского викария и так далее). Более того, даже в тех случаях, когда исследователь обращается к вопросам социально-экономического развития, при всей, казалось бы, трезвости его взгляда обнаруживается, что соотношение общественных сил он мыслит в духе теории подчиненных условий на службе политической власти, а их социальную весомость определяет значительностью тех «услуг», которые они оказывают этой власти. Не удивительно, что он склонен преувеличивать историческую роль верхних общественных слоев, особенно дворянства, и явно недооценивать социально-творческую роль горожан вообще и особенно городской ремесленной массы. И хотя автор стремился учесть воздействие социальных отношений на отношения политические, политико-юридический угол зрения и у Манди вновь, как и у старых авторов, обусловил отнесение первых и незакономерное преувеличение роли и значения вторых. В итоге история политических и административных институтов и юридических взаимоотношений опять заслонила три четверти горизонта

¹ J. Coppolani. Toulouse. Etude de géographie urbaine. T., 1954.

² G. Sicard. Aux origines des sociétés anonymes. Les moulins de Toulouse au Moyen Age. P., 1953.

³ J. Mundy. Liberty and political power in Toulouse 1050—1230. N. Y., 1954.

(если не более), и даже в том, что относится к социальной истории, подход историка зачастую оказывается новым перепевом старых концепций: юрицизм, изгоняемый в дверь, втупокается в окно.

Дж. Манди—не единственный ученик Иванса, направленный им в Южную Францию и именно в Тулузу. Американский историк давно оценил богатство и ценность того материала, который заключает в себе средневековая история столицы французского Юга. Еще до второй мировой войны начала работу в тулузских архивах Мери Эмброуз-Мюльхолланд, сосредоточившая свое внимание на истории ремесла. Итогом ее разысканий явилась публикация большого консульского репистра тулузских ремесел (последняя треть XIII—первая четверть XIV века), которой предпослано авторское Введение¹ и, позднее,—публикация интереснейшего постановления тулузского консулата по делам сукноделия от 1227 года, юпать-таки сопровождаемая вводной статьей². Если ценность этих публикаций, выполненных на хорошем научном уровне, без преувеличения исключительна велика, то, к сожалению, этого нельзя сказать об авторском анализе: имея перед собою редкие по своей содержательности исторические документы, взгляд историка скользит по поверхности явлений, а «привычность» для автора буржуазных отношений мешает ему заметить и оценить всю новизну и своеобразие явлений, запечатленных в документах эпохи.

В 1959 году в Тулузе вышла упомянутая выше большая работа Мирей Кастэн-Сикар (также ученицы Ф. Вольфа), посвященная средневековому тулузскому праву³. Работа эта не только имеет непосредственно юридическую тематическую направленность, но и задачей своей ставит в значительной степени разрешение старых споров об источниках южно-французского права (римских, писаных и варварских, «кутюмных»), об их соотношении, мере их влияния и так далее. Но поскольку автора в первую очередь интересовали частно-правовые отношения и наиболее массовидные сделки с имуществом, с использованием рабочей силы и услуг, постольку, при всем юрицизме, она не могла так или иначе не обратиться широко к сфере социально-экономических отношений, хотя и рассматриваемых в юридическом плане, не собрать на этот счет большого фактического материала. В юбилей этого материала, на наш взгляд, заключается главная ценность этой книги.

Целый ряд южнофранцузских историков (Ш. Игунэ, Ф. Деляроель, П. Урлиак, М. Кастэн-Сикар и другие), группирующихся

¹ M. A. Mulholland. Early guild records of Toulouse. N. Y., 1941.

² Sister Mary Ambrose. Statutes on clothmaking. T., 1227. (Essays in medieval life and thought, presented in honor of Austin Patterson Evans. N. Y., 1955).

³ M. Castaing-Sicard. Les contrats dans le très ancien droit toulousain (XI—XIII siècle). T., 1959.

вокруг выходящего в Тулузе журнала «Анналы Юга» (*Annales du Midi*), одним из главных руководителей которого является Ф. Вольфф, ведет большую работу по дальнейшему изучению средневековой истории Тулузы и ее окружения.

Попытаемся подвести некоторые итоги этого краткого обзора. За последние полтора десятилетия изучение истории средневековой Тулузы значительно продвинулось вперед—как по широте привлеченного материала, так и по глубине его анализа¹. И все-таки юридизм, присущий буржуазному историческому мышлению, остается здесь доминирующей чертой, как в сюжетике исследований, так и в истолковании исторических явлений. Многие коренные вопросы: о возникновении средневекового города и роли ремесла в этом процессе; о складывании рынка сельскохозяйственных продуктов и его связи с системой феодальной эксплуатации, господствовавшей в феодально-поместном хинтерланде города; о характере сеньориальных монополий и сеньориальной торговли; вопрос о политико-экономической сущности городского ремесла, о борьбе в нем цеховых и антицеховых тенденций и о причинах известного отставания и незавершенности процесса корпоративного сплочения тулузских ремесел; о формах и экономической сущности частичного подчинения мелких ремесленников «суконщиками»; о закономерностях складывания социальной структуры раннего города и о роли различных элементов в этом процессе; об экономической основе социальной общности горожан как общественного слоя, об особенностях и этапах классовой борьбы в раннем городе этого типа, об источках патрициата в городах с античной предысторией и причинах превалирования в нем землевладельческих элементов; о причинах известного стирания основной обособленности дворянства в городах этого типа, вообще об особенностях развития средневековых городов с античной предысторией и о реальном содержании их античного наследия,—эти и другие относящиеся сюда вопросы либо едва затрагиваются, либо истолковываются в идеалистическом, юридическом плане, либо, чаще всего, вообще остаются за пределами поля зрения буржуазных историков.

При этом экономика, как правило, истолковывается чисто квантитативно, и, соответственно, объективные истоки социальных антагонизмов ускользают от внимания или истолковываются поверхностно—в чисто политическом, юридическом или фискальном плане, а потому в сущности остаются не раскрытыми, их объективная необходимость, их движущая роль в городском развитии затушевываются. В итоге городское развитие в целом приобретает односторонний, плавно-эволюционный или служеб-

¹ Это относится почти только к истории Тулузы. Что касается других городов Лангедока, то в их историографии трудно отметить сколько-то существенные сдвиги, и изучение их средневековой истории зачастую до сих пор остается на уровне 80-х, а то и 40-х годов прошлого столетия.

но-функциональный характер—в отношении права, политической власти и господствующего феодализма. Естественно, что при этих условиях нельзя ждать научного разрешения сложных проблем истории раннего города, тем более—в регионе, обремененном очень значительным наследием, оставленным предшествующей эпохой. К решению этих проблем нас может приблизить только марксистско-ленинский диалектический метод. Вышесказанным определяются и основные задачи предлагаемого исследования.

* *

Что представляет собою тот круг важнейших исторических источников, на который опирается это исследование? Хотя его основу составляет актовый материал частноправового характера, в силу их исключительного значения в данном случае необходимо прежде всего назвать два собрания публичноправовых актов. Это два картулярия тулузского консулата, опубликованные Р. Лимузен-Лямотом¹ и негдо упомянутые выше. В ющей сложности они содержат 112 документов, охватывающих период от начала 20-х годов XII до середины XIII столетия. При всей неполноте этих кодексов, вместе с городом переживших весьма сложную историю, их содержание драгоценно не только для историка коммунального движения и консульской политики, но в меньшей степени—для историка социального и экономического развития раннего города. И именно с этой стороны они до сих пор остаются наименее изученными.

Что касается собраний частноправовых актов, то здесь первое место несомненно принадлежит Картулярию Сен-Серпенского аббатства (в тулузском Бурге), изданному Селестеном Дуэ². Картулярий содержит 685 грамот, начиная от 944 года почти до конца XII века, к которому относится большая часть входящих в это собрание документов; кроме того, С. Дуэ в приложении опубликовал еще 87 актов, имеющих отношение к истории знаменитого аббатства, но не вошедших в его картулярий. Все это, как правило, незаменимый материал не только для изучения аграрных отношений в Тулузене и особенно в тулузской городской округе, но также для выяснения эволюции земельных отношений в городе, развития городского землевладения и складывания городского патрициата.

В этом же плане материал картулярия дополняют две рукописные юписи актов из тулузского департаментского архива Верхней Гаронны, составленные в XVIII веке архивариусом

¹ Cartulaire du Bourg; Cartulaire de la Cité; publ. par R. Limouzin-Lamothé: La commune de Toulouse et les sources de son histoire (1120—1249). T.—P., 1932.

² Cartulaire de l'abbaye de Saint-Sernin de Toulouse (844—1200); publ. par C. Douais. P.—T., 1887.

Клодом Крести и содержащие инвентари актов Сен-Серненской церкви (два тома) и Сент-Этьенского кафедрального собора в Сите (также два тома)¹.

К этой группе источников примыкает несколько картуляриев крупнейших внетулузских духовных и светских феодальных сеньорий: в первую очередь картулярий Конкского аббатства св. Веры в Руэрге, изданный Гюставом Дежарденом², и картулярий основанного Домиником Гусманом Пруильского аббатства, изданный Жаном Гиро³. Особенная ценность этих картуляриев как исторических источников определяется также тем, что, тогда как актовый материал Сен-Серненского картулярия в основном относится к XII веку, материал Конкского сосредоточен главным образом в XI, а Пруильского—в XIII столетии, что дает возможность раздвинуть хронологические рамки наших представлений об эволюции аграрных отношений в этом районе. Кроме того, в силу указанной особенности, данные Конкского картулярия, особенно содержащиеся в нем грамоты эпохи Клунийской реформы, в сопоставлении с другими данными, позволяют глубже заглянуть в предысторию тулузского землевладельческого патрициата и, значит, в социальную предысторию средневековой Тулузы в целом. Насколько нам известно, для этих целей материал данного картулярия до сих пор никем не использовался.

Для аграрной истории, а частью для истории внутригородских социальных отношений в XIII веке определенное значение имеют «Документы по истории Лангедока», изданные С. Дуэ⁴, особенно содержащийся в них Инвентарь имуществ Сен-Серненского аббатства, составленный в 1246 году, а также инвентари городских религиозных братств. Некоторые любопытные сведения о феодальных отношениях в XIII веке дает также картулярий рода крупных светских сеньоров Тулузена—Аламанов⁵.

Не только для изучения деревенской периферии, питавшей городской рынок сельскохозяйственных продуктов, но и для выяснения некоторых важных моментов социального и экономического развития города ценный материал содержат карту-

¹ Répertoire des titres et documents concernant les donations... et divers autres droits appartenants à l'august, vénérable et ancien chapitre de Saint-Sernin; Répertoire des titres et documents concernant les biens et droits du Chapitre de Saint-Etienne de Toulouse. (Archives départementales Haute-Garonne).

² Cartulaire de l'abbaye de Conques en Rouergue; publ. par G. Desjardins. P., 1879.

³ Cartulaire de l'abbaye de Notre-Dame de Prouille; publ. par J. Guiraud; t. I—II, P., 1907.

⁴ Documents sur l'ancienne province de Languedoc; publ. par C. Douais, t. I—II. T.—P., 1901—1904.

⁵ Un cartulaire et divers actes des Alaman, des de Lautrec et des de Lévis; publ. par E. Cabié et L. Mazens. T., 1882.

лярии духовно-рыцарских орденов, тулузских приоратов госпитальеров и тамплиеров¹. Но особенно велико значение того огромного собрания актов, которые опубликованы в многотомной серии «Всёобщей истории Лангедока» бенедиктинцами и их продолжателями (2-е издание, см. выше)—в I, II, III и особенно в V, VIII и X томах, а также—того множества документов по средневековой истории Тулузена и Лангедока, которые можно найти среди других актов из французского Национального архива, которые опубликованы А. Тёле в многотомной серии «Ларцев сокровищницы хартий»². Значительный материал по экономической истории эпохи содержат и те многочисленные каталоги актов, главным образом епископств (например, Нарбоннского, Безьерского) и аббатств (Лезатского, Грансельв, Лаграсс), которые приложены к указанным томам бенедиктинской серии.

Что касается документов, исходящих от графской власти, то, помимо того, что содержится в вышеперечисленных картуляриях, лучшей является двухтомная публикация «Административной переписки Альфонса Пуатье», выполненная Огюстом Молинье³, богатая материалом по различным вопросам⁴. Для предшествующего периода—правления Сен-Жильского дома—подобные публикации, к сожалению, отсутствуют, и лучшим является только Каталог актов Раймунда V, изданный Э. Леонаром⁵. Гораздо менее богат содержанием Каталог актов Симона и Амори де Монфор, составленный О. Молинье⁶, но и в нем можно найти любопытные моменты. Для королевской эпохи (рубеж XIII и XIV веков) отдельные весьма интересные сведения содержат финансовые отчеты Тулузского сенешальства, содержащиеся в большой публикации «Королевских счетов книг», осуществленной Робером Фавтье и Ф. Майяром⁷. Поставленные в связь с более ранними данными, эти, казалось бы, отрывочные сведения порою проясняют многое.

Для истории торговли и внешних связей ценный материал содержит «Тулузский лейдариий» конца XIII—начала XIV века,

¹ Cartulaire de l'Ordre de Malte; publ. par A. Du Bourg: Ordre de Malte; histoire du grand-prieuré de Toulouse. T., 1883; Cartulaire général de l'Ordre de Temple, 1119?—1150; publ. par d'Albon. P., 1914.

² Layettes du trésor des chartes; publ. par A. Teulet; t. 1, 2, P., 1863—1866.

³ Correspondence administrative d'Alfonse de Poitiers; publ. par A. Molinier; v. 1, 2. P., 1894—1900.

⁴ Теперь ее дополняют Enquêtes administratives d'Alfonse de Poitiers, éd. par P.-F. Fournier et P. Guébin. P., 1959.

⁵ Catalogue des actes de Raimond V, comte de Toulouse; publ. par E. Léonard. Nîmes, 1932.

⁶ Catalogue des actes de Simon et Amauri de Montfort. — BEC, 34; 1873.

⁷ Comptes Royaux; publ. par R. Fawtier et F. Maillard; v. 1—3. P., 1953—1956.

опубликованный Филиппом Вольффом¹, и ряд документов из большого собрания актов английских королей и их чиновников по делам Гасконии — «Гасконских свитков»².

Для истории тулузского ремесла (кроме самого раннего периода) опромный материал содержит консульский регистр ремесленных статутов, изданный М. Э. Мюльхолланд и опубликованное ею же уникальное по своему значению постановление тулузского консулата 1227 года (см. выше). Мы стремились дать возможно более полную обработку этого ценнейшего материала.

Из юридических памятников для нашей задачи наибольшее значение имел Тулузский кутюм³. Хотя он получил легальную силу (королевскую санкцию) сравнительно поздно (в 1286 году), он отразил отношения, сложившиеся гораздо ранее, и целый ряд его пунктов, позволяя проследить связь с более ранними документами, бросает ретроспективный свет на предшествующее развитие. Кроме того, для сопоставления мы обращались также к Кагорскому кутюму⁴.

Что касается нарративных источников, то наиболее существенные данные по интересующим нас вопросам содержат хроники периода Альбигойских войн: Пьера де Во-Серней⁵, еще более — Гильема де Пуилоран⁶, как теперь можно считать твердо установленным, — коренного тулузца⁷, а также провансальская хроника в стихах «Песнь о крестовом походе против альбигойцев»⁸, хотя наиболее вероятный автор ее первого тома — Гильем из Туделы не был тулузцем, вообще в Лангедоке был человеком новым⁹, и потому, при всей ценности многих сообщаемых им сведений, к ним (особенно во всем том, что относится к внутренней жизни Тулузы) следует относиться осторожно, по возможности проверяя их данными других источников и во всяком случае не полагаясь на них с такою доверчивостью, какую

¹ Un leudaire de Toulouse. — AM, 1956.

² Rôles Gascons; publ. par F. Michel; t. I, II. P., 1885—1900; Gascon Rolls, preserved in the Public Record Office, 1307—1317, ed. by Y. Renouard under the supervision of R. Fawtier. L., 1962.

³ Coutumes de Toulouse; publ. par A. Tardif. P., 1884.

⁴ Coutumes de Cahors; publ. par E. Dufour: La commune de Cahors au Moyen Age. Cahors, 1846.

⁵ Petrus Vallium Cernaii. Historia albigensium; éd. Migne. Patrologia latina, t. CCXIII.

⁶ Guillelmus de Podio Laurentii. Chronica. Publ. par Beyssier, P., 1904.

⁷ Y. Dossat. Le chroniqueur Guillaume de Puylaurens était-il chapelain de Raymond VII ou notaire de l'Inquisition toulousaine? — AM, 1953.

⁸ Chanson de la Croisade contre les Albigeois; publ. par P. Meyer; t. 1, 2. P., 1875—1879. Chanson de la croisade Albigeoise, publ. par E. Martin-Chabot, vol. 1—2. P., 1931—1957.

⁹ E. Martin-Chabot. La Chanson de la croisade Albigeoise. P., 1931, t. I, Intr., p. VIII; Ch. Higounet. A propos de Guillaume de Tudele. — AM, 1938, p. 376—379.

проявил в этом отношении Эрнест Росшаш¹, а в новейшее время Томас Биссон².

Другие источники (картулярии, собрания актов, каталоги, хроники), привлекаемые в работе лишь во вторую очередь или эпизодически, отмечены в тексте.

Руководящей методологической идеей в нашем исследовании послужит концепция средневекового города, выработанная Марксом и Энгельсом на основе применения диалектико-материалистического метода к истории европейского средневековья. Эта концепция обогащалась, но сохраняла присущую ей научную стройность и цельность, — достаточно сопоставить такие, хронологически далеко друг от друга отстоящие работы, как «Немецкая идеология», Подготовительные работы к «Капиталу», статья «О разложении феодализма и возникновении национальных государств».

Исходной точкой этой концепции было отыскание того главного и определяющего начала, которое действительно создавало город, как общественное явление, противостоящее деревне, клало между ними линию реального разграничения, придавало городу прочную устойчивость и способность к самостоятельному развитию во взаимодействии с деревней. Они нашли это создающее начало в великом общественном разделении труда — отделении промышленного труда от земледельческого и в обособлении его (в форме независимого ремесла) в качестве самостоятельной экономической сферы, противостоящей сельскому хозяйству и вступающей в связь с ним через посредство товарного обмена. Поэтому они решительно отбросили попытки вывести средневековое городское развитие непосредственно из городских образований давно ушедшей эпохи.

При этом отделение города от деревни, выделение самостоятельного ремесла и торговли в конкретных условиях феодального общества, в котором этот процесс впервые совершался с такою глубиной и интенсивностью, не было неким чисто «хозяйственным» изменением. Оно было порождено глубокими сдвигами в развитии производительных сил феодального общества и в свою очередь само породило глубочайшие перемены в экономике, социальной структуре, политической, идейной и культурной жизни этого общества. Оно было порождено коренными противоречиями самого феодального способа производства. Это была единственно возможная в рамках господствующего феодализма форма освобождения труда от власти крупного землевладения. Это было рождение в условиях феодализма новых, нефеодалных отношений собственности, основанных не

¹ E. Roschach. Quelques données sur la vie municipale à Toulouse tirées de la Chanson de la Croisade contre les Albigeois. — MAST, 1897.

² Th. Bisson. Assemblies and representation in Languedoc in the thirteenth century. Princeton, 1964, p. 36—37, n. 62.

на землевладении, а на труде и обмене, на обладании не землей, а мастерством, товарами и деньгами.

Преобразование вчерашнего феодально-зависимого земледельца в самостоятельного городского ремесленника или торговца было лишь реализацией тех внутренних потенций, которые были присущи хозяйству зависимого крестьянина, но были скованы крупным землевладением, с которым крестьянское хозяйство в системе поместья было связано неразрывно. Реализовать эту присущую любому мелкому производству тенденцию к самостоятельности, порвать узы феодальной зависимости и эксплуатации крестьянин мог, только порвав с землей (а значит, и с земледелием). Вот почему Маркс и Энгельс отмечали, что вчерашние зависимые крестьяне, переселившись в город, продолжали здесь свой прежний способ труда, лишь освободив его от прежних уз. И вместе с тем они подчеркивали, что такое переселение, превращение в независимых ремесленников и торговцев означало разрыв с феодальной системой. Старый способ труда (мелкое производство), освобожденный от уз поземельной зависимости и феодальной эксплуатации, был уже фактически новым способом труда, с новой структурой производственных отношений и отношений собственности (простое товарное производство), которая уже не укладывалась в систему эксплуататорских отношений феодального поместья.

Качественную новизну и историческое значение того экономического явления, которое возникло с отделением города от деревни, можно правильно понять и оценить, только исходя из Марксова учения о феодальном способе производства как об особой эксплуататорской системе производства, которая базируется на земледелии и своей основной ячейкой имеет поместье как противоречивое единство крупной земельной собственности и мелкого производства. Там, где это единство расторгалось, где мелкое производство сбрасывало с себя зависимость от крупного землевладения, там уже не могла осуществляться феодальная эксплуатация. Независимое, самостоятельное мелкое производство в промышленности—простое товарное производство—являло собою уже иной тип производственных отношений и отношений собственности.

Свой строгий экономический анализ Маркс и Энгельс не вырывали из исторического контекста. Они отмечали, что новые отношения собственности, оторвавшись от феодальных и противопоставив себя им, вместе с тем в условиях феодального общества сами вскоре должны были принять как бы феодальную форму. Новое, возникнув, взаимодействует с еще господствующим в целом старым, из которого оно вышло, и влияния этой старой среды никоим образом нельзя сбрасывать со счетов. Но в отличие от вульгарного мышления, которое замечает главным образом лишь лежащие на поверхности проявления старого, а в новом

видит только одно из проявлений, несущественную акциденцию старого,— научный метод Маркса и Энгельса решительно выделяет новое, главное, ведущее и четко отделяет его от старого и второстепенного, отыскивая действительное направление заметного или поверхностного движения. Известное приспособление возникшего нового к еще господствующему вне его старому не может изменить сущности нового. Определенное обволакивание имеет место, но это—лишь как бы феодальные формы.

В «Формах, предшествующих капиталистическому производству», в Подготовительных работах к «Капиталу», в недавно опубликованной рукописи «Машины. Применение природных сил и науки» К. Маркс дал глубокий анализ средневекового городского ремесла как особого типа производства. Здесь производитель был одновременно также и собственником средств производства и продукта труда. Отношения эксплуатации здесь были невозможны (покуда эта форма действительно сохранялась). В социальном и политическом отношении труд достиг здесь самого высокого положения, какое было возможно в ту эпоху. Цеховые союзы и цеховая регламентация были выражением необходимых тенденций мелкого товарного производства к профессиональному сплочению в условиях феодального произвола, силы купеческого капитала и крайней узости рынка. Это был способ самозащиты мелких производителей, скроенный на феодальный—монопоольный, корпоративный, иерархический лад. Именно в этом, широком, несобственном смысле слова Маркс и Энгельс называли цехи феодальной формой организации промышленности. Что это именно так, что они вовсе не имели в виду, будто в цехах господствовало феодальное производство, феодальный антагонизм и феодальная эксплуатация, ясно свидетельствует и Марксов анализ экономической структуры ремесленного производства, и его выводы о том, что цехи были формой, в которой труд освобождался от господства земельной собственности, и что не может быть ничего более ошибочного, чем думать, будто цеховая организация ремесла означала для ремесленников какую-то «несвободу». Маркс подчеркивал прогрессивное и революционное значение раннего цехового ремесла.

Четкое выведение мелкотоварного ремесла, как особого экономического типа, в качестве основы всего средневекового городского развития позволило Марксу и Энгельсу понять истоки и оценить историческое значение антифеодальных тенденций, прогрессивных и революционных импульсов, присущенных в феодальное общество средневековыми горожанами, их способом труда, новыми формами собственности, пивелирующей силой принадлежащих им денег, их освободительным коммунальным движением и коммунальной независимостью, породским правом, судом и войском, их новыми интересами. Вместе с тем они обра-

щали внимание на ограниченность антифеодальных тенденций средневекового бюргерства¹.

Только концепция Маркса и Энгельса дает ключ к постижению того поразительного взлета, который пережила Европа в XII—XIII вв. Глубоко преобразив ее экономический, социальный, политический и культурный облик еще в рамках феодальной формации, этот сдвиг подготовил возможность того еще более значительного переворота, который совершился в XVI—XVII вв. и вывел ее из феодализма.

Путеводной методологической нитью в этом исследовании нам служили также идеи В. И. Ленина, развившие и обогатившие Марксову концепцию феодального способа производства: о земледельческих и землевладельческих основах этого строя, об имманентно присущей ему системе «наделения», о хозяйстве феодально-зависимого крестьянина как неотъемлемой составной части поместья; об экономической сущности крестьянского надела; а также ленинские идеи о товарном обращении как необходимой предпосылке товарного производства; о простом товарном производстве как особом экономическом укладе, который нельзя смешивать ни с феодализмом, ни с капитализмом, и о присущих ему закономерностях развития, о путях проникновения в эту среду купеческого капитала и о возникновении здесь зачаточных форм капиталистической эксплуатации мелкого товаропроизводителя. Глубже понять сложную и еще очень диффузную социальную структуру раннего периода и его социальную динамику нам помогало ленинское учение о классах и классовой борьбе. Постоянным методологическим компанасом нам служила марксистско-ленинская диалектика, особенно ленинская концепция движения как неразрывного единства прерывности и непрерывности².

*Анализируя явления экономической и социальной жизни раннего города и их отражение в учреждениях и праве, мы стремились обнаружить лежавшую в них подоснову борьбу интересов различных социальных слоев и групп, порожденную противоречиями экономического развития раннего периода в условиях феодализма. За сложным ходом этого развития мы стремились вы-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. *Немецкая идеология*; К. Маркс. *Нищета философии*; *Капитал*, т. I, III; *Формы, предшествующие капиталистическому производству*; Подготовительные работы к «Капиталу»; *Машины*. Применение природных сил и науки; Письмо к Ф. Энгельсу от 27 июля 1864 г. Ф. Энгельс. *Происхождение семьи, частной собственности и государства*; *Анти-Дюринг*; *О разложении феодализма и возникновении национальных государств*. Юридический социализм.

² См. В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов; По поводу так называемого вопроса о рынках; Экономическое содержание народничества и критика его в книге г-на Струве; Развитие капитализма в России; Демократия и народничество в Китае; О продовольственном налоге; О государстве; К вопросу о диалектике; Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии».

явить могучую творческую силу исторической (прежде всего—экономической) необходимости, которая, различно преломляясь в действиях классов, групп и лиц в данных конкретных условиях, и образует живую и неповторимую ткань данного конкретного исторического процесса.

Что же касается изложения, то автор стремился строить его таким образом, чтобы не только выводы, но и лаборатория исследования была максимально открыта для читателя.

* * *

Закачивая эту работу, я не могу не обратиться мыслью к светлой памяти Евгения Алексеевича Косминского, чья рука впервые ввела меня в увлекательный мир медиевистики, чьи уроки строгого анализа и бережного отношения к историческому материалу, чей научный подвиг всегда останутся для меня вдохновляющим примером. Не могу не выразить глубочайшей благодарности моим учителям—Сергею Даниловичу Сказкину и Александру Иосифовичу Неусыхину, учившим меня двойному (и труднейшему) искусству историка: скрупулезности анализа и широте обобщения—и постоянно помогавшим мне своею дружеской заинтересованностью и поддержкой. Приношу искреннюю благодарность М. А. Баргу, Ю. Л. Бессмертному, А. А. Кирилловой, Л. А. Котельниковой, М. П. Лесникову, В. Ф. Семенову, М. М. Фрейденбергу, В. И. Осипову,—знакомившимся с рукописью этой работы (в целом или в частях) и оказавшим автору значительную помощь своими замечаниями и советами. Не могу не выразить особой благодарности М. М. Ябровой, А. И. Озолину, В. А. Ермолаеву, Т. М. Непуляевой—моим коллегам по кафедре истории средних веков Саратовского университета, чья товарищеская критика и поддержка были незаменимой опорой в моей работе, без которой она едва ли была бы осуществлена. Подготовка этой работы немало способствовала многообразная и безупречная помощь со стороны Т. Д. Никитиной, Р. И. Брио, К. П. Нефедовой, А. А. Симоновой, Т. Г. Мичуриной, и автор считает своим приятным долгом выразить им самую искреннюю благодарность.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТУЛУЗЫ

Что мы имеем в виду, говоря о раннем городе применительно к Тулузе? Не кельтское и не римское прошлое. Но не потому, что это прошлое представляется нам малозначительным. Отнюдь нет. Но потому, что это прошлое представляло собою качественно иной и исторически завершённый этап. Чтобы эта мысль была яснее, следует попытаться кратко обрисовать основные моменты этой досредневековой предыстории Тулузы.

В античной Галлии именно Юг, где ещё в конце II века до н. э. возникла римская Нарбоннская провинция, был районом наиболее интенсивного городского развития¹. Его важнейшей основой явилась широкая хлеботорговля городов этого района². В их числе Тулуза была одним из крупнейших³. Расположенная

¹ Ф. Гансхоф считает, что между Луарой и Рейном в римские времена, за немногими изъятиями, имелись только города второго и третьего ранга. (F. L. Ganshof. Etudes sur le développement des villes entre Loire et Rhin au Moyen Age. Paris-Bruxelles, 1943, p. 11).

² A. Dupont. Les cités de la Narbonnaise Première, depuis les invasions germaniques jusqu'à l'apparition du consulat. Nîmes, 1942, p. 50—51.

³ Её стены III века окружали территорию в 97 гектаров. Для сравнения отметим, что обнесённая стенами территория античного Бордо составляла 32 га, Арля — не превышала 21, Нарбонны — 23, а Марселя — 28 и что даже в XIII веке общая застроенная площадь всех трёх «городов» Марселя равнялась приблизительно 60 гектарам. (F. Lot. Recherches sur la population et la superficie des cités remontant à la période gallo-romaine. P., 1950,

на большой Аквитанской дороге, ведущей от средиземноморского побережья на запад, в глубь Южной Галлии, Тулуза была тесно связана с Нарбонной — центром провинции, портом и важнейшим узловым пунктом Домициевой дороги, главной римской магистрали, соединявшей Италию с Испанией.

Район Верхней Гаронны уже в древности славился своим плодородием. Тулуза служила для римлян важнейшим пунктом продовольственного обеспечения как римских войск, действовавших в Галлии и Испании, так, видимо, и метрополии. Кроме того, в этом районе было развито гончарное ремесло и производство тканей, особенно льняных. Первоначально этот район служил для римлян (как о том свидетельствует Цицерон) важным рынком сбыта итальянского вина, ввозившегося сюда через Нарбонну и далее по Аквитанской дороге. Но уже к концу I века до н. э. провинциалам удалось обросить римский запрет на возделывание лозы и настолько развить у себя производство вина, что оно стало вывозиться не только на Север Галлии, но даже в самую метрополию, где успешно конкурировало с итальянскими винами. Наряду с торговлей хлебом, широкая виноторговля немало способствовала богатению крупнейших городов Провинции¹. По всей видимости, торговые связи римской Тулузы с Нарбонной были достаточно регулярными, если южные ворота города получили название Нарбоннских, а возведенные здесь в конце Римской империи для защиты важнейшей дороги укрепления получили название Нарбоннского замка.

Однако это довольно интенсивное развитие было сравнительно кратковременным. Общий упадок экономической жизни, охвативший римское общество в связи с кризисом рабовладельческого строя, не миновал галльских провинций Империи. Почти повсюду в Галлии (от прирейнских областей до Пиренеев, и далее — в Испании) с конца III века четко обозначаются черты упадка городов: в конце III и в течение IV века возводятся гораздо более тесные стены, чем те, что были построены ранее². Население городов уменьшается, и они уже не в состоянии защищать прежней значительной территории. Так, в IV веке защищенная стенами территория Нима сократилась в 8 раз³; укрепления Отэна окружали уже не 200, а только 11 гектаров; обширнейший прежде Лион свелся к нескольким улицам по берегу

1-re partie, p. 166—167, 174, 177, 312—313, 317, 335—336; G. Lesage. Marseille Angevine. P., 1950, p. 31; P. A. Février. Le développement des villes en Provence. P., 1964, p. 102).

¹ G. Galtier. Le vignoble du Languedoc méditerranéen et du Roussillon. P., 1958, p. 113.

² P. A. Février, p. 43—44, 77, 93, 107, 211. А ведь в некоторых городах стены, возведенные в I веке до н. э., еще во II веке н. э. были снесены и расширены (Ibid. p. 40). См. также: M. Labrousse. Villes romaines du Midi. — AM, 1959, p. 272.

³ F. Lot. Recherches, I, p. 372.

Соны; а территория Нарбонны, по некоторым данным, сократилась до 18 гектаров¹. Города пустеют, съезжаются, хиреют².

Нередко объяснения этому упадку ищут в варварских нашествиях. Действительно, многие города тяжело пострадали от варваров. Но вот любопытный пример, который приводит Ф. Лот. Экс, видимо, в тогдашней Галлии считался значительным городом, если в 374 году здесь была учреждена столица Второй Нарбоннской провинции. Между тем его стены в то время окружали всего 14 гектаров. Несомненно, город замкнулся в таких тесных стенах только в эту эпоху. Но нет никаких данных, чтобы варвары нападали на Экс в III или в IV веке³. Все говорит о том, что в страхе перед варварами замыкались города уже оскудевшие, вынужденные свертывать и свою территорию и линию своих оборонительных сооружений. Очевидно, захирение позднеримских городов было старше варварских нашествий и причины его лежали глубже⁴.

Не подлежит сомнению, что упадок городов был одним из проявлений того общего кризиса рабовладельческой системы, в который вместе с другими западными провинциями Империи в III веке втягивается и Галлия, особенно ее наиболее развитая и романизованная часть — Нарбоннская провинция. Не входя в рассмотрение всей картины этого кризиса, отметим лишь, что он

¹ F. Lot. *La Gaule*. P., 1947, p. 398.

² Отдавая дань известной пиреновской схеме, Фернанд Веркаутерен возразил против преувеличенных представлений об упадке городов в поздней Римской империи, но и он не в состоянии отрицать факт этого упадка, (F. Vercauteren. *Etude sur les civitates de la Belgique Seconde*. Bruxelles, 1934, p. 378—379, 400). Еще более настойчиво развивая аналогичные идеи, М. Роблен на материале Парижа пытался обосновать выдвинутый им тезис о том, что стены очень малого периметра, возведенные в период упадка Империи, окружали не города, а только цитадели (M. Roblin. *Cités ou citadelles*, p. 301—311). Не входя в подробное рассмотрение этого тезиса, сделаем только два замечания. Первое: если это предположение допустимо в отношении Парижа (территория Ситэ — 9—10 га) и некоторых других городов со столь же тесными укреплениями, то оно совершенно непригодно не только для Тулузы и равновеликих ей городов, но и для таких, как Реймс (20—30 га), Орлеан (25 га), Бордо (32 га) и многих других с не очень большою, но все-таки не крепостною территорией римских ситэ. И второе: если принять этот тезис, то почему же большие, жизнеспособные города подставляли себя под удары варваров, будучи в состоянии укрепить только малые цитадели? М. Роблен полагает, что это никак не связано с экономическим и демографическим состоянием городов и не свидетельствует об упадке Империи — вся беда в военных и бюджетных затруднениях правительства (*ibid.*, p. 311). Нужно ли доказывать, что этот ответ опрокидывает построение автора убедительнее, чем это могли бы сделать десять контргипотез.

³ F. Lot. *Recherches*, I, p. 436, 438.

⁴ «Если уже с последней четверти III века и затем на протяжении столетий города оставались в состоянии застоя (*sont demeurées stagnantes*), то причиной тому было не обезлюдение, якобы вызванное варварским нашествием (его еще и не было в то время), а экономический упадок античного мира (*régression économique du monde antique*)». (F. Lot. *La Gaule*, p. 402).

способствовал возобладанию деревни над городом, перемещению центра хозяйственной жизни из города в поместную виллу¹. Упадок ремесла и торговли был теснейшим образом связан с оскудением городского землевладения и сословия куриалов. Богатейшие из них — *clarissimi* вливались в сенаторское сословие и покидали город. Некоторые перебирались в Рим, большая же часть в свои богатые деревенские виллы². Оставались менее богатые — средние и, главным образом, мелкие посессоры, да и те в условиях упадка торговли (в том числе — и сельскохозяйственными продуктами) и под гнетом имперских налогов беднели, оскудевали. Вместе с тем владельцы сельских вилл заводят своих ремесленников, изготавливающих одежду, обувь, сельскохозяйственный инвентарь, предметы домашнего обихода. Необходимость в городском ремесле почти исчезает. Товарообмен между городом и деревней резко сокращается. Это вынуждало городских ремесленников обзаводиться подсобным сельским хозяйством. Общий уровень городской жизни все более снижался до деревенских форм существования. Население сокращалось³.

В эту пору замыкается стенами и Тулуза. Археолог Адриан Бланше пришел к выводу, что стены эти вероятнее всего были возведены в 50—60 гг. III века, при Галлиене и галльском императоре Постуме⁴, то есть в период острого расстройства римской политико-административной системы, начала движения багаудов и первых вторжений в Галлию и в Испанию отрядов аламанов и франков. Остается предполагать, что для Тулузы в эту пору опасность еще не была непосредственной: тулузские стены от-

¹ Примечателен миланский эдикт Аркадия и Гонория 400 года. Императоры жалуются на то, что, в связи с упадком ремесла, приходят в упадок великопленные в прошлом города; многие ремесленники-коллегиаты бегут из городов в деревню. Эдикт предписывает беглецов разыскивать и безоговорочно возвращать к их прежним занятиям. Что касается их детей, родившихся за последние 40 лет, то императоры приказывают разделить их между городом и теми владельцами, на чьих зависимых женщинах их отцы (беглые ремесленники) переженались. (*Documents (Fagniez), t. I, N 71*). Отсюда явствует, что: 1) бегство городских ремесленников началось давно — еще до варварских вторжений; 2) что императоры этого бегства остановить не могут и уже не рассчитывают полностью восстановить городские ремесленные коллегии и 3) что центрами притяжения ремесленных элементов теперь стали деревенские поместья сенаторской знати, где все больше складывалось зависимое ремесло.

² Шарль Игунэ попытался выяснить размеры богатых рабско-колонатных вилл вокруг Бордо в V—VII вв. Они оказались огромными: от 264 до 1326 гектаров. (*Ch. Higounet. Bordeaux pendant le haut Moyen Age. Bordeaux, 1963, p. 210—211*).

³ См.: C. Jullian. *Histoire de la Gaule*. P., 1907—1926, t. IV, p. 279—294, 335—355; t. VIII, p. 180—241; F. Vercauteren. *De la cité antique*, p. 132—133.

⁴ A. Blanchet. *Les enceintes romaines de la Gaule*, P., 1907, p. 333. К концу III века относили возведение римских стен Тулузы также Леон Дютиль и Андре Дюпон (*L. Dutil. La Haute-Garonne et sa région. T.-P., 1928, t. I, p. 352; A. Dupont. Cités, p. 42*).

личает правильная кладка из отесанного камня и булыжника, скрепленных известковым раствором, и из аккуратно выведенных рядов кирпича¹, а не из первых попавшихся материалов (обломков старых зданий, колонн, статуй), смешанных с глиной, без раствора, как затем был выстроен Нарбоннский замок в Тулузе или стены (особенно фундаменты) многих других галльских городов, возведенные в спешке в период начавшихся массовых варварских вторжений². Именно учитывая эти обстоятельства, Ф. Лот склоняется к более ранней датировке римских стен Тулузы: начало III века, — при первых, единичных актах прорывов в Галлию отдельных отрядов варваров³. Поэтому-то и территория, окруженная стенами, оказалась здесь весьма просторною. Видимо, съезживание города еще только начиналось.

Не варварские нашествия породили упадок позднеримских городов, но они немало обострили и ускорили его. Вестготское завоевание Южной Галлии, почти постоянные межплеменные столкновения, в которые римская дипломатия умела ловко втягивать варваров⁴, завоевание страны Хлодвигом и новые походы франкских королей и майордомов, арабское нашествие, карательные экспедиции Карла Мартелла и затем обратное отвоевание страны Пипином Коротким, наконец опустошительные рейды арабских морских пиратов, обосновавшихся в горах прованского побережья⁵, да еще набеги норманнов — все это не могло способствовать городскому развитию в этом районе в раннее средневековье. В Провансе некоторые города совсем исчезли в эту эпоху. И это не только целый ряд мелких городков — почтовых станций на важнейших римских дорогах (это, кстати, означает, что запустели сами дороги), но и такие значительные в античности городские центры, как Гланум, — на его месте в средние века возникла деревня⁶. Жители Симьеза покинули свой город и переехали в Ниццу. Запустел Карпентрас, после того как его епископы бежали в соседний Венаск — *oppidum*, расположенный на возвышенности. Многие города оставили свои издревле населенные места и взобрались на холмы и скалы. Таковы Кастеллан, Рьё, Динь, Ницца⁷. Города спасались от варваров. Но что же это стали за города, если с уходом епископского двора в городе не оставалось ничего, если город с епископской residen-

¹ A. Blanchet, p. 201.

² Ibid., p. 179, 238—239, 317.

³ F. Lot. *Recherches*, I, p. 311. С ним солидарен П. А. Феврие. (Указ. соч., стр. 46). Обратим внимание: не одна Тулуза, но многие города римской Галлии только в эту пору (III—IV века) впервые окружали себя стенами. Вопреки распространенным представлениям, даже в античности стены не были главным признаком или непременным атрибутом города.

⁴ E. A. Thompson. *The settlement of the barbarians in the Southern Gaul*. — «The Journal of Roman studies», L., 1956, p. 67—75.

⁵ A. Dupont. *Cités*, p. 266—280.

⁶ P. A. Février, p. 4, 78, 85, 214—215.

⁷ Ibid., p. 8, 78—79, 84—85, 93, 158.

цией мог поместиться в малой крепостце, если даже население такого значительного в античности города, как Ницца, могло теперь уместиться на тесной площадке на высоте 90 метров! По всей вероятности, они полуобезлюдели, измельчали, утратили значение еще до прихода варваров. Но дело не только в этом.

Если бурные события эпохи падения Римской империи так сравнительно легко оборвали историческую нить развития некоторых южногалльских городов, если у многих других (в том числе и крупнейших, как, например, Марсель) эта жизненная нить едва не порвалась и во всяком случае стала очень слабой и едва приметной, то — не только потому, что она крайне ослабла уже в условиях поздней Империи, но, очевидно, также и потому, что новые экономические условия, складывавшиеся в процессе феодализации варварских королевств, менее всего благоприятствовали подъему городской жизни. Чем прочнее в этом районе укоренялся феодализм, чем более основной ячейкою экономической жизни становилось феодальное поместье, тем более полным делалось господство натурального хозяйства, тем меньше оставалось потребности и возможности существования городов, как центров ремесла и торговли, противостоящих земледелию. Это не могло не вести к глубокому замиранию городской жизни.

Вопрос об исторических судьбах города в раннее средневековье остается предметом оживленных споров в буржуазной литературе. Факт упадка городской жизни в ту эпоху несомненен для всякого непредубежденного взгляда. Но как его объяснить? Исходя из своей концепции раннесредневекового развития, Анри Пиренн утверждал, что падение Западной Римской империи и образование варварских королевств на ее территории не нарушило экономического единства Средиземноморского мира и не повлекло за собою упадка городов. Упадок этот начался только со времени Каролингов, в связи с переходом к натуральному хозяйству, вызванным пресечением европейской торговли на Средиземном море в результате арабских завоеваний¹. Известно, что далеко не все буржуазные историки поддерживали эту концепцию, некоторые, как, например, Марк Блок², более или менее решительно ее отклонили. В отношении провансальских городов Средиземноморского побережья эту концепцию отверг Андре Дюпон: «Эта столь соблазнительная гипотеза, на наш взгляд, абсолютно не соответствует тому, что могло иметь место в действительности»³. Упадок городов представляется Дюпону несомненным, начиная с V века и вслед затем — в связи с набегами и захватами арабов. В противоположность А. Пиренну, в Каролингском периоде Дюпон видит «некую фазу возрождения» городов⁴. Если

¹ H. Pirenne. *Mahomet et Charlemagne*. Paris—Bruxelles, 1937.

² M. Bloch. *Compte-rendu*. — AHS, 1938, p. 325—330.

³ A. Dupont. *Cités*, p. 3, 75, 84—85.

⁴ *Ibid.*, p. 3, 145, 734—735.

же эта фаза не привела к действительному подъему городской жизни, то объяснения А. Дюпон ищет в возобновлении арабских завоеваний, а также в нашествии в X—XI веках «феодалного кризиса», «феодалной эпохи», с присущими ей партикуляризмом, политической раздробленностью и «сеньориальным разбоем»¹. Те же идеи развивает и Жерар Сотель².

Надуманность концепции А. Пиренна, ее противоположность фактам экономического развития Европы в конце Римской империи и после ее падения для непредубежденного историка очевидны. И в этом смысле возражения А. Дюпона естественны. Весьма вероятно также, что известное повышение продуктивности сельского хозяйства при первых Каролингах, отмечаемое исследователями³, упрочение внешней защиты, некоторые элементы политической централизации и какого-то (впрочем, весьма примитивного) внутреннего правопорядка должны были в известной мере способствовать оживлению рудиментов городской жизни⁴, находившихся «в дремотном состоянии»⁵, а частично — даже зарождению новых городских центров (почти исключительно на Севере Европы)⁶. Чем же объяснить, что общего оживления все-таки не произошло, что вплоть до конца XI века города никакой сколько-нибудь существенной роли не играли? Возобновлением вторжений арабов? Но ведь эти вторжения имели место и в XII веке⁷, но начавшегося действительного городского развития остановить не смогли.

Феодалная анархия и произвол были, разумеется, немалым препятствием в развитии ремесла и торговли, но разве могли они угасить городскую жизнь тогда и там, когда и где она действительно имелась? Известно, что в XI—XIII веках города в Европе возникали и развивались именно в обстановке политической раздробленности (они сами несли на себе немало черт партикуля-

¹ Ibid., p. 3, 419—421, 484, 487, 735.

² G. Sautel. Villes, p. 318—319.

³ B. H. Slicher van Bath. The agrarian history of Western Europe. — AD 500—1850. L., 1963, p. 65—67; A. R. Lewis. The development of Southern French and Catalan society, 718—1050. Austin, 1965, p. 69, 84—87; С. Д. Сказкин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968, стр. 52—53.

⁴ F. Vercauteren. Civitates, p. 392; id., La vie urbaine entre Meuse et Loire du VI-e au IX-e siècle. — «La città nell'alto medioevo». Spoleto, 1959, p. 473—474, 484; F. L. Ganshof. Villes, p. 21.

⁵ J. Calmette. La société féodale. P., 1932, p. 97; Ch. Higounet. Le peuplement de Toulouse au XII-e siècle. — AM, 1943, p. 489.

⁶ F. Vercauteren. Vie urbaine, p. 478—483, 484.

⁷ Так, в первые годы XII века арабы совершали набеги и пытались обосноваться в устье реки Оды, и папа Каликст II писал о необходимости возведения защитных укреплений против этих набегов в Нарбоннской и Таррагонской церковных провинциях. (Cart. S.-Sernin. Appendice, N 17), А Тулон подвергался осаде еще в 1178 и 1179 гг. (G. Duby. Les villes du Sud—Ouest de la Gaule du VIII-e au XI-e siècle. — La città nell'alto medioevo. Spoleto, 1959, p. 233—234).

призма) и что именно в борьбе с сеньориальным произволом они поднялись как самостоятельная сила, завоевали свое особое право и определенную независимость. Система сеньориального обирательства, разумеется, немало сдерживала ремесленно - торговое развитие, но ведь не могла задушить его как в силу отпора со стороны горожан, так и в силу того, что в условиях интенсивного городского развития сеньорам не оставалось иного пути, кроме приспособления системы своего господства к условиям и требованиям этого развития¹.

Если в XI—XIII веках феодалы смогли уразуметь выгодность для них городского развития и приспособиться к эксплуатации городского накопления, — можно ли предположить, что в VIII—X веках, перед лицом значительного развития городов, они были настолько безрассудны, что умели только грабить и интересовались городами только как крепостями? Не происходило ли это потому, что таково было объективное значение «городов» в ту эпоху, что вес этим «городам» тогда придавали только мощная цитадель либо пребывание в породе могущественного феодального владыки — светского или церковного? Вот малый, но показательный штрих: после 982 г., когда епископ, спасаясь от набегов арабов, покинул город Венаск и вновь перенес свою резиденцию в Карпентрас, Венаск перестал существовать². Так спустя три столетия с Венаском повторилась печальная история Карпентраса, свидетельствуя тем самым, сколь мало на протяжении всего раннего средневековья менялось по своей сущности то, что тогда именовалось городом.

В том-то и дело, что не было при Каролингах значительного подъема городов. Торгово-ремесленное развитие юсталось крайне слабым, каролингские города, как правило, не стали чем-либо иным, кроме крепостей и резиденций графов, и в дальнейшем центры торгово - ремесленной деятельности нередко возникали вне их³. Как отмечает Ф. Гансхоф, также называющий Каролингскую эпоху «первой фазой городского развития», — она в целом «окончилась неудачей»⁴.

В своем истолковании раннесредневекового развития Европы А. Пиренн исходил из внешних факторов, и картина получи-

¹ Нельзя не согласиться с Ж. Дюби: умножение торговых, подорожных и тому подобных феодальных пошлин, заметное во второй половине XI в., само свидетельствует о том, что торговое движение по дорогам стало гораздо более интенсивным. (G. Duby. *Villes*, p. 239). III. Игунэ рассматривает появление в конце XI века пеажей (провозных пошлин) в низовьях Гаронны как признак начавшегося оживления торговли, известной регулярности движения на этом плесе реки (Ch. Higouin et. *Bordeaux*, p. 234).

² G. Duby. *Villes*, p. 242.

³ Например, в Провансе (в Шампани). (См. M. T. Morlet. *La vie économique d'une cité au Moyen Age*. — «Proceedings of the eight international congress of onomastic sciences». The Hague—Paris, 1966, p. 304).

⁴ F. L. Ganshof. *Villes*, p. 23. См. также: A. R. Lewis. *Southern Society*, p. 87, 173—175, 276—277.

лась весьма далекой от исторической действительности. А. Дюпон отвергает построение А. Пиренна. Но и его истолкования также опираются на внешние факторы — те же арабские завоевания. Правда, он указывает также на «развитие феодальной системы», но, опять-таки как на чисто внешний по отношению к городам фактор: феодальный разбой, анархия. Сами же города рисуются Дюпону как экономически неизменные явления, обладавшие в сущности равными возможностями развития, будь то в XI—XIII веках, в поздней Римской империи или в раннее средневековье. Ему представляется, что город и при Каролингах был источником снабжения деревни ремесленными изделиями, а его рынок поглощал продукцию поместий¹, и что только сеньориальный разбой (*brigandages seigneuriaux*) прервал эти связи между городом и деревней². Иными словами, концепция А. Дюпона предполагает существование в Европе IX века развитых городов как ремесленно-торговых центров. Их развитию затем помешали арабы и феодальный партикуляризм, но достаточно было поражения мусульман и ослабления феодалов в Крестовых походах, чтобы города с конца XI в. смогли широко воспользоваться открывшимися возможностями для бурного развития³.

Неудивительно, что при таком, в сущности неисторическом, подходе историк, сначала решительно отвергнувший идею А. Пиренна о сохранности высокого уровня экономического развития средиземноморских городов в позднеримскую эпоху, затем пришел к выводу о необходимости «несколько ограничить» применимость к городам Нарбоннской провинции «распространенного представления об отливе городского населения в деревню и о запустении городов в поздней Империи»⁴. Тогда чем же объяснить признанный Дюпоном упадок городов, начиная с V века? Видимо, только внешним воздействием варварских вторжений⁵.

Основание для высказанного ограничения А. Дюпон видит в «особенно тесной связи города и деревни» в этом районе⁶. При этом он ссылается на мнение Ф. Лота о преобладании в этих городах землевладельческого населения, то есть земледельческих занятий и земледельческих доходов, над ремесленно-торговыми. Но можно ли в таком случае говорить о «тесной связи города и деревни»? Правильнее было бы сказать о растворении города в

¹ A. Dupont. Cités, p. 345, 347.

² Ibid., p. 487.

³ Ibid., p. 3.

⁴ Ibid., p. 53.

⁵ Но если все дело заключалось в варварах, а источники городского развития сами по себе не иссякли, то те порода, что уцелели, должны были бы расцвести. Пример Тулузы раннего средневековья, наименее пострадавшей от варваров, свидетельствует о противоположном.

⁶ A. Dupont. Cités, p. 53.

деревне, то есть, очевидно, именно об упадке собственно городской жизни.

Игнорирование этих особенностей города раннего средневековья и, в частности, южногалльских городов этой эпохи, приводит А. Дюпона к утверждению, что и в VIII—IX вв. эти города оставались значительными центрами торговли¹. Еще дальше в стремлении доказать непрерывность интенсивного городского развития и обосновать модную в буржуазной историографии нашего времени теорию «континуитета» идет в своих работах Жан Лестокуа². Мишель Роблен с помощью весьма шатких доводов пытается доказать, что в течение всего тысячелетия средневековый город продолжал существовать «в спокойном ритме»³.

Мы отнюдь не собираемся утверждать, что в раннее средневековье в городах не было абсолютно ничего городского. В портах, особенно по Средиземному морю, сохранялись какие-то нити торговых связей, имелись небольшие колонии чужеземных, восточных купцов, ведших очень ограниченную, но все-таки торговлю с Востоком⁴. Однако торговля эта была не только весьма и весьма скромной (чтобы не сказать — мизерной) по масштабам, но, что еще важнее, — она почти совсем не затрагивала основной сферы экономической жизни тогдашней Европы. В одну сторону (с Востока) привозились пряности, благовония, изделия роскоши; в другую (из Европы) плыли меха, рабы, евнухи⁵.

Видимо, существовали в городе этой эпохи и какие-то элементы ремесла. Этого требовало самое пребывание в городских

¹ Ibid., p. 347. Ср. гораздо более осторожные суждения Ф. Гансхофа в его статье о портах Прованса в VIII—X вв. (F. L. Ganshof. Etude sur les ports de Provence du VIII-e au X-e siècle. — RH, 1938, p. 34, n. 3).

² См. особенно его статью «The tenth century» («The Economic History Review», 1947, N 1).

³ M. Roblin. Cités ou citadelles, p. 311.

⁴ F. L. Ganshof. Loc. cit.; P. A. Février, p. 89—90. A. Dupont. Cités, p. 244—250, 431—432, 525—527.

⁵ F. L. Ganshof. Loc. cit. Ф. Веркаутерен, отмечая наличие колоний восточных купцов в VI—VII вв. также и в Северной Галлии, тоже обращает внимание на значительность роли работорговли в их деятельности (рабы вывозились по Луаре, а затем, видимо, по Роне). Но уже в конце VII века (до арабов!) торговля начинает свертываться, мосты и дороги приходят в запустение, а в VIII веке исчезают здесь и колонии восточных купцов и даже стены некоторых городов намеренно разрушаются. (F. Vercauteren. Vie urbaine, p. 467—471, 473—475, 478, 484). Подобную же картину на материале истории раннесредневекового Бордо прослеживает Ш. Игунэ. Постепенное свертывание средиземноморской торговли он констатирует здесь уже с VI века, и резкое — со второй половины VII столетия, когда и франкские короли от золотой монеты переходят к серебряной (опять-таки — до арабов); внешняя же торговля Бордо с Севером затухает уже с VIII века, то есть до норманнов, чье господство на море и на Гаронне установилось только после 840 года. (Ch. Huguonnet. Bordeaux, p. 203—204, 225, 229—230, 233). На материале Прованса к аналогичным выводам пришел П. А. Феврие: упадок городов начался здесь задолго до сарацинских набегов, феодального раздробления и даже до завоевания Средиземного моря арабами. (P. A. Février, p. 212).

стенах рыцарских гарнизонов, епископских или графских резиденций. Но такой узкий круг потребителей не мог породить сколько-нибудь значительного и устойчивого рынка промышленных изделий — торгово-ремесленное развитие не могло определять хозяйственного лица такого поселения¹.

Отдельные разрозненные элементы еще не создавали города. Пусть в раннем средневековье под пеплом обезлюдения и захирения за городскими стенами тлели угольки ремесла и товарного обмена — разгореться в очаг товарного производства они не могли. Этому препятствовали внутренние потребности победившего в деревне феодального хозяйства. Феодальная вотчина, безраздельно определявшая социально-экономическую физиономию этого общества, еще ни в какой мере не переросла рамок своей натурально-хозяйственной основы. В недрах феодальной экономики еще не возникло потребности в обособлении промышленного труда, в регулярном внутреннем обмене веществ посредством обмена товаров. По меткому выражению Ф. Лота, «город тогда не был необходим для деревни». В условиях господства натурального хозяйства «не было никаких причин для возрастания населения и территории города»².

Но отсутствие потребности в конечном итоге было лишь следствием отсутствия возможности. В основе господства натурального хозяйства лежала примитивность, низкая производительность тогдашнего сельского хозяйства. Оно не было в состоянии прокормить сколько-нибудь значительное неземледельческое население. Любопытные данные на этот счет приводит Б. Сличер ван-Бат. В конце XI века для прокормления одного каноника или монаха (Сен-Бертинское аббатство, Отэнский капитул) требовался труд 7 крестьянских хозяйств или даже 16 работников (преимущественно глав семей)³. Удивительно ли, что с VI века и вплоть до Каролингов в Галлии, включая и Прованс, с его богатым наследием античного урбанизма, нет никаких данных даже о церковном строительстве в городах, не созываются поместные соборы, прерываются самые списки епископов⁴. При Каролингах в некоторых городах были учреждены каноникаты, однако дальнейшие сведения об их существовании полностью отсутствуют, и

¹ С конца VI века в городах Северной Галлии значительно сокращается число свободных людей среднего достатка, в том числе, видимо, и ремесленников. Некоторые тексты эпохи свидетельствуют, что в эту пору ремесленники оказываются в составе несвободного населения. (F. Vercauteren. *Vie urbaine*, p. 466—467). Но многие, по всей видимости, просто покинули город, где стало трудно кормиться ремеслом, и влились в зависимое население деревни; другие, покинув ремесло, быть может остались в городе, но уже в качестве городских (более или менее зависимых) земледельцев.

² F. Lot. *La Gaule*, p. 40.

³ B. H. Slicher van Bath. *Les problèmes fondamentaux de la société préindustrielle en Europe occidentale*. Wageningen, 1965, p. 21.

⁴ P. A. Février, p. 73.

в XI веке их пришлось воссоздавать заново¹. Экономика раннего средневековья не оставляла места для сколько-нибудь развитого города, и здесь должна была иссякнуть любая историческая инерция².

«Города» раннего средневековья сохраняли старые титулы — *civitas*, *urbs*, но утратили свою городскую специфику. Идея противоположности города деревне была чужда сознанию людей раннего средневековья. В 957 году каркассонская графиня Арсенда, продавая за 100 солидов аллод *Cheiganum*, в Тулузене, на Арьеже, и перечисляя входящие в него поля, сады, виноградники, мансы, пустоши и другие угодья, добавляет: «*tam loca rustica quam hurbana*»³. Между тем в округе Сен-Кентена, где находилось это имение, не было ни одного сколько-нибудь заметного городка. Возможно, указанная приписка — только привычная канцелярская формула, но она не могла бы возникнуть, если бы современники умели четко отличать город от деревни⁴. Если каркассонская графиня X века, упоминая «городские места», и имела в виду нечто конкретное, то, вероятно всего, какие-то укрепления, которые в данном случае едва ли вообще имели какое-нибудь отношение к городу.

Наличие укреплений, стен стало в раннее средневековье главным и, по сути дела, единственным признаком города⁵. Но именно в силу выветривания других качеств и функций городам этой эпохи было слишком просторно — даже в крайне тесных стенах, возведенных в годы безвременья. Римские стены Гренобля, построенные около 285 года, замыкали территорию всего в 9 гектаров. Но до XII века город не вышел за эти пределы. Более того, еще в начале этого столетия внутри его стен было немало садов и огородов⁶. Это относится и к наиболее крупным городам. В жельнском Альтштадте (ситэ) в X веке было много пусто-

¹ Ibid., p. 73—74, 175. Это — лишнее доказательство и крайней слабости оживления городской жизни в Каролингскую эпоху и того, как мало сами по себе церковные учреждения могли быть созидателями городов.

² Вот почему в эту эпоху остались лишь воздушными замками проекты основания новых столиц: Карла Великого в отношении Ахена («Новый Рим») и Карла Лысого — в отношении Компьена («Карлополис») — см. F. Lot. *Histoire urbaine*, p. 67, n. 1.

³ HGL, V, N 103.

⁴ Недаром и живая, народная французская речь для выражения общего понятия город воспользовалась тем же латинским словом, которое обозначало деревню — *villa*.

⁵ «Так или иначе, до 1050 года по меньшей мере, торговая функция городов, видимо, оставалась сугубо второстепенной по сравнению с функцией обороны. Рынок и порт в то время никогда не имели такого значения в городе, как стены и башни». (G. Duby. *Villes*, p. 241). Ф. Веркаутерен подчеркивает сугубо церковный характер северофранцузских городов раннего средневековья, систематическое возрастание в них власти и землевладения епископов, а также капитулов и церквей, возрастание удельного веса клириков в их населении. (F. Vercauteren. *Vie urbaine*, p. 454, 464—465, 474—477, 483).

⁶ F. Lot. *Recherches*, I, p. 53, 59.

шей¹. В Майнце еще во второй половине XII века большая часть территории римского ситэ была под земледельческой обработкой². И даже в Арле, где римские стены окружали территорию всего около 21 гектара (600 м на 350 м), в средние века население достигло этих стен, по всей видимости, только во второй половине X века. И это — в Арле, который был столицей Арелатского королевства и в какой-то мере оставался портом (главным портом!) на пути из Средиземного моря в Северную Галлию³.

Глубочайший упадок городской жизни в раннее средневековье — неопровержимый факт. И основа его — в упадке, почти полной атрофии главной, экономической, торгово-ремесленной функции города. Ф. Л. Гансхоф считает, что после V века римские *civitates* и *castra*, сохраняя лишь значение укрепленных пунктов, «не знали никакой городской жизни, заслуживающей такого названия»⁴. Поэтому они оставались лишь «догородскими поселениями» (*poysa pre-urbain*), которые сами по себе не превращались в города⁵. Отмечая, что территория городов античного корня от конца III до конца XI века ничуть не изменилась, Ф. Лот писал: «В течение семи столетий города жили убогой жизнью, как в политическом, так и в экономическом отношении»⁶. Ф. Веркаутерен выразил ту же мысль еще резче: в городе раннего средневековья сохранялось лишь «подобие городской жизни»; «это была мнимая городская жизнь»⁷. В позднейшей работе, отмечая, что города раннего средневековья были столь же отличны от античных, как и города классического средневековья, Ф. Веркаутерен поставил под сомнение самую проблему континуитета: с точки зрения методологической принцип постепенной эволюции представляется, безусловно, сомнительным, а континуитет — чистой абстракцией, оторванной от исторической действительности⁸. К существу вопроса ближе всего подошел в своей небольшой, но вдумчивой работе П. Суйри: в раннем средневековье город был вынужден приспосабливаться к господству земледельческой, натурально-хозяйственной экономики, которая не оставляла места для специфически городского хозяйственного развития⁹.

Вот почему так незначительна была общественная роль города на протяжении раннего средневековья. Вот почему, как пишет

¹ F. Ganshof. *Villes*, p. 45.

² *Ibid.*, p. 34. Еще в 1141 году нимский виконт нифеодировал некоему лицу манс в городе (*unum mansum in civitate Nemausi*. — Layettes, I, N 82).

³ P. A. Février, p. 102—103.

⁴ F. L. Ganshof. *Villes*, p. 13, 14, 63.

⁵ *Ibid.*, p. 15, 16, 21.

⁶ F. Lot. *L'histoire urbaine du Nord de la France*. — «*Journal des savants*», 1935.

⁷ F. Vercauteren. *De la cité antique*, p. 139: «...un semblant de vie urbaine...». «Mais celle-ci est factice».

⁸ *Id.*, *Vie urbaine*, p. 463.

⁹ P. Souyri, p. 1.

П. А. Феврие, «если в начале этого периода от городов еще доходят кое-какие отрывочные сведения, то в конце раннего средневековья налицо полное молчание текстов, и археология почти ничего не может к этому добавить»¹. В итоге историк городов Прованса приходит к вполне определенному выводу: «Все эти данные не позволяют относить слишком далеко в глубину средневековья реальное существование города (*l'importance de la ville*). До середины XI века (а еще вернее — до начала XII) не было ничего»². Поэтому XI—XII века он определяет как «период возникновения средневековых городов»³.

У историка нет никаких оснований исключать Тулузу из общих для всей Западной Европы, и в частности для провансальского Юга, условий существования, точнее — прозябания, городов в раннем средневековье. Правда, хотя Тулуза и пригаронский район познали в эти столетия и осады, и набеги⁴, им не пришлось вынести всех тех бедствий, которые выпали на долю городов Средиземноморского побережья. Тулуза не подверглась разрушению. Вестготские короли сделали ее своею столицей — это, очевидно, должно было несколько сдержать процесс увядания позднеантичного города. Еще при Меровингах здесь отмечалось существование каких-то ремесленников и торговцев⁵. Но не следует преувеличивать значения этих моментов — они не могли пробудить город к активной жизни. Примечательно, что церковь Дорад, построенная в Тулузе вестготами, отличается более чем скромными размерами. И некоторое (весьма худосочное) экономическое оживление при Каролингах, и звание столицы эфемерного Аквитанского королевства⁶ — могли, в лучшем случае, лишь несколько замедлить спонтанный процесс запустения, деурбанизации.

Затем, как известно, Тулуза сделалась центром могущественного графства, одного из наиболее богатых княжеств средневекового французского королевства. Но это не повлекло за собою автоматически подъема городской жизни в резиденции тулузских графов. Почти полное молчание источников на протя-

¹ P. A. Février, p. 90, 91, 92, 103; G. Duby. *Villes*, p. 231; F. Lot. *Recherches*, I, p. 46; Ch. Higounet. *Bordeaux*, p. 233.

² P. A. Février, p. 107.

³ «La période de genèse des villes médiévales». (*Ibid.*, p. 207, 211). Даже Ж. Сотель должен был прийти к выводу, что в XI веке имело место не возрождение античных городов, а рождение новых, средневековых. (G. Sautel, p. 327). Для понимания новизны городского развития классического средневековья существенно учесть наблюдения над судьбами путей сообщения в первое тысячелетие нашей эры. См.: F. Imberdis. *Les routes médiévales: mythes et réalités historiques*. — AHS, 1939; M. Bloch (*ibid.*); R. H. Bautier. *Recherches sur les routes de l'Europe médiévale*. — BPHN, 1963.

⁴ HGL. II, p. 362—363, F. Lot. *Recherches*, I, p. 338; A. Dupont. *Cités*, p. 234—236, 414—415.

⁵ A. Dupont. *Cités*, p. 211, 249—254.

⁶ *Ibid.*, p. 235—271.

жении нескольких столетий (особенно с VIII до XI века)¹ само по себе достаточно красноречиво. Но имеются и более прямые свидетельства упадка Тулузы как городского центра в раннее средневековье. По единодушному мнению историков, древнейшей частью города была площадь *Salinum*, в южной части тулузского Ситэ у берега Гаронны, где были причалы, и у Нарбоннских ворот, где в город входила Аквитанская дорога². Очевидно, еще в римские времена сюда свозилась соль, доставлявшаяся через Каркассон с парбоннских солеварен — здесь был соляной рынок. Но из документов начала XI века мы узнаем, что в эту пору соляной рынок находился не в Тулузе, а в местечке Базьеж (20—22 км юго-восточнее города), владели этим рынком деревенские феодалы Караманы, которые получили это пожалование «от королей» (по всей видимости, Каролингов). Они беспощадно облагали солеторговлю и даже препятствовали подвозу соли в Тулузу. И только в начале XI века начинается борьба против Караманов за соль, за тулузский соляной рынок³. Следовательно, если в античности Тулуза была центром соляной торговли в этом районе, то в раннее средневековье она потеряла это свое положение, что, несомненно, было связано с сокращением ее населения и общим упадком городского рынка. Город настолько утратил силу экономического притяжения, настолько упало его значение, что деревенский феодал оказывался сильнее города.

Даже те скудные данные, какими располагает историк, позволяют утверждать, что подъем городской жизни в Тулузе в XI веке начался после длительного периода упадка. Как было отмечено выше, стены, которыми римляне в III веке обнесли город, замыкали обширную территорию в 97 гектаров. И все-таки в то время этот пояс был, быть может, несколько тесен, есть данные, что еще в V веке за северной стеною отмечалось некое продолжение города⁴. Но в раннее средневековье население города настолько сократилось, что старый пояс стал не в меру просторен, — дома далеко отступили от стен⁵. Как свидетельствуют источники XII века, здесь, по внутреннему периметру укреплений, располагались огороды, сады и более всего — виноградники жителей; были здесь, по всей видимости, и отдельные полевые участки⁶.

Еще в первой половине XII века в Ситэ оставалось немало пустой, о чем свидетельствует основание графом Альфонсом-

¹ D. Faucher, Ch. Higounet. Les villes de la région de Toulouse. T., 1942, p. 86.

² J. Chalande. Histoire des rues de Toulouse. — MAST, 1913, p. 225; P. Souyri, p. 9; J. Coppolani, Toulouse, p. 28.

³ Cart. S.-Sernin, N 134, 136, 137. Подробнее см. ниже: Торговля солью.

⁴ D. Faucher, Ch. Higounet. Villes, p. 87.

⁵ R. Limouzin-Lamothe. La commune de Toulouse, p. 217.

⁶ Cart. Bourg, N 4.

Журденом сальветата с наделением поселенцев пусть маленькими, но усадьбами¹. Анализ объектов внутригородской недвижимой собственности в сделках купли-продажи в конце XII—начале XIII века, самые формулы, обозначающие содержание такой собственности, убедительно показывают, что первоначально это были усадьбы сельскохозяйственного назначения с домами и хозяйственными постройками². Из таких усадеб с огородами, садами, виноградниками, расположенных «от улицы до улицы», и состояли, так сказать, жилые кварталы догородской Тулузы.

При этом речь идет только о Ситэ. В раннесредневековой Тулузе Бурга — этой второй половины позднейшего города еще не существовало. В дальнейшем он возник за северной стеной Ситэ, вокруг Сен-Серненской церкви. Еще в середине IX в. Бурга не было: Сен-Серненская церковь стояла тогда вне города и на некотором расстоянии от него — «*haud procul ab urbe*», как сказано в грамоте Карла Лысого, который, осаждая в 844 году Тулузу, жил в Сен-Серненском монастыре—вне города³. Но Бурга, как целого, видимо, не было еще и в середине XI века. В 1067 году тулузский граф Гильем IV подарил клюнийскому аббату Муассака деревню Кузинас (*villa de Coquinis*), стоявшую почти непосредственно за северной стеной римского крепостного обвода города со стороны Гаронны, близ Базакля⁴. Из описания территории дарения следует, что она располагалась именно там, где затем (у Гаронны) проходил земляной вал Бурга. В грамоте нет ни малейшего указания на какие-либо стены или валы. По всей видимости, тулузский Бург сложился не ранее второй половины XI века. Этот *terminus a quo* весьма существен. Он позволяет ошутимее представить ту объективную грань, которая отделяла раннесредневековый, в сущности догородской, этап от этапа собственно городского развития.

Как же началось это возрождение, точнее — новое рождение города? Под воздействием каких импульсов пород, в течение полутысячелетия бывший таковым лишь по названию, начал превращаться в город в собственном смысле этого слова?

До возникновения средневековых городов деревня была по сути дела единственной всеобъемлющей сферой экономической жизни общества. Источник того глубокого сдвига в феодальном обществе, который привел к отделению ремесла от земледелия, эпицентр того потрясения, из которого родился средневековый город, следует поэтому искать не в самом городе (или в том, что носило титул города в раннее средневековье) и не во внешних

¹ Ibid., N II.

² «...cum hedificiis et bastimentis». Cart. Bourg, N 35, 45, 47, 48, 50.

³ Cart. S.-Sernin, N 3.

⁴ HGL, V, N 287.

влияниях, где их обычно ищет буржуазная историография¹, а в феодальной деревне².

Глубинные процессы, протекавшие в тогдашней деревне, теперь можно представить себе лишь в самых общих чертах. Очевидно, ремесло (а значит, и ремесленное население) могло отделиться от земледелия только на базе существенного возрастания продуктивности самого земледелия. Действительно, такое возрастание с начала XI века и особенно с его середины представляется несомненным³. Однако последствия этого подъема отнюдь не были однозначными. Он должен был способствовать возрастанию деревенского населения. Но он не был настолько значительным, чтобы в условиях феодальной эксплуатации обеспечить существование всей этой массы. В итоге это дополнительное население оказывалось «избыточным»⁴.

Неизбежное в условиях поместья дробление наделов вело к образованию значительного слоя малоземельных и безземельных крестьян, для которых выполнение феодальных повинностей становилось непосильным бременем⁵. Незаинтересованность сеньоров в таком дроблении нередко облегчала отрыв этих элементов от земли. В то же время опасение утраты рабочей силы еще чаще побуждало феодалов активно противодействовать бегству зависи-

¹ Вслед за А. Пиренном (*La civilisation occidentale au Moyen Age du X-e au milieu du XV-e siècle*.—*Histoire générale* publ. sous la dir. de G. Glotz, t. VIII. P., 1933) Ф. Лот рассматривал «экономическое возрождение» XI—XII вв. как результат влияния Востока: «Оно, несомненно, пришло с востока, из Константинополя, а также из мусульманских стран». (F. Lot. *Histoire urbaine*, p. 79). Едва ли есть смысл вступать в полемику с концепциями такого рода или спорить с фантастическими построениями Ирвинга Эйраса. (I. Agus. *Urban civilisation in pre-crusade Europe*. Vol. 1—2, N. Y., 1965). Нужно отметить, что наиболее проникательные из современных историков на Западе все более уверенно становятся на ту точку зрения, что бурный подъем городов в XI—XII вв. был обусловлен подъемом деревни (Ch. Higounet. Bordeaux, p. 234—235, 259, 289; Ph. Wolff. *Une ville à l'âge ingrat*—AM, 1966, N 4, p. 556—557; P. A. Février, p. 139).

² См.: С. М. Стам. К вопросу об основном экономическом противоречии феодализма.—Уч. зап. Сарат. ун-та, т. 66, Саратов, 1958, стр. 270—271.

³ См.: М. Блок. Характерные черты французской аграрной истории. (пер. с французского). М., 1957, стр. 45—49; Ch. Higounet. Bordeaux, p. 234—235, 259, 289; A. R. Lewis. *Southern society*, p. 173, 395.

⁴ П. Суйри (*L'évolution*, p. 3) не без основания рассматривает эти явления в развитии феодальной деревни как своеобразный кризис: не упадок, но переломный момент — «наступившее в деревне нарушение равновесия». Ж. Дюби в своей работе по истории средневекового аграрного развития также приходит к выводу, что рост производительности земледелия с XI века способствовал быстрому возрастанию населения, но не мог обеспечить этой возросшей массе достаточного пропитания. (G. Duby. *L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval*. P., 1962, t. 1, p. 216).

⁵ Интересные сведения о крайнем малоземелье и обнищании крестьян в эту эпоху приводит Жорж Дюби в упомянутой работе. Так, в арльской округе (документ 1182 года) держательская земля была последовательно разделена на 6 долей, на 3 и затем еще пополам. В Иль-де-Франсе земель-

мых держателей (зачастую сервов) из поместий. Но так или иначе те, кто не получал возможности приложения своей рабочей силы (к земельному наделу), кто искал более свободных условий ведения хозяйства, отрывались от поместья и от земледелия. Это должно было ускорить высвобождение и обособление ремесленных элементов, входивших в эту подвижную массу, концентрацию их в пунктах завязывавшихся товарных связей, в возникавших и возрождавшихся городах¹.

Следствия этих процессов выступают с ощутимой рельефностью. В деревенском населении, до тех пор почти неподвижном, обнаруживается глубокое движение. Отдельные элементы, группы (может быть даже—массы) сельского населения покидают свои насиженные места, частью бегут от сеньориальной власти, частью как-то иначе отрываются от поместья, бродят по стране, особенно по лесам, ищут новых мест и поселяются на новых местах².

Внутренняя колонизация была первым результатом новых явлений, «походы бедноты» в крестоносном движении—крайней формой проявления тех же импульсов. Возникновение средневе-

ный массив около 80 га рядом последовательных делений был раздроблен на 80 частей, так что каждый крестьянский надел составлял не более 1 гектара. В некоторых районах Англии нищета и вымирание крестьян были обычным явлением в XIII веке. (G. Duby. L'économie rurale, t. I, p. 217—219). М. А. Барг отмечает резкое, почти втроекратное, сокращение среднего размера вилланского надела в Англии между концом XI и концом XIII века. (М. А. Барг. Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв., М., 1962, стр. 306—319).

¹ А Пиренн (хотя это противоречило его теории возникновения средневековых городов из поселений купцов-авантюристов) отмечал, что городское, торговое население стало «необычайно быстро расти благодаря постоянному притоку значительного числа тех безземельных людей, которых было так много во Фландрии в XI веке» (А. Пиренн. Средневековые города Бельгии. М., 1937, стр. 172). М. А. Барг также видит в крайней земельной тесноте, характерной для английской деревни XIII века, могущественный фактор отслоения неземледельческих элементов. Но самую эту земельную тесноту он считает прежде всего следствием развития товарно-денежных отношений (М. А. Барг. Исследования, стр. 225).

² По данным, которые приводит Жорж Эспинас (ссылаясь на Декк), в Нормандии резкое возрастание населения можно отметить с конца X и особенно бурно в XI веке. Оно проявляется в возникновении и широком распространении института господов, «являвшихся неизвестно откуда». Именно они в эту пору широко заселили и распахали обширные лесистые пространства Верхней Нормандии. (G. Espinas. Les origines du capitalisme; t. III, p. 180—181). Любопытные данные о необычайной подвижности сельского населения в различных областях Западной Европы с середины XI и на протяжении XII века приводят также Ж. Дюби и Ш. Игунэ. (G. Duby. L'économie rurale, I, p. 214; Ch. Higounet. Bordeaux, p. 245—246).

ковых городов происходило в ряду этих процессов¹. Поэтому, хотя внутренняя колонизация в XI—XII вв., и в частности на провансальском Юге, требует специального рассмотрения, не коснуться ее (хотя бы кратко) здесь нельзя.

В XI—XII вв. вырубка и раскорчевка лесов, распашка пустошей, основание новых деревень широко охватили все районы Франции². Охватили они в эту пору и провансальский Юг. Еще в середине XI века Тулуза была окружена обширными лесами. К середине следующего столетия весь этот район был расчищен и поставлен под обработку³. В XII—XIII вв. были освобождены от лесов и болот, распаханы под хлеб и виноград плодородные пространства к северу от Тулузы, вниз по Гаронне до Муассака, и лесистое плато в междуречьи Тарна и Гаронны.

Обычно решающая роль в этом деле признается за монастырями. И в самом деле, необычайно расширяя в связи с этим свои владения (главным образом за счет дарений), выговаривая себе на новые особые привилегии и извлекая в целом очень значительные выгоды, монашеские общины сделали немало для расширения площади обработанных земель. Наибольшую активность при этом проявили сначала клюнийские аббатства, затем духовно-рыцарские ордена (особенно госпитальеры) и наконец цистерцианские монастыри. Поистине кипучую энергию проявило в северной части Тулузена цистерцианское аббатство Гранселль, основанное в 1114 году близ Вердена-на-Гаронне, среди дремучих в ту пору лесов (о чем свидетельствует и его название)⁴. Однако прав Шарль Игунэ, заявляя, что огромная работа внутренней колонизации была выполнена прежде всего силою мелких крестьянских хозяйств⁵. Ведь на деле почти вся работа по вырубке, расчистке, распашке производилась путем организации монас-

¹ Мы не останавливаемся здесь на таких характерных для XII века явлениях, как широкое распространение разбойничества и наемничества, глубокие корни которых, очевидно, следует искать в тех же процессах. В отношении Лангедока, и, в частности, Тулузена в равной мере и яркую и безотрадную картину в этом отношении рисуют известные путевые записки и письма Этена, аббата св. Женевьевы (затем епископа Турна), в 1181 году ездившего в Тулузу по поручению Филиппа II. (H. Gerlaud. *Les routiers au XII-e siècle*. — BEC, 1841—1842, p. 134—135; P. Belperron, p. 22—25). См. также Carl. Conques, № 66.

² J. Flach. *Les origines de l'ancienne France*. P., 1893, t. II, p. 142—157; P. Viollet. *Les communes françaises au Moyen Age*. — *Mémoires de l'Institut national de France. Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, t. 36, 1901, p. 346; A. B. Конокотни. *Очерки по аграрной истории Северной Франции в IX—XIV вв.* Иваново, 1958, стр. 38—43.

³ P. Ourliac. *Les villages de la région toulousaine au XII-e siècle*. — «*Annales*», 1949, p. 268.

⁴ *Catalogue des actes de l'abbaye de Grandelve* (HGL, VIII), N 109, 122, 123, 146, 211, 296, 357, 421, 423, 459, 572, 586, 593, 647, 715. См. также: *Catalogue des actes de l'abbaye de Boulbonne* (HGL, VIII), N 46, 77; Layettes, t. II, № 1918.

⁵ Ch. Higounet. *Occupation du sol entre Tarn et Garonne*. — AM, 1953, p. 317.

тырских колоний—заимок (*granges*) трудом конверсов и вообще малоземельного и безземельного крестьянского люда, привлекаемого сюда малыми, но все-таки—наделами, и облегченными условиями держания на новых распахках.

Для того, чтобы яснее представить себе этот процесс и его связь с процессом возникновения средневековых городов, необходимо, хотя бы кратко, остановиться на том широком движении по основанию «убежищ»—сальветатов, которое развернулось в рассматриваемую эпоху повсюду во Франции и очень ярко проявилось на Юге¹. В X и даже в первой половине XI в. сообщения о сальветатах еще единичны². Но во второй половине XI в. наступает перелом. Убежища возникают повсюду³. Основывают их в эту пору преимущественно монастыри—они надолго монополизировали это право. В Тулузском диоцезе особенно активно действуют Лезатское и Муассакское клюнийские аббатства, а также известное Конкское аббатство святой Веры (в Руэрге), открыто соперничающие между собою⁴. Убежища эти зачастую невелики: как правило, они создаются вокруг отдельных храмов, которые церковь в период клюнийской реформы постоянно отбирала у светских сеньоров. Сеньоры «дарят» храмы с прилежащими к ним угодьями «с тем, чтобы было основано убежище»⁵. В XII веке, особенно в первой его половине, количество убежищ значительно возрастает. Наибольшую активность теперь проявляют приорства духовно-рыцарских орденов, а во второй половине столетия—цистерцианские аббатства. Увеличиваются и масштабы сальветатов. Монахи добиваются от сеньоров дарения значительных свободных земель, а также леса—для строительства и отопления жилищ⁶.

Как показывает уже самый термин — *salvatio*, *salvageria*, *salvetas*, убежища основывались для привлечения пришлого, беглого люда⁷. Источники убеждают, что население этих сальветатов складывалось за счет беглых крестьян «с другой земли и из чужой сеньории», как писали в 1084 году лезатские монахи в

¹ P. Ourliac. *Les sauvelés du Comminges*, T., 1917, p. 44—66.

² Cart. S.-Sernin, N 232 (ок. 1040 г.). В начале XI века возникают первые сальветаты и в Борделэ (Ch. Higounet. *Bordeaux*, p. 242).

³ Около 1080 года граф Ошский Аймерик II провозгласил в качестве «*salvatio*» самый город Ош. — *Cartulaire de l'église métropolitaine d'Auch* (*Cartulaire noir*) N 45.

⁴ HGL, V, N 271, 311, I, 319, 358; *Cartulaire de l'abbaye de Conques en Rouergue*, publ. par G. Desjardins. P., 1879, N 61, 66, 75, 538, 547.

⁵ *Catalogue des actes de l'abbaye de S.-Pierre de Lézat*. (HGL, V), № 201 (1080 г.); HGL, V, № 358 (1085 г.); *Cart. Ordre Malte* (publ. par A. Du Bourg. *Ordre de Malte: Histoire du grand-prieuré de Toulouse*, 1883), N 1; *Catalogue des actes de l'évêché de Béziers*. (HGL, V), N 50.

⁶ *Cartulaire général de l'Ordre du Temple*, 1119?—1150; publ. par d'Albon. P., 1914; N 63, 129; HGL, V, N 533.

⁷ «*supervenientes homines*» (*Cart. Conques*, N 66); «*conjugientes*» — HGL, V, N 358.

грамоте об основании убежища Сен-Жермье в округе Мюрэ¹. При этом светские сеньоры-дарители не сомневались, что основываемое убежище привлечет немало их собственных крестьян, и лишь оговаривали, чтобы в этом случае новые поселенцы уплачивали обложенные чинши своим прежним сеньорам². А виконт Безье и Каркассона Ружер, делая подобное дарение, запретил тамплиерам принимать в качестве поселенцев его зависимых людей³. Вот почему феодалы нередко (особенно на первых порах) пытались воспрепятствовать основанию убежищ. Так, сеньор Лавора Гильем, жалую в 1065 г. Конкскому аббатству церковь св. Христофора с угодьями, ставит условием, чтобы монахи никогда не основывали там убежища⁴.

Но раскорчевать лес, поднять новь можно было только привлекая поселенцев-крестьян. Порой на территории убежищ открыто запрещалось проживание рыцарей и их слуг—*«nullus miles neque cliens»*, как сказано в учредительной грамоте (1106—1111 гг.) убежища Сент-Фуа в тулузской округе⁵. Вполне понятно—монахи не хотели делить с другими феодалами доходы от нового поселения, о чем без всякого стеснения и писали⁶. Зато, основывая вместе с двумя светскими землевладельцами убежище Матапезюль (1080 год), тулузский Сен-Серненский монастырь прямо предназначал его «для нужд бедняков» (*ad opus pauperum*)⁷. Разумеется, «забота о бедных» была только благочестивым прикрытием корыстных интересов церковников (как мы только что это видели), но не подлежит сомнению, что широкая практика основания сальветатов смогла развернуться только на основе реального притока сельского бедного люда, выталкиваемого из деревни ростом населения, дроблением наделов, острым малоземельем.

Только на этой основе сумели госпитальеры на комменажских холмах (в верховьях Гаронны и на ее притоках), в то время покрытых густыми лесами (Буконский лес), на сравнительно небольшом пространстве в 50 км длины и 20 км ширины, между Мюрэ и Сен Годансом, в течение XII в. основать свыше 40 деревень-убежищ. Этим путем они стремились уловить, закрепить и использовать для распашки нови и разведения скота те многочисленные в эту пору безземельные и бездомные элементы, которые из горных долин Пиренеев устремлялись к равнинам в поис-

¹ «de alia terra et de alio senioratu». — HGL, V, N 358.

² Ibid.

³ «excepto de meis hominibus» (Cart. Ordre Temple, N 63).

⁴ Catalogue des actes relatifs à l'église de Lavaur. (HGL, V), N 1.

⁵ Cart. Conques, N 547.

⁶ «omnisque census et omnes fiducie et omnes redditus et leide macello-tum et salis et omnes donationes sint monachis in perpetuum». — Ibid.

⁷ Cart. S.-Sernin, N 548. Основывая в 1155 году кастелл Гризоль (см. ниже), граф и Сен-Сернен предусматривали проживание там и таких поселенцев, которые не имеют никакого рабочего скота и обрабатывают землю собственными руками — *braciarum*. (Cart. S.-Sernin, N 106).

ках свободных земель¹. При этом поселенцам здесь нередко предоставлялись карликовые наделы, достаточные лишь для постройки хижин², да право свободного пользования лесом, — безземелье делало привлекательными для поселенцев даже и такие условия. Если, например, в 1117 г. для основания убежища в округе Орияка (около 30 км юго-восточнее Тулузы) госпитальеры получили от графа Буржена и других сеньоров почти 500 га земли обработанной и, главным образом, необработанной (преимущественно лесов для расчистки) причем специально выделялась земля для крестьянских дворов *casales*³, то очевидно, что в округе были значительные резервы рабочей силы, не имевшей источников существования и искавшей прочного приложения⁴. Более того, безземелье побуждало крестьян в отдельных случаях брать обремененные повинностями держания сроком только на год⁵.

Какова была в эту пору та крайняя степень крестьянской бедности, нужды, доходившей до нищеты, которая гнала людей в жалкое положение конверсов, в монастырские заимки и сальветаты, ярко живописал сам Бернар Клервоский в известной «Проповеди к конверсу»⁶.

Но в сальветатах гнала крестьян также и тяжесть феодальной эксплуатации в старых поместьях, откуда они бежали. Источники не оставляют сомнения в том, что очень часто они были сервами. Самые грамоты называют их беглыми (*confugientes*)⁷.

¹ Ch. Higounet. *Peuplement*, p. 495; P. Ourliac. *Sauvetés du Comminges*, p. 23—147. Свои владения здесь госпитальеры продолжали расширять и в XIII веке (*Inventaire-sommaire des archives départementales antérieures à 1790. Haute-Garonne. T., 1927, t. I, N 219*).

² Ch. Higounet. *Occupation du sol*, p. 317—320.

³ *Documents Libertés Municipales*, N 3.

⁴ Разумеется, соперничество между феодалами (особенно между церковными и светскими) в погоне за рабочей силой в создавшихся условиях побуждало их соперничать и в предоставлении льгот новоприходцам. Но примечательно, что иногда основание новых селений-убежищ не сопровождалось дарованием вольностей или же эти вольности были крайне незначительны. (См., например, HGL, V, N 439). Очевидно, монахи имели основания не беспокоиться относительно притока поселенцев: людей, нуждавшихся в земле, в обычном наделе феодально-зависимого крестьянина было достаточно. На материале истории сальветатов в Борделэ в XI веке аналогичные явления отмечает Ш. Игунэ. (Ch. Higounet. *Bordeaux*, p. 241).

⁵ Cart. S.-Sernin, N 175: *per unumquemque annum, ut faciant servitium*. М. Кастэн-Сикар рассматривает их как наемных работников. (M. Castaing-Sicard. *Confrat de travail dans la vie toulousaine des XII et XIII ss.* — «Recueil Soc. hist. des pays de droit écrit». Montpellier, 1958, p. 87).

Но грамота при всем ее косноязычии говорит не только о каком-то наделении (*homines acasalads*), но также и о продуктовых оброках — преимущественно зерном.

⁶ «У тебя не было ни чулок, ни башмаков, ты ходил полуголым, холод и голод мучили тебя. Ты прибежал к нам, и мольбы твои открыли тебе двери аббатства. Нищим, Христа ради приняли мы тебя. И с тех пор у тебя — точно ты равен ученым и знатым, находящимся в нашей среде, — есть и пища, и одежда, и все, что надо». (Цит. по кн.: Л. П. Карсавин. *Монашество в средние века*, СПб, 1912, стр. 61).

⁷ HGL, V, N 358.

Видимо, также для того, чтобы не допустить сыска беглых сервов, основатели сальветата требуют от сеньоров-дарителей клятвы, что они не будут вторгаться на территорию убежища¹. А для привлечения поселенцев на новое место основатели убежищ обещают им не только надел, облегчение повинностей, свободу пользования угодьями, но также гарантию свободы поселения и свободы ухода из сальветата². Очевидно, для очень многих переселение в сальветат означало разрыв с сервильным состоянием. Он был нелегко. И вчерашние крепостные не хотели рисковать приобретенной свободой. Вопреки легковесным утверждениям тенденциозных компиляторов о якобы раннем и незаметном рассасывании серважа в Лангедоке³, источники рисуют существенно иную картину⁴. К противоположным выводам приходят и наиболее вдумчивые исследователи⁵. Леон Дютиль имел достаточно оснований для своего заключения: население сальветатов в основном состояло из беглых сервов⁶.

Все эти данные заставляют по-новому взглянуть на происхождение сальветатов и на соотношение общественных сил в процессе их возникновения. На авансцене этого процесса выступают монастыри, и историки обычно отдавали церкви пальму первенства, как безусловно заслуженный ею в этом движении трофей⁷. В действительности внимательное рассмотрение фактов убеждает, что импульс, породивший это движение, исходил отнюдь не от церкви и сеньоров. Исследуя историю внутренней колонизации, развернувшейся в XI—XII вв. в низовьях Гаронны,

¹ HGL, V, N 311, I, 358.

² «libere licebit intrare et exire», Ibid., ibid.

³ P. Belperron. La croisade contre les Albigeois et l'union de Languedoc à la France, 1209—1249. P., 1942, p. 25.

⁴ Cart. S.-Sernin, N 58, 62, 63, 80, 105, 106, 132, 141, 174, 181, 203, 231, 239, 240, 243, 260, 264, 266, 267, 268, 297, 301, 302, 304, 305, 307, 311, 315, 323, 326, 331, 335, 368, 370, 382, 387, 388, 392, 394, 401, 416, 435, 491, 492, 513, 514, 525, 527, 529, 536, 538, 539, 588, 599, 689, 692, 698; Ap., N 12, 45, 61, 62; Archives dépt. H.-Garonne. Répertoire S.-Sernin, t. 1, fol. 6 v; HGL, V, N 277, 367 II; Catalogue de la Grasse (HGL, V), N 69, 122; A. Du Bourg, p. 178; L. Ménard, I, p. 71; Coutumes de Gimont (AM, 1896), art. 3; E. Rossignol. Gaillac, p. 26.

⁵ M. Bloch. Société féodale, p. 407; P. Ourliac. L'hommage servile dans la région toulousaine. (Mélanges d'histoire du Moyen Age dédiés à la mémoire de Louis Halphen. P., 1951).

⁶ L. Dutil, t. I, p. 117. В этом смысле очень показательны условия, на которых в 1095 году епископ Арталлий и Гильем-Рамун, граф серданьский, основали «вольную деревню» Villam Liberam (затем Вильфранш-де-Конфьян) на р. Теш, на границе Руссильона и Сердани: отмена серважа, освобождение от всех поборов на первые два—три года, дарование рынка. (Privilèges et titres de Roussillon et de Cerdagne, publ. par B. Alart, I, Perpignan, 1874, p. 36).

⁷ Этому преувеличению роли церкви и конфессиональных мотивов в основании сальветатов отдал дань и Жак Флак (J. Flach. Origines, II, p. 150, 171—176, 211) и даже Марк Блок (М. Блок. Характерные черты, стр. 27). Сеньоров и церковь объявляет главными побудителями этого процесса современный бельгийский историк Л. Веррьер (L. Verriest. Nouvelles études d'histoire urbaine. Gembloux, 1948, p. 2).

Шарль Игунэ также подметил, что сальветаты вобрали в себя только частицу новоселов этой эпохи. В огромном большинстве случаев распашка нови производилась крестьянами-пионерами самовольно, фактически путем захвата. Самовольно возникло и большинство новых деревень и поселков. Церковь, богатая землями, лишь старалась направить этот неудержимый поток в русло ее интересов, придать ему удобную для нее форму. Основание сальветатов отразило силу напора безземельного сельского люда: нередко новоселам не предоставляли почти никаких льгот, в других случаях можно видеть, насколько неохотно церковь шла на предоставление вольностей жителям сальветатов, лишь вынуждаемая к этому силою обстоятельств¹. Иначе все равно земля была бы захвачена, а поступление феодальных повинностей — не обеспечено.

В этой связи Ш. Игунэ обратил внимание на совпадение в XI—XII вв. двух процессов: «обновления церкви» и внутренней колонизации². Совпадение это, разумеется, отнюдь не было случайным. Только в действительности связь здесь была не та, какую видели обычно, а обратная: не колонизация вследствие благотворной роли обновленной церкви, а «обновление» (обогащение, усиление, возвышение) церкви вследствие использования ею важнейших новых экономических и социальных сил эпохи, в том числе и великого движения внутренней колонизации, пробужденного и осуществленного крестьянством.

Освоение новых земель, сельскохозяйственная внутренняя колонизация требовала много свободных рук. Но, очевидно, и она не могла поглотить всей массы (для того времени — весьма значительной) бедного люда, выталкиваемого и бежавшего из поместий. Это должно было вести к частичному отливу рабочей силы из земледелия в ремесло и торговлю. Процесс этот в известной мере происходил уже в рамках самих сальветатов. Нередко грамоты об их основании обещают поселенцам свободу пользования не только лесами, пастбищами и водными источниками, но также и рынками³. В 1090 году вследствие вторжения тулузского графа⁴ рынок из сальветата Сен-Жермье пришлось перенести в город Мюрэ: очевидно, рынок был достаточно значителен, если привлек грабительские аппетиты такого могущественного сеньора. В некоторых сальветатах с самого начала предусматривалось получение доходов от обложения мясного промысла и засола мяса⁵.

Но и там, где учредительные хартии ничего не говорят о ремесле, его развитие, как и развитие торговли, в значительной

¹ Ch. Higounet. Bordeaux, p. 240—245.

² Ibid., p. 240.

³ HGL, V, N 311, I; 358.

⁴ «propter invasionem quam fecit Guillelmus comes Tholose de salvetate Sancti Germerii et de mercato» (HGL, V, N 379).

⁵ Cart. Conques, N 547.

степени было predeterminedено здесь, во-первых, ограниченностью размеров наделов¹, а во-вторых, присущей сальветатам большей безопасностью и свободой крестьянина в распоряжении своей личностью и имуществом, а значит — и большей свободой оборота. Вот почему из сальветатов, возникавших как земледельческие колонии, зачастую вырастали полуаграрные-полугородские местечки, а порою и такие значительные торгово-ремесленные центры, как Гренада-на-Гаронне (бывшая первоначально «заимкой» аббатства Грансельв)².

Уже в первой половине XII века вслед за церковниками в выгодное дело основания новых поселений включаются светские феодалы и прежде всего графская власть. Тулузские графы при этом преследовали и стратегические цели. Стремясь отстоять свою независимость как от нового владыки Гаскони — английского короля, так и от своего непосредственного сюзерена — короля французского, они начинают возводить опорные пункты на западных и северных окраинах Тулузского графства. Так, в связи с постройкой графской крепости селение Вильлонг превращается в Капельсарразен — важный опорный пункт на дороге из Тулузы в Муассак и Ажен³. В 1144 году Альфонс-Журден и его сын Раймунд (будущий граф Раймунд V) основали новый город Монтобан⁴. В 1155 году по соглашению с Сен-Серненским аббатством и двумя светскими сеньорами Раймунд V основал кастелл Гризоль (близ Вердена-на-Гаронне)⁵. Эта деятельность графской власти продолжалась и в следующем столетии — Раймундом VII и Альфонсом Пуатье, и затем вплоть до первых десятилетий XIV века — французскими королями, а в Гаскони — их английскими соперниками. В эту пору новые поселения получают, как правило, название бастид⁶.

Однако существо процесса не изменилось. Население бас-

¹ Так, например, карликовые наделы во многих комменжских сальветатах госпитальеров не могли не вынуждать их поселенцев к занятию лесными промыслами.

² А ведь, казалось бы, с юридической точки зрения, сальветат был всего лишь разновидностью феодального иммунитета. История сальветатов лишний раз свидетельствует, что новые экономические и социальные силы могут использовать, могут выливаться в старые формы (нередко первоначально никакими другими они и не располагают), но это не делает новое повторением старого. Содержание подчиняет форму и ставит ее себе на службу (пока не выработает новых, адекватных форм). Как справедливо заметил по другому поводу Ж. Эспинас, «старая юридическая оболочка используется для новых социальных реальностей» (G. Espinas. Histoire urbaine. — AHES, 1933, p. 362).

³ Ch. Higonnet. Occupation du sol. p. 321—325.

⁴ Catalogue des actes de Raymond V, N 2.

⁵ Cart. S.-Sernin, N 106.

⁶ Enquêtes administratives d'Alfonse de Poitiers, éditées par P.-F. Fournier et P. Guébin. P., 1959, N 128, § 98, 305; Catalogue de Grandseigne, N 888; Gascon Rolls preserved in the Public Record Office, 1307—1317, ed. by Yves Renouard under the supervision of Robert Fawtier. L., 1962; см. также D. Faucher. Villes, p. 57—71.

тид, как и прежде население сальветатов, складывалось главным образом за счет притока беглого люда. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные в XIII веке жалобы местных сеньоров на ущерб, наносимый их интересам основанием бастид, конфликты между ними и графскою властью на этой почве и настойчивые усилия городов (при поддержке графской администрации) отстоять от посягательств сеньоров неприкосновенность личности и имущества беглых крестьян, поселявшихся в бастадах¹.

Это значит, что и в XIII столетии продолжали действовать те силы, которые породили и питали процесс возникновения новых, льготных поселений. Это подтверждается и большими размерами бастид и ростом доходов от них. В бастиде Бомон-де-Ломань, основанной в 1279 году близ Кастельсарразена королевскою властью совместно с аббатством Грансельв, количество домов, предусмотренное соглашением об ее основании, должно было составить тысячу². Очевидно, планы таких крупных бастид не были утопичными, и приток поселенцев не заставлял себя ждать, если уже в августе того же 1279 года король Филипп III поспешил даровать новоявленному Бомону кутюм³. А уже через 9 лет, в 1288 г., королевское казначейство через Тулузское сенешальство получило с бальяжа новой бастиды в качестве королевской доли 102 ливра 10 солидов в тулузской монете⁴. Как показывают казначейские книги сенешальства, это значительно больше, чем с других, гораздо более крупных и богатых «старых бальяжей», где важнейшие источники доходов были расхвачены еще до подчинения королевской власти. Ненасытная жадность Филиппа IV и его изощренное умение изыскивать новые и новые доходы достаточно известны. И если королевская власть продолжала и при нем основывать новые бастиды, присваивая себе в них треть, половину, а то и все доходы целиком⁵, то очевидно, что в Тулузском сенешальстве и в конце XIII века приток в новые поселки «избыточного» и беглого населения оставался реальным фактом жизни⁶.

Вообще наблюдения, которые удается извлечь из тщательно-го исследования данных топонимики и антропонимики⁷, подво-

¹ Enquêtes d'Alfonse de Poitiers, N 7, § 11—22, N 8, N 128, § 436. 437; Gascon Rolls, N 1626.

² Catalogue des actes de Grandselve, N 888.

³ Ibid., N 889.

⁴ Comptes Royaux; t. II, N 16814.

⁵ Ibid., N 17098, 19099.

⁶ Известную ограниченность процесса основания бастид в восточной части Тулузена и особенно в Нижнем Лангедоке, которую устанавливает Ш. Игунэ (Ch. Higounet. La frange orientale des bastides. — AM, 1949), по всей видимости, должно объяснить прежде всего последствиями Альбигойских войн, наиболее тяжкими именно для этого района. Здесь еще долго задача состояла не в основании новых, а в восстановлении старых населенных пунктов.

⁷ Ch. Higounet. Bordeaux, p. 244, 261, 265, 280

дят к выводу о том, что на протяжении XI, XII, XIII столетий приток деревенских иммигрантов в новые поселения и города нарастал волнами. Во второй половине XII и особенно в XIII веке этот приток стимулировался не только внутрипоместными процессами, но, вероятно, в неменьшей мере обратным воздействием города, интенсивного развития товарно-денежных отношений. Этим, видимо, следует объяснить большую широту вольностей бастид этого времени, большее ограничение в них прерогатив сеньора, более всестороннюю защиту неприкосновенности имущества поселенцев — вообще значительно большую зрелость их «городского права»¹.

По своему экономическому облику бастиды обычно были, подобно сальветатам, аграрными поселениями². Но нередко из них сравнительно быстро вырастали полуаграрные — полуторговые местечки, а то и значительные локальные торгово-ремесленные центры. Если, например, при основании упомянутой бастиды Бомон каждому поселенцу отводился только участок для постройки дома (*casal*) и по одному арпану под виноградник³, то очевидно, что без покушного хлеба эти новоселы прожить не могли, что их виноградарство с самого начала должно было иметь доминирующую товарную направленность и что бастида должна была стать рыночным центром⁴. Такою же, как правило, была и линия развития «оборонительных» бастид. Ведь наиболее важные стратегические пункты располагались на важнейших дорогах, и, значит, развитие товарного оборота по этим дорогам и, тем более, в узловых пунктах, должно было превратить такие кастеллы в торговые и торгово-ремесленные центры.

Яркое тому свидетельство — Кастельсарразен, который, гораздо более чем крепостью, стал важнейшей графской мытней на водной (гароннской) и сухопутной дороге из Тулузы на север⁵. Именно на этой почве быстро выросло его население⁶. Едва ли можно сомневаться, что и такие бастиды, как Бомон, быстро увеличивали свое население и приносимые им доходы прежде всего благодаря быстрому развитию рынков.

В ряду этих же явлений должно рассматриваться и происходившее в этот период основание новых городов. Было бы заблуждением представлять себе эти города непременно и с самого начала в качестве сложившихся торгово-ремесленных цент-

¹ См., например, учредительную хартию бастиды Креон в Гаскони (1316 г.). (*Gascon Rolls*, N 1626).

² Яркий пример — *Cart. S.-Sernin*, N 106.

³ *Catalogue de Grandelve*, N 888.

⁴ Позднейшие данные действительно рисуют Бомон как крупный центр виноторговли. (См. Ph. Wolff. *Commerces et marchands de Toulouse* (vers 1350 — vers 1450). P., 1954, p. 191, 192, n. 141, 150):

⁵ *Cart. Bourg*, N 55.

⁶ Ch. Higounet. *Occupation du sol*, p. 321.

ров. Если таковым затем сделался Монтобан, то прежде всего благодаря выгодному положению на пересечении водного пути по Тарну и сухопутной дороги из Тулузы на север. Но и поселенцы этого города при его основании были наделены землями, для обработки которых они должны были регулярно переправляться через Тарн. Да и основан он был в ряду других опорных пунктов — кастеллов и бастид, расставленных в XII—XIII вв. графскою властью на севере Тулузена.

Современники далеко не всегда умели четко различать новые города и сальветаты, кастеллы и бастиды¹. И неудивительно: кастелл Гризоль остался всего лишь земледельческой колонией, а монастырская заимка Гренада-на-Гаронне превратилась в заметный торговый городок. Основывая в 1134 году город Рамет, тамплиеры планировали в нем 46 дворов², а в уже известной нам бастиде Бомон-де-Ломань число их с самого начала (1279 год) составляло тысячу³. Это, несомненно, свидетельствует о том, насколько в XIII столетии возрос приток «избыточного» и беглого населения из поместий, но также и о том, насколько условным было деление новых поселений на различные типы. В сущности это были лишь разные формы одного и того же общего процесса. Важно было — насколько то или иное из них сумеет привлечь к себе этот приток.

Что касается торгово-ремесленного развития, то тенденция в этом направлении была продиктована общим ходом процесса и во многих случаях может быть прослежена достаточно четко. Ведь даже в маленьком Рамете, с его полусотней усадеб самый размер этих усадеб, предусмотренный его основателями, — по 4 пертики⁴ — едва ли позволяет видеть здесь сельскохозяйственное поселение. Такие «наделы» в 0,15 га могли играть лишь сугубо подсобную роль и сами по себе предполагали наличие у их владельцев неземледельческих занятий.

В 1246 году купив у аженского епископа за 500 ливров запустевшее и поросшее лесом место Пюимироль (близ Ажена), тулузский граф Раймунд VII основал новый город Гранкастель. Для этой цели граф, находившийся в эту пору в весьма стесненных финансовых обстоятельствах, не пожалел части своих доходов от известной Мармандской таможни на Гаронне, обязавшись вымлатить епископу обусловленную сумму в несколько

¹ Enquêtes d'Alfonse de Poitiers, N 7, § 11—22. Сеньоры Сент-Антонена в Руэрге, жалую около 1144 г. его горожанам вольности, обязались не отнимать имущества у тех, кто переселяется в Сент-Антонен как в убежище — pro salvamento (Layettes, t. I, N 86); «bastida seu villa» (Gascon Rolls, N 1626); См. также HGL, V, N 566, II. В 1060 г. архиепископ Новемпопулани Аустид основал новый город Нугароль (Cart. Auch, N 14), но он так и остался незначительным местечком.

² Cart. Ordre Malte, N 13, 14.

³ Catalogue Grandselve, N 888.

⁴ Cart. Ordre Malte, N 14.

сроков¹. Очевидно, он рассчитывал с лихвой возместить эти затраты за счет доходов от нового города и при этом — в весьма короткий срок. Это значит, что доходы эти должны были вытекать из торгово-ремесленного источника. Между тем обосноваться на поросшем лесом месте и освоить его не могли бы люди, совсем чуждые земледельческим занятиям.

Как бы ни именовалось данное новое поселение, во что оно вырастет в действительности — в каждом отдельном случае зависело от конкретных условий. Основу же его роста и развития везде составлял широкий приток деревенских пришельцев, искавших земли, более свободных условий приложения труда и, в значительной мере,—доступа к торгово-ремесленной деятельности.

Содержание процесса не менялось от того, были ли это сервы или «свободные» феодально-зависимые держатели². Хотя в жалобе папе аббат св. Теодарда назвал всех жителей монастырской слободы Монториоль сервами, это, видимо, было преувеличением, рассчитанным на то, чтобы усилить впечатление. Но когда в 1144 году тулузский граф Альфонс-Журден по соседству с Монториолем основал Монтобан, жители Монториоля восстали против аббата и устремились в новый город, расположенный на берегу реки и более удобный для торговли. Едва ли случайно тулузский граф, основывая Монтобан, провозгласил: каждый поселенец будет свободным, как только он коснется почвы бастиды³. Насколько можно понять из соглашения, заключенного в 1140 г. между Гильемом де Монпелье и епископом магелонским, беглые подданные последнего были людьми лично свободными (им разрешалось, с согласия каноников, продать свои держания). Но они бежали, бежали целыми семьями с церковных земель в соседний Монпелье⁴. По мере развития городов сальветаты, затем бастиды, как справедливо замечает Ш. Игунэ, зачастую основывались сеньорами именно для того, чтобы задержать местное избыточное население и помешать его отливу в город⁵.

¹ Catalogue des actes des comtes de Toulouse (HGL, VIII), N 330.

² Ф. Л. Гансхоф подчеркивает наличие в среде населения раннего города беглых сервов из соседних поместий, в отношении которых сеньоры пытались осуществлять право сиска. (F. L. Ganshof. L'origine, p. 352).

³ F. Galabert. Le nombre des hommes libres dans le pays de Tarne-et-Garonne aux XI-e et XII-e siècles. — BHATG, 1901, p. 31—32.

⁴ Liber instrumentorum memorialium, éd. A. Germain. Montpellier, 1884—86, N 43; см. также N 40, 41; HGL, V, N 545; Layettes, I, N 70.

⁵ Ch. Higounet. Peuplement, p. 494. Выразительно записал хронист Людовика VII: «Выстроил он несколько новых городов, чем, без сомнения, разорил многие церкви и рыцарей, от которых бежали в эти города их люди...». (Цит. по О. Тьерри. Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия. — О. Тьерри. Избранные сочинения. М., 1937, стр. 26). В этом смысле дарование коммуны действительно означало «умаление сеньории». (См. A. Luchaire. Les communes françaises, p. 279—80).

Следует отметить, что в Тулузене «основанных» городов было немного, а больших в их числе вообще не было. При всем значении сальветатов и бастид не из них вышли главные городские центры классического средневековья в этом районе. Главными пунктами притяжения крестьянской иммиграции и элементов отпочковывавшегося ремесла, главными очагами нового городского развития здесь явились бурги. Во французском употреблении (в отличие от немецкого) слово бург не было связано с представлением о каких-то мощных укреплениях, крепостях, замках. Словом этим в ту эпоху обычно обозначали небольшое поселение, группу домов или усадеб, по частям или в целом обведенных ровом или земляным валом¹. Иными словами, первичным здесь было не укрепление, а поселок². Затем, по мере быстрого разрастания этих поселков (как правило — под стенами ситэ), слово бург стало названием подгородных слобод, укрепленных обычно подобным же образом, только более основательно³. Такой пригород (*suburbium*) в Нидерландах обычно назывался *portus*, в Германии *Vorstadt*, во Франции *bourg* — *бур*⁴.

Возникновение бургов в эту эпоху было общим процессом для всех тех районов, где имелись какие-то протогородские поселения, унаследованные от прошлого — *civitates* и *castra*. Как считает Франсуа Гансхоф, в Северной Франции, прирейнской Германии и Нидерландах этот процесс начинается в X веке и широко разворачивается в XI⁵. Приблизительно в то же время он охватывает и Юг.

Для Южной Франции, где абсолютно преобладали города античного корня, возникновение бургов в эту эпоху стало знаменем времени. Отдельные старые ситэ (особенно портовые) стали обрастать бургами очень рано. Так, в Арле зачаток Старого бурга отмечается уже с начала X века⁶. Самые старые из нарбоннских бургов — Кориан и Бельвез упоминаются в источниках уже в 990 г.⁷, но это были еще маленькие поселки, лепившиеся у городской стены⁸. В первой половине XI века по другую сторону моста через Оду у старой римской дороги возник буду-

¹ E. Griffe. L'ancien suburbium de Saint-Paul à Narbonne. — AM, 1943; p. 458, 472; E. Ennen. Frühgeschichte, S. 124—29.

² Ф. Лот прямо приравнивает понятия *bourg* и *vicus* — поселок. (F. Lot. Recherches, I, p. 59). См. также: J. Corboulani. Essai de solution géographique du problème des origines de Toulouse. — AM, 1950, p. 111.

³ A. Dupont. Cités, p. 503; G. Duby. Villes, p. 245.

⁴ Гансхоф считает, что слово бург в этом значении пришло из юго-восточной Франции (F. L. Ganshof. Villes, p. 24), и для Северной Европы оно так, очевидно, и было. Но, как показывает одно место из Лиутпранда Кремонского (см. E. Ennen. Frühgeschichte, S. 125), истоки этой семантики, видимо, следует искать в Италии.

⁵ F. L. Ganshof. Villes, p. 28—31.

⁶ P. A. Février, p. 102—103.

⁷ HGL, V, N 151. Затем появился Вильнёв.

⁸ F. Lot. Recherches, I, p. 311.

ший бург Сен-Поль¹. При этом следует иметь в виду, что Нарбонна с ее портом и узловым положением на Домициевой дороге в том месте, где от нее ответвлялась Аквитанская дорога на Каркассон и Тулузу, должна была особенно рано привлечь к себе самые первые ручейки едва возникавшего потока сельской иммиграции, территория же римского ситэ (23 гектара) здесь, как и в Арле, была очень мала. Однако примечательно, что даже при этих, можно сказать исключительных, условиях нарбоннские бурги складываются окончательно только в первой половине XII века².

В XI—XII вв. возникают внешние бурги Марселя, Экса, Рьё, Гапа³, Ниццы, Грасса⁴ и некоторых других городов Прованса. Но окончательное складывание городских бургов в этом районе, как полагает П. А. Феврие, следует отнести лишь к середине XII века. Так, даже в Арле только к этому времени вполне оформляются Старый и Новый бурги и возникает бург Тренктай — на противоположном берегу Роны⁵. В XII—XIII веках возникло несколько бургов Авиньона⁶. В XIII же веке возник и Салон — новый город около старого *castrum*⁷.

У городов Лангедока бурги в большинстве случаев возникают в XI веке и окончательно складываются в начале следующего столетия. Так, уже около 1056 года мы узнаем о существовании двух пригородов Безье, приносящих доход местному епископу⁸. Третий бург принадлежал виконту⁹. В Альби, с его карликовой *civitatula* (1,3 гектара), мелкие поселки по берегу Тарна стали возникать еще в IX веке. Уже в первой половине XI века вокруг брода, а затем моста через Тарн они слились в слободу Сен-Сальви¹⁰. Столетием позже по соседству с нею возник Новый бург — Бургетноу¹¹. Бурги Каркассона впервые упоминаются в 1067 году¹². В XII веке здесь, по берегу Оды, вокруг цитадели — Ситэ складываются три слободы¹³. В Бокере в конце XI — начале XII века рядом с *castrum Ugernum* (вышгородом) появился «нижний город» торгового значения; рядом с этим новым городом, вдоль Роны, возникла знаменитая ярмарка¹⁴. К середине XII века

¹ HGL, V, N 207, I; 227 *ibid.*, N 273, II, 341.

² HGL, V, N 445; E. Griffe, p. 472—473.

³ F. Lot. *Recherches*, I, p. 176—177, 438, 457, 484.

⁴ P. A. Février, p. 103, 105—106.

⁵ *Ibid.*, p. 102—103, 107, 115—117.

⁶ F. Lot. *Recherches*, I, p. 158.

⁷ P. A. Février, p. 104. Вокруг Бордо в XII веке возникло несколько бургов. (Ch. Higounet. Bordeaux, p. 273, 277).

⁸ Catalogue des actes relatifs à l'évêché de Béziers. (HGL, V), N 27.

⁹ HGL, V, N 515 (1131).

¹⁰ HGL, V, N 205; F. Lot. *Recherches*, II, p. 168—172.

¹¹ HGL, V, N 653, III; F. Lot. *Loc. cit.*, p. 173.

¹² HGL, V, col. 546.

¹³ D. Faucher (R. Plané). Villes, p. 78; J. Poux. La Cité de Carcassonne. T., 1922, p. 20.

¹⁴ G. Sautel, p. 327—28.

мелкие поселки у стен Агда складываются в Бург¹. В том же столетии возникает бург Родеза². В ту же пору или несколько позднее возникает бург вокруг более мелких городов. Так, в городе Фрезелас, близ Памье, уже в середине XII века различали «старый город» и «новый город»³. В середине XIII века вокруг Вердена-на-Гаронне было уже три пригородных слободки (baggerii)⁴. В Лодеве в 1219 году отмечается несколько бургов⁵. Этот перечень можно было бы продолжить. Но и сказанного достаточно, чтобы стала несомненной всеобщность процесса образования внешних бургов в эту эпоху, особенно на провансальском Юге.

Однако некоторые историки склонны отрицать закономерность и важность этого процесса. Так, Ж. Сотель считает возникновение внешних бургов «менее оригинальным» и более редким на Юге, чем на Севере⁶. Наиболее характерным для городов этого района он считает возникновение новых центров сосредоточения населения и экономической жизни **внутри** старых городских стен: вокруг собора, епископской резиденции и, быть может, вокруг возникающего рынка⁷. Он ссылается при этом на историю Нима и Арля. Но пример Нима совсем не показателен: давно установлено, что необычайно протяженные его стены (возведенные, по всей видимости, еще в I или II веке) окружали не только город, но и городские земельные угодья (около 275 гектаров) этой любимой колонии Августа в Нарбоннской провинции⁸. В пределах этих стен незаселенные пространства всегда были обширнее заселенных, но едва ли это дает право считать возникавшие здесь новые поселения внутренними. Что касается Арля, то, как мы видели, его возрождение началось с возникновения бургов. Если некоторые из них (это относится и к Ниму) частично располагались «внутри» римских стен, то не забудем, что после варварских завоеваний, арабских набегов и обратного отвоевания городов эти стены по преимуществу лежали в обломках. Вокруг уцелевших римских арен, превратившихся в цитадели, бургы возникали как фактически новые поселения. Не более удачны примеры Авиньона и Альби. Сотель и сам признает, что в первом Сен-

¹ R. Aris et J. Picheire. Essai sur le développement topographique d'Agde. — AM, 1960, p. 132.

² J. Bausquet. Les premiers privilèges communaux en Rouergue. — BPhH (1961). P., 1963, p. 17.

³ HGL, V, N 579.

⁴ Corr. Alfonse de Poitiers, I, N 822.

⁵ Cartulaire de la ville de Lodève; publ. par E. Martin. Montpellier, 1900, N 43.

⁶ G. Sautel, p. 321. Напротив, Ф. Лот перечисляет немало именно северофранцузских городов, в которых не было сколько-нибудь значительных пригородов: Камбрэ, Лан, Нуайон, Санлис, Сен-Кантен. (F. Lot. L'histoire urbaine. — «Journal des savants», 1935, p. 80).

⁷ G. Sautel, p. 319.

⁸ F. Lot. Recherches, I, p. 353—354.

Пьерский бург возник вне старой крепости (Агх), а второй оброс пелым рядом пригородов¹.

Действительно, бывали случаи возникновения новых, торгово-ремесленных поселений внутри старых ситэ. Но главным образом на Севере, да и здесь преимущественно как исключение — там, где территория ситэ была особенно велика, что было редким явлением².

Тенденциозная позиция Ж. Сотеля явно противопоставлена школе Пиренна. Именно А. Пиренн и его ученики подметили экономическую новизну бургов, выделили их значение, и в этом их несомненная заслуга. Но при этом они впали в крайность и абсолютизировали противоположность между бургами, как очагами новых начал, и ситэ, которые будто бы на протяжении всего средневековья оставались оплотами экономической неподвижности³. Против такого упрощенного противопоставления, аргументируя материалом истории северофранцузских городов, еще в 30-е годы возражали Ф. Веркаутерен⁴ и Ф. Лот⁵. Что касается Южной Франции, то факты истории ее городов, и в частности Тулузы, в классическое средневековье убедительно свидетельствуют, что торгово-ремесленное развитие захватывало в эту пору и старые ситэ. Но эти же факты говорят о том, что бурги возникали раньше, чем ситэ превращались в торгово-ремесленные центры, что в ситэ это развитие начиналось позже и шло значительно медленнее⁶.

Возникновение внешних бургов было процессом глубоко закономерным. Это был один из главных путей возникновения средневековых городов как очагов ремесла и торговли, особенно там, где предшествующая история оставила старые ситэ. Именно этими чертами отличаются известные нам бурги. Ядром Нового бурга в Арле (около середины XII века) явился рынок вне городских стен; здесь были улицы кожевников и мелких торговцев. А другой арльский бург — Тренктай возник у переправы через Рону⁷. Слобода Сен-Сальви, в Альби, была торгово-ремеслен-

¹ G. Sautel, p. 320—321.

² Например, в Майнце и Вормсе, а также в Трире, который в IV веке был столицей Римской империи и потому обладал стенами непомерно большой протяженности (6500 м), или в Кёльне. Но и в Кёльне главным торгово-ремесленным центром города стало все-таки внешнее поселение — Рейнфорштадт. (См.: F. L. Ganshof. Villes, p. 24—26, 34, 45).

³ См. M. Prou. Une ville-marché au XII-e siècle: Etampes, Seine- et -Oise. («Mélanges d'histoire offerts à H. Pirenne». Bruxelles, 1926, t. 2, p. 385); F. Ganshof. Villes, p. 33—34.

⁴ F. Vercauteren. Civitates de la Belgique Seconde. Bruxelles, 1934, p. 103.

⁵ F. Lot. L'histoire urbaine, p. 79.

⁶ R. W. Emery. Heresy and Inquisition in Narbonne, N. Y., 1941, p. 22—26. Ch. Higounet. Bordeaux, p. 273, 277.

⁷ P. A. Février, p. 115, 117.

ным центром города¹. Богатство и могущество безьерского епископа, соперничавшего с виконтами, в значительной мере опиралось на обладание обильными доходами от торгово-промышленных пригородов Безье². Так было и к Северу от Луары, где, как отмечает Ф. Веркаутерен, почти повсеместное в XI веке образование бургов за пределами старых ситэ было общей формой возникновения городского рынка³. Например в Провене, в Шампани, не Верхний, старый город (хотя он был, собственно, не античным, а каролингским), но именно Нижний, новый город, был центром торговой деятельности⁴. И, напротив, в тех городах, где не возникло существенных бургов, и торгово-ремесленное развитие осталось незначительным⁵.

Учитывая эту экономическую специфику бургов, нетрудно понять, почему они возникали вне ситэ. Едва ли все дело было только в малых размерах старых поселений. Действительно, во многих южнофранцузских городах старые римские стены были тесны для восприятия массы нового населения — той ремесленной и полуремесленной бедноты, интенсивный приток которой был необходимой предпосылкой и прологом возникновения города как торгово-промышленного центра. Особенно — в таких городах, как Арль, Бокер, Каркассон, где ситэ был только более или менее обширной крепостью, или Нарбонна, где римские стены, воздвигнутые вокруг приходившего в упадок города, окружали крайне тесное пространство. Но как объяснить возникновение бурга, причем бурга очень большого (60—65% к площади Ситэ), в Тулузе, чья территория, окруженная римскими стенами, была одной из самых обширных в Галии?⁶ Более того, как показывает основание графского сальветата, еще в первой половине XII века в Ситэ имелись значительные незаселенные пространства⁷. При всей важности вопроса о территории, очевидно, одна топография не в состоянии ответить на этот вопрос. Ведь в самом деле, если, как отмечает Ж. Сотель, процесс кристаллизации городских центров искал для себя более удобных пунктов по соседству со старыми стенами⁸, значит старые ситэ (хотя и обладали известной притягательной силой) были не только тесны, но чем-то неудобны для возникновения в их стенах новой экономической жизни.

¹ D. Faucher. Villes, p. 43.

² A. Molinier. Etude sur l'administration féodale en Languedoc au Moyen Age. P., 1875, p. 262.

³ F. Vercauteren. De la cité antique, p. 137—140.

⁴ M. T. Morlet. La vie économique, p. 304.

⁵ F. Lot. L'histoire urbaine, p. 80.

⁶ F. Lot. Recherches, I, p. 317, 335—336.

⁷ Cart. Bourg, N 11. Даже в тесных стенах бордоского castrum (32 га) до конца XII века было много виноградников. (Ch. Higounet. Bordeaux, p. 253, 256).

⁸ G. Sautel, p. 320.

И это вполне понятно: для развития отношений свободного товарного производства и обмена требовались и условия, максимально свободные от всех форм феодального ограничения, обирательства и произвола, от безраздельного засилия землевладения и всей опиравшейся на него системы старых традиционных отношений и правопорядков. Недаром возникновение первых очагов торгово-ремесленной деятельности связано с основанием сальветатов, наделенных известными изъятиями и вольностями.

Старые ситэ обладали этими качествами гораздо менее, чем заново возникавшие бурги, и гораздо менее были приспособлены к восприятию притока нового, ремесленно-торгового населения. В старом поселении («городе»), с давно сложившимся аграрным складом, даже при далеко неполном заселении пространства, замкнутого его стенами, непросто было обосноваться рынку (тем более несколькими рынкам), нескоро находилось место для поселения малоимущего и неимущего люда, для их хижин, дворов и мастерских, при этом — еще таких мастерских, не очень-то удобных в жилом комплексе, как скотобойни мясников и сыромятни кожевников¹. И это — лишнее свидетельство, насколько чуждо городскому развитию было то, что было оставлено ранним средневековьем под громкими названиями *urbes* и *civitates*. То же — и в области права. Очевидно, торгово-ремесленная деятельность в тулузском Ситэ немало утеснялась графскою властью, если поселенцам сальветата (первая половина XII века) свобода занятия ремеслом даровалась как особая привилегия, вольность².

Не подлежит сомнению, что оставленные античностью и ранним средневековьем ситэ с их надежными стенами служили центрами притяжения отпочковывавшихся от земледелия торгово-ремесленных элементов. Многочисленность в этом регионе старых ситэ облегчила здесь процесс градообразования. Но процесс этот не мог осуществиться прямолинейно. Одновременно с силами притяжения действовали силы отталкивания: пришельцев встречали не только стены, но и пошлины — чтобы пройти в ворота, прежде всего нужно было платить; здесь было немало незаселенного пространства, но не было свободной земли; сеньор города, его вассалы и сержанты порою не столько защищали, сколько обирали, притесняли, реквизировали для своих нужд и просто грабили; в важнейших отраслях торговли здесь безраздельно властвовала сеньориальная монополия — меньше всего здесь

¹ Не потому ли п Гильем IV в дарении поселка Кузинас и, особенно, Альфонс-Журден при основании своего сальветата специально оговаривают свободу занятий мясным и кожевным ремеслом? Очевидно, это было исключение, на которое граф был вынужден пойти в своих собственных интересах и под натиском новоселов (или их «покровителей»).

² Cart. Bourq, N 11.

было искомой свободы. Нередко новоприходцев, особенно бедноту, сюда просто не пускали. Любопытно, что первый сальветат у стен тулузского Ситэ (1115 год) был буквально вырван у графа домогательствами лезатских монахов, которые воспользовались стечением к стенам города огромных толп народа¹. Да и сальветат Альфонса-Журдена, как можно понять из позднейшего подтверждения его вольностей Раймундом VI, был учрежден графом без большого энтузиазма и поддерживался его преемником без строгого соблюдения дарованных льгот².

Еще Жак Флак обращал внимание на остроту экономического и социального контраста между замково-церковным, сеньориальным Ситэ и «деловым» Сен-Польским бургом в Нарбонне XI—XII веков³. Ф. Гансхоф также пришел к выводу, что возникновению новых городских (с его точки зрения — торговых) центров в стенах старых ситэ мешала не только теснота, но самый «климат» этих догородских поселений, в частности, засилье церковников. Именно в этом он усматривал одну из главных причин, почему даже в Кельне, при наличии свободных пространств в римских стенах, главный торговый центр Рейнфорштадт возник вне этих стен. Не случайно уже в 1074 году горожане восстали против епископа Ганнона. Историк приходит к выводу о вторичности собственно городского развития старых ситэ по сравнению с бургами⁴.

В этой связи особенно ясно обнаруживается относительность деления средневековых городов на старые и новые. Ведь возникновение бургов означало не просто территориальное расширение старого «города» и количественное возрастание его населения. Это был процесс возникновения новых центров кристаллизации (хороший термин Ж. Сотеля!) городской жизни — хотя бы и

¹ HGL, V, N 453.

² Cart. Bourg, N 11. Любопытен конфликт, возникший в 1141 году между королем Людовиком VII и турскими горожанами. Последние, по словам короля, понастроили домов внутри, вне и высоко на стенах королевской крепости в Туре, на склонах рвов и вообще, как можно понять, заняли все, что возможно было занять (Layettes, t. I, N 75). Бросается в глаза самовольность этого заселения. Очевидно, стихию деревенской иммиграции, хлынувшей в возникавшие города, не могли остановить даже стены мощных королевских крепостей. Но утвердиться в этих стенах поселенцы могли отнюдь не в гармоническом согласии с феодальной властью, а нередко — явно вопреки желанию сеньоров, в острых столкновениях с ними.

³ J. Flach. Origines, t. II, p. 266—269.

⁴ F. L. Ganshof. Villes, p. 27, 33, p. 59. Нередко историки, отмечая факт возведения новых городских стен, заключают: старый ситэ перерос свои рамки и начал изливаться наружу (см., например, A. R. Lewis. Southern society, p. 396). В действительности, как видим, динамика возникновения средневекового города была существенно иной. На материале истории Бордо III. Игунэ проследил, что новые поселки — бурги возникали под стенами ситэ там, куда деревенских иммигрантов приводили дороги из их родных мест. (Ch. Higouet. Bordeaux, p. 264).

при стенах древних ситэ¹. И напрасно этот историк полагает, что на провансальском Юге многочисленность оставленных античностью *civitates* избавляла от необходимости дублировать их путем основания новых городов². Факты показывают, что и здесь не было такого ситэ, рядом с которым в XI—XII вв. не возник бы бург или—бург. Эти бурги фактически сами были новыми городами³. Именно они способствовали вовлечению старых ситэ в поток интенсивного товарного развития. Во всяком случае то, что теперь выступало под старым названием, было уже не прежним ситэ, каким оно досталось от раннего средневековья, но—ситэ значительно преобразованным, с новым, торгово-ремесленным бургом (или, нередко, с несколькими бургами). Это был уже в сущности совсем новый город.

Так в основных чертах рисуется процесс возникновения средневековых городов на французском Юге. Как свидетельствуют документы, оставленные эпохой, складывание Тулузы как средневекового города шло теми же главными путями.

В 1067 году тулузский граф Гильем IV подарил клюнийскому аббатству св. Петра в Муассаке поселок Сен-Пьер де Кюизин—*villa Sancti-Petri de Coquinis* (по-провансальски Кузинас) за северной стеной Ситэ⁴. Граф отказывался от каких бы то ни было своих прав в отношении этого «аллода» и проживающего на нем населения: от печного баналитета, взимания чиншей или созыва военного ополчения. Хотя в грамоте ни разу не употребляется слово «убежище»—перед нами типичный сальветат этой поры. Как обычно при основании сальветатов, граф обязуется не чинить никакого насилия над его жителями⁵. Как утверждает далее в грамоте, это пожалование первоначально было сделано еще ранее отцом Гильема—графом Понсом (1037—1061)⁶, то есть

¹ Коренные экономические и демографические сдвиги существеннейшим образом меняли и топографическую картину. Например, в Аррасе бург по территории почти в три раза превосходил ситэ. (См. P. Lavedan. *Les villes françaises*. P., 1960, p. 39). В Труа старый ситэ занимал только 16 га, тогда как новый бург превышал 43 га. В Бонне средневековые стены окружали также выше 43 га, тогда как античная *civitas* Verona занимала всего 9 га. В Кёльне территория города, обведенного стенами в 1120 году, превышала 400 га, то есть более чем вчетверо превосходила территорию особо обширного античного ситэ. (F. L. Ganshof. *Villes*, p. 45, 58).

² G. Sautel. *Villes*, p. 318.

³ Об этом, между прочим, свидетельствует и та обособленность (оборонная, муниципальная и иная), которая отличала бурги повсюду на протяжении столетий. Например, в Арле (F. Kienner. *Verfassungsgeschichte der Provence seit der Ostgothenherrschaft bis zur Errichtung der Konsulate* (510—1200). Leipzig, 1900, S. 191; F. Lot. *Recherches*, I, p. 169), в Лиможе, Нарбонне (F. Lot, *ibid.*, p. 302—303; R. Emery, p. 24, 28) и других городах.

⁴ HGL, V, № 277.

⁵ «neque ... ullam vim inferre». — Ibid.

⁶ Верность этого утверждения подкрепляется участием в этом дарении Адальмоды — матери Гильема IV, вдовы графа Понса. — Ibid.

где-то около середины XI столетия. Следовательно, уже в ту пору «аллод» был заселен. Однако, как установлено археологическими исследованиями последнего времени, церковь Сен-Пьер де Кюизин была построена еще в начале XI века¹. Значит, к началу XI столетия население поселка выросло уже настолько, что для него потребовался и мог себя оправдать отдельный храм², — а ведь неподалеку имелась Сен-Серпенская церковь! Очевидно, поселок возник значительно раньше — не позднее конца X столетия.

Кем же были жители этого поселка? В 1067 году, кроме отмеченных выше вольностей, граф предоставил им еще одну: он отказывался от взимания особой пошлыны с кож, которую платили кожевники³. Надо полагать, что, требуя этой уступки, муассакские монахи учитывали специфику этого селения и значение именно этой вольности для привлечения сюда новых поселенцев. Очевидно, основу населения поселка составляли ремесленники-кожевники. В пользу такого вывода говорит и отмеченное в грамоте расположение Кузинас, который вплотную примыкал к берегу Гаронны, — хижины кожевников были привязаны к реке самым процессом производства и именно здесь, вблизи города и ниже его по реке, они могли обосноваться⁴. Сюда стекались первые ручейки начинавшегося притока сельского населения, именно здесь мог возникнуть первый в Тулузе салветат. Очевидно также, именно в этой ремесленной природе Кузинаса следует искать объяснения того, на первый взгляд, странного обстоятельства, что небольшой поселок под стенами Тулузы стал объектом настоячивых притязаний могущественного клонийского аббатства с далекой северной окраины Тулузена.

Любопытна необычность названия «аллода», а от него — поселка и церкви. Пытаясь раскрыть его происхождение, П. Суйри

¹ G. Boyer. *Études d'histoire toulousaine*. — RALT, 1957, p. 56.

² При этом храм достаточно вместительный: впоследствии в нем неоднократно проводились общетулузские народные собрания. — См. *Chanson de la croisade contre les Albigeois* (éd. P. Meyer, P., 1875) vers 5482—5483; *Cart. Bourg*, № 80 (1222), 73 (1227). Если даже за словами «parlement», «ubi tunc erat universitas populi», «comune colloquium» — фактически не стояло все (или хотя бы все взрослое мужское) население Тулузы, то и тогда это должно было быть очень большое скопление людей. О значительности населения Кузинас во второй половине XI века говорит и наличие в поселке нескольких банальтиных печей. (HGL, V, № 277).

³ «de corris coiraterium» (HGL, V, N 277). Перед нами типичный салветат: прочие кожевники и сапожники Тулузы освободились от этой обременительной пошлыны только спустя 80 лет (*Cart. Bourg*, № 14).

⁴ Примечательно, что квартал (партида) Кузинас в Бурге явился затем центром и такой отрасли кожевенного дела, как производство пергамента: здесь было сосредоточено большинство пергаментных мастерских; здесь проживало 7/8 общего числа тулузских пергаментщиков и помещался их цеховой дом, где мастера выставляли свои изделия для продажи; здесь же, в церкви Сен-Пьер, находилась главная лампада этого цеха; и позднее улица Пергаментщиков оставалась свидетельницей этой старинной локализации ремесла (*Statutum pargamentiorum Tholose*, art. 1, 2, 14, 16. — MAST, 1896, p. 144—145 etc.; C. Douais. *Statut municipal inédit des parchemiers de Toulouse*. — Ibid., p. 134).

зывает его первоначальный смысл не из латинского *coquina* — кухня, а из аналогично звучащего французского *coquin* — плут, подлец, бездельник, проходимец¹. Иными словами, на феодальном языке того времени это был поселок бедноты, «подлого люда», неизвестно откуда явившегося и самовольно заселившего этот «аллод». Такая попытка не лишена интереса, но чем можно было бы объяснить, что название с совершенно определенным значением затем почему-то оказалось замененным другим словом (*cuisine*), лишенным смысла для данного случая и означающим перевод первого названия, принятого почему-то за латынь?

Не претендуя дать окончательное решение этой ономастической загадки, попытаемся все-таки поискать к ней менее окольного, более простого пути. Старое, непонятное название скорее всего не местного, а все-таки латинского корня. *Coquere* означало, разумеется, варить, но специально прилагалось и к обжигу кирпича (*lateres coquere*). Не означало ли в данном случае *coquina* — печь для обжига кирпича? И не здесь ли, на северной окраине города, в римские времена обжигали кирпич² и, во всяком случае, в III веке — ту массу кирпича, из которой были сложены обширные стены Тулузы? Тем более, что именно к северу от города и в ближайшем соседстве с ним, в Сетденье располагаются превосходные кирпичные глины. В пользу такого предположения говорит также история названия тулузской улицы *rue Malcousinat*, от древнего названия *de malo coquinato*, что было первоначально *de vallo coquinato*, то есть улица Кирпичного вала, улица Вала из обожженного кирпича³. Таким образом, если в позднейшем звучании названия северного поселка (*Cosinas*, *Cuisines*) не содержалось другого смысла, кроме «кухонь», то, очевидно, — только потому, что первоначальный смысл был забыт, что Кирпичный поселок, так же как и сами печи для обжига, исчез вместе с римским владычеством, а может быть и еще ранее — после окончания постройки стен. И, значит, никакая «традиция», преемственность ремесла не связывала средневековый поселок Кузинас с его древнеримским предшественником. На месте древних кирпичников, по соседству с Гаронной, теперь обосновались кожевники. И, видимо, — не ранее конца X века.

Косвенным подтверждением этому может служить то обстоятельство, что Тулуза, в течение нескольких столетий лишенная самостоятельного соляного рынка, который был захвачен деревенскими сеньорами Караманами, только в первые годы XI ве-

¹ P. Souyri, p. 5.

² Кирпичную кладку в Нарбоннской Галлии впервые ввели римляне в начале II века н. э. (P. A. Février, p. 40).

³ A. Blanchet, p. 201. Такое употребление в средневековой Тулузе латинского глагола *coquere* подтверждается также терминологией ремесленного устава тулузских черепичников 1289 года: «tegule decoquantur»; «tegulas bene et fideliter dequocant seu decoqui faciunt». — EGR, p. 93.

ка начинается борьбу с ними за базьежский соляной рынок¹. Тулузские кожевники в процессе обработки шкур (голение) применяли соль и, очевидно, в значительных количествах, если тулузские графы, в дальнейшем идя на уступки горожанам в обложении личного потребления соли, неукоснительно требовали, чтобы сыромятники для своих производственных нужд приобретали соль только на графских складах, по графской монопольной цене². По всей видимости, начало решительной борьбы Тулузы (епископ и граф, затем — Сен-Сернен) за соляной рынок в первые годы XI века было связано со значительным возрастанием потребности в этом продукте — как в связи с начавшимся притоком населения, так, особенно, в связи с первым заметным подъемом кожевнического ремесла в городе (прежде всего в поселке Кузинас).

Таким образом, за северной стеною тулузского Ситэ весьма рано, по всей видимости еще в конце X века, возник и быстро рос и развивался поселок с четко выраженным ремесленным профилем. Во II половине XI столетия он приобрел форму сальвета, а затем явился одним из основных компонентов, из которых сложился тулузский Бург. Это вплотную подводит нас к задаче выяснения истории Бурга, нового демографического и экономического центра, сыгравшего ведущую роль в процессе складывания Тулузы, как средневекового города.

Как возник тулузский Бург? Что вызвало его к жизни? Обычно считают, что он вырос вокруг Сен-Серненской церкви. И это в незначительной степени верно. Народ сходился к реликвиям святого Сатурнина, первого епископа Тулузы, которые, согласно преданию, покоились здесь. Здесь же обычно останавливались паломники: путь с севера и с востока (из Арля) к святилищам Сант-Яго-де-Компостелла, в Испании, пролегал через Тулузу, и этап паломников располагался около Сен-Серненского монастыря.

В этой связи некоторые исследователи, например Филипп Вольфф, склонны считать, что Бург отнюдь не был ремесленным центром. Правда, он оговаривается: если не считать ремесленного квартала Сен-Пьер-де-Кюизин. Но в целом Бург был центром церковным: здесь находилась Сен-Серненская церковь, монастыри, а после Парижского договора 1229 г. и университет³. Сверх того, как полагает историк, Бург отличался определенной аграрной и даже специфически дворянской окраской. Сюда от шума и суеты торгового города устремлялись мелкие городские дворяне из Ситэ, а с ними и аграрное население. Здесь проживали дворяне и мелкие дворянчики, земельные собственники. Недаром здесь возвышались укрепленные дома с башнями, которые впо-

¹ Cart. S.-Sernin, N 134, 136, 137. (См. ниже: Торговля солью).

² Cart. Bourg, N 1.

³ Ph. Wolff. Commerces, p. 9.

следствии приказал скрыть Симон де Монфор¹. Таким образом, резюмирует Ф. Вольфф, тулузский Бург, в отличие от бургов фландрских городов, которые изучал А. Пиренн, не был торговым поселением². Не станем пока выдвигать всех возражений, какие пробуждает такое толкование, уподобляющее тулузский Бург некоему *Konsumentenstadt* (город потребителей), если воспользоваться известной терминологией М. Вебера³. Позволим себе пока высказать только одно недоумение: почему именно Бург отличался церковным колоритом? Ведь в Ситэ церквей и церковных учреждений было гораздо больше⁴.

Иначе рисовался тулузский Бург Марку Блоку⁵. В монастырском Бурге, отмечал он, почти невозможно констатировать вмешательства в городскую жизнь ни аббата, ни монахов, разве лишь в качестве земельных собственников и, разумеется, как получателей пошлин с вина и других товаров. Права созыва военного ополчения и высшей юрисдикции там, по всей видимости,

¹ Ср. у Р. Лимузен-Лямота (*Commune*, p. 217): «Постепенно туда (в Бург) переехало все городское дворянство, чтобы выстроить там более обширные и более удобные дома, — настоящие маленькие замки, снабженные башнями и бойницами». Также: D. Faucher. *Villes*, p. 87. Насколько спорно рассматривать укрепленные дома и башни в городе как свидетельства дворянской принадлежности их владельцев, см. ниже: Тулузский патрициат XII—XIII веков.

² Старый римский Ситэ, пишет Ф. Вольфф, был достаточно просторен, чтобы новый город долгое время мог развиваться внутри его стен. Поэтому там естественно сохранились центры экономической жизни. (Ph. Wolff. *Commerces*, p. 9). Однако естественно возникают вопросы: почему же такие центры, как признает и сам историк (например, в отношении поселка Кузинас), возникали (и при этом очень рано) за пределами старого Ситэ? Почему создавались салъветаты? Почему тулузцы стремились переселиться в эти убежища, а графская власть была не очень склонна предоставить им эти вольности? Снова и снова: очевидно, дело заключалось отнюдь не только в территориальном просторе, не в топографии. Там, где не учитываются реальные социально-экономические противоречия, из которых вырастал город, там истоки его возникновения приходится искать в творческой деятельности церкви и дворянства, заботившегося об удобных загородных резиденциях.

³ M. Weber. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Köln—Berlin, 1964, 2, Hbd., S. 925—926.

⁴ В Бурге было, собственно, только три значительных церкви: Сен-Сернен, его дочерняя церковь Сен-Сернен-дю-Тор и Сен-Пьер-де-Кюизин (затем Сен-Кентен, стоявшая первоначально за валом Бурга). В Ситэ же находился кафедральный собор Сент-Этьен, церкви и монастыри (приорства) Дорад и Дальбад, а также церкви Сен-Пьер и Сен-Жеро, Сен-Ремези, Сен-Ромен. Здесь же находился епископский дворец — церковный центр всего диоцеза. Примерно со второго десятилетия XII в. к этому прибавились приорства госпитальеров и тамплиеров, с 1215 г. — монастырь (конвент) доминиканцев и центр инквизиции, с 1222 г. — монастырь кордельеров, с 1248 г. — монастырь кармелиток, с 1263 г. — монастырь кларисс, затем здесь обосновались августинцы и так далее. (См. D. Faucher. *Villes*, p. 93; Chanson, vers 5143—5144. *Cart. S.-Sernin*, N 3; *Cart. Bourg*, N 4, 17, 19).

⁵ П. Гашон также считает Бург экономически наиболее активной частью средневековой Тулузы. (P. Gachon. *Histoire de Languedoc*. T., 1926, p. 73).

принадлежали графу так же, как и в Ситэ. В борьбе за городскую автономию (как сила сопротивления) фигурирует только граф. Ничего схожего, например, с марсельской коммуной, так долго разделенной между виконтом и епископом. Объяснение этого явления М. Блок усматривает в том, что тулузский граф первоначально был собственником Сен-Серненского монастыря, куда ставил своего фогта. Поэтому и позднее граф оставался господином монастырского Бурга¹. Речь здесь идет преимущественно об отношениях юридических и политических. Но, если они складывались подобным образом, трудно представить себе тулузский Бург как церковную вотчину или как монастырское поселение.

До сих пор в литературе широкое хождение имеет версия о постепенной застройке Бурга на протяжении долгих столетий, чуть ли не с римских времен. Р. Лимузен-Лямот полагает, что Бург строился вокруг Сен-Серненской церкви, начиная с V в.² Ж. Сотель уверенно добавляет к этому: не стал развиваться в IX в.³ Нельзя не подивиться тому, что это пишется после хорошо известной работы Виктора Фонса, — старой, но не утратившей значения⁴. Ее автор первым обратил внимание на то, что имунитетная грамота Карла Лысого 844 г.⁵ недвусмысленно помещает Сен-Серненский монастырь недалеко от города (*haud procul ab urbe*) и не упоминает вокруг никакого поселения⁶.

Мало вероятно, что какое-то поселение существовало здесь в позднеримские времена. Согласно житийной традиции, здесь, близ Аквитанской дороги, были похоронены останки св. Сатурнина, погибшего около 250 года (до легализации христианства это могло произойти только вне города). Позднее, в IV веке, тулузский епископ Экзюперий поставил здесь часовенку во имя св. Сатурнина, на месте которой, как полагают, в начале V века была выстроена первая небольшая каменная Сен-Серненская церковь⁷. Общий упадок городской жизни и бурные общественные и военные потрясения, которыми отмечен V в. в Южной Галлии, едва ли благоприятствовали расширению городов. Но если даже предположить, что в V в. за северной стеной Тулузы вдоль Аквитанской дороги имелись какие-то зачатки пригорода, — между ними и Бургом XI—XII века не было никакой реальной преемственной связи. Как показывает диплом Карла Лысого, и в середине IX в. монастырь стоял одиноко, в стороне от города.

¹ M. Bloch. *Compte-rendu critique*. — MA, 1934, N 3, p. 208.

² R. Limouzin-Lamothe, *Commune*, p. 217.

³ G. Sautel, p. 321.

⁴ V. Fons. *Le Bourg de Toulouse*. — MAST, 1867.

⁵ *Cart. S.-Sernin*, N 3.

⁶ V. Fons, p. 35.

⁷ C. Douais. *Cartulaire de Saint-Sernin de Toulouse*. Introduction, p. XXXIV—XXXVII; A. Auriol et R. Rey. *La basilique Saint-Sernin de Toulouse*. T.-P., 1930, p. 12.

Да и в развитии самого Сен-Сернена не было плавной постепенности возвышения. Королевская привилегия 844 г. была дана незначительному монастырю: она перечисляет в Тулузе всего три церковных учреждения — кафедральную Сент-Этьенскую церковь (и это был весьма невеликий храм), затем монастырь Дорад (тоже совсем небольшой) и только на третьем месте Сен-Сернен¹. И в IX веке не отмечается никакого заметного развития этого монастыря. Его историк — аббат Селестен Дуэ, кто в этом вопросе, пожалуй, наиболее авторитетен и кого никак нельзя заподозрить в небрежении к славе аббатства, сделавшегося главной тулузской святыней, утверждает, что и в IX и в X веках Сен-Сернен обладал лишь скудными владениями в самой Тулузе и в некоторых пунктах ее округа и что его влияние в то время не выходило за эти узкие пределы².

Совсем иная картина разворачивается, начиная с 1180-х годов. Владения монастыря стремительно расширяются. Они простираются теперь от Керси на севере до Средиземного моря (в устье реки Оды, близ Нарбоны) — на юге. Сен-Сернен владеет теперь землями в Аженэ, в виконтстве Тюрсан, в Ангума. В 1095 году он проникает даже в Наварру, где приобретает Артахонское приорство, близ Памплоны³. Значение Сен-Сернена настолько возрастает, что сам Григорий VII берет это приорство (не принадлежавшее к клонийскому ордену) под особое покровительство папского престола⁴. В 1090 году это покровительство подтверждает и расширяет папа Урбан II⁵. В 1093 году, вероятно, под нажимом из Рима, тулузский епископ Изарш вынужден был отнять у Сент-Этьенского кафедрального собора и передать Сен-Сернену (надо полагать, отнюдь не задаром) богатейший источник доходов — архидиаконат Вильлонг, включавший 123 церкви и простиравшийся от Тулузы до устья Тарна⁶. Тогда же была возведена новая, величественная Сен-Серненская церковь с грандиозной колокольной⁷. В 1096 году при огромном стечении церковных иерархов со всего французского Юга и даже из Испании и Италии⁸ новую церковь освятил папа Урбан II, пожаловавший при этом монастырю новые привилегии за счет интересов тулузского епископа⁹.

Стремительный подъем могущества Сен-Сернена столкнул

¹ Cart. S.-Sernin, N 3.

² C. Douais. Introduction, p. XXXVII.

³ Cart. S.-Sernin, N 293, 295, 450, 453; Appendice N 16; C. Douais. Introduction, p. XXXVIII—XXXIX; LIX.

⁴ Cart. S.-Sernin, Ap., N 1.

⁵ Ibid., Ap., N 2.

⁶ Cart. S.-Sernin, N 2.

⁷ Колокольная в основном была построена в XII в., два верхние этажа завершены в XIII. Сен-Сернен — крупнейшая из романских церквей во Франции. (J. Gantner. u. a. Gallia romanica. Wien u. München, 1955, S. 306).

⁸ Chronicon Sancti-Saturnini Tolosae. — HGL, V, Chroniques, N 10.

⁹ Cart. S.-Sernin, N 281; Ap., N 3.

его с графскою властью. Ее орудием стало Муассакское клонийское аббатство, видимо, давно стремившееся подчинить себе Сен-Серненское приорство. Как мы видели выше, еще в 1067 году Гильем IV отдал муассакским монахам доходнейший сальветат ремесленного поселка Кузинас — почти у самого Сен-Сернена. В начале 80-х годов XI века борьба достигла крайней остроты: тот же граф при поддержке тулузского епископа изгнал из Сен-Сернена его каноников и водворил там муассакских монахов. Однако сен-серненские каноники сумели обеспечить себе энергичную защиту папы Григория VII, его легата, лионского и нарбоннского архиепископов, а также нескольких епископов Юга, и в 1083 году граф был вынужден полностью капитулировать перед приорством, а муассакцы ретировались¹. Борьба продолжалась и при графе Бертроне (во время отсутствия Раймунда IV, ушедшего в Крестовый поход): по всей видимости именно он был вдохновителем попытки разрушения Сен-Сернена во время первой аквитанской интервенции, когда строптивое приорство открыто держало сторону узурпатора — Гильема IX Пуату, герцога Аквитании². После ухода аквитанцев борьба возобновилась. По всей видимости, около середины 90-х годов XI века Сен-Сернен возвел большую ограду (claustrum), включив в нее обширную территорию Бурга, и папа Урбан II провозгласил неприкосновенность этой ограды³. В 1099 или 1100 году граф Бертран разрушил эту ограду, на время захватил приорство, ввел на его территории какие-то свои поборы и, видимо, снова, подобно Гильему IV, пытался изгнать регулярных каноников и водворить на их место монахов. И снова дело завершилось (около 1101 года) полной капитуляцией графа перед Сен-Серненом⁴. Нужно представить себе, каким влиянием и, значит, каким богатством должен был обладать Сен-Сернен, чтобы обеспечить себе активную поддержку и защиту не только высших прелатов провансальского Юга, но и самого папского престола, чтобы выдержать и одолеть сокрушительный натиск графской власти и шедших за нею сил. Очевидно, уже в конце XI века это богатство заключалось отнюдь не только в обширных земельных владениях, если за щедрый дар Гильема IX Сен-Сернен в 1098 году отблагодарил его по-княжески, выдав, помимо 800 солидов в лучшей тулузской монете, четыре с половиной фунта чистого золота⁵.

В XII в. Сен-Сернен достигает вершины богатства и могущества. Около 1106 года его капитул добился у епископа Амелия уступки права юрисдикции по делам, подсудным только епископу, и 1/3 всех судебных пошлин⁶. А около 1117 года Сен-Сернен-

¹ Cart. S.-Sernin, N 290.

² Ibid., N 291.

³ Ibid., N 281.

⁴ Ibid., N 145; см. также N 73, 253.

⁵ Cart. S.-Sernin, N 291.

⁶ Ibid., N 286

ское приорство волею папского престола было возведено в ранг аббатства. Его владения в эту пору простираются на территорию 12 современных департаментов, ему принадлежали 183 церкви, два аббатства и три приорства¹.

Чем объяснить этот стремительный взлет? С. Дуэ усматривает причину в изменении статуса самой монастырской общины. Около 1050 г. в Сен-Серненском монастыре был введен августинский устав, и он, в связи с этим, получил автономию от тулузского епископа². С этого-то времени, как полагает Дуэ, и начался расцвет Сен-Сернена³. Возможно, что это обстоятельство имело известное значение. Но могло ли оно быть решающим? Ведь если тулузский епископ пользовался какими-то доходами в пределах владений Сен-Сернена, то едва ли он препятствовал монастырю получать земельные дарения. Да и сколько монастырей, получивших в эту пору автономию и поставленных под непосредственное покровительство папского престола, остались богатыми аббатствами, но не более. Главное же — невозможно объяснить, почему августинский устав и независимость от епископа в течение 30 лет не производили никакого воздействия, почему бурный подъем могущества этого монастыря, позволивший ему в XII веке занять исключительное положение в Тулузе и Тулузене, начался только с 80-х годов XI века. Иначе говоря, стремительное возвышение Сен-Сернена не может объяснить возникновения тулузского Бурга и, наоборот, само нуждается в объяснении.

Вообще следует сказать, что исторические факты (в частности, на французском Юге) не подтверждают версии⁴ об активной роли церковных сил и учреждений в формировании средневековых городов. Принято считать, что главный бург Нарбонны сложился вокруг Сен-Польского аббатства. Но монастырь возник около 800 года, а Сен-Польский бург — только к середине XI века⁵. Поселки-бурги, которые возникали вокруг монастырей, нередко надолго оставались чисто земледельческими поселениями. Таковы были под Марселем бурги Сен-Виктор, Сен-Жюст и Сен-Люп⁶. Там же, где развитие поселения, возникшего около монастыря, приобретало ярко выраженное, как это было, например, в Сен-Жилле, ремесленно-торговое направление, там зачастую и аббатство и его паломничества оказывались оттесненными на задний план⁷. Любопытны сведения, приводимые на этот счет П. А. Феврие по Провансу. Выше уже отмечалось, как каноники, учрежденные в «городах» при Каролингах, исчезли, и в

¹ C. Douais Introduction, p. XXXVII, LVIII, LIX, LXXXVI.

² См. буллы папы Григория VII и Урбана II (Carl. S.-Sernin, Ap. N 1,2).

³ C. Douais, Introduction, p. XXXVII.

⁴ См., например, J. Lestocquoy. Compte-rendu. — «Annales», 1952, p. 533.

⁵ A. Dupont. Cités, p. 506—509.

⁶ G. Lesage, p. 34, 45.

⁷ A. Dupont. Cités, p. 653.

XI веке их пришлось воссоздавать заново. Но и из этих некоторые повторили судьбу своих предшественников, вокруг других возникли лишь деревни, откуда не началось широко собственно городское развитие¹. Даже собственно церковное строительство в значительной степени следовало за городским. Так, ограды кафедральных капитулов в Ницце, Эксе, Фрежюсе и даже в Арле (вокруг знаменитого Сен-Трофима) возводятся только, начиная с середины (и еще более—в конце) XII века². Именно в XII и XIII вв., лишь на фоне (и на основе) интенсивного городского развития в большинстве городов Прованса (в Ницце, Эксе, Марселе, Арле, Апте, Дине, Систероне, Грассе, Фрежюсе, а также в Йере, Маноске, Салоне, Форкалькье) вновь возводятся и самые кафедральные соборы³.

Эти факты не означают, что церкви и монастыри как пункты стечения людей и возникновения обмена не играли никакой роли в градообразующем процессе. Они свидетельствуют лишь о том, что роль эта в действительности была гораздо скромнее, а, главное, причинно-следственные связи в этом процессе—гораздо сложнее, чем это рисуется тем, кто хочет представить церковь в качестве творческой силы, создававшей средневековые города.

Торгово-ремесленные центры возникали не по воле церкви. Они были порождены стихийным процессом отделения ремесла и рождающегося ремесленно-торгового населения от земледелия и деревни. Бурный поток «избыточного» населения, оторвавшегося от земли и все более втягивавшегося в торгово-ремесленную деятельность, нередко концентрировался вокруг отдельных церквей и монастырей, но, как правило, не благодаря их активной роли, а вследствие действия стихийных сил экономического сцепления,—церковь лишь спешила воспользоваться результатами. Более того, быстрое возвышение отдельных церковных учреждений в эту эпоху само в решающей степени зависело от того, оказывались ли они на пути или в центре действия этих новых, градообразующих сил.

История тулузского Бурга в этом смысле весьма примечательна. Очень вероятно, что паломничества способствовали возникновению за северной стеною города поселка кожевников и сапожников—ведь паломникам особенно часто приходилось менять обувь. Но хотя еще и в первой половине XII века тулузский бург иногда называли Сен-Серненским⁴, у историка нет оснований приписывать Сен-Серненскому монастырю решающую роль в формировании этого важного городского поселения. В самом деле, еще в 1067 году посслок Кузипас, явившийся одним из важ-

¹ P. A. Février, p. 107.

² Ibid., p. 175.

³ Ibid., p. 109. То же — в бургах Бордо в XII веке. (Ch. Niquet. Bordeaux, p. 280).

⁴ Cart. S.-Sernin, N 131; Cart. Bourq, N 2.

нейших составных элементов Бурга, был подарен графом не соседнему Сен-Серпену (о его интересах в грамоте нет ни слова), а далекому Муассакскому аббатству¹ (и это—приблизительно через 15 лет после того, как Сен-Серпен получил ту автономию, от которой, по мнению С. Дуэ, и пошло его стремительное возвышение!). Как бы ни решался вопрос о соперничестве двух жадных монашеско-феодалных общин, боровшихся за право обладания и эксплуатации столь привлекательного для них объекта, несомненно, что это соперничество было вторичным. Первичным же был возникший и быстро развившийся (не по их воле) поселок ремесленников—кожевников и сапожников.

Вместе с тем, существование этого ремесленного центра говорит о наличии здесь, по соседству с Сен-Серненом, и рынка ремесленных изделий. О существовании в эту пору на территории Бурга устойчивого рынка, торгового центра (и, по всей видимости, не одного) свидетельствует и грамота тулузского епископа Изарна, который в 1077 г. пожаловал каноникам Сент-Этьена половину той соли, которую он получал «со всего бурга Сен-Сернена», т. е., очевидно,—половину натуральной пошлины с продаваемой здесь соли². Такое пожалование предполагает уже достаточно устойчивый источник получения данной пошлины и значительность присваиваемой таким образом массы продукта. Очевидно, в это время соль здесь продавалась систематически, в больших количествах и не только для пищевых нужд.³ Если это так, то этот дар служит дополнительным доказательством значительности и быстрого роста в XI веке ремесленного поселка Кузинас и его роли в развитии Бурга как торгового центра. В середине XII века на главной торговой магистрали Бурга—Большой улице ремесленные мастерские стояли подряд⁴.

Здесь же, в складывающемся Бурге, на площади около церкви Сен-Сернен дю Тор (де Тауре), куда выходила Большая улица, возник и мясной рынок⁵. Источники не содержат прямых указаний, но едва ли можно сомневаться, что здесь, по соседству с

¹ HGL, V, N 277. Правда, в грамоте утверждается, что это аббатство (весьма энергичное по части территориальной экспансии) еще прежде выговорило себе здесь известные права. Это дает основание предположить, что церковь в поселке, посвященная тому же святому, что и Муассакское аббатство св. Петра, была выстроена этой монастырской общиной с далеких северных границ Тулузена и выстроена, можно сказать, под самым носом у Сен-Сернена.

² HGL, V, N 325.

³ Правда, около середины XII века мы узнаем о существовании графской монополии на продажу соли тулузским сыромятникам. (Cart. Bourg, N 1). Трудно сказать, существовала ли она и в XI веке и распространялась ли тогда на кожевников поселка Кузинас, пожалованного графом муассакским монахам. Значительность дара тулузского епископа заставляет предположить производственную основу соляного рынка в Бурге.

⁴ Cart. S.-Sernin, N 89.

⁵ Ibid., N 66. Грамота 1142 года говорит об этом рынке как о существующем издавна.

бродом Базакль, куда выходила дорога из богатой скотом Аквитании, должны были продаваться и шкуры, необходимые кожевникам.

К концу XI в. мы узнаем о существовании в Бурге также большого хлебного рынка. Когда около 1097 г. Сен-Серниенский монастырь, державший руку узурпатора тулузского престола герцога аквитанского, подвергся вооруженному нападению со стороны феодалов Тулузена и при этом основательно пострадал, — в целях восстановления верного ему приорства Гильем Аквитанский в 1098 г. подарил Сен-Сернену деревню Бланьяк (близ города) и хлебную пошлину, взимавшуюся в Бурге. Согласно пожалованию, каждый продавец зерна — нетулузец был обязан с каждого сетье отдавать монахам одну пригоршню (*junctata*)¹. Если иметь в виду, что тулузский сетье вмещал около 93 литров² и что юнктата едва ли могла быть значительно больше килограмма весом, можно представить себе, как много привозного хлеба продавалось на рынке в Бурге, если, собирая эту пошлину только с негорожан, монастырь мог собрать количество зерна, по стоимости достаточно значительное для восстановления своих разрушенных стен и зданий. При этом, поскольку пожалованная пошлина предназначалась не на потребительские цели, очевидно, что и сам монастырь выступал в качестве продавца хлеба, вероятно всего — на том же рынке.

В эту же пору в Бурге складывается и рынок вина. Основанному здесь около 1080 г. госпиталю св. Раймунда тулузский граф и епископ предоставили право беспошлинной продажи на рынке излишков вина³.

Все это говорит как о значительности населения, уже проживавшего на территории Бурга к концу XI в., так и об экономической природе тех очагов заселения, из которых сложился Бург. Это были прежде всего ремесленные поселки и рынки.

Вот где, очевидно, следует искать подлинный источник быстрого богатения и возвышения Сен-Сернена. Вот почему, по словам Ш. Игунэ, Сен-Сернен явился как из небытия между 1080 и 1119 годами⁴. Только с возникновением и развитием Бурга как ремесленно-торгового центра и резким возрастанием в связи с этим доходов Сен-Сернена круто изменилось и место монастыря в исполненном ожесточенного соперничества мире церковных феодалов. В 1093 г. капитул Сент-Этьенского кафедрального собора в Сите вынужден был уступить Сен-Сернену почетное право обладания привилегированным, дворянским кладбищем⁵. Тогда же, с санкции епископа, Сен-Сернену был передан (вероятно, не даром) принадлежавший прежде Сент-Этьенской церкви бо-

¹ Cart. S.-Sernin, N 291.

² G. Sicard. Les moulins de Toulouse, p. 8.

³ Cart. S.-Sernin, N 546.

⁴ Ch. Higounet. Peuplement, p. 490.

⁵ Cart. S.-Sernin, N 2.

гатеиший архидиаконат Вильлонг¹. Затем кафедральному собору пришлось отказаться от каких-либо притязаний на церковь Сен-Сернен-дю-Тор². А к началу XII века главная церковь Ситэ оказалась настолько оттесненной на второй план могущественным Сен-Серненом, что Тулузский церковный собор 1110 года происходил уже не в кафедральном Сент-Этьене, а в пригородном Сен-Сернене³. Когда же Сен-Серненский монастырь папскими распоряжениями из приорства был возведен в ранг аббатства, из Бурга были вынуждены ретироваться и пронирыльные клюнийские монахи Муассака: церковь Сен-Пьер-де-Кюизин перешла к архидиаконату Сен-Сернена⁴.

Все говорит за то, что не столько Бург вырос благодаря Сен-Сернену, сколько Сен-Сернен необычайно разбогател и возвысился благодаря бурному росту торгово-ремесленного поселения, превратившегося в Бург, или, вернее было бы сказать, нескольких поселений, из которых сложился Бург.

Еще в 60-х годах XI века Бурга как целостного городского поселения еще не существовало. Один из его важнейших компонентов—ремесленный поселок Кузинас—в 1067 году граф дарит Муассакскому аббатству, как обособленный «аллод». При этом, уточняя его границы, дарственная грамота ведет линию по отдельным усадьбам (*casales*), дорогам, виноградникам⁵. Поселок еще окружен аграрной периферией. Не говоря о садах и виноградниках, пустыри и луга (а возможно—и отдельные участки пашни) сохранялись здесь и в конце XII века⁶. Но уже в 1077 году епископ Изарн пишет о соли, которую он получает «*de toto Sancti Saturnini burgo*»⁷, а в 1080 году грамота о разрешении тяжбы между Сент-Этьенским кафедральным собором и Сен-Серненом из-за церкви Сен-Сернен-дю-Тор помещает эту церковь в Бурге и говорит о других владениях Сен-Сернена как о находящихся «*in Burgo, vel extra burgum*»⁸. Таким образом, можно сказать, что процесс складывания тулузского Бурга в основном завершается к концу третьей—началу четвертой четверти XI века.

Из каких же элементов сложился Бург? В. Фонс полагал, что названия трех старинных ворот в валах Бурга: Арнаут-Бернар,

¹ Ibid.

² Ibid., N 133. Примечательно также, что в то время как госпиталь, зависимый от Сен-Сернена, возник в Бурге около 1080 г. (Cart. S.-Sernin, N 546, 547), при Сент-Этьенском кафедральном соборе госпиталь был основан только в 1262 г. (J. Mundy. Hospitals in XII-th. and early XIII-th-century Toulouse. — «Essays in honor of A. P. Evans». N. Y., 1955, p. 203).

³ A. du Bourg. Grand-prieuré de Toulouse, p. 29.

⁴ Cart. S.-Sernin, N 1.

⁵ HGL, V, N 277.

⁶ P. Gérard. Cartulaire de Capdenier, p. 18.

⁷ HGL, V, N 325.

⁸ Cart. S.-Sernin, N 133. Примечательно, что уже здесь определение «Сен-Серненский» отпадает. Речь идет просто о Бурге. (См. также Cart. S.-Sernin, N 291, 292; Cart. Bourg, N 1 etc.).

Пузамила и Матабоу—указывают на три главных поселения, из которых сложился Бург¹. Видимо, Пузамила была маленькой подгородной деревенькой или хутором. Матабоу—вотчиной деревенских помещиков того же имени (в XII в. сеньоры Матабоу были теснейшим образом связаны с Сен-Серненом, и именно—с землевладением аббатства)². Арнаут-Бернар было, по всей видимости, подобным же владением, но принадлежавшим городскому богатею (может быть—дворянину), владевшему в Тулузе землей и многими домами³ и рано обзаведшемуся земельной собственностью под городом. К этому следует добавить ремесленный поселок Кузинас, образовавший юго-западный угол Бурга, и поселок, возникший между Сен-Серненским монастырем и церковью Сен-Сернен-дю-Тор, вокруг рынка де Тауре, а также (у северо-восточного угла Ситэ, у ворот того же названия)—поселок Вильноу (быть может, связанный со знатным тулузским родом Вильноу?), чье имя сохраняется и в XIII в⁴. Наконец, в этот процесс вошел также хутор Кроза (Lascrossas), находившийся между поселком кожевников и Сен-Серненом⁵ и возникший, как думает Дж. Манди, в начале второй половины XI в⁶. Позднее, в коммунальный период, эти первоначальные образующие элементы явились основой территориально-административного деления Бурга на кварталы—партиды⁷.

Что же обеспечило сплавление этих разобщенных и разнородных элементов? Сен-Серненская святыня? Ее значения нельзя игнорировать, но мы видели, что на протяжении многих столетий она не могла вызвать к жизни сколько-нибудь существенного поселения вокруг монастыря. Паломничества? Их значение несомненно. Так, видимо, именно они создали почву для столь раннего возникновения в Бурге госпиталя св. Раймунда. Как было отмечено выше, этап паломников должен был способствовать возникновению рынка—и продовольствия и ремесленных изделий. Но воздействие этого фактора не было первичным—оно начало сказываться только тогда (с XI века, особенно со второй его половины⁸), когда в паломничества стали втягиваться значительные массы народа (а корни этого явления лежали гораздо глубже самих паломничеств и связаны с теми же социально-экономическими и демографическими сдвигами, которыми были порождены и самые города). Поток паломников, направлявшихся в Испа-

¹ V. Fons, p. 37.

² Cart. S.-Sernin, N 44.

³ См. ниже: Тулузский патрициат.

⁴ Cart. S.-Sernin, N 498; Cart. Bourg, N 87; Chanson, vers 5213. Улица, которая вела к этим воротам, до XIX века называлась rue Villeneuve (P. Meyer. Chanson, t. II, p. 271, n. 1).

⁵ Ph. Wolff. Commerces, p. 9.

⁶ J. Mundy. Liberty, p. 8, 223.

⁷ J. Chalande. Rues.—MAST, 1913, p. 225—226; R. Limouzin-Lamothe. Commune, p. 217.

⁸ A. Auricel et R. Rey. La basilique Saint-Sernin, p. 14.

нию, для Сен-Сернена и тулузского Бурга в значительной мере остался явлением внешним, поверхностным. Шарль Игунэ имел все основания предостеречь против преувеличения непосредственного значения этих паломничеств: предпринятое им ономастическое исследование показало, что, хотя дорога из Тулузы в Сант-Яго де Компостелла вела в Гасконь (на Ош),—на протяжении XI и XII веков в Тулузе нельзя отметить почти никакого притока населения из Гаскони, да и тулузцы в Гасконь почти не проникали¹. Паломничества лишь содействовали локализации и ускорению процесса возникновения нового городского поселения.

И уж, безусловно, не созидательная деятельность аббатства породила Бург. Оно лишь поспешило воспользоваться теми обильными выгодами, которые приносил ему бурно, как на дрожжах, поднимавшийся вокруг него новый городской центр. Можно сказать, что в этом смысле роль Сен-Сернена была даже значительно менее активной, чем, например, роль аббатства Грансельв в земледельческой колонизации северо-западной части Тулузена, хотя и там эта деятельность тоже не создала движения, но способствовала его ускорению, дала ему форму и использовала в интересах церковно-феодалного замлевладения.

Все данные о предыстории тулузского Бурга, какими располагает историк, убеждают в том, что главнейшими очагами кристаллизации городской жизни здесь явились: ремесленный центр—поселок Кузинас и рыночный центр—Сен-Сернен-дю-Тор. Именно от них исходили те главные, экономические силы сцепления, которые смогли возлечь и подчинить общему процессу городского развития соседние поселки чисто аграрного типа, сцементировали Бург как целое и явились тою реальной базой, на которой Сен-Сернен сумел основать свое (впрочем, весьма относительное) верховенство в Бурге и свое несомненное богатство и могущество в Тулузе и Тулузене.

Но если ничто не дает оснований видеть в тулузском Бурге какое-то церковное поселение, то не больше оснований и для представления о нем как о поселении специфически дворянском или, тем более, военном. Рыцари здесь были, было и дворянское землевладение. Но представлены они здесь были никак не сильнее, чем в Ситэ, где рядом с графскими владениями вокруг Нарбоннского замка и с обширными владениями монастыря Дорад большие куски территории города, целые кварталы принадлежали таким могущественным рыцарским родам, как де Вильноу или де Тулуза². Возможно, кое-кто из городских дворян Ситэ действительно выстроил себе в Бурге, «на привольи», богатые особняки, летние резиденции—источники об этом не сообщают ничего.

¹ Ch. Higounet. Peuplement, p. 494.

² A. du Bourg. Ordre Malte, p. 35; J. Mundy. Liberty. Publ. doc. N 2; G. Mot. Les moulins du Château Narbonnais de Toulouse, 1183—1600. Carcassonne, 1910; Pièces Justificatives (Далее: P. J.), N 1.

Да и едва ли были для этого причины,—в просторных стенах Ситэ долгое время не должно было ощущаться тесноты; до середины XII в. здесь были еще пустоши. Но уж если становиться на почву догадок, не вернее ли предположить, что городских богатеев—дворян и, разумеется, не только дворян—в Бург влекло не стремление избавиться «от шума и суеты торгового города», а, напротив, стремление быть поближе к новому и быстро растущему торговому центру—главному источнику обогащения в наступавшие новые времена.

Во всяком случае несомненно (и на этот счет мы имеем недвусмысленное свидетельство источника), что никакого исключительного положения в Бурге дворяне не занимали. Когда в 1154 году король Людовик VII посетил Тулузу и подтвердил привилегии Сен-Сернена, данные Карлом Лысым (в дипломе ошибочно—Карлом Великим), он сделал это, как сказано в документе, в присутствии тулузцев: *civium et burgensium*¹, то есть жителей Ситэ и жителей Бурга,—никакого сословного выделения дворянства!

Так возник тулузский Бург, прежде всего и более всего как торгово-ремесленное поселение. В этом отношении он, в сущности, ничем не отличался от городских бургов, широко возникавших в эту эпоху как в Южной, так и в Северной Франции. Источники не оставляют сомнения в том, где теперь был главный очаг экономической активности и богатства. В 1077 году в дарственной грамоте каноникам Сент-Этьенского кафедрального собора в Ситэ тулузский епископ, отмечая, что прежде эта церковь обладала огромными богатствами, подчеркивает, что теперь она пришла в упадок и обеднела. И он жалуется ей половину соляной пошлины, собираемой в Бурге². Что же касается Сен-Сернена, опиравшегося на Бург, то созданное им здесь религиозное братство уже в конце XI века было настолько богато, что смогло заказать для этой церкви роскошный алтарь, который и был освящен в 1096 году³. Бург явился новым, фактически самостоятельным городским центром. Его вал, возведенный, видимо, в самом начале XII века, окружал территорию около 61 гектара⁴ (63% площади Ситэ). И долгое время Бург сохранял свою обособленность⁵.

¹ Carl. S.-Sernin, N 4.

² HGL, V, N 325. Как можно видеть из картулярия (описи) Сент-Этьенской церкви (Archives dépt. H.-Garonne. Répertoire S.-Sernin, t. I, II), почти все дарения были получены ею от епископа, графа, феодалов, но от горожан — почти ничего; да и в числе ее феодатариев горожан можно встретить очень редко. Богатства кафедрального собора Тулузы сложились в погородскую эпоху. Не здесь ли следует искать причин его обеднения в последующий период?

³ G. Boyer, p. 56.

⁴ F. Lot. Recherches, p. 338.

⁵ H. Ramelet. Histoire de Toulouse. T., 1935, p. 170.

На противоположном, левом берегу Гаронны, напротив брода (а затем моста) Базакль в ту же эпоху сложился другой пригород Тулузы—бург Сен-Сиприан. Дж. Манди относит его возникновение к началу XII века¹. П. Суйри считает, что это поселение зародилось столетием раньше², и, вероятно, он ближе к истине. Во всяком случае в начале 80-х годов XI века Сен-Сернен добился передачи ему этого места, до тех пор принадлежавшего перигорскому епископу и несколькими светским феодалам³.— очевидно, уже к этому времени новый пригород достиг значительных размеров, и быстро входивший в силу монастырь спешил и на него наложить свою руку. О быстром росте населения этой слободы в XII веке свидетельствует постройка церкви св. Киприана, а также госпиталя де ля Грав; в XIII столетии здесь возникают еще два госпиталя. В эту пору—это уже настолько значительный бург, что в 1216 и 1218 гг. Симон де Монфор мог расположить там основные силы своего войска⁴.

Эта слобода была населена мелким городским людом. Здесь жили поденщики, рыбаки и особенно—лодочники; но также свечники, мясники и другие ремесленники⁵. Хотя и связанный мостом (затем двумя мостами) с Ситэ, Сен-Сиприан долго оставался обособленным поселением. В источниках этого периода он обычно именовался *villa Sancti Cypriani*⁶ и юридически не считался частью Тулузы⁷. Но несомненно, его развитие и самое его возникновение были обусловлены развитием торгового сообщения через Гаронну⁸, возникновением и развитием Тулузы как торгово-ремесленного центра.

В XI веке наблюдается возрастание населения и в самом Ситэ. В четвертой четверти этого столетия этот прирост побудил епископа Изарна начать строительство большого здания Сент-Этьенского собора (1078 год)⁹. По всей видимости, поток приселенцев начал проникать и за высокие стены графского Ситэ. Но, как свидетельствуют более поздние источники, это проникновение отнюдь не было легким, и по меньшей мере до середины XII века в Ситэ еще оставалось немало незаселенных пустошей.

Позже, только в первой половине XII века, возникают здесь и сальветаты. Первый из них возник в 1115 году за южной стеной города, около Парбоннского замка¹⁰. Он был основан Лезатским

¹ J. Mundy. Liberty, p. 8.

² P. Souyri, p. 8.

³ Cart. S.-Sermin. N 293.

⁴ Chanson, vers 6645, 7540.

⁵ P. Souyri, p. 8.

⁶ «la villa de Sent-Subra» (Chanson, vers 6645, 7503).

⁷ J. Mundy. Liberty, p. 224.

⁸ D. Faucher, p. 88.

⁹ R. Rey. La cathédrale de Toulouse. P., 1924, p. 8; Ch. Higounet. Peuplement, p. 490.

¹⁰ HGL, V, N 454.

аббатством, уже имевшим значительный опыт в этой области. Дж. Манди полагает, что сальветат был учрежден «с помощью графа»¹. Но достаточно обратиться к документу, исходящему от самого аббатства, чтобы убедиться, что согласие графа было буквально вырвано у него домогательствами лезатских монахов, не стеснявшихся при этом никакими средствами. Чтобы сломить сопротивление графа, они ловко использовали религиозные верования массы². Очевидно, что графская власть не желала основания сальветата, сопряженного с известным ограничением ее доходов. Граф³ не только отказывался от какого бы то ни было насилия на территории сальветата. Он вынужден был также освободить его поселенцев от сеньориальных и даже от судебных поборов в свою пользу.

О том, что уступка была вынужденной, убедительно свидетельствует оговорка, сделанная графом: на жителей его столицы эта вольность не распространялась. Если в убежище переселит кто-либо из жителей Ситэ или Бурга, он должен будет по-прежнему платить графу обычные чинши, какие платили и его предки⁴. Граф явно стремился лишить убежище всякой привлекательности для тулузцев. Но, даже при сохранении прежних платежей, уже самое обязательство графа не чинить насилия в отношении какого бы то ни было человека, пока он находится на территории сальветата, не могло не привлекать и горожан.

В связи с этим становится понятнее, почему население самого Ситэ росло медленнее: мелкому люду здесь по-прежнему никаких льгот не было,—даже исконные городские жители стремились переселиться в монастырские сальветаты. В исключительности сальветата, предоставлявшего поселенцам вольности, какими не пользовались жители самой Тулузы, как в капле воды отразилась принципиальная новизна возникавшего города и рождавшихся в нем отношений. Они могли утвердить себя первоначально лишь **вне** стен и порядков старого «города», они должны были начинать с разрыва с тем «городом», который был унаследован от раннего среднвековья.

Вместе с тем отмеченная оговорка свидетельствует и о другом: сальветат был рассчитан на привлечение пришлого люда, тех, «кто из других местностей придут сюда для поселения»⁵. Он был порожден нарастающим притоком (можно сказать—напором) иммигрантов из деревни.

¹ J. Mundy. Liberty, p. 5.

² HGL, V, N 453.

³ Гильем IX граф Пуатье, герцог Аквитании. В 1127 г. Альфонс-Журден, вернувший себе графский престол с помощью тулузцев, подтвердил это дарение (См. HGL, V, N 495).

⁴ HGL, V, N 454.

⁵ «qui ex alienis regionibus ad eundem locum causa manendi devenirent» (HGL, V, N 454).

Авторы, отмечающие этот факт, обычно пишут, что сальветат был основан вокруг или перед Нарбоннским замком¹. Это в общем верно, но в источнике сказано иначе: «перед воротами Нарбоннского замка»². Население сбегалось не к графскому замку, а к Нарбоннским воротам города, где сходились и сухопутная дорога, ведущая из Каркассона к Тулузе через холмы Лорагэ, и водный путь с Верхней Гаронны и Арьсжа, из лесистых районов графств Комменжского и Фуа, и где стихийно возникал рынок. Это указывает и на районы — источники этой иммиграции, и на специфически городской характер этого сальветата. Ждать людей, желающих здесь поселиться, не приходилось: огромная толпа пришлых людей, собравшаяся у Нарбоннских ворот Ситэ в 1115 году, была использована лезатскими монахами в качестве решающего аргумента, сломившего упорство Гильсма Аквитанского и заставившего его дать санкцию на основание сальветата³.

Несколько позднее, но несомненно ранее 1141 г.⁴, в Ситэ возник еще один сальветат. На этот раз в роли учредителя выступила уже сама светская власть. Видимо, теперь и она ощутила потребность в привлечении нового городского населения. Граф Альфонс-Журден основал новое убежище опять-таки около Нарбоннского замка, но теперь не только вне стен города, но и внутри их — вплоть до берега Гаронны⁵. Как можно понять из акта подтверждения вольностей этого сальветата графом Раймундом VI в 1195 году⁶, на этой территории уже проживало кое-какое население, по всей видимости поселившееся самовольно (особенно, видимо, за городской стеною и по берегу Гаронны), и граф стремился теперь, хотя бы ценою предоставления вольностей, прочнее подчинить его своей власти и своему фиску. Но ясно также и то, что в значительной мере и в эту пору эта часть города оставалась незастроенной, и, предоставляя поселенцам землю для усадеб (*casales*), граф по сути дела еще способствовал осуществлению «внутренней колонизации» самой территории Ситэ.

Как свидетельствуют вольности, предоставленные поселенцам сальветата, их занятия также носили в значительной мере аграрный характер. Граф освободил их от ввозной пошлины с зерна, с винограда и с вина⁷, то есть, очевидно, от пошлин с продуктов их виноградников, пашен, которые они держали за стенами города. Но не будем торопиться с выводом о том, что перед нами обычный земледельческий сальветат. За указанными вольностями сле-

¹ R. Limouzin-Lamothe. *Commune*, p. 221; Ph. Wolff. *Commerce*, p. 7; J. Mundy. *Liberty*, p. 5.

² «ante portam castrī Narbonensis» (HGL, V, N 454).

³ HGL, V, N 453.

⁴ О датировке см. E. Roschach. *Note sur la commune de Toulouse*. — HGL, VII, p. 216.

⁵ Cart. Bourg, N 11.

⁶ Ibid., N 11.

⁷ «non del portaticum de blato neque de vindemia neque de vino» (Cart. Bourg, N 11).

дует еще одна: освобождение от торговых пошлин¹. По всей видимости, эта льгота интересовала поселенцев не меньше, чем предыдущие, с которыми она органически связана. Значит, земледелие (разумеется, более всего — виноградарство) поселенцев было товарным, с самого начала неразрывно связанным с городским рынком.

Но земледелие (даже и торговое) отнюдь не было единственной сферой хозяйственной деятельности поселенцев. Тою же грамотой граф предоставлял всем прибывающим на жительство в сальветат право свободного занятия мясным делом и вообще любым ремеслом². Мясное дело еще очень близко стояло к аграрным занятиям вчерашних крестьян. Но это было уже ремесло, неразрывно связанное с рынком и требовавшее все более полного отрыва от земледелия. Оно вело и к торговле продуктами животноводства и к кожевенным ремеслам. Графские вольности свидетельствуют, что и на южной окраине города, как и на северной, свобода рыночных отношений и ремесленного труда были главными требованиями, главными силами притяжения для беглого поместного люда. При всей своей полуаграрности такая иммиграция была по сути дела формой, в которой осуществлялся отрыв ремесленного труда от земледельческого и вчерашние зависимые крестьяне начинали превращаться в горожан — самостоятельных мелких товаропроизводителей.

Рассматривая процесс роста тулузского населения в эту эпоху, П. Суйри имел все основания сделать вывод: «Факты из истории Тулузы уличают в подлоге известную гипотезу о вотчинном происхождении торгово-промышленных классов средних веков»³. К этому можно было бы добавить, что эта широкая крестьянская иммиграция и ее решающая роль в складывании ремесленно-торговой основы городской жизни опровергают представления приверженцев идеи континуитета о саморазвитии города раннего средневековья и об урбанизме как некоем извечном начале. Факты свидетельствуют, что только глубокие сдвиги в развитии феодальной деревни привели к возникновению среднесвекового города.

Данные о происхождении поселенцев графского сальветата в Ситэ служат дополнительным подтверждением этих выводов. Учредительной хартией граф запретил преследовать (захватывать) жителей сальветата за проступки, совершенные ими за его пределами⁴. Но при этом граф оставлял за собою право наказания убийц, изменников, грабителей и прелюбодеев, если таковые будут обнаружены в сальветате. Какие же проступки, в таком

¹ «neque det lezdam». — Ibid.

² Ibid. В южной части Ситэ возникли улицы мясников, башмачников, столяров. (J. Corrolani. Toulouse, p. 60).

³ P. Souyri, p. 6.

⁴ «Et per impediciones que homines fecerunt vel faciant foras salvetatem, homines eiusdem salvetatis non constringantur neque pignorantur in predicta salvetate» (Cart. Bourg, N 11).

случае, граф прощал переселенцам? Очевидно, такие были, если граф этою вольностью падеялся привлечь иммигрантов. Всего вероятнее — это невыполнение повинностей своему сеньору, неуплата чинша или долга, бегство из поместья — то, что безусловно было правонарушением в глазах непосредственных господ этих беглых людей. Именно освобождение от ответственности за такие проступки было всего ценнее для беглых сервов, на которых эта вольность и была в первую очередь рассчитана. Видимо, их было немало среди переселенцев, если граф запрещал сеньорам преследовать своих людей на территории сальветата¹.

Такое запрещение отнюдь не было пустою декларацией. Источники свидетельствуют, что даже значительно позже, в XIII столетии, деревенские сеньоры пытались осуществлять сыск и требовали возвращения своих крепостных, бежавших в Тулузу и обосновавшихся там. Так, в 1203 году два верфейских сеньора потребовали возвращения двух своих бывших сервов, проживавших в Тулузе. Последние обратились за защитой к коммунальным властям. Консулат, специально заседавший по этому поводу в качестве судебной коллегии, в иске сеньорам отказал, мотивируя это тем, что лица, о которых шла речь, уже давно (более 20 лет) проживали в Тулузе и выполняли все обязанности ее жителей, а потому являются тулузцами².

Приток в Тулузу (особенно в сальветат) деревенского беглого люда, в том числе, несомненно, и сервов, продолжался и в конце XII века: в 1295 году, по требованию жителей сальветата, Раймунд VI подтвердил вольности, предоставленные им его дедам³. Приток этот продолжался и, видимо, даже возрос и в следующем столетии: где-то между 1195 и 1226 годами (вероятнее всего в 1202—1205 гг., в период активизации антисеньориальной политики тулузской коммуны) границы тулузского сальветата были расширены, включив в себя не только целиком Ситэ и Бург, но и непосредственно подгородную округу⁴. Более того, в 1226 году, воспользовавшись затруднительным положением графской власти и решительным перевесом сил в пользу коммуны, консулы от имени всей городской общины потребовали от Раймунда VII дальнейшего раздвижения границ тулузского сальветата — привилегирован-

¹ П. Суйри также считает, что основную массу новоприходцев составляли беглые сервы. (P. Souyri, p. 5—6).

² Cart. Cité, N 84. Подобным же образом в 1251 г. нарбоннский консулат вынес решение против сеньора Увельяна и заставил его освободить захваченного им жителя Нарбонны — его бывшего крепостного, которого консулы признали «свободным гражданином Нарбонны» — *pronunciaverunt Narbonne liberum civem esse*. (Inventaire archives municip. Narbonne, t. I, N 39).

³ Cart. Bourg, N 11. Кстати, это подтверждается и только что рассмотренной тяжбой 1203 года: как явствует из решения консулов, сервы, составлявшие объект феодального иска, бежали в Тулузу в '80-х годах XII века.

⁴ Cart. Bourg, N 102.

ной зоны действия городских вольностей,— радиус ее был теперь доведен в среднем до 12—15 километров¹.

В высшей степени примечательна мотивировка этого расширения. Консулы обратили внимание графа на то, что именно благодаря вольностям, предоставленным Тулузе и ее сальветату («благодаря наличию округов свободы и безопасности»), в город за это время из различных местностей прибыло на жительство и продолжает широко прибывать много людей, как сервов, так и свободных, — одни со своим добром, другие без всякого имущества, поскольку у них ничего нет. На территории сальветата сервы, поселившиеся в Тулузе, были в полной безопасности, так что их господа не могли ни схватить их, ни принудить к барщинным работам. Именно благодаря этому город и его община выросли, процвели и непрерывно продолжают расширяться². По этим причинам дальнейшее расширение территории сальветата будет служить к великой пользе города и его общины³.

Эти свидетельства источника настолько красноречивы, что не требуют комментария. Может, пожалуй, возникнуть сомнение, точно ли сервы имеются в виду, когда речь идет о *homines habentes dominos*? Может быть просто о свободных держателях чужой земли? Но свободный человек, если он оставил держание, не выполнив причитающихся с него повинностей, мог стать объектом судебного преследования, однако едва ли — объектом сыска и принуждения к барщине, о чем в источнике говорится многократно и с достаточной ясностью. Здесь ни словом не упоминается о защите лиц, совершивших какие-либо проступки (неуплата чинша), говорится только о защите людей, которые могут быть схвачены своими господами. Мало того, источник неоднократно уточняет, что вольности тулузского сальветата защищают не только личность его поселенцев, но также неприкосновенность их имущества, денег, скота⁴. А ведь только у сервов их движимое имущество, скот и деньги могли рассматриваться как собственность господина, которую он при желании может захватить.

¹ Ibid.

² «multi homines et femine habentes dominos et etiam alii non habentes dominos, ex multis terris et diversis locis et partibus, quidam cum rebus suis, quidam etiam sine rebus, quas non habebant, venerant quondam in hac villa Tolose causa ibi omnino permanendi, et etiam adhuc tales homines et femine ibi eodem modo sepissime veniebant, precipue et specialiter pro bonis moribus et usibus atque libertatibus huius ville Tolose ... et etiam pro terminis libertatis et securitatis qui extra hanc villam Tolose, scilicet circa civitatem et suburbium fuerant quondam specialiter terminati et constituti, infra quos terminos homines et femine manentes in civitate Tolose vel in suburbio, habentes dominos... ita erant securi a suis dominis et dominabus, quod infra illos terminos ab eisdem dominis vel dominabus vel ab aliquibus pro eis, nullatenus debebant nec poterant esse capti vel angariati...» (Cart. Bourg, N 102).

³ Ibid.

⁴ «homines et femine cum eorum animalibus et rebus», «homines et femine vel eorum animalia et bona»; «homines et femine vel eorum animalia vel res et pecunia eorum». — Ibid.

О том, что источник в первую очередь имел в виду именно беглых крепостных, свидетельствуют, на наш взгляд, также и неоднократные намеки на имевшие место попытки оспаривания и даже нарушения границ сальветата (вероятнее всего — со стороны сеньоров, вторгавшихся, чтобы возвратить своих сервов): консулы сначала требуют, а затем торжественно провозглашают, что отныне и впредь границы сальветата будут поддерживаться строго и нерушимо¹.

Правда, то же консульское постановление решительно оговаривало нераспространение принципа неприкосновенности личности и имущества на сервов, принадлежавших графу или жителям Тулузы, каковые (сервы) издумали бы искать убежища в сальветате². Да и было бы наивно, подобно либералам старых времен, искать в законодательстве средневековых горожан реализации принципов всеобщей свободы и равенства³. Важно другое: тулузские горожане первой четверти XIII столетия были живо заинтересованы в привлечении в город беглого сельского люда и умели добиться для этих иммигрантов гарантии неприкосновенности личности и имущества со стороны их феодальных господ⁴.

Реальность этой заинтересованности горожан, реальность продолжавшегося притока беглых сервов в Тулузу и в последней четверти XIII века недвусмысленно засвидетельствованы в Тулузском кутюме (1286 год). Его 152-я статья запрещала кому бы то ни было в пределах города Тулузы преследовать или захватывать своего крепостного⁵. А 156-я статья устанавливала, что если кто-либо, живущий вне Тулузы (*morans extra Tholosam in aliqua villa aut castro, vel alibi*), заявит, что он желает переселиться в Тулузу, и если кто-нибудь на этом пути захватит его или отнимет имущество, консулы и община Тулузы должны этого человека взять под свою защиту и выводить его вместе со всем его имуществом, как если бы он уже был гражданином

¹ «*qui termini ita statuuntur et assignentur, quod de cetero de illis terminis aliqua dubitatio in aliquo tempore non possit haberi*»; «*qui termini... habeant bonam et firmam stabilitatem et perpetuam salutem et securitatem per omnia tempora*»; «*consules... iudicando cognoverunt et iudicio statuerant, quod deinceps isti predicti termini huius securitatis teneantur et observentur firmiter inviolati et incorrupti per omnia tempora*». — Ibid.

² Cart. Bourg, N 102; см. также Coutumes de Toulouse, publ. par A. Tardif. P., 1884, art. 154, 155, 155-a.

³ См. Ф. Энгельс. О Франции в эпоху феодализма. — Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 294.

⁴ Городская коммуна формально не провозглашает личной свободы беглых сервов, но эта свобода становится их фактическим приобретением, поскольку самое поселение в городе клало конец правам их феодальных сеньоров на их личности и имущество, а в случае посягательств, как мы видели, коммуна брала своего постоянного жителя — бывшего серва — даже под судебную защиту.

⁵ Coutumes de Toulouse, art. 152.

Тулузы¹. Правда, король Филипп III отказался утвердить эту статью кутюма в таком виде², и в ее текст была внесена оговорка: коммуна может претендовать на защиту переселенца, если только он не является крепостным человеком того лица, которое его задержало (*excepto domino corporis, si forte habet*)³. Но эта оговорка, ограничивая права средневековой тулузской коммуны, не только не умаляет, но еще более подчеркивает реальность ее борьбы за привлечение беглых сервов и их свободное состояние в породе, реальность самого стремления сельского феодально-зависимого и крепостного люда бежать в город и здесь обрести свободу, реальность активного противодействия феодалов Тулузена бегству сервов и притягательной силе породе.

Разумеется, наряду с сервами, в массе иммигрантов из деревни было немало лично свободных крестьян, — источники, как мы видели, говорят об этом достаточно определенно. При всей тяжести сервильного состояния, градации крестьянской несвободы при феодализме имели весьма относительное значение (недаром о юридических и социальных принципах серважа историка спорят до сих пор, а в свое время их четкое определение затрудняло самого Бомануара). Решающее значение имел самый факт феодальной эксплуатации (обусловленный держанием господской земли, феодальным «наделением» производителя), — от нее бежал крестьянин. Е. А. Косминский был глубоко прав: город предоставлял первую реальную возможность действительного осуществления права «свободного» крестьянина на уход из поместья⁴.

Заслуживает внимания также то обстоятельство, что консульское постановление 1226 года особо отмечает наличие в этом потоке иммигрантов людей неимущих. Выталкиваемая из деревни безземельем беднота составляла, видимо, очень значительную часть приселенцев, и постановление дает достаточно ясно понять, что город (особенно — богатые горожане) был весьма заинтересован в притоке этого элемента — будущих ремесленников и поденщиков⁵. Имелся ли в этой массе бедноты более зажиточные элементы? Источники недвусмысленно дают положительный ответ на этот вопрос. И это естественно: давать

¹ Ibid., art. 156.

² A. Tardif. Coutumes de Toulouse (ibid.), p. 48.

³ Coutumes de Toulouse, art. 156.

⁴ Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии в XIII веке. М., 1947, стр. 258—259.

⁵ «... infra quos terminos homines et femine manentes in civitate Tolose vel in suburbio, habentes dominos, euntes et redeuntes extra predictam civitatem et suburbium et operantes extra et manentes in eorum operibus vel in alienis operibus et facientes alia sua negocia, ita erant securi a suis dominis et dominabus ...; ... in suis negociis et operibus et etiam aliorum proborum hominum huius ville Tolose faciendis et operandis, cum omnibus eorum rebus et animalibus, ita sint salvi et securi a suis dominis et dominabus...» (Cart. Bourg, № 102).

с поместьем стремился не только малоземельный крестьянин, но и более обеспеченный сельский ремесленник, желавший стать самостоятельным товаропроизводителем. К тому же должны были стремиться и те отдельные элементы, которые еще в деревне сумели втянуться в торговые операции и сколотить некоторый капитал, каковой теперь жаждали пустить в оборот на широком поприще города. По мере упрочения города как ремесленно-торгового центра и усиления его обратного воздействия на деревню, численность этих элементов должна была возрастать.

Откуда прибывало это население? Исходя из того, что именно в XI—XII веках рядом с собственными именами людей в документах начинают появляться прозвища, зачастую — по названию той местности, откуда происходило данное лицо, Шарль Игунэ, проделав тщательное антропологическое исследование тулузского населения XII века¹. Он пришел к тому выводу, что абсолютно преобладающее большинство иммигрантов, нахлынувших в Тулузу в эту эпоху, происходило из районов, непосредственно примыкавших к городу с севера, востока и юго-востока (Альбигуа и особенно Лоранс и Каркассэ) и в целом — в радиусе от 30 до 80 км².

Так выглядят те важнейшие источники, из которых складывалось население средневековой Тулузы. Так, вслед за бургами, стал наполняться Новоселами и внутренне преобразаться старый Ситэ, почему на рубеже XII и XIII столетий явилась необходимость построить новое здание Сент-Этьенского кафедрального собора³. Что в этом демографическом (а значит — и в экономическом) развитии Ситэ шел лишь вслед за бургами — слишком очевидно и не требует дальнейших доказательств. Но несомненно также, что нет никаких оснований абсолютизировать это отставание Ситэ. С того момента, как территория городского сальветата включила в себя и Бург и Ситэ полностью (начало XIII века), центром притяжения деревенской иммиграции стал город в целом, что должно было вести к известному выравниванию (другое дело — насколько полностью) экономического и социального развития всех основных его частей⁴.

Так возникла Тулуза как средневековый город, — новый город, которого не знали ни античность, ни, тем более, раннее средневековье. Вместо одного Ситэ теперь имелось три больших по-

¹ Ch. Higonnet. Peuplement de Toulouse au XII-e siècle. — AM, 1943.

² Аналогичное исследование, предпринятое тем же автором в отношении Бордо, позволило определить, что и здесь радиус притяжения сельского населения городом в XII веке равнялся приблизительно 60 км. (Ch. Higonnet. Bordeaux, p. 261, 265).

³ Ch. Higonnet. Peuplement, p. 489.

⁴ В своей более поздней работе, признавая, что экономически Бург развивался раньше Ситэ, Ф. Вольфф склоняется к выводу, что Бург был по преимуществу ремесленным, Ситэ же — торговым центром. (Ph. Wolff. Les «estimes» toulousaines, p. 55).

селения, причем два новые вместе по размерам превосходили старый город. И это несмотря на то, что в Тулузе римские стены окружали одну из самых больших в Галлии городских территорий. Население же несомненно выросло в значительно большей пропорции¹.

• Все это совершилось на протяжении одного-полутора столетий². Если за такой, для того времени сравнительно короткий срок, топографическое и демографическое лицо города изменилось до неузнаваемости, то только потому, что самым решительным образом изменилось его экономическое лицо. Новые экономические силы, начавшие бурно действовать в этот период, не только вызвали к жизни новые городские поселения вокруг Тулузы и привели в действие могучие силы сцепления, постепенно сливавшие их воедино, но решительно изменили экономическую и социальную физиономию и старого Ситэ, превратив и его в неотъемлемую часть этого нового города.

Эти экономические силы и важнейшие результаты их воздействия требуют специального рассмотрения.

¹ Опираясь на данные, полученные Филиппом Вольфом для конца XIII столетия — 24 тысячи (см. Ph. Wolff. Les «*éstimés*» toulousaines des XIV-e et XV-e siècles. P., 1956), авторы определяют население Тулузы в середине того же столетия приблизительно в 20—25 тысяч человек (F. Lot. Recherches, I, p. 337—339; P. Souyri, p. 8; J. Mundy. Liberty, p. 225; id., Hospitals, p. 200). Это был один из крупнейших городов Франции. Но во сколько раз это превышало население Тулузы в раннее средневековье? Поскольку здесь исходные данные остаются гипотетическими, едва ли стоит входить в споры по этому поводу. Напомним лишь, что еще в первой половине XII века в южной, торговой части Ситэ имелись обширные пустоши; к началу же XIII столетия, после строительной горячки XII века (Ch. Higoumet. Peuplement, p. 490; HGL, VIII, № 360) оказались заняты даже склоны оборонительных валов (Cart. Bourg, № 91; Corr. Alfonse Poitiers, t. II, N 2058, art. 12) и при этом значительное городское население постоянно проживало за стенами Ситэ и Бурга (Cart. S.-Sernin, N 498; Cart. Bourg, N 1, 11). Недаром консулат с самого своего возникновения (1152 г.) был вынужден постоянно заботиться об обеспечении продовольствием растущего населения Тулузы. (Cart. Bourg, N 4, 6, 7).

² Физиономия средневековой Тулузы и ее населения сложилась к концу XII века. (Ch. Higoumet. Peuplement, p. 490).

ГЛАВА ВТОРАЯ

СКЛАДЫВАНИЕ ГОРОДСКОГО РЫНКА

(ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ТОВАРЫ)

Выяснение процесса складывания средневекового городского рынка сопряжено с немалыми трудностями. Трудности эти обусловлены в первую очередь крайней скудостью, а для начального периода — почти полным отсутствием источников. Но дело не только в источниках. Даже там, где документы эпохи позволяют (как правило, с помощью ретроспективного анализа) выявить контуры этого процесса, его осмысление, в свою очередь, оказывается делом отнюдь не простым.

Поскольку рыночный обмен является непременным атрибутом товарного производства, а необходимым условием возникновения этого последнего было разделение общественного труда на две обособленные сферы — труда сельскохозяйственного и труда промышленного, то возникновение самостоятельного ремесла представляется безусловной предпосылкой возникновения рынка, самый же рынок может мыслиться только как сфера взаимного обмена продуктов ремесла и земледелия, то есть прежде всего как рынок ремесленных изделий. В самом деле, откуда же взяться обмену в условиях сельскохозяйственной однородности безраздельно господствующего натурального хозяйства?

И вместе с тем, факты из ранней истории средневековых городов свидетельствуют, что очень часто рынку ремесленных изделий предшествовал рынок сельскохозяйственных продуктов.

Как это объяснить? Но, быть может, вернее было бы поста-

вить вопрос по-другому: могло ли быть иначе? Если верно, что развитие рынка есть необходимое следствие товарного производства, то не менее верно и то, что более или менее развитый рыночный обмен является необходимым условием производства товаров. «Товарное обращение предшествует товарному производству»¹, — писал В. И. Ленин.

Действительно, существование самостоятельного ремесла, самое его отделение от земледелия предполагает наличие какого-то рынка предметов питания. Без этого ни то, ни другое просто невозможно². Естественно поэтому, что, как показывают факты, отпочковывающиеся элементы свободного ремесла с самого начала тяготеют к пунктам обмена и именно здесь получают прочную базу для своего существования.

Зарождение центров рыночного обмена сельскохозяйственных продуктов могло совпадать с процессом возникновения городов. Но нередко оно задолго предшествовало широкому процессу отделения ремесла от земледелия и, по нашему убеждению, само по себе еще не может рассматриваться как начало этого процесса. Чем же оно вызывалось?

Поскольку речь идет не об отдельных, эпизодических элементах ремесла и торгового обмена, сохранившихся, прозябавших кое-где в епископских резиденциях, в остатках старых римских городов, — возникновение средневековых городских центров было опромным экономическим сдвигом, рожденным глубоко в недрах феодального общества. Не подлежит сомнению, что предпосылки крупнейшего общественного разделения труда, составлявшего сущность этого процесса, коренились в сфере производства, а не обращения. Только значительное возрастание производительности труда в земледелии создавало возможность и необходимость отпочкования и обособления ремесленного труда, прежде составлявшего придаток земледелия и неотъемлемую часть единого и всеохватывающего натурального хозяйства.

Прежде чем такое выделение могло совершиться в общественных масштабах, возрастание производительных сил в ранне-средневековом земледелии вело к появлению излишков сельскохозяйственных продуктов, к превращению таких излишков из случайности в закономерное экономическое явление. А это должно было и продажу таких излишков превращать в более или менее регулярное экономическое явление и непременно порождать и стабилизировать пункты торгового обмена сельскохозяйственных продуктов — рынки. •

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 553.

² Рассматривая интенсивное развитие торговли как необходимое следствие разделения промышленного и сельскохозяйственного труда и возникновения города, К. Маркс вместе с тем отмечал, что городское развитие само требовало в качестве предпосылки известной степени развития торговли. (См. К. Маркс. Капитал, т. III. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 25, ч. I, стр. 365).

Существование отдельных ярмарок, рынков, обмена сельскохозяйственных продуктов засвидетельствовано документами еще Каролингской эпохи и особенно ощутимо в конце раннего средневековья. Известно относящееся к XI веку хозяйственное распоряжение Клунийского аббатства о том, чтобы вино и хлеб из дальних поместий, откуда эти продукты невозможно доставить на главную усадьбу, продавались бы на месте и камерарию пересылались бы деньги¹. Преобладание натурально-хозяйственных интересов несомненно. Чрезвычайность предлагаемой в данном случае меры очевидна, так же как и крайняя неразвитость путей сообщения и отсутствие сколько-то широкого торгового обмена. Но не менее очевидна и самая возможность продажи, а значит и наличие определенной местной внутрирайонной потребности в коренных продуктах сельского хозяйства — вине и даже хлебе, в местном рыночном обмене сельскохозяйственных продуктов.

Казалось бы, откуда могла возникнуть потребность в таком обмене, а значит и самая его возможность, в условиях земледельческой однородности, натурально-хозяйственной замкнутости и примитивности сельского хозяйства этой эпохи?

Но, быть может, именно в этих особенностях и следует искать объяснения. Именно в силу примитивности техники и агротехники, в силу вытекавшей отсюда крайне низкой продуктивности тогдашнее земледельческое хозяйство, как правило, не располагало сколько-то значительными потребительскими и производственными резервами. А это должно было вести к его крайней неустойчивости: неблагоприятные погодные условия в данном пункте или районе легко приводили не только к тяжелому неурожаю, но и к голодовке, ставили под угрозу возможность возобновления производства в следующем сезоне.

Подвоза продуктов массового потребления, особенно хлеба, из отдаленных районов в тех условиях почти не было. Но поскольку и в сравнительно тесных локальных рамках урожай зачастую бывал очень пестрым, возникала потребность в местном, внутрирайонном обмене продуктов питания (хотя в количественном выражении эти вовлекаемые в обмен массы продуктов по тем же причинам могли быть лишь весьма скромными).

Эта потребность в рыночном обмене еще более должна была сказываться в отношении вина, которое даже в районах производства лозы производилось далеко не во всех хозяйствах. Но особенно настоятельная потребность в систематическом обмене продуктов возникала там, где земледельческие районы тесно соприкасались с районами преимущественно скотоводческими.

¹ E. Lesne. Histoire de la propriété ecclésiastique en France. Lille, 1950, vol. VI, p. 231: «De hiis autem villis quae tam longe sunt positaе ut nec vinum nec annona quae ibi nascitur possit ad nos pervenire ibidem venditur et pretium camerario deferitur». См. также стр. 237, 238.

Здесь обычно пункты более или менее регулярного обмена возникали очень рано. Значительный рост продуктивности всех отраслей земледелия, который предшествовал и подготовил отделение от него ремесла, а также упрочение и возрастание феодальной эксплуатации не могли не вести к возрастанию массы сельскохозяйственного продукта, вовлекаемой в обмен.

Иными словами, товарное обращение появляется еще до разделения земледельческого и ремесленного труда, еще в условиях господства натурального хозяйства. Это кажется логическим противоречием, но в действительности лишь отражает реальное противоречие жизни. Откуда бы взялось хозяйство товарное, если бы натуральное хозяйство всегда пребывало неизменным? Оно оставалось нерушимым, пока его производительность держалась на столь низком уровне, что едва могла обеспечивать воспроизводство его необходимых элементов. Когда же производство излишков становится явлением более или менее регулярным, а их отток через рынок делается необходимым — внутренняя дуалистичность натурального хозяйства, до тех пор скрытая, начинает проявляться открыто. Экономические силы земледелия перерастают тесные рамки натурального хозяйства. Отсюда прежде всего — значительное развитие торговли сельскохозяйственными продуктами, а затем, и на этой основе, высвобождение и экономическое обособление элементов промышленного труда как самостоятельного ремесла.

Не подлежит сомнению, что только на основе такого разделения основных сфер общественного труда рыночные, товарные отношения могли приобрести прочность и устойчивость. Шампанские ярмарки, как и ярмарки в Шалоне, существовали с Каролингских времен. Но действительное значение они приобретают только с XII века¹. Однако не менее несомненно и другое: устойчивый земледельческо-ремесленный рынок не был исходной точкой рыночного обмена. Он был результатом длительного экономического развития. Его важнейшей предпосылкой было складывание рынка сельскохозяйственных продуктов.

Внимательный анализ свидетельств источников, относящихся к наиболее раннему периоду в истории средневековой Тулузы, когда только начинался приток деревенского населения, рождались первые поселки, из которых затем вырос Бург, заселялись пустоши в пределах Ситэ и непосредственно за его стенами — по берегу Гаронны, на о. Тунисе и т. д., — убеждает в том, какую большую роль сыграло ремесло, особенно такие его виды, как кожевенное дело, уже в самом начале процесса складывания этого города. Оно было главным или одним из главных занятий той деревенской бедноты, вытолкнутой или бежавшей из

¹ F. Lot. Histoire urbaine. — «Journal de savants», 1935, p. 78; P. Hovelin. Essai historique sur le droit des marchés et des foires. P., 1897; p. 146—147, 245.

поместий, приток которой явился важнейшим фактором роста и формирования города. Оно же должно было стать наиболее прочной основой того товарного обмена веществ, фокусом которого был город.

Но когда мы обращаемся к наиболее ранним данным о тулузском рынке, мы видим здесь прежде всего такие товары, как хлеб, вино, соль, мясо, рыба, то есть предметы питания. Затем — продукты животноводства, служащие ремесленным сырьем (шкуры, шерсть) и самые ремесленные изделия. Но и в XII веке преобладание в тулузской торговле сельскохозяйственных товаров едва ли может вызвать сомнение. И во всяком случае несомненно, что рынок в Тулузе начался не с ремесленных товаров; он складывался прежде всего как рынок продуктов земледелия и скотоводства.

Чтобы яснее понять причины этого явления, следует, хотя бы в самых общих чертах, выяснить те экономико-географические условия, в которых протекало не только развитие Тулузы как города, но и ее, так сказать, дородовая предыстория.

Тулуза расположена среди плодородного земледельческого района¹. Хлебопашество было здесь основным занятием жителей задолго до римского завоевания. Римляне были заинтересованы в дальнейшем развитии земледелия в Нарбоннской провинции, которая, наряду с Египтом и Сицилией, стала новой житницей Римской империи. В связи с этим они даже пытались ограничить распространение здесь виноградной лозы. По мнению Андре Дюпона, именно земледелием было обусловлено возвышение и расцвет городов этой римской провинции². Как античные города вообще, и быть может в еще большей степени, они были прежде всего и по преимуществу центрами землевладения и торговли продуктами сельского хозяйства.

Но если в приморской Септимании (особенно в районе Безье) преобладала культура винограда, то западная часть провинции, в первую очередь Тулузен, славилась хлебом. Сюда проложили римляне свою Аквитанскую дорогу, которая через Норузский водораздел соединяла Тулузу с нарбоннским портом и главной, Домициевой дорогой, шедшей вдоль побережья Средиземного моря³.

Развитию земледелия в этом районе способствовали как плодородие почвы, так и благоприятные климатические усло-

¹ P. Vidal de la Blache. *Tableau de la géographie de la France*. P., 1911, p. 364.

² A. Dupont. *Cités*, p. 50—51.

³ Цезарь писал об этом районе как о «в высшей степени хлебородных равнинах» — *locis patentibus maximeque frumentariis* (C. Julius Caesar. *De bello gallico*, I, 10, 2). Как сообщает Цицерон, римским армиям Метелла и Помпея в Испании хлеб доставлялся из южной Галлии большими обозами (Cicero. *Pro Fonteio*, 12, 3). Э. Барри считает, что зерно поступило главным образом именно из района Тулузы (E. Barry. *Origines de Toulouse*. — HGL, II, p. 534).

вия: теплый и влажный климат с обилием весенних дождей и с жарким летом¹. Следует отметить, что отнюдь не весь французский Юг, даже в его равнинной части, обладал такими благоприятными условиями. За Роной, в Провансе, обширные пространства от Арля до прибрежных холмов Марселя представляют собой возвышенное плато, покрытое мелким камнем и почти совсем лишенное влаги, — это знаменитые пастбища Крау. На западе, за Гаронной, в Гаскони, простирались обширные ландшафты, с песчаной и заболоченной почвой, поросшие сосною и вереском. И в самом Лангедоке обширная полоса земель, которая простирается вдоль морского побережья от Восточных Пиренеев до низовьев Роны, представляет собою по большей части пыльную равнину, скудную влагой и открытую ветрам, на которой хорошо произрастает оливковое дерево. Но для полеводства она была пригодна отнюдь не во всюду и, если не была заболочена, как в районе Нарбонны, то зачастую больше годилась для возделывания винограда (Безье) и технических культур (Монпелье), чем для хлебопашества².

Значительно более благоприятны для культуры зерновых земли в северо-западной части этого района, за Норузским водоразделом, где, на меридиане Тулузы, резко расширяется расстояние между отрогами Пиренеев и предгорьями Центрального массива (250 км против 50 у Каркассона), и далее этот интервал еще более возрастает³. Примыкающие к равнине плодородные речные долины предгорных районов и значительные участки плато, окруженные пологими, легко поддававшимися обработке, холмами (что особенно характерно для Тулузена) были здесь главными очагами продуктивного хлебопашества. И хотя в средние века культура винограда, практиковавшаяся здесь и в античности, широко захватила Тулузен, производство зерна не только осталось основой его сельского хозяйства, но получило здесь дальнейшее развитие, и хлебопроизводящее значение Тулузена в эту эпоху еще более возросло.

От XV века до нас дошли весьма красноречивые свидетельства относительно высокого развития земледелия, богатства Тулузена хлебом, а также вином. Так, около 1408 года в докладной записке королю это отмечали тулузские консулы⁴. В конце того же столетия ученый немец из Нюрнберга Иероним Мюнцер, в 1494—1495 гг. путешествовавший по Южной Франции, с восхищением отмечал исключительное плодородие земли и изо-

¹ В Тулузе среднегодовое число морозных дней не превышает 37. Средняя температура января +4,5, июля +21,2°. Таким образом, среднегодовое колебание температур составляет всего 16,7° (L. Dutil, I, p. 25—26).

² P. Dognon. Institutions politiques et administratives du pays de Languedoc du XIII siècle aux guerres de religion. T., 1896; p. 1—2. G. Jullian. Histoire de la Gaule, v. II, p. 504.

³ P. Vidal de la Blache, p. 362.

⁴ Ph. Wolff. Commerces, p. 169.

билие пшеницы, вина и других продуктов сельского хозяйства в Тулузском районе¹. В конце XVIII века англичанин Артур Юнг, совершая свое знаменитое путешествие по Франции и проезжая от Монтобана к Тулузе, записал лаконично и выразительно: «Я проехал хлебные поля, лучше которых невозможно встретить»².

Но и для интересующего нас времени мы имеем достаточно убедительные свидетельства высокого развития зернового хозяйства в этом районе. Папские буллы по делам Тулузского университета в середине XIII века³, решения «провинциальных штатов», спонтанно возникавших в южных сенешальствах во второй половине того же столетия, и самые дебаты на их заседаниях — неопровержимо свидетельствуют, что к этому времени здесь сложилась практика систематического вывоза хлеба на внешний рынок⁴.

Что касается Тулузена, то сведения XII века позволяют говорить о наличии сложившихся локальных хлебных рынков в его мелких городских центрах уже в первой половине этого столетия. В самой же Тулузе такой рынок налично уже в XI веке — в Бурге в первой половине столетия, а в Сите, по всей видимости, еще ранее⁵. Затем он быстро развивается. В XII и XIII веках на тулузском рынке зерно занимает исключительно важное место. На этой почве Тулуза превращается в крупнейший центр мукомольного промысла, а этот последний по своей экономической структуре достигает в те же столетия неслыханной для средневекового города сложности и интенсивности. Но при этом важно отметить, что, насколько можно судить, на городском рынке Тулузы зерно явилось одним из самых первых товаров, а очагом хлебной торговли Тулуза сделалась раньше, чем стала собственно городом. Где следует искать объяснения этому явлению?

Разумеется, чрезвычайно важна сама вышеочерченная земледельческая характеристика района. Но, по всей видимости, дело заключалось не только в этом. Расположенная в юго-восточном углу Гароннской низменности, среди широкой холмистой долины, на правом берегу Гаронны, там, где река, текущая с Пиренеев на северо-восток, круто поворачивает на северо-запад, Тулуза оказывалась на стыке равнинных, земледельческих и

¹ «Credo in tota Gallia tam uberem agrum non esse, tantum habundat frumento, vino, craco, gwalda, et ligno, et omnibus ad victum spectantibus». Itinerarium sive peregrinatio excellentissimi artium ac utriusque medicine doctoris Hieronymi Monetarii de Feltkirchen civis Nuremburgensis. Publ. par E. Déprez. — AM, 1936, p. 74.

² A. Young. Travels in France; L., 1924, p. 31.

³ Documents sur l'histoire de l'Université de Toulouse, publ. par R. Gauthier. T., 1910, N 4, 5, 14, 14-bis.

⁴ HGL, VIII, N 443, 446, 529, 545.

⁵ См. A. Dupont. Cités, p. 43.

торных, лесистых или песчано-болотистых районов. С востока к ней подступают отроги Центрального массива (Монтань-Нуар), с запада (за Гаронной) — гасконское плато Арманьяк, с юга — отроги Малых Пиренеев, лесистые холмы графств Комменжского и Фуа. Малопригодные, а то и вовсе не пригодные для земледелия, особенно для хлебопашества, эти районы обладали превосходными пастбищами или густыми лесами. Это в значительной мере относится и к левобережью Гаронны, вниз от Тулузы, и к междуречью Тарна и Гаронны, и к Альбижуа, то есть ко всему району, примыкавшему к Тулузе с севера, где в дальнейшем широко развилось хлебопашество, но который до XII века в значительной мере еще был покрыт нетронутыми лесами и пустошами. Богатые скотом и продуктами скотоводства — мясом, шкурами и шерстью, а также лесом и пушниной, эти районы постоянно нуждались в хлебе, особенно в пшенице¹.

Стоя на стыке экономических зон древнего разделения труда между земледельцами и пастушескими племенами, Тулуза самым своим местоположением была предопределена к роли связующего центра между ними, тем более, что здесь тесно соприкасались литуро-иберийские (аквитаны) и кельтские (вольки) группы племен². Равнина, разделяющая Пиренеи и Монтань-Нуар, и разделяла и, затем, соединяла иберийские племена с кельтскими³. Тулуза должна была стать также центром межплеменного общения.

Это обстоятельство, в свою очередь, делало Тулузу наиболее удобным центром обмена и перевалочным пунктом такого древнейшего и необходимейшего объекта торговли, как соль. Ее привозили сюда с солеварен тарбоннских морских лагун по древней дороге передвижения племен, оставленной природой между южными отрогами Севени и северными склонами Корбьеров.

И затем — вино. К началу нашей эры, по данным Страбона, северная граница культуры винограда в Галлии проходила приблизительно в районе Тулузы⁴. Правда, уже Плиний сообщает о дальнейшем распространении лозы к северу⁵, но в этом районе еще и в раннем средневековье Тулуза в значительной мере оставалась на северном рубеже главной зоны виноградарства⁶. Здесь должны были сходиться для обмена «южане» и «северяне», производители вина и потребители его.

¹ См. C. Jullian. Histoire de la Gaule. P., 1907—1926; v. II, p. 450, 453, 500—501; *ibid.*, v. I, p. 306, 309; 263—265, 277—278; v. II, p. 11—12.

² C. Hignouet. L'occupation du sol, p. 301—330. Именно Гаронна была границей между ними. См. C. Jullian, v. II, p. 454—455.

³ См. P. Vidal de la Blache, p. 354, 362.

⁴ Страбон. География, IV, 1, 2 (русский перевод—М., 1964, стр. 171).

⁵ E. Desjardins. Géographie historique et administrative de la Gaule romaine. P., 1876—1893; v. I, p. 404, 444—449.

⁶ Даже в междуречье Тарна и Гаронны — непосредственно к северу от Тулузы — культура винограда стала широко продвигаться только с XII века (C. Hignouet. Occupation du sol, p. 327—328).

Это тем не менее не означает, что рынок сельскохозяйственных продуктов сложился в Тулузе еще в племенную эпоху и что средневековой Тулузе оставалось только продолжать то, что она «унаследовала» от прошлого. Отмеченные выше племенные контакты, элементы экономических обменных процессов, во всем (разве что кроме соли) должны были оставаться более или менее эпизодическими, нерегулярными. И не только в силу того, что мирное общение между племенами в этом районе то и дело сменялось бурными передвижениями, конфликтами, открытой борьбой, потеснением одних племен другими. Но еще более потому, что в условиях крайней хозяйственной примитивности как скотоводства, так, особенно, земледелия, в силу общей натурально-хозяйственной направленности производства в обмен могли поступать только излишки, а излишки эти образовывались отнюдь не регулярно.

Если данные археологических раскопок древней столицы вольфов-тectosагов (5 км к югу от современной Тулузы), многочисленные находки римских и греческих монет свидетельствуют о древности межплеменных и межзональных экономических нитей, рано завязавшихся вокруг этого очага обмена, то, вместе с тем, те же археологические данные предостерегают от преувеличенных представлений об интенсивности этой торговли и степени развития этого «городского» центра: вопреки ожиданиям «Старая Тулуза» не смогла дать свидетельств существования здесь ни сколько-то основательных городских стен, ни, тем более, богатых городских зданий. Она рисуется поднятым для большей безопасности на вершину холма полуварварским торжищем, почти без построек, с весьма незначительным постоянным населением¹.

Очевидно, в римскую эпоху рыночные связи, концентрировавшиеся в Тулузе, стали значительно регулярнее, прочнее. Об этом свидетельствует перенесение римлянами (при Августе или при Тиберии) города на новое, более доступное и удобное для торговли место², да и бурный рост и богатение города, который,

¹ E. Barry. Tolosa Tectosagum. — MAST, 1872, p. 360—362; L. Joulin. Les stations antiques des coteaux de Pech-David près de Toulouse. — Ibid., 1902, p. 389—394.

² E. Barry. Origines de Toulouse. — HGL, I, p. 167—184. В недавнее время Жан Копполани предпринял попытку отвергнуть это научно обоснованное предположение и доказать, что Тулуза «всегда стояла там, где стоит теперь». (J. Coppolani. Essai de solution géographique du problème des origines de Toulouse. — AM, 1950, p. 105—114). Но его система доказательств страдает по меньшей мере одним очень существенным изъяном. Отмечая, вслед за археологами, что в Старой Тулузе широко встречаются монеты III—I веков до н. э., но очень редки монеты императорского периода, он игнорирует другое важнейшее наблюдение археологов: на территории современной Тулузы римские монеты, начиная от Августа и Тиберия, встречаются широко, монеты же республиканской эпохи вообще почти не встречаются. (См. L. Joulin. Stations antiques, p. 392).

как показывают остатки римских стен конца III века, даже в пору начавшегося свертывания городской жизни на исходе Империи обладал едва ли не наибольшей территорией во всей Галлии¹.

О том, что в римской Тулузе существовал рынок крупного рогатого скота, говорит название места (затем поселка, церкви, рынка и улицы в Бурге) de Tauro (Taure) — за северной стеною Ситэ, по соседству с бродом (badacleum) через Гаронну, для охраны которого затем был выстроен замок Базакль и где (через брод) к городу подходила дорога из скотоводческой Гасконии². Видимо, от тех же времен идет название Соляной площади, или Соляного рынка — salinum — в главной, южной части Ситэ. Ж. Шаланд считает Салинум древнейшей частью Тулузы³.

Но примечательно, что в раннем средневековье в де Тауро, по всей видимости, не было ни какого-либо поселения, ни самого скотского рынка, ни, тем более, ничего, что могло бы рассматриваться как продолжение или принадлежность города⁴. И лишь в XI веке здесь снова существует рынок, при этом не только скотский, но и хлебный⁵. Что касается соляного рынка, то бросается в глаза то обстоятельство, что в начале XI века собственно соляной рынок оказывается не в самой Тулузе, а приблизительно в 20 км к юго-востоку от города, в местечке Базьеж и деревне Эстап, под властью соседних сеньоров — Караманов; сюда прибывают выючные караваны с солью⁶. На городской же площади Тулузы помещались главным образом графские соляные склады и графская соляная таможня⁷.

Общее захирение торговых связей в позднеримские времена и особенно в раннее средневековье не вызывает сомнения. Видимо, при этом имело место ослабление и межплеменных и, так сказать, межзональных связей. В этом направлении должны были действовать не только бурные волны варварских вторжений и передвижений, но также и развитие местного земледелия, владение натурально-хозяйственной замкнутости в эту эпоху.

Но поскольку эти связи начинали оживляться, сосредоточиваясь вокруг города как своего естественного центра, они, вместе с тем, первоначально явно избегали концентрироваться в самой Тулузе, в Ситэ, с его графской властью, фискальным аппаратом и жесткой системой обирания торговли. Да и сами эти

¹ F. Lot. *Recherches*, p. 307, 335—336.

² Надо полагать, что это название старше житийной традиции, связывающей его с обстоятельствами гибели (около середины III века) св. Сатурнина. (См. A. Aurioi et R. Rey, p. 12). Любопытно, что в Марселе в XIII веке имелся Бычий бург — burgus de Tauro. (G. Lesage, p. 34).

³ J. Chalande. *Histoire des rues de Toulouse*. — «Mémoires de l'Académie des Sciences de Toulouse», 1913, p. 225.

⁴ Cart. S.-Sernin, N 3.

⁵ Ibid., N 291.

⁶ Ibid., N 135, 137.

⁷ Cart. Bourg, N 1.

центростремительные силы пробуждались медленно: город лишь медленно выходил из анабиотического состояния, и долгое время феодальное окружение было сильнее его.

Таким образом, нити древнего межплеменного и межзонального обмена, издавна тяготевшие к Тулузе, несомненно подготовили возникновение именно здесь значительного рынка сельскохозяйственных продуктов¹. Но упрочивается он только вместе с широким притоком в Тулузу деревенского населения, с образованием Бурга, кристаллизовавшегося вокруг возникавших ремесленных поселков и рынков, и с постепенной трансформацией старого землевладельческого Ситэ в землевладельческо-торговый и ростовщический, а частью и ремесленный центр.

Начало собственно городского развития, опирающегося на товарное производство, создавая прочную основу для постоянных рыночных связей в данном центре, не обрывало уже наличной рыночной традиции, но неизмеримо усиливало ее, вливало в нее новые силы и постепенно придавало ей принципиально новые черты².

Если очерченные выше экономико-географические различия и, в то же время, силы сплочения в какой-то мере и в древности способствовали возникновению и возвышению центра толозатов на Гаронне, то в новую эпоху, начиная с XI века, силы, превращавшие Тулузу в важнейший в этом районе рынок зерна и животноводческих продуктов, должны были действовать неизмеримо интенсивнее. Пример Тулузы еще раз убеждает: там, где средневековые города возникали на месте своих античных предшественников, это происходило не в силу непосредственной преемственности самого городского развития, но потому, что и в древности наиболее устойчивые городские центры, как правило, возникали в пунктах, где особенно четко проявлялось и особенно полно (по тем временам) могло реализоваться намечавшееся большое разделение общественного труда.

Попытаемся теперь, насколько позволяють источники, проследить раннее развитие городского сельскохозяйственного рынка средневековой Тулузы по двум важнейшим видам продовольственных товаров — хлебу и вину.

Первые дошедшие до нас достоверные сведения о систематической хлебной торговле в Тулузе относятся к концу XI века.

¹ В упомянутой выше докладной записке 1408 года тулузские консулы, отмечая, что город и сенешальство богаты хлебом и вином, вместе с тем подчеркивали, что им недостает соли, скота, оливкового масла и пряностей.

² Ф. Веркаутерен, подходя к проблеме, городского рынка в связи с общими социально-экономическими процессами, определившими лицо этой эпохи, приходит к выводу, что возрастание городского населения, широкая внутренняя колонизация, распашки новы вызвали более широкую торговлю предметами потребления. Сначала это были продовольственные товары, затем ткани, одежда, а также строительные материалы, и позднее — предметы роскоши. (F. Vercauteren. De la cité antique à la commune médiévale, p. 136).

Но это отнюдь не ее начало. Грамота Гильема Аквитанского 1098 года¹ касается только зернового рынка в Бурге и при этом — лишь по поводу введения на нем новой пошлины в пользу Сен-Сернена. Иными словами, она не только не учреждала этого рынка, но исходила из факта его существования как из необходимой предпосылки. Даруемая пошлина могла быть эффективной только при наличии здесь регулярной и обильной торговли хлебом. Такой рынок должен был в тех условиях иметь за плечами не одно десятилетие постоянного функционирования. Его начало, по всей видимости, восходит еще к первой половине XI века.

Но едва ли рынок в Бурге, повом поселении, возникавшем в эту пору за северной стеною города, был первым хлебным рынком в Тулузе. Еще ранее рынок сельскохозяйственных продуктов, и особенно зерна, должен был возникнуть в Ситэ. Правда, прямых свидетельств на этот счет источники не содержат. Но вряд ли разумно и требовать от них этого. И не только потому, что от начала XI и, тем более, от конца X века документов, вышедших из канцелярий светской (графской) власти до нас дошло ничтожно мало, не менее важно другое: там, где рынок возникал спонтанно, никакой феодальной «учредительной хартии» вообще не было. Такие хартии, как правило, относятся к более поздней эпохе. В значительной мере они были вызваны к жизни сопротивлением горожан, требовавших ограничения безудержного обирательства торговли со стороны сеньоров, так что сеньоры далеко не всегда были заинтересованы в таких «учредительных хартиях». Даже для рынка во вновь возникавшем Бурге мы имеем лишь позднейшую жалованную грамоту другому феодалу, вызванную случайным поводом — разрушением Сен-Серненской церкви в конце XI века. Отсутствие прямых свидетельств источников о раннем существовании хлебного рынка в Ситэ, на наш взгляд, не может служить доказательством отсутствия самого рынка. У нас немало косвенных доказательств его более давнего существования, чем такой же рынок в Бурге.

Уверенно предположить значительно более раннее возникновение хлебного рынка в тулузском Ситэ нас побуждают не только общие представления о Тулузе как естественном фокусе обмена продуктов хлебопашества, виноделия, скотоводства и лесных промыслов, едва только нити этого обмена начали возникать и сплетаться (о чем речь шла выше). В пользу такого предположения говорит факт раннего возрождения Тулузы как центра соляной торговли. Документы самого начала XI столетия говорят о том, что в сфере солеторговли уже тогда сила экономического тяготения, только возникавшая во вновь рождавшемся городе и используемая графскою властью и тулузскою церковью, начинала одолевать могущество некоторых деревен-

¹ Cart. S.-Sernin, N 291.

ских феодалов. Средоточием торговли солью снова становилась Салин — площадь в южной части Ситэ, с соляными складами и графской соляной мытней, по соседству с резиденцией тулузских графов—Нарбоннским замком¹.

Едва ли торговля здесь ограничивалась солью: именно здесь в город входила Нарбоннская дорога, ведущая из хлебородных районов Лорагэ, почти вплотную примыкающих к Тулузе с юго-востока. Здесь же, у берега Гаронны, почти у самых Нарбоннских ворот, был древнейший причал для судов, шедших с Арьежа, из лесных и горных скотоводческих районов. Именно сюда раньше всего начинается систематический подвоз зерна². Сюда стекается пришлое население, здесь, у стен Ситэ, возникает какой-то поселок, а затем первые в Тулузе «убежища», причем для того, чтобы вырвать у графской власти право (очевидно, очень выгодное) основания первого такого сальветата, церковники не останавливаются даже перед самыми крайними средствами обмана и вымогательства³. Именно эти пути, подводившие к Ситэ с юга и юго-востока, рано были перекрыты полосой мытных застав, принадлежавших нескольким сеньорам, и тулузские горожане раньше всего добивались выкупа именно здесь взимавшихся и наиболее ненавистных пошлин⁴. Наконец, косвенным доказательством давнего возникновения хлебного рынка в Ситэ может служить и то обстоятельство, что в дальнейшем эталоны правильного веса и меры в Тулузе хранились в первую очередь на рынке Ситэ и в Сент-Этьенском соборе, а также в Бурге, в Сен-Серпенской церкви⁵. Сопоставление всех этих данных позволяет предположительно отнести начало хлебного рынка в Ситэ по крайней мере к концу X—самому началу XI века.

Но так как наиболее ранние непосредственные данные о хлебной торговле содержат источники, относящиеся к Бургу, обратимся к их более подробному рассмотрению. В 1098 году Гильем герцог Аквитанский и его жена Филиппа пожаловали каноникам Сен-Серпенской церкви, наряду с местечком Бланьяк на Гаронне, право сбора пошлыны с зернового хлеба (аппона), привозимого в Тулузу на рынок в Бурге, в размере 1 юнката (припоршня) с каждого сетье (около 90 кг) зерна⁶.

Дарованная пошлына на первый взгляд представляется весьма скромной: юнката (около 1 кг.?) с каждого сетье составляла не многим более 1% общего веса зерна. Но пошлына эта даровалась специально для восстановления приорства, незадолго перед тем разрушенного. Очевидно, она могла служить этой

¹ Cart. Bourg, N 1.

² A. Dupont. Cités, p. 51.

³ HGL, V, N 453, 454; Cart. Bourg, N 11.

⁴ Cart. Bourg, N 14.

⁵ Ibid., N 17.

⁶ Cart. S.-Sernin, N 291.

цели только в том случае, если на рынке одновременно продавалось немалое количество таких сетей. Ведь пошлина, предназначенная не на потребительские пужды каноников, взималась продуктом в натуре — значит, она должна была приносить аббатству такие количества зерна, что продажа их могла дать суммы достаточно значительные для восстановления Сен-Серненской церкви. Любопытно отметить, что, хотя, разумеется, монастырь использовал не только этот источник, именно с первых лет XII века Сен-Сернен начал отстраиваться во всем своем величии.

Сбор пошлины в натуре, очевидно, в данном случае отнюдь не означал преобладания натурально-хозяйственных интересов, ибо собранный хлеб с самого начала предназначался на продажу. Видимо, такая торговля хлебом была для каноников выгоднее сбора денежной пошлины, а это значит, что систематическая торговля хлебом на рынке Бурга стала явлением постоянным, стабильным, вовлекавшим в свою орбиту значительное количество зерна, и — делом весьма выгодным. Не зря же и каноники не пожалели вознаградить графа за щедрое пожалование (включая и Бланьяк) огромной суммой в 4,5 фунта чистого золота и сверх того 800 тулузских солидов.

Несомненно, хлебный рынок в Бурге возник не в момент появления грамоты и не только что перед тем. Грамота дана в июле 1098 года. Герцог Аквитании и граф Пуатье Гильем IX захватил тулузский престол в 1097 году. Как пишет в грамоте сам Гильем, «злонамеренные люди со всего графства восстали, чтобы разрушить церковь святого Сатурнина»¹. При этом, как отмечает граф, это произошло «в наши дни», то есть во время его правления. И если сразу же после таких грозных событий, развернувшихся на территории самого Бурга, частью которого был Сен-Сернен, даруется хлебная пошлина, предполагающая наличие здесь стабильной и весьма интенсивной торговли зерном, — то едва ли могут быть сомнения, что торговля эта сложилась и упрочилась задолго до этих событий, где-то в середине или даже в первой половине XI века, и эту хлебную пошлину первоначально собирали сами графы.

Каково было происхождение этого зерна, кто его продавал? Видимо, в какой-то мере это могли быть жители Тулузы, но основную массу продавцов зерна составляли люди посторонние, приезжие: в грамоте специально оговаривается, что пошлина взимается с зерна, привезенного на рынок для продажи любым

¹ Ibid. Давно враждовавший с тулузскими графами Сен-Жильского дома, которые настойчиво добивались ослабления быстро возвышавшегося монастыря (в 90-е годы XI века граф Бертран фактически начал открытый поход против могущественного приорства), Сен-Серненский монастырь был явно замешан в аквитанской интервенции и держал сторону графа Пуатье. (См. J. M u n d y Liberty, p. 16). Потому-то, видимо, на Сен-Сернен и обрушилась вся ненависть феодалов Тулузена против узурпатора.

лицом, кроме жителей Бурга и Ситэ¹. Хлеб был привозной. Любопытно, что, мотивируя пожалование пошлины каноникам, граф писал: «Дабы каждый, кто повинен в нападении на эту церковь, таким образом возместил причиненный ущерб»². Очевидно, хлеб на тулузский рынок привозился из сельорий Тулузена.

Но так ли это? Ведь самая оговорка грамоты относительно обложения пошлиною только тех продавцов зерна, которые не являются жителями города, свидетельствует, что какие-то горожане Тулузы тоже принимали участие в торговле хлебом. Да и можно ли предположить, что средневековая Тулуза была свободна от тех элементов аграрности, которые в большей или меньшей степени присущи всем городам этой эпохи? Нет, наличие в ее хозяйстве весьма устойчивых аграрных придатков не подлежит сомнению.

В самом деле, в 1152 году консулат издал постановление, регулировавшее штрафы за потраву виноградников, лугов, плодовых садов и даже нив — *segetes*, принадлежавших жителям Ситэ и Бурга³. При этом перечисляются домашние животные: быки и коровы, лошади, мулы, ослы, свиньи, овцы, козы. Очевидно, содержание этого скота для тулузских горожан XII века было делом столь же обычным, как и обладание вышеперечисленными земельными угодьями. В этом нас убеждают и некоторые более поздние источники. Из знаменитой грамоты 1189 года (соглашения между коммуной и графом, завершившего бурные события 80-х годов XII века) мы узнаем о разрушении виноградников, опустошении полей и садов, уничтожении скота, принадлежавшего горожанам — в городе или вне города⁴.

Но и в XIII веке земледельческие занятия, в том числе, очевидно, и полеводство, не утратили своего значения для горожан Тулузы. В провансальской «Песни о крестовом походе против альбигойцев» рассказывается, что, когда в 1213 году возникла опасность осады Тулузы, граф Раймунд VI обратился к горожанам с речью, в которой, в частности, сказал, что крестоносцы хотят лишить их возможности убрать урожай⁵. Известный хронист Альбигойских войн Гильем де Пуилоран также сообщает, что в начале лета 1213 года Симон де Монфор, пытаясь блокировать и задушить Тулузу, поставил в небольшой крепостце *Podiolus*, близ города, вооруженный отряд, который должен был закрыть тулузцам выход из города для уборки урожая⁶. Позднее, в 1218

¹ «Ut quicumque preter inhabitantes in suburbio vel in civitate allatam annonam amodo venderit, de unoquoque sextario...» etc.—Cart. S.-Serin, N 291.

² «ut quicquid invasione huius ecclesie delicuerunt, hoc modo satisfactione corrigent. — Ibid.

³ Cart. Bourg, N 4.

⁴ Ibid., N 8.

⁵ Chanson de la croisade contre les Albigeois; pub. par P. Meyer. P., 1875—1879; t. I vers 2796—2797.

⁶ «...qui Tholosanis ad messes exeuntibus imminerent». Guillelmus de Podio Laurentii. Chronica, cap. XIX, éd. Beyssier, p. 135.

году, когда Тулуза была осаждена Монфором, горожане, по словам того же хрониста, были почти полностью лишены доступа продовольствия и вовсе отчаялись убрать свой урожай¹.

Таким образом, значение городского земледелия в экономической жизни Тулузы интересующего нас периода выглядит весьма существенным. Поэтому, имея в виду в первую очередь средневековую Тулузу и пытаясь дать более широкое обобщение, Филипп Вольфф в одной из своих работ делает следующий вывод: «Города лишь частично рассчитывали на покупку продовольствия, они оставались полуаграрными»².

Такой вывод, в обоснование которого не трудно привести немало аргументов из хозяйственной истории и других городов средневековья, представляется самоочевидным. Однако нельзя не заметить, что вывод этот отличается крайней широтой, включает в одни скобки не только все города, но и все периоды средневековья, даже если иметь в виду только ту часть этой эпохи, когда городское развитие было реальным фактом. Насколько обоснована такая однозначность в пространстве и во времени? И, даже если допустить такую неизменность, — каковы были те тенденции, которые развивались под ее покровом, в каком направлении они действовали? Вполне ли правомерен здесь сам термин «полуаграрные»? Действительно ли эти города в основном сами обеспечивали себя продовольствием и их зависимость от подвоза сельскохозяйственных продуктов и особенно хлеба была лишь частичной?

Не претендуя найти формулу, безусловно пригодную для всех городов средневековья и для всех периодов, попытаемся проверить точность этого вывода для Тулузы XII и XIII веков. Дошедшие до нас документы о купле-продаже земельных участков в Ситэ и Бурге в начале XIII века, некоторые акты второй половины того же столетия дают убедительные свидетельства того, что городские *casales* и *honores* были первоначально мансами и даже мелкими поместьями в пределах городских стен. Но эти же документы не менее убедительно свидетельствуют о том, что уже к XIII веку эти владения, как правило, утратили свое сельскохозяйственное назначение, застроились, раздробились на мелкие и мельчайшие участки, состоявшие из дома (зачастую — хижины или мастерской) с маленьким двориком³.

Интенсивный приток населения и бурная застройка города в течение XII века должны были привести к постепенному вытес-

¹ «qui poterentque de colligendis messibus diffidere in estate». (Ibid.,) cap. XXVIII, p. 144). Хронист, хотя в годы Альбигойских войн еще подросток и юноша, был коренным тулузцем, черпавшим сведения из первых рук (см. Y. Dossat. Le chroniqueur Guillaume de Puylaurens. — AM, 1953, p. 343—353), а потому его свидетельства, несомненно, заслуживают доверия.

² Ph. Wolff. France du Nord, France du Midi. Les luttes sociales dans les villes du Midi français (XIII—XIV siècles). — «Annales», 1947, p. 445.

³ Cart. Bourq, N 31, 32, 35, 36, 43, 45, 46, 47, 49; HGL, VIII, N 360.

нению из Ситэ, а затем и из Бурга, сельскохозяйственных угодий, особенно — пахотных участков. Если в 20—30-х гг. XII века в Бурге рядом с улицами могли располагаться целые (хотя, по сравнению с деревней, и небольшие) поместья¹, если еще в 1197 году Бернар де Капденье мог купить в черте города примыкавший к улице участок, который состоял из пашни, пустыря и луга², то в XIII веке мы уже почти не встречаем в источниках подобных примеров. Нужда в земельных участках в городе стала настолько острой, что консулы Бурга отдавали в держания его жителям валы и склоны оборонительных рвов³. Едва ли эти участки на скатах и откосах могли использоваться под пашни — вернее всего они пускались под виноградники и огороды, луга и мелкие выпасы⁴.

По мере развития товарного обмена с деревней и превращения города в ремесленно-торговый центр, земледельческие занятия, особенно полеводство, все больше оттеснялись на окраины города и в те небольшие поселки, которые в эту пору образовывались за стенами Ситэ и Бурга⁵. Процесс этот шел далеко не прямолинейно. Приток деревенского населения в XI—XII веках и основание «убежищ» приводили к скоплению на периферии и за стенами города ремесленного люда. Но эти же факторы способствовали сосредоточению здесь и населения земледельческого или полужемледельческого.

Не следует упускать из виду, что процессы, происходившие в этот период в феодальной деревне, выталкивали из нее в города отнюдь не только ремесленные, но также и собственно земледельческие элементы. Потому-то при основании первых убежищ на южной окраине Ситэ и за его стенами, у Нарбоннских ворот, тулузские графы, стремясь привлечь в город беглых крестьян, обещают предоставить каждому новоприходцу, очевидно — небольшой, но все-таки манс (*casale*), и даруют им освобождение от ввозной пошлины с зерна, винограда и вина, привозимых в город, а также от торговой пошлины с этих продуктов⁶. Как явствует из источников, приток деревенского населения в Тулузу не прекратился не только в 1195, но и в 1226 году⁷. Для многих из этих людей земледелие, в том числе и хлебопашество, и в городе оставалось важным занятием. Земледелие это определенно имело товарную направленность. Но,

¹ Cart. S.-Sernin, N 18.

² P. Gérard, *Le Cartulaire des Capdenier* (Douzième Congrès d'études de la Fédération des Sociétés académiques et savantes Languedoc-Pyrénées-Gascogne. Toulouse, 21—23 Avril 1956. Actes du Congrès. Albi, 1958), p. 17.

³ Cart. Bourg, N 91; HGL, VIII, N 515.

⁴ Нужно отметить, что ни один документ не дает нам ни малейшего указания на существование у тулузцев городской альменды за стенами города.

⁵ HGL, V, N 454.

⁶ HGL, V, N 454; Cart. Bourg, N 11.

⁷ Cart. Bourg, N 11, 102.

как показывает само освобождение от ввозных пошлин, их полевые участки находились вне города.

Наличие и развитие на окраинах и за стенами города рынков, промысловых (например, мукомольных) центров и чисто ремесленных поселков не могло полностью вытеснить отсюда аграрных и полуаграрных элементов. Видимо, именно здесь более всего проживал тот бедный городской люд (порою даже феодально-зависимого состояния), который, как сообщает Тулузский кутюм, брал чужой скот на выпас исполу¹. Выпасы, очевидно, были за городом. Там же были и сенокосы: в пойме Гаронны, выше Нарбоннского замка, а также на речных островах около города².

Что же касается пашен, то они, несомненно, к XIII веку были вытеснены за стены города, в пределы городской округи. Ведь приведенное выше сообщение современника Альбигойских войн со всею очевидностью свидетельствует: чтобы собрать урожай и обеспечить себя продовольствием, тулузцам было необходимо выйти из города. Об этом же говорят и данные второй половины XIII века. Около 1265 года граф Альфонс Пуатье освободил тулузцев от провозной пошлины (пеажа) с продукта полей и виноградников (*terrarum et vinearum*), принадлежавших им в пределах городской округи — *infra decos Tholose civitatis*³. Согласно коммунальному постановлению 1226 года размер этой территории (так сказать — тулузского контадо) определялся радиусом в среднем в 12 км⁴.

По всей видимости, в эту пору сколько-то значительные пашни располагались не непосредственно за городскими стенами, а именно в этой деревенской округе города. Этим обстоятельством, а главное — высокою степенью отрыва ремесла от земледелия и устойчивостью его товарных связей, и следует объяснить то, что в Тулузе рядовые, мелкие горожане пахотными участками владели редко. Во всяком случае, если источники иногда упоминают держание полевых участков, то никогда не связывают с ними каких бы то ни было натуральных чиншей⁵. Очевидно, и продуктивность их была несущественной, и назначение — только подсобно-потребительское.

Между тем, в ту же пору в мелких городках дело обстояло иначе. Еще в 1231 году в местечке Монтель, в округе Гайяка, тулузский граф собирал «хлебный побор» (*bladada*), хотя и допускалась замена продукта деньгами⁶. При этом Раймунд VII пре-

¹ Coutumes de Toulouse, art. 149.

² HGL, VIII, N 48; Corr. Alfonse de Poitiers, I, N 840, a, 114; Comptes royaux, t. II, N 16732, 17077, 17078.

³ Corr. Alphonse de Poitiers, t. II, N 2059, art. 1; *ibid.*, t. I, N 341, 363.

⁴ Cart. Bourg, N 102.

⁵ Cart. S.-Sernin, N 128, 72, 129.

⁶ HGL, VIII, N 297.

доставил жителям Монтеля право свободного пользования пастбищами, водами, лесами. И даже в более значительном городке Савердене (на р. Арьеж, в графстве Фуа, приблизительно в 50 км южнее Тулузы) в 1246 году семьи ремесленников—ткачей, сапожников сообща пользовались довольно значительными держаниями, платили местному приорату Сен-Серненского аббатства, помимо альберги (видимо, в деньгах), также овсом и ячменем в натуре¹. Быть может, именно в отношении хозяйственной жизни городков такого типа определение «полуаграрная» наиболее полно отвечало бы своему содержанию.

Что мы чаще и более всего (из сельскохозяйственных объектов) встречаем в стенах и под стенами Тулузы — так это виноградники, сады и снова виноградники. Уже в первой половине XII века вокруг Бурга складывается обширная полоса виноградников и молодых насаждений лозы — *maloles*². Как видно из графской хартии 1141 года (см. ниже), также — и вокруг Ситэ. В этом отношении Тулуза едва ли много отличалась от Каркассона, который был окружен садами и виноградниками³.

Нельзя не обратить внимания на то, что одна из самых первых известных нам вольностей, которую тулузцы вырвали у графской власти еще до создания консулата (в 1141 году), содержала освобождение горожан, продающих собственное вино, от торговой пошлины и предоставляла им право свободно торговать вином в течение всего года. Примечательно, что, даруя эту вольность «всем мужчинам и женщинам, проживающим в городе Тулузе и в пригороде» (Бурге), граф Альфонс-Журден считал необходимым специально добавить: «а также всем, кто проживает вокруг города и вокруг бурга»⁴. Очевидно, уже к этому времени здесь, непосредственно за стенами города, сложилась важная зона городского виноградарства.

В XIII веке, когда городское землевладение уже широко проникло в тулузскую округу, и здесь также горожане использовали свои земли более всего для садоводства и виноградарства. В 1211 году, жалуясь арагонскому королю Педро II на бесчинства северных крестоносцев, опустошавших пригородные владения горожан, тулузские консулы называют прежде всего виноградники, затем сады и лишь в последнюю очередь — нивы⁵. Виноградники, сбор винограда, торговля вином занимают важное место не только в частных актах⁶, но и в коммунальных поста-

¹ Documents de Languedoc, t. II, p. 36.

² Cart. S.-Sernin, N 9, 28, 35, 82, 92, 93, 96, 100, 102, 108, 120, 128, 154, 376, 423, 439, 495, 496, 554, 569 Ap., N 66; Cart. Bourg, N 1.

³ Ordonnances des roys de France; t. I, P., 1723; p. 64, N 151.

⁴ «... circa urbem et circa burgum» (Cart. Bourg, N 1).

⁵ HGL, VIII, N 161.

⁶ Cart. S.-Sernin, N 9, 13, 28, 35, 39, 50, 52, 54, 56, 61, 62, 74, 78, 82, 84, 92—93, 96, 100, 102, 108, 121, 128, 147, 150, 154, 300, 376, 400, 404, 412—414, 430, 439, 446, 457, 495, 496, 554, 569, Ap. N 52, 66, 67, etc.

новлениях XII—XIII веков¹. Торговле вином уделяет внимание и Тулузский кутюм².

Вопрос о торговле вином рассматривается ниже. Пока отметим лишь, что изобилие вина на тулузском рынке (а Тулуза была и крупным центром вывоза этого продукта³), помимо притока деревенского вина округи, в немалой степени определялось устойчивой и значительной товарностью виноградарства и виноделия самих горожан.

Иначе обстояло дело с хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами. Папские буллы, издававшиеся по делам Тулузского университета, основанного в 1229 году, уже с 1230-х годов содержат указания о том, что в связи со значительным вывозом хлеба из этого района Тулуза нередко испытывала острую нехватку продовольствия⁴. В 1255 году тулузская коммуна обратилась к Альфонсу Пуатье с просьбой устранить препятствия на пути подвоза в город хлеба и других продовольственных товаров. Граф отдал соответствующее распоряжение в отношении продуктов питания, доставляемых в Тулузу со всего Тулузена⁵.

Очевидно, сельскохозяйственной продукции, производимой самими горожанами, было совершенно недостаточно для их пропитания.

Этот вывод должен быть отнесен не только к Тулузе, но и к другим большим городам этой эпохи, во всяком случае в Лангедоке. Со всею несомненностью это вытекает из анализа конфликта между консулатами крупнейших городов южных сенешальств и крупными феодалами этого района (церковными и светскими) — экспортерами хлеба из Лангедока, того конфликта, который вспыхнул в 1250—1270 годах по вопросу о запрещении вывоза зерна и обеспечении городов продовольствием⁶. Именно этот конфликт послужил причиной первых, вынужденных для королевской власти, созывов местных «провинциальных штатов» в южных сенешальствах⁷. Дебаты и решения этих со-

¹ Cart. Bourg, N 1, 4, 25, 52, 93.

² Coutumes de Toulouse, art. 103a.

³ Cart. Bourg, N 1; Rôles Gascons, t. I, N 2175; t. II, N 672, 762, 897, 921.

⁴ Documents sur l'histoire de l'Université de Toulouse; N 4, 5, 14, 14-bis.

⁵ «Ceterum placet nobis et volumus quod de toto comitatu Tolosano ad civitatem Tolosam bladam et alia victualia ab hiis qui voluerint, sine contradictione qualibet, deferantur» (Corr. Alfonse de Poitiers, II, N 2099).

⁶ HGL, VIII, N 446, 529, 545.

⁷ В противоположность Андре Дюнону, отрицающему историческое значение этих ассамблей, Анри Жиль обоснованно видит в них зачаток провинциальных штатов Лангедока (H. Gilles, Les Etats de Languedoc au XV-e siècle. T., 1965, p. 23). К сожалению, от его внимания ускользнули два существенных момента: вынужденность для королевской власти созыва этих ранних собраний сословий и решающая роль в их созыве городов, их интересов, их настойчивой инициативы.

браний свидетельствуют, что, поскольку это касается хлебопашества, не только мелкие участки рядовых горожан, но даже земельные владения богатых городских патрициев в XIII веке фактически товарного зерна почти не производили и были совершенно неспособны обеспечить потребности города в хлебе. Городское земледелие, за исключением, пожалуй, виноградарства, имело сугубо подсобное значение. И чем дальше шел процесс разделения общественного труда между городом и деревней, чем интенсивнее совершался товарный обмен веществ между ними, тем острее проявлялась эта потребительская природа городского земледелия. Город зависел от привозного (деревенского) хлеба.

Исследование феодального поместья в Южной Франции и его эволюции выходит за рамки нашей задачи. Мы можем здесь лишь бегло коснуться некоторых существенных моментов аграрных отношений, поскольку без учета этой важнейшей стороны экономической жизни феодального общества невозможно уяснение многих особенностей городского развития в данном районе и прежде всего — особенностей складывания и развития рыночных отношений.

Абсолютно господствующей формой земельной ренты в феодальных поместьях Лангедока этого периода, несомненно, была продуктовая рента — вот важнейший вывод, вытекающий из анализа картулярного материала. Как только во владениях Сеп-Серненского аббатства мы выходим за стены Тулузы и за пределы самой ближайшей, непосредственно подгородной полосы, мы видим как денежные чинши все больше отступают перед главной — оброчной формой феодальной эксплуатации.

Барщину на основных сельскохозяйственных работах, да и самое домениальное хозяйство можно отметить лишь в редких случаях¹. Главная форма барщинных повинностей (преимущественно с виноградных держаний) — это доставка чиншевого продукта на господский двор, к господскому прессу и т. д.². Иными словами, барщина, поскольку она применялась, самостоятельного значения не имела и лишь обслуживала оброчную систему эксплуатации.

Денежные центы на крестьянских держаниях встречаются редко, но обычно они или упоминаются в общей форме, или невелики³. При этом держания на чисто денежном цензе крайне

¹ Cart. S.-Sernin, N 46, 49(?), 51(?), 55(?), 57(?), 106, 175(?), 205(?); HGL, V, N 277.

² Cart. S.-Sernin, N 78, 82, 100, 121, 368, 412, 413, 437, 693; Ap. N 57; Documents de Languedoc, II, p. 8; Cp. Cartulaire de Mirepoix, publ. par. F. Pasquier. T., 1921, t. II, p. 27, 28 (1294), 131. В тулузской пригородной зоне невозможно обнаружить ни одного барщинного домена. — G. Gaster. Le vignoble suburbain de Toulouse au XII-e siècle. — AM, 1966, p. 206—207.

³ Обычно от 1 до 12 денье с арпана. Там, где годовой денежный чинш достигает нескольких су, он, как правило, оказывается только денежным исчислением стоимости продуктового оброка (См. Cart. S.-Sernin, N 364: «de

редки¹. Там, где отмечается денежный чинш, он почти всегда сочетается с продуктовыми оброками².

Зато почти повсюду деревенское держание сопряжено с уплатою земельному собственнику *tasca* — натурального оброка, обычно в форме доли произведенного продукта³. Так что держание без такого натурального оброка (*sine tasca*) отмечается особо как явление в известном смысле исключительное, льготное⁴. Эта система применяется в равной мере к зерну, винограду, оливкам и оливковому маслу, фруктам, орехам, к скоту и птице⁵.

Каков размер доли продукта, присваиваемой феодальным собственником? На землях Сен-Серненского аббатства он, как правило, колеблется от одной четверти до одной трети, а нередко — еще выше⁶. Аналогичная картина рисуется по данным кар-

qua (terra) dabat eis tascam et decimum, per IIII sol. et II den. de Morlanis; N 368: чиншевой продукт должен быть доставлен на двор сеньора, но при этом он исчислен в деньгах).

¹ Ibid., N 254, 305.

² Ibid., N 41, 63, 235, 320, 323, 324, 338, 355, 400.

³ Ibid., N 42, 62, 63, 110, 205, 303, 307, 321, 323, 335, 358, 363, 364, 367, 368, 382, 389, 398, 400, 429, 558, 599, 688; Ap. 57; Cartulaire et divers actes des Alamans, des de Lautrec et des de Lévis, XIII et XIV siècle; publ. par E. Cabié et L. Mazens. Toulouse—Albi—Paris, 1883, p. 104: «... reddere quoque anno tascam, in garba vel in grano ad ejus (domini) electionem, de omni fructu qui exierit... de illa terra»; Layettes, t. I, N 120, 155, 196, 198. Иногда продуктовые оброки выступают, помимо *tasca*, под другими названиями: *annona*, *agraria* (*agerii*), *spicalum*, *balagium*, *solaminium* (Cart. S.-Sernin, N 205, 303, 307, 323). Термин *tasca* (*tascha*) как обозначение продуктового оброка встречаем и в Провансе (см., например, Cartulaire de l'abbaye de Saint-Victor de Marseille. P., 1857, t. I, N 120, 135 (1110 г.)).

⁴ Cart. S.-Sernin, N 340; Layettes, t. II, N 2951.

⁵ Cart. S.-Sernin, N 175, 189, 233, 235, 242, 262, 265, 266, 300, 340, 341; Ap., N 13, 65; HGL, VIII, col. 1758; Comptes royaux, II, N 16561; Cp. Cart. Mirepoix, loc. cit. (1294 г.).

⁶ Cart. S.-Sernin, N 41, 150, 228, 233, 234, 235, 304, 385, 412, 413, 437, 495; Ap. N 58, 60; Archives dépt. H.-Garonne. Répertoire S.-Sernin, t. I, fol. 127r; Layettes, I, N 116, 117; Documents de Languedoc, t. II, p. 8, 9, 17, 23—25, 30, 34; G. Saige. Les juifs du Languedoc antérieurement au XIV siècle. P., 1881 — P. J. N 8, 16. Отсюда распространенные в источниках выражения: «*aripentum quartanarium*», «*vinea quartaneria*», «*feui quartanerii*» (Cart. S.-Sernin, N 150, 437). Иногда $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{5}$ урожая: Cart. S.-Sernin, N 335, 404, 407, 410; Archives dépt. H.-Garonne. Répertoire S.-Sernin, t. I, fol. 128 r, 133 r; Documents de Languedoc, t. II, p. 36. Но часто — гораздо выше, достигая в отдельных случаях (особенно на виноградниках) половины продукта: Cart. S.-Sernin, N 437: «*medietatem vindemie et decimam*»; N 235: «*censum quartum de suo laborato et de vinea medietate*», но здесь сверх того с держателей взыскивалось до 6 сетье зерна, поросята, ягнята с шерстью, каплуны, 4 денье деньгами, а также постой и фуражировка нескольких рыцарей. См. также HGL, V, N 495; Documents Languedoc, II, p. 36. Очень часто в грамотах продуктовая рента только отмечена в общей форме (*tasca*, *annona*), но количественно не регламентирована. Как считает С. Дуэ, менее всего склонный преувеличивать тяжесть сеньориальной эксплуатации на церковных землях, в этих случаях обычно не размер определялся по воле сеньора. (С. Douais, Introduction, p. LXXXIII). И в самом деле, порою и в самих источниках, например, в описи имуществ и доходов

гуляриев и таких крупнейших монастырей Юга, как Конкский и Пруильский¹. Монахини Пруильского аббатства св. Девы получали со своих владений, видимо, значительные суммы деньгами — главным образом за счет судебных пошлин (кстати, это аббатство обладало правом высшей юрисдикции), частью за счет талы и больших денежных чиншей с некоторых держаний. Но главную массу доходов аббатства составляли продуктовые оброки с зерна, сыров, яиц, соломы, винограда, с приплода скота — обычно в размере третьей части продукта².

Весьма показательно, что в поместных документах этого района ценность земельных участков зачастую определяется количеством зерна, которое доставлялось с них ежегодно в качестве оброка³. Отсюда — широко распространенный в аграрных документах эпохи термин *terra sextariata* или *sextariata terre* как обозначение такого участка земли, годовой чинш которого (а не урожай!) составляет I сетье зерна⁴. При этом нередко ценность данного держания параллельно выражается в деньгах, проставляется примерный денежный эквивалент причитающегося с данного держания количества продукта⁵. Это достаточно ясно свидетельствует о том, что превращение феодалом собранного с

Сен-Серненского аббатства, сделанной в 1246 году, мы встречаем формулу: «Сколько будет угодно приору» (*Documents Languedoc*, t. II, p. 36).

Но даже там, где ежегодный оброк определялся как $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ валового продукта, к нему непременно прибавлялась десятина, которая также взималась в натуре (*Cart. S.-Sernin*, N 42, 49—52, 54—56, 78, 82, 84, 86, 92, 93, 96, 100, 121, 194, 205, 355, 437, 440, 531, 551, 554, 575, 693; *Ap.*, N 57). Размер же десятины (а к ней добавлялись и начатки, и даже нередко «контр-десятина» — 0,1 десятины) в действительности намного превышал десятую долю урожая. Об этом говорит не только постоянная погода землевладельцев, как церковных, так и светских (в том числе и городских), за этими десятинами, особенно с виноградников (кроме вышеперечисленных сен-серненских грамот см. также: *Catalogue de Lézat*, N 293; *Catalogue de Montfort*, N 47; *M. Castaing-Sicard. Donations toulousaines.* — *AM*, 1958, p. 33, p. 34), но также и неоднократные жалобы тулузских горожан на непомерно высокие поборы десятинами и начатками, которые взыскивали в Тулузе церковники (в частности с земельных владений горожан). (См. *Corr. Alfonso de Poitiers*, t. II, N 2058, art. 11; t. I, N 840). Так что за распространенной в документах формулой «*quartum et decimum*» зачастую скрывался оброк, захватывавший $\frac{1}{3}$ половину, а то и более половины произведенного на держательском участке продукта. (См. например, *Cat. el. Mémoires*, p. 855).

¹ *Cart. Conques*, N 87.

² *Cartulaire de Notre-Dame de Prouille*; publ. par J. Guiraud. P., 1908; t. II, N 1, 241.

³ *Ibid.*, N 251: «quinque pecie terre ... valent annualim sex sextarios frumenti censuales».

⁴ *Ibid.*, «tres sextariatas terre ..., que valent annualim tres sextarios frumenti censuales»; *Cart. S.-Sernin*, N 200, 558: sextariada, sestarada terre; N 235: modiatia de terra; *Cart. des Alaman*, p. 103—105; *eminata terre*; *Chartes de franchises de Lauragais* (publ. par J. Ramière de Fortanier. P., 1939), p. 120—121: «... unam sextariatam terre» (1242 r.); *Corr. Alfonso de Poitiers*, t. II, N. 1330: «centum sextariate terres»; *Layettes*, I, N 112, 116, 119, 153, 154.

⁵ *Cart. Prouille*, N 251: «... constiterunt X lib. tur»; «et constiterunt XII lib. tur».

держателей-крестьян хлеба и других сельскохозяйственных продуктов в деньги стало делом обычным, регулярным. И вместе с тем, как видим, это решительное вовлечение сеньоров в товарное обращение отнюдь не привело их к отказу от продуктовой ренты, как основной формы эксплуатации феодально-зависимых крестьян.

Отметим, что Конкский картулярный охватывает вторую половину XI, а также XII столетие, Сен-Серненский — XII век, а картулярный Пруильского аббатства, основанного Домиником Гусманом в районе Сен-Понса (Монтань-Нуар, около 100 км восточнее Тулузы, приблизительно на полдороге между Безье и Кастром), — XIII столетие. И всюду налицо абсолютное преобладание продуктовой формы ренты. И если здесь почти нельзя обнаружить элементов барщины, то не найти и каких-либо признаков перехода к денежной ренте¹.

Чем следует объяснить такую длительную устойчивость в этом районе оброчной системы эксплуатации? На заложенную в этой форме ренты тенденцию к застою обращал внимание К. Маркс². Источник этой тенденции он усматривал в прочности натурально-хозяйственных отношений, из которых вырастает и на которых базируется рента продуктами.

В самом деле, как это вообще присуще натуральному хозяйству, составляющему фундамент феодализма, при этой форме ренты с особенной очевидностью жизненно необходимые элементы производства, «условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта»³. А это предполагает более или менее полное соединение сельского хозяйства с домашней промышленностью. Все это может вести к превращению оброчного крестьянского хозяйства в некое самодовлеющее целое вне рыночных связей и независимо «от исторического движения стоящей вне ее части общества». Маркс при этом указывает на пример азиатских феодальных обществ⁴.

Значение всех этих соображений очень велико для понимания особенностей эволюции феодального производства в форме продуктовой ренты — и отнюдь не только в Азии. Но они вовсе

¹ Аналогичная картина абсолютного преобладания продуктовой ренты отмечается для этой эпохи также и к югу от Тулузы — по обе стороны Восточных Пиренеев: в Руссильоне (J.-A. Brutails. Etude sur la condition de populations rurales en Roussillon pendant le Moyen Age. P., 1896, p. 142—167) и в Каталонии (Л. Т. Мильская. Очерки из истории деревни в Каталонии X—XII вв. М., 1962, особ. стр. 44—66). Широко бытовала здесь и та же самая поместная терминология, хотя в Лангедоке и Руссильоне таска не имела такой ограниченной количественной (долевой) определенности, какую Л. Т. Мильская отмечает в Каталонии.

² К. Маркс. Капитал, т. III. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 359—360.

³ Там же, стр. 359.

⁴ Там же.

не предполагают фатальной однолинейности возможного развития. Маркс решительно предостерегал от всякой поспешной схематизации: «...Один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий—благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д., может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»¹.

Самый факт длительной сохранности данной формы феодальных отношений еще отнюдь не означает неперменной неподвижности и крестьянского хозяйства и феодального поместья, взятого в целом. Маркс обращал внимание на то, что эта рентная форма, при которой как необходимый продукт, так и прибавочный производятся внутри самого держательского хозяйства, несет в себе для крестьянина большую возможность изыскать время для производства избыточного продукта сверх того, который присваивается сеньором, а значит — также большие возможности накопления в крестьянском хозяйстве и большие различия в хозяйственном положении отдельных крестьян². Не подлежит сомнению, что эти потенции, заложенные в оброчной системе, поскольку они реализуются, должны вести к нарушению самодовлеющей замкнутости крестьянского хозяйства или во всяком случае — отдельных групп крестьянских хозяйств, к установлению их связей с рынком и к усилению указанных процессов под могучим обратным воздействием рынка.

Но вместе с тем, как отмечал К. Маркс, господство продуктовой ренты содержит в себе и противоположную тенденцию. При определенных условиях феодальная земельная рента в этой форме «может достигать таких размеров, при которых она является серьезной угрозой воспроизводству условий труда, самих средств производства, делает более или менее невозможным расширение производства и принуждает непосредственного производителя довольствоваться физически необходимым минимумом жизненных средств»³.

Пример с Индией, приводимый здесь Марксом, — лишь крайний случай. Там, где возникала устойчивая система значительных городских рынков, к которым тяготела обширная деревенская округа, там, где эти рынки служили не только пучдам местного потребления, но также широкого обмена с соседними неземледельческими районами, и где (что особенно важно), появлялась возможность значительной вывозной торговли, — там, очевидно, с рынком более всего должен был связаться феодал,

¹ К. Маркс. Капитал, т. III. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 354.

² Там же, стр. 359.

³ Там же, стр. 360.

аккумулировавший в своих руках значительные массы сельскохозяйственных продуктов, в первую очередь хлеба, т. е. верх должна была брать вторая тенденция.

По всем тем данным, на которые мы можем опереться, в Лангедоке XI—XIII веков дело обстояло именно таким образом. Там, где феодальная рента, включая десятину, пожирала от одной трети до половины всех плодов крестьянского труда (причем во всех сферах сельского хозяйства), крестьянин едва ли мог располагать сколько-то значительными излишками, чтобы регулярно выступать на местном городском рынке; что касается внешнего рынка, то он, по понятным причинам, был для крестьянина просто недоступен.

Вместе с тем там, где в форме земельной ренты сеньоры присваивали одну треть, а то и половину крестьянского урожая, там в их руках должны были сосредоточиться такие массы сельскохозяйственных продуктов, какие не могли не превышать значительно, и при этом систематически, их потребительских нужд. Связь с рынком, рыночная ориентация этого поместного хозяйства вытекает здесь из самого факта господства в нем такой оброчной системы. При этом едва ли можно сомневаться, что эта система сложилась в таком виде под сильнейшим обратным воздействием рынка — городского, регионального и внешнего.

Порою слишком прямолинейное понимание общих закономерностей развития феодальной земельной ренты приводит к схематическим представлениям о некоторых моментах эволюции аграрных отношений при феодализме. Таковы, например, еще бытующие мнения будто 1) развитие товарно-денежных отношений при феодализме должно непременно (или почти всегда) вести к возобладанию денежной ренты; 2) связь феодального хозяйства с рынком непосредственно ведет к разложению натурально-хозяйственных основ феодализма; 3) преобладание продуктовой ренты означает ненарушенное господство архаических натурально-хозяйственных отношений, потребительской замкнутости.

Что касается первого из этих ходячих представлений, то его преодолению немало способствовало начавшееся углубленное изучение экономических основ так называемого «второго издания крепостничества», возобладавшего в странах Восточной Европы в последние столетия средневековья и в начале нового времени¹. Стало ощутимо выясняться, что только при благоприятных условиях приспособление феодального поместья к товарно-денежным отношениям приводило его на путь широкого перехода к денежной ренте. Тот же вариант особенно интенсивного

¹ См.: С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. — ВП, 1958, № 2.

развития по этому пути, приводящего к быстрому разложению феодализма, который с такой выразительностью продемонстрировала аграрная история Англии (и с такой силой, пожалуй, только она одна), должен рассматриваться более как результат особо благоприятного стечения исторических обстоятельств, нежели как наиболее обычный вариант развития.

Как известно, тщательное изучение аграрной истории Англии XIII—XIV веков в различных ее районах показало, что и в этой стране коммутация не была единственной формой ответной реакции феодального поместья на воздействие стихии рыночных отношений. Огромной заслугой Е. А. Косминского было то, что, осмыслив массу новых фактов с позиций творчески понятого и творчески примененного Марковского учения об эволюции феодальной ренты, он убедительно показал, что приспособительная реакция феодального поместья на воздействие товарно-денежных отношений отнюдь не была однозначной, что она могла быть различной в зависимости от данных конкретных условий. Даже в самой Англии, где ведущей была линия перехода к денежной ренте, одновременно имели место обратные тенденции возврата к барщинам, принципиально однозначные или очень близкие к тому, из чего выросло «второе издание крепостничества» в Восточной Европе, — хотя в Англии, в силу объективных условий, эти тенденции не получили доминирующего значения¹. Этот ход мыслей получил дальнейшее (хотя отнюдь не прямолинейное) развитие в исследованиях современных советских медиевистов-аграрников, в первую очередь — у М. А. Барга².

Но изучение воздействия рыночных отношений на эволюцию форм феодальной ренты в поместьи требовало анализа не только английского материала. Проблема приспособления к развитию товарно-денежных отношений до недавнего времени в нашей литературе изучалась почти исключительно на примере барщинного поместья. Ю. Л. Бессмертный одним из первых обратился к изучению процесса товарной эволюции сеньории с преобладанием продуктовой ренты. Анализируя материал аграрной истории Среднего Рейна XII—XIII веков, он приходит к обоснованному выводу, что продажа части продукции вовсе не обязательно разрушала натуральную основу феодального хозяйства, «поскольку критерием его натуральной природы служит прежде всего возможность воспроизводства в нем самом основных условий хозяйственной деятельности»³. И тем не менее по-

¹ Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии в XIII веке. М., 1947.

² М. А. Барг. Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М., 1962. См. также: М. А. Барг, академик С. Д. Сказкин. История средневекового крестьянства в Европе и принципы ее разработки. — ВП, 1967, № 4; особ. стр. 74—75.

³ Ю. Л. Бессмертный. Деревня и рынок в бассейне среднего Рейна в XII—XIII вв., стр. 161—162.

местья с преобладанием продуктовой ренты отнюдь не всегда были замкнутыми и потребительскими¹. Иными словами, не только денежная рента, но и рента продуктами могла стать формой приспособления ко все больше захватывавшему общество потоку товарного обращения.

Очень убедительно показала это Л. А. Котельникова на своеобразном материале аграрной истории средневековой Тосканы. Ей удалось проследить не только, как продуктовая рента сохраняется в условиях интенсивного развития товарно-денежных отношений и обслуживает его там, где она преобладала прежде, но даже как в отдельных случаях бурное развитие городского рынка приводит к вытеснению господствовавшей здесь ранее денежной ренты, к полному и длительному возобладанию оброчной системы². Нельзя не согласиться с Ю. Л. Бессмертным, когда он приходит к выводу, что «ни один из видов ренты не представлял в XII—XIII вв. непреодолимого препятствия для приспособления к товарно-денежным отношениям»³.

Отнюдь не была таким препятствием и господствовавшая на французском Юге оброчная система. Все имеющиеся в нашем распоряжении данные убеждают в том, что, при известном участии крестьянства, решающей силой на тулузском региональном рынке интересующей нас эпохи была торговля сеньоров, торговля тем хлебом, вином (а также некоторыми другими сельскохозяйственными продуктами), которые сеньоры сосредоточивали в своих руках посредством продуктовой ренты⁴.

Как было отмечено выше, эта связь с рынком еще не превращала феодальные поместья Лангедока в товарные хозяйственные организмы. Процесс воспроизводства, процесс внутреннего кругооборота и восстановления веществ в хозяйстве поместья (как и в крестьянских хозяйствах, бывших его неотъемлемыми

¹ Там же, стр. 155. См. его же: К изучению торговли в средневековой деревне XII—XIII вв. — СВ, вып. 25, стр. 95—96.

² Л. А. Котельникова. Земельная рента в Тоскане в XI—XIII вв. (по материалам Луккской округи). — СВ, вып. 24, стр. 80, 83—84; ее же: Земельная рента в округе Флоренции в XI—XIII вв. — СВ, вып. 25, особ., стр. 74—75; ее же: Итальянское крестьянство и город XI—XIV вв. М., 1967, особенно гл. I.

³ Ю. Л. Бессмертный. Деревня и рынок, стр. 158.

⁴ Именно продуктовые оброки, а не мелкие денежные платежи держателей в первую очередь интересовали сеньоров этого района. Вот два любопытных примера из XIII столетия. В 1207 году «освобождая» семейство сервов в пользу Пруильского аббатства, их сеньоры (в каркассонской округе) оставляют за собою все чинши «освобождаемых», среди каковых 4 денье за хижину тонули в массе тщательно перечисленных натуральных оброков: зерном (аппона), виноградом, приплодом скота, сырами и другими продуктами (HGL, VIII, № 137, I). А в 1279 году Сикар Аламан-младший, завещая все доходы со своего большого поместья в Кастанете (округа Гайяка), определяет их следующим образом: «omnes redditus et proventus, sint blada, vina vel denarium, clamores et justicias... et omnia alia» (Cart. Alaman, p. 26). Главные доходы поместья — зерно и вино — отодвигают на задний план не только судебные сборы, но и денежные чинши.

составными элементами) совершался внутри данной хозяйственной единицы, на натуральной основе. Рыночные связи, выросшие из спорадической продажи излишков, не были имманентной необходимостью данной экономической структуры. К новым экономическим потребностям, порожденным интенсивным развитием городов и регионального рынка, а затем и рынка внешнего, феодальная вотчина продуктивно-рентного типа пыталась приспособиться старыми, насквозь натурально-хозяйственными методами: путем увеличения массы сельскохозяйственных продуктов, особенно зерна, присваиваемой посредством внеэкономического принуждения в натуральной форме из валового продукта хозяйств феодально зависимых крестьян.

Перед нами в сущности не переход к товарному производству, а лишь вовлечение натурально-хозяйственных организмов в товарное обращение. Но решительно утверждая это, едва ли было бы правильно не замечать того, насколько чувствительно оброчное поместье в Лангедоке было (во всяком случае в XIII веке) затронуто рыночными интересами. При всей натуральности хозяйственной природы этих поместий их рыночные связи, из более или менее эпизодических сделавшиеся весьма устойчивыми и регулярными, не могли остаться для них только чем-то внешним, малосущественным.

В условиях интенсивного развития городов и ремесла, городского, регионального, а частью и внешнего рынка, в условиях резкого возрастания роли денег (не только тех возможностей, которые открывал перед их обладателями рынок, но также и роли денег во внутрифеодальных отношениях), систематическое сосредоточение в руках помещиков значительной массы сельскохозяйственных продуктов (особенно зерна и вина), массы, намного превышавшей их потребительские нужды, должно было постепенно превратить рыночные связи этих поместий из некоей дополнительной, необязательной, но выгодной возможности — в экономическую потребность и даже необходимость.

Очевидно, при этих условиях невозможно исчерпать экономический смысл этих феодально-поместных организмов только потребительскими целями. И, хотя фундамент экономики этих поместий оставался безусловно натурально-хозяйственным, их, если позволительно будет так выразиться, верхний этаж все более явно приобретал товарную направленность. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить непримиримость той позиции, которую заняли главные экспортеры лангедокского хлеба — крупнейшие церковные и светские магнаты Юга на упомянутых выше «штатах» южных сенешальств в 1260—70-х гг., чтобы не допустить запрета вывоза хлеба из страны. Нас не должна удивлять эта кричащая противоречивость — всякое приспособление имеет в своей основе противоречие, является попыткой его разрешения. Достаточно вспомнить, что ведь и барщинное поместье XVII —

XVIII веков, выбрасывавшее на рынок огромные массы товарного хлеба, при всей своей противоположности капиталистическому производству, было по сути дела лишь своеобразной формой приспособления натурально-хозяйственной экономики феодального поместья к могучим, неодолимым потребностям товарного и капиталистического рынка.

Разумеется, поместье, чьи товарные ресурсы определялись производством продуктов в мелких хозяйствах зависимых держателей, обладало гораздо меньшими способностями приспособления к потребностям рынка, чем (при всей его исконной экономической противоположности потребностям товарного производства) крупное поместье с барщинным трудом крепостных крестьян. Так ведь и объективные экономические условия интересующей нас эпохи никоим образом не могут быть поставлены вровень с условиями эпохи так называемого первоначального накопления капитала. Здесь (в XII—XIII веках) общественная потребность в товарном хлебе и промышленном сырье не могла иметь ни той широты, ни той неотвратимой силы, здесь перед феодальным дворянством не могло возникнуть той неустрашимой дилеммы, которая встала перед ним на заре капитализма¹. Естественно, здесь не могло возникнуть и той всепожирающей, ненасытной жажды прибавочного труда², которая так колоритно отличала позднейших крепостников, а их крестьян из феодально зависимых мелких производителей низводила почти до уровня рабов с жалкими наделами, достаточными лишь для их систематического голодания и общей деградации и земледелия и земледельцев.

В конкретных условиях Южной Франции XI—XIII веков наиболее надежным для сеньоров путем получения денег и основную формой приспособления поместной экономики к потребностям рынка явилась не барщинная система и не денежная рента, а старая рента продуктами. Сложившаяся здесь, видимо, еще в догородской период³, наиболее привычная для местных сеньоров, она естественно должна была стать реальной основой активных рыночных связей поместья и наиболее удобным средством использования товарно-денежных отношений (на их тогдашнем уровне интенсивности) в интересах феодальных эксплуататоров.

Так в ходе этого приспособления функция продуктовой ренты должна была существенно измениться: предназначенная пер-

¹ См. Ф. Энгельс. Марка. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 341.

² См. К. Маркс. Капитал, т. I. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 247—249.

³ В Каталонии (Л. Т. Мильская. Очерки, гл. II) и Руссильоне (J.-A. Brutails, p. 151) господство оброчных отношений и держания из доли продукта восходит к раннему средневековью. По мнению Ж.-О. Брютая, это были здесь отношения наиболее укоренившиеся и неизменные. См. также: H. Pigeonne. Mahomet et Charlemagne, p. 59.

воначально удовлетворять потребительские нужды сеньора и его двора, она, чем дальше, тем больше превращалась в орудие аккумуляции в руках земельного собственника значительных масс сельскохозяйственных продуктов (в первую очередь зерна) в целях рыночного сбыта и обращения в деньги.

Вот почему, вопреки тому, что можно было бы предположить, вовлечение сеньории в систему товарно-денежных отношений не привело здесь к отказу от оброчной системы и к замене натуральных повинностей денежными, но, наоборот, упрочило, законсервировало отношения продуктовой ренты, выполнявшие теперь, как было отмечено выше, существенно новые и гораздо более сложные, чем прежде, экономические функции. Как ни странно это выглядит с первого взгляда, логика противоречивого развития феодализма в данных конкретных условиях вела к тому, что именно развитие городов, возрастание населения, более или менее оторванного от земледелия, особенно от хлебопашества, и вызванное этим вовлечение поместья в систему товарно-денежных отношений — имели своим результатом длительное консервирование такой примитивной формы натурально-хозяйственных отношений, как продуктовая рента. Отсюда и сохранение в этом районе крестьянской личной несвободы, крепости держанию — фактически серважа, хотя, казалось бы, в этом не было необходимости, поскольку барщины здесь существенной роли не играли¹.

И вот тот главный источник, который питал и региональный тулузский и внешний рынок сельскохозяйственных продуктов, особенно хлеба и вина.

Мы видели выше, что в XI веке в Тулузе был постоянный и обильный хлебный рынок, а корни его, вероятно, уходят в предыдущее столетие. Насколько можно судить, главную массу продавцов зерна на этом рынке составляли чужаки, люди приезжие. Однако, несомненно, были и тулузцы: это достаточно ясно вытекает из текста диплома графа Гильема Аквитанского от 1098 года².

Кто же были эти тулузцы: городские купцы, скупавшие зерно в поместьях, во всяком случае — в деревне, или городские крупные землевладельцы, производившие значительные количества товарного хлеба, или же мелкие, рядовые горожане — аллодисты и держатели, продававшие излишки продукта своих полей? Ответить на эти вопросы нелегко. Прямых данных на этот счет нет, и чтобы приблизиться к представлению, наиболее

¹ Доводы, с помощью которых Ф. Галабер пытался доказать несуществование серважа в Лангедоке (в его северо-западной части) в XI—XII вв. (F. Galabert. *Le nombre des hommes libres dans le pays de Tarn-et-Garonne aux XI-e et XII-e siècles.* — ВАНТГ, 1901), более служат аргументами в пользу его значительности.

² «... ut quicumque preter inhabitantes in suburbio vel in civitate allatam annonam amodo vendiderint...». (Cart. S.-Sernin, N 291).

близкому действительности, нужно попытаться осторожно сопоставить те крупницы сведений на этот счет, какие можно почерпнуть из более поздних источников — и очень малочисленных, и немногословных, и отнюдь не отличающихся очевидною ясностью.

При всей своей скупости дарственная грамота Гильема Аквитанского весьма определена в одном отношении: она не позволяет видеть в продавцах зерна на тулузском рынке этого времени мелких торговцев. Зерно привозилось хлеботорговцами в количествах, измеряемых мешками (сетье). Очевидно, уже в конце XI века на тулузском хлебном рынке сетье стал фактически наиболее обычной рядовой мерой. Это значит, что количество зерна в одних руках составляло обычно несколько сетье (180—360 кг), а у крупных продавцов хлеба и больше¹. Ибо, если бы сетье был, как правило, максимальным весом зерна, привозимого одним продавцом, то для взимания пошлины в пользу Сен-Серпенской церкви, несомненно, была бы избрана меньшая исходная мера.

Около 1120 года тулузцы отвоевали себе первую вольность — выкупили «за большие деньги» (*pro recessu magna*) освобождение от двух провозных пошлин (*portaticum*)². Каждая из этих пошлин принадлежала двум рыцарям (*milites*), по всем данным — деревенским помещикам. Первая из них взималась постоянно в самом городе со всех ввозившихся грузов или, во всяком случае, со всех продовольственных продуктов, как сказано в грамоте: «Со всех вещей, которые нужны им (всем людям Тулузы и Бурга)»³. Вторая пошлина, как следует из той же хартии, собиралась со всех грузов на участке километров в семь шириною к югу и юго-востоку от Тулузы, начиная от Гаронны у Нарбоннского замка до реки Соны (Сауны) близ ее впадения в Эр. Примечательно, что эта пошлина взималась в определенный период года: от праздника Иоанна Крестителя до праздника Всех святых, то есть от 24 июня до 1 ноября, иначе говоря — во время уборки и вывозки урожая.

Отказ четырех рыцарей от этой пошлины в пользу горожан («в пользу всех мужчин и женщин Тулузы и Бурга») обставлен в грамоте большою торжественностью. Он скреплен одобрением графа (видимо, выкупленные пошлины были рентными легами, пожалованными графом его вассалам) и тулузского епископа. А в числе свидетелей этого документа, наряду с 14 подписавшими его *probi homines* (предтечи позднейших коммунальных капитуляриев), фигурирует «весь народ Тулузы»⁴. Засим следует

¹ В Лангедоке той эпохи зерно перевозилось почти исключительно выюками. Вес выюка Ж. Сикар (*Moulins*, p. 48, n. 166) определяет в 150—200 кг, а объем тулузского сетье — в 93,32 литра (*ibid.*, p. 8).

² *Cart. Bourg*, N 14.

³ «*de totis rebus que eis fuerit opus*». — *Ibid.*

⁴ «*totus Tolose populus*» (*Cart. Bourg*, N 14).

грозная формула проклятия всякому, кто посмеет нарушить эту приобретенную вольность (*libertas*). Но любопытно, что грамота грозит нарушителю не только муками ада, как обычно в подобных случаях, но и беспощадною расправой всего тулузского народа, вооруженного мечами, палками и камнями¹. Очевидно, отменные пошлины очень близко затрагивали интересы не только богатой городской верхушки, но и всей массы горожан (если одни готовы защищать добытую вольность мечами, то другие—каменьями и палками). И ведь это была первая вольность, завоеванная едва только рождавшейся тулузскою коммуной.

Что же она была призвана защищать? Несомненно, прежде всего интересы горожан как потребителей, страдавших от феодального обложения продовольствия, регулярно подвозимого из ближайшей деревенской округи. Но, по всей видимости, она должна была защитить горожан также и в качестве производителей—главным образом мелких производителей сельскохозяйственных продуктов в пригородной зоне. Об этом заставляет думать ни с чем не сравнимое негодование массы, которое осязаемо прорывается сквозь косо-канцелярский язык хартий. Значит, многие горожане имели какие-то земельные угодья в ближайшей городской округе, и именно в период уборки и ввоза в город собранного урожая на важнейших путях этого ввоза его перекрывали эти ненавистные сеньориальные пошлины.

Активное участие в приобретении этой вольности тех пригородов, которые за большие деньги выкупили (*redimerunt*) данные провозные пошлины, свидетельствует о том, что землевладение богатых горожан уже имело определенные позиции в пригородной зоне. Но, видимо, сельским хозяйством здесь занималась и масса рядовых городских жителей.

И все-таки этот момент никак нельзя преувеличивать. Любопытно, что, тщательно отмечая топографически линию мытных застав, по которой взималась выкупленная пошлина, и дойдя до впадения Соны в Эр, грамота добавляет: «*et sicuti Saona ducit recte de toto Tolosano*», что может быть понято только как указание на то, что пошлина взималась не только в устье Соны, но и далее по ее течению «со всего Тулузена», то есть со всех товаров, которые привозились из юго-восточных районов Тулузена, из хлебобродного Лорагэ, с его жирными почвами. Иными словами, речь шла прежде всего и больше всего не о продуктах сельскохозяйственного труда самих тулузцев, а о продовольствии, привозимом в Тулузу из деревенской округи.

Но не противоречат ли этим нашим выводам те вольности, которые граф Альфонс-Журден несколько позднее, но не позже

¹ «... et insuper Tolose populus et burgi et etiam totus tolosanus populus, cum gladiis et baculis et lapidibus, super eum irruat et interficiant eum omnes homines turpiter. — Ibid.

1140 года¹, даровал поселенцам основанного им «убежища» на территории Ситэ и за его стенами, около Нарбоннского замка², то есть именно в том же районе, куда прежде всего притекали продукты, проходившие прежде мытные заслоны, отмененные около 1120 года? Помимо свободы занятия любым ремеслом, жители убежища (*salvetatis*) освобождались от провозной пошлины с зерна, с винограда и с вина, а также от торговой пошлины³.

Несомненно, многие из жителей этого салветата были вчерашними крестьянами, только теперь или недавно переселившись в город, да и здесь остававшимися в значительной мере городскими земледельцами. Как показывает текст графской хартии, именно на привлечение беглого сельского люда в первую очередь и рассчитывал граф, основывая убежище⁴. Но здесь были отнюдь не одни только земледельцы; здесь граф даровал поселенцам также свободу занятия мясным промыслом и любым ремеслом. Значит, если вольности, связанные с сельским хозяйством, в том числе освобождение от провозной пошлины с зерна, так живо интересовали жителей салветата, надо полагать, что аналогичные сельскохозяйственные интересы были близки и другим рядовым горожанам Тулузы. Недаром граф закрыл для них доступ на привилегированную территорию убежища⁵.

Это снова подводит нас к, казалось бы, бесспорному выводу о полуаграрной природе хозяйства массы тулузских горожан и о том, что продовольственными продуктами, и в частности хлебом, они себя обеспечивали сами. Может быть, даже они выступали и продавцами зерна на тулузском рынке. Не потому ли вопросам торговли хлебом так много внимания уделяют и постановления консулата и Тулузский кутюм?

Но о чем заботится консулат в своем постановлении 1152 года, которое более всякого другого затрагивает вопросы торговли съестными припасами? Отметив бегло, что при продаже зерна должно пользоваться правильной мерою, консулы далее строго запрещают кому бы то ни было скупать зерно летом и осенью для перепродажи⁶. Едва ли подобное постановление могло иметь место, если бы горожане полностью или хотя бы в основном обеспечивали себя хлебом сами. Очевидно, очень многие тулузцы в течение года, а абсолютное большинство — зимою жили по-

¹ См. E. Roschach. Note sur la commune de Toulouse. — HGL, VII, p. 216.

² Cart. Bourg, N 11.

³ «neque det lezdam». (Cart. Bourg, N 11).

⁴ Граф обещал каждому поселенцу нарезать усадьбу, а другим сеньорам запрещал сиск беглых людей на территории убежища (см. там же).

⁵ См. там же.

⁶ «Item nullus emat annonam vel bladum ad revendendum a nativitate sancti Johannis Baptiste usque ad festivitatem omnium Sanctorum» (Cart. Bourg, N 4).

купным хлебом. Очевидно также, что темпы возрастания городского населения, и при этом именно населения ремесленно-торгового, неземледельческого, обгоняли не только очень ограниченные возможности производства хлеба горожанами, но и темпы возрастания подвоза хлеба. И это—в таком городе, как Тулуза, расположенном посреди плодородного края, который, как в начале XV века писали сами тулузские консулы, был богат хлебом¹.

Связь города с окружавшей его деревней, именно товарная связь, строилась не на уподоблении, а на противопоставлении. Она была тем необходимее и прочнее, чем полнее был отрыв ремесла и торговли от породившего их земледелия. Рост неземледельческого населения, вызывая повышение цен на хлеб, особенно в зимние месяцы, создавал возможность широкой спекулятивной деятельности богатых городских перекупщиков зерна (чью алчность пыталось ограничить консульское постановление 1152 года). Но так или иначе этот рост неземледельческого населения города должен был способствовать возрастанию роли привозного, продажного хлеба в продовольственном обеспечении населения Тулузы, возрастанию роли крупной торговли на тулузском хлебном рынке.

Об этом же свидетельствуют и данные позднейших источников. Когда через 45 лет, в 1197 году, консулат в своем постановлении снова предписал соблюдение правильности мер и веса в торговле продовольствием и строгую их сверку с имевшимися эталонами, он счел необходимым при этом добавить, что тулузцы по-прежнему сохраняют свое особое право при продаже зерна пользоваться такими мерами, какими им заблагорассудится, как подобным образом при продаже зерна поступали их предки².

Формально эта привилегия принадлежала «всем мужчинам и женщинам» Тулузы, но кто в действительности извлекал из нее выгоду—достаточно ясно говорит Тулузский кутюм. В качестве старинного обычая он закрепляет за каждым тулузцем право продавать зерно любой мерой, даже не имеющей городского клейма (в других случаях это решительно запрещается)³, и, что особо подчеркнуто, не обязательно мелкою мерой⁴. Иными словами, речь шла прежде всего о крупных тулузских купцах-оптовиках, продававших зерно большим весом. Фактически эта «общетулузская» привилегия была привилегией богатейших городских хлеботорговцев. И если король Филипп III, санкционируя Тулузский кутюм, не утвердил этого пункта⁵, то именно потому, что королевская власть всячески стремилась ослабить могущество патрицианско-купеческой верхушки Тулузы.

¹ См. Ph. Wolff. Commerces, p. 139.

² Cart. Bourg, N 17.

³ Coutumes de Toulouse; art. 102, 103a.

⁴ Ibid., art. 103 b.

⁵ A. Tardif. Le droit privé au XIII-e siècle d'après les coutumes de Toulouse et de Montpellier. P., 1886, p. 86.

Как показывают данные источников, отмеченная привилегия тулузских купцов сложилась очень давно, ее истоки восходят к XII, а весьма вероятно — и ко второй половине XI века. Она свидетельствует о давнем развитии в Тулузе крупной хлеботорговли богатых городских купцов, о том, что именно крупная торговля была ведущей силой на тулузском рынке зерна, а значит и о том, опять-таки, что хлеботорговля мелких, рядовых горожан сколько-нибудь существенной роли на этом рынке не играла. Их карликовое хлебопашество (там, где оно имело место) служило целям не товарным, а потребительским. Да и в этой области оно выполняло лишь сугубо подсобную роль.

На этот счет никакого сомнения не оставляет Тулузский лейдари́й — тариф провозных и торговых пошлин со всех товаров, составленный в самом начале XIV века¹ и явно отразивший положение дел, сложившееся еще в предыдущем столетии². По этому тарифу любое зерно полностью свободно от всякого обложения³.

Этот момент заслуживает, чтобы на нем коротко остановиться. Известно, что продовольственную политику средневековых городов отличала тенденция ко всемерному облегчению условий подвоза и рыночного сбыта хлеба в городе. Полная реализация этой тенденции вела к отмене каких бы то ни было пошлин с торговли зерном. Так, например, обстояло дело в Меце уже в XIII веке⁴. В Марселе, куда хлеб привозился постоянно, коммуна отменяла ввозные пошлины, как только цена на зерно поднималась до определенного уровня⁵. Но отнюдь не всюду и не сразу эта тенденция реализовалась так полно. Даже в таких значительных городах, как Трир и Люксембург, от пошлин освобождались только свои, городские хлеботорговцы, «чужие»

¹ Ph. Wolff. Un leudaire de Toulouse. — AM, 1962, p. 291.

² В этом убеждают нас три обстоятельства: во-первых, основной единицей обложения по всем видам товаров здесь остается выюк. Во-вторых, хотя пошлины называются королевскими, все они исчислены только в тулузской монете. Правда, эта монета имела хождение в Тулузе и примыкающих районах еще до 70—80-х годов XIV века (см. Ph. Wolff. Commerces, p. 324), но уже с 70-х годов XIII столетия все официальные поборы и тарифы в южных сенешальствах исчислялись либо в обеих монетах (местной и королевской), либо только в королевской — турской монете (HGL, VIII, N 541; HGL, X, N 21; см. также M. Castaing-Sicard. Les monnaies féodales de Languedoc au Moyen Age. Toulouse, 1961, p. 77). И, наконец, если сам лейдари́й появился в начале XIV века, то обстоятельство, что этому предшествовали два опроса, на основании которых он и был составлен (См. Ph. Wolff. Un leudaire, p. 291), неопровержимо свидетельствует, что он отразил ситуацию, сложившуюся давно — на протяжении предыдущего столетия.

³ Leudaire de Toulouse; publ. par Ph. Wolff. — AM, 1962, art. 186.

⁴ J. Schneider. La ville de Metz au XIII et XIV siècles. Nancy, 1950; p. 213.

⁵ Statuts de Marseille (éd. R. Pernoud), lib. I, N 66, lib. VI, N 42.

же продавцы зерна должны были платить¹. В Кагоре все приезжие купцы обязаны были привозимое на продажу зерно складывать и перемерять в специальном консульском доме, уплачивая за это особую пошлину в натуре, тогда как местные купцы были свободны от этого побора². Иными словами, город нуждается в хлебе, весовая пошлина собирается натурой, но эта нужда в хлебе еще не настолько остра, чтобы лишить привилегий своих, «городских» купцов.

Аналогичная картина рисуется и в Тулузе конца XI века. Напомним, что дарственная грамота Гильема Аквитанского на чужих, приезжих хлеботорговцев все-таки предлагала пошлину. Следовательно, на рубеже XI и XII веков Тулуза нуждалась в подвозе хлеба, но опять-таки не настолько остро, чтобы не поставить в привилегированные условия тулузских купцов.

Однако уже к середине XII века положение существенно меняется. Как явствует из консульского постановления 1152 года, тулузские горожане уже тогда без покупного хлеба прожить не могли. Вопрос этот стал настолько острым, что патрицианский консулат был вынужден пойти на существенное ущемление богатых спекулянтов зерном. Сделать это было тем более нелегко, что представители некоторых богатых и могущественных консульских родов сами основательно втягиваются в торговлю зерном. Надо полагать, не для собственных потребительских нужд в конце XIII — начале XIV века держал хлебный амбар (*grape-gium*) в Ситэ, на берегу Гаронны, Пейре де Тулуза³. Амбар был, очевидно, не маленьким, если принадлежал королю, которому знатный тулузец платил *redditus*⁴.

Не удивительно, что и в XIII веке консулат стремился сохранить привилегии крупных тулузских хлеботорговцев и закрепить их в породском кутюме. Но это была теперь только весьма ограниченная привилегия продажи любой мерой. От торгового обложения теперь были полностью освобождены как тулузские, так и «чужие» купцы. Таким образом, тулузские горожане в эту пору не только не боялись конкуренции привозного хлеба, но были заинтересованы в его привлечении на городской рынок — настолько они оторвались от земледелия, во всяком случае, от хлебопашества. Как видим, вопрос о «полуаграрности» средневековых

¹ T. Roslanowski. Recherches sur la vie urbaine et en particulier sur le patriciat dans les villes de la Moyenne Rhénanie septentrionale (fin du XI-e — début du XIV-e siècle). Warszawa, 1964; p. 51.

² Coutumes de Cahors (publ. par E. Dufour: La commune de Cahors au Moyen Age. Cahors, 1846), art. 53.

³ Comptes Royaux, t. II, № 17087.

⁴ Там же. Весьма вероятно, что Пейре де Тулуза хранил в этом амбаре также и хлеб, полученный в качестве таски с держателей, сидевших на каких-то принадлежавших ему внегородских земельных владениях. Но это не меняет того, что большие количества зерна, собранные в таком складе (по всей видимости — по соседству с большим рынком в южной части Ситэ), предназначались для продажи.

городов, столь просто решаемый с первого взгляда, в действительности отнюдь не так прост.

Но если хлеб, произведенный горожанами, не имел никакого или почти никакого значения на тулузском хлебном рынке, то каково было происхождение основной массы продававшегося зерна? Как было отмечено выше, ведущею силой на городском рынке зерна были крупные хлеботорговцы *bladerii*. Насколько можно судить по примеру тулузских виноторговцев¹, купцы, торговавшие зерном, скупали его в деревне и затем перепродавали в Тулузе горожанам и приезжим купцам.

Но у кого скупали? В какой-то степени, надо полагать, и у крестьян, хотя крестьянство ближайшей городской округи могло выступать на городском хлебном рынке и самостоятельно. В той или иной форме возможность участия крестьянства в хлебной торговле заключена уже в более или менее устойчивой ограниченной нормы феодальной эксплуатации. После уплаты продуктового чинша в одну четверть — одну треть урожая, церковной десятины, начатков и других поборов в более крепких хозяйствах держателей, особенно в урожайные годы, могли все-таки оставаться некоторые излишки зерна сверх необходимейших потребностей. Более того, можно говорить даже об известной необходимости участия крестьян в торговле сельскохозяйственными продуктами, в том числе и хлебом, поскольку какие-то (хотя и второстепенные, незначительные по объему и не всегда регулярные) денежные платежи все-таки встречаются среди повинностей зависимого крестьянства в Тулузене².

Но вместе с тем при наличной норме феодальной ренты, поглощавшей в общей сложности около половины всего продукта крестьянского двора, излишки, а значит и товарные возможности держательских хозяйств, не могли быть ни значительными, ни регулярными. И именно то обстоятельство, что в тулузской деревне среди крестьянских повинностей мы почти не встречаем сколько-то значительных регулярных денежных чиншей, служит тому убедительнейшим доказательством.

Иное дело — сеньоры. Те, кто в форме таски и десятин присваивали себе четверть, треть и даже половину произведенного крестьянином хлеба, почти всегда имели что продать скупщику-хлеботорговцу. Особенно это относится, разумеется, к крупным сеньорам — церковным и светским. Острая борьба между городскими консулатами и крупнейшими церковными и светскими феодалами Нижнего Лангедока, которая разгорелась в 1260—1270-х годах по вопросам снабжения хлебом крупнейших городов Юга, со всею очевидностью показала, кто распоряжался большими массами хлеба, от кого зависело, будет ли этот хлеб

¹ Cart. Bourg, № 1.

² Cart. S.-Sernin, № 63, 235, 254, 305, 320, 338, 340, 400. Cart. Alaman, p. 103—105.

продан на местных городских рынках или будет вывезен (если это им выгоднее) в чужие страны (причем даже в неурожайные для Лангедока годы). Это были такие крупнейшие светские землевладельцы (*seignarii*), как Филипп де Монфор, и такие прелаты и богатейшие церковные общины, как архиепископ нарбоннский, аббатства Сен-Поль, Сен-Пьер де Томьер и другие подобные церковно-феодалы магнаты¹.

Что касается Тулузы и ее регионального рынка, то, например, активное участие Сен-Серненского аббатства в торговле зерном едва ли может вызвать сомнения. Неукоснительно взыскивая таски и десятины (в зерне или в снопах), аббатство при этом, как правило, точно определяло, каким именно зерном (пшеницей, рожью, овсом, просом, ячменем или фуражной смесью) должна быть выполнена повинность². Согласно инвентарю 1246 года только с приората Савердена аббатство, наряду с 31 солидом деньгами, ежегодно получало 393 сетые зерна различных видов³. Порою, инфеодируя участки земли в наиболее хлебородных районах, Сен-Сернен даже с суб-сеньоров требовал поставки значительных количеств пшеницы натурой⁴. В отдельных случаях держателю даже не разрешалось вывозить урожай со своего поля без специального на то разрешения аббата⁵. О том, какое значение придавало Сен-Серненское аббатство получению хлеба в натуре и какие количества зерна должно было оно аккумулировать в своих руках, убедительно говорит та упорная, и в целом—успешная, борьба за обладание десятинами, которую вело оно на протяжении XII века со светскими сеньорами, частью—с богатыми горожанами⁶. Именно торговые цели этой погони за десятинами могут объяснить, почему в Лангедоке, и особенно в Тулузском диоцезе, десятины и начатки взимались в особенно большом объеме⁷.

Об активном участии Сен-Серненского аббатства в торговле зерном на тулузском рынке свидетельствует и то обстоятельство, что дарованную Гильемом Аквитанским пошлину с приезжих хлеботорговцев монахи предпочитали взимать в натуре⁸. Ведь

¹ HGL, VIII, № 529, 545. Насколько натуральные чинши служили не потребительским, а торговым интересам землевладельцев, можно видеть из того, как даже в Нарбонне, куда стекалась значительная часть западно-лангедокского хлеба, и даже необработанные участки отдавались в феодал (дарение дому госпитальеров!) с *agerii* в размере 1/5 и 1/4 продукта. (S a i g e, P. J., № 8).

² Cart. S.-Sernin, № 175, 210, 235, 238, 242, 265; Ap., № 13, 58, 60.

³ Documents de Languedoc, II, p. 36.

⁴ Cart. S.-Sernin, № 217: «quinque modios de frumento optimo»; 349, 350.

⁵ Ibid., № 42.

⁶ Ibid., № 49, 51, 55, 56, 57, 59, 62, 65, 70, 77, 78, 80, 90, 91, 100, 113, 117, 142, 156, 160, 165, 166, 180, 181, 186, 187, 190, 195, 198, 205, 207, 210, 211, 215, 247, 255, 257, 263, 268, 274, 275—279, 283, 284, 298 etc.

⁷ Corr. Alfonse de Poitiers, t. II, № 2058; art. 11; t. I, № 840.

⁸ Cart. S.-Sernin, № 291.

для того, чтобы обратить полученное таким образом зерно в средства для восстановления разрушенного приорства, это зерно необходимо было продать. Остается предположить, что из такой торговли Сен-Сернен рассчитывал извлечь больше, чем могла бы дать денежная пошлина. Едва ли это было бы возможным, если бы монахи были новичками в хлебной торговле. Следовательно, уже в конце XI века монастырь имел значительный опыт торговли зерном. Да и могло ли быть иначе, когда хлебный рынок располагался тут же, в Бурге, у самых стен Сен-Сернена. Но поскольку и помимо этой пошлины Сен-Серненское аббатство с его обширнейшими владениями в Тулузене и даже за его пределами, должно было располагать большими массами хлеба, оно, очевидно, не могло остаться в стороне от активного участия в тулузской хлебной торговле, тем более—в XII и XIII веках.

Что касается крупных светских феодалов, то едва ли можно сомневаться в том, что, например, тулузские графы, весьма активно участвовавшие в торговле вином, солью и скотом, не остались в стороне от торговли хлебом. Как полагает Огюст Молинье, ту зерновую пошлину с хлебного рынка в Бурге, которую в 1098 году тулузский граф пожаловал Сен-Сернену и которая, как видим, должна была приносить немалые количества зерна, предназначенного для продажи, ранее сам граф собирал в свою пользу¹. Несомненно, именно хлеботорговые интересы побуждали тулузских графов неукоснительно взимать *bladada* — натуральный побор в зерне с жителей их сеньориальных городов и местечек. Населению таких городов, как Гайяк, Корд, Монмюраль, Рабастенс только в XIII веке удалось добиться замены этого натурального налога денежным². Но, как показывают данные описи владений Альфонса Пуатье в Альбижуа, произведенной в 1259—1261 гг. в деревне (с графских вотчин и даже с ленных поместий графских вассалов) и во второй половине XIII столетия большая часть поступлений и платежей взималась в натуре, прежде всего и главным образом хлебом. И даже в Гайяке с мельниц и с хлебного рынка графскую подать по-прежнему собирали в зерне³. Население же мелких городков и во второй половине XIII века должно было по-прежнему выплачивать графу натуральные налоги—*bladada* и *vinada*⁴.

В этой связи отметим также упомянутый выше большой хлебный амбар в Тулузе, на берегу Гаронны. Тот факт, что в первые годы XIV века Пейре де Тулуза платил за него реддитус королю, заставляет предположить, что прежде этот амбар был

¹ A. Molinier. *Administration féodale en Languedoc au Moyen Age.* — HGL, VII, p. 178.

² E. Rossignol. *Etude sur l'histoire des institutions seigneuriales et communales de l'arrondissement de Gaillac (Tarn).* T., 1866, p. 27, 51—52.

³ Ch. Higounet. *Une carte agricole de l'Aubigeois vers 1260.* — AM, 1958, p. 66.

⁴ Corr. Alfonse de Poitiers, t. II, № 1490.

собственностью графов, наследниками которых после 1271 года стали французские короли. Расположенный вне территории Нарбоннского замка, амбар этот, гораздо вероятнее, был не потребительским, а торговым хлебным складом. По-видимому, и в хлебной торговле тулузские графы участвовали непосредственно.

О том, что этот вывод должен быть отнесен вообще к феодалам Тулузена, свидетельствует, как было отмечено выше, уже дарственная грамота Гильема Аквитанского. Даруя Сен-Сернену натуральную пошлину с зерна приезжих хлеботорговцев, граф прямо пишет, что этой мерою хочет взыскать возмещение с тех «злонамеренных людей всей провинции», которые повинны в разрушении Сен-Серненской церкви¹. Собиратели продуктовых рент, феодальные землевладельцы Тулузена, были главными поставщиками зерна на тулузский хлебный рынок.

Любопытна также эволюция налога *rezada*. Введенный тулузским графом и епископом Альби в 1191 году как временное общее обложение для сохранения мира и защиты от банд мародеров-наёмников, он первоначально взимался в смешанной форме — зерном и деньгами². Но к началу XIII века местные сеньоры превратили его в постоянный побор и взимали уже в натуре — хлебом³. Такая трансформация была бы невозможна в условиях господства денежной ренты и, наоборот, она вполне естественна там, где господствует рента продуктовая и где продажа присвоенного хлеба является важнейшим источником дохода сеньоров. Какое количество хлеба и, соответственно, какие суммы денег давал этот побор, можно судить уже по тому, что, выкупая его у епископа, жители Гайяка уплатили в 1252 году 19 тысяч кагорских су, а в 1256 году за графскую долю того же налога еще 300 марок серебра⁴.

Очень ярким свидетельством хлеботорговых интересов сеньоров Тулузена служит их алчность в отношении десятин, которые собирались в натуре и должны были приносить их обладателям огромные количества зерна. Запечатленная в источниках ожесточенная борьба за десятины между церковными и светскими феодалами, которая развернулась с начала XII века, была борьбой за дележ зерна не как предмета непосредственного потребления, но прежде всего как товара и важнейшего источника дохода землевладельцев в условиях бурного развития городов и товарно-денежных отношений⁵.

¹ «Et quia maligni homines totius provincie dementati, ad destruendum ecclesiam Sancti Saturnini insurrexerant, ab illis deinceps pensionem extraximus... ut quicquid invasione huius ecclesie deliquerunt, hoc modo satisfactione corrigant» (Cart. S.-Sernin, № 291).

² Catalogue Raymond V, № 144.

³ A. Molinier, p. 161—162.

⁴ E. Rossignol, p. 54.

⁵ Подчеркивая товарную направленность присвоения десятин в эту эпоху, Марк Блок писал: «Вместо того, чтобы расходиться по рукам мелких

Как было отмечено выше, Тулузен был районом древнего распространения виноградной лозы. В I—II веках вина Нарбоннской провинции широко вывозились даже в метрополию, где успешно конкурировали с итальянскими винами¹. Раннее средневековье принесло с собой упадок провансальского виноделия и виноторговли. Виноградарство приобретает узко локальный характер — это поместные (преимущественно монастырские) виноградники для внутренних нужд. Но с первыми признаками оживления городской жизни начинается и возрождение местного виноградарства. Рано возрождается здесь и рынок вина, прежде всего как городской рынок².

Для Тулузы определенным свидетельством этого может служить грамота графа Гильема IV, относящаяся приблизительно к 1080 году. Вновь основанному под эгидой Сен-Серненского аббатства и поблизости от него госпиталю, будущему госпиталю св. Рамуна, граф (вместе с тулузским епископом) пожаловал право беспопылиной продажи вина, но только в случае наличия излишков и только в пределах 5 модиев, не более³.

Очевидно, новое церковно-благотворительное учреждение, возникшее на территории Бурга, с самого начала обладало столь значительными виноградниками, а винный рынок в Тулузе во второй половине XI века уже настолько стабилизировался, что у этой новой церковно-хозяйственной единицы сразу же возникло стремление использовать выгоды виноторговли. Но на рынке властвует графская монополия. Все прочие продавцы вина платят пошлину; освобождение от нее — особая милость и редкое изъятие из правил. В принципе продавать разрешается только излишки, т. е. только вино своего производства, и в строго определенном количестве.

Мы едва ли ошибемся, если заключим, что тулузский рынок был уже весьма основательно насыщен вином и что сеньор-граф сам активно участвовал в виноторговле. Однако это участие отнюдь не может служить свидетельством гармонии, совпадения интересов сеньора и интересов общего развития товарного обращения. Это участие не было фактором, благоприятствовавшим развитию производства и торговли вином. Граф выступал на винном рынке как монополист, обладавший, во-первых, правом

дворянчиков или приходских кюре, мешки с зерном стали отныне сосредотачиваться в амбарах нескольких крупных сборщиков десятин, которые отправляли их на рынок. Без этой эволюции ... где бы нашли себе пропитание города, столь интенсивно развивавшиеся в XII—XIII вв.?» — М. Блок. Характерные черты французской аграрной истории (пер. с французского). М., 1957, стр. 132.

¹ G. Galtier. Vignoble du Languedoc, p. 113.

² Ibid., p. 114.

³ Cart. S.-Sernin, № 546: «... et si habundaverit vinum ad pauperes et ad omnes habitantes istius domus, vendant V modios sine ullo usagge quod non dent, et non amplius».

беспошлинной торговли, а, во-вторых, как сообщают источники XII века¹, правом продажи вина в наиболее выгодное для этого время. Даже в отношении тех феодальных (как правило, церковных) хозяйств, которым, в виде особой привилегии, он также даровал право беспошлинной продажи вина, граф, как мы видим, мог устанавливать количественный лимит, далее которого эта привилегия не простиралась. Иными словами, и здесь его монополия сохраняла свою силу.

Нетрудно видеть, что эта феодальная монополия и, значит, самое участие сеньора-феодала в торговле должны были сдерживать развитие виноградарства в нефеодальной среде, особенно в хозяйствах горожан. Феодальная монополия коверкала отношения товарного обмена, естественно возникавшие в богатом винограде районе Тулузы, крайне снижала заинтересованность купцов в расширении торговли, сдерживала свободное складывание местного рынка вина.

Более того, монополистская торговая политика сеньора-феодала, направленная на недопущение какой бы то ни было конкуренции сбываемому им товару, активно способствовала консервированию натурально-хозяйственных отношений. Из той же грамоты об учреждении госпиталя св. Рамуна мы узнаем, что граф и епископ даровали госпиталю также свободное пользование солью и вином, и всем, что необходимо проживающим «в этом доме»². Речь шла об освобождении от пошлин уже не при продаже, а при покупке соли (что было особенно существенно), а в случае нужды—при покупке вина и других продуктов питания. Эта политика всеобщего обложения торговых сделок—как продажи, так и купли—должна была побуждать подданных графа всюду, где можно, избегать такого рода сделки и стараться, насколько возможно, обеспечить себя всем необходимым из ресурсов своего хозяйства. Она вела к консервированию потребительской замкнутости и была немалым препятствием разрыванию рыночных связей. Если же и при этих условиях торговля вином в Тулузе развивалась, то ясно, что потенциальные производственные возможности тулузского виноградарства и виноделия в этот период были значительно выше наличной степени их реализации.

Однако развитие города, быстрое возрастание его торгово-ремесленного населения, которое по самой своей экономической природе не могло, во-первых, вести сколько-то полноценного земледельческого хозяйства и, во-вторых, просто не могло существовать без отношений купли-продажи, должны были круто изменить положение. Для ремесленника и торговца связь с рынком означала разрешение не проблемы эпизодически возникавших излишков, а проблемы повседневного существования.

¹ Cart. Bourg, № 1.

² «... datus ... sale et vinum et omnia qui necesse ad habitatores istius domus francaient sine engan» (Cart. S.-Sernin, № 546); см. также № 547.

Перед напором этих новых сил сеньориальная торговая монополия, так же как и система сеньориальных торговых пошлин, не могли устоять. До поры отдельные и, как мы видели, ограниченные изъятия из сеньориальной системы пошлин и монополий ограничивались узким кругом наиболее значительных церковных вотчинников, умевших вырвать у графской власти эту особую милость. Начало городского развития пробило первую брешь в этой системе.

В ходе широкой кампании по основанию «убежищ», развернувшейся в Лангедоке в начале XII в., светские феодалы и, в частности, тулузские графы явно отставали от церковников. Включившись в это движение, дабы привлечь и закрепить приток сельского населения в город, графы должны были пойти на предоставление новоприходцам более широких льгот, самым основательным образом затрагивавших давно сложившиеся prerogative первых феодалов Тулузского графства.

Хартия Альфонса-Журдена об основании *salvetas* вокруг Нарбоннского замка (20—30-е годы XII в.) открывалась декларацией: «Ни один мужчина или женщина, который поселится в этом убежище, не будет платить провозной пошлины ни с зерна, ни с виноградом, ни с вина, а также не будет платить торговой пошлины»¹. По своему смыслу краткая формула «*neque det lezdam*» должна была означать освобождение от торговых пошлин с тех самых продуктов, которые освобождались и от поборов за провоз, но и довольно расплывчатый термин *lezda* (*ledda, leida, leuda, leveda* — из поздне-латинского *levatio* — побор) и краткость приведенной фразы — не гарантируют бесспорной ясности текста (как, впрочем, этой ясности не обеспечивало и пустое канцелярское многословие, в неменьшей мере свойственное средневековым грамотам). Весьма возможно, что граф и сам не очень желал исчерпывающей ясности и четкости декларируемых привилегий. Во всяком случае он счел необходимым сделать в конце хартии уточняющую приписку: «А также граф сохраняет за собою (в этом убежище) побор с продажи вина, как он обычно взимается»².

Видимо, от торговой пошлины освобождались не все товары, свободные от провозной пошлины, а может быть и все, но, как можно понять из более поздних источников, особый «*usus*» с продажи вина взимался графскою властью в определенные месяцы года (с сентября по ноябрь)³, и этот-то побор граф оставлял за собою.

Так или иначе, не подлежит сомнению, что уже этой хартией граф вынужден был сам чувствительно поколебать систему своих

¹ «*Quod ullus homo aut femina qui in hac predicta salvetate steterit et mansionem ibi habuerit, non det portaticum de blato neque de vindemia neque de vino, neque det lezdam*» (Cart. Bourg, № 11).

² «... et retinet comes usum venditionis vini, ita ut consuetum est». — Ibid.

³ Cart. Bourg, № 1.

рыночных пошлин и монополий, в частности также и в отношении вина. Впервые привилегия беспошлинной торговли вином (хотя бы частично или в течение нескольких месяцев в году) предоставлялась не влиятельному церковному вотчиннику, а неизвестным, простым, отнюдь не богатым горожанам, вчерашним беглым крестьянам, нередко — вчерашним сервам.

Но это было только начало. Еще незадолго перед тем, давая свою санкцию «убежищу», учрежденному Лезатским аббатством у самого Нарбоннского замка, за стенами Ситэ, и утверждая его вольности, граф предупредил жителей своей столицы, которые вздумали бы переселиться в новый сальветат, что предоставленные убежищу вольности на них не распространяются¹. Теперь он и не пытался остановить волну, мощь которой превышала его силы. Чего хотела, чего требовала масса тех людей, привлечения которых граф не мог не желать, ясно видно из того, что именно это освобождение от пошлин, связанных с производством и обменом продуктов, стоит на первом месте, оставляя далеко позади юридические и прочие льготы. В своих собственных интересах граф был вынужден основать «убежище» и дать ему важные привилегии, прежде для простолюдинов совершенно недоступные. Исодолимый процесс городского развития вынуждал сеньора перестраиваться и, чтобы не упустить из рук золотоносных источников городского накопления, — отказываться от старых и искать новых методов и приемов эксплуатации товарного обращения.

Возникновение привилегированного «убежища» для новоселов развязало давно копившиеся антисеньориальные силы в самой Тулузе. В 1141 году Альфонс-Журден, давая всем горожанам Тулузы несколько важнейших для них вольностей экономического свойства, прежде всего предоставляет им («каждому мужчине и женщине») право свободной продажи своего вина в любое время года, без какой-либо пошлины². Едва ли графу было легко совершить этот, по его словам, добровольный и бескорыстный дар («*mea bona et gratuite voluntate*»), но ведь по сути дела именно тулузцам он был обязан возвращением на свой княжеский престол, который перед тем вынужден был покинуть, спасаясь от новой узурпации Тулузского графства Гильемом Аквитанским. А его верные тулузцы, видимо, достаточно настойчиво требовали отмены ненавистой пошлины с винной торговли.

Обратим внимание, что хартия освобождает от пошлины только тех, кто продает «свое вино», то есть вино, полученное из винограда, выращенного на своих владениях. При этом в той же графской хартии уточняется, что вольность даруется не только жителям Ситэ и Бурга, «но также всем, кто проживают, или

¹ HGL, V, № 454.

² «... quisque homo et femina libere vendat vinum suum omni tempore quo voluerit, sine ullo usatico quod inde nunquam donet alicui homini vel femine» (Cart. Bourg, № 1).

когда-либо будут проживать вокруг города и вокруг Бурга»¹. Следовательно, становление Тулузы, как торгово-ремесленного центра еще в первой половине XII века вызвало к жизни широкое развитие виноградарства горожан и жителей подгородных поселков.

Жиль Кастэ, обследовавший все наличные документы, касающиеся тулузского виноградарства между 1150 и 1210 годами, обнаружил, что из 207 грамот, содержащих наименование топографических пунктов, только 31 относится к отдаленным землям, а 176—к подгородным. По его данным, к середине XII века сложился район подгородного виноградарства в радиусе 3 км вокруг Тулузы. Но самая плотная зона виноградников располагалась в радиусе 1 км от города, особенно вдоль обеих главных дорог, ведущих в город,—Монтобанской с севера и Каркассонской с юга, где были наиболее благоприятные условия непосредственной доставки в город. В начале XIII века район пригородного виноградарства простирается далее—в радиусе 5 и даже 10 км от города². Таким образом, это виноградарство отнюдь не было чисто потребительским. Недаром горожане добивались отмены именно пошлины с продажи вина. Это было по преимуществу товарное виноградарство и виноделие. Требования тулузцев, посредством хартии Альфонса-Журдена получившие легальную силу, явно преследовали двоякую цель: во-первых, сбросить гнет графской торговой пошлины и, во-вторых, насколько возможно, устранить конкурентов.

Первым привилегированным конкурентом, против интересов которого были направлены постановления хартии, был сам тулузский граф. В самом деле, и то, что граф разрешил теперь каждому тулузцу свободно продавать свое вино в любое время, когда пожелает, без какой-либо пошлины, и содержащийся далее намек на то, что до тех пор пошлина взималась от сентябрьского праздника св. Марии до праздника Всех святых (1-го ноября), и отмеченное выше в дарственной грамоте Гильема IV госпиталю св. Раймунда (около 1080 года) ограничение количества вина, какое госпиталь мог продавать беспошлинно, пятью модиями,—все это позволяет заключить, что тулузский граф был не только собирателем торговых пошлин, но и сам участвовал в торговле вином. Но участвовал он отнюдь не на равных с прочими правах, а как сеньор города, защищенный феодальной монополией: во время сбора винограда и самых высоких цен на вино только он мог продавать его свободно, все прочие в этот период допускались к продаже вина только по уплате ему же особой пошлины—1 денье с каждого выюка вина.

Хартией 1141 года не только отменялась ненавистная пошли-

¹ «... et etiam omnibus qui habitant et unquam habitabunt circa urbem et circa burgum». — Ibid.

² G. Caster. Le vignoble suburbain de Toulouse au XII-e siècle. — AM, 1966, p. 205—212.

на, но и ликвидировалась графская торговая монополия, особое привилегированное положение одного товаровладельца, и тем самым граф, низведенный до уровня прочих продавцов вина, устранялся как наиболее опасный конкурент горожан на винном рынке Тулузы.

Затем, хартия должна была защитить торговлю городских виноделов от конкуренции привозного вина. Отмена пошлины не распространялась на чужаков (*homines extranei*), привозивших в Тулузу вино для продажи. Более того, текст хартии заставляет предположить, что эта пошлина, взимавшаяся прежде, видимо, только в период сбора винограда и непосредственно после него, теперь для приезжих виноторговцев была распространена на весь год. Но и уплатив пошлину, они могли продавать вино только оптом — целыми выюками, т. е. — дешевле¹.

Кто же были эти «чужие люди», откуда они приезжали? В хартии сказано, что они проживают «в городах, местечках и других населенных пунктах», а из позднейшего источника мы узнаем, что лучшие сорта вина привозились в Тулузу из Бальма, Ланта, Верфей, из Карамана.² Все это — приблизительно в радиусе 15 км от Тулузы. Должно быть, отсюда подвоз вина в Тулузу осуществлялся систематически, и в этой-то городской округе скупали вино тулузские виноторговцы-перекупщики, «которые выезжают за город закупать вино».³

Это позволяет утверждать, что уже в первой половине XII века в Тулузе сложился локальный винный рынок. И рынок этот изобиловал вином. Конкуренция здесь развивалась весьма рано. Не удивительно, что тулузские виноделы старались поставить приезжих виноторговцев в неравные условия, снизить их конкурентоспособность.

Но в хартии 1141 года мы находим и нечто большее: тулузские виноторговцы, которые скупают вино вне города и затем привозят в Тулузу для перепродажи, в отношении уплаты виноторговой пошлины поставлены в те же условия, что и купцы-чужаки.⁴ Выходит, что графская монополия отменена, и выгода от этой отмены принадлежит всем. Но право беспошлинной торговли вином получили лишь тулузцы, и, опять-таки не все, а только продавцы «своего вина». Это одно из убедительных свидетельств того, что

¹ «*Homines vero extranei, qui foris habitant in villis aut in castris vel in aliis locis, habeant eundem usaticum quem solent habere, de festo sancte Marie Septembris usque ad festum omnium Sanctorum, et deinde de festo omnium Sanctorum usque ad festum sancte Marie Septembris, de quaque saumata quam attulerint, donent domino I denarium et vendant suam saumatam integram, sine mensura*». Cart. Bourg, № 1.

² Ibid., № 93.

³ Ibid., № 1.

⁴ «*Sed vinarii istius ville, qui foris ibunt emere vinum et in hanc villam revendere portaverint, dent de quaque saumata I denarium domino et vendant*». Ibid.

не купчество было ведущей силой в зарождавшемся и раннем тулузском консулате.

Чем же объяснить, что в неравноправное положение, по сравнению с другими горожанами, были поставлены тулузские купцы, скупавшие вино вне города? Ведь они тоже были горожанами. Но они торговали чужим вином. Дело не только в том, что они наживались на не очень благовидной, с точки зрения средневековой этики, перепродаже того, чего сами не произвели. Важнее другое. Они сбывали на тулузском рынке деревенское вино, затрудняя тем самым сбыт вина, произведенного горожанами, т. е. выступали как конкуренты горожан.

Нелегко с полной уверенностью ответить на вопрос, у кого же именно скупали вино эти тулузские перекупщики, отправлявшиеся за своим товаром «за город». Едва ли можно сомневаться, что какую-то долю в их балансе составляло крестьянское вино. Однако вряд ли эта доля была велика. Посредством таски, десятины и начатков, лишенный трети, а то и половины произведенного винограда (а на виноградниках, как мы видели выше, все эти поборы неукоснительно взимались в натуре), крестьянин не мог ни произвести, ни, тем более, продать купцу сколько-то значительного количества вина. Кроме того, о слабости рыночных связей крестьянства Тулузена выразительно свидетельствует крайняя незначительность денежных цензов в общей массе крестьянских повинностей.

Иное дело феодалы. С помощью продуктовой ренты, десятины и начатков они аккумулировали в своих руках массу винограда и, очевидно, выбрасывали на рынок львиную долю вина, производившегося в деревне. Возможно, что в какой-то мере продажа вина осуществлялась самими сеньорами через лиц их вотчинной администрации. Но примечательно, что, например, на препятствия, чинимые на пути следования на тулузский винный рынок из Памье, тулузскому судье в 1255 г. жаловались не сеньоры, а консулы Памье от имени общины (*universitas*) города¹. Видимо, феодалы, как правило, сбывали свое вино через купцов-виноторговцев. Тулузские перекупщики *vinatarii* сбывали в основном поместное вино.

После того, что было сказано выше в связи с анализом хлебного рынка, едва ли есть необходимость подробно останавливаться здесь на том, что широкое участие феодалов в торговле вином должно было и в поместном виноградарстве явиться стимулом консервирования отношений продуктовой ренты.

Но кто были те продавцы «своего вина», кто стремился устранить конкуренцию виноторговцев-перекупщиков? Если сопоставить тулузский рынок вина с хлебным рынком в том же городе, то в глаза не может не броситься противоположность ситуации. В то

¹ HGL, VIII, № 449.

время, когда в области торговли хлебом чем дальше, тем сильнее проявлялось стремление привлечь на рынок больше привозного товара и (хотя и не полностью) сближить условия торговли приезжих и местных продавцов зерна, на винном рынке наблюдалась обратная тенденция—настойчивого оттеснения чужих виноторговцев и даже тулузских купцов-профессионалов, перекупщиков вина. Только интенсивное развитие в городе и под городом торгового виноделия могло породить так рано острую конкурентную борьбу на тулузском винном рынке.

Разумеется, товарность крохотных виноградников мелких ремесленников не могла быть значительной. Их назначение было действительно по-преимуществу потребительским, подсобным. Но виноградарство более зажиточных горожан, а также жителей непосредственно подгородной зоны—за стенами обеих частей города («*circa urbem et circa burgum*»), где виноградная лоза заняла значительные пространства, имело ярко-выраженную товарную направленность. В условиях Тулузы, как нам представляется, именно в этой отрасли земледелия, в виноградарстве, в наибольшей мере проявлялись аграрные черты городского хозяйства. Выполняя в какой-то мере подсобно-потребительские задачи, эти аграрные занятия горожан в главном и основном имели рыночную ориентацию, были составною частью товарной экономики города.

Но дело не ограничивалось собственно-городским и непосредственно-подгородным виноградарством. Да и трудно представить, что на столь чувствительную для его интересов уступку граф пошел, только внемля пожеланиям массы мелких или даже рядовых зажиточных горожан. Ведь понятие «свое вино» отнюдь не должно было означать только вино, произведенное своими руками, но гораздо шире—непокупное вино, вино со своих земель. А богатых тулузцев, обладавших виноградниками в городской округе, и нередко—большими виноградниками, требовавшими для своей обработки чужого труда, в Тулузе XII—XIII веков было уже немало.

Уже в первой половине XII века с помощью ипотеки, купли и приобретения (фактически также покупка) ленов богатые горожане начали проникать в городскую округу (преимущественно в радиусе 10—15 км). Одним из важнейших видов принадлежавших им здесь угодий были виноградники. Среди владельцев преобладали патрицианские фамилии.¹ В качестве владельцев подгородных виноградников не столь большого масштаба встречаются и зажиточные бюргеры, не входившие в состав патрицианской верхушки.² Но патрицианское землевладение было здесь абсолютно

¹ Де Турре, де Клаустре, Дави, Баптизаты, Арнауты, Астре, Баррау и др. См. Cart. S.-Sernin, № 52, 54, 56, 78, 84, 92, 93, 96, 100, 102, 108, 121, 128, 139, 147, 154, 376, 404, 554; Cartulaire général de l'Ordre du Temple (1119?—1150): publ. par D'Albon. P., 1913, № 20.

² Cart. S.-Sernin, № 28, 82, 100, 126, 128, 495, 496; Ap., № 66.

преобладающим. И именно это патрицианское виноградарство и виноделие явилось, по всей видимости, тою главной силой, которая вырвала у графской власти уступку 1141 года.

Значит, это виноградарство, опиравшееся на использование чужого труда, было сугубо товарным. Его развитие отразило быстрый подъем города, бурное возрастание его населения и складывание устойчивого локального рынка вина. Затем географические рамки этого рынка расширяются. Видимо, в XIII столетии формируется в Тулузе обширный региональный рынок вина. Так, в 1255 году мы узнаем о систематическом привозе в Тулузу вина из Памье (около 55 км к югу от Тулузы, вверх по Арьежу)¹.

Это уже совсем иной радиус и иная сфера экономического тяготения. Но такое расширение должно было еще более усилить конкуренцию на тулузском винном рынке. Широко стала практиковаться торговля вином с помощью наемных глашатаев. Пытаясь защитить тулузских виноделов от конкуренции лучших сортов вина, поступавших из Тулузена, городской консулат в 1221 году специальным постановлением ограничил возможности такой рекламы лучших сортов привозных вин².

Следует также иметь в виду, что очень серьезным конкурентом горожан в торговле вином была церковь, особенно крупнейшие монастырские общины. Так, например, богатейшее и, надо сказать, энергичнейшее в своей хозяйственной экспансии цистерцианское аббатство Грансельв (около 40 км к северу от Тулузы, вниз по Гаронне) в XII в. постоянно собирало дарения с виноградниками³, а также широко практиковало насаждение лозы в приобретенных владениях⁴. В столь широких масштабах виноград возделывался, несомненно, в целях торговли вином.

Острая конкурентная борьба на тулузском винном рынке должна была способствовать поискам иных возможностей сбыта и выталкиванию части производимого здесь вина во внешнюю торговлю. Приблизительно с середины XIII столетия отмечается более или менее систематический вывоз тулузского вина по Гаронне в Аквитанию. И не только в Бордо, но и дальше—в Северную Францию, Фландрию и, особенно, в Англию.

Наши сведения об экспорте вина из Тулузена в Бордо в этот период по необходимости отрывочны, связаны главным образом со взиманием провозных пошлин или с освобождением от оных, но они могут дать известное представление о масштабах этой торговли. Так, аббатство Грансельв провезло вниз по Гаронне через Аженэ в 1260 году 200 бочек вина⁵, в следующем году—190 бочек⁶,

¹ HGL, VIII, № 449.

² Cart. Bourg, № 93.

³ Catalogue des actes de l'abbaye de Grandselve (HGL, VIII), № 312, 465, 467; 502, 540.

⁴ Ibid., № 712, 758.

⁵ Ibid., № 835.

⁶ Ibid., № 838, 841.

а в 1267 году—1600 бочек (!)¹. В 1306 году аббатство заключило соглашение с английским сенешалом Гаскони о беспопыльном провозе в Бордо ежегодно 300 бочек вина; то, что будет провозиться сверх этого количества (значит, вывозилось больше), подлежит обложению пошлойной². Насколько значительной была торговая деятельность аббатства в портовой столице Аквитании, свидетельствует тот факт, что оно содержало здесь своих постоянных уполномоченных, для пропитания которых (а также их лошадей) по тому же соглашению выговорило право беспопыльной доставки ежегодно 6 тонн пшеницы и 4 тонн овса³.

Сведения о купеческой, и в частности тулузской, виноторговле еще более скудны. Но известно, что уже около середины XIII века тулузец Бернар де Палас возглавлял компанию купцов, снабжавших вином английский королевский двор⁴. Как явствует из актов английской администрации в Гасконии⁵, в 1280—1284 годах купцы — виноторговцы Тулузы, Рабастенса, Монтобана, Муассака, Бара, Гайяка, Иль-Журдена и Вильмюра протестовали против повышения Большого кутюма (пошлины) в Бордо, а также пошлины в Руайяне (на выходе из Жиронды в море). При этом выясняется, что купечество этих городов также имело в Бордо своих постоянных уполномоченных⁶. Некоторое представление об объеме этой торговли дают сведения от начала XIV века, сообщаемые Ш. Игунэ на основании регистра английского коннетабля Бордо: в 1306/07 году только из городов северной части Тулузана—из Монтобана, Муассака, Кастельсарразена и Лявильдье—в Бордо поступило свыше 8300 бочек вина⁷. Уже в конце XIII века весьма активно везли вино в Бордо (и, может быть, дальше) также и купцы из Памье⁸, которые, как отмечалось выше, систематически ввозили вино и на тулузский рынок. Но специальное рассмотрение развития внешней торговли вином выходит за рамки нашей задачи, и здесь на этом вопросе мы не можем задерживаться далее.

До конца интересующего нас периода вино продолжало оставаться одним из важнейших товаров на тулузском рынке. По спросу, по повсеместной и, можно сказать, повседневной потребности в нем этот товар в средние века уступал только хлебу. К тому же виноград, в отличие от зерновых, требующий значительно меньших площадей, был сельскохозяйственной культурой, наиболее

¹ Ibid., № 862. Судя по последующим данным, это, вероятно, ошибка источника или издателя.

² Ibid., № 913.

³ Ibid.

⁴ H. Pirenne. Un grand commerce d'exportation au Moyen Age. — RHES, 1933, p. 240.

⁵ Rôles Gascons, II, № 672, 762.

⁶ J. P. Trabut-Cussac. Les coutumes de Bordeaux. — AM, 1950, p. 139—140.

⁷ Ch. Higounet. Occupation du sol, p. 328.

⁸ Catalogue de Pamiers (HGL, V), № 67 (1285).

удобной для возделывания в условиях города и самой ближайшей округи, культурой, наиболее совместимой с городскими занятиями. Вот почему этот вид земледелия, наряду с садоводством и огородничеством, игравшими подчиненную роль, должен был полностью или почти полностью вытеснить хлебопашество не только из города, но также из непосредственно пригородной зоны Тулузы.

Это вытеснение, насколько можно судить, происходило широко еще в XII веке, оно было продиктовано интенсивным развитием Тулузы как торгово-ремесленного центра. Хартия 1141 года, отвоєванная рождавшейся тулузской коммуной, должна была явиться могучим стимулом дальнейшего развития тулузского виноградарства, виноделия и виноторговли: графская монополия была сломлена, торговля иногородных купцов и тулузских перекупщиков, торговавших деревенским (в основном — поместным) вином, была существенно потеснена, а горожане — производители и продавцы вина — приобрели на городском рынке наиболее благоприятные условия.

Дальнейшая политика консулата, как было отмечено, действовала в том же направлении. А Тулузский кутюм закреплял за горожанами Тулузы (правда, в дальнейшем этот пункт также был отменен королем) особое право продавать вино (так же, как и зерно) любой мерою, какою они пожелают, даже без коммунального клейма»¹.

В XIII веке виноград в основном одолел и вытеснил из-под стен Тулузы полевые культуры. Они были наименее совместимы с ведущими и наиболее доходными городскими занятиями. В этом же направлении действовало и развитие рынка. Обещая большие доходы продавцу вина, оно вместе с тем гарантировало горожанину удовлетворение его продовольственных нужд покупным хлебом. В XIV веке, в иных экономических условиях, начался, как отмечает Ф. Вольфф, процесс обратного вытеснения в районе Тулузы виноградной лозы зерновыми культурами².

¹ Coutumes de Toulouse; art. 103a, 103b

² Ph. Wolff. Commerces, p. 176

ТОРГОВЛЯ СОЛЮ

Изучение проблемы складывания городского рынка заставляет обратиться к истории торговли таким специфическим товаром, как соль. В силу своего исключительного значения в питании человека и географической ограниченности мест добычи соль явилась одним из древнейших объектов обмена. Торговля солью относится к догородским видам торговли и несомненно старше возникновения средневекового городского рынка¹.

¹ В 1958 г. А. Дюпон отмечал, что литературы о добыче и торговле солью до XIV века, и в частности в Лангедоке, фактически не существует. Сам же он в своей статье, ограничиваясь выяснением местоположения солеварен, их принадлежности, техники добычи, не затрагивает вопросов перевозок и торговли солью, предполагая посвятить этому специальную статью (А. Dupont. L'exploitation du sel sur les étangs de Languedoc (IX—XIII siècle). — АМ, 1958, р. 8). Пока, к сожалению, насколько нам известно, такая статья не появилась. На материале Прованса этих вопросов частично касается статья Ж. де Ромфора: J. de Romefort. Le sel en Provence du X-e siècle au milieu du XIV-e. — ВРН (1958), Р. 1959. Помещенные там же статьи Ж. Ле Гоффа, Р.-А. Ботье, М. Молла, Ж. Бийу посвящены либо морской торговле солью, либо солеторговле позднего средневековья. Но в 1963 г. в том же издании была опубликована содержательная статья Пьера Жерара о базьежском рынке в XI—XII вв. (P. Gérard. Le marché de Baziège au XI-e siècle et dans la première moitié du XII-e—ВРН (1961), 1963). Правда, вопросов развития соляной торговли в самой Тулузе она не затрагивает.

Об этом говорят данные, дошедшие до нас от раннего средневековья. Доходы от солеварен и соляных рынков в послеримские времена сделались королевской регалией, а в период наступившей феодальной раздробленности — в той или иной форме были присвоены графами и другими местными сеньорами. Там, где соль добывалась и откуда она вывозилась в другие районы, там, где производилась продажа соли, между феодалами разгоралась острая борьба за право обладания солеварнями, добытой солью, соляными рынками и рыночными соляными пошлинами. При этом особенную настойчивость проявляли церковные сеньоры.

В западном Лангедоке важнейшим центром добычи и продажи соли были Нарбонна¹. Еще при Карле Лысом нарбоннский кафедральный собор св. Юста добился пожалования ему половины всех доходов с солеварен². В конце IX века в руки того же капитула начинают переходить и самые источники этих доходов, а в 990 году от нарбоннской виконтессы Аделаиды он сумел получить целый ряд ценнейших солеварен, вместе со всем оборудованием и работниками-солеварями. Подобные пожалования получили тогда же и другие влиятельные капитулы, приорства и аббатства этого района (Анианское, Лаграсс, Сен-Понс-де-Томьер, Сен-Поль в Нарбонне). А важнейший соляной рынок *Salagium* в нарбоннском бурге Кориане перешел в руки монастыря св. Мартина³.

В XI веке церковники закрепляют и расширяют свои приобретения в этой области, присваивают себе десятину с добываемой соли и т. д.⁴. Затем главными соперниками виконтов в обладании солеварнями и соляными торговыми пошлинами становятся нарбоннские архиепископы, которые в 1112 году добиваются передачи в их руки половины нарбоннского соляного рынка⁵. Как будет показано ниже, на тулузском соляном рынке в эту эпоху можно наблюдать аналогичную, хоть и несколько более сложную, картину.

¹ Таким центром она была уже в древности. Ее знаменитые приморские соляные озера-лагуны были тогда, видимо, значительно обширнее, чем в наше время (а они эксплуатируются и теперь). Вода же в них, как сообщают древние, была более соленой, чем в море. (E. Desjardins. *Géographie historique*, t. I, p. 248, 249). В V веке Сидоний-Аполлинарий среди прочих богатств Нарбонны восхвалял ее солеварни. (F. Lot. *Recherches*, t. I, p. 299).

² Королевский диплом 844 года. — HGL, II, № 115.

³ HGL, V, № 151.

⁴ Ibid., № 164, 227, 339.

⁵ Ibid., № 445. Насколько велика была ценность соли как объекта торговли: в «Песни о крестовом походе против альбигойцев» особо отмечается, что во время кампании 1209 года крестоносцы захватили на морском побережье (видимо, между Нарбонной и Безье) солеварни и склады с солью, которую оттуда вывезли и тем основательно поправили свои денежные дела. (Chanson, éd. P. Meyer, t. I, vers 592—593).

Не подлежит сомнению, что эта погоня феодалов за солью не могла преследовать только потребительские цели. Она сама по себе убедительно свидетельствует о том, что и в раннее средневековье торговля солью не прекратилась вовсе и даже тогда приносила немалые выгоды. На этом основании некоторые историки склонны видеть в торговле солью одну из важнейших сил, и в раннее средневековье не позволивших городской жизни на провансальском Юге угаснуть полностью¹.

Но так ли это? Соляной промысел на приморских лагунах (очень примитивный и требовавший мало рабочей силы²) по самой своей природе гнездились вне городов и был мало способен стать ядром и стимулом городского развития. Андре Дюпон не без основания замечает, что солеварни были частью земельных владений сеньоров, а добыча соли на них — частью сезонных сельскохозяйственных работ³.

Что касается самой торговли солью, то не следует упускать из виду что специфика соли, как предмета питания, заключается не только в ее жизненной необходимости, но и в сравнительной ограниченности массы потребляемого продукта. Роль солеторговли была значительнее там, где производился засол рыбы и широкий засол мяса. Но и первое и, особенно, второе могло получить устойчивость и количественную значимость только с сосредоточением населения, то есть с началом городского развития. Тем более это относится к ремесленному потреблению соли — в кожевенном производстве, которое порождает значительный спрос на соль. Примечательно, что борьба между феодальными сеньорами за соль разгорается особенно с конца X и в XI веке, то есть с началом развития городов и резкой интенсификацией торговли солью.

Не солеторговля вызывала концентрацию городского населения, но, напротив, эта концентрация должна была стимулировать солеторговлю. Сама по себе солеторговля не была в состоянии стать решающей силой, создающей или сохраняющей городскую жизнь. Об этом, кстати, убедительно свидетельствует история тех сел и местечек, вроде Базьежа⁴ (см. ниже), в которых на протяжении столетий шел соляной торг, но которые тем не менее так и не стали городами.

Тем более это следует сказать о Тулузе, которая своею солью не обладала, и только сделавшись городом, стала центром значительного продовольственного и, особенно, производственного потребления соли. Любопытно отметить, что не только в раннее средневековье, но еще и в XI веке основная торговля солью со-

¹ G. Duby. Villes, p. 241.

² A. Dupont. L'exploitation du sel, p. 23—24.

³ Ibid., p. 8, 17. См. также J. Le Goff. Orientation de recherches sur la production et le commerce du sel en Méditerranée au Moyen Age. — BPHH (1958), 1959, p. 166—167.

вершалась вне ее стен, и город долгое время не мог перетянуть ее к себе.

Важнейший соляной рынок Тулузена находился в местечке Базьеж (около 20 км к юго-востоку от Тулузы) и продолжался вдоль дороги до самых стен Тулузы¹. Сюда व्यоками на ослах соль привозили, как сказано в грамоте начала XI века, готы². Почему именно готы? И откуда? С. Дюэ полагал, что это были испанцы³. Эта точка зрения долго не встречала возражений⁴ — тесная связь Лангедока на протяжении столетий с Испанией, особенно с Каталонией, известна.

Но можно ли допустить, что постоянно (соляной торгов в Базьеже происходил по крайней мере три раза в неделю⁵) в район Тулузы соль व्यоками привозилась из Испании? Да и какая в том была необходимость, когда богатые солеварни имелись по эту сторону Пиренеев? Кого же в таком случае разумеет источник под именем готов?

А. Дюпон в своей работе о городах Нарбоннской провинции (1942 г.) решительно отверг истолкование в этом случае «готов» как испанцев. Отметив, что источники этой эпохи, как правило, называют готами сельских жителей района от Пиренеев до Каркассона и Безье⁶, он вместе с тем допускает, что это могли быть и крестьяне Тулузена⁷.

Между тем известно, и на это снова обратил внимание Фердинан Лот⁸, что, когда в VI веке вестготское население было в значительной мере вытеснено франками из района Тулузы, — кроме приморской полосы, Септимании, еще долго носившей название Готии, оно образовало компактную массу только в районе Каркассона, тесно связанном с Нарбонною⁹. Затем, как это признает и А. Дюпон, в IX веке здесь же, от Пиренеев до Каркассона и Безье, на родственной этнической почве сосредоточилась основная масса беженцев из Испании, которых выбросила с их родины волна арабского завоевания¹⁰. Ф. Лот подчеркнул то об-

¹ Cart. S.-Sernin, № 137, 134, 136.

² Ibid., № 135: «Cum Goli veniebant ad mercatum et discargabant asinos suos foris stratum...». До XIII века включительно соль перевозилась व्यоком (Leuda S.-Egidi, art. 31) — и не только в Лангедоке. Ср. M. Prinet. L'industrie du sel en Franche-Comté avant la conquête française. Besançon, 1900, p. 234.

³ C. Douais. Introduction, p. LXXXV, п. 3.

⁴ Она бытует в литературе и до настоящего времени. Ср. G. Sicard. Les moulins de Toulouse au Moyen Age, p. 35: в начале XI века на ярмарки близ Тулузы приезжали испанцы — «готы» (со ссылкой на те же сен-серненские акты). То же — и в новейшей работе А. Р. Льюиса: «испанские купцы из Каталонии». (A. R. Lewis. Southern society, p. 396).

⁵ Cart. S.-Sernin, № 136, 137.

⁶ A. Dupont. Cités, p. 133, 199, 428.

⁷ Ibid., p. 521—522.

⁸ F. Lot. Recherches, p. 396.

⁹ P. de Marca. Marca Hispanica, sive Limes Hispanicus. Parisiis. 1688; p. 91—92, 275.

¹⁰ A. Dupont. Cités, p. 522.

стоятельство, что именно в Каркассэ деревенское население еще долго сохраняло это особое этническое обозначение — «готы». И вот кого, по его мнению, имела в виду тулузская грамота начала XI века.

По всей видимости, «готы» Каркассонского района, расположенного на полпути между Нарбонной и Тулузой, выступали в роли торговцев-посредников, привозивших в Тулузу (собственно в Базьеж) соль нарбоннских солсварен¹.

Видимо, уже в начале XI века количество соли, доставляемой в Базьеж, было довольно значительным, если между 1005 и 1010 годами местные сеньоры жаловались на то, что юслы, на которых «готы» привозят соль, наносят ущерб посевам². Очевидно, возникающий город начинал предъявлять повышенный спрос на соль для засола рыбы (на Гаронне ловились лосось, минюга, угорь³) и особенно для засола мяса. В этой зоне схождения и обмена зерна, продуктов животноводства и вина солонина являлась существенной составной частью рациона и важным товаром на рынке продовольствия⁴. К тому же, чем дальше, тем больше соли требовало быстро развивавшееся кожевенное ремесло.

В этих условиях торговля солью должна была обещать немалые выгоды, и соляной рынок в Базьеже должен был равно привлечь к себе жадные взоры феодальных владык этого района — светских, а затем особенно — церковных. Около 1000 года мы застаем базьежский рынок в руках сеньоров Карамана (кастелл приблизительно в 14 км северо-восточнее Базьежа), которые владеют этим рынком давно, вероятно, в течение нескольких поколений, поскольку, как утверждает в грамоте, они получили

¹ Из Нарбонны в Тулузу соль привозилась и в XIII веке. (См. Согг. *Alfonse de Poitiers*, t. I, № 382). На этом пути Каркассон был перевалочным пунктом с большой сеньориальной соляной таможней. (*HGL*, V, col. 1119). В 1219 году Алиса де Монфор как герцогиня нарбоннская пожаловала каркассонской церкви ежегодный доход в 13 мельгейских ливров с каркассонского *Salinum*. (*Catalogue des actes de Simon et Amaury de Montfort*; publ. par A. Molinier. — BEC, 1873, № 176).

² «... asini pascebant messes et faciebant malum» (*Cart. S-Sernin*, № 135). Но, как верно подметил П. Жерар, настоящего, сколько-то благоустроенного соляного рынка в Базьеже в эту пору еще не было, если «готы» разгружали ослов прямо около дороги — *foris stratam* (P. Gégard. *Bazziège*, p. 251). И это — несмотря на сравнительную давность рыночной привилегии Караманов. Видимо, только теперь, с началом городского возрождения Тулузы, соляная торговля в Базьеже начала набирать силу.

³ *Cart. Bourg*, № 6, 7.

⁴ Весьма вероятно, что через Тулузу соль шла и в Гасконь — эту важнейшую скотоводческую область, соседнюю с Тулузеном: скотоводческие районы обычно предъявляли повышенный спрос на соль — как для засола мяса, так и для самого выкорма скота. См. H. Hauser. *Le sel dans l'histoire*. — «*Revue économique internationale*», 1927, v. III, № 2, p. 275, 277).

это право «от королей»¹. На всем протяжении дороги от Базьежа (точнее, от деревни Эстап, которая находилась, по всей видимости, еще в 12 км к юго-востоку²) до стен Тулузы только Караманы обладали правом проводить торг там, где пожелают, три раза в неделю — в четверг, пятницу и субботу всеми товарами, главным же образом солью³.

Реально это право «проведения рынка» означало право взимания пошлин с продаваемых и покупаемых товаров, в первую очередь — с соли. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что в остальные, не рыночные, четыре дня недели Караманы могли запрещать провоз соли по всей этой дороге⁴, т. е. вынуждали «готов» и в эти дни продавать соль в сфере своей власти, ибо, очевидно, только продаваемая соль давала им доход.

Несомненно, это также свидетельствует о том, что к началу XI века Тулуза как значительный населенный пункт и зарождающийся торгово-ремесленный центр уже начала проявлять силу рыночного притяжения, в частности в отношении соли. Но нельзя вместе с тем не заметить, что в раннее средневековье главный соляной рынок Тулузена возник и упрочился не в Тулузе, а вокруг незначительного местечка (Базьеж), первоначально, видимо, даже в деревне Эстап (ныне вовсе исчезнувшей), среди деревенско-поместной периферии. Снова и снова факты убеждают, насколько экономически ничтожным в феодальном обществе раннего средневековья было то, что сохраняло тогда название города, насколько обманчиво это название для той эпохи. В то же время власть крупного местного сеньора, которой был подчинен соляной рынок, имела достаточно силы, чтобы противостоять рождавшейся силе тяготения городского рынка, и, разумеется, немало тормозила процесс его становления.

Каким целям служила соляная пошлина, собираемая Караманами? Источники ничего не сообщают о ее размерах. Но, как повествует упоминавшаяся грамота (между 1005 и 1010 годами), некто Урик Аурюз, по всем данным — местный помещик, соседний с Базьежем, под предлогом потравы его нив захватывал осллов, принадлежавших «готам», и заставлял владельцев выкупать их за соль, по одной пригоршне (*unam iunctatam vel palmatam*) за каждое животное. Дабы прекратить ущерб, наносив-

¹ «... antecessores sui a regibus habuerunt» (Cart. S.-Sernin, N 137). П. Жерар (указ. соч., стр. 250) считает возможным определить время этого пожалования X веком, хотя источник не содержит на этот счет никаких указаний.

² Как полагает П. Жерар, деревня эта стояла на месте древнеримской почтовой станции Альзона (близ Монферрана) на Аквитанской (Нарбоннской) дороге, на пути в Тулузу. (Указ. соч., стр. 250, прим. 2).

³ «De Stap usque ad muros Tolose potestatem tenerent faciendi mercatum, ubicumque vellent ... et erat in unaquaque septimana die iovis, veneris et sabbati, de omnibus rebus, maxime vero de sale». (Cart. S.-Sernin, N 137).

⁴ «Habebat etiam potestatem vetandi transitum salis in tota strata, de Stap usque Tolosam, in die dominica, et lune, martis ac mercurii». — Ibid.

шийся при этом торговцам солью, тулузский епископ Рамун решил Урику Аурюзу с каждого «большого и полного» соляного рынка взимать пошлину, но не более как с двух выюков соли¹.

Если какой-то мелкий сеньор, явочным порядком облагавший побором базьежских солеторговцев, мог взимать по юнктае (хорошая пригоршня соли должна была весить не менее килограмма) с выюка, надо полагать, что «законные» сеньоры рынка — Караманы брали с каждого выюка во всяком случае не меньше и при этом со всех выюков и во все рыночные, а также, как мы видели выше, и в перыночные дни. А кроме того, из другой грамоты (около 1006 года) мы узнаем, что предки Дона-та Карамана ввели здесь много новых, незаконных — «дурных» поборов².

При этих условиях, а также учитывая систематичность соляной торговли в Базьеже, следует заключить, что сеньоры рынка должны были аккумулировать в своих руках столь значительные количества соли, какие не могли не превышать многократно их потребительских нужд. Не подлежит сомнению, что избыточную соль Караманы сами продавали — на том же базьежском рынке или в других местах.

Выступая как «внеэкономический» (внетоварный) эксплуататор товарного обращения, феодальный сеньор рынка мог одновременно быть и его непосредственным участником. Более того, второе было обусловлено первым: ведь соль, собранную бесплатно в качестве торговой пошлины, сеньор сам продавал беспошлинно. Такая торговля была привилегированной, монопольной по самой своей природе, и у сеньора не было причин отказываться от немалого и очень надежного дохода, который она приносила.

Начало городского развития должно было поставить под угрозу монополию Караманов. С одной стороны, возрастающая потребность города в соли чем дальше, тем меньше могла согласовываться со стеснительной рыночной монополией деревенского сеньора. С другой, именно возрастание доходов сеньориальных владельцев соляного рынка, порожденное начавшимся подъемом Тулузы, должно было вызвать зависть к соляной монополии Караманов со стороны других феодалов района (светских и церковных), в первую очередь тех, что были непосредственно связаны с возникавшим городом.

Этим следует объяснить самое появление рассматриваемой грамоты и вытекавших из нее перемен. Исходит она от тулузско-

¹ «de duas saumatas tantum». (Cart. S.-Sernin, N 135). Как можно заключить из сопоставления данных источников, главным торговым днем на базьежском рынке была суббота (см. там же, № 136, 137). Но не исключено, что тулузский епископ имел в виду все три «законных» рыночных дня недели.

² «In hac quidem strata et in mercato, antecessores Donati malos usaticos inmiserant». (Cart. S.-Sernin, N 137).

го епископа Рамуна и тулузского графа Гильема III Тайфера и дана ими с одобрения архиепископов нарбоннского и ошекого, епископов каркассонского, безьерского, магелонского и некоторых других, а также многих аббатов, специально по этому поводу созданных в Тулузу. По сути дела это был самый настоящий собор двух важнейших церковных провинций Юга по соляному вопросу. Содержащееся в грамоте постановление сводится к отказу Доната Карамана от всех дополнительных, «дурных» пошлин на соляном фынке. Ему оставалась только первоначальная пошлина (*nisi leddam in antiqua carta scriptam*), а его право запрещения провоза соли к Тулузе ограничивалось только тремя рыночными днями¹. Облегчение и расширение доступа соли в Тулузу — таков смысл и рассматриваемой грамоты и вызвавшей ее борьбы социальных сил.

Не может быть сомнения — во всем этом определенную роль играли интересы уже рождавшегося города, его населения, которому соль, просеянная через густое сито карамановских пошлин, доставалась втридорога. Туманный намек на тулузских горожан можно уловить в словах грамоты о том, что отказ Доната Карамана от «дурных поборов» видели архиепископы, епископы и аббаты, «другие же люди слышали»². Необычайное стечение в Тулузу высших церковных иерархов Западного Лаптедока для разрешения «соляного вопроса» вряд ли могло произойти совсем без участия или, по крайней мере, без присутствия самого тулузского населения.

Но вместе с тем из грамоты явствует, что отнюдь не горожане играли во всем этом главную роль и не о них пеклись могущественные прелаты. Мы отмечали выше, как в Нарбонне церковь к этому времени сумела захватить позиции, позволявшие ей присваивать львиную долю доходов от добычи и торговли солью. Тулузская церковь, монастыри Тулузена, именно в эту пору начинавшие активизировать свою хозяйственную деятельность, не менее нарбоннцев хотели получать свою долю в этом источнике обильных доходов, хотели получить доступ к эксплуатации едва ли не единственного в ту пору вида регулярной торговли. Очевидно, отнюдь не равнодушны в этом вопросе были и тулузские графы. Между тем, алчность Караманов ставила непреодолимый барьер этим устремлениям как тулузской церкви, так и графской власти, не говоря уже о том, что чувствительно затрагивала их как потребителей.

¹ Cart. S.-Sernin, N 137.

² «Et hoc fecit, videntibus archiepiscopis, episcopis et abbatibus, aliis viris audientibus». Ibid. Надо думать, что в числе этих «других людей» были и светские сензоры — вассалы графа, но едва ли только они: решался вопрос, слишком остро затрагивавший интересы рождавшегося города. А. Р. Льюис даже склонен рассматривать весь этот акт как результат требований купцов. (A. R. Lewis. Southern society, p. 399).

Архиепископы нарбоннский и оиский, вместе со своими суффраганами, произнесли формулу отлучения от церкви всякого, кто посмеет снова ввести какой-либо «дурной побор» с соли на дороге от Эстапа до Тулузы. Но ведь Донат Караман отрекся от доходнейших «дурных поборов» по воле тулузского епископа и тулузского графа¹. Случайно ли, что сразу же после этого акта базьежский соляной рынок оказался в руках тулузской Сен-Серненской церкви², что уже в 30-е годы XI века тулузские графы собирали на том же рынке какие-то, как они сами признают, незаконные, мелкие («грошевые») денежные поборы³, которые, тем не менее, в начале XII века давали им огромные суммы (тысячи солидов)⁴, а тулузские епископы уже во второй половине XI века присваивали значительные количества соли на городском соляном рынке в тулузском Бурге⁵?

Созыв поместного собора двух южных митрополий в Тулузе около 1006 г. был вызван возрастанием спроса на соль в рождавшемся торгово-ремесленном центре, но он также означал захват церковниками, а также и графской властью, богатейшего источника доходов, каким становилась в эту пору торговля солью.

В самом деле, очень скоро, во всяком случае не позднее 1010 г., Донат Караман был вынужден вообще отказаться от базьежского соляного рынка, передав все свои права на него Сен-Серненскому монастырю⁶. Правда, как можно понять из грамоты, это дарение было в действительности продажей, и Сен-Сернену, по всей видимости, пришлось выложить за него немалую сумму, но так или иначе, с этого времени базьежский соляной рынок, этот источник обильнейших доходов, попал в цепкие лапы Сен-Серненского приорства (затем сделавшегося аббатством), именно в эту пору начавшего входить в большую силу. Только этот монастырь обладал теперь правом разрешать торг и взимать пошлины на всей дороге от Эстапа до Тулузы⁷. И Сен-Сернен начал энергично устранять с рынка тех, кто успел уже пристроиться к нему, как к выгодному объекту эксплуатации. Прежде всего были ограничены аппетиты вышеупомянутого местного сеньора Урика Аурюза, который под предлогом потрав захватывал «готских» ослов и заставлял владельцев выкупать их за соль.

Очевидно, и этот добычливый сеньор занимался торговлей солью, если, даже ограничив соляные доходы Урика только дву-

¹ «... in manu mea et W., comitis, omnes malos usaticos relinquit et absolvit» (Cart. S.-Sernin, N 137).

² Ibid., N 134.

³ Cart. S.-Sernin, N 138.

⁴ Ibid., N 5.

⁵ HGL, V, N 268.

⁶ Cart. S.-Sernin, N 134.

⁷ Ibid.

мя юнктатами в большие рыночные дни, соглашение между ним и Сен-Серненом предоставляло Урику право иметь на рынке двух *francales* — своих сеньориальных купцов, освобожденных от уплаты рыночных пошлин. Самая же оговорка, что этим освобождением они будут пользоваться лишь постольку, поскольку будут продавать только свои товары (т. е. товары, принадлежавшие сеньору, а не перекупные) и покупать лишь то, что необходимо сеньору для собственного потребления¹, красноречиво свидетельствует, насколько активно этот сеньор через своих агентов занимался выгодной торговлей на базьежском рынке, в первую очередь, разумеется, продажей соли, присваиваемой им бесплатно в качестве рыночной пошлины.

В 80-е годы XI века, когда в связи с бурным городским развитием Тулузы и, особенно, с быстрым подъемом и обогащением Бурга, сила и влияние Сен-Сернена круто пошли в гору, аббатство перешло в решительное наступление против своих соперников на базьежском соляном рынке. Ему удалось заставить графа Гильема IV отказаться от незаконно введенных на этом рынке денежных сборов, от насилий (видимо, главным образом реквизиций), чинимых его людьми, и от присвоенного им себе права закупки соли по особой, пониженной цене².

Иными словами, пользуясь своей силой, граф не только захватывал на рынке соль и взимал денежные поборы, но также ввел для себя особую рыночную монополию, правда, не на продажу, а на закупку соли. Тем не менее ясно, что результат от этого не менялся: захваченная силой или купленная за бесценок соль, несомненно, продавалась либо здесь же, либо, что вероятнее, в Тулузе, где цена на нее должна была стоять еще выше, и где графская монополия могла царить безраздельно.

Мы не знаем, как выполнялись прочие обязательства, принятые графской властью по этому акту. Но нам точно известно, что на деле от денежных сборов на базьежском рынке граф не отказался. И через 80 лет, в первой четверти XII века, эти мелкие, «грошовые» поборы на соляном рынке приносили графской власти тысячи тулузских солидов³.

¹ «... si suum proprium venderent, vel de suo proprio habere compararent aliquid». — Ibid.

² «Ego Willelmus, comes Tolosanus, relinquo et laxo... Sancto Saturnino... illas medaculas quas in mercato de Vadegia miseram iniuste, et comparationem de sale, et totam forciam et tortum quod michi (sic!) homines faciebant in mercato; set mei servientes, si voluerint, comparent salem tam care ut sili homines, sine clamante». (Carl. S.-Sernin, N 138).

³ Между 1114 и 1123 годами графиня Филиппа, жена Гильема Аквитанского, узурпатора тулузского престола, за огромную сумму в 3 тысячи тулузских солидов (по ценности они вдвое превосходили мельгейские, кагорские, а также королевские турские солиды) заложила эти «грошковые сборы» (а не соляной склад, как сказано у П. Жерара (указ. соч., стр. 252), о чем источник не содержит никаких указаний) некоему Гилаберу де Лорак, вероятно всего, ростовщику. А он «по дьявольскому наущению» ввел здесь

Да и сами Караманы, «щеликом и полностью» даровавшие базьежский рынок Сен-Сернену, очевидно, тоже никогда вполне не оставляли этого источника обогащения. Во всяком случае в начале XII века зять одного из Караманов — Гильем де Базьеж, видимо, считая себя наследником их прав, собирает соляную пошлину 5 дней в неделю. Это был сеньор Базьежа¹, и позиция его была достаточно прочной. Около 1115 г. сен-серненские каноники были вынуждены пойти на дележ соляных пошлин с Гильемом де Базьеж — почти пополам².

Присвоение почти что половины соляной пошлины, взимавшейся на этом рынке³, само по себе достаточно убедительно свидетельствует, что базьежский сеньор преследовал здесь отнюдь не потребительские цели. Его активное участие в базьежской торговле подтверждается также и тем, что, подобно тому как столетием раньше Урик Аурюз, Гильем де Базьеж получил право иметь на рынке двух лиц, торговые сделки которых освобождались от всяких пошлин, — теперь они называются *excusati*⁴.

Правда, видимо, довольно скоро Сен-Сернен, в 1117 году возведенный в ранг аббатства, перешел в наступление и, как показывает соглашение 1145 года, сильно потеснил на базьежском соляном рынке самого базьежского сеньора. Его доля в соляной пошлине теперь ограничивалась весьма скромным денежным сбором и двумя мерами соли в неделю; а его право иметь особых торговых агентов, свободных от рыночных пошлин, теперь было отменено. Он был вынужден уступить каноникам на главной улице Базьежа большой участок для постройки специального дома для сбора соляной пошлины, который будет принадлежать обоим участникам соглашения. Подобным же образом в Базьеже оборудовался новый рынок, причем половину его аббатство давало Гильему, но лишь в качестве феода⁵.

Возрастание торговли солью на базьежском рынке привлекало новые феодальные элементы, стремившиеся поживиться за счет этого выгоднейшего товара. А сен-серненские каноники неукоснительно стремились вытеснить отсюда всякого возможного соперника. Так, в 1154 году Сен-Сернен добился от неких братьев де Сен-Мишель и от их племянника отказа в пользу

(в свою пользу, разумеется) еще многие новые «дурные поборы», от которых был вынужден отказаться в 1123 году, когда окончилась власть в Тулузе его аквитанских покровителей (Cart. S.-Sernin, N 5).

¹ Ibid., N 141.

² Ibid., N 136.

³ Даже в субботу — главный день соляного рынка, когда вся пошлина должна была поступать каноникам Сен-Сернена, Гильему де Базьеж предоставлялось право собрать две меры (*duas cupas*) соли (Cart. S.-Sernin, N 136).

⁴ Ibid.

⁵ Cart. S.-Sernin, N 141. Некоторую часть соляной пошлины сеньоры Базьежа присваивали еще и в 80-х гг. XII века. (См. Layettes, t. I, N 383).

аббатства от тех двенадцати мер соли, которые те ухитрялись присваивать на базьежском рынке¹.

Чтобы упрочить свои позиции в Базьеже, аббатство начало настойчиво приобретать в этом местечке дома и усадьбы с помощью дарений и путем получения феодалов. Насколько позволяют судить дошедшие до нас грамоты, инфеодация служила здесь лишь средством прикрытия покупки², которая совершалась зачастую независимо от согласия сеньюров приобретаемой собственности, что вызывало споры и тяжбы. Но Сен-Сернен весьма мало считался с этими мелкими сеньорами, как и с самими сеньорами Базьежа³.

Еще ранее, видимо уже в 20—30-х гг. XII века, аббатство сумело стать твердой ногой в Эстапе, присвоив себе верховную собственность над здешними землями и контролируя земельные сделки в этом втором ключевом пункте базьежского соляного рынка⁴.

Таким образом, из предыдущего следуют два вывода: 1) с помощью рыночных пошлин феодалы — владельцы базьежского рынка аккумулировали в своих руках значительные массы соли; 2) даже учитывая значительность внутренней потребности в соли, свойственной монастырским общинам (правда, собственное хозяйство Сен-Серненского аббатства не было велико), нельзя не видеть, что интенсивность базьежской торговли солью, значительность пошлин, так или иначе присваиваемых здесь отдельными феодалами, ожесточенность борьбы между ними за эти пошлыны и, особенно, самый характер той деятельности, которую развернул в Базьеже Сен-Сернен, — свидетельствуют о торговой направленности этой эксплуатации соляного рынка.

Но кому эта соль продавалась? Очевидно, не жителям маленького Базьежа. То обстоятельство, что торг странным образом происходил и в самом этом местечке и на всем протяжении дороги от Эстапа до Тулузы, и то, что еще Караманы всячески старались запретить, задержать продвижение соляных караванов, явно тяготевших к Тулузе, и то, что пресечение алчности Караманов (так же, как и местного сеньора Урика Аурюза)⁵, явилось делом тулузского епископа и тулузского графа — все это ясно показывает, что одним из важнейших, а затем и важнейшим, центром потребления соли в этом районе становилась

¹ Cart. S.-Sernin, N 140.

² В эту эпоху на провансальском Юге, особенно в городах и городской округе, инфеодация (как, впрочем, и дарение) была зачастую лишь формой купли-продажи. См., например, HGL, VIII, N 294; Layettes, t. I, N 119; t. II, N 1199; Cart. S.-Sernin, N 18, 168, 170. Archives dépt. H.-Garonne. Répertoire des titres... de S.-Sernin, vol. I, f. 120r.

³ Cart. S.-Sernin, N 541, 542, 540, 543, 544, 545 (1159—1166 гг.).

⁴ Cart. S.-Sernin, N 343, 314, 425, 329.

⁵ «... дабы он или его люди впредь никогда не причиняли ущерба людям, прибывающим на рынок». — Там же, N 135.

Тулуза. Базьежский рынок, по сути, оказывался, и чем дальше, тем больше, тулузским соляным рынком. Он должен был стать таковым на самом деле.

Но, как было отмечено выше, несмотря на то, что это была резиденция графов, Тулуза как «город» до начала XI века имела столь мало значения, что не была в состоянии ни защитить интересы своих жителей, как потребителей соли, ни ограничить непомерное хищничество феодальных владельцев базьежского рынка — Караманов. Напомним, что даже граф для этой цели должен был прибегнуть к содействию церковного собора.

В первые годы XI века начинает вырисовываться другая картина. За решением тулузского собора чувствуется какая-то назревшая острая потребность. Приток деревенского населения в Тулузу в эту пору только начинался и сам по себе едва ли мог вызвать столь резкое возрастание потребления соли. Но именно в это время зарождаются первые поселки ремесленников-кожевников: за стенами Ситэ, вдоль Гаронны и на острове Тунисе, а главным образом (и здесь, видимо, еще с конца X века) — севернее Ситэ, также по берегу Гаронны — поселок Кузинас.

Производственное потребление соли — вот, видимо, тот новый важнейший стимул, который резко повысил потребность Тулузы в этом продукте и заставил вырвать соляной рынок из рук деревенских сеньоров, чуждых интересам возрождавшегося города и лишавших феодалов, тесно связанных с Тулузой (в первую очередь графа и сен-серненских каноников), тех огромных выгод, которые теперь сулило им господство на возникавшем тулузском соляном рынке. Этим, очевидно, и следует объяснить экстраординарность тех мер, которые были приняты в ход против алчных Караманов.

Таким образом, хотя ведущие церковные и светские феодалы Тулузена исходили при этом из своих интересов, они, несомненно, использовали заинтересованность возникавших городских сил. Об этом, как отмечалось, свидетельствует и содержащийся в акте 1006 г. смутный намек на тех (*alii viris audientibus*), кто, хоть и не видели самого отказа (т. е. подписи) Доната Карамана от его незаконных поборов с соли, но слышали устное произнесение этого отказа, т. е. присутствовали при этом решающем акте¹. Можно сказать, что горожане уже появились, и, может быть, именно их появление, породившее новые интересы, предопределило и самую акцию, и победу графа и епископа над Караманами, опиравшимися на старинное королевское пожалование. Но пока что эти горожане едва вырисовываются, как безликая и безымянная масса, присутствующая только за сценой.

К концу столетия положение начинает меняться. Уже под грамотой об отказе тулузского графа от незаконных денежных

¹ Cart. S.-Sernin, N 137.

поборов на базьежском рынке (1083—1093), вслед за подписью епископа Изарна стоят подписи тулузцев: Рамуна Пейре, Южа Жераута, Гильема Рамуна, Гильема де Клаустре Сен-Сернен, Арнаута Рамуна де Кастельноу, Пейре Рабиа, а также несомненно двух братьев—Арнаута-Понса Сальнера и Гильема-Понса Сальнара¹. Из этих лиц только Рабиа представляет городской дворянский род, оставшийся чуждым и общественной жизни коммуны и городским источникам богатства. Пять первых фамилий в дальнейшем активнейшим образом участвовали в жизни тулузской коммуны, их представители фигурировали в числе ранних приюдомов, свидетельствовавших первые городские вольности, и затем многократно заседали в городском капитуле-консулате.

Рядом с этими именами стоят подписи двух братьев: Арнаута-Понса и Гильема-Понса, чье родовое имя, хоть оно в первом случае написано как *Salnerius*, а во втором как *Salnarius*, достаточно ясно свидетельствуют о профессиональном его происхождении. Перед нами, несомненно, два тулузских купца-солеторговца². Отсюда следует прежде всего тот вывод, что в акте отречения тулузского графа от его незаконных денежных поборов на базьежском соляном рынке участвовали непосредственно заинтересованные лица из числа тулузских солеторговцев, которые в этом вопросе держали руку Сен-Сернена.

Что касается остальных перечисленных здесь горожан, то можно лишь предполагать, что они не были безразличны к делам соляного рынка, а некоторые, возможно, имели к ним и какое-то непосредственное отношение.

Перед нами, видимо, один из самых ранних случаев, когда в важном официальном акте, связанном с делами графской власти, в качестве свидетелей выступает целый ряд горожан, впоследствии очень влиятельных в истории тулузской коммуны. Примечательно, что здесь они появляются еще за 70 лет до возникновения коммунального капитула — консулата и за 40 лет до появления первых муниципальных актов, под которыми стоят подписи *probois et hominibus*. Очевидно, еще в 80-е годы XI века, в ту пору, когда ни о какой коммунальной независимости Тулузы и речи быть не могло, и горожан, даже самых богатых, господствующие феодальные силы к важным актам просто не допускали, — уже тогда к решению вопроса о соляном рынке их нельзя было не привлечь. И если в акте 1006 г. они присутствуют безымянно и лишь в отдалении (только слышат), то здесь, наряду с «*et aliis multis*», впервые появляются лица и имена, в том числе и имена несомненных купцов-солеторговцев.

¹ Ibid., N 138.

² Ibid. Это родовое имя и позднее неоднократно встречается в муниципальной истории Тулузы. Один из Сальнеров в 1218—20 гг. был консулом (Cart. Bourg, N 65, 92, 91, 76, 77).

Это значит, что уже в XI веке, в связи с ростом городского населения и развитием ремесленного потребления соли, наряду с базьежским, возникает зависимый от него, но отдельный, собственно тулузский соляной рынок (*Salinim*), который требует для своего функционирования профессиональных купцов-посредников, и такие купцы уже имеются в Тулузе.

Это подтверждается следующими данными. Когда в начале XII века базьежский соляной рынок оказался фактически захваченным Гильемом де Базьеж, собиравшим здесь соляную пошлину пять дней в неделю, достигнутое в 1115 году между ним и Сен-Серненом соглашение вслед за епископом Амелнем, представителями Караманов и другими сеньорами этого района подписали также четверо тулузцев: Рамун и Пейре Баптизаты (братья¹), Гильем Пейре и Стефан Караборда (Караборда)². Надо полагать, что и в этом случае к косвенному участию в договоре между двумя феодалами были допущены те горожане, которые имели какое-то отношение к солеторговле и были заинтересованы в устранении с базьежского рынка нового эксплуататора, чье дополнительное обирательство удорожало соль и снижало их барыши. Караборда — влиятельнейший род тулузских патрициев, многократно заседавших в консулате. Что же касается Гильема Пейре, то он, вероятно, потомок того представителя этой фамилии, который в 80-х годах XI века первым из горожан подписал акт отказа графа Гильема IV от денежных поборов на базьежском рынке. И это повторение имен заставляет с большей уверенностью (во всяком случае в отношении рода Пейре) предположить определенную заинтересованность в делах солеторговли.

Еще любопытнее, что в соглашении 1115 года относительно базьежского рынка подписям Караборды и Пейре предшествуют подписи Рамуна и Пейре Баптизатов. В муниципальной истории Баптизаты принимали участие только на первых порах (в 20—40-е годы XII века), но нам известно, что в Тулузе они были влиятельными богатыми людьми, приобретшими затем и весьма значительные земельные владения вне города³. Об их недворянском происхождении достаточно убедительно свидетельствует их родовое прозвище-фамилия *Baptizati* — «новокрещены»⁴. Если их подписи стоят под межфеодалным актом и при этом на первом месте среди горожан, то тому, видимо, были особые причины. Не была ли торговля солью одним из главных источников обогащения и возвышения Баптизатов?⁵

¹ Cart. S.-Sernin, N 189 (1125).

² Ibid., N 136.

³ См. ниже: Тулузский патрициат XII—XIII веков.

⁴ *Baptizatus* — обычно прозвище-фамилия крещеных евреев или мусульман. (P. Lebel. Les noms de personnes en France. P., 1962, p. 96).

⁵ В 1130 г. имя Рамуна Баптизата уже фигурирует в числе членов графской городской курии (HGL, V, N 513).

Последующие данные подводят к тому же выводу. Когда через 30 лет, в 1145 году, Сен-Серненское аббатство заключило новое соглашение с сеньором Базьежа, из числа светских лиц его подписали: Бернар-Рамун Баптизат, Аземар Караборда и Бернар Баррау¹. Баррау, влиятельнейший консульский род, был и одним из наиболее богатых в Тулузе XII века. О его связи с солеторговлей у нас нет данных. Но повторение под аналогичным актом фамилии Караборда и особенно — Баптизат, причем Бернар-Рамун, судя по его имени, несомненно был сыном вышеупомянутого Рамуна Баптизата, укрепляет в только что сделанном выводе. Весьма вероятно, что эти лица участвовали в оптовой закупке и доставке соли в Тулузу.

Соль свозилась на ту площадь в Ситэ, около Нарбоннского замка, куда свозились и зерно, и лес, и строительный камень, но которая издавна носила название Соляной площади, Соляного рынка или Соляного склада — *Salinum*². На месте графских соляных складов затем был выстроен «Соляной дом». Дом этот существовал и при королевской власти: в 1288 г. тулузский сеньшал заботится о ремонте «*domo salini Tholose*»³.

Этот графский соляной склад был главным, определяющим элементом того, что именовалось Салинум — тулузским соляным рынком, и где безраздельно властвовала графская соляная монополия. Нелегко теперь восстановить механизм действия этой монополии, поскольку до 1141 года в распоряжении историка нет на этот счет почти никаких сведений⁴, хартия же 1141 года, к сожалению, отнюдь не отличается ясностью. Перечисляя (тоже без особой четкости) предоставляемые тулузским горожанам вольности, граф Альфонс-Журден при этом менее всего заботился о том, чтобы ясно обрисовать порядки, существовавшие в тулузской солеторговле до того времени, — тулузцам они и без того были достаточно известны.

Однако попытаемся выявить хотя бы общие контуры картины. Хартия 1141 года⁵ граф предоставил «всем мужчинам и

¹ Cart. S.-Sernin, N 141.

² Жюль Шаланд считает, что именно здесь, у берега Гаронны и с обеих сторон Нарбоннской дороги, возникло древнейшее ядро города. (J Chailand e. Rues, p. 225).

³ Comptes royaux, t. II, N 16863.

⁴ Около 1080 г. при основании госпиталя св. Рамуна (в Бурге) граф Гильем IV предоставил ему в качестве особой привилегии право свободной покупки соли для собственных нужд. (Cart. S.-Sernin, N 546). Очевидно, более или менее развитая графская соляная монополия в Тулузе существовала уже в XI в. Но системы ее функционирования в ту пору грамота не раскрывает.

⁵ «Item ego Hldefonsus, comes Tolose, dono et concedo et solvo hisdem hominibus et feminis suprascriptis quod habeant salem undecumque voluerint, et libere mittant ad omnem suam dispensam sine ullo usatico, excepto illo sale quod necessarium erit coriis masegadiceis albis. Et femine cuperarie que salem voluerint revendere, emant ad salinum. Et salinarii istius ville, qui attulerint salem, descargent ad salinum, et ibidem statim pagentur, et si statim non pa-

женщинам» Тулузы право покупать соль для своих потребительских нужд где угодно и при этом не платить за нее никакой пошлины. Поскольку далее говорится, что эта вольность не распространяется на ту соль, которою пользуются для своих производственных нужд кожевники-сыромятники, а также, что городские торговки, продающие соль малою мерою (чашиками) вразнос, покупают соль для перепродажи только на графском соляном складе, то следует заключить, что до 1141 года и все прочие горожане Тулузы могли покупать соль либо только на графском складе и, значит, по графской монопольной цене, либо где-то вне города, но тогда обязаны были платить какие-то пошлины (какие именно — становится ясно из дальнейшего). Правильность такого понимания подтверждается и сопоставлением этих данных с теми вольностями, которые были предоставлены ранее (в 20 или 30-х гг. XII века¹) тем же графом Альфонсом-Журденом поселенцам основанного им сальветата на южной окраине тулузского Ситэ и частично за его стенами. Им разрешалось беспошлинно провозить к себе для нужд потребления семьи по одному вьюку соли в год². Очевидно, прочие жители его столицы в то время такой вольностью не пользовались и должны были всю потребляемую соль оплачивать пошлинами. Собственно, хартия 1141 года в значительной степени и означала распространение на всех горожан (в соответствии с их требованиями) вольностей, которыми до тех пор пользовались только поселенцы тулузского сальветата, причем теперь количество соли, приобретаемой беспошлинно на потребительские нужды, не лимитировалось.

Следовательно, в Тулузе соль можно было купить только с графского соляного склада по монопольной цене или (еще дороже) у розничных торговцев-перекупщиков, приобретавших товар все там же — на графском Салине.

Кто же доставлял соль в город? О том, что «готы» со своими навьюченными солью мулами тянулись к Тулузе, а Караманы всячески их задерживали, мы видели из рассмотренных сенсерменских грамот. Но графская хартия 1141 года, как впрочем и другие тулузские документы, не упоминает их ни одним словом. Мы не знаем, был ли въезд в город для них закрыт (что весьма вероятно в видах графской монополии) или же их останавливали графские пошлины, но история не оставила никаких следов их присутствия в городе. Зато взимание (или отмена)

gantur, dent II denarios porte et II denarios ad salinum, et extra villam istam vendant ubi voluerint. Homines autem istius ville vel femine, si voluerint adunare salem ad vendendum, dent de quaque saumata II denarios ad portam et II denarios ad salinum, et si in hac villa illum vendere voluerint, dent de quaque saumata I mesalam, et si extra istam villam vendere voluerint, nichil dent». (Cart. Bourg, N 1).

¹ E. Roschach. Note sur la commune de Toulouse. — HGL, VII, p. 216.

² Cart. Bourg, N 11.

пошлин с каждого выюка соли, купленного и ввезенного торожанином, позволяет думать, что такие покупки делались где-то под стенами города и, по всей видимости, у тех же «готов», по с последующей уплатой пошлин.

Однако количество соли, ввозившейся в город в результате таких сравнительно мелких покупок на личные нужды, не могло быть велико, да и привозилась эта соль на дворы отдельных жителей. Кто же доставлял соль на склады графской монополии? Видимо, те «салинарии этого города, которые доставляют соль» и о которых особо говорится в источнике. Где бы они ни намеревались продать свой товар, они не могли миновать Тулузы: они обязаны были ввезти соль в город, разгрузить ее на Соляной площади, у графских складов. При этом им незамедлительно должно быть уплачено за привезенный товар. Если же оплата не будет произведена немедленно, они могут везти свою соль из города и продавать ее, где пожелают, но только уплатив предварительно с каждого выюка 4 денария пошлины (2 денария — «в воротах» и 2 — у складов)¹.

Поскольку далее речь идет о «мужчинах или женщинах этого города», которые пожелают заняться скупкой и перепродажей соли в городе, а из предыдущего мы видели, что такая торговля до хартии 1141 года не допускалась (ведь только теперь горожане получали право закупать для себя продовольственную соль беспошлинно и где угодно, а не только у графа), то мы едва ли ошибемся, если заключим, что до этой даты, помимо индивидуальных закупок для личных нужд, только «салинарии» имели право привозить в Тулузу соль. По всей видимости, это были профессиональные купцы-солеторговцы, которым граф давал особую лицензию на оптовую закупку соли (в Базьеже или у «готов», на пути в Тулузу) и на торговлю ею в Тулузене². Но, прежде чем везти соль куда бы то ни было, они были обязаны привезти ее в Тулузу и разгрузить у графских складов. При этом они пользовались «привилегией» (по сравнению с рядовыми горожанами) — они не платили пошлин ни в воротах города, ни на Салине. Но продать свой товар в Тулузе они могли только графу: хартия 1141 года предоставляет им только две возможности — либо продать соль графу, либо уплатить пошлины и везти соль за пределы города.

Мы не знаем, существовала ли какая-то такса, но не может быть сомнения: в условиях такой всепоглощающей монополии не могло быть и речи о свободной игре рыночных сил, о сколь-

¹ В Провансе соляная монополия на сеньориальных мытных функционировала подобным же образом. (J. de Romefort, p. 175).

² Как купцы-оптовики, *salinarii*, очевидно, подобны тем крупным тулузским виноторговцам, которые скупали вино в деревне и привозили его в Тулузу и о которых говорится несколько выше в той же хартии («... *vinatarii istius ville, qui foris ibunt emere vinum et in hac villam revendere portaverint...*» — Cart. Bourg, N 1).

ко-то свободном складывании цены на данный товар. Пользуясь своим складочным правом, граф имел множество способов для оказания давления на солеторговцев. Как явствует из текста хартии, наиболее ходовым приемом было задержание оплаты привезенного товара, без одновременного разрешения на вывоз соли из города, что ставило купцов в крайне затруднительное положение (соль спружена, животные не кормлены, перспективы сделки неясны, а время дня уже, может быть, препятствует выезду из города) и вынуждало их отдавать графу соль по самой низкой цене.

Теперь (1141 год) граф обязывался либо незамедлительно оплачивать привезенную соль, либо разрешать вывоз ее из города, но уже под условием уплаты все тех же неперменных пошлин — по 4 денария с выюка. Понятно, что назначение этих пошлин не ограничивалось чисто фискальными целями. Как и графское складочное право, они были призваны сделать солеторговцев более уступчивыми в цене. Но и после уплаты этих пошлин солеторговцы не получали права продавать соль в городе — они могли лишь взять свой товар в любое другое место. Иными словами, и в этом случае в самой Тулузе графская монополия оставалась нерушимой.

Правда, в этом отношении хартия 1141 года содержала одно важное нововведение: она предоставляла право закупки соли для перепродажи, помимо особых солеторговцев, также любому жителю Тулузы — «мужчинам или женщинам этого города». Значение Тулузы как важнейшего в этом районе центра потребления и транзита соли в первой половине XII века настолько возросло, что в торговлю этим товаром, помимо особых салинариев, настойчиво стремились включиться и другие горожане Тулузы, а графская власть не могла долее этому препятствовать и была вынуждена и в этом пункте несколько ослабить строгость своей соляной монополии. В хартии не сказано, должны ли и эти купцы, подобно профессиональным солеторговцам, спружать соль у графских складов, но, если они желают продать свой товар в другом месте, они тоже обязаны уплатить все те же пошлины — 4 денария с выюка. Иными словами, и они подлежали действию графского складочного права: куда бы они ни пожелали везти соль для продажи, они были обязаны прежде ввезти ее в Тулузу и уплатить соответствующие пошлины графу. Могут они продать ее и в Тулузе, но тогда они должны уплатить с каждого выюка еще 1 обол (полденье). Таким образом, внешняя графская монополия как будто нарушалась, но 4,5 денария обязательной пошлины делали соль, продаваемую горожанами, фактически неконкурентоспособной. В итоге горожане если и получали доступ на городской соляной рынок в качестве продавцов, то, по всей видимости, лишь как розничные торговцы. Благодаря складочному праву и системе пошлин граф по-прежнему

сохранял внеконкурентное, монопольное положение на тулузском соляном рынке.

Таким образом, то, что происходило на Соляной площади в Ситэ, по соседству с графским Нарбоннским замком, лишь весьма условно может быть названо рынком, торгом. Менее всего это был пункт свободного обмена товаров, но более всего — поприще реализации всеобъемлющей сеньориальной монополии графа.

Важнейшей основой этой монополии было складочное право, которое с самого начала резко ограничивало свободу деятельности купцов-солеторговцев в распоряжении и маневрировании своим товаром, ставило их в невыгодные условия в отношении графского фиска, как скупщика соли, и в сущности предопределяло присвоение графом ввезенного продукта на условиях, наименее выгодных для его продавцов. Еще стеснительнее было монопольное право графа на закупку соли в городе у купцов-оптовиков, лишавшее их свободы выбора контрагентов торговых сделок и свободы определения цены на соль в соответствии с рыночной конъюнктурой. Хартия 1141 года лишь слегка смягчила эти стеснения.

И, наконец, пошлины — ввозные и рыночные (точнее, таможенные). Они не только позволяли графу извлекать из карманов солеторговцев значительные денежные суммы, но одновременно служили надежным средством принуждения тех же купцов к продаже графу ввезенной соли по самой низкой цене: нужно было закупить соль за гроши, иметь надежную связь с внетулузскими соляными рынками и уверенность в возможности выгодной продажи где-то в другом месте, чтобы, уплатив не одну пошлину продуктом и деньгами в Базьеже, на пути к Тулузе и, наконец, дважды в самом городе, решиться снова прозвизгивать на мулов уже сгруженную под графские навесы соль и везти ее еще куда-то, где несомненно предстояло платить новые пошлины. Только рассчитывая в другом месте продать соль втридорога, купцы могли идти на такой риск. Едва ли на это решались многие. И потому граф мог разрешить купцам-непрофессионалам беспошлинный вывоз соли из города: в накладе он все равно не оставался, ведь 4 денария с व्यюка они уплачивали при вывозе товара.

Таким образом, хотя формально установленной таксы, видимо, не существовало, складочная и закупочная монополии, а также система пошлин фактически обеспечивали графу возможность скупать до 1141 года почти всю, а затем — большую часть доставляемой в Тулузу соли по монопольно-низкой цене.

Но это — только первая половина графской соляной монополии. Ведь совершенно ясно, что монополия служила не целям соляного обеспечения графского стола. О том, что граф скупал соль для перепродажи, свидетельствует не только очевидная

значительность массы аккумулируемого им таким образом продукта. Как мы видели, до 1141 года даже для своих продовольственных нужд (если они не хотели платить пошлин) горожане могли покупать соль только у графа. Но и после сделанной уступки как розничные торговки, так и ремесленники-кожевники до-прежнему не имели права покупать соль где бы то ни было, кроме графского склада.

Иными словами, граф обладал не только монопольным правом закупки соли, но, что еще важнее, монопольным правом ее продажи. Если до 1141 года эта монополия была безраздельной, то и после этой даты монополия по-прежнему налично, хотя и в несколько ограниченной форме. У нас нет данных о цене, по которой граф продавал свою соль. Но несомненно—это была монопольная цена. О крайней дороговизне графской соли свидетельствует то обстоятельство, что предоставление свободы покупать соль для потребления «где угодно» (то есть не у графа) было одним из самых первых и настоячивых требований тулузцев, едва только их городская коммуна начала выходить из небытия. Вряд ли графская соль существенно подешевела и после 1141 года: высокие пошлины для рядовых перекупщиков делали маловероятной угрозу появления на городском рынке более дешевой соли.

Не удивительно, что, принужденные несколько уступить в этом пункте, графы и далее сохраняли и продолжали упорно отстаивать свою соляную монополию. Даже в 1219 году, в обстановке победы восстания тулузцев против Монфора, вынужденный даровать горожанам освобождение от всех торговых и провозных пошлин на его территории граф Раймунд VI решительно удерживал свои сеньориальные монополии, и прежде всего—соляную монополию¹.

Как же следует оценить объективную роль графской монополии в развитии тулузского соляного рынка? Надо полагать, что в какой-то мере, особенно на первых порах, графское складочное право способствовало стягиванию в Тулузу значительных масс соли, что было важно как для удовлетворения потребительских нужд растущего городского населения, так и для развития поднимавшегося кожевенного производства. Графы присваивали львиную долю этой соли и затем продавали ее, причем продавали, очевидно, весьма выгодно. Но было бы поспешно на этом основании делать вывод, что графы были наиболее

¹ «... dominium salini.. Tolose urbis et suburbii.. retinemus, sicut habere et accipere solemus...». (Cart. Cité, N 76). Позднее она перешла к французским королям, которые присваивали и доходы от тулузского Салина (см. Comptes royaux, t. I, N 9110, 10136; t. II, N 16835, 16838; t. III, N 28291). Не менее упорно тулузские графы держались за свою соляную монополию и в Ажене, смягчения которой добивались горожане. Впоследствии Альфонс Пуатье выгодно продавал облегчение этой монополии Ажену и другим городам. (Corr. Alfonse de Poitiers, t. II, N 1330, 1545).

активными участниками соляной торговли в Тулузе, так сказать, первыми купцами-солеторговцами города. Участие в торговле проявлялось здесь в формах столь специфических, что лишь с большими оговорками может рассматриваться как вовлечение в стихию рыночных отношений. По сути дела здесь перед нами существенно иное явление.

В самом деле, в отличие от купцов, граф не скупал продукта у производителей и не способствовал его превращению в товар. Не доставлял он его и малою мерою мелким потребителям — жителям Тулузы. Зато своими монопольными ценами он тормозил снабжение солью растущего кожевенного производства, предъявлявшего все больший спрос на этот продукт, удорожал это производство. Монопольная торговля графа не выполняла и той роли, какую обычно выполнял купеческий капитал, выбирая на рынок большие массы продукта, что должно было активизировать товарное обращение, полнее развязать процесс ценообразования в соответствии с динамикой спроса и предложения. Напротив, графская монополия сковывала все эти процессы. Втягивание феодального сеньора в торговлю в этих условиях вело не к активизации, а к одерживанию, торможению развития товарно-денежных отношений.

«Соляной рынок» (вернее — соляная таможня¹) в Ситэ был сеньориальной собственностью графа, и потому он не столько участвовал в торговле, сколько эксплуатировал ее — как посредством пошлин, так, и прежде всего, посредством своей торговой монополии, которую эти же пошлины обслуживали. Обеспечив себе монопольно низкие покупные цены, он, в силу монополии продажи (хотя и ограниченной с 1141 года), и с помощью пошлин (каковые были обязаны платить все продавцы соли, кроме графа) гарантировал себе фактически и монопольно высокие продажные цены. Розничные торговцы и перекупщики оставались также почти полностью в его руках.

Единственная сфера, которую граф, казалось бы, оставлял свободной, была торговля вне города. Здесь не было дополнительной пошлины за перепродажу и здесь можно было продавать соль где угодно. Но опять-таки после уплаты непременных двух денег в воротах города и двух денег *ad salinum*. Иными словами, участвовал ли граф во внегородской торговле солью или не участвовал, он ее эксплуатировал и в значительной мере контролировал ее цены с помощью все тех же пошлин, с помощью своего складочного права.

Разумеется, в итоге, через посредство эксплуатируемых с помощью сеньориальной монополии купцов — от крупных оптови-

¹ Ж. де Ромфор считает даже возможным истолковывать принятый в Лангедоке термин *salinum* подобно провансскому термину *salnaria* просто как обозначение феодальной соляной пошлины или монополии (J. de Romefort, p. 174).

ков до мелких розничных торговых, граф усиливал чисто торговую, свойственную купеческому капиталу (через цены) эксплуатацию и производителей-солеваров, и потребителей соли (что касается важнейшей статьи — промышленного потребления соли, то тулузских кожевников граф с помощью своей торговой монополии эксплуатировал непосредственно). Но при этом сеньор-граф выступал как некий «сверхэксплуататор» и, что существенно отметить, эта «сверхэксплуатация» была внетоварной, и в этом смысле феодальной по своей природе.

Таким образом, становление и развитие Тулузы как крупного центра продовольственного и особенно производственного потребления соли, а также как важнейшего в этом районе транзитного центра, совершалось в остром противоречии с графской сеньориальной монополией и сеньориальными методами его торговли, тормозившими и деформировавшими это развитие. Факты убеждают, что в развитии соляного рынка в Тулузе графская сеньориальная торговля (и графская соляная монополия — одно от другого неотделимо) была фактором по преимуществу отрицательным. Так, очевидно, следует расценить ее значение и в объективном ходе экономического развития города в целом.

Графская сеньориальная торговая монополия была формой приложения и приспособления методов и приемов, выработанных натурально-хозяйственным в своей основе феодальным помещьем, к системе городского товарного обращения, в данном случае — к соляному рынку. И потому вопиющее противоречие между ними было неизбежно. Пример соляной монополии тулузского графа убеждает, что сеньориальная торговля отнюдь не всегда была позитивным фактором развития товарно-денежных отношений. Нередко она существенно тормозила развитие товарного обращения.

Графская соляная монополия не ограничивалась территорией Соляного рынка или пределами Ситэ. Она простиралась и на Бург. Рано возникшее здесь кожевенное производство предъявляло постоянный спрос на соль и должно было рано вызвать к жизни свой, местный соляной рынок. Во всяком случае уже в XI веке графы собирают здесь соляную пошлину¹. Правда, здесь им пришлось делить свои соляные доходы с другим феодальным сеньором — тулузским епископом². В 70-е годы XI века, в связи с клонийской реформой, могущественные церковные корпорации Тулузы сумели отнять у обоих этих сеньоров половину их соляных доходов в Бурге: граф пожаловал ее Сен-Сернени, а епископ — реформированному капитулу кафедрального собора Сент-Этьена в Ситэ³.

Пошлина собиралась в натуре и, очевидно, приносила ее вла-

¹ HGL, V, N 235, 546.

² Ibid., V, N 268.

³ «... salis nri medietatem quod accipio et habere videor de Sancti Saturnini burgo». — Ibid., ibid.

дельцам немалые количества соли, если, как писал в своей грамоте епископ Изарн, половину той соли, которую он получают и имеет впредь получать с Бурга, он жалует каноникам Сент-Этьена «на пропитание»¹. Возможно, что часть этой соли потреблялась канониками в натуральном виде. Но целям их «пропитания» она могла служить также будучи проданной на рынке. Весьма вероятно, что епископ подарил кофедральному капитулу источник дохода и что епископ, а затем и капитул, продавали эту соль — быть может на том же рынке в Бурге.

В качестве могущественных князей на обширной территории провансальского Юга тулузские графы находили способы присваивать соль не только в самой Тулузе. Так, из дарственной грамоты 1174 года мы узнаем, что Раймунду V, как графу мельгейскому, поступает четвертая часть всей соли, добываемой на солеварнях Магелона, а также все пошлины с этих солеварен². Несомненно, получаемое таким образом огромное количество соли граф сбывал на рынке, вероятнее всего — на емком рынке соседнего Монпелье.

В роли продавцов соли выступали и другие феодалы, которым удавалось получить в свои руки соляные рынки или пошлины. Отсюда постоянные столкновения между ними вокруг соли. Если в Магелоне феодальный сеньор присваивал безвозмездно четвертую часть соли, то в Нарбонне ему принадлежала треть продукта солеварен. В 1112 году, заключив соглашение с виконтом Аймери, нарбоннский архиепископ Ришар добился уступки ему половины этой львиной доли сеньора³. На богатейших солеварнях Нарбонны эта половина одной третьей продукта должна была выражаться в огромных количествах соли, несомненно предназначавшихся для продажи. И в XIII веке между феодалами, особенно между церковными учреждениями, Нарбонны и прилегающего района шла ожесточенная борьба за солеварни, соляные пошлины и десятины⁴.

Торговля солью была надежным источником дохода, если в 1224 году кардонский виконт, желая помочь отстроить церковь аббатства Лаграсс (близ Каркассона), разрешил аббату взять на солеварне Кардоны (в Каталонии) в два приема 100 вьюков соли, освободив провоз их в своем виконтстве от каких-либо пошлин⁵.

Но участие феодалов в торговле солью повсюду было сопряжено если не с монополией, то с исключительными привилегиями. Если феодальные сеньоры не обладали такими «публично-правовыми» прерогативами, как владыки Тулузского графства, не владели собственными соляными рынками или пошлинами,—ни-

¹ Ibid., V, N 268.

² Catalogue des actes de Raimond V, comte de Toulouse, N 69.

³ HGL, V, 445; N 461.

⁴ Catalogue des actes de l'église de Narbonne. (HGL, V), N 364.

⁵ Catalogue des actes de l'abbaye de la Grasse. (HGL, V), N 125.

где в торговле солью они не выступали в качестве простых товаровладельцев, равноправных с горожанами контрагентов. Там, где они не могут диктовать монопольных продажных цен, они гарантируют себе повышенные доходы и оттеснение конкурентов-купцов с помощью особых привилегий и изъятий, позволяющих им присваивать соль бесплатно в местах ее производства и перевозить, минуя неизбежную для всех прочих товаровладельцев густую сеть сеньориальных провозных пошлин. В первую очередь это относится к влиятельным монастырским общинам.

Упорную борьбу за соль и за привилегированные условия торговли ею с XII века (преимущественно со второй его половины) развернули цистерцианские монастыри. Особенную настойчивость в этом отношении проявило аббатство Грансельв (в левобережья Гаронны, между Тулузой и Муассаком), вообще отличавшееся неукротимой энергией в своей хозяйственной деятельности.

В 1151 году аббатство выговорило у нарбоннской виконтессы Эрменгарды право ежегодно получать на ее солеварнях по 10 выюков соли¹. Возможно, что эта соль предназначалась для удовлетворения потребительских нужд аббатства. Но вот в 1181 году монахи Грансельв добиваются у тулузского графа Раймунда V права получать в Ажене, без каких-либо поборов и пошлин, столько соли, сколько они пожелают². При всей значительности внутренних потребностей в соли обширного монастырского хозяйства Грансельв такая погоня за солью в неограниченных количествах, особенно в сопоставлении с другими аналогичными данными, едва ли может оставить сомнения в торговой направленности «соляной политики» этого самого предприимчивого аббатства Тулузена. А в 1195 году тот же монастырь получает от тулузского графа право беспошлинного провоза по Гаронне соли, вывезенной с соляных таможен-складов Ажена и Марманды³. Примечательно, что Аженэ только в 1194 г. было вновь приобретено тулузским графом у английского короля Ричарда Львиное Сердце, и аббатство Грансельв тут же устремилось к аженской соли⁴.

¹ Catalogue des actes de l'abbaye de Grandselve. (HGL, VIII), N 31. От Грансельв до Нарбонны — свыше 180 км.

² Ibid., N 582.

³ Ibid., N 730.

⁴ Со второй половины XII в. судоходство по Гаронне (на большие расстояния) становится более интенсивным, на Верхнюю Гаронну начинает доставляться соль из Бордо, и Ажен становится важнейшим перевалочным пунктом для этого товара. (См. Ch. Niquet. Bordeaux, p. 269). Здесь возникла крупнейшая соляная мытня, которая приносила огромные доходы как тулузским графам (Enquêtes administratives d'Alfonse de Poitiers, p. CV, n. I, N 128, § 175—176; N 131), так и английским королям. (Gascon Rolls, N 91, 153, 154, 510—512, 698, 886, 887, 927, 1397, 1410, 1557, 1752, 1811).

Скоро предприимчивое аббатство пустило глубокие корни в этом районе и вывозило отсюда соль в весьма больших количествах. В 1224 г. мэр и городской совет Ажепа уступили ему (лишь за небольшой чини) 16 стадий, т. е. свыше 2,5 км, берега Гаронны, видимо, для устройства причалов и складов¹.

Более того, еще в 90-е годы XII века Грансельв в погоне за солью проникает и в английские владения в Аквитании. Еще у того же короля Ричарда аббатство выговаривает право получения в Бордо (видимо, бесплатно, в качестве дара) трех модиев соли ежегодно и свободного провоза их на барках по Гаронне. Затем монахи добиваются подтверждения полученных привилегий королевой Элеонорой, затем и Иоанном Безземельным, как только он вступил на престол, а позднее, в XIII веке, закрепляют их у последующих английских королей и у архиепископа ошского. Правда, беспошлинный провоз соли по Гаронне при этом ограничивается только одним судном, остальные барки должны были платить по 16 су с каждой, но по-прежнему ежегодно в мае монахи Грансельв отправлялись в Бордо и вывозили оттуда 3 модия соли². Если принимать модий (мюид) соли по минимальному счету равным 12 сетье, и каждый сетье по 200 кг (8 четвериков), то три мюида, очевидно, составляли не менее 7 200 кг. Такие количества соли могли предназначаться только для продажи.

Можно представить себе, как дорого продавалась соль и какие выгоды извлекали из торговли ею грансельвские монахи, если ни затраты на перевозку на столь большое расстояние (около 250 км), при этом вверх по реке, ни даже частичная уплата пошлин не останавливали предприимчивое аббатство в погоне за бордоскою солью. И в каком невыгодном положении рядом с этими феодальными коммерсантами оказывались солеторговцы-горожане, не имевшие никаких привилегий.

Не довольствуясь солью, дарованной английскими королями, аббатство Грансельв уже в 1218 году добивается получения некоторого количества соли у сеньоров Лескарр, близ Бордо, а в 1274 году превращает единовременный дар в регулярно получаемый модий совершенно бесплатной и беспошлинной соли³.

Не только в приобретении и провозе, но и в продаже соли церковная корпорация оказывалась поставленной в особо благоприятные условия. В 1215 году от виконта Ламаньского аббатство Грансельв получило право беспошлинного доступа в порт Овиллар, близ Муассака⁴. Видимо, в этом районе, на среднем плесе Гаронны в пределах Тулузена, аббатство реализовало ту соль, которую почти даром вывозило из Аквитании.

¹ Ibid., N 779.

² Ibid., N 742, 743, 762, 771, 799, 804, 805, 807.

³ Catalogue de Grandselve, N 775, 781.

⁴ Ibid., N 769, 770, 883.

В конце XII века доступа к бордоской соли добывается также другое цистерцианское аббатство—Бельперш (ниже по Гаронне, близ Кастельсарразена), в 1189 году получившее от Ричарда Львиное Сердце право беспошлинного вывоза двух бордоских модиев соли ежегодно¹.

В погоню за солью в эту пору включаются даже монастыри, стоящие в стороне от больших водных путей. Любопытны в этом отношении сведения об активной предпринимательской деятельности цистерцианского Далонского аббатства, сообщаемые Л. Грийоном². Расположенное близ Отфора, в Перигоре, это аббатство около середины XII века приобрело в приморском районе Сентонжа, близ Маренна (по прямой линии от аббатства—180 км), соляные озера, где основало приорство Туш, предназначенное специально для добычи, вывоза, доставки и продажи соли. Уже в 1159 году аббатство выговорило у Генриха Плантагенета освобождение вывозимой отсюда соли от пеажей (провозных пошлин) на всей его территории во Франции, что было подтверждено и последующими английскими королями. Вслед за ними аналогичной привилегии монахи добились и от многих сеньоров этого района. Более того, аббатство не желало платить со своей соли и церковной десятины, из-за чего вело длительную тяжбу в различных инстанциях вплоть до папского престола. А к тому же Тушское приорство добилось от соседних сеньоров благочестивых дарений в форме права регулярного получения значительных количеств соли из продукта их солеварен.

Надо полагать, что какое-то количество из всей этой соли доставлялось в Далон на продовольственные нужды аббатства, но что главной задачей была торговля солью—не подлежит никакому сомнению. Еще Элеонора Аквитанская в своей привилегии писала, что дарует аббатству «*immunitatem banni vendendi sal suum*». Эту же формулу повторяет диплом короля Ричарда³. Как о том свидетельствуют сеньориальные вольности, освобождавшие соль Далонского аббатства от соляного пеажа по пути ее следования, соль эта из Сентонжа вывозилась в Ангулем и район Лиможа для продажи⁴.

Времена изменились. Если еще в начале XI века, как мы видели на примере Тулузы, только-только поднимавшийся город должен был терпеть безраздельное господство на соляном рынке местных деревенских сеньоров, как-то приспособливаться к нему и лишь пытаться (за спиною могущественного сеньора города) перетянуть соляную торговлю к себе, то затем именно горо-

¹ Le Livre d'Agenais; publ. par G. P. Cuttino. Toulouse, 1956, N 18.

² L. Grillon. Le prieuré des Touches et l'exploitation du sel par l'abbaye de Dalon. — AM, 1963; p. 311—319.

³ Ibid., p. 318.

⁴ Ibid., p. 317—319.

становится средоточием главного соляного рынка и теперь к нему тянутся и приспосабливаются сеньориальные силы. Торговля солью делается выгоднейшим и, главное, надежнейшим источником дохода. Именно торговля становится главным стимулом присвоения соли светскими сеньорами и, особенно, предприимчивыми монастырями.

Но при этом важнейшим орудием этого присвоения и формой участия феодалов в торговле солью служила сеньориальная монополия, которая резко ограничивала возможности деятельности купеческого капитала, сдерживала свободное циркулирование продукта, деформировала действие закона стоимости, процесс ценообразования и развитие товарно-денежных отношений в целом. Эта монополия по сути дела была лишь проявлением в сфере рыночных отношений и формой приспособления к этой новой сфере — монополии политической власти феодального класса, опиравшейся на монополию феодального землевладения. Там, где сеньоры не обладали рыночной монополией, они, тем не менее, нигде не выступали как равноправные с горожанами товаровладельцы, и система присвоенных ими привилегий и изъятий в приобретении, перевозке и продаже соли действовала в том же направлении.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РАЗВИТИЕ РЕМЕСЛА

НАЧАЛО ТУЛУЗСКОГО РЕМЕСЛА

Выше мы рассмотрели некоторые стороны процесса складывания городского рынка в Тулузе. [Роль торговли продуктами сельского хозяйства в создании предпосылок городского развития представляется в высшей степени существенной. Но была ли эта торговля фактором, достаточным для складывания города как устойчивого экономического центра, противостоящего сельскохозяйственной периферии? Обмен между различными отраслями (и зонами) сельскохозяйственного производства был очень важен для предшествующего периода. Но с началом обособления промышленного труда в качестве самостоятельной экономической сферы прочными очагами товарного обращения могли стать лишь центры ремесленного производства. Только сосредоточение ремесла превращало пункты сельскохозяйственного обмена в города.]

Одним из новейших исследователей истории средневековых городов французского Юга Жерар Сотель полагает, что определяющим фактором возрождения этих городов было развитие торговли. Оно захватило сначала близкий к Италии Прованс, а затем — более далекий Лангедок. В этом он ищет объяснения несомненному для него отставанию городов Лангедока от городов Прованса. А этот факт, в свою очередь, должен служить допол-

нительным доказательством решающей роли торговли в возрождении средневековых городов¹.

Очевидно, что в этих построениях главным критерием является степень развития внешней торговли, как определяющей силы подъема и развития средневекового города. Но тогда основной тезис вообще утрачивает силу в отношении городов Лангедока, особенно таких, как Тулуза, чья связь с Италией была ничтожной и во всяком случае возникла поздно и где внешняя торговля вообще была фактором сугубо второстепенным. Если даже допустить, что вывод о более раннем развитии средневековых городов к востоку от Роны обоснован (хотя он не может не вызвать сомнения: собственно городское развитие и Арля и, тем более, Марселя, как и развитие Тулузы или Монпелье, разворачивается только с XI века²), то не убеждает ли он еще более в местных, внутренних истоках подъема лангедокских городов?

[По мнению Ж. Сотея, в то время как для городов французского Севера типично промышленное развитие, на Юге в раннем городе оно еще не проявилось сколько-то заметно. Здесь в эту пору можно обнаружить только некоторые, очень скромные очаги мелкого, семейного ремесла.] Такими рисуются ему в Тулузе мукомольное дело и обработка кожи³. Как покажет дальнейшее рассмотрение, кожевенное производство — одно из коренных и наиболее рано развившихся тулузских ремесел — уже в самый ранний период стало важным экономическим явлением и очень существенным фактором городского развития Тулузы. Что же касается мукомольного промысла, то, возникнув, видимо, еще в XI веке, он уже к концу XII столетия достиг в Тулузе такого развития, вылился в такие формы, какие делают его явлением в своем роде исключительным не только для южнофранцузских городов средневековья (см. ниже).

[И все-таки, действительно, когда мы обращаемся к ранней истории городов Юга, на авансцене их экономической и, тем более, социальной жизни мы видим, как правило, не ремесло и не ремесленников. Но происходило это не в силу незначительности местного ремесла и его градообразующей роли, но прежде всего потому, что ремесленное развитие началось в этих городах на фоне уже более или менее сложившихся рыночных центров — очагов местного и регионального обмена сельскохозяйственных продуктов. Не забудем также, что, в отличие от городов Севера, провансальские города принесли в новую эпоху унаследованные от античности и пронесенные через раннее средневековье весьма выразительные черты землевладельческих поселений.] Значение этой, так сказать, исторической инерции (не пассивной, а активно

¹ G. Sautel, p. 325—326. В этих своих заключениях Ж. Сотель опирается на выводы А. Дюпона. (A. Dupont. Relations commerciales, p. 45).

² P. A. Février, p. 102, 213.

³ G. Sautel. Loc. cit.

взаимодействовавшей с новой экономической действительностью) никак не следует преуменьшать. Городское землевладение здесь было старше средневекового города, оно смогло приспособиться к городскому развитию и долго удерживало в нем командные позиции. И экономически и социально этот «фон» основательно заслонял новые экономические силы и явления¹. По всей видимости, именно в этих обстоятельствах, а не в незначительности ремесла, следует искать объяснения специфики городского развития на Юге.

Тулуза была крупным центром кожевенного производства. Ее кожи высшего качества (кордуаны) с начала XIII века славились на Шампанских ярмарках. Здесь они были одним из важнейших товаров, привозимых тулузскими купцами². При этом они успешно выдерживали конкуренцию с широко ввозившимися в Шампань кордуанами Монпелье, Марселя, Лиможа³.

Кожевенным сырьем Тулуза была обеспечена в избытке. Его поставляли прилегающие скотоводческие и земледельско-животноводческие районы Гаскони, Комменжа, Лоранж, Альбижуа. Так, например, в 1205 году среди товаров, шедших в город с севера (со средней Гаронны и нижнего Тарна) и облагаемых пошлиной на мытных заставах Сеп-Жори, фигурируют стада овец и коз, необработанные шкуры и выделанные овчины⁴.

Обработка кожи была одним из самых старинных тулузских ремесел. Еще в 1067 году граф Гильем IV, жалую муассакскому аббатству аллод и селение Кюизин (Кузинас), освободил проживавших здесь ремесленников от пошлины с кож⁵. Очевидно, кожевники поселились здесь (у берега Гаронны) достаточно дав-

¹ Этим здесь в немалой степени усугубляются те трудности выявления ремесленного развития (особенно его начального этапа), с которыми повсюду сталкивается историк раннего города. В этой «области писаного права» источники очень долго фиксируют только сделки с землей. Даже другие объекты недвижимости в XII веке зачастую отчуждаются посредством одного лишь устного соглашения. Так, в 1139 году граф Альфонс-Журден передал (очевидно, продал) некоему Пейре Монетчику несколько мельниц близ Нарбонны с правом продажи «устно или письменно» (HGL, V, N 543 I), а в 1158 году с подобным же правом отчуждения «*per verbum vel per scriptum*» отдаются в залог пошлины и баналитетные поборы в Безье (ibid., N 623). Сделки же с движимым имуществом — с товарами и деньгами — вплоть до конца интересующего нас периода, как правило, вовсе не достигают пергамента. То же относится (и это особенно важно отметить) почти ко всем внутримесленным отношениям, кроме издаваемых консулатами статуты. Что же касается ранних явлений развития ремесла, то здесь крупный недостаток сведений удается извлечь главным образом лишь постольку, поскольку они почему-либо оказались вкраплены в феодальные акты передачи земельной собственности или дарования каких-то привилегий. Естественно, что они не могут дать полного представления о действительном развитии ремесла в эту пору.

² F. Bourquelot. Etudes sur les foires de Champagne, t. I, p. 157.

³ Ibid., p. 153—155.

⁴ Cart. Bourg, N 26.

⁵ HGL, V, N 277.

но, чтобы графская (специально кожевенная) пошла как систематический набор смогла их здесь наститнуть, и достаточно компактно, чтобы такое освобождение имело реальное значение для Муассака. А ведь графский диплом предусматривал освобождение этих ремесленников также от обязанностей пользоваться графской печью и участвовать в графском ополчении. Видимо, муассакские монахи (наперекор соседним, Сен-Серненским каноникам) не напрасно домогались этого дара: они имели достаточно оснований рассчитывать, что, избавившись от графских поборов, смогут извлечь из этого ремесленного поселка немалые доходы.

Поселок Кюизин, явившийся, как мы видели, одним из первоначальных ядер, вокруг которых затем сложился тулузский Бург, возник никак не позднее начала XI, а быть может еще в конце X века. Для сосредоточения кожевенного ремесла трудно было бы найти место более подходящее. Рядом — воды Гаронны, необходимые для обработки кожи. Здесь же реку пересекал брод (позднее мост) Базакль, по которому из обильной скотом Аквитании к стенам города притонялись стада лошадей, крупного рогатого скота, овец и коз, а также привозились необработанные шкуры животных. По соседству, чуть поодаль к востоку, здесь же за северной стеной города — рынок де Тауре, где, видимо, и происходила торговля скотом, мясом и другими продуктами животноводства, а также готовыми изделиями кожевенного ремесла. Таким образом, поселок кожевников возник в пункте сосредоточения сельскохозяйственных (животноводческих) продуктов и превращал его в рынок обмена сырья с продуктами ремесленного труда.

Но поселок Кюизин не был единственным центром кожевенного производства в Тулузе. Для обработки кожи (голение, дубление, отбеливание и т. д.) особенно благоприятные условия предоставлял остров Тунис, на Гаронне, у юго-восточного угла Ситэ, отделенный от города неширокой протокой. В верхней части острова очень рано возникли мельницы, а в нижней, северной части, рано поселились кожевники и возникли мастерские дубильщиков, сыромятников, чье производство, известное дурным запахом, здесь менее докучало жителям города¹. Это была зона непосредственной власти графа как земельного собственника, и, видимо, сюда в значительной мере графы направили поток сельских переселенцев, который с юго-востока, из Люрагэ, а также с юга — из бассейна Арьежа и с холмов Комменжа, в начале XII века стекался к южной окраине Тулузы и теснился у Нарбоннских ворот, рядом с Нарбоннским замком, резиденцией графов².

Несомненно, кожевники и сапожники были и в числе поселенцев тех сальветатов, которые возникли на южной окраине и за

¹ D. Faucher, p. 88; P. Souyri, p. 8.

² См. HGL, V, N 453.

южной стеной Ситэ в начале XII века, в числе тех поселенцев, которым граф жаловал право свободного занятия ремеслами и в первую очередь — мясным делом¹.

Не удивительно, что торговля кожевенными товарами шла не только в Бурге, но и в Ситэ. По всем данным, именно к Ситэ относится возникновение в конце XII века нового кожевенного рынка². В XIII веке центром кожевенной торговли в Ситэ был большой рынок на площади Монтайгон, кроме того, на всяком временном торге, проводившемся в Тулузе, выделялось особое место для торговли кожами³.

Выше уже шла речь о том, что в настойчивой борьбе за соляной рынок, которую с самых первых лет XI века развернули графская власть и тулузская церковь, явно ощущается заинтересованность рождающегося слоя торгужан и растущие производственные потребности в соли со стороны возникающего кожевенного ремесла. Это производственное потребление в дальнейшем сделалось настолько значительным и важным для графского фиска, что, освобождая в 1141 г. тулузцев от обложения их продовольственного потребления соли, граф полностью сохранил монопольное обложение соли, потребляемой кожевниками⁴.

Мы имеем и другие свидетельства раннего и широкого развития в Тулузе кожевенного ремесла. Прежде всего — это пошлина с кож. Во второй половине XI века мы застаем ее как нечто стабильное, давно установленное⁵. Очевидно, что такая особая пошлина «с кожевников и сапожников» могла возникнуть только там, где этого рода ремесленников было много и где их обложение обещало значительный доход.

Освободив в пользу Муассакского аббатства кожевников поселка Кюизин от пошлины с кож, граф отнюдь не лишил себя всех доходов от этого выгодного побора. Быть может он был вынужден инфеодировать пошлину или продать ее, что фактически означало почти одно и то же, но так или иначе пошлина продолжала взиматься. О значительности приносимого ею дохода, а значит — и о высоком уровне развития самого кожевенного ремесла свидетельствует тот факт, что в первой половине XII века эту пошлину в Тулузе присваивали 17 лиц⁶.

Насколько нестерпимо обременительна для горожан Тулузы была эта специфически ремесленная пошлина, а следовательно, каково было значение кожевенных ремесел в жизни этого города, свидетельствует то обстоятельство, что после выкупа пошлины с ввозимого в город продовольствия (около 1120 г.) и после отмены графских пошлин с потребления соли и вина (1141г.),

¹ Cart. Bourg, N 11.

² «tabulis novis de coirateria». (Layettes, t. I, N 536).

³ Statutum pelheriorum (EGR), art. 4.

⁴ Cart. Bourg, N 1.

⁵ HGL, V, N 277.

⁶ Cart. Bourg, N 28.

отмена кожевенной пошлины (1148 г.) была третьей вольностью, отвоеванной тулузской коммуной у сеньориальных сил — еще до возникновения коммунального капитула (консулата).

Обработка кож в Тулузе была поставлена столь широко, что, по всей видимости, вскоре после отмены сеньориального побора тулузские кожевники, как мы узнаем об этом из решения судебной юрии графа в 1158 г., ввели в свою пользу пошлины с обработанных кож всех видов, которые привозились в город¹. И введение этих пошлин, и исход тяжбы в графском суде с несомненностью свидетельствуют также о быстром обогащении верхнего слоя тулузских кожевников, сумевших выиграть дело, а также и о том, что к середине XII века в этом ремесле уже была достигнута высокая степень профессиональной сплоченности и организованности. Но эти вопросы требуют специального рассмотрения.

Мясной промысел (скупка и убой скота, снятие шкур и разделка туш, торговля мясом), основанный на непосредственной обработке продукта сельскохозяйственного производства и обеспечивавший продовольственные нужды быстро возрастающего городского населения, почти повсюду играл существенную роль уже в раннюю пору городского развития. В Тулузе, богатой скотом, стекавшимся сюда из соседних районов, для этого имелись особенно благоприятные условия. Немалое значение при этом имело то обстоятельство, что ремесло это не требует почти никаких специальных знаний и навыков сверх тех, которыми обладает крестьянин, почти не требует и специального оборудования. Поэтому оно естественно становилось главным занятием многих крестьян, стекавшихся в Тулузу с конца XI и в XII веке, в период бурного роста города.

Основывая около 1140 г. «убежище» вокруг Нарбоннского замка и предоставляя поселенцам (нетулузцам!) право заниматься любым ремеслом, граф Альфонс-Журден особо оговаривал для них свободу занятий мясным делом². Очевидно, именно этот род городских занятий был особенно привлекателен и доступен новоприходцам. Затем мясной промысел получил в Тулузе широчайшее развитие. В первой четверти XIV века здесь имелось уже 12 мясных рынков и 180 мясников³. Все свидетельствует о высокой доходности мясного дела.

Еще в 1181 г. граф и консулат приняли постановление, запрещающее мясникам присваивать себе в качестве прибыли свыше 1/12 продажной цены мяса⁴. И позднее графские и городские власти строго следили за выполнением этого постановления⁵.

Доходность мясного промысла привлекала к нему интересы

¹ Layettes, t. 1, N 149.

² Carl. Bourg, N 11.

³ Statutum macellariorum (1322). — EGR, p. 66—72.

⁴ Carl. Bourg, N 6.

⁵ Ibid., N 71.

богатых городских землевладельцев. В 1194 г. знатный патриций Бернар Арнаут взял у графа Раймунда V в лен земельный участок в Ситэ, около церкви Дальбад, для устройства мясного рынка¹. Ежегодный ценз феодалария в пользу графа должен был составлять с каждой лавки 12 денариев, т. е. столько, сколько обычно платилось в городе с полной усадьбы, — значит владелец рынка взимал с мясников значительно больше. Грамота огоривает право ленника продать этот феодал, разумеется, при условии уплаты графу его «рах». Пожалование предусматривает высокую плату за допуск (асаритум). Несомненно оно было куплено Бернаром Арнаутом за большие деньги. Но теперь он, надо полагать, рассчитывал получить с мясников значительно больше.

К XIII и особенно к XIV в. относится довольно широкая известность тулузских тканей, особенно сукон. Они славились на Шампанских ярмарках², вывозились в южную Италию и Сицилию³, и даже в Сирию и Северную Африку⁴. Правда, и тогда Тулуза не стала таким специфически экспортным текстильным центром, каким очень рано стал, например, Монпелье с его знаменитыми (и долгое время монополиями) багряными сукнами (draps escarlats)⁵.

В Тулузе развитие текстильного производства, особенно в интересующий нас период, было связано в основном с местным и региональным рынком. Исконно широкое сеяние льна и особенно соседство богатейших овцеводческих районов создавали благоприятные условия для развития текстильного, а более всего сукнодельческого ремесла. Тариф провозных пошлин в Сен-Жори (в 1204 г. тулузский консулат специально занимался регулированием этого тарифа) говорит о систематическом привозе в Тулузу льна, шерсти, квасцов⁶.

Сукнодельческое ремесло возникло в Тулузе, видимо, очень рано, и рано развитие техники этого производства привело к его дроблению на ряд обособленных операций и «профессий». М. Э. Мюльхолланд, опубликовавшая ранние статуты тулузских цехов, справедливо отмечает, что они (особенно статуты сукноделов) содержат необычайно много подробностей относительно производственного процесса в ремесле⁷. Производственное дробление привело и к территориальной локализации текстильного

¹ Catalogue Raymond V, N 150. В 1195 г. Раймунд VI подтвердил это пожалование.— Cart. Bourg, N 11.

² F. Bourquelot, I, p. 157.

³ G. Yver. Le commerce et les marchands dans l'Italie méridionale au XIII et au XIV siècle. P., 1903, p. 8, 217.

⁴ H. Pigeonneau. Histoire du commerce de la France. P., 1885, t. I, p. 125—126.

⁵ См. A. Germain. Commerce, t. I, p. 91—178.

⁶ Cart Bourg, N 26.

⁷ M. A. Mulholland. Early guild records of Toulouse. N. Y., 1941, Introduction, p. XXXIII—XXXVIII.

ремесла в городе. Близость воды привлекла на остров Тунис красильщиков и полоскальщиков сукон¹. С XII века на Гаронне появились водяные сукновальные мельницы, сначала на плавучих барках, укрепленных на канатах, а в конце XII века, одновременно с мукомольными, они были превращены в берговые — на плесе Базакля, у северной окраины Ситэ, и на южной оконечности острова Тулиса². Развитие этих водяных сукновален тесно связано с ранним и очень интенсивным развитием в Тулузе мукомольного промысла, с появлением на Гаронне большого числа водяных мельниц.

Вместе с тем появление сравнительно крупных сукновален связано с той эволюцией экономической структуры текстильного ремесла, которое ярко обнаружилось в тулузском сукноделии уже в первой четверти XIII века. Этот вопрос требует специального рассмотрения.

Бурный рост города в XII—XIII веках порождал высокую потребность Тулузы в строительных материалах, в первую очередь в лесе. В источниках XII века то тут, то там мелькают указания на начавшуюся вырубку лесов и выгодную торговлю лесом. Весьма энергично в этом отношении действовали духовно-рыцарские ордена и цистерцианские аббатства. Поразительную настойчивость в овладении лесами с использованием их как для выпаса скота, заготовки дров, обжига угля, так и для рубки строительного материала, проявило с самого своего возникновения аббатство Грансельв³. Госпитальеры прочно обосновались на холмах Комменжского графства, используя богатства этого лесного края, особенно — Буконского леса⁴.

Главная масса строительного леса шла в Тулузу с лесистых верховьев Гаронны и с Арьсжа. Именно здесь, на расстоянии 25—50 км от Тулузы, в селах и местечках таких, как Ноэ, Карбон, Монтескьё, Терсак, Монберо, Мауран, Рокфор, Кальмон и в ряде других, шла заготовка строительных материалов: изготавливались строительные бревна и жерди, доски, балки, стропила, рейки, драни⁵. Этот материал частью сплавлялся в Тулузу плотами, частью привозился на судах⁶. Доставляли его в Тулузу главным образом купцы-чужаки. И лишь в городе и на подступах к нему эти материалы перекупали тулузские лесоторговцы и строители⁷.

Насколько снабжение Тулузы строительным материалом было для города жизненно-важным вопросом, свидетельствует то

¹ P. Souyri, p. 8.

² G. Sicard, P. J., N I; M. A. Mulholland. Intr., p. XXXVIII—XXXIX.

³ Catalogue de Grandelve. (HGL, VIII), N 2, 28, 262, 280, 285, 305, 308, 331, 335, 343, 362, 378, 392, 404, 433, 437, 450, 474, 514, 524, 539, 575, 795.

⁴ Inventaire-sommaire H.-Garonne, t. I, N 219.

⁵ EGR, p. 60—63.

⁶ Ibid., p. 64.

⁷ Ibid.

внимание, которое уделял ему тулузский консулат. Уже в 11152 г. едва возникший высший орган коммунального самоуправления Общий совет (Совет коммуны) принимает решение, направленное на обеспечение безопасности приезжающих в город лесоторговцев¹. Затем, в 1181 г., консулат принимает меры против безудержной перекупки леса как сырого, так и обработанного². По всей видимости, бурное строительство, развернувшееся в городе в этот период (строительные работы, как явствует из консульского постановления, производились и летом и зимой), создало особенно благоприятную конъюнктуру для деятельности разного рода перекупщиков, что влекло за собою вздорожание строительных материалов.

Этот строительный «бум» должен был способствовать некоторому повышению оплаты труда строителей-мастеровых. И консулат в том же постановлении поспешил принять меры к ее снижению путем введения максимума почасной заработной платы каменщикам и плотникам: летом — 3 тулузских денария в день, с харчами; зимою, когда дни короче, — 2 денария, также с харчами. За попытку получить больше налагался штраф³ в пользу графа в размере 5 солидов.

Постановление не дает полной ясности в отношении оплаты труда строителей. Ведь перед нами не наемные рабочие капиталистической эпохи, а средневековые мастера, которые, как правило, нанимались и работали не одни, а с подмастерьем или учеником. Формула консульского постановления «*ullus magister qui sit operarius lapidum vel lignorum*» оставляет невыясненным вопрос, причиталась ли установленная плата каждому работнику или только каждому мастеру, который должен был из этой суммы оплачивать подмастерьев.

В 1273 г. тулузский консулат обратился со специальным посланием к властям упомянутых выше сел и местечек, предписывая строгое соблюдение определенных условий качества и точных размеров строительных элементов, изготовлявшихся там для Тулузы⁴. Очевидно, к этому времени строительство домов в Тулузе было в значительной степени стандартизовано, и заготовка материалов приводилась в соответствие с запросами этого строительства.

Но были и в Тулузе лесопилки, плотницкие или столярные мастерские — *operatoria fuste*⁵. У нас нет сведений о внутренней структуре таких мастерских в ранний период. Быть может, среди них имелись расширенные мастерские ремесленников. Но Статут лесоторговцев и пильщиков 1311 г.⁶ достаточно ясно го-

¹ Cart. Bourg, N 4.

² Ibid., N 6.

³ Ibid.

⁴ EGR, p. 60—64.

⁵ Cart. Bourg, N 100; EGR, p. 139—142.

⁶ EGR, p. 140, art. 2

ворит о применении на тулузских лесопильнях, принадлежавших лесоторговцам, труда наемных пильщиков, по-видимому, работавших чужим инструментом. Насколько можно судить, лесопилки именно такого рода принадлежали тулузским нуворишам XIII века Понсу и Бернару Капденье¹.

В связи со строительным делом следует упомянуть кирпичное производство. Это одно из древнейших тулузских ремесел. Еще Авзоний в 380 г. в своем стихотворном хвалебном слове городам («*Ordo nobilium urbium*») прославлял кирпичные стены Тулузы². Время сохранило множество старинных дворцов, храмов и других построек из кирпича в Тулузе, Альби и других городах этого района. Производство искусственного камня было здесь подсказано самой природой, обильно наделившей этот район наносными глинами³. Но, как отмечалось, техника производства кирпича и кирпичной кладки была принесена сюда только римлянами, по всей видимости, в начале II века⁴. О том, что это производство в античной Тулузе привилось и развилось (быть может особенно в связи с возведением огромных кирпичных стен города в III в.), свидетельствует, на наш взгляд, и название поселка Кюизин (см. выше), хотя ко времени возвышения средневековой Тулузы в районе этого поселка уже не было никаких следов древнего кирпичного производства.

Вместе с тем естественно, что в новую эпоху бурного городского развития — строительства домов, башен, дворцов городской знати, а также общественных зданий и мостов производство обожженного кирпича возродилось с новой силой. В некоторых пунктах Тулузена условия в этом отношении были особенно благоприятны, например в Базьеже (около 20 км к юго-востоку от Тулузы). «*Terra tegule de Vasegio*» неоднократно фигурирует в королевских фискальных регистрах по Тулузскому сенешальству в конце XIII века⁵. Видимо, здесь изготовлялось много кирпича и черепицы. Но имелись центры кирпичного производства и у самой Тулузы. Насколько можно судить, таким центром был Сетденье — почти под самым городом, на север от Бурга, где имелись отличные глины. Черепица как строительный материал, видимо, ценилась высоко. В XIII веке за некоторые проступки консулат налагал штрафы — тысячью штук черепицы⁶.

К концу XII в. в Тулузе уже несомненно было развито оружейное дело, а значит и металлообработка. К этому времени уже в состав богатой правящей верхушки города проникли люди с родовыми прозвищами или обозначением таких профессий, как

¹ P. Gérard. Cartulaire Capdenier, p. 19.

² F. Lot. Gaule, p. 403.

³ Vidal de la Blache, p. 363—364.

⁴ P. A. Février, p. 40.

⁵ Comptes royaux, t. II, N 17075, 17076.

⁶ Cart. Bourg, N 73.

кузнец (*faber*), уздечщик (*igenciarius*), шпажник (*espazierius*)¹. Отличными панцирями уже во второй половине XII века в Тулузе нередко обладали горожане среднего достатка². А в конце XIII века французский король в Тулузе и некоторых городах Тулузана производил уже весьма значительные закупки шлемов, боевых воротников, самострелов³.

Подводя итоги этому беглому обзору начальных явлений ремесленного развития в Тулузе, отметим прежде всего весьма раннее (между концом X и началом XII века) возникновение в Тулузе значительных очагов ремесла, в первую очередь кожевенного, сапожного и мясного, а также мукомольного промысла.

В этой связи становится ясной и та большая роль, которую сыграли ремесла (особенно мясное и кожевенное дело) в градобразующем процессе, то есть в процессе складывания населения города, его территории и его экономического лица. Как в топографическом, так и в демографическом и экономическом отношениях не только Бург, но и Ситэ средневековой Тулузы в значительной мере сложились и оформились в связи с возникновением и развитием ремесел. Возникли эти ремесла и сосредоточились в городе в связи с бурным притоком сельского населения в XI—XII веках, который явился одним из важнейших факторов складывания города.

Далее, не может не броситься в глаза тесная связь основных тулузских ремесел с сельским хозяйством. Производственный процесс в них, как правило, состоял в самой первичной или же в дальнейшей обработке исходного сельскохозяйственного продукта. Мясной и мельничный промыслы, кожевенное и текстильное ремесла демонстрируют это достаточно ясно. Здесь очень ощутимо прослеживается тесная связь возникавших в городе ремесел с тем рынком сельскохозяйственных товаров, начало которого предшествовало интенсивному ремесленному развитию Тулузы и в значительной мере подготовило и определило профиль ведущих городских ремесел.

Но, будучи теснейшим образом связаны с сельским хозяйством окружающего района, упомянутые ремесла были явлением специфически городским, с самого начала предполагали отрыв занимавшихся ими производителей от сельскохозяйственного труда (по крайней мере как от основного занятия). Связь этих ремесел с сельским хозяйством была уже по сути дела совершенно новой связью. В противоположность помещному или крестьянскому ремеслу, бывшему составным элементом единого натурально-хозяйственного организма поместья или крестьянского двора, городские ремесла, в которых промышленный труд обособился как самостоятельная экономическая сфера, могли реа-

¹ Ibid., N 52—55; R. Limouzin-Lamothe. Commune, p. 245.

² Ibid., N 33.

³ Ph. Wolff. Achat d'armes pour Philippe le Bel. — AM, 1948.

лизовать связь с сельским хозяйством, только противопоставляя себя ему в качестве самостоятельных товаропроизводящих единиц. По справедливому замечанию П. Суйри, с возникновением городского ремесла «производство меновых стоимостей вытесняет производство стоимостей потребительных»¹. Это были новые экономические связи, связи товарного типа. Чем они становились прочнее, тем ощутимее город противопоставлялся деревне, тем более он становился собственно городом.

Но при этом нельзя не заметить, что товарные отношения связывали тулузское ремесло с ближайшим деревенским окружением. По своему профилю, по своим сырьевым потребностям оно менее всего тяготело к каким-то далеким странам и должно было опираться на этот хинтерланд, на локальный и региональный рынок.

РАЗВИТИЕ РЕМЕСЛЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Несмотря на сравнительно раннее развитие ремесла в Тулузе, в отличие от привычной для западноевропейского города картины обращает на себя внимание слабость цеховой организации тулузского ремесла. Ремесленные статуты появляются здесь сравнительно поздно—преимущественно в последней трети XIII века. При этом они исходят не от самих ремесленных корпораций, а от городского консулата, открыто провозглашают его право контроля и регулирования ремесел, не содержат условий цеховой монополии и цехового принуждения и менее всего могут рассматриваться как выражение воли и самостоятельности цеховых союзов ремесленников.

Эти обстоятельства послужили основанием для выводов о том, что тулузские цехи—явление позднее²; что развитие ремесла в Тулузе вообще запоздало и статуты отразили молодое, еще слабо развитое ремесло³; что цеховые тенденции вообще не были свойственны тулузскому ремеслу, которое здесь, как и в других городах французского Юга, развивалось как нецеховое, «свободное» ремесло⁴.

Как можно было видеть выше, к XIII веку тулузские ремесла имели за плечами уже полтора-два столетия и отнюдь не мо-

¹ P. Souyri, p. 34.

² E. Levasseur. Histoire des classes ouvrières. P., 1900; t. I, p. 276; G. Sautel, p. 343. А. Дюбур считал, что в Тулузе цехи возникли только после присоединения Лангедока к королевским владениям, окончательно же сложились не ранее XV века. (A. Du Bourg. Tableau de l'ancienne organisation du travail dans le Midi de la France. T., 1885, p. 1—2, 31).

³ M. A. Mulholland. Early guild records. Introduction.

⁴ Э. Левассер считал, что на провансальском Юге с самого начала ремесло развивалось в условиях наибольшей свободы. (E. Levasseur, p. 275—276).

гут рассматриваться как молодые, едва появившиеся на свет. Что же касается особенностей развития тулузского ремесла и ремесленных организаций, то в большей или меньшей степени их можно обнаружить в ремесле почти всех городов французского Юга. Так, в Пуатье до XIII века цехов не было, во всяком случае нет никаких указаний об их существовании¹. Отсутствует цеховая организация в XIII веке и в Лиможе. Хартия консулата Шато (верхнего города) Лиможа устанавливала, что каждый человек, будь то житель Шато или пришелец, может свободно заниматься любым ремеслом, каким пожелает². Кутюм освобождал ремесленников от обязанностей покупать у лиможского епископа право занятия ремеслом. Но какие бы то ни было взаимные клятвы или союзы ремесленников были запрещены³. Купцам, как местным, так и приезжим разрешалось продавать свои товары как оптом, так и в розницу⁴. На этом основании Л. Гиббер делал вывод, что в «Лиможе, по крайней мере в Шато, ремесло было свободным»⁵.

Де Рибб, изучавший ремесленные организации Прованса, считал, что до прямого вмешательства королевской власти и введения в XVI веке метризы производственная деятельность ремесленников Прованса была свободной⁶. Известный историк французских цехов Эмиль Корнэр пришел к выводу, что на Юге цехи были более «открытые», чем в других областях Франции⁷. Современный исследователь средневековой ремесленной регламентации в Лангедоке Андрэ Гурон, отмечая существенное несходство организации ремесла в различных городах этого района, вместе с тем усматривает одну из определяющих его общих черт в том, что, в отличие от залуарского Севера, на Юге цеховая дисциплина развивается значительно позднее⁸.

Постепенно выработалось представление об особом типе ремесленного развития на французском Юге. Чаще всего этот тип определяют как свободное ремесло. Правда, содержание этого понятия немало разнится у различных авторов, но мы едва ли ошибемся, если скажем, что самое существенное в этом понятии вытекает из противопоставления свободы ремесленной дея-

¹ P. Boissonnade. Essai, t. I.

² «Cosduma cum li habitadors poden far lo mestier que se volen». «Tot hom en general (e chachu en singular) deudich chasteu, cyssament liestranch, poden esser den mestier, e chachu pot aprofechar en aquil qui may li playra». (L. Guibert. Les anciennes organisations de métiers en Limousin. — «La Réforme sociale», 1883, p. 395—396).

³ «... tuich li mestier sian cuminal, ses tot sacrament e ses tot covens, que noi deu hom far». — Ibid., p. 396.

⁴ Ibid.

⁵ L. Guibert, p. 395.

⁶ C. De Ribbe. Les corporations ouvrières en Provence. Aix, 1865.

⁷ E. Coornaert. Les corporations en France avant 1789. 7-me éd P., 1941, p. 81.

⁸ A. Gouron. La réglementation des métiers en Languedoc au Moyen Age. Genève-Paris, 1958, p. 9—10.

тельности и ее цеховой организации. Еще Р. Эберштадт отождествлял свободное ремесло с нецеховым¹.

Некоторая специфика форм развития ремесла на Юге не подлежит сомнению. Но если она состояла в том, что пути этого развития шли мимо цеховой организации, то чем это следует объяснить? Почему простое товарное производство ремесленников, повсюду в средневековых городах Западной Европы искавшее защиты и опоры в цеховых союзах и в цеховой регламентации, здесь обходилось без или почти без цехов? Верно ли, что оно здесь в этой опоре не нуждалось? А. Гурон склонен вообще отрицать спонтанность цеховых организаций в городах Лангедока², хотя необходимо отметить, что его материал, а передко и его наблюдения, приходят в столкновение с этим утверждением. Но действительно ли в городах Лангедока ремесленники не нуждались в цеховых союзах?

Обратимся прежде всего к тулузскому ремеслу. Наша задача будет состоять в первую очередь в том, чтобы выяснить, были ли в тулузском ремесле тенденции к цеховому сплочению, цеховой организации, цеховой монополии и цеховому принуждению.

Запись статутах важнейших ремесел Тулузы, как было отмечено выше, относится в основном к последней трети XIII века. Запись исходит от городского консулата, и статуты изложены таким образом, что выглядят как правила, октроированные муниципальными властями. Преамбулы ряда статутах в одних и тех же выражениях утверждают право тулузских консулов издавать, исправлять или отменять статуты любого ремесла в городе и контролировать работу ремесленников. Этот контроль реализуется посредством института ремесленных балли или кустодов, как правило, назначаемых также консулатом. Самостоятельных же цеховых союзов ремесленников, по всей видимости, вовсе нет. Цеховая монополия отсутствует.

Как было отмечено выше, эти особенности развития цеховой организации в Тулузе в литературе чаще всего истолковываются как результат запоздалости процесса складывания ремесленных организаций в Тулузе в связи с поздним развитием ремесла. Относительно необоснованности вывода о «молодости» тулузского ремесла говорилось выше, но так ли уж запоздал процесс складывания ремесленных организаций в Тулузе?

Имея в виду Францию в целом, Э. Левассер полагал, что, если не говорить о единичных ремесленных союзах XI века, возникновение цехов начинается с XII столетия³. И то до середины XII века можно отметить конституирование организаций только

¹ R. Eberstadt. Das französische Gewerberecht; 1899, S. 43.

² A. Gouron, p. 10.

³ E. Levasseur, I, p. 270.

отдельных продовольственных ремесел¹. Э. Корнэр считает, что широко во Франции корпорации ремесленников выступают на сцену только на пороге XIII века². Эберштадт приходил к выводу, что цехи во Франции получают признание как всеобщее учреждение только во второй половине XIII века³. Об этом же говорят и данные из истории ремесла в отдельных городах. Так обстояло дело в Дуэ, с его ранним и интенсивным развитием сукноделения⁴. Подобным же образом в Льеже первые цеховые организации возникают не ранее конца XIII века: в 1288 г. в источниках впервые встречается намек на существование какого-то цеха у кожевников⁵. Любопытно, что именно к этому времени относятся первые общественно-заметные сетоования на «монополии» ремесленников, например у Бомануара⁶.

Это относится не только к Северу. Тот же Буассоннад, который из факта отсутствия в раннем Пуатье цеховых союзов делал вывод об особом пути развития местного ремесла, отмечает возникновение цехов в этом городе, начиная с XIII века⁷. В Арле, где в XII веке источники называют только ремесла мясников, пекарей, сапожников, кожевников, в 1247 г., когда цехи получают формальное признание, появилось сразу не менее 33 корпораций⁸. В XIII веке возникают цехи и в Авиньоне⁹. Ж. Сотель именно к этому времени относит появление цеховых организаций в городах всего Прованса¹⁰.

На фоне этой общей картины становится ясным, что фиксация ремесленных статутов в Тулузе отнюдь не была чем-то запоздалым. Более того, как отмечал Э. Левассер, эти ранние (последней трети XIII — начала XIV века) ремесленные статуты Тулузы дают немало ценных сведений о цеховой организации и производственных процессах в то время, когда такого рода документы вообще очень редки. Отмечая, что другого такого же собрания документов не найти более нигде в Лангедоке, Э. Левассер считал возможным в известном смысле сравнить его со знаменитой «Книгой ремесел» Этьена Буало, составленной немногим ранее — в 60-х годах XIII столетия¹¹.

При этом очень важно отметить, что, подобно своду парижского прево, в тулузском своде перед нами не начало, не акты учреждения ремесленных организаций, а лишь их позднейшая

¹ Ibid., p. 260—261.

² E. Coornaert, p. 66, 68.

³ R. Eberstadt, p. 23.

⁴ G. Espinas. La vie urbaine de Douai au Moyen Age. P., 1913, t. II.

⁵ F. Vercauteren. Luttés sociales en Liège au XIII et XIV siècles. Bruxelles, 1946, p. 36, 37.

⁶ Ph. de Beaumanoir. Les coutumes de Beauvaisis, ch. XXX, § 884.

⁷ P. Boissonnade. Essai, t. I, p. 9, 167; t. II, p. 10, 27.

⁸ F. Kiener. Verfassungsgeschichte, S. 170.

⁹ L.-H. Labande. Avignon, p. 175.

¹⁰ G. Sautel, p. 343.

¹¹ E. Levasseur, I, p. 277.

фиксация, консульская санкция (и консульская редакция) их уставов и производственных правил. Внимательное чтение этих статутах не оставляет на этот счет никаких сомнений. Так, в Статуте сукноделов, ткачей и красильщиков 1279 г. консулы прямо заявляют, что этим актом аннулируются два статута, относящиеся к тому же производству, которые были изданы прежде¹. В ряде статутах новые правила провозглашаются дополнением к каким-то изданным ранее. Или по крайней мере упоминаются какие-то более ранние статуты². И если, например, в консулат явились некие приюдомы тулузских канатчиков и просили утвердить составленные ими правила этого ремесла, что и было сделано консулами³, то очевидно, что история этой цеховой организации началась задолго до 1270 года, которым датировано постановление.

Однако, как было отмечено выше, все старые авторы с теми или иными оговорками рассматривали дату фиксации цеховых статутах консулатом как дату возникновения ремесленных организаций Тулузы. Такую точку зрения решительно отверг Андрэ Гурон. Возникновение ремесленных организаций в Тулузе, как и в других городах Лангедока, он относит ко второй половине XII в. (правда, в эту пору они, по его мнению, находились еще в эмбриональном состоянии), т. е. приблизительно к тому же времени, когда, как он считает, почти одновременно ремесленные организации возникают по всей Западной Европе⁴. Его возражения справедливы. Не подлежит сомнению, что фактически существующий цех предшествовал (и зачастую — задолго) цеху легализованному. Но возникновение ремесленных организаций Гурон объясняет главным образом внешними влияниями. В первой половине XII века — влиянием сеньоров, обогативших пошлинами отдельные отрасли производства и их готовую продукцию, а затем снижавших или отменявших эти поборы. Во второй половине XII века — влиянием консулатов или шире — общегородских потребностей, в частности обеспечения обороны города. Отсюда — привилегии сеньоров тем ремеслам, чей труд или продукт был особенно нужен сеньору для целей обороны: таковы кожевники в Тулузе, каменщики в Ниме⁵.

В результате возникновения профессиональной организации в том или ином ремесле А. Гурон датирует соответствующим сеньориальным или судебным распоряжением. Так, по его мнению, решение графской курии Раймунда V в 1158 г. кладет начало цеховому союзу тулузских кожевников⁶. Едва ли есть необ-

¹ EGR, p. 4—5, art. 1.

² См. Статут черепичников 1291 года, Статут изготовителей игральнх костей 1297 года и другие (EGR, p. 88—89; 36 art. 12; 38, 40, 44, 54, 55, 68, a. 7, 74, 86 a. 31, 118, 110—111, 141, 144).

³ EGR, p. 50—51.

⁴ A. Guron. Réglementation, p. 17, 37, 39, 40.

⁵ Ibid., p. 40, 50—54.

⁶ Ibid., p. 39.

ходимость подробно доказывать, что за судебным решением, подтвердившим права тулузских кожевников на сбор особой монопольно-ремесленной пошлыны, каковую они взимали уже в течение ряда лет, должна была стоять уже реально существующая и достаточно развитая ремесленная организация¹.

То же, очевидно, относится и к каменщикам Нима, чей союз А. Гурон датирует с 1187 г.² На этом моменте стоит остановиться подробнее. В 1188 г. (эта дата точнее) тулузский граф освободил нимских мастеров-каменщиков от судебных пошлын в курии его нимского вигье².

Привилегия (*feudum*) пожалована прежде всего трем поименованным лицам. Несомненно, это представители ремесла, очень вероятно — избранные старшины. Речь идет только о каменщиках — жителях Нима: очевидно, это уже сложившаяся, устойчивая ремесленная организация. Речь идет только о мастерах, а не о каменщиках вообще, видимо, только они вели тяжбу в суде графского викария. Но это же ограничение свидетельствует о том, что кроме мастеров в данном ремесле имелись и другие участники производственного процесса (ученики, быть может — подмастерья). Значит, перед нами ремесло высокоразвитое, иерархически дифференцированное. И, что особенно существенно, самая организация ремесленников настолько сплочена, влиятельна и, видимо, богата, что смогла добиться у графа столь важной и ценной привилегии (весьма вероятно, уплатив за нее большие деньги: графы очень ценили свои судебные доходы и широко их отнюдь не жаловали). Очень может быть, что при этом каменщики использовали также какую-то острую нужду графа в их мастерстве — для строительства или, скорее, для разрушения замков. Так или иначе, граф вынужден вступить в договорные отношения с ремесленниками: в обмен на даруемую привилегию каменщики, в случае графского военного похода, обязаны в нем участвовать как специалисты, граф же предоставит упряжное животное для перевозки их инструмента, обеспечит харчи и будет платить по 100 солидов за разрушение каждого замка.

Если даже судебная привилегия нимских каменщиков, пожалованная им, как сказано в источнике, «*ab antiquo*», сравнительно недавнего происхождения, более того, если даже ссылка на «древность» только традиционный прием обоснования данного права, то и тогда учет всех изложенных выше обстоятельств не оставляет сомнения — перед нами ремесленная организация, сложившаяся и упрочившаяся задолго до этого графского пожалования. Между тем А. Гурон, проводящий мысль о склады-

¹ Ibid.

² «*Laudamus et concedimus tibi Duranto et B. Bligerio et R. de Varannicis et omnibus magistris lapidum, qui modo sunt vel in antea fuerint cohabitatores urbis Nemausi, quod ab antiquo vobis concessum audivimus...*» (HGL, VIII, № 55 II).

вании ремесленных организаций в Лангедоке уже с середины XII века, в данном случае видит только особую группу жителей города и — никаких следов коллективной организации ремесленников¹.

Гораздо более убедительной представляется точка зрения Э. Левассера: в Ниме мастера-каменщики были организованы задолго до 1187 г., когда тулузский граф своей грамотой предоставил (вернее — подтвердил) им некоторые вольности². Подобным же образом, если мы узнаем, например, что в 1231 г. тулузские лодочники и рыбаки добились освобождения от судебных пошлин³, то у нас не может быть сомнения, что ~~соответствующие~~ соответствующие цеховые союзы сложились значительно ранее.

Роли внешних потребностей и влияний отрицать невозможно. Они должны были способствовать сплочению ремесленников одной и той же специальности, осознанию ими общности своих интересов и необходимости сплочения и общей борьбы. Но, во-первых, снижение или отмена пошлин с того или иного ремесла не могли явиться вне борьбы, требований, выкупа со стороны ремесленников данной профессии, а это предполагает определенную степень сплоченности, организованности как необходимой предпосылки такой борьбы и успеха в ней. Об этом свидетельствует и обычное в таких случаях перечисление в хартии нескольких лиц, как представителей данного ремесла, хотя их статус может быть никак не оговорен. Во-вторых, обложение, а тем более соглашение с ремесленниками данной отрасли о поставках каких-то материалов для нужд обороны было возможно также при определенной степени организованности данного ремесла: как же иначе оно могло вступить в договор с сеньором и каким образом, без элементарной организованности, оно могло бы обеспечить требуемые поставки? Еще более это относится к определенному участию данного ремесла в качестве боевой единицы в охране и обороне города, как это было, например, в Монпелье. Другое дело, что такая зачаточная организация еще не могла развить всех своих функций и зачастую не получала официального признания со стороны сеньориальной власти.

Роль внешней среды, внешних воздействий огромна. Они заставляли пробудиться и реализоваться то, что было еще только в-потенции или в зародыше. Они могли ускорить развитие ремесленной организации, способствовать ее признанию. Но главным образом — не сами по себе, не непосредственно, а пробуждая освободительную реакцию, тенденцию к сплочению и организации ремесленников данной профессии, т. е. те силы, с которыми сеньор вынужден был считаться. И, во всяком случае, ре-

¹ A. Gouron. Réglementation, p. 49--50.

² E. Levasseur, I, p. 267.

³ Layettes, t. I, p. 316; t. II, № 2130.

месленные организации не были результатом творческой деятельности сеньоров или консулатов¹.

Чтобы приблизиться к определению времени возникновения ремесленных организаций, не следует упускать из виду, что они были выражением экономических и социальных интересов производителей и складывались, спланивались в столкновении с противоборствующими интересами, в классовой борьбе.

Сведения о ранних этапах развития ремесла вообще скудны и фрагментарны. Тем более трудно по этим отрывочным сведениям, порою лишь случайно запечатленным документами эпохи, восстановить процесс зарождения ремесленных организаций. Все-таки попытаемся это сделать в отношении отдельных тулузских ремесел, прежде всего в отношении такого важного в этом городе, как кожевенное.

Когда в 1067 г. граф Гильем IV освободил кожевников поселка Кузинас от кожевенной пошлины, от графской воинской повинности и печного баналитета², это была уступка не столько в пользу и по настоянию самих ремесленников, сколько в пользу и по домогательствам монахов Муассака, которым граф пожаловал этот поселок и «аллод». Ведь в остальной Тулузе в течение еще 80 лет знатные городские землевладельцы (может быть, прежние графские вассалы) продолжали взимать с кожевников и сапожников эту особую пошлину. И даже, когда в 1141 г. граф Альфонс-Журден освободил тулузцев от пошлины с вина и соли, шедшей на нужды личного потребления, он оставил в силе старый грабительский порядок, по которому кожевники для производственных нужд обязаны были по-прежнему покупать соль только у графа — по монопольной цене³.

Но в 1148 г. ненавистная кожевенная пошлина была наконец отменена. 17 знатных тулузских патрициев (а среди них были влиятельнейшие лица) уступили эту пошлину, как сказано в грамоте, «всем сапожникам, дубильщикам и сыромятникам Ситэ и Бурга Тулузы»⁴. И чем настойчивее в хартии подчеркивается, что они сделали это, «будучи в здравом уме, по своей собственной доброй воле и без принуждения»⁵, тем очевиднее, какой нажим потребовался для того, чтобы они отступили.

Очевидно, что такой натиск, в котором непосредственно были

¹ К. Маркс неоднократно обращал внимание на глубокую материальную обусловленность цеховой организации средневекового ремесла. «... Привилегии, учреждение цехов и корпораций, весь режим средневековой регламентации, — писал Маркс в письме к П. В. Анненкову 28 декабря 1846 года, — были общественными отношениями, единственно соответствовавшими приобретенным производительным силам и ранее существовавшему общественному строю, из которого эти учреждения вышли». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том 27, стр. 403).

² HGL, V, № 277.

³ Cart. Bourg, № 1.

⁴ Ibid., № 28.

⁵ Ibid.

заинтересованы только ремесленники-кожевники, а вся община — только коевенно (причем натиск не против отступающей графской власти, а против входящего в силу патрициата) не мог быть осуществлен аморфной массой кожевников. Какая-то (и весьма значительная) степень организованности здесь была необходима. Более того, едва ли можно сомневаться, что от верного дохода его обладатели отказались не даром, что и здесь дело не обошлось без «больших денег»¹. А это должно означать, что к середине XII века тулузские кожевники обладали профессиональной организацией, достаточно богатой и сплоченной для того, чтобы собрать большую сумму для выкупа старинной феодальной пошлины и чтобы добиться ее торжественной отмены.

Спустя 10 лет мы узнаем, что тулузские кожевники (точнее дубильщики кож крупного скота) сами собирают особую пошлину с кож. В 1158 г. в графском суде они отстаивают свое право, якобы уже достаточно давнее (кожевники утверждали, что это право было им даровано тем же Раймундом V «или его предками»), взимать пошлину со всех выделанных кож, привозимых для продажи в Тулузу (от одного обола до двух денариев с каждой кожи), и выигрывают свое дело. В обмен на признание этого их права дубильщики обязались предоставлять графу и консулату все бычьи кожи, какие могут понадобиться для сооружения боевых машин².

Несомненно, за всем этим стояла определенная ремесленная организация. Без нее, кто мог бы явиться субъектом графского пожалования данной пошлины в прошлом, и кто мог бы обеспечить взимание этой пошлины и использование собранных сумм? Да и сам разбор дела в графском суде и, тем более, благоприятное его решение (причем кожевники смогли выставить в свою пользу пятерых свидетелей, о которых сказано: «probi homines egrati» и в числе которых было трое коммунальных капитуляриев) — не оставляют сомнения: уже в середине XII в. тулузские кожевники-дубильщики обладали сплоченной, богатой и влиятельной организацией цехового типа.

Организация эта никак не названа. Очевидно, она не имеет официального признания, но дело в графском суде возбуждают четыре лица, тоже дубильщики, которые выступают «за себя и за других дубильщиков Ситэ и Бурга Тулузы» или «за себя и за других своих сотоварищей»³ (точнее — соучастников; очевидно, какого-то общего союза). Были ли это старшины цеха или иным образом уполномоченные цехом лица, они выступают от целого коллектива и представляют коллектив ремесленников, сообща защищающий свои интересы.

¹ Cart. Bourg, № 14.

² Layettes, t. I, № 149; HGL, V, № 624.

³ «Tunc supradicti afactatores... pro se et pro ceteris participibus suis...» (Layettes, I, N 149).

Но дело не только в этом. Быть может еще важнее, что эта организация открыто стремится к осуществлению ремесленной монополии. Ведь пошлина взималась со всех выделанных кож, привозимых в Тулузу как жителями города, так и чужаками¹. Иными словами, с помощью этой пошлины тулузские кожевники боролись с конкуренцией иногороднего ремесла как непосредственно, так и косвенно, ставя в менее выгодные условия на рынке тулузских купцов, торговавших кожами, скупленными вне Тулузы. При этом невыделанные шкуры, служившие сырьем для дубильного производства, пошлиной не облагались. Иначе говоря, пошлина имела отчетливо выраженную покровительственную в отношении ремесла направленность.

Таким образом, в середине XII века в одном из важнейших тулузских ремесел налицо не только профессиональная организация производителей со своей кассой и доходами, но и организация, стремящаяся к монополии и реализующая цеховую монополию в своей отрасли².

В грамоте совершенно обходится вопрос о том, с кем тягались кожевники в графской курии; те, кто отрицал их право на сбор пошлины, обозначаются безлико как «противная сторона (*adversa pars*)». Кто-то отказывался платить кожевникам эту пошлину, кто же именно — не сказано³. Поскольку далее решение курии включает соглашение графа не только с кожевниками, но и с мясниками, можно предположить, что противниками кожевников в этом споре были мясники⁴.

Вообще трудно представить, почему и каким образом мясники смогли сосредоточить в своих руках привоз в Тулузу уже выделанных кож и торговлю ими. Если дело действительно обстояло таким образом, то мы здесь имеем случай расширения сферы деятельности данной группы ремесленников, когда они завладевают смежной областью через торговлю. Тогда мы должны будем признать наличие в Тулузе развитой цеховой организации мясников уже в середине XII века.

Но независимо от того, правильно или неправильно предположение относительно попытки мясников вклиниться в сферу кожевенной торговли (или даже производства?), несомненно, что пошлина, которую взимали кожевники, ударяла по интересам торговцев привозными выделанными кожами, защищала инте-

¹ «... ab omnibus hominibus, tam hujus ville Tolose quam de aliis locis deforis, qui coria afactata boum vel vacarum vel equorum aut equarum atulerint ab ullis partibus extra villa Tolosa ad vendendum in villa Tolosa...» (Layettes, I, N 149).

² Тем не менее М. Э. Мюльхолланд (*Early guild records of Toulouse. Intr.*, p. XI—XII) отказывается видеть в этом случае проявление деятельности какой-либо цеховой организации. Но это отрицание лишено скольконибудь убедительной мотивировки.

³ «... de usatico quoddam quod petierunt ibi et requisierunt quibusdam qui illis auferabant» (Layettes, I, № 149).

⁴ См., например, у А. Гурона (Указ. соч., стр. 50).

ресы ремесленников-дубильщиков в ущерб интересам купцов. И эту пошлину дубильщики смогли не только ввести, но и отстоять в борьбе с купцами.

В обмен на благоприятное для них решение графской курии кожевники обязались впредь уплачивать по 4 солида за каждую сырую бычью шкуру, доставленную им с графских ферм¹. Граф продал свою благосклонность за установление монопольной цены на поставляемое им ремесленное сырье. Но за этим ощутимо проглядывает регулярность и определенная организованность отношений поставки и закупки сырья между графом и цехом кожевников.

То обстоятельство, что дубильщики закрепили за собою кожевную пошлину и цеховую монополию в обмен на обязательство предоставлять графу и городу кожу, необходимую для обслуживания осадных машин, служит А. Гурону для вывода о том, что в Лангедоке военный фактор играл существенную роль в складывании ремесленных корпораций². Но, как было отмечено выше, из текста грамоты вытекает, что какое-то объединение кожевников, представленное несколькими лицами и выступающее в качестве тяжущейся стороны в графском суде, существовало уже до начала тяжбы и независимо от того решения, которое примет по данному иску графская курия. И поскольку эта корпорация достигла такой степени зрелости, едва ли возможно датировать ее возникновение 1158 г., как это делает А. Гурон. Несомненно, она значительно старше.

Наши сведения относительно ремесленной организации тулузских мясников беднее. Но и они свидетельствуют о рано начавшемся процессе корпоративного сплочения в этом очень развитом в Тулузе ремесле. В 1142 г. Пейре Видаль, Гильем Нижер и Гильем де Клаустре от имени «всех мясников Бурга» заключили соглашение с Сец-Серненским аббатством о замене прежнего чинша (видимо, натурального), который они платили аббатству за мясной рынок, каковой держали от него на площади де Тауро, — на ежегодный чинш в 3 солида³. Скромность годового чинша и торжественность формулы «*dedit a feo*» заставляют предположить, что это пожалование было куплено мясниками у монастыря за немалые деньги.

Наличие определенной ремесленной организации и относительная давность ее существования вытекают не только из давности держания мясного рынка⁴, но еще более из таких обстоятельств, как наличие полномочных представителей ремесла, его способность вступить в соглашение с могущественной монастырской общиной, добиться ее согласия на коммутацию, собрать необхо-

¹ Layettes, I, N 149.

² A. Gouron, p. 51.

³ Cart. S.-Sernin, N 66.

⁴ «... solitum usum et servicium quod solebant facere omni anno... de macello quod solebant tenere». — Ibid.

димые средства и купить «пожалование» (feue) у всеильного землевладельца.

Постановление графской курии 1158 г., о котором речь шла выше, содержит также обязательство тулузских мясников уплачивать графу по 2 денье за тушу каждого быка, доставляемого им с графских ферм живым весом¹. Очевидно, это не цена мяса, а графская пошлина, которая приплачивалась к цене покупаемого у графа скота². Поскольку это общее обязательство мясников и поскольку, как можно понять, скот мясникам доставляли люди графа³, — следует предположить известную степень организованности данного ремесла уже в середине XII века и, может быть, наличие подчиненных цеху скотобоен. Во всяком случае перед нами юридический акт, в котором, с одной стороны, выступает граф, а с другой — коллектив ремесленников данной профессии. Очевидно, значение и сплоченность этого ремесла в середине XII в. достигли такой степени, что сеньор-граф не мог уже по своему усмотрению обложить это ремесло пошлиной, но вынужден был считаться с ним и введение пошлины оформлять как судебное решение.

Следующий акт прямого договорного соглашения между графской властью и корпорацией мясников относится к 1222 г., когда граф Раймунд VII даровал мясникам Ситэ монопольное право торговли мясом в этой части города. Мясники же обязались в случае военных действий поставлять графу мясо в кредит на срок до одного месяца после их окончания или возвращения войска в Тулузу. Если же по истечении этого срока долг не будет погашен, мясники будут считать себя свободными от обязательств по таким кредитным поставкам графу и в дальнейшем будут продавать ему мясо только за наличные по согласованной (более высокой) цене⁴.

Это соглашение недвусмысленно свидетельствует, что, хотя ремесленный союз мясников и в первой четверти XIII века прямо не назван и явно не признан, он (по крайней мере, в Ситэ) не только реально существует, но и достаточно сплочен и силен для того, чтобы, воспользовавшись военными затруднениями графской власти, добиться от нее признания своей ремесленно-торговой монополии, чтобы заставить графскую власть считаться с интересами цеха и вступить с ним в определенные договорные отношения. Эти отношения включают также согласование цены продаваемого графу продукта, т. е. введение единой монопольно-цеховой цены для всех участников данного промысла⁵.

¹ Layettes, I, N 149.

² Это подтверждается и условиями соглашения 1222 года (см. ниже).

³ «... qui vivus eis adductus» (Layettes, I, N 149).

⁴ Layettes, I, N 1541; Documents (Fagniez), t. I, N 146.

⁵ Этот акт тем более значителен, что еще 40 годами ранее тулузский консулат при поддержке графской власти и Сен-Сернена пытался запретить даже мелкие союзы или соглашения между мясниками. (Cart. Bourg, N 71).

Таким образом, ремесленные организации в кожевенном и мясном деле проявляют себя в Тулузе достаточно определенно уже в середине XII века. Чтобы действовать так сплоченно и энергично, ввести и собирать на рынке цеховую пошлину и уметь отстоять ее в графской курии, эти организации (особенно у кожевников) должны были обладать немалой организационной зрелостью, которая могла выработаться только временем — по крайней мере за два—три десятилетия предшествующего существования ремесленного союза.

Между тем для этой эпохи мы не только не имеем записи уставов этих организаций, но даже записи тех пожалований, которых они добились от графской власти, а те отрывочные сведения, которые дошли до нас, по природе своей случайны и фиксированы не в связи с самими ремеслами, а лишь по поводу тех столкновений и тяжб, которые как-то затрагивали графскую власть. Не удивительно, что относительно других ремесленных организаций сведения еще более фрагментарны, скудны или, еще чаще, вовсе отсутствуют.

В XIII веке в Тулузе, несомненно, существовал ремесленный союз рыбаков. Гаронна богата рыбой, в том числе такой ценной, как лосось, угорь, минога, и рыболовство в Тулузе и ее округе издавна играло большую роль¹. В первой половине XIII века тулузские рыбаки добились от Раймунда VII привилегии (*libertatem seu immunitatem*) ловить рыбу по всему течению Гаронны в пределах тулузского диоцеза². Это тоже означало цеховую монополию. Позднее ее попытался оспорить аббат Грансельв, но в 1268 году тулузские рыбаки добились подтверждения своей монополии графом Альфонсом Пуатье³. В самой Тулузе право рыбной ловли в значительной мере присвоили себе тулузские мельничные товарищества, арендовавшие реку у графа и приора церкви Дорад⁴. Во второй половине XIII века тулузский цех рыбаков повел упорную борьбу с мельничными компаниями за право рыболовства в Тулузе и в 1275 г. в королевском совете добился благоприятного для рыбаков решения⁵. На рубеже XII и XIII веков тулузские лодочники за обязательство обслуживания (на определенных условиях) графских перевозок получили от графа монопольное право речных перевозок по Гаронне — вниз до Муассака и по Арьежу вверх до Отрива, а также по всем притокам этих рек в этих пределах⁶.

По имеющимся данным, в середине XIII века в Тулузе, обладавшей старинным, одним из крупнейших во Франции, монет-

¹ См. Cart. Bourg. N 7 (1182 год).

² HGL, VIII, N 522 XII.

³ Ibid.

⁴ См. ниже: Мукомольный промысел.

⁵ G. Mot. Le moulin du Château-Narbonnais de Toulouse (1182—1600). Carcassonne, 1910, p. 74.

⁶ Layettes, II, N 2130.

ным двором, несомненно, существовала ремесленная организация монетчиков. Документы 11240 г. и 11253 г. сообщают о старшинах монетчиков¹.

Таким образом, процесс цехового сплочения в тулузском ремесле уходит корнями глубоко в XII столетие. Почему же в течение 1100 и даже 1150 лет этот процесс не получал законодательного закрепления? Чем внимательнее мы присматриваемся к документам, тем ощутимее проступает скрытая за ними борьба противоположных тенденций: цеховых — со стороны ремесленников, антицеховых — со стороны консулата.

Мы видели, как еще в середине XII века тулузские кожевники фактически осуществляли монополию в дубильном деле и как во второй половине того же столетия графская власть (вигье) и консулат преследовали попытки создания даже мелких объединений мясников. Несмотря на то, что за многими действиями и достижениями тулузских ремесленников уже в это время ясно ощущается сила сплоченной организации, ни в одном документе мы не встретим ее признания.

Более того, можно видеть, как с самого своего возникновения консулат настойчиво проводит политику ограничения доходов ремесленников. Уже в 11152 году, едва возникнув, консулат в числе первых своих забот вводит максимум для булочников и мельников: чистая прибыль первых не должна превышать 4 тулузских денариев с каждого картона пшеницы (около 372 кг), а вторые не могут брать за помол больше 1/16 от общего веса зерна². В 1183 году консулат фиксировал максимум цен на различные породы рыбы³. Годом ранее консулат вместе с графом установил максимальные размеры поденной платы для мастеров-строителей — каменщиков и плотников: летом (от дня Иоанна-Крестителя до праздника Всех Святых) — 3 денье в день с харчами, а зимой (от праздника Всех Святых до дня Иоанна-Крестителя) — 2 денье с харчами. За попытки получить больше устанавливался высокий штраф — 5 тулузских солидов⁴. Видимо, широкое строительство, развернувшееся в эту пору в Тулузе, вызывало острую потребность в труде каменщиков и плотников, но графская власть и консулат не позволяли строителям воспользоваться благоприятной конъюнктурой для повышения оплаты их труда.

Самые эти постановления свидетельствуют, насколько настоятельны были попытки ремесленников в этом направлении. Мы не знаем, были ли это усилия отдельных лиц или здесь имели место организованные попытки каких-то ремесленных союзов

¹ HGL, VIII, N 330, V, N 453.

² Cart. Bourg, N 4.

³ Ibid., N 7.

⁴ Ibid., N 6. Зимой, очевидно, плата меньше потому, что дни короче.

установить цеховые цены (то, что консульские постановления не содержат никаких упоминаний таких союзов, еще не может служить доказательством их действительного отсутствия), но антиремесленная направленность политики консулата выражена достаточно определенно.

Если обратиться к статутам конца XIII—начала XIV века, то легко может создаться впечатление, что ремесленная политика консулата повернулась на 180 градусов. В самом деле, в консульских постановлениях XII века не было даже упоминания о каких-либо ремесленных организациях — теперь они, видимо, получают признание консулата; прежде и речи не было о каких-то руководящих органах цехов — теперь консулат заботится о регулярной смене цеховых балей; прежде не существовало цеховых уставов, по крайней мере, официально признанных — теперь консулат такие уставы издает сам.

Действительно, многое изменилось. Но, если присмотреться внимательнее, станет ясно, что между XII и XIII веками не только нет диаметральной противоположности, но, напротив, ремесленная политика консулата, отразившаяся в статутах, оказывается лишь продолжением и развитием в новых условиях его прежней политики.

Попытаемся выяснить основные черты консульского законодательства по делам ремесел в конце XIII — начале XIV века. Если собрание консульских статутов рассматривать как свод ремесленного права Тулузы этой эпохи, то прежде всего в глаза бросается подчеркнуто муниципальная природа этого права. Это не регистр ремесленных уставов цехов, а свод постановлений консулата, изданных, если угодно — октроированных им для ремесел и ремесленников. Пусть даже в постановлении отмечается, что данные правила в какой-то мере были разработаны самими ремесленниками, — они получают признание и приобретают силу только будучи изложены как предписания консулов¹. Очень скоро вырабатывается и затем почти каждому параграфу предписывается стереотипная формула: «Господа консулы постановили и распорядились» («Statuerunt et ordinaverunt predicti demini consules» и даже «Voluerunt, statuerunt et ordinaverunt dicti domini de capitulo»).

Таким образом, вопрос об источнике волеизъявления, об источнике права решался со всею определенностью. Консулат не просто санкционировал уставы, выработанные цехами, — они исходили от него самого. Консулы могли приглашать в ратушу «старших и наиболее опытных в данном ремесле», выслушивать их соображения и пожелания, но решали только сами консулы и только от них зависело, что из предложенных ремесленниками правил будет отброшено, а что войдет в статут и примет силу закона. Некоторые же статуты прямо изложены как выработанные

¹ EGR, p. 46—47, 50, 73, 79, 88, 97, 111, 124, 139.

ные консулами для такого-то ремесла, независимо от тех или иных пожеланий ремесленников¹.

Более того, консулат присвоил себе, сформулировал и провозгласил, как ему одному принадлежащее, право высшего контроля тулузских ремесел. Преамбулы многих статутах начинаются одной и той же торжественной фразой: «Да будет ведомо всем ныне живущим, а равно и будущим, что поскольку, как известно, попечение и исправление ремесел и лиц в оных ремеслах, в Ситэ и Бурге Тулузы работающих, бесспорно принадлежит тулузским консулам, а также на них лежит наказывать тех ремесленников, которые совершат какие-либо проступки в выполнении своих работ...»².

Налицествует ли эта формула в том или ином статуте или отсутствует, почти в каждом цеховом уставе мы сталкиваемся с другой аналогичной декларацией: консулы оставляют за собой полное право и в будущем «отменять полностью или частично, дополнять, изменять, уменьшать, исправлять и толковать (статут) в целом и в частностях, когда данным консулам или их преемникам это покажется полезным»³.

Любые попытки сговора, соглашения, самовольного союза между ремесленниками не допускались. Примечательно, что такого рода запрещения мы встречаем как в сравнительно позднем Статуте аппретурщиков (1315 год)⁴, так и в одном из наиболее ранних — в Статуте сукновалов, ткачей и красильщиков (1279) год⁵. Самая настойчивость этих запретов и размеры штрафов (у аппретурщиков — до чудовищной суммы в 30 тулузских солидов) говорят о реальности тех самодетельных тенденций в ремесленной среде, против которых эти запреты были направлены, а также о том, что тенденции эти возникли не в XIV веке, как это нередко представляют, а гораздо ранее того времени, когда консулат активно развернул свою политику подчинения цехов.

Система консульского контроля была призвана сломить и пресечь всякое свободное волеизъявление ремесленников, любое проявление их самостоятельности вне контроля консулата. Статут уздечников (1288 год) запрещал любые собрания ремесленников по своим профессиональным делам без разрешения назначенных консулатом цеховых балы или самих консулов⁶. Статуты

¹ Ibid., p. 33, 37, 41, 60, 64, 91—92, 104.

² EGR, p. 3, 15, 19, 25, 29, 33, 37, 41, 72, 78, 88, 91, 118; Statutum pargameneriorum Tholose (1329), publ. par C. Douais. — MAST, 1896; p. 143—144.

³ EGR, p. 25, 36, 41, 43, 44, 55, 58, 68, 77—78, 87, 90, 91, 94, 104, 117, 133, 141, 144.

⁴ EGR, p. 144—145, a. 3, 4, 5, 7, 8.

⁵ Ibid., p. 12 a. 31: «... non stent vel sint in aliqua conventionne sive mandamento nec faciant inter se aliquas conventiones sive mandamenta...».

⁶ «...aliquis frenerius ... non sit ausus facere amas seu congregationem aliquam ratione seu occasione dicti ministerii absque voluntate baiulorum dicti ministerii vel consulum Tholose». — Ibid., p. 43 a. 6.

1280 и 1322 годов обязывали всех свечников, где бы они ни проживали — в Ситэ, Бурге, в слободе Сен-Сиприан или в подгородных поселках, ежегодно являться в консулат, чтобы зарегистрироваться и принести присягу в соблюдении статутот, которые здесь им будут прочитаны¹.

Запрещение союзов, соглашений и собраний ремесленников — обычное явление в южнофранцузских городах этой эпохи². В одних случаях запрещались самые цехи, в других — самовольные союзы и собрания ремесленников вне официально признанных цехов или без разрешения муниципальных властей.

Мастера-ткачи в Лаграсс (близ Каркассона) получили право собраний лишь в 1302 году, и при этом — только для обсуждения своих профессиональных вопросов и только по созыву цеховых старшин³. Правда, это небольшой сеньориальный городок. Но и хартия лиможского Шато запрещала даже жителям двух различных кварталов устраивать совместные пирушки или какие-либо братства⁴. Та же хартия совершенно запрещала какие бы то ни было сговоры и союзы ремесленников, а в случае их возникновения объявляла их недействительными⁵. Аналогичное запрещение встречаем мы и в Марселе. Его коммунальные статуты XIII века обязывали ректора и городских консулов тщательно следить и не допускать возникновения самовольных соглашений и клятвоженных союзов ремесленников, а в случае их обнаружения — немедленно таковые распускать⁶.

¹ Ibid., p. 113 a. 1; p. 119 a. 1.

² Встречаются подобные запрещения и на Севере. В 1249 году капитул шартрского собора запретил городским мясникам создавать союзы или соглашения, которые могли бы воспрепятствовать каноникам закупать мясо в кредит. — Documents (Fagniez), t. I, N 179.

³ «Quod omnes magistri dicte artis in villa Grasse teneantur convenire ad consilium pro negociis dicte artis et non pro aliis ad requisitionem prepositorum dicte artis vel alterius ipsorum vel eorum nuncij specialis; contrarium vero facientes pena duodecim denariorum puniantur» (Cart. Carcassonne; éd Mahul, t. II, p. 468).

⁴ L. Guibert, p. 396.

⁵ «E sacramento alcuna conventio non deu esser entre aqueus que exercis far aqueus mestiers; e si sagramen o conventio era facha, non val, de cosdume deudich chasteu». — Ibid.

⁶ «Constituimus ut rector vel consules Massilie... teneantur diligenter inquirere coniurationes et rassas seu sacramenta facta super pactionibus vel statutis improbandis qualitercumque factis inter homines civitatis Massilie ministeriales seu officiales alicuius ministerii seu aliquas alias et illa inventa quam citius dissolvant sive dissolvi faciant... Et hec intellegimus de illis sacramentis que sine voluntate et permissione rectoris aut consulum Massilie cum consilio et voluntate omnium consiliariorum Massilie vel maioris partis eorundem publice electorum fierent». (Statuta Massiliae, IV. — Méry et Guindon. Histoire de Marseille. Marseille, 1841, t. V, p. 177). Около 1253 г. марсельский консулат снова строго запретил любые самовольные союзы и сговоры в производстве или торговле какими-либо товарами (de emendo vel vendendo rem aliquam, vel de operando vel non operando. — Les statuts municipaux de Marseille; publ. par R. Pernoud; lib. V, N 7). Между тем издательница Статутот Р. Перну усматривает здесь лишь меру против возможных антикоммунальных заговоров или измены (Ibid., p. XXVII).

Законодательство тулузского консулата развивалось в том же направлении. В отдельных случаях оно пыталось воспрепятствовать возникновению цеховых союзов, по крайней мере отказывало им в легализации. Видимо, отнюдь не случайно в сборнике консульских ремесленных статутах не нашлось места для уставов таких важных ремесел, как хлебопекарное и, особенно, кожевенное. Но в целом тулузские консулы не пытались отменить уже сложившиеся ремесленные организации — это было им и не по силам. Их законодательные усилия были направлены на то, чтобы возможно полнее подчинить тулузские цехи, не допустить их самостоятельности.

Начать с того, что в консульских ремесленных уставах почти не упоминаются мастера. Статуты предпочитают говорить о ремесленниках вообще, о «работающих в ремеслах или цехах», о тех, «кто занимается механическими ремеслами»¹ и так далее, но явно избегают ясного термина мастер. Столь же редко и скупо сообщают они об отношениях между мастерами и подмастерьями, учениками. Это дало повод некоторым авторам сделать вывод о незрелости тулузского ремесла, которое якобы и в конце XIII—начале XIV века еще не знало не только института подмастерьев, но даже учеников. На том же основании можно было бы заключить, что в тулузском ремесле не было и мастеров. Но ученики и даже подмастерья в тулузских ремеслах существовали. Устав изготовителей винных мехов (1279 год) предоставляет им право, если они обладают необходимым знанием ремесла, принимать и обучать учеников (*recipient dissipulos*)², а устав изготовителей игральные костей (1298 год) разрешает им держать не более двух учеников каждому³.

Если устав аппретурщиков (1315 год) разрешал открыть самостоятельную мастерскую только тому, кто два года проработал у мастера аппретурщика⁴, то, видимо, в течение этих двух лет данный ремесленник был на положении не только ученика, но и подмастерья. Мы ошиблись бы, если бы решили, что это относится к более позднему времени. Статут изготовителей игральные костей 1297 года уделяет (редкий случай) целых две статьи ученикам и подмастерьям, правда, не слишком различая тех и других: запрещалось переманивать как учеников, так и подмастерьев; ученик (подмастерье) не мог открыть своей мастерской до окончания срока его договора с мастером⁵. Встречается в кон-

¹ «Ministeriales seu artifices», «operantes in dictis officiis seu ministeriis» — EGR, p. 3, 15, 19, 29, 33; «qui mechanica exercent ministeria». — Ibid., p. 22; «quilibet homo officium peleganterie exercens». — Ibid., p. 28 a. 6.

² EGR, p. 31 a. 6.

³ Ibid., p. 40 a. 8.

⁴ Ibid., p. 145 a. 6: «nisi primo steterit per duos annos cum magistro retondetore».

⁵ «... aliquis daserius non sit ausus recipere in suo operatorio vel in domo causa operandi taxillos cum ipso aliquem discipulum seu collocatum affirmatum

сультских статутах и вполне четкое разделение учеников и подмастерьев: Статут ножжевщиков 1293 года перечисляет дни, когда не должны работать «ни сами ножжевщики, ни их ученики, ни их подмастерья»¹.

Таким образом, все три ступени средневековой ремесленной иерархии реально существовали в тулузских цехах, хотя подмастерья не во всех случаях вполне отдифференцировались от учеников. (Впрочем, в эту пору подобное явление можно наблюдать и в других городах и районах Европы). Если же те и другие упоминаются редко, то, как было отмечено, не чаще в статутах упоминаются и сами мастера. Ведь даже в только что приведенном титуле названы ученики и подмастерья, но мастера не названы: консулы предпочли употребить общее название «ножевщики», хотя речь идет именно о мастерах.

Игнорирование термина «мастер» известно не только в Тулузе. Л. Гибер утверждает, что в лиможских источниках это слово не встречается вплоть до конца XIV века². Объяснения этому факту он ищет в режиме свободного ремесла: любой ремесленник данной профессии, заявив соответствующим образом старшинам ремесла или городским консулам и внося весьма скромную сумму в кассу ремесленного объединения, мог открыть мастерскую — особой категории мастеров не существовало³.

Правда, как свидетельствуют тулузские данные, сумма в этом случае требовалась отнюдь не такая уж скромная (см. ниже). Но главное не в этом. Наличие мастеров в ремесле определялось не наличием (или отсутствием) метризы. Средневековый ремесленный мастер — категория экономическая. Это производитель-собственник, товаровладелец. Глубокие основы цеховой иерархии коренились в том членении трудового процесса, которое диктовалось малым объемом производства, ручными орудиями и отсюда — отсутствием разделения труда в ремесленной мастерской. Место каждого ремесленника в этой иерархии определялось наличием у него: 1) профессионального мастерства и 2) минимальных исходных средств для ведения мелкого товарного производства.

Несомненно, и в Лиможе экономическая категория мастеров реально существовала. Другое дело, почему она очень долго не получала признания со стороны муниципальных властей. Охраняя режим «свободного ремесла» и запрещая самостоятельные цехи, консулат отнюдь не был заинтересован в признании и закреплении категории мастеров.

cum illo daserio, nisi hoc facere de voluntate sui magistri cum quo se locaverat, quousque tempus collegii seu contentum in instrumento dicti collegii compleverit. — EGR, p. 35, a. 8; «... aliquis discipulus collocatus cum magistro non sit ausus tenere operatorium per se nec incipiat operari taxillos, quousque compleverit tempus sui collegii». — Ibid., p. 36 a. 9.

¹ «... ipsi cultellarii et discipuli et servientes eorum». Ibid., p. 24 a. 1.

² L. Guibert, p. 398.

³ Ibid.

С аналогичной (хотя и не одинаковой) расстановкой сил мы имеем дело и в Тулузе. Если на протяжении обширного текста 28 ремесленных статутах слово мастер можно отметить всего четыре раза, то отнюдь не потому, что оно не употреблялось в этом городе. Еще за сто лет перед тем, в 1181 году, тулузский консулат установил максимум оплаты труда мастеров — каменщиков и плотников¹. Но затем консулат в своих актах явно избегает пользоваться этим словом, фиксирует это понятие только там, где без него никак нельзя обойтись или где это ему выгодно, так или иначе служит подчинению цехов консулату. Запрещая ученику или подмастерью цеха изготовителей игральных костей переход к другому мастеру без разрешения того, с кем заключен договор, статут разрешает такой переход с соизволения консулов².

Первой и важнейшей функцией рассматриваемых консульских статутах было провозглашение и обеспечение неограниченного контроля консулата над ремеслами. Повседневный этот контроль осуществлялся посредством системы управителей — бальи, в отдельных случаях избираемых ремесленниками и утверждаемых консулатом, но гораздо чаще прямо назначаемых консулами «в данное ремесло или из данного ремесла».

Бальи, как и обычно цеховые старшины, должны были следить за соблюдением уставов, систематически инспектировать мастерские, наказывать нарушителей правил, уничтожать недоброкачественный товар или даже (у ткачей) станки, не соответствующие предписаниям. Но все это должно было совершаться не столько от имени цеха, сколько прежде всего от имени консулата. Бальи приносят присягу не цеху, а консулам. В цехе они прежде всего выполняют полицейские функции, возложенные на них консулатом. Они обязаны доносить консулам о всех нарушениях статутах. И консулы обычно не скрывают того, что в бальи они усматривают в первую очередь орудие надзора над цехами³. Иногда бальи получают второе название — *custodes*, то есть надзиратели, смотрители⁴. Им же достается половина штрафа или они делят свою долю пополам с доносителем; вторая половина идет городскому консулату.

Таким образом, штрафы поступают не в кассу цеха, а доносчикам, бальи и главным образом консулам. Штрафы здесь служат не орудием укрепления материальной базы ремесленного союза, но средством пополнения казны консулата и, главное, — орудием консульской политики в отношении ремесла. Во многих статутах так и говорится: нарушители правил штрафуются кон-

¹ Cart. Bourg, N 6: *ullus magister qui sit operarius lapidum vel lignorum*.

² EGR, p. 35 a. 8.

³ «... ad regendum et gubernandum ministerium supradictum» (EGR, p. 36, art. 11); «dicti domni de capitulo ad predicta custodienda creaverunt baiulos» (Ibid., p. 147).

⁴ «Custodes sive baiuli». — EGR, p. 12, a. 32, 33.

сулами (*per dominos consules*) или по усмотрению консулов (*ad cognitionem dominorum consulum*)¹, в некоторых же доля цеховых балли вообще не предусмотрена, и весь штраф поступает городу или пополам — доносчику и консулам².

Коммунальный контроль над ремеслами — явление, присущее многим городам французского Юга. Так, в Кагоре консулат назначал двух или более прюдомов, чтобы следить за правильным изготовлением сукон в городе, но штрафы за нарушения должны были поступать не консулам, а сеньору Кагора³. Консулат здесь оказывался в значительной мере промежуточным контрольным звеном между сеньором города и ремеслами. Смотрителей ремесел, назначаемых городским консулатом в цехи, встречаем мы и в Монпелье этой эпохи, но, наряду с ними, существуют консулы ремесел, выбираемые самими ремесленниками и активно участвующие в выборе городских консулов⁴. Иными словами, степень независимости ремесленных корпораций была здесь гораздо выше, консульский контроль не мог этой независимости устранить и лишь надстраивался над нею. В Тулузе соотношение сил было существенно иным, и ремесла здесь оказывались почти всецело под властью консулата. Дюбур даже считал возможным сделать вывод, что тулузские цехи были «абсолютно муниципальными учреждениями»⁵.

Для управления ремеслами в составе тулузского консулата существовала специальная «Малая курия» — *curia parva domus communis*, или *curia minor dominorum consulum*; ей поступала и та половина денежных штрафов, которая причиталась городу⁶. Но это не тот «Малый совет», который с XII века упразднял ремеслами в Арле⁷. Там это была тесно связанная с коммунальной организацией города коллегия цеховых старшин *collegium capitum mysteriorum*. Аналогичной была и марсельская коллегия *centum capitum ministeriorum*, члены которой ежегодно выбирались ремесленниками от каждого цеха и до анжуйского завоевания играли огромную роль в жизни марсельской коммуны⁸.

Ничего похожего в Тулузе. Цеховые балли, даже непосредственно назначенные консулатом, не входили в состав его Малой курии; присвоение штрафов четко разделяется между Малой курией консулата и «правителями ремесел»⁹. Обращает на себя

¹ Ibid., p. 38 a. 1; p. 40 a. 8; p. 43 a. 7; p. 117, 123.

² Ibid., p. 65—68, 94 a. 12, 113 a. 1, 113—114 a. 4, 119 a. 1; 120 a. 4, 140 a. 4.

³ Coutumes de Cahors, art. 156.

⁴ См. В. И. Осипов. Развитие ремесла в Монпелье в XII—XIV вв. и проблема «свободного ремесла», стр. 28—29.

⁵ A. Du Bourg. Tableau, p. 27.

⁶ EGR, p. 23; 36 a. 10; 38 a. 1; 39 a. 5; 40 a. 8, 9; 52 a. 2; 113 a. 1; 114 a. 6; 119 a. 1; 120 a. 6.

⁷ E. Martin Saint-Léon. Histoire des corporation de métiers, P., 1922, p. 70.

⁸ Statuts municipaux de Marseille, éd par R. Pernoud; lib. 1, N 10.

⁹ EGR, p. 36 a. 10; 38 a. 1; 39 a. 5; 40 a. 8, 9.

внимание то обстоятельство, что, в отличие от прочих постановлений консулата, ни один ремесленный статут не подписан всеми консулами данного года, но только частью их (обычно 8 из 12), причем, как правило, в статутах одного и того же года имена подписавших консулов повторяются. Видимо, им было поручено осуществление контроля над ремеслами в данном составе консулата, они, насколько можно судить, и образовывали его Малую конурию.

Любопытны также данные, которые можно извлечь из анализа системы штрафов, взимаемых за нарушения статутов. В большинстве ремесел они взыскиваются деньгами, причем половина суммы поступает консулам, а половина ремесленным бальи, как правило, назначенным тем же консулатом. Но в некоторых уставах наряду с денежными и даже вместо них предусмотрены штрафы оливковым маслом — для лампад (в Сент-Этьенском соборе, в Нотр-Дам де ля Дорад, в Сен-Пьер де Кюизин и других церквях), поддерживаемых попечением данного ремесла¹.

На первый взгляд может показаться, что это момент мало существенный: он свидетельствует всего лишь о некоторых религиозных функциях тулузских цехов, как это принято у ремесленных братств. Но в том-то и дело, что, как бы ни были скромны эти функции, их выполнение предполагает наличие определенной организации. Причем организации спонтанной, исходящей не от консулата, а от самого ремесла. Известно, что рядом с полноправными самостоятельными цехами братства выглядели как весьма примитивные организации ремесленников. Но ведь в Тулузе самоуправляющихся цехов в эту пору не существовало — тем большего внимания заслуживали бы и ремесленные братства.

Дж. Манди, вслед за П. Доньоном, полагает, что в эту пору братства были широко известны по всему французскому Югу². В свое время Э. Левассёр держался даже того мнения, что братства были более распространены во Фландрии и Лангедоке, чем в Северной Франции³. Но А. Гурон считает, что до конца XIII в. в Лангедоке ремесленных братств вообще не существовало⁴.

Действительно, в источниках нет прямых данных о существовании в Тулузе этого времени ремесленных братств⁵. Это и неудивительно. Публичное признание получали только братства, со-

¹ У ткачей (мартовский статут 1279 г.) имелись даже две лампы: одна в кафедральном соборе Сент-Этьене, другая — в церкви Нотр-Дам де ля Дорад (EGR, p. 21, art. 3).

² J. Mundy. Liberty, p. 276, n. 25.

³ E. Levasseur, t. I, p. 294.

⁴ A. Gouron. Réglementation, p. 345—346; G. Sautel, p. 343.

⁵ Возражения А. Гурона авторам (Э. Левассёр, О. Молинье, Р. Лимузен-Ламот, М. Э. Мюльхолланд), усматривавшим в консульском постановлении 1184 г. (Cart. Bourg, N 71) указание на существование в Тулузе братства мясников, представляются убедительными. Правда, это еще не означает, что у мясников в эту пору не было никакой ремесленной организации. Мы видели, что существуют достаточные основания для противоположного вывода.

зданные церковью и находившиеся под ее контролем. Таково братство, сложившееся в Бурге в XII в. под эгидой Сен-Серненского аббатства¹. Насколько можно судить, то же относится к братству св. Спасителя и св. Креста, фигурирующему здесь же в начале XIII века². И тем более — к братству св. Мощей, действовавшему в Тулузе в первой половине того же столетия³.

К братствам внецерковным церковь да и светские феодальные власти относились крайне подозрительно и возникновения подобных организаций старались не допускать. Южнофранцузские поместные соборы в XIII веке многократно (в Тулузе в 1229 г., в Монпелье и Арле в 1234 г., в Коньяке в 1238 г., в Валансе в 1248 г. и другие) в своих решениях обрушивали громы и молнии против нецерковных братств, которые, как замечает Э. Корнэр, обычно невозможно было отличить от цехов⁴. Боязнь сколько-нибудь самостоятельных народных организаций или союзов была здесь (особенно после подавления Альбигойского движения) столь велика, что даже в 60-х годах XIII века возникновение в Тулузе Кармелитского братства с явной религиозной направленностью вызвало острое беспокойство со стороны графа Альфонса Пуатье⁵.

В этих условиях наличие организаций ремесленных, строго профессиональных по своему составу, но обладающих своей лампадой в церкви или кафедральном соборе, не может не привлечь внимания. Пусть в прежние времена историки на этом основании делали вывод, что религиозные обязанности составляли главное содержание деятельности цехов⁶. Однако даже Мэри Эмброуз-Мюльхолланд, убежденная, что члены цехов руководствовались христианскими жизненными принципами, отводит такое толкование: оно не подтверждается источниками. Основная причина создания цеховых союзов — не религиозная, а экономическая. Это были промышленные организации⁷. Еще М. М. Ковалевский в свое время высказал мысль, что за ширмой профессионального религиозного братства обычно скрывался ремесленный цех, не

¹ Cart. S.-Sernin, N 58

² Ibid., N 413.

³ Documents Languedoc, t. II.

⁴ E. Coornaert, p. 77. Примечательно, что Авиньонский собор 1326 г., отлучая от церкви братства, нападал особенно на те из них, которые «не служат к славе бога, богоматери и святых и требуют от своих членов клятвы или присяги». (De Ribbe, p. 20—21). Аналогичные запреты имели место и на Севере: см. постановление Руанского собора 1189 года. — Documents (Fagniez), t. I, N 119.

⁵ Он предписывал сенсалу тщательно выяснить, не слишком ли много людей входит в это братство, и не может ли вследствие этого произойти опасных беспорядков. (Corr. Alfonse de Poitiers, t. I, N 270, 405).

⁶ Подобное суждение можно встретить и в сводной работе А. Раме. По его мнению, тулузские статуты последней трети XIII в. свидетельствуют об абсолютном преобладании религиозных обязанностей ремесленников (H. Ramet. Histoire de Toulouse. P., 1935, p. 167).

⁷ M. A. Mulholland. Early gild records. Intr., p. XXIX—XXX.

имевший возможности выступить открыто как самостоятельная организация производителей¹.

Там, где цеховые уставы издавались только консулатом и его же властью назначались бальи, или смотрители ремесел, где цеховая монополия или иные средства экономической самозащиты мелких производителей не допускались, как не допускалось в сущности никаких проявлений самостоятельной воли и действия самих ремесленников, где и самые статуты были не средством защиты интересов тружеников, а в первую очередь орудием контроля и надзора свыше, — там даже такие явления, как цеховые лампы в городских церквях и самостоятельные цеховые денежные сборы на их поддержание драгоценны для историка. Это свидетельства существования (пусть под спудом строгого консульского надзора, пусть почти нелегальных) спонтанных, самостоятельных организаций ремесленников, организаций, которые были старше этого контроля и полностью устранить которые не смогло даже всевластие консулата.

Об этом свидетельствуют и некоторые другие данные, извлеченные из уставов конца XIII века. В большинстве ремесел смотрителей — бальи назначают городские консулы после своего вступления в должность и так же на один год. Но в некоторых ремеслах права консулата ограничены только утверждением, выбирают бальи сами ремесла. Так обстояло дело у торговцев шкурками и старой одеждой (1279 г.)², у скорняков (1280 г.)³, у свечников (1280 г.)⁴. И в 1322 году свечники сохраняли за собою это право⁵. Примечательно, что, тогда как в 1279 году ткачи и сукновалы должны были принимать в качестве бальи лиц, назначенных консулами⁶, к 1318 году они (перечислено 226 ткачей и 84 сукновала) присваивают себе право избрания и утверждения тех цеховых старшин, кого они сами пожелают (и при этом числом втрое больше того, что назначались консулатом)⁷. Начало такого свободного избрания цеховых старшин и присвоения им права выработки цеховых статуты обнаруживается уже в уставе 1298 года⁸.

Под видом ли религиозных братств или иначе, но ремесленники одной и той же профессии несомненно общались между собой, обсуждали свои общие дела и, видимо, в какой-то мере ре-

¹ М. М. Ковалевский. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., 1903, т. 3, стр. 48—56.

² EGR, p. 46.

³ Ibid., p. 27, art. 4.

⁴ Ibid., p. 120, a. 6.

⁵ Ibid., p. 114, a. 6.

⁶ Ibid., p. 20, a. 1; p. 13, a. 35.

⁷ Ibid., p. 135—137: «textores et cives Tholose, ut dixerunt, eorum sponte fecerunt et constituerunt suos certos ac speciales procuratores...»; «paratores civitatis et suburbii Tholose ... eorum spontaneis voluntatibus fecerunt, constituerunt et etiam ordinauerunt suos certos et speciales procuratores...».

⁸ Ibid., p. 79.

шали их. Это отразилось и в статутах. Вот как в статуте канатчиков 1270 года (самом раннем статуте нашего сборника) рисуется его возникновение: явились в консулат некие почтенные люди тулузские канатчики (или из числа тулузских канатчиков) — *probi homines corderii Tholose* и просили, во избежание ущерба канатному ремеслу и коммуне города Тулузы, утвердить в качестве консульского постановления выработанные ими правила¹.

Едва ли понятие *probi homines* (прюдомы) консулы относили ко всем канатчикам. Вероятнее всего, этот титул прилагался к лицам с каким-то более высоким положением в ремесле, быть может, к цеховым старшинам. Но если даже это не старшины, то несомненно — это люди, представляющие данное ремесло, по крайней мере в этой акции. А представленные ими правила (мы не знаем, что из этих правил было отброшено, что изменено консулатом) так или иначе были волеизъявлением участников (или какой-то части участников) данного ремесла. Чтобы такие правила могли быть выработаны, было необходимо какое-то общение ремесленников по их профессиональным делам, какая-то степень профессионального сплочения и организованности. И это относится отнюдь не только к канатчикам, но к целому ряду ремесел, уставы которых, как об этом говорится в самих статутах, в большей или меньшей степени были подготовлены в самом ремесле и представлены в консулат на утверждение.

Факты явки в консулат представителей ремесел, а иногда и большого числа рядовых ремесленников, порою — с жалобами и настойчивыми требованиями², говорят о том, что при всем полномочии консулата ремесленные статуты не были просто emanацией его командующей воли, они возникали в борьбе. Если, например, в 1322 году в консулат явилась группа тулузских свечников во главе с их цеховыми бальи и в связи с тем, что сырье подорожало и они работают в убыток, от имени всех свечников города потребовала пересмотра ранее установленных консулатом цен на свечи³, то, очевидно, цеховой союз и цеховые интересы продолжали существовать.

Любопытно, что протест свечников возглавили бальи. Были ли «правители ремесел» непосредственно назначены консулатом или выбраны самими ремесленниками, их утверждал, как известно, консулат, он же приводил их к присяге и возлагал на них полицейские функции. К консулату их привязывали и доходы от налагаемых ими штрафов. Но органическая связь цеховых бальи с ремесленной средой и определенная зависимость от нее порождали и обратное воздействие. При известных условиях ремесленные бальи из послушных агентов консулата могли превра-

¹ EGR, p. 50.

² EGR, p. 73.

³ Ibid., p. 110—112.

щаться в определенную силу сопротивления, в какой-то степени выражали цеховые интересы.

В этой связи интересно проследить некоторые данные об эволюции института балы в текстильных ремеслах, которыми тулузский консулат занимался особенно много. Согласно первому статуту ткачей, изданному в марте 1279 года, консулат назначал для этого ремесла четырех балы¹. Но уже в апреле того же 1279 года, утверждая общий статут текстильщиков, консулат для каждого из трех основных образующих ремесел предусмотрел только по два балы: два — ткачам, два — сукновалам, два — красильщикам². Таким образом, число балы, во всяком случае у ткачей, урезано вдвое.

Но в 1298 году, когда в консулат явилось десять уполномоченных от красильщиков, ткачей и сукновалов с проектом нового устава, консулат санкционировал для этих ремесел балы в том количестве, в каком они явились в ратушу: четыре красильщика, три ткача и три сукновала³. Примечательно, что эти лица имели при себе документы, удостоверявшие их полномочия от имени всех или большей части ремесленников указанных профессий на выработку новых статуты, и коммунальный нотариус отмечает, что он внимательно ознакомился с этими документами⁴. Таким образом, эти уполномоченные были избраны самими ремесленниками.

Едва ли есть необходимость подробно доказывать, что такие выборы и вручение письменных полномочий были бы невозможны при отсутствии ремесленной организации. Были ли эти лица избраны как постоянные цеховые старшины или только как уполномоченные для выполнения данного поручения, их избрание имело сугубо спонтанную, цеховую основу и противостояло воле консулата. И тем не менее консулат был вынужден признать этих же лиц цеховыми балы и тем самым санкционировать их самовольное избрание ремесленниками.

Можно предположить, что отмеченное возрастание числа цеховых старшин-балы было связано просто с развитием текстильных ремесел и возрастанием числа ремесленников. Но вот в 1310 году консулы, утверждая новый статут ткачей и сукновалов, устанавливая для каждого из этих ремесел опять по два (правда, с неопределенной оговоркой: «или больше») балы, причем подчеркивают, что каждый раз, вступая в должность, сами консулы будут назначать этих правителей ремесел⁵.

А в 1318 году снова и еще ярче повторилась ситуация 1298 года. Опять-таки представители ткачей и сукновалов явились в

¹ Ibid., p. 20 a. 1.

² Ibid., p. 13 a. 35.

³ EGR, p. 79.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., p. 77.

консулат с проектом новых статуты. И снова цеховые старшины (*procuratores*) были утверждены как балы, причем это было обставлено большою торжественностью и фиксировалось как свободное волеизъявление поименно перечисленных (видимо, также явившихся в консулат) 226 ткачей, а затем—и 84 сукновалов. Число старшин-балы возросло до семи у ткачей и до шести у сукновалов,¹ то есть более чем втрое по сравнению с консульскими предписаниями. Очевидно, ремесленники боролись за право иметь больше цеховых балы, тогда как консулат всячески старался ограничить их число.

То обстоятельство, что ткачи, сукновалы и красильщики каждый раз выставляют раздельных старшин и добиваются их утверждения в качестве балы для каждой из этих профессий отдельно, свидетельствует, что в некое единое текстильное ремесло эти три профессии были сведены вопреки их желанию и что в постоянной борьбе с консулатом три основных сукнодельческих цеха умели отстоять свое существование и при этом фактически самостоятельно выбирать своих цеховых старшин и добиваться увеличения их числа.

Все это заставляет думать, что ремесленные балы не были изобретением консулата, введенным сверху в жизнь тулузских цехов. Первоначально это были цеховые старшины (*procuratores*), избираемые ремесленниками и, так или иначе, выражавшие интересы цеха. Муниципальные власти, стремясь подчинить ремесленные организации своему контролю и лишить их всякой самостоятельности, не могли при этом обойтись без каких-то должностных лиц, которые служили бы орудием проведения этой политики. Но такую роль могли выполнить только люди, исчерпывающе знавшие как технологию производства, так и внутреннюю жизнь данного ремесла. Ясно также, что возлагаемой на них функции они не могли выполнить, не обладая известною степенью доверия членов цеха. В итоге консулат мог назначать ремесленных балы только из числа тех же ремесленников данного цеха.

Но и будучи назначены консулатом и принеся ему присягу, балы все-таки оставались ремесленниками, и их интересы, по меньшей мере столько же, сколько с консулатом, связывали их с цехом. Не могли они избежать и воздействия той ремесленной массы, в которой постоянно вращались. Не удивительно, что балы, призванные быть агентами консулата, на деле нередко оказывались выразителями цеховых интересов². Поэтому за официальной картиной улаженности и прочности системы консульского контроля над тулузскими цехами нетрудно разгля-

¹ EGR, p. 135, 137.

² EGR, p. 46—47 (1279 г.), 87—88 (1291 г.), 139 (1311 г.), 44 (1316 г.), 124 (1318 г.), 57—58 (1320 г.), 110—111 (1322 г.).

деть напряженную борьбу между цехами и консулатом, в частности—борьбу за бальи.

В некоторых случаях создается впечатление, что консулат не доверяет цеховым бальи. Например, в статутах свечников (1280 и 1322 годов), наряду с пунктом, предусматривающим избрание всеми ремесленниками этой профессии четырех бальи, имеется другой, согласно которому свечники под присягой обязуются ежемесячно выбирать из своей среды двух *probos homines*, которые дважды в неделю будут обходить мастерские и проверять выполнение консульских предписаний в отношении технологии и качества продукции¹. Наложение же штрафов совершенно изъято из ведения бальи и всецело присвоено консулами². Более того, статуты обязывают каждого свечника и свечницу ежегодно при перевыборах консулов являться в Малую курию консулата, здесь зарегистрироваться, выслушать статуты и принести присягу в безусловном их соблюдении³. В цехе лесопильщиков, как показывает текст их статута (1311 г.), тоже имелись свои бальи, но статут никак не регулирует системы их выборов, а право наказания за нарушение статутов целиком передает Малой курии консулата; городу же должна поступать и вся сумма собранных штрафов⁴.

Что же касается мясников, то их статут (1322 г.) даже не упоминает о цеховых бальи, все штрафы делит между доносчиком и консулатом, а к присяге приводит опять-таки не бальи, а всех мясников, перечисляя каждого поименно⁵. Едва ли возможно предположить, что мясной промысел, один из старейших и наиболее развитых в Тулузе, который уже в XII веке проявил определенные тенденции к цеховому сплочению и защите своих цеховых интересов, и в первой четверти XIV века оставался настолько незрелым и организационно аморфным, что, в отличие от других, не сумел даже организовать выбора своих цеховых старшин. Не вернее ли другое: этот цех был настолько многочисленным, влиятельным и, видимо, строптивым (припомним притязания тулузских мясников на кожевенную пошлину в середине XII века, конфликт между консулатом и мясниками в 1182-84 гг., когда для подчинения мясников породским капитуляриям пришлось прибегнуть к помощи графского викария и сенсергенского братства), что консулат, еще в XII веке запретивший какие бы то ни было союзы или соглашения между мясниками⁶, и в начале XIV века не желал допустить ни малейшей степени его организационной самостоятельности и не только не разрешал здесь

¹ EGR, p. 120, a. 5, 6; p. 114 a. 5, 6.

² «... ad cognitionem dominorum consulum tunc Tholose talis delinquens puniatur». Ibid., p. 123, 117.

³ Ibid., p. 119 a. 1.

⁴ Ibid., p. 140—142.

⁵ Ibid., p. 65—72.

⁶ Cart. Bourq., N 71.

выборов старшин ремесленниками, но даже не решался назначать своею властью цеховых балли в это ремесло, явно опасаясь, что они могут оказаться силой, враждебной консулату.

И ведь это не единственное исключение. Среди многочисленных постановлений консулата по делам тулузских ремесел в конце XIII—начале XIV века, где некоторым цехам посвящено по несколько статутот, мы не найдем ни одного, который был бы посвящен такому старинному, развитому и важному для Тулузы ремеслу, как кожевенное. Этот факт не покажется столь необъяснимым, если вспомнить, какую высокую степень профессиональной сплоченности и организованности проявили тулузские кожевники еще в середине XII века в борьбе с сеньориальными пошлинами, как рано они сумели ввести и на какое-то время отстоять (явно вопреки воле консулата) свою цеховую монополию производства¹. Очевидно, консулат имел основание не допускать легализации этого цеха ни в какой форме.

Статуты содержат и другие любопытные данные об активности цеховых тенденций, действовавших в тулузских ремеслах и под ферулой консульского контроля. Так, в статутах некоторых ремесел упоминаются цеховые дома, дома цеховых собраний (*domus de vinariis*), поддерживаемые на общие средства цеха². Видимо, здесь проводились собрания ремесленников и, насколько можно судить, — не всегда угодные консулату. В 1288 году, издавая статут уздечников, консулат запрещает им какие бы то ни было собрания без разрешения цеховых балли или же консулов³.

Существовала ли система цехового членства, какие-то условия допуска в цех? Принято считать, что южнофранцузские цехи, в отличие от северных (так называемых закрытых цехов) не знали ограничений или определенных условий приема, что они были открыты для всех желающих. Широко распространенные в городах Юга запрещения каких бы то ни было «сговоров, союзов и монополий» ремесленников, а также обычное здесь молчание источников об условиях допуска в цех дают существенные основания для таких выводов. Вот и в тулузских консульских статутах о цеховом членстве прямо не поворится ни слова. Но дает ли это нам право решать поставленный выше вопрос отрицательно? Если статут ткачей и сукновалов 1318 года разрешал цеховым балли, обнаружившим у какого-либо ремесленника берда и стапки не указанного образца, «исключать (очевидно, их вла-

¹ Layettes, I, N 149.

² EGR, p. 31 а. 5 (1279 г.); p. 27 а. 3; p. 28 а. 6 (1280 г.). Пергаментники имели в Бурге свой цеховой дом (*borda*), который служил и местом продажи их продукции и общежитием для нуждающихся сочленов. (*Statutum pargameneriorum*, publ. par C. Douais, art. 7).

³ EGR, p. 43 а. 6.

дельцев) из цеха ткачей»¹, то надо полагать, что какая-то система членства существовала и существовала разница между членами и нечленами цеха.

Приведенный титул свидетельствует, что важнейшим условием занятия ткачеством в Тулузе было соблюдение статута, подчинение цеховым бальи и консульским предписаниям. Еще первый Статут ткачей 1279 года предоставляет право открытия ткацкой мастерской в Тулузе только тому, кто представит достойных поручителей, что будет работать добросовестно; кто будет признан достойным этого². Текст не разъясняет, кому должны быть представлены поручители и кто определяет степень соответствия эталону достоинства. Не исключено, что имеется в виду консулат, но в таком случае он, наверное, был бы назван. Если же этим правом обладали бальи, то, значит, в большой мере — и цех. И хотя далее, в шестой статье, дается понять, что более никаких предварительных условий для занятия ткачеством в Тулузе не существует, уже наличие вышеприведенных условий, довольно расплывчатых, но потому допускавших и более широкое применение, свидетельствует, что цех не был аморфным, что ремесленники не хотели беспрепятственного допуска всех в состав своей организации и имели известные средства ограничения приема в члены цеха. Более того, вопреки распространенным представлениям о ложнофранцузских цехах, даже в консульских статутах мы находим некоторые свидетельства существования цеховой кассы и цехового вступительного взноса. Так, устав скорняков 1280 года обязывает всякого, желающего заняться этим ремеслом, уплатить бальи 10 тулузских солидов (немалая сумма), причем прямо сказано: на нужды цехового дома³. Аналогичное требование участвовать в общих расходах на поддержание цехового дома и вообще в расходах на общецеховые нужды к вновь вступающему мастеру предъявляет и Статут изготовителей винных мехов 1279 года и Статут пергаментчиков 1329 года⁴.

Членство в цехе было связано с расходами — оно реально существовало. Оно было основой цеховой организации, которая возглавлялась цеховыми старшинами-бальи и оформлялась цеховым уставом и, несмотря на все усилия консулата, никогда не превращалась полностью в «муниципальное» учреждение.

Едва ли было бы правильно рассматривать приведенные свидетельства источников как исключения или случайности. Разумеется, в той же Тулузе различные цехи обладали разной сте-

¹ «... exsistere (excidere?) seu expellere a dicto ministerio textorie». — Ibid., p. 129, a. 15.

² Ibid., p. 21 a. 5, 6.

³ Ibid., p. 28 a. 6: «pro opere domus de vinariis».

⁴ Ibid., p. 31 a. 5: «ad opus publicum eorundem, quod vocatur de vinariis, et aliis negociis necessariis et utilibus officio seu ministerio memorato». Statutum pargameneriorum, art. 8.

пению независимости, и, быть может, эти цехи, особенно скорняжный, были наиболее самостоятельными. Но тут и там протискивающиеся сквозь общий однообразный тон всеобъемлющего консульского контроля штрихи иной картины убеждают, что тенденция к цеховой независимости была присуща всем тулузским ремеслам, однако реализовалась она в различных цехах далеко не в равной степени, а закрепиться в тексте консульских статут-ов и получить официальное признание удавалось лишь в отдельных случаях и только отдельным элементам цеховой самостоятельности. В постоянной борьбе цеховых и антицеховых тенденций это зависело от конкретного соотношения сил.

В отдельных случаях ремесленникам удавалось пробить брешь даже в главной цитадели ремесленной политики консулата—в непререкаемой консульской монополии выработки и пересмотра цеховых статут-ов. В 1318 году консулы были вынуждены предоставить избранным самими ремесленниками цеховым старшинам (*procuratores*) ткачей полную свободу пересмотра существующих и выработки новых статут-ов и вообще рассмотрения и разрешения дел их цеха¹.

Эта декларация стоит в кричащем противоречии с настойчиво повторяемой в статутах формулой о неограниченном праве консулов устанавливать, пересматривать, отменять и дополнять уставы тулузских цехов. Надо представить себе, какою силой должен был обладать натиск ремесленников, чтобы вырвать у могущественного патрицианского консулата это право, каким должен был быть накал предшествовавшей борьбы. Недаром именно тогда же, в 1318 году, ткачи добились резкого увеличения числа своих цеховых старшин—с двух (1310 год) до семи и не назначенных консулатом, а выбранных самими ремесленниками, 227 ткачами *eorum sponte*. И за нарушение статут-ов определение наказания теперь почти всецело передавалось цеховым старшинам, и взыскание штрафов—также отныне принадлежало только им, ни о каком дележе с консулатом нет и речи. При этом, как явствует из 21 статьи устава, старшинам-балы полагалась лишь доля штрафов, значит остальное поступало в кассу цеха².

Статуты не содержат прямого запрещения цеховой монополии, нигде в них мы не встретим даже этого термина, он противен самому духу консульского законодательства. И все-таки в одном случае консульский статут открыто декларирует цеховую монополию: статут ножевщиков 1293 года запрещает в Тулузе и ее округе торговать ножами и мечами местного производства³. Это единственный пример: только пожевщикам-оружейни-

¹ EGR, p. 135—136.

² EGR, p. 127—128 a. 11; p. 129 a. 15; p. 130 a. 21; p. 131 a. 20; p. 135.

³ Ibid., p. 24, a. 2.

кам удалось добиться от консулата такого прямого признания их цеховых прав.

Но тенденции к монополии производства была свойственна не только ножовщикам, и эта тенденция находила другие формы своей реализации. В самом деле, что означали требования ряда статутах к новым мастерам данной профессии, о которых речь шла выше: представить достойных поручителей, получить признание цехом наличия у новичка необходимых достоинств, участвовать в общих расходах цеха, вносить вступительный взнос. Короче говоря, что означали вводимые условия членства в цехах, как не стремление устранить чужаков (*extranei*), как не форму осуществления цеховой монополии производства? Ведь если не говорить о позднейшем «замыкании цехов», свойственном периоду разложения цехового строя, так и в странах классического развития цеховой системы в эту пору *Zunftzwang* фактически осуществлялся с помощью таких же средств.

Единственное, чего недостает в этом отношении тулузским цехам, это — шедевра. Но, как известно, в эту эпоху он существует еще далеко не всюду¹. А кроме того, мы не знаем, каким именно требованиям должен был удовлетворять тот, кто хотел быть признан достойным открыть мастерскую, — *qui idoneus fuerit ad tenendum operatorium*. Текст (*quod fideliter exercent et operabunt*) заставляет думать, что какая-то проверка знания ремесла сюда непременно входила². Еще определеннее намекает на существование шедевра или, по крайней мере, цехового экзамена статут аппретурщиков (1315 г.). Под угрозой огромного штрафа в 30 тулузских солидов ежемесячно аппретурщику запрещалось открывать самостоятельную мастерскую, если он не проработал двух лет у мастера или если балы цеха не признают, что он в совершенстве овладел мастерством аппретуры сукон³.

Отмечая сравнительно малую степень самостоятельности лангедокских цехов, Андре Гурон приходит к выводу, что заметные изменения в этом отношении происходят только с середины XIV века. Безусловно, в эту пору на Юге складываются существенно отличные от прежних и экономические и политические условия. Но наши тулузские источники убедительно свидетельствуют, что тенденции к самостоятельной цеховой политике достаточно выразительно проявляет себя и в первой четверти XIV и в последней трети XIII столетия. В частности, избрание цеховых старшин (или балы) самими ремесленниками, на что, как на критерий, ссылается Гурон, в ряде случаев можно кон-

¹ Даже в 100 уставах парижских цехов, собранных в «Книге ремесел» Этьена Буало, требование представления шедевра фигурирует только один раз. (См. В. В. Стоклицкая-Терешкович. Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси. — СВ, вып. 3, стр. 82).

² *Ibid.*, p. 21, a. 5, 6.

³ *Ibid.*, p. 145, a. 6.

статировать еще в статутах 1279 и 1280 годов¹. Там же, где (и это в большинстве случаев) бальи назначаются консулатом, нельзя не видеть вынужденности, навязанности этой системы. Всюду, где удавалось, цехи приоваивали себе право выбора старшин². Исход борьбы цеховых и антицеховых тенденций решался конкретным соотношением сил³. Следует отметить, что Андре Гурон, стремящийся избежать узко юридического подхода к проблеме «свободы» и «несвободы» ремесла и потому гораздо ближе своих предшественников подошедший к ее разрешению, приходит к выводу, что во всяком случае тулузские цехи обладали значительной степенью внутреннего развития и приближались к парижскому и фламандскому типам ремесленных организаций⁴.

Против этой тенденции цехов к независимости, против попыток проведения цехами самостоятельной политики и была направлена политика консульского контроля над ремеслами. Не «молодость» или «неразвитость» тулузского ремесла, как это представляется М. Э. Мюльхолланд⁵, не мнимое равнодушие южнофранцузских ремесленников к свободе их профессиональных организаций были причиной той скованности цеховой самостоятельности, которая бросается в глаза в статутах тулузских цехов. Главной причиной было скрывающее воздействие могучих антицеховых сил, опиравшихся на патрицианский консулат.

Но, может быть, консульский контроль, хоть и связывал независимость цехов, зато избавлял ремесленников от мелочной регламентации, не сковывал их свободы в отношении объема производства, численности рабочего персонала мастерской и распоряжения своими собственными экономическими ресурсами, может быть, он защищал их от внешней конкуренции? Прежде всего необходимо отметить, что тулузские ремесленные статуты исполнены всевозможных правил, регламентирующих качество сырья и готовых изделий, технику и технологию производства. В некоторых статутах такие правила составляют 90 процентов и более их содержания⁶. За выполнением этих предписаний в пер-

¹ Ibid., p. 27 a. 4, 46, 120 a. 6.

² Ibid., p. 114, 135, 137, 139—142.

³ Представляется глубоко обоснованной точка зрения крупнейшего советского исследователя средневекового ремесла В. В. Стоклицкой-Терешкович: понятие цеха, как обобщение исторической реальности, не может исходить из какого-то заранее взятого всеобщего эталона; оно требует гибкого подхода, уяснения сущности и учета всего конкретного многообразия форм данного явления. Степень самостоятельности цеховой организации во многом зависела от той среды, в которой развивалось ремесло в данном городе, от конкретного соотношения социальных и политических сил. (См. В. В. Стоклицкая-Терешкович. Проблема цеха, стр. 78, 80, 87, 102).

⁴ A. Gouron. Réglementation, p. 252.

⁵ M. A. Mulholland. Introduction.

⁶ См. например, статуты плотников (1273 год); пирожников (1316 год); красильщиков, ткачей и сукновалов (1298 год).

вую очередь должны были следить цеховые бальи, их невыполнение наказывалось штрафами.

Но свободу товаропроизводителя ограничивала не только крупная техническая регламентация. Если, как было отмечено выше, всякие стоворы или соглашения между ремесленниками и в частности соглашения о размерах оплаты труда при выполнении промежуточных производственных процессов строгой запрещались, если, например, аппретурищикам запрещалось ходить по лавкам сукноторговцев или по рынкам в поисках грубых сукон, требующих аппретуры¹, то едва ли при этих условиях можно говорить о свободе хозяйственной деятельности самостоятельного товаропроизводителя.

Менее всего оснований дают консульские статуты для вывода о защите ремесла от конкуренции. Они, как правило, открывают доступ в городское ремесло, независимо от подчинения дисциплине цеха. Так, согласно Статуту ткачей (март 1279 г.), пришлому ткачу (*textores extranei*), для того чтобы открыть мастерскую в Тулузе, достаточно представить надежных поручителей в том, что он будет ткать добросовестно и что изготовленные ткани будут должным образом возвращать их владельцам, от которых получил пряжу для тканья, и что эти ткани будут изготавливать возможно скорее². А статут мясников (1322 г.) требует от мясника-чужака (*homio extraneus vel forensis*), желающего заняться этим промыслом в Тулузе, только представления консулату имущественной гарантии (залога?) на сумму до 10 турецких су для уплаты штрафа (тому же консулату и доносчику, цеховые бальи даже не упоминаются) в случае его провинности³. Некоторые же уставы (например, свечников, бочаров) открыто провозглашают или косвенно дают понять, что право производства и сбыта соответствующих изделий они в равной мере предоставляют как тулузским ремесленникам, так и внегородским жителям поселков⁴.

Очень мало внимания уделяют статуты защите мелких производителей от внутрицеховой конкуренции. Объем производства не регламентируется (единственный титул, в статуте черепичников, имеющий подобное значение, видимо, имеет в виду лишь обеспечение качества изделий⁵). Запрещение работы в праздники, а тем более в ночное время, содержится далеко не во всех уставах. А статут сукновалов, ткачей и красильщиков (апрель 1279 г.) даже вводит специальное разрешение этим ремесленникам работать как днем, так и ночью⁶.

¹ EGR, p. 145 а. 5.

² Ibid., p. 21 а. 5.

³ Ibid., p. 66—67 а. 3.

⁴ Ibid., p. 17 а. 4; p. 119 а. 1.

⁵ Ibid., p. 93 а. 10.

⁶ Ibid., p. 6 а. 8.

Очевидно, в свете сказанного должна быть понята и крайняя скудость (почти полное отсутствие) регламентации количества учеников и подмастерьев и срока ученичества¹. Ограничение объема производства мастерской, недопущение внутрицеховой конкуренции, ограничение возможностей внутрицеховой и межцеховой эксплуатации явно не интересуют консулат, это отнюдь не входит в круг задач его ремесленной политики. Если в редких случаях статуты касаются вышеназванных вопросов, то либо там, где этого требовала забота о качестве изделий, либо там, где это давало возможность вмешательства консулата и усиления его контроля над ремеслом.

Зато в жизни ремесла была область, которую консулат считал необходимым регламентировать со всею настойчивостью и скрупулезностью. Это—оплата труда и цена потовых изделий. В 1273 г. он устанавливает максимум (мизерный максимум) платы мерщикам доставляемого в Тулузу строительного леса², а в 1315 г. вводит таксу заработков аширетурщиков с каины обработанной ткани, в зависимости от ее ширины, грозя в случае несоблюдения штрафом, который в 12—60 раз превышал размер максимальной оплаты труда³. Мясникам предписывалась максимальная цена бараньей туши в зависимости от сезона⁴. Для маслособоев (1277 г.) и свечников (1280 г.) консулат разработал детальную шкалу максимальных цен на масло и свечи в зависимости от рыночной цены эмины масла и квинтала сала (эти цены также устанавливались консулами)⁵. Когда в 1322 г. свечники заявили, что в виду вздорожания сырья и материалов они работают в убыток и не могут далее продавать свечи по прежним ценам, консулат с той же скрупулезностью разработал новую подвижную шкалу, строго регулировавшую размер заработков этих ремесленников⁶.

Если отмеченные консульские постановления охватывали только некоторые цехи, то не забудем, что для ряда ремесел (мясники, каменщики, плотники, мельники, булочники) максимум заработка был установлен консулатом еще в XII веке. А там, где он и не был открыто фиксирован, консулат располагал такими могущественными орудиями, как право постоянного и всестороннего контроля за деятельностью цехов и строгий запрет сговоров и соглашений между ремесленниками.

¹ Редкий пример консульского вмешательства в эти вопросы — Статут пергаментщиков 1329 года. Но и здесь запрещение иметь более одного ученика и обязательность трехлетнего срока обучения мотивируется заботой о должном овладении мастерством, число же подмастерьев в одной мастерской вовсе не ограничивается (*Statutum pargamentierorum Tholose*, art. 5, 6, 8).

² *Ibid.*, p. 64 a. 6.

³ *Ibid.*, p. 146 a. 11.

⁴ *Ibid.*, p. 67 a. 5.

⁵ *Ibid.*, p. 99—102, 120—122.

⁶ *Ibid.*, p. 110—111, 114—116.

Недопущение установления цен на готовые изделия самими цехами и строгое ограничение доходов производителей были важнейшими задачами политики консулата в отношении ремесла, и в этом, быть может, наиболее яркое выражение антицеховой, антиремесленной сущности этой политики. Что же касается «свободы игры рыночных сил», свободы деятельности мелкого товаропроизводителя, то едва ли есть необходимость доказывать, насколько такая политика консулата сковывала эту свободу.

Проблема свободы средневекового ремесла—это не проблема наличия или отсутствия его регламентации. В условиях общего господства феодализма и узости рынка сбыта промышленных изделий мелкое товарное производство не могло обходиться без мер регулирования. Вопрос состоял в том, кем и в чьих интересах это регулирование осуществлялось. Антитезой свободы средневекового ремесла были не цеховая регламентация, а сеньориальное господство (феодалное обирательство) или патрицианско-консульский контроль (эксплуатация патрициатом, скупщиками, раздатчиками сырья).

Система так называемого «свободного ремесла» менее всего обеспечивала свободу развития мелкого товарного производства в условиях средневекового города. Как показывают факты, эта система, не допускавшая цеховой самостоятельности, означала для тулузских ремесленников полную беззащитность перед лицом патрицианского консулата и эксплуататора—раздатчика сырья. Не удивительно, что в последующие столетия, когда королевская власть прочнее подчинила города Юга, а власть городского патрициата в них существенно ослабела, ремесленники Лангедока и Лимузена, по словам Левассёра, «стремились взять за образец Париж: они старались защититься от конкуренции путем введения цеховых статутів с разветвленной системой ограничительных предписаний»¹.

Факты показывают, что и на Юге, в зоне так называемого «свободного ремесла», ремесленники стремились к созданию независимых цеховых организаций, к введению цеховой монополии. Об этом выразительно свидетельствуют уже самые запрещения «сговора, союза и монополии» ремесленников столь часто встречаемые в муниципальном законодательстве южных городов. Рассматривая (на позднейшем материале) свидетельства о настоячивом стремлении ремесленников к созданию цеховых союзов, Жорж Эспинас с полным основанием вновь подчеркивает, что цехи с их регламентацией отнюдь не были принудительным институтом, навязанным производителям и сковывавшим их сво-

¹ E. Levasseur, I, p. 279. Интересно, что П. Буассоннад, впервые описавший «свободные ремесла», вовсе их не идеализировал. Это были в действительности неполноправные союзы ремесленников, зависимые от сеньоров или муниципий. Самостоятельные «присяжные цехи» были их идеалом. (P. Boissonnade. Essai, t. 2, passim; i d. Travail au Moyen Age, p. 260).

боду. Они были спонтанными, свободными ассоциациями, лишь позднее получавшими признание¹.

Всем этим мы отнюдь не хотим сказать, что ограничительные тенденции ремесла всегда были прогрессивны,—это иная плоскость рассмотрения вопроса. Мы хотим лишь отметить, что цеховые, ограничительные тенденции коренились глубоко в самой экономической природе мелкого промышленного производства в условиях феодализма, выражали его насущные потребности, а отнюдь не были, как это казалось потом либералам-фритредерам, извне навязанными путами и оковами; особенно—на раннем этапе развития. «Не может быть ничего более ошибочного,—писал К. Маркс,—чем рассматривать средневековые корпорации и цехи... как нечто «несвободное»».²

Вместе с тем, как нам представляется, это отнюдь не должно означать неприменимости самого понятия свободы ремесла в условиях средневековья. Если, основывая около 1140 г. «убежище» на южной окраине Ситэ, тулузский граф предоставлял его поселенцам свободу занятий ремеслом, но при этом не позволял переселяться в это убежище жителям своей столицы³, то не остается сомнения, что в Тулузе в эту пору ремесло отнюдь не было свободным и что освобождение от сеньориальной эксплуатации (и то, насколько можно судить, относительное, не полное) давалось ремесленникам лишь в порядке изъятия из общего правила—в сальветатах. Если тулузские кожевники обязаны были покупать соль, необходимую для обработки кож, только с графских соляных складов, по графской монопольной цене, а до 1148 г. должны были также платить особую «кожевенную пошлину», то, очевидно, их ремесло отнюдь не было свободным от сеньориального обирательства. Если в городе Мирпуа (в графстве Фуа) в XIII веке рыболовство облагалось тяжелым побором в пользу сеньора города и рыбаки жаловались, что люди сеньора чинят им всяческие притеснения в продаже рыбы⁴, то очевидно, что и здесь ремесло не было свободно. Иными словами, вопрос о свободе средневекового ремесла, как и вообще о всякой свободе, должен, как того требо-

¹ «... la formation (de métier) est libre et non administrative». «... est non pas ordonnée, mais spontanée». «... une association libre, puis reconnue». (G. Espinas. Comment étudier les statuts d'une association professionnelle. — RHDFE, 1946—47; p. 131). Заинтересованность ремесленников в создании цеховых союзов и настойчивость их требований в этом направлении на позднейшем немецком материале отмечает В. А. Ермолаев («Франконский город в Крестьянской войне 1525 г.» — СВ, вып. V, 1954, стр. 120—121). При всем различии конкретных условий, повсюду в основе этих требований так или иначе лежало преобладание натуральнохозяйственных отношений в деревне, узость рынка ремесленных изделий, господство сеньориальных или патрицианских монополий, засилие купеческих интересов.

² К. Маркс. Машины. Применение природных сил и науки. — «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 25, М., 1968, стр. 51.

³ Cart. Bourg, N II.

⁴ Cart. Mirepoix, t. II, 190—III, 192 — III.

вал Ленин, ставиться исторически и конкретно: свобода—от чего?

Едва ли есть необходимость подробно говорить здесь о том, что в определенном смысле городское ремесло, по сравнению с хозяйством феодально-зависимых крестьян, было свободным с самого своего возникновения. Поскольку это было товарное хозяйство самостоятельных производителей, действовавших в сфере промышленного труда и являвшихся собственниками сырья и орудий производства,—постольку оно было свободно от поземельной зависимости и, значит, от феодально-поместной эксплуатации¹. Но, как видим, эта потенциальная экономическая свобода (независимость) простого товарного производства в ремесле, определявшая собой всю специфику развития средневекового города, еще не освобождала ремесло от некоторых, пусть остаточных, пережиточных, но весьма чувствительных форм сеньориального обирательства и притеснения. Свобода самостоятельного мелкого производителя, заложенная в экономической структуре этого хозяйственного уклада, должна была быть обеспечена и закреплена в антисеньориальной борьбе.

Освобождение от сеньориальных запретов, ограничений, монополий, поборов и пошлин было важным этапом в развитии ремесла в условиях феодализма. В городах французского Юга, как правило в XII веке, оно было завоевано в ходе развернувшегося коммунального движения, в тесной связи с ним. В Тулузе эта связь прослеживается очень рельефно—достаточно обратить внимание на даты важнейших «вольностей»². Но те же хартии, если их прочесть внимательно, свидетельствуют и о том, что само по себе общегородское коммунальное движение автоматически не обеспечивало всей исторически возможной свободы ремесла. Как мы видели, уже для этих побед требовалась известная степень солидарности производителей данной профессии, объединение их денежных ресурсов и настойчивая борьба против конкретных сеньориальных монополий и пошлин. Именно в цеховой организации К. Маркс видел исторически необходимую форму реализации возможной свободы труда в условиях феодализма. «Это была та форма, в которой труд освобождался от земельной собственности, и, безусловно, тот период, в котором он социально и политически стоял на самом высоком уровне»³. В освободительной антифеодальной борьбе ремесленных союзов К. Маркс видел проявление «революционного и прогрессивного характера» материальной основы цеховой организации⁴, то есть самостоятельного простого товарного производства.

¹ См.: С. М. Стам. Движущие противоречия развития средневекового города. — ВИ, 1965, № 7.

² В Монпелье сличение ремесел и отвоение ими у сеньора важнейших вольностей происходило также в предкоммунальный период. (См. В. И. Осипов. Развитие ремесла в Монпелье, стр. 20—25).

³ К. Маркс. Машины. Применение природных сил и науки, стр. 51.

⁴ Там же, стр. 52.

Более или менее решительная победа над сеньором означала лишь первый шаг в завоевании и закреплении свободы ремесла. Место сеньориальных монополий нередко занимали монополии патрицианские. Припомним, что ту же самую пошлину с кож, которую в Бурге еще во второй половине XI века собирал граф, в середине XII века тулузским кожевникам пришлось выкупать у знатных патрициев. Мало того, едва только конститутировавшись, муниципальный консулат (опять-таки патрицианский) стремится подчинить ремесло своему контролю и сразу же вводит максимум доходов ремесленников. Эти меры были явно направлены против попыток установления цен самими союзами производителей. Консулат не только не поощряет создания ремесленных корпораций и введения цеховых монополий, но старается пресечь любые попытки соглашений или совместных действий ремесленников одной профессии. Таковы, например, репрессивные меры консулата совместно с графским вигье и Сен-Серненским братством против тулузских мясников в 1184 г.¹ Припомним также, что, когда кожевники решили отстоять против купцов свое право цеховой монополии в дублении кож крупного скота и в торговле ими, они обратились с жалобой не в консулат, а в графскую курию².

Очевидно, консулат не желал ни в какой мере ограничивать доступ иногородных конкурирующих элементов на тулузский рынок ремесленных изделий, да и в самое ремесло. Именно в этом теперь состоит главный смысл деклараций «свободы ремесла» в актах коммунальных властей южнофранцузских городов. Эти декларации, как мы видели, сопровождались красноречивыми запрещениями самостоятельных ремесленных союзов. В итоге «свободное» ремесло оказывалось лишенным свободы создания организаций, отстаивающих его интересы, и потому беззащитным перед лицом патрицианского консулата, иногородного и деревенского ремесла, перед лицом богатого купечества.³

Естественно, что в этих условиях задача упрочения и расширения свободы мелкого товарного производства в городе еще настоятельнее требовала его профессионального сплочения, введения внутренней регламентации, цеховой монополии и признания прав самостоятельного ремесленного союза. Выше можно было видеть, как тулузский консулат сопротивлялся этим цеховым тенденциям во второй половине XII века. События первой трети XIII столетия мало благоприятствовали и активизации ремесленного законодательства консулата и сохранности исторических докумен-

¹ Cart. Bourg, N 71.

² Layettes, I, N 149.

³ Так обстояло дело не только в Тулузе. Примечательно, что та же хартия лиможского Шато, которая декларировала свободу каждого заниматься ремеслом без каких-либо ограничений, устанавливала, что только консулы имеют право юрисдикции в отношении ремесел, только они могут налагать штрафы на ремесленников или лишать кого-либо права заниматься ремеслом. (L. Guibert, p. 397).

тов. Но и от этого времени до нас дошли два муниципальных акта по делам суконоделия—два необычайно ярких консульских постановления¹. Однако их содержание может быть раскрыто наиболее полно лишь в свете анализа дальнейшего консульского законодательства, и потому прежде следует обратиться к его рассмотрению.

Новый, самый интенсивный этап ремесленного законодательства тулузского консулата приходится на последнюю треть XIII и первую четверть XIV века. С переходом в 1271 г. Тулузского графства непосредственно в руки королевской власти прочность политической позиции тулузского консулата пошатнулась и реальной стала для него угроза утери контроля над ремеслом. Попытки ремесленной массы опереться на внешние силы в борьбе против всевластия городского патрициата, имевшие место еще в правление Альфонса Паутье, стали в эту пору еще более опасны для консулата. К тому же, очевидно, и сами ремесла и их спонтанные организации стали к этому времени значительно сильнее. Видимо, только совокупностью всех этих условий можно объяснить ту неслыханную энергию и активность, которую развернул тулузский консулат на протяжении указанного полустолетия в выработке обширного и детализированного ремесленного законодательства, пересматривая и издавая новые статуты для отдельных ремесел, а в иные годы даже издавая по несколько статутов для одного и того же ремесла. Именно в эту пору консулат присваивает себе и декларирует право всестороннего контроля над ремеслами, а также неограниченное право издания, отмены и изменения ремесленных статутов.

Целая серия ремесленных статутов, изданных консулатом в это время, должна была раз и навсегда искоренить у тулузских ремесленников притязания на создание самостоятельных цеховых союзов и всецело подчинить их воле и интересам патрициев, купцов и раздатчиков сырья. Известно, что неограниченность своего контроля над ремеслом консулат стремился обосновать перед лицом королевской власти. Но—не только. Самая непримиримость и настойчивость антицеховой позиции консулата, которая пронизывает все эти статуты, служит убедительным свидетельством реальности и силы цеховых тенденций тулузского ремесла в XIII веке.

Все это так, но ведь возможно и возражение: цеховая регламентация, цеховая монополия, цеховые цены защищали эгоистические интересы ремесленников, тогда как консулат заботился об общих интересах всех горожан. Разве не интересам всей коммуны (а значит, и ремесленников, хотя бы как потребителей) служили такие меры консулата, как запрещение сговоров и соглаше-

¹ Cart. Bourg, № 90; Statuts super facto pannorum (ed. by M. Ambrose). — «Essays in medieval life and thought, presented in honor of Austin Patterson Evans». N. Y., 1955.

ний (видимо, и относительно цен), таксирование цены ряда изделий, и разве не интересам самих цехов служила та забота о качестве ремесленной продукции, которой проникнуто три четверти (а нередко и 90 процентов) всего содержания консульских цеховых статутот? Разве не аналогичными мерами обеспечения высокого качества изделий полны уставы средневековых цехов и в других городах и регионах Европы?

И в самом деле, не в каждом пункте тулузских ремесленных статутот можно уверенно и четко разграничить, где кончаются интересы цеха и начинаются интересы патрицианского консулата. (Позволим себе заметить в скобках: если бы такие разграничения лежали на поверхности, задача историка вообще не требовала бы научного решения). Весьма вероятно, что отсутствие в большинстве тулузских цехов фиксированного срока ученичества было выгодно и богатой верхушке мастеров, получавшей дополнительную возможность пользоваться уже квалифицированной, но еще не оплачиваемой рабочей силой. Могли быть и другие подобные ситуации.

Верно и то, что в преамбулах почти всех статутот консулы не устают заверять, что вводимые ими предписания и самая система консульского контроля над цехами имеют в виду общую пользу всей коммуны города Тулузы.¹ Чтобы решить, насколько эти декларации соответствовали истине, необходимо выяснить, чьи интересы в первую очередь порождали и приводили в действие систему консульского контроля. Попытаемся поискать ответа в тексте самих ремесленных статутот.

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в преамбулах ряда статутот их издание мотивируется не только или даже не столько требованиями самих ремесленников, сколько настояниями «некоторых почтенных людей—граждан Тулузы»². Далеко не всегда легко сказать уверенно, кто скрывается в этих случаях за понятием «*probi homines*». Правда, постановления сукнодельческого статута 1279 года мотивируются спорами и распрями между ремесленниками и купцами³. При утверждении статута 1298 года консулы совещаются не только с представителями цехов, но и с «некоторыми тулузскими купцами»⁴. И там, где возможен спор между ремесленником и купцом, статут становится на сторону купца: если сукноторговец купит у ткача кусок ткани длиннее уставного размера — излишек достается купцу бесплатно⁵.

¹ «... domini consules ... volentes consulere et prospicere utilitati et indemnitati rei publice huius ville Tholose...» — EGR, p. 19; «... comuni utilitati huius ville Tholose» — p. 12 a. 31; «... ad honorem et utilitatem tociens universitatis Tholose» — p. 73; «... ad utilitatem publicam» — Ibid.; p. 4, 15, 20, 73, 79, 80, 81—82, 124, 143 ect.

² EGR, p. 3—4: «alii cives... Tholose».

³ Ibid., p. 4.

⁴ Ibid., p. 80.

⁵ Ibid., p. 83—84 a. 15, 17.

А вот устав бочаров 1299 года прямо указывает на заинтересованность «купцов и других лиц, которые покупают винные чаны и бочки (в Тулузе) и Тулузене, чтобы они были добрыми и дешевыми (*bone et merchande*)»¹. Требование дешевизны изделий содержится и в статуте цеха изготовителей винных мехов 1279 года². А при утверждении устава ткачей в марте 1279 года консулат потребовал от них поклясться на Евангелии в том, что они не воспользуются новыми статутами, чтобы требовать больше чем должно за ткани или за их изготовление³.

Не доходы ремесленников, а дешевизна ремесленных изделий и выгоды купцов — вот что стоит во главе угла ремесленной политики консулата. Не удивительно поэтому, что, например, устав 1299 года распространяется не только на тулузских бочаров, но и на бочаров округа, обслуживающих тулузский рынок⁴. Не удивительно, что в консульских статутах мы менее всего можем обнаружить стремление к защите ремесла от конкуренции. Крашением сукон в Тулузе могли заниматься как тулузцы, так и чужаки — *extranei*⁵.

Подчинение ремесла интересам торговли в ряде статутів принимает и более четко выраженную форму. Так, например, ножовщики (1293 год) не имели права без специального разрешения ремесленных бальи торговать железными ножами или мечами в розницу⁶. Очевидно, этот товар, как правило, скупался крупными купцами-скупщиками. Об этом же свидетельствуют и факты, связанные с закупкой арбалетов, шлемов с подвижными забралами, боевых воротников и другого вооружения, которая производилась по приказу короля Филиппа IV⁷ в Тулузе и Тулузене в 1295 году. В статуте изготовителей игральнх костей (1298 год) для скупщиков также предусмотрены льготные условия закупки у ремесленников произведенного ими товара⁸.

ЭВОЛЮЦИЯ ТУЛУЗСКОГО СУКНОДЕЛИЯ

Но в тулузском ремесле последней четверти XIII века имелись отрасли, где подчинение ремесла купеческим капиталом приобрело уже гораздо более развитые и устойчивые формы, а противо-

¹ Ibid., p. 15.

² «fient minime cariores sed multo magis meliores et legatiores». — Ibid., p. 30.

³ «... quod occasione statutorum infrascriptorum plus non recipient quam debeant pro pannis seu de pannis lane texendis de factione seu super factione pannorum lane». — EGR, p. 20.

⁴ Ibid., p. 17 a. 4.

⁵ Ibid., p. 5 a. 5.

⁶ Ibid., p. 24 a. 4.

⁷ Ph. Wolff. Achats d'armes pour Philippe le Bel dans la région toulousaine. — AM, 1948.

⁸ EGR, p. 39 a. 3.

речия между производителями и купцами сделались острыми, общественно ошутитыми. Издание апрельского 1279 года Статута сукновалов, ткачей и красильщиков прямо мотивируется множеством разногласий и споров, которые каждодневно в самой различной форме разгораются между сукноторговцами или суконщиками, с одной стороны, и ткачами, сукновалами, красильщиками и ворсильщиками — с другой, по вопросам изготовления и продажи сукон, и настойчивостью просьб многих тулузских граждан, требующих вмешательства консулов, дабы положен был конец этим распрям и обманам, наносящим большой ущерб всей тулузской коммуне¹.

Эти обманы и распри были связаны с отношениями между ремесленниками-текстильщиками и купцами-сукноторговцами, которые, видимо, уже достаточно давно сложились и которые как-то регулировать консулат пытался уже не первый раз. Это были отношения раздачи работы (сырья) и скупки готовых изделий.

Уже мартовский 1279 года Статут ткачей требует от каждого ткача в качестве первейшего условия открытия мастерской в Тулузе обязательства как можно быстрее изготавливать ткани из переданной ему пряжи и должным образом возвращать их владельцам — *dominis eorumdem pannorum*². В апрельском Статуте сукновалов, ткачей и красильщиков того же года подчинение ткацкого ремесла интересам раздатчиков сырья — сукноторговцев формулируется еще определеннее: ткачи обязаны ткать честно и добросовестно «к пользе и удобству владельцев пряжи»³. Размеры ткани строго регламентировались, но этот регламент мог нарушаться, если того желал владелец ткани⁴. Статут 1279 года еще запрещал ткать плохо и небрежно, даже по требованию или уступая обещаниям владельца ткани⁵. Позднее устав аппретурщиков 1315 года уже разрешает и даже предписывает производить аппретуру ткани только согласно требованиям ее владельца⁶. Так воля раздатчика работы ставится выше и постепенно оттесняет на задний план все строгие требования цеховой регламентации производства. Более того, если мартовский статут 1279 года в целях обеспечения высокого качества сукон запрещал ткачам ночной труд⁷, то уже апрельский статут того же года, явно для навстречу

¹ «... multe dicentiones que cotidie vertebantur multis et diversis modis inter mercatores sive draperios pannorum lane istius ville Tholose et textores et paratores illorum pannorum et tinclureros et arquegatores...» — Ibid., p. 3—4.

² EGR, p. 21 a. 5,6.

³ «ad utilitatem et comodum dominorum de quibus erunt illa filata». — Ibid., p. 8 a. 16.

⁴ Ibid., p. 8—9 a. 17, 18: «... si dominus panni voluerit et tantum minus quantum voluerit».

⁵ Ibid., p. 8 a. 14.

⁶ Ibid., p. 144—145 a. 1, 7: «... quod faciat iuxta mandatum sibi factum per illum cuius erit dictus pannus».

⁷ Ibid., p. 21 a. 4.

требованиям раздатчиков сырья, разрешает ткать в любое время суток¹.

Чтение общетекстильного Статута 1279 года убеждает в том, что к этому времени система раздачи сырья охватила в Тулузе не только ткачество, но все отрасли текстильного производства. Пря-дильщикам раздается сырая шерсть для прядения², красильщикам — пряжа для крашения³, а крашеная пряжа — ткачам⁴. И ткачи и сукновалы обязаны выполнять свою работу в строгом соответствии со сроками, указанными заказчиками — владельцами тканей⁵. Устав призван гарантировать раздатчиков от возможного ущерба по вине ремесленников⁶.

Во многих и многих пунктах статута ясно выражена забота консулата об интересах раздатчиков сырья, и весь статут в целом звучит как хартия подчинения всех текстильных ремесел этим внеремесленным, купеческим интересам. Несомненно, перед нами не случайные заказчики, а система раздачи работы. Ткачи, например, обязаны сами являться в дом к раздатчику и получать пряжу по весу, по весу и сдавать готовую ткань. При этом им уплачивается не цена ткани, а «цена тканья» (*precium texendi*), то есть плата за выполненную работу⁷. По всей видимости, при этом нередко имели место факты неуплаты или недоплаты договорной суммы, так как статут разрешает ткачам не возвращать сукон владельцам, прежде чем будет оплачена выполненная работа⁸. В уставе 1315 года оплата работы, выполненной аппретурщиком, называется *salarium*, то есть заработная плата. Оплата производится сдельно, с канны (около 180 см) сукна, в зависимости от его ширины, по таксе, тщательно разработанной консулатом⁹.

Последующие акты консульского законодательства касательно текстильных ремесел продолжают и развивают ту же основную тенденцию. Так, почти половина статей Статута сукновалов (также ткачей и красильщиков) 1298 года перечисляет обязанности ремесленников-исполнителей перед раздатчиками сырья¹⁰. Во всех основных процессах сукнодельческого производства труд производителя прилагается к чужому, ему не принадлежащему материалу¹¹. Прежде чем работа будет возвращена владельцу сырья, качество выполнения проверяют ремесленные балы; в случае нарушения они же определяют сумму возмещения, возлагаемого на

¹ Ibid., p. 6 a. 8.

² Ibid., p. 5 a. 2: «... qui et que lanam tradunt seu deponent alicui persone ad filandum».

³ Ibid., p. a. 4, 5.

⁴ Ibid., p. 7 a. 9.

⁵ Ibid., p. a. 11, 22.

⁶ Ibid., p. 10 a. 23, 24.

⁷ Ibid., p. a. 9, 10.

⁸ Ibid., p. a. 10.

⁹ Ibid., p. 144 a. 2, 3; p. 146 a. 11.

¹⁰ Ibid.

¹¹ EGR, p. 80—86 a., 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 14, 16, 19, 26, 27, 28, 30.

ремесленника¹. Всюду статут стоит на страже интересов работодателя — против интересов производителя. Если ткач соткет кусок сукна длиннее установленного размера, он не может срезать излишек, но все, без дополнительной платы достается владельцу ткани². Статут 1318 года, разрешая продавать сукна прежде чем они будут проштампованы печатью бальи, решительно запрещал возвращать владельцам ткани, изготовленные по заказу раздатчиков, без такой санкции бальи³.

Таким образом, волей консулата и цеховые бальи превращались в орудие контроля над ремеслом в пользу раздатчиков сырья, в орудие охраны их эксплуататорских интересов. В сущности тем же интересам, вопреки широковещательным декларациям и видимости заботы об общей пользе, служил в своей ремесленной политике и сам консулат.

При всем том было бы слишком поспешным делать вывод о полном подчинении тулузских ремесел (даже текстильных) купеческим капиталом, раздатчиками сырья, о полной утрате мелким товаропроизводителем его самостоятельности. Наряду с теми, кто раздает работу, мы то и дело встречаем тех, кто сам работает за собственный счет (*fascient pro se ipsis*), а те, кто обрабатывает чужое сырье и сдает обработанное изделие владельцу, наряду с этим в какой-то мере ведет самостоятельное производство и сам выносит на рынок продукт своего труда⁴. Прядильщица еще может получать шерсть от разных раздатчиков, но, только выполнив заказ одного, она может брать сырую шерсть у другого⁵. Ткачи ткут как чужие ткани, так и свои⁶. Ремесленник может продавать ткани непосредственно в мастерской или около нее⁷. В статутах как 1279, так и 1318 года ткачи выступают как продавцы, а сукновалы как покупатели необработанных сукон; сукновалы же затем продают обработанные сукна⁸.

Даже обрабатывая в основном чужое сырье, ремесленник еще в какой-то мере сохраняет свободу соглашения об оплате труда: например, ткачи в 1279 году, красильщики в 1298 году⁹. А самое запрещение аппретурищикам ходить по суконным лавкам и рынкам в поисках тканей для отделки (1315 года)¹⁰ свидетельствует о том, что они еще не вполне утратили свою независимость в ка-

¹ Ibid. p. 81 a. 3, 4; p. 82 a. 7; p. 85—86 a. 27, 28, 30; Ср. также: p. 10 a. 24; p. 13 a. 34.

² Ibid., p. 83, a. 14, 16.

³ Ibid., p. 126 a. 6; p. 131 a. 24; p. 146 a. 10.

⁴ EGR, p. 5 a. 4: «tingat aliquid filatum lane suum proprium vel extraneum»; p. 10—11 a. 26—28; p. 12 a. 31.

⁵ Ibid., p. 5 a. 3 (1279).

⁶ «pannum proprium vel alterius» — p. 8 a. 14 (1279); «pannos tam suos quam alienos» — p. 81 a. 6 (1298).

⁷ Ibid., p. 126 a. 6 (1318).

⁸ Ibid., p. 9 a. 20; p. 130—131 a. 22, a. 25.

⁹ Ibid., p. 7 a. 11; p. 80 a. 1.

¹⁰ Ibid., p. 145 a. 5.

честве мелких производителей. Вместе с тем очевидно, что именно эта независимость является объектом утешения со стороны раздатчиков сырья и служащего им консулата, что она все более и более ограничивается. Изготовление и обработка собственных тканей ткачом и сукновалом рассматриваются в статутах как особые, нетипичные случаи¹. Что же касается аппретурщиков, то не забудем, что консулат строго регламентирует даже оплату их труда (*salarium*)².

Несомненно, в последней трети XIII и в начале XIV века в тулузском ремесле, особенно в сукноделии, идет широкий процесс подчинения мелкого производителя скупщику и раздатчику сырья. Но процесс этот еще далеко не завершен. Он протекает медленно и неравномерно, вынужденный постоянно преодолевать сопротивление мелкого производителя. Подчинить этого производителя полностью скупщик и раздатчик еще явно не в силах.

Одновременно с процессом подчинения мелкого производителя на другом полюсе шел противоположный процесс выделения эксплуататорского слоя работодателей — раздатчиков сырья. В сукноделии уже в 1279 году этот слой выступает весьма определенно. Это — купцы-сукноторговцы, или суконщики (*mercatores sive draperii*), которые постоянно враждуют с ткачами, сукновалами, красильщиками. Это они раздают (*tradunt seu deponent*) сырье или полуфабрикат исполнителям, это у них ткачи получают (*recipiunt*) пряжу, им возвращают, отдают (*reddunt*) готовое на данной стадии изделие³. И если в статье 20 того же статута отношения между владельцем сукна и сукновалом толкуется как отношение продавца и покупателя, то это очевидный терминологический анахронизм, так как в той же статье ясно говорится, что сукновалы «получают сукна для валяния» и что они «возвращают и обязаны возвращать» обработанные сукна⁴.

Насколько можно судить по данным как этого, так и последующих сукнодельческих статутах, после выполнения каждого данного производственного процесса продукт-полуфабрикат возвращался владельцу-раздатчику, который снова отдавал его — уже для дальнейшей обработки. И хотя, например, в статуте 1315 года купцы-суконщики прямо не названы, видимо, именно они раздавали работу аппретурщикам, поскольку с помощью огромных штрафов статут стремится запретить аппретурщикам получать заказы от портных⁵.

Лишь в отдельных случаях в статутах можно уловить намек

¹ Ibid., p. 82 a. 7: «Sane si dicti panni sint eiusdem textoris qui eos texerat ...»; p. 86 a. 28: «Sane si dictus pannus sit eiusdem paratoris qui eum paraverit...» (1298).

² Ibid., p. 146 a. 11.

³ Ibid., p. 5, 7, 9.

⁴ Ibid., p. 9.

⁵ Ibid., p. 144—145.

на то, что иногда в роли раздатчика могли выступать ремесленники, выполнявшие последующую стадию обработки,— по отношению к тем, кто выполнял предшествующую стадию¹. Намеки эти редки и очень смутны и позволяют только предполагать наличие элементов межцеховой эксплуатации в тулузском ремесле этого времени. Правда, 7-я статья устава 1315 года дает понять, что аппретурщик может не только сам отделявать сукна, но и отдавать их для отделки (*dimittere ad mulhandum*). Но и в том и в другом случае он обязан выполнять требования владельца ткани². Видимо, кое-где в тулузском сукноделии имели место отношения субраздачи, или внутрицеховой эксплуатации. Все это позволяет сделать вывод, что в ряды эксплуататоров ремесла—раздатчиков сырья проникали и какие-то отдельные элементы из числа разбогатевших ремесленников.

Самое же главное состояло в том, что к последней трети XIII века в тулузском сукноделии уже сложился слой «владельцев (или хозяев) сукон» *domini rapponim*³—раздатчиков сырья и работы производителям-ремесленникам. Ведущей, определяющей силой этого слоя, несомненно, были сукноторговцы—первоначально только купцы, но теперь фактически командовавшие и производством сукон и потому получившие особое название «суконщиков» *dragarii*. С другой стороны, ремесленники основных профессий, на которые к этому времени уже четко распался процесс производства сукон: прядильщицы, красильщики, ткачи, сукновалы, ворсильщики, аппретурщики—превратились в несамостоятельных работников, выполнявших соответствующие производственные операции в своих мастерских, но на чужом сырье. Право собственности ремесленника на произведенный продукт здесь уже настолько утрачено, что статут 1279 года запрещал кому-либо принимать в залог от прядильщиков, красильщиков, ткачей и сукновалов шерсть, пряжу (крашеную и некрашеную), ткани (сырые и обработанные), разве только по надежной гарантии. Если же владелец вещи обнаружит ее в залоге, он может вернуть ее себе от кредитора без всякого вознаграждения⁴. Иными словами, и на этом полюсе ощутимо проявляются важные социальные изменения: масса мелких производителей-сукноделов превращается в ремесленную бедноту, чья экономическая зависимость уже ведет к ограничению их имущественных прав и в известной мере даже их юридической правоспособности.

Для того, чтобы судить о степени реальности подчинения производителя капиталом, необходимо выяснить наличие и степень развития крупного производства. В этом смысле интересные дан-

¹ Ibid., p. 9 а. 21; p. 12 а. 31.

² Ibid., p. 145.

³ Ibid., p. 7 а. 11; p. 8 а. 14; p. 10 а. 23, 24, 30; p. 80—82 qq. 1, 4, 7; p. 84 aa. 16, 27, 30.

⁴ EGR, p. 11—12 а. 29, 30.

ные содержит Статут лесоторговцев и пильщиков 1311 года. Его 2-я статья запрещает пильщикам уносить домой струги и пилы¹. Лесопильное дело по самой своей природе требует известного сосредоточения материала (сырой лес), оборудования и рабочей силы в одном месте. Это еще не означает непременно крупного производства — процесс производства может вестись мелкими единицами (два человека) за собственный счет при сохранении мелкой собственности на орудия труда и, в большей или меньшей степени, на сырье и продукт. Но приведенная статья говорит о другом. Очевидно, еще недавно пильщики были самостоятельными ремесленниками (наподобие каменщиков и плотников) и привыкли после работы уносить инструмент домой. Теперь не только сырой материал и продукт, но и, видимо, самый инструмент им более не принадлежал. Теперь они пилили и строгают лес на чужой лесопилке, чужим инструментом. Они превратились в наемных работников. Простая капиталистическая кооперация в лесопильном деле стала фактом.

Этот вывод подтверждается всем содержанием статута. Так, его 3-я статья трактует о договорах (несомненно, о договорах о найме) между лесоторговцами и пильщиками². Далее, лесоторговцы клянутся, что будут выполнять введенные статуты, разъяснят и потребуют их выполнения от своих пильщиков³. При этом перечисляются лесоторговцы, но ни один пильщик не назван⁴. Весьма вероятно, что пильщики и не были приглашены в консулат, и все предписания, в том числе и штрафы⁵, лесоторговцы сами вводили для пильщиков и за них.

Сквозь видимость цехового устава здесь явственно проступают два резко различных слоя: лесоторговцы и пильщики. И устав служит закреплению и упрочению эксплуатации вторых первыми. Если аналогичную тенденцию мы могли констатировать и в некоторых других ремеслах, особенно в сукноделии, то только в лесопильном деле мы можем отметить несомненное возникновение ранних форм крупного производства — простой капиталистической кооперации.

Факт этот весьма любопытен и важен принципиально. Он показывает, что в отдельных отраслях при благоприятных условиях такие формы спорадически могут возникать довольно рано. Но, как было замечено выше, лесопильное дело — специфическая

¹ Ibid., p. 140 a. 2: «resegatores non portent rasclas neque resec apud domus eorum...».

² «... nulli mercatores fustarum ... faciant pactum cum resegatoribus aliquo modo de rasclando predictas fustas in prejudicium predictorum superioris contentorum». — Ibid., p. 140 a. 3.

³ «... omnes predicti mercatores fustarum Tholose jurent quod predicta tenebunt et revelabunt quotienscumque suis resegatoribus facere videbitur». — Ibid., a. 5.

⁴ Ibid., p. 141—142.

⁵ Ibid., p. 140 a. 4.

отрасль производства. Можно ли констатировать возникновение крупного производства в других отраслях, и в первую очередь — в сукноделии?

Выше мы стремились проследить процесс подчинения тулузскими «суконщиками» непосредственных производителей в сукноделии и видели, как далеко он зашел. Но при этом сам процесс производства совершался в традиционной форме мелкого ремесла. Однако еще в сукнодельческом статуте 1279 года фигурируют сукновальные мельницы. Здесь специальные бальи-смотрители (кустыды) принимают у заказчиков-раздатчиков ткани для обработки, они же следят за качеством исполнения¹. Никаких более подробных сведений об этих сукновальных мельницах статут не сообщает.

Наличие такого надежного источника энергии, как Гаронна, и необычайно интенсивное развитие в Тулузе мукомольного дела не могли не способствовать раннему использованию водной энергии также и в сукновальении, раннему возникновению сукновальных мельниц. Но едва ли было бы правильно видеть в них непременно форму крупного производства. Общее помещение и общий источник энергии вовсе не обязательно должны были использоваться сообща, единым производственным организмом. О принадлежности такой сукновальной мельницы какому-то одному или нескольким лицам, стоящим над сукновалами, источник не содержит даже намека.

В соответствии со всем известным нам строем сукнодельческого производства в Тулузе этого времени вероятнее предположить, что каждый сукновал работал на такой мельнице самостоятельно, за собственный счет, лишь под контролем цеховых бальи. Самый этот контроль, засвидетельствованный источником, убедительно говорит о принадлежности мельницы не хозяину-капиталисту, а цеху. А это (содержится ли сукновальная мельница на общие средства цеха или взносами тех сукновалов, которые ею пользуются) так или иначе скорее всего предполагает свойственное мелкособственническим отношениям дробное, раздельное пользование общим объектом собственности и единым источником энергии. Так что, хотя в данном случае нельзя вовсе сбрасывать со счетов возможность возникновения элементов крупного производства, вероятность такого предположения представляется очень малой.

Но в том же апрельском статуте 1279 года имеется пункт, который содержит, быть может, более убедительный намек на возникновение каких-то элементарных форм крупного производства. Пункт этот, разрешая ткачам в отличие от мартовского статута того же года работать не только днем, но и ночью, сверх того

¹ EGR, p. 10 a. 24.

разрешает им отныне работать «где угодно»¹. Если иметь в виду, что всюду, где можно проследить, в тулузских ремеслах мастерская ремесленника находилась при его доме или даже совпадала с его жильем² (и вопрос о месте его работы не требовал никаких пояснений) и что ни один сукнодельческий цеховой устав не ограничивал числа работников или станков в мастерской ткача, то, по всей видимости, спор в 1279 году шел именно по этому последнему вопросу и решен он был консулатом в пользу тех, кто стоял за возможность отрыва улитки от ее раковины. Очевидно, с этого времени ткач мог работать не только в своей мастерской, то есть у себя дома, но и в чужой мастерской более богатого ткача, а может быть и в мастерской при лавке суконщика. Правда, последнее — только гипотеза: никаких данных о непосредственном вторжении торгового капитала в процесс производства наши источники не содержат. Но первое предположение находит поддержку также в отдельных смутных указаниях статуты о том, что иногда ремесленник мог не только выполнять свою производственную операцию, но и отдавать материал для ее выполнения. Такой мастер при благоприятных условиях мог пойти и на расширение своей мастерской.

Видимо, только так, если не нарушать логики наличных производственных отношений, могут быть поняты слова «могут работать где угодно». Таким образом, тенденцию к зарождению крупного производства, крупницы примитивных форм такого производства можно констатировать в тулузском ремесле последней трети XIII века. Но это не более чем крупницы. Процесс подчинения мелкого производителя купеческим капиталом, который, как мы видели, в эту пору протекал весьма интенсивно, особенно в сукноделии, шел почти всецело другим путем — путем раздачи работы (сырья) и жестокой эксплуатации по видимости самостоятельных ремесленников. Их консульский «цеховой устав», признавая и санкционируя эту видимость, вместе с тем служил наилучшим средством упрочения экономической зависимости производителей от эксплуататоров-сукноторговцев.

И тем меньше эти последние испытывали необходимость перестраивать производство, переходить к новым его формам. Они приспособились высасывать соки из формально независимого мелкого производства и потому были заинтересованы в сохранении этой формы. В этих условиях дело не могло пойти дальше первых фаз того, что К. Маркс называл формальным подчинением труда капиталом.

¹ «Item statuerunt predicti domini consules quod omnes textores pannorum lane huius ville Tholose et singuli operentur fideliter ubicumque voluerint, et etiam possint et liceat eis operari... in diebus et in noctibus... a modo in futurum». — Ibid., p. 6 a. 8.

² EGR, p. 21 a. 6; p. 26—28 a. 1, 3, 5, 7; p. 35 a. 8; p. 82 a. 7; p. 86. 28; p. 120 a. 5.

Следует отметить, что возникновение зачаточных форм капиталистической эксплуатации в тулузском сукноделии было для 70-х годов XIII века явлением несомненно весьма ранним, но отнюдь не исключительным. Еще несколько ранее система раздачи сырья сложилась в сукноделии Парижа. Как явствует из постановления парижского прево от 1285 года, все ткачи в этом городе делились на две различные группы: мелких ткачей, которые работают на других¹, и крупных ткачей, которые раздают работу другим, изготавливают сукна руками мелких ткачей². Деппен считает, что «крупные мастера-ткачи» это, в действительности, купцы—раздатчики работы, которые присвоили себе это название, чтобы отделиться от рядовых ткачей³, иными словами, что в число «мелких мастеров-ткачей» к этому времени попала основная масса парижских ткачей. Во всяком случае, как явствует из того же ордонанса, еще в 1270 году было издано постановление прево, в котором уже устанавливался минимум оплаты труда мелких ткачей (при этом предусматривалась оплата только деньгами, но не продуктами питания), почему в 1285 году мелкие ткачи характеризуют эти отношения как такие, к каким они «издавна призывкли»⁴.

Мы не знаем, какая длительность скрывается за этим «издавна», но едва ли только 15 лет. Если в 1270 году несогласия между теми, кто ткал, и теми, кто раздавал им работу, дошли до острых столкновений, регулировать которые была вынуждена королевская администрация, то очевидно, что сами такого рода отношения стали складываться гораздо раньше⁵. Что касается Тулузы, то здесь источники убедительно подтверждают именно такой ход развития.

Еще от 1221 года до нас дошло постановление консулата, специально касающееся ремесла⁶. Оно запрещало мочильщикам, мойщикам и прядильщицам льна и шерсти, ткачам льняных и суконных тканей, а также прядильщикам и ткачам шелковых тканей, красильщикам, сукновалам и ворсильщикам сукон, а также

¹ «menuz mestiers (menuz mesters) tessarenz de Paris ... qui font euvres à autrui». (Règlements sur les arts et métiers de Paris; publ. par G.-B. Depping; P., 1837. Ordonnances, № 21).

² «Ceus qui font fère leur euvres (leur dras) à autrui»; «granz mestres tessarenz de Paris qui font fère dras par les diz menuz mestres». — Ibid.

³ Ibid., p. 396, n. 1.

⁴ «come il avoient acoustumè»; «come il ont acoustumè cà en anières». — Ibid. Этот важный исторический памятник в переводе на русский язык (с небольшими сокращениями) вошел в известную хрестоматию Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова «Социальная история средневековья» (М., 1927, т. II, стр. 284—286). К сожалению, в перевод вкрались некоторые неточности.

⁵ Другой ордонанс парижского прево свидетельствует о существовании в те же 1270-е годы аналогичных отношений между купцами-галантерейщиками и прядильщиками шелка. (G.-B. Depping. Règlements. Ordonnances, p. 377 s.). Об аналогичных отношениях в сукноделии Дуэ в XIII веке см. G. Espinas. Vie urbaine de Douais, t. 2, ch. VI.

⁶ Cart. Bourg, № 90.

портным и сапожникам, продавать или закладывать сырой материал, пряжу или ткани, переданные им для обработки¹. Если же кто купит что-нибудь такое у перечисленных ремесленников или даст им ссуду под залог этих вещей, теряет свои деньги, а приобретенную или полученную в залог вещь должен безвозмездно вернуть ее владельцу (раздатчику сырья).

Таким образом, оказывается, что аналогичный запрет для мелких ремесленников, известный нам из сукнодельческого статута 1279 года, был лишь повторением консульского постановления, изданного почти на 60 лет раньше. А это значит, что система раздачи сырья и работы ремесленникам (именно система, так как налицо сложившийся слой бедных ремесленников, работающих на других и как правило не имеющих своего материала) стала фактом экономической жизни Тулузы уже в первой четверти XIII столетия.

Свидетельство консульского постановления 1221 года не оставляет каких-либо сомнений на этот счет, и его значение трудно переоценить. Но это постановление очень лаконично и позволяет только предполагать, какова была общая картина развития тулузского ремесла, хотя бы только сукнодельческого, в эту пору. К счастью, история сохранила для нас несравненно более полный источник сведений, позволяющий уверенно реконструировать важнейшие черты этого любопытнейшего явления.

В 1955 году Мэри Эмброуз (Мюльхолланд) опубликовала² тулузский сукнодельческий статут, изданный в 1227 году, то есть более чем за 50 лет до статута 1279 года. Данные, содержащиеся в этом документе, поистине драгоценны. К сожалению, издательница подвергла их анализу еще менее, чем статуты сборника, изданного ею ранее. Попытаемся сделать это, хотя бы в сжатой форме.

Статут 1227 года был утвержден на общем собрании всех жителей Тулузы—in comuni colloquio. О том, что слова эти не пустая фраза, свидетельствует то обстоятельство, что собрание происходило под открытым небом, у ворот Вильноу в Бурге³. А это, в свою очередь показывает, насколько острыми, животрепещущими для массы тулузского населения были обсуждавшиеся вопросы, насколько глубоко отразившиеся в них процессы успели пустить корни в толщу городской жизни.

Прежде всего данные статута говорят о весьма высоком развитии тулузского сукноделия в эту пору. Его статьи не только перечисляют различные виды и сорта сырой шерсти и пряжи, различные виды красителей—растительных и химических и, со-

¹ «... Pannos nec vestes nec sericum nec filata sibi tradita, non possint vendere vel pignori obligare». — Ibid.

² Statuts super facto pannorum. (M. Ambrose. Statutes on clothmaking, Toulouse, 1227. — «Essays in medieval life and thought, presented in honor of Austin Patterson Evans». N. Y., 1955).

³ Ibid., p. 168, 172, 180.

ответственно, различные сорта сукон, не только регламентируют многообразный сукнодельческий инструментарий, но сообщают также о существовании в сукноделии многих обособившихся профессий: прядильщиков, красильщиков, ткачей, сукновалов, ворсильщиков, стригальщиков, аппретурщиков и даже изготовителей веретен и катушек и изготовителей челноков¹. Но Статут сообщает также о наличии в тулузском сукноделии начала XIII века глубокого социального расслоения, о широком проникновении в эту сферу и подчинении ее купеческим капиталом. Собственно, именно это расслоение, точнее те конфликты, которые выросли на его почве и раздирают тулузское общество, и послужили причиной издания самого консульского постановления. В связи с тем, повествуем преамбула Статута, что возникли многочисленные и великие распри между сукноторговцами (почтенными людьми суконщиками—*probi homines draperii pannorum lane*) и ткачами, ворсильщиками и сукновалами, множество почтенных людей (*proborum hominum*) из Ситэ и Бурга многократно (*multociens*) являлось перед тулузскими консулами, жалуюсь, что от этих распри в течение долгого времени всей тулузской коммуне наносится большой вред, и прося консулов в интересах общей пользы вынести свое решение².

Как видим, мотивировка полностью совпадает с той, которой консулат обосновывал свое постановление и в 1279 году. Как и тогда, в 1227 году ремесленникам-сукноделам противостоят суконщики, именуемые *probi homines*. Конфликты между теми и другими, как видно, весьма острые, происходили часто и, что особенно важно,—уже давно («в течение долгого времени»), так что с жалобами на эти распри «почтенные люди» (вероятно, преимущественно те же суконщики) являлись в консулат многократно. Очевидно, что отношения раздачи сырья ремесленникам купцами-сукноторговцами к этому времени уже успели сложиться, и значит, их возникновение в Тулузе должно быть отнесено к началу, во всяком случае к первой четверти XIII столетия.

В самом деле, предписывая, чтобы те, «кто будет раздавать шерсть для придания (*lanam prebebunt ad filandum*)», давали бы ее правильным весом, чтобы каждая прядильщица получала шерсть (*accipiat... lanam ad filandam*) только у одного раздатчика и не прежде, чем вернет должным образом спряденную шерсть, которую получила ранее, Статут исходит из системы раздачи сырья как из реально существующего и несомненного факта³. То же относится и к красильщикам, которые получают пряжу для окраски (*filata... ad tingendum acceperint*) и возвращают ее (*reddant*) владельцу в готовом виде⁴.

¹ Statuts super facto pannorum, art. 6, 10, 12, 18, 19, 24.

² Statuts, p. 168.

³ Statuts, art. 1, 2.

⁴ Ibid., a. 3, 4.

Относительно работы ткачей в Статуте 1227 года мы встречаем уже все те основные предписания, которые через 52 года будут фигурировать в «основополагающем» сукнодельческом статуте 1279 года. Ткачи, которым дана пряжа (или основа) для изготовления тканей (*quibus panni lanarum fuerint collati ad texendum*), должны являться в дома хозяев пряжи (*in domibus dominorum vel dominarum ipsorum filatorum*) и там получать ее по весу. А хозяева-раздатчики должны немедленно оплатить работу, выполненную ткачом, по представлении и взвешивании изготовленной ткани. В противном случае ткач не обязан вернуть готовую ткань владельцу¹. Эта оговорка свидетельствует, насколько обычными были отношения раздачи сырья и как часто возникали конфликты относительно оплаты выполненной работы. Консулат даже запретил ткачам принимать заказы на изготовление тканей, если теми, кто заказывает сукна, они не будут «постоянно и должным образом (*continue et per ordinem*)» обеспечены пряжей². Такие правила Статут вводит и в отношении сукновалов, которые получают ткани для валяния. Они обязаны добросовестно валять размещенные у них сукна (*pannos sibi prius collocutos*), каковые также должны представляться им непрерывно и по порядку³. Употребляемое при этом выражение «*continue per ordinem*», по всей видимости, имеет в виду очередность поступления заказов от различных раздатчиков сырья.

Но Статут 1227 года свидетельствует не только о сложившейся, устойчивой системе эксплуатации путем раздачи сырья мелким ремесленникам. «Консулы также постановили,—гласит его 12-я статья,—что все мужчины и женщины, которые изготавливают или отдают изготавливать ткани в своих домах, могут содержать ткачей, чему никто не смеет препятствовать, лишь бы они с этими ткачами договорились»⁴. Трудно сказать, выступала ли здесь покупка рабочей силы в неприкрытой форме найма за определенную заработную плату. Быть может, еще в скрытой—в форме «самостоятельной» работы ремесленника на чужом станке, на чужом сырье, в чужой мастерской, на основе соглашения о цене сдаваемой ткани. Но так или иначе перед нами недвусмысленное свидетельство существования уже в эту пору в тулузском сукноделии зачаточных явлений крупного производства—в форме простой капиталистической кооперации⁵.

¹ Ibid., а. 13, 14.

² Ibid., а. 15.

³ Ibid., а. 19, 20.

⁴ «... in domibus suis possint habere et tenere textores nullo in hoc resistente solummodo cum illis textoribus se concordent».

⁵ Не следует думать, что такого рода явления были вовсе неведомы рассматриваемой эпохе. Какие-то расширенные ткацкие мастерские с наемными работниками около 1224 г. отмечаются в Сен-Дени. — Documents (Fagniez). t. I, № 150. А в Руане в первой половине XIII столетия имелось даже особое место (дом), где суконщики нанимали ткачей. Но так как, со-

Эти новые, гораздо более открытые (по сравнению с раздачей сырья) формы эксплуатации вызывали резкое недовольство и открытое сопротивление широких слоев ремесленников. Недаром консульский статут строго предписывает: «Какие-либо другие ткачи не смеют запрещать другим ткачам так поступать (то есть идти работать в чужую мастерскую) или же каким-либо образом лишать их помощи челночников или веретенчиков»¹. Очевидно, речь идет о попытках стачек и «снятия с работы» квалифицированных обслуживающих работников, об оставлении крупной мастерской без необходимой технической помощи. Не подлежит сомнению, что такие действия могли направляться только сплоченной организацией, тем цехом ткачей, в который, видимо, входили и эти вспомогательные работники и которого не желает признавать и даже называть консулат, предпочитая говорить просто о неких «других ткачах». Так за консульским «свободным ремеслом» осязаемо проступают подавляемые, но живые цеховые тенденции и борьба ремесленников за независимость своей профессии.

По всей видимости, именно с существованием относительно крупных шерстоткацких мастерских связаны те постановления консульского Статута 1227 года, которые разрешают ткачам работать где угодно, а ученикам ткачей по окончании срока ученичества работать либо в своих мастерских, «либо в других местах, с другими мужчинами и женщинами»². Нетрудно видеть, что прокламируемая полная свобода занятия ремеслом здесь по сути дела служит лишь обеспечению свободы эксплуататорского использования чужой рабочей силы, а за импозантной защитой интересов учеников скрывается в действительности политика ослабления позиций самостоятельного ремесла перед лицом зачаточного эксплуататора-предпринимателя.

Кем были эти последние? Весьма возможно, что отдельные мастерские с несколькими ткацкими станками и трудом нанятых ткачей создавались и купцами-суконщиками. Но, пожалуй, еще более вероятным представляется другой вариант. Ведь статут разрешает «держат в своих домах ткачей» всем тем, кто отдает изготавливать ткани или изготавливает их сам³. И целый ряд

бираясь там, ткачи сговаривались между собою добиваться более высокой платы за их труд, этот дом был у них отнят и даже в 1285 г. их просьба о возвращении им этого места найма не была удовлетворена по настоянию руанских суконщиков. — Ibid., № 255.

¹ «... aliqui alii textores hoc facere non prohibeant aliis textoribus nec eis auferant nec possint auferre ullo modo lansatores nec canelatores». — Statuts, a. 12.

² Statuts, a. 10: «... omnes textores operari possint... ubicumque sibi placuerit...»; a. 11: «... discipuli qui mancionem suam compleverint cum magistris suis textoribus possint operari de suo officio in suis operatoriiis vel in aliis locis cum aliis hominibus et feminis ubicumque videlicet ipsis discipulis placuerit».

³ Ibid., a. 12.

других статей толкует о лицах, которые «выделывают сами или отдают (заставляют) выделывать сукна»¹. Видимо, зачастую капиталистическая простая кооперация возникала из простого расширения мастерской богатого ремесленника. Надо думать, что здесь сочетались оба пути — и «революционный» и «консервативный»².

Нет необходимости доказывать, как принципиально важна констатация вышеотмеченных явлений. Но не следует преувеличивать их значения. Только что приведенные формулировки Статута достаточно убедительно свидетельствуют о реальности существования в тулузском сукноделии важнейшей экономической формы того времени — мелкого самостоятельного ремесла. И сверх того в Статуте немало подобных свидетельств. Так, например, Статут исходит из возможности окраски красильщиком как чужой пряжи, так и своей собственной³. Это самостоятельное ремесло подвергается активнейшему натиску со стороны купеческого капитала в лице «суконщика» — раздатчика работы и, как свидетельствует тот же Статут, в немалой степени уже подчинено им. Но подчинение это еще далеко не полное. Неоднократные требования Статута 1227 года (как, впрочем, и последующих статутов), чтобы ремесленники выполняли полученную работу последовательно, в порядке очередности заказов, показывают, что производитель зачастую обслуживал не одного, а разных раздатчиков работы, что купец-заказчик еще не всегда и не полностью превратился в эксплуататора-суконщика — раздатчика сырья, а мелкий производитель еще не полностью утратил свою самостоятельность.

Возникающие при этом зачаточные формы крупного производства представляются если не исключительным, то во всяком случае редким явлением. Основной формой подчинения мелкого производителя была наиболее типичная для проникновения купеческого капитала в промышленность система раздачи сырья, надстраивавшаяся над старым мелким производством.

Консулат, как можно было видеть из приведенных титулов Статута, стоял на страже интересов этих эксплуататоров-раздатчиков. Им он стремится обеспечить наибольшую свободу деятельности, решительно пресекая попытки сопротивления со стороны ремесленников и их организаций. При этом консулат отнюдь не избегает регламентации производства. Статут содержит подробные правила, строго ограничивающие свободу производителей-сукноделов в выборе сырья, красителей, в отношении размеров

¹ Ibid., а. 6: «... aliquis homo vel femina qui vel que faciat vel fieri faciat pannos lane ...»; а. 7: «... qui pannos facient vel fieri facient»; а. 8: «... omnes homines et femine possint operari si voluerint vel facere operari pannos...»; ср. также § 9, 11, 12.

² См. К. Маркс. Капитал, т. III — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 367—368.

³ «... filata sive sua propria sive aliena». — Statuts, а. 3.

берд и других инструментов, ширины и длины кусков ткани и так далее¹. В этом смысле консульская регламентация качества изделий ничем не отличается от обычной цеховой регламентации. И побуждалась она тою же заботой об удержании рынка. Но только вводилась и осуществлялась она не в интересах производителей-ремесленников, а в интересах эксплуататоров-сукноторговцев. Этому соответствовало и то, что можно назвать цеховой политикой консулата. Статут 1227 года запрещает кому бы то ни было из лиц, занятых в сукноделии: самостоятельным ремесленникам, тем, кто раздает сырье для изготовления тканей, и тем, кто выполняет эти заказы на чужом сырье,—ткачам, прядильщикам, красильщикам и красильщицам, сукновалам, ворсильщикам,—вступать между собой в какие-либо сговоры или соглашения, которые могли бы причинить вред производству сукон или тулузской коммуне². Права организации, таким образом, лишались и богатеи-суконщики. Но их интересы надежно защищались консулатом и его ремесленными статутами. Острые запрещения обращено, разумеется, против мелких самостоятельных ремесленников и особенно против той ремесленной бедноты, которая жила работой на других, против попыток создания и деятельности цеховых союзов.

Статут достаточно ясно дает понять, на что могут быть направлены соглашения, «вредные для сукноделия и для тулузской коммун». Как ткачам, так и сукновалам в первую очередь запрещается устанавливать единые цены на их изделия, или, вернее, на их работу, или кому бы то ни было—предписывать им такие цены. Они сами (то есть каждый в отдельности) должны устанавливать возможно более низкие цены (или—соглашаться на низкую плату), и никто в этом не должен им препятствовать³. Таким образом, объектом запрета являются меры самозащиты мелкого производства или платных работников, попытки установления цеховых цен или минимума оплаты труда. Как мы видели выше, консульский статут решительно запрещал также попытки бойкота суконщиков, или мастеров, заводивших крупные мастерские, и другие формы солидарности производителей в борьбе против наступающего эксплуататора.

Вместе с тем, самая настойчивость этих запретов служит доказательством силы сопротивления, а значит, и реальности существования, быть может, еще не вполне сложившихся, но, несомненно, активных ремесленных организаций цехового типа. Консулы не воевали с ветряными мельницами.

Консулат стремится подчинить сукноделие своему контролю. Для этой цели Статут 1227 года предусматривает, что ежегодно

¹ Ibid., a. 3, 4, 6, 7, 8, 17, 18, 19, 20.

² Statuts, a. 24.

³ Ibid., a. 10: «omnes textores operari possint... ubicumque sibi placuerit... sine omni foro quod in eis non sit missus in hoc eis aliquo non ostante ullo modo. Immo ipsi textores faciant adeo bonum forum sicut eis placuerit...».

вновь избранные консулы будут назначать четырех смотрителей (кустоводов) для наблюдения за производством сукон «и за всем тем, что относится к этому ремеслу¹». Они должны не только следить за соблюдением в сукноделии всех технических регламентов, утвержденных консулатом, но выполнять и полицейские функции. Если ткань, данная сукновалам для обработки, окажется попорченной, меры исправления и возмещения убытка владельцу сукна определяют кустоды. Вообще, в случае любого нарушения постановлений Статута виновный должен возместить причиненный ущерб согласно решению смотрителей ремесла. Штраф же налагается консулами и уплачивается коммуне². Иными словами, уже в 1227 году налицо имелись все основные моменты позднейшей ремесленной политики консулата. Ее дальнейшее развитие связано главным образом с более высокой степенью развития цеховых организаций тулузских ремесленников-сукноделов во второй половине XIII столетия.

Главное же состоит в том, что, как мы видим, уже на этом, очень раннем этапе полностью проявилась социальная природа ремесленной политики консулата: она поставлена на службу интересам эксплуататоров — раздатчиков сырья и создателей крупных мастерских.

Помимо всего того, что на этот счет содержится в вышеприведенном материале Статута, необходимо обратить внимание на еще один весьма существенный момент. Здесь, как и в Статуте 1221 года, мы находим в дальнейшем многократно повторяемый запрет кому бы то ни было брать в залог от прядильщиц, красильщиц, сукновалов обработанную или необработанную шерсть и ткани, если только у них нет надежного гаранта. Если у отданной в залог вещи окажется хозяин (*dominus*), кредитор должен немедленно отдать ему этот залог³. Бедные ремесленники еще, видимо, пытались рассматривать предоставленное им для обработки сырье как свою собственность, во всяком случае как объект, которым они могут временно распорядиться в момент крайней нужды в качестве залога у кредитора. Консульский статут помогает раздатчикам сырья приучить этих зависимых производителей к пониманию того, что они обрабатывают чужой материал. И даже если у них окажется свой моток шерсти или кусок ткани, они не правомочны распорядиться им так же свободно, как хозяева-работодатели.

Большая часть тулузских ремесленников-сукноделов уже в первой четверти XIII века превращалась в оплачиваемых домашних работников, не имевших права распоряжаться ни готовым продуктом своего труда, ни сырьем. И консульская политика активно содействовала этому процессу.

¹ Statuts, a. 25.

² Ibid., a. 19, 20, 24.

³ Ibid., a. 22, 23.

Кто же были эти мелкие ремесленники, которые работали на других? Хотя в статуте 1227 года сказано, что он издан для всех мужчин и женщин города Тулузы, в нем содержится любопытная оговорка или разъяснение: «...а также в отношении всех тех, кто из других мест переселится на жительство в Тулузу, то есть относительно всех тех, кто трудятся и будут трудиться в выше-названном сукнодельческом ремесле»¹. Обычно в консульских постановлениях подобной оговорки не встречается. В важнейший статут по делам сукноделия она включена, разумеется, не случайно.

Широкий приток в Тулузу пришлого (преимущественно крестьянского) населения не прекращался и в XIII веке. Тулузская коммуна его поощряла и поддерживала. Об этом говорит судебное решение консулата в 1203 году в пользу двух беглых сервов, поселившихся в Тулузе, каковыс были признаны тулузцами, а их верфейскому сеньору, требовавшему их возвращения, было отказано в иске². Об этом же свидетельствует и такой, еще более поздний, источник, как Тулузский кутюм (утв. в 1286 году), который торжественно провозглашал неприкосновенность всякого, где бы он ни находился, кто заявит, что он направляется на жительство в Тулузу³.

Основную массу в этом потоке иммигрантов должна была составлять деревенская беднота, у которой было больше настоятельных причин к бегству с земли и которая зачастую просто выталкивалась из поместья в силу непрерывного дробления наделов и крайней земельной тесноты, столь свойственных феодальной деревне этой эпохи⁴.

В условиях интенсивного развития и высокой технической дифференцированности тулузского сукноделия, в условиях раннего развития здесь системы раздачи сырья эти малоимущие и малоквалифицированные элементы сразу же попадали в зависимость от сукошников—раздатчиков работы и, не успев стать самостоятельными ремесленниками, превращались в эксплуатируемых работников капиталистической домашней промышленности. Приток деревенской бедноты несомненно способствовал возникновению и упрочению этой формы эксплуатации. И здесь видимо

¹ «... et super omnes illos et illas qui vel qua extra Tholosam in Tholosa venerint stare, videlicet super omnes illos et illas qui vel que in predicto officio pannorum operantur et operabuntur...» (Statuts, art. 24).

² Cart. Cité, N 84.

³ Coutumes de Toulouse, art. 156.

⁴ Вслед за Ж. Копполани и еще более настойчиво Ф. Вольфф высказывает ту мысль, что на протяжении столетий Тулуза росла главным образом за счет притока внешнего, деревенского населения. По его мнению, не столько сам город притягивал к себе приселенцев, сколько деревенская округа изливалась в него от переизбытка. Этот приток обогнал развитие производственных возможностей в городе, и потому в нем постоянно скапливался значительный слой беднейшего населения, ищущего работы. (Ph. Wolff. Chronique d'histoire toulousaine. — AM, 1955, p. 193—794).

одна из причин коммунальной политики привлечения иммигрантов в этот период.

Стоя на страже этой системы, консулат стремился закрепить подчиненное, бесправное положение этой массы. В Статуте 1227 года мы встречаем примечательнейшее запрещение: те ткачи, которые ткут сукна за заработную плату (*pro mercede*), не смеют ни сами, ни их жены, ни в своих домах, ни в каком-либо другом месте ткать своих собственных сукон. Они должны подчиниться либо суконщикам, либо другим ткачам (в этом им предоставляется свобода выбора), и если подчинятся суконщикам, они не смеют держать в своих домах или в зависимости от себя ткачей, которые ткут сукна, принадлежащие другим людям, за заработную плату¹.

Здесь — свидетельства и существования крупных мастеровских, и превращения в раздатчиков работы некоторых разбогатевших ткачей. Но самое главное состоит в том, что с помощью такого запрета консулат стремился решительно отделить бедных ремесленников, фактически превратившихся в домашних наемных работников, от самостоятельных производителей и раздатчиков сырья и тем обеспечить суконщикам большую полноту подчинения и надежность эксплуатации этой ремесленно-наемной бедноты. Для этой цели консулат прибегал к прямому правовому ограничению этой бедноты — и не только в отношении кредитных сделок, но и в отношении самой свободы занятия ремеслом — точнее, свободы становления в качестве самостоятельного мелкого товаропроизводителя.

Эта линия консульской политики пронизывает Статут 1227 года. Другая его статья делит всех занятых в тулузском сукноделии лиц на «хозяев» (*domini vel domine*), которые либо сами изготавливают свои сукна, либо отдают их изготавливать (*fieri facient*) другим, и на ткачей, красильщиков, сукновалов и других работников, выполняющих свою работу на чужом материале².

Разумеется, объединение в одной группе раздатчиков сырья и самостоятельных ремесленников-тружеников, так же как и самое запрещение оплачиваемым домашним работникам заниматься самостоятельным производством, свидетельствует о том, насколько еще далек был от завершения процесс подчинения сукнодельческого ремесла скупщику-раздатчику, какою еще силою и живучестью обладало мелкое производство. И, вместе с тем, новый экономический антагонизм несомненно уже налицо, и он

¹ «... aliqui textorum qui pannos lane faciant pro mercede non faciant nec facere valeant ipsi vel eorum uxores suos proprios pannos in suis domibus nec ullo alio loco ullo modo. Immo se reddant et concedant pro draperiis vel pro textoribus et hoc sit in eorum electione et si pro draperiis se reddiderint et concesserint, quod non teneant nec tenere valeant in domibus suis nec in eorum posse textores qui faciant pannos aliorum hominum vel feminarum pro mercede» (Statuts, art. 16).

² Ibid., a. 24.

уже проявляет себя как резкое социальное разделение, поддерживаемое и усиливаемое политикой консулата.

Таким образом, в тулузском сукноделии уже в первый четверти XIII столетия сложилась система примитивной капиталистической эксплуатации в форме домашней промышленности с отдельными элементами относительно крупного производства. Явление для этого времени далеко не обычное. Чем его следует объяснить?

Первое, что можно предположить, это наличие широкого рынка. Только широкий рынок сбыта изделий мог обусловить капиталистическую перестройку средневекового ремесла. Известно, какую важную роль сыграл такой рынок в рождении раннего итальянского, прежде всего — флорентинского, капитализма¹.

Можно ли утверждать, что тулузское сукноделие в XIII веке также опиралось на внешний, широкий рынок? В пользу положительного ответа на этот вопрос говорят многие данные, в первую очередь — самый факт широкого подчинения сукноделов-производителей купеческим капиталом и раннего возникновения в Тулузе системы капиталистической домашней промышленности. Мы видели, что снабжение производителей сырьем обеспечивали купцы-суконщики. Они же сбывали готовые ткани. Рынок сырья и рынок сбыта в основном находились в руках купцов. Это предполагает такую ситуацию, когда рынки эти настолько значительны и настолько удалены, что сами ремесленники не в состоянии обеспечить регулярной связи с ними.

В пользу таких выводов свидетельствует и отсутствие в тулузских ремесленных статутах ограничения количества производимого продукта, и разрешение (как в 1227, так и в 1279 году) ночного труда, и многократно повторяемые требования к производителям как можно скорее возвращать выполненную работу раздатчику, и запрещение производителям брать работу одновременно у нескольких заказчиков, очевидно, чтобы не задерживать выполнения. И, наконец, отмеченное выше несомненное возникновение крупных мастерских.

Что же это был за рынок, куда в XIII веке вывозились тулузские сукна? К сожалению, в распоряжении историка не слишком много данных для уверенного ответа на этот вопрос.

Мэри Мюльхолланд полагает, что тулузские сукна широко вывозились на далекие рынки, и в доказательство ссылается на сведения, сообщаемые Пижонно о том, что тулузские ткани были широко известны в средневековой Европе, что они вывозились на Сицилию, в страны Леванта и в Африку, что они славились на

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. *Немецкая идеология*. — К. Маркс и Ф. Энгельс. *Сочинения*, т. 3, стр. 54—55; В. И. Рутенбург. *Очерк из истории раннего итальянского капитализма. Флорентийские компании XIV века*. М.—Л., 1951; стр. 102—122.

Шампанских ярмарках¹. Но сведения Пижонно слишком расплывчаты. Что же касается Шампанских ярмарок, то относительно участия в них тулузских купцов и товаров фактически все познания историков органичиваются тем немногим, что содержится в известной работе Ф. Буркело. А из нее явствует, что в XIII веке тулузские купцы вместе с купцами из других городов Лангедока действительно участвовали в этих ярмарках, но — на вторых, если не на третьих, ролях, позади влиятельнейших купцов Монпелье, возглавлявших всю лангедокскую торговлю в городах Шампани. При этом, хотя тулузские ткани здесь действительно пользовались успехом, сведения Буркело не дают оснований для вывода о значительности этого тулузского экспорта; главным объектом гордости тулузских купцов на Шампанских ярмарках, насколько можно понять, были не сукна, а отлично выделанные кожи².

Мюльхолланд ссылается также на английский рыцарский роман «Сэр Говэн и Зеленый Рыцарь», но, по ее же сведениям, роман этот — XIV века, а «tryed Toulouse», сверкающая пурпурно-красная ткань, которой в романе украшена пиршественная зала, — не сукно, а шелк³. П. Суйри, которому доводы М. Мюльхолланд представляются убедительными, подкрепляет их ссылкой на известное постановление тулузского консулата 1204 года относительно размеров провозных пошлин, взимавшихся в Сен-Жори, как на доказательство того, что тулузские сукна вывозились по Гаронне в Бордо⁴. Но известно, что Сен-Жори стоит в стороне от Гаронны, на сухопутьи. Все лейды (провозные пошлины), названные в этом постановлении, исчисляются с вьюка четвероногого животного, а отнюдь не с барки или лодки. Более того, среди перечисленных здесь товаров фигурируют льняные ткани и сырая шерсть, но сукна даже не упоминаются⁵.

Разумеется, по Гаронне тулузцы все-таки плавали, везли товары и торговали. Об этом говорят и графские пошлины с торговых судов тулузцев в порту Вердена⁶, и забота консулата о недопущении повышения провозных и торговых пошлин в Кастельсарраzene и Муассак⁷, и его борьба за снижение пошлин, которые с речных судов взимал комменжский граф в Мюрэ⁸. Но эти же акты довольно четко очерчивают и пределы обычных торговых плаваний тулузских купцов по Гаронне: 20 км вверх и около 65 км вниз по реке (до устья Тарна). И даже в этих пределах,

¹ M. A. Mulholland. Early gild records of Toulouse. Introduction, p. XL; H. Pigeonneau. Histoire du commerce de la France. P., 1885, t. I, p. 125—126.

² F. Bourquelot. I, p. 157.

³ M. A. Mulholland; loc. cit.

⁴ P. Souyri, p. 21.

⁵ Cart. Bourg, N 26.

⁶ Ibid., N 3.

⁷ Ibid., N 55.

⁸ Ibid., № 56.

как это ни странно на первый взгляд, Гаронна не была главным и определяющим торговым путем: даже в таких речных портах, как Кастельсарразен, пошлины исчислялись не только с больших лодок и челноков, но в не меньшей мере — с выюка животного и ноши человека¹.

Нельзя упускать из виду, что плавание по Гаронне, особенно за пределами Тулузского графства, было крайне затруднено, во-первых, ввиду множества феодальных мытных застав² и, во-вторых, по причине почти непрерывных военных действий в этом районе. Если еще вывоз тулузского вина в Бордо около середины XIII века становится заметным (см. выше, гл. II), то этого никак нельзя сказать о вывозе сукон. Примечательно, что в перечне (правда, не систематичном) товаров, облагаемых в Кастельсарразене, фигурируют и шерстяной очес и льняные ткани, но не упоминаются сукна³.

Нетрудно, разумеется, взглянув на карту «Аквитанского перешейка», почти пересекаемого лентами Оды (с Эром) и Гаронны, о котором еще Страбон писал как об участке Европейского материка, наиболее удобном для связи между Средиземноморьем и Атлантикой⁴, сделать вывод об извечной торговой связи Тулузы с Бордо, а оттуда и с Англией⁵. Но как справедливо замечает

¹ Ibid., № 55.

² От Тулузы до Бордо в первой четверти XIV века их насчитывают свыше 30. (См. Ch. Nigounet. Un mémoire sur les péages de la Garonne au début du XIV-e siècle. — AM, 1949, p. 320—324).

³ Cart. Bourg, № 55.

⁴ Страбон. География, IV, I, 14.

⁵ Подобные предположения высказывались неоднократно. Еще Р. Лимузен-Лямот (Commune, p. 117) искал объяснения подъема средневековой Тулузы в крестовых походах, в оживлении средиземноморской торговли и в деятельности иностранных купцов. М. Мюльхолланд (Early gild records, p. IX) видит источник возвышения Тулузы в ее географическом положении как центра транзитных связей между Средиземным морем и Атлантикой, а также между Испанией и Северной Францией. Представление о средневековой Тулузе, как о фокусе интенсивных торговых сношений через «Аквитанский перешеек», особенно настойчиво развивали в своих статьях Ж. Копполани (J. Coppolani. Essai de solution géographique. — AM, 1950, p. 105—114) и Ив Ренуар (Y. Renouard. Les voies de communication. — Mélanges Louis Halphen, P., 1951). Противоположную позицию в этом споре занял Ф. Делярюель (F. Delaruelle. Toulouse et la route des Deux-Mers. — AM, 1950, p. 215—228). Примечательно, что перед лицом исторических фактов и сами сторонники транзитной концепции вынуждены прямо или косвенно признать беспочвенность своих построений. Так, Лимузен-Лямот в итоге все-таки заключал, что истоки подъема средневековой Тулузы лежали прежде всего в развитии не дальней, внешней, а местной торговли. (Op. cit., p. 118). Так же и Ренуар должен был прийти к весьма выразительному выводу: «Как бы удивительно это ни показалось, но очевидно, что в средние века по долине Гаронны не производилось большой транзитной торговли между Средиземным морем и Атлантическим океаном» (Op. cit., p. 592). Что же касается его утверждения, что гароннский путь с успехом заменяла дорога Тулуза — Кагор — Либурн, то оно представляется (во всяком случае до XIV в.) не более обоснованным, чем гароннская «трансаквитанская» гипотеза.

Ф. Вольфф, география открывает перед людьми только возможности¹. Никакие исторические данные не свидетельствуют в пользу существования при римлянах действительной связи между двумя морскими бассейнами через Нарбонну и Бордо или о существовании торгового судоходства по Гаронне между Тулузой и Бордо. Очевидно, не существовало тогда и сколько-нибудь настоятельной потребности в такой связи². Тем более не было такой торговой связи в раннее средневековье. Насколько можно судить, эпизодические торговые контакты здесь возникают не ранее конца XII века; они становятся более постоянными только к середине XIII столетия.

Позднее, когда во второй половине XIV века начал складываться довольно регулярный товарообмен между Тулузой и Англией, осуществляли его не тулузские, а беарнские купцы, причем торговый путь шел не по Гаронне на Бордо, а через горные городки Беарна на Байонну. И вывозилось этим путем из Тулузы отнюдь не сукно, а вайда, сукна же шли — в Тулузу, из Англии³.

И все-таки в XIII веке (если не с конца XII) сукна из Тулузы вывозились. Только шли они, видимо, не столько на север и запад, сколько главным образом на юг и юго-восток. В 1205 году тулузский консулат счел необходимым подробно уточнить размеры графских пошлин на мытнях в Памье, Аксе, Меренсе — в долине верхнего Арьежа, в графстве Фуа; а также в Авиньонэ, Кастиль-подари и Пексиора — в Лорагэ, в направлении на Каркассон, в долину Оды. Причем здесь чаще всего встречается обложение с тюка (*pro balis, pro trossello*)⁴, а именно так перевозились и облагались пошлинами ткани.

Вероятно, отсюда какая-то часть этих тканей шла и дальше — в Нарбонну. Торговая связь Тулузы с Нарбонной не может вызвать сомнения. Из Нарбонны привозились квасцы⁵, которые употреблялись в тулузском кожевенном производстве⁶, а также в текстильном (особенно в крашении)⁷, и несомненно те пряности, о продаже которых в Тулузе и провозе тулузскими купцами вниз по Гаронне, в северные районы Тулузена, сообщают источники⁸. То же, как было отмечено выше, относится и к соли. Но, как это было и с солью, едва ли вообще торговые связи с

¹ Ph. Wolff. Le problème des Cahorsins. — А. М., 1950, p. 237.

² F. Delaruelle, p. 217.

³ Ph. Wolff. Commerces, p. 124—127. Кондомские купцы, правда, все-таки пытались связать Тулузу с Бордо по долине Гаронны. Но для этого они старательно обходили самую реку, двигаясь по мелким городам левобережья. См. там же, стр. 127.

⁴ Cart. Bourg, № 55.

⁵ В Нарбонну прибывали квасцы из Кастилии, с Балкан, из Алеппо. (*Inventaire archives comm. Narbonne, I, № 129*).

⁶ Алеппские и кастильские квасцы. (*EGR, p. 31, a. 4*).

⁷ Cart. Bourg, N 26. Часть их тулузские купцы затем продавали на север.

⁸ Ibid., N 26.

Нарбонной были непосредственными. Как показывает перечень мытных застав, интересовавших консулов 1205 года, тулузские купцы ездили по Нарбоннской дороге как правило не дальше Каркассона¹. Так, вероятно, было и с привозными товарами. Торговля с портовой Нарбонной была довольно регулярной, но не непосредственной и едва ли была значительной по объему вывоза.

Если тулузские сукна продавались на средиземноморских рынках, то вероятнее всего они поступали сюда через нарбоннский порт в общем потоке товаров, вывозившихся из Южной Франции, как правило, итальянскими (частью марсельскими) купцами². Но единичность такого рода упоминаний свидетельствует об ограниченности той доли, которая принадлежала тулузским сукнам в этом экспорте³.

До второй половины XIV века итальянские купцы, видимо, вообще мало интересовались южнофранцузскими сукнами, если не считать знаменитых ярко-красных сукон Монпелье, долго стоявших вне конкуренции. Из этого района (особенно Прованс и Нижний Лангедок) они предпочитали широко вывозить сырую шерсть. Это чувствительно сказывалось на местном сукноделии, вызывало многочисленные жалобы и побуждало французских королей (Филипп III, Филипп IV) то пользоваться огромными для них выгодами такого вывоза, то, под давлением жалоб, вовсе его запрещать (1277, 1303, 1305 годы)⁴. Очевидно, такие жалобы не могли бы возникнуть и в королевских запретах не было бы необходимости, если бы итальянцы вывозили отсюда сукна. Несомненно, в эту пору вывоз сукон из Лангедока (опять-таки не считая дорогих пурпурных сукон Монпелье) сколько-то существенного значения не имел. Этот вывоз значительно возра-

¹ Ibid., № 55.

² Генуэзцы проникают в Лангедок с первых лет XII века. Но первоначально — только в его восточный порт Сен-Жиль (договор генуэзских консулов с тулузским графом Бертраном в 1109 г. — IGL, V, col. 809—810). С Нарбонной договор «о союзе и торговле» генуэзцам удастся заключить только в 1166 г. (Inventaire arch. commun. Narbonne, I, № 3), затем он повторяется в 1224 и 1247 гг. (ibid., N 11, 28). В 1224 г. подобный договор с Нарбонной заключает Пиза (ibid., N 13). Марсель в XIII веке поддерживал постоянные торговые связи не только с Бокером и Монпелье, но также и с Нарбонной. В конторских книгах марсельских купцов этого времени встречаются упоминания тканей «из Нарбонны», которые вместе с другими товарами из Лангедока, Прованса (и даже из Северной Франции) вывозились в страны Леванта. Оттуда шли пряности, а также квасцы. (G. Lésage, p. 48, 53, 56). Отдельные упоминания тулузских тканей на рынках Южной Италии этого времени отмечает Ивер (G. Yver. Le commerce et les marchands dans l'Italie méridionale au XIII et XIV siècle. P., 1903, p. 8, 91, 217).

³ Примечательно, что в нарбоннском тарифе комиссионных сборов (XIII век) перечисляются различные ткани не только из Нарбонны, Фижеака, Альби, Кагора, но также из Арраса, Парижа, Реймса, Сент-Омера и Брюжре, но не упоминаются ткани из Тулузы. (Inventaire archives commun. Narbonne, t. I, N 129).

⁴ E. Levasseur, I, p. 435.

стает к концу XIV века, попадая теперь преимущественно в руки флорентинских купцов, опиравшихся здесь на свои постоянные конторы в Монпелье¹. Но в Тулузе ни ранее, ни даже в этот период никакой колонии итальянских купцов не отмечается².

Итак, у историка нет оснований связывать интенсивный подъем тулузского сукноделия в XIII веке с вывозом на далекие рынки. Шампанские ярмарки и Средиземное море играли здесь сугубо подчиненную роль. По всей видимости, ремесленный рынок был по преимуществу региональным, вывоз тулузских тканей следовал в основном по тем же путям, по которым шел и межзо-нальный обмен сельскохозяйственных товаров (см. гл. II). По Гаронне и по сухопутью тулузские сукна, очевидно, вывозились и в северные районы графства (едва ли много дальше устья Тарна: Альби и Кагор сами обладали развитым сукнодельческим ремеслом). Но, по всем данным, в еще большей мере они шли на юго-восток — в районы соседнего Лорагэ, а также Каркассэ, и особенно на юг, в глубь более отдаленной припиренейской периферии, в районы верховьев Гаронны и Арьежа, графств Фуа и Комменж.

Нужно учитывать специфику этих глубинных районов, с их мелкими городками, замками и горными местечками, удаленными от значительных центров ремесленного производства. Здесь тулузским сукнам менее всего грозила сколько-нибудь серьезная конкуренция, здесь они могли занять исключительное положение. Раннее торговое освоение этого района должно было дать товарам тулузских суконщиков сравнительно широкий выход. К тому же из этих районов они могли вывозить и наиболее дешевую сырую шерсть³.

Вот почему тулузский консулат, в котором после 1202 года возобладали купеческие элементы, так настойчиво заботился о том, чтобы графская власть не повышала пошлин на путях, ведущих в этом направлении⁴. Насколько важна для средневековой Тулузы была прочная связь с этими припиренейскими районами, можно видеть из того, что к началу XIV века в Тулузе через Гаронну было переброшено уже четыре моста, один из которых так и назывался Комменжский⁵. По этим мостам и дорогам теперь, види-

¹ H. Calderan-Giacchetti, L'exportation, de la draperie languedocienne dans les pays méditerranéens d'après les archives Datini (1380—1410). — AM, 1962, p. 175—176.

² Ф. Вольфф относит ее появление в Тулузе лишь к середине XV века (Ph. Wolff. Commerces, p. 632); тогда как в Авиньоне, Бокере, Ниме, Монпелье такие колонии, по всей видимости, возникли в XII и, несомненно, в XIII веке (H. Pigeonneau. Commerce, I, p. 243; A. Dupont. Relations, p. 103—109).

³ О том, что из Памье, из графства Фуа, в Тулузу доставлялись шкуры ягнят, козлят, телят, известно достоверно. (C. Douais. Statut municipal, p. 132).

⁴ Cart. Bourg, N 55.

⁵ EGR, p. 147, 57, 59, 130 a. 20.

мо, направлялись встречные потоки сырья и ремесленных изделий, в первую очередь сукон¹.

Дешевизна сырья, сравнительная емкость этих южных рынков и широкий приток деревенского необеспеченного люда обусловили быстрый подъем тулузского сукноделия в XIII веке.

Одновременно необходимо учесть, что этот подъем совершался при почти полной неоформленности цеховых союзов ремесленников: В условиях абсолютного господства землевладельческой патрицианской верхушки сложившегося здесь задолго до сколько-то значительного развития ремесла, становление самостоятельных организаций ремесленников было крайне затруднено. На почве раннего возникновения рынка сельскохозяйственных продуктов рано сложились здесь и могущественные силы купеческого капитала. А они еще менее были склонны допустить существование независимых организаций мелких производителей. Недопущение цеховых союзов, упорное их непризнание, безусловное запрещение цеховых монопольных цен, мер профессиональной солидарности и других форм самозащиты непосредственных производителей, ограничение прав и решительное подчинение все-таки возникших союзов власти и контролю городского консулата — все то, что составляет содержание режима так называемого «свободного ремесла», — стало главным принципом всей ремесленной политики правящего землевладельческо-ростовщическо-купеческого патрициата Тулузы.

Нет нужды доказывать, что наличие сравнительно емкого рынка шерстяных тканей действовало в том же направлении. Снимая необходимость в ограничении объема продукции, оно ослабляло и без того непрочные позиции возникавших цеховых корпораций и облегчало подчинение ремесленников торговому капиталу.

Вместе с тем не подлежит сомнению, что режим «свободного ремесла» способствовал эффективному приспособлению тулузского сукноделия к рынку — через скупку продукции, работу на заказ, систему раздачи сырья, то есть путем развития примитивно-капиталистических форм эксплуатации, включая даже и элементы крупного производства — простой капиталистической кооперации. Стекавшиеся в Тулузу неимущие полуремесленные элементы в этих условиях, как правило, вовлекались в производство прежде, чем успевали стать самостоятельными ремесленниками, вовлекались в качестве псевдосамостоятельных работников капиталистической домашней промышленности на заработной плате.

Очевидно, невозможно отрицать исторической прогрессивности такого пути развития. Почему же при столь благоприятных,

¹ Возможно также, что тулузские сукна, подобно фландрским, через Каркассон, Лиму, Перпиньян вывозились и за Пиренеи — в Каталонию. См. R. W. Emery. Flemish cloth in Perpignan in the XIII-th century (Essays in honor of A. P. Evans, p. 158—161).

многообещающих задатках, столь ранних и столь успешных первых шагах Тулузы не стала центром раннего капитализма? Почему в XV веке Тулуза не могла похвастаться крупными состояниями, а ее буржуазию в эту пору привлекала не столько торгово-промышленная деятельность, сколько судейские и иные доходные должности и выгоды анноблирования?¹ Почему в ремесленных статутах XIII века спонтанные организации ремесленников лишь с трудом обнаруживаются за толщей предписаний муниципальной власти, стоящей на страже интересов эксплуататоров-суконщиков, а в XIV и XV веках лицо тулузского ремесла определяет цеховой строй в его почти обычной, почти «классической» форме? Почему в XIII веке основная масса тулузских сукноделов: прядильщиц, красильщиков, ткачей, сукновалов, ворсильщиков, аппретурщиков — работала на чужом сырье, принадлежавшем раздатчикам-суконщикам, которые затем сами сбывали готовый товар, а в XIV и XV веках, при всей сложности и многообразии отношений в тулузском ремесле, по данным Ф. Вольфа, очень многие тулузские ремесленники были одновременно и производителями и продавцами своих изделий?²

Альбигийские войны? Хотя сама Тулуза пострадала меньше некоторых других городов Лангедока, несомненно — отрицательные последствия разгрома Юга и для ее экономики трудно переоценить. Но ведь наши данные о процессе капиталистического перерождения тулузского сукноделия относятся к послеальбигийской эпохе. Быть может, — присоединение к королевским владениям и влияние антикоммунальной политики Альфонса де Пуатье, а затем королевской власти, пытавшейся заигрывать с ремесленно-цеховой массой и противопоставлявшей ее городскому патрициату? Это безусловно имело значение. Но ведь самое ремесленное законодательство тулузского консулата в конце XIII — начале XIV века в значительной мере стимулировалось этой политикой королевской власти, было противопоставлено ей, — а оно рисует нам картину еще несомненного подчинения тулузского ремесла, особенно сукноделия, купцу-раздатчику. Наконец, может быть, дело связано с общим экономическим упадком Тулузы? Это весьма вероятно. Но, хотя вышеотмеченные факторы должны были действовать в этом направлении, упадок Тулузы начался только с середины XIV века³.

Нет необходимости доказывать, в сколь высокой степени этот упадок был обусловлен губительным влиянием Столетней войны. Но похоже, что известная, так сказать, обратная эволюция социальной структуры тулузского сукноделия началась ранее и

¹ F. Delaruelle, p. 219.

² Ph. Wolff, *Commences*, p. 539.

³ G. Boyer, *Etudes d'histoire toulousaine*. — RALT, 1957, p. 57.

еще раньше была подготовлена. В самом деле, некоторые моменты зачаточно-капиталистической организации тулузского сукноделия в статуте 1227 года выражены ярче, полнее, чем в статуте 1279 года, и, тем более, в других статутах конца XIII — начала XIV века. Если статут 1227 года безоговорочно разрешает сукноделам работать по ночам¹, то мартовский статут ткачей 1279 года запрещает ночной труд², и лишь апрельский статут того же года вновь разрешает его³. В этом установлении, нарушавшем обычные правила средневекового мелкоремесленного производства, явно уже не чувствуется прежней твердости. Видимо, менее надежным стал тот рынок сбыта сукон, наличием которого было продиктовано само нововведение.

Еще ощутимее это относится к элементам крупного производства. В то время как в статуте 1279 года можно обнаружить лишь намеки на существование отдельных крупных мастерских⁴, раньше, в статуте 1227 года, совершенно недвусмысленно и неоднократно говорилось о сукноделах, содержащих в своих домах работников на оплате⁵. В более позднем статуте мы не встречаем ни прежней четкости обрисовки этих производственных форм, ни указаний на прежние массовые формы сопротивления работников этим нововведениям, ни прежних запретов такого противодействия. И это — отнюдь не потому, что такое сопротивление было сломлено: даже при самом поверхностном сопоставлении статутов начала и конца XIII столетия в глаза бросается несравненно большая зрелость и сила ремесленных организаций во втором случае. Но складывается впечатление, что, хотя более крупные мастерские несомненно имеются, они не столь разительно велики, встречаются не так часто и самое их существование не выглядит столь действительно необходимым, как прежде.

Хотя в статуте 1279 года разделение тулузских сукноделов на тех, кто производит свой товар или отдает его изготавливать другим, и тех, кто работает на других за заработную плату, несомненно существует, оно уже не выглядит столь же четким, как в 1227 году, да и консулат уже не пытается провести его так же непримиримо: статуты, как было отмечено выше, то и дело говорят о ремесленниках, которые обрабатывают и чужое сырье и свое собственное (в 1227 году это запрещалось). Несмотря на сохранение капиталистической домашней промышленности, мелкое самостоятельное (или полусамостоятельное) товарное производство не только не вытеснено, оно явно упрочило свои позиции.

Не подлежит сомнению, что именно это упрочение было той реальной экономической почвой, на которой уже в конце XIII ве-

¹ Statuts, a. 10.

² EGR, p. 21 a. 4.

³ Ibid., p. 6 a. 8.

⁴ Ibid.

⁵ Statuts, a. 10, 12.

ка (а позднее — еще гораздо более) в Тулузе окрепли, оформились, добились значительной степени независимости цеховые союзы ремесленников. И вот почему в XIV и XV веках тулузские ремесленники, как это не без удивления отмечал Де Рибб, в своих профессиональных организациях стали копировать парижские цехи¹. Без этих экономических сдвигов любые усилия королевской политики «покровительства» цеховому ремеслу не могли бы иметь сколько-то существенного эффекта.

Но если самостоятельное, мелкотоварное производство действительно укрепилось — это могло произойти только за счет ослабления зачаточно-капиталистических форм производства. Возникновение этих форм было связано, как отмечалось, с наличием удобного, доступного рынка сбыта для тулузских сукон. Но рынок, на который опиралось все это развитие, оказался довольно ограниченным. Интенсивное развитие раннекапиталистических форм эксплуатации и производства должно было сравнительно скоро исчерпать емкость этого, немногим более чем регионально-го рынка. Тем более, что к XIV веку в этом районе значительное производство сукон развилось не только в таких городах, как Каркассон или Кастр, но и в более мелких, как Лаграсс, Миранда, Фанжо, Сен-Феликс и некоторые другие городки и местечки². И тогда, поелику сколько-то широких путей к далеким и емким рынкам тулузский купеческий капитал проложить не сумел, — новые формы, не сходя вовсе со сцены, начали постепенно увядать, все больше уступая место возрождавшемуся самостоятельному мелкотоварному ремеслу. Обнаружилась историческая неподготовленность Тулузы к раннекапиталистическому развитию.

То обстоятельство, что и в городах «свободного ремесла», где (как это было и в Тулузе) естественные цеховые тенденции средневекового мелкотоварного производства были скованы и где, казалось бы, создавались наилучшие условия для раннего развития капитализма, — то обстоятельство, что и здесь этот ранний капитализм все-таки не сложился или, едва начав расцветать в одельных отраслях, быстро увял и осыпался, показывает, что главным препятствием развитию капиталистических отношений в средневековом городе были не сами по себе цеховые ограничения и регламенты, а отсутствие объективных условий, необходимых для этого развития, — отсутствие широкого, емкого рынка, создающего и потребность и возможность устойчивого функционирования крупного производства³. В эпоху классиче-

¹ C. De Ribbe. Les corporations ouvrières en Provence. Aix, 1865.

² Ph. Wolff. Luttès sociales p. 444; Cart. Carcassonne, t. II, p. 468.

³ Пример развития Флоренции и некоторых других городов Северной и Средней Италии (причем, видимо, развития несколько более позднего и несомненно гораздо более зрелого) именно в силу исключительности породивших его условий (см. К. Маркс. Капитал, том III. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 365) служит обратным доказательством того же тезиса.

ского средневековья цеховые ограничения были только вторично-сдерживающим фактором, только производным от этих условий и необходимым средством самозащиты мелкого промышленного производства в этих реальных условиях.

При этом тут или там спорадически возникавшие более или менее благоприятные обстоятельства могли порождать — и, как видим, очень рано — зачатки капиталистических отношений. Но при всей яркости, оригинальности, исторической важности этих вспышек они не могли привести к утверждению капитализма. Крупное производство, если оно при этом возникало, было здесь элементом сугубо подчиненным и наименее стойким. Как правило, не затрагивая самого способа производства (в узком смысле этого слова), и лишь подчиняя мелкого производителя (продолжающего работать как ремесленник) эксплуатации со стороны раздатчика сырья, они порождали те формы капиталистических отношений на неадекватной производственной основе, которые К. Маркс объединил общим термином формального подчинения труда капиталу, подчеркнув тем самым их полукapиталистическую сущность¹.

К. Маркс предостерегал историков от слишком прямолинейных представлений об исторических границах в экономическом развитии. «Как при последовательной смене различных геологических формаций, так и при образовании различных экономических формаций общества не следует верить во внезапно появившиеся, резко отделенные друг от друга периоды.

В лоне ремесла развиваются начала мануфактуры...»².

Возобладание мануфактуры, как первой устойчивой формы капиталистического производства, возможной лишь на основе уже совершившегося отрыва значительной части производителей от средств производства, само явилось итогом длительного развития. Система раздачи сырья, развившаяся на старой производственной основе, была эмбриональной формой капиталистической эксплуатации, которая подготавливала необходимость так называемого первоначального накопления и могла явиться ее непосредственным прологом. Но — только при благоприятных условиях. При их отсутствии эта застойная форма могла вяло развиваться или почти в полной неподвижности в течение столетий сосуществовать бок о бок с самостоятельным мелкотоварным

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, III. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 748; т. 25, ч. I, стр. 367—368; см. также К. Маркс. Подготовительные работы к «Капиталу». — «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), М., 1933, стр. 97—119.

² К. Маркс. Машины. Применение природных сил и науки, стр. 51. Нельзя не вспомнить в этой связи справедливое замечание Е. А. Косминского: «Еще меньше должно нас смущать то обстоятельство, что в феодальной формации (как и во всякой другой) имеются значительные пережитки прежних, дофеодальных отношений и зародыши новых, капиталистических». (Е. А. Косминский. Исследования, стр. 42).

ремеслом, так и не выводя (до начала широкой экспроприации непосредственных производителей) к системе наемного труда.

В обычных условиях города эпохи классического средневековья самостоятельное ремесло, защищаемое системой цеховых союзов и ограничений, было основной формой, так сказать, столбовой дорогой развития промышленности и товарного производства, подготавливавшей предпосылки для возникновения крупного производства и перехода к капитализму. Гипертрофия этой системы, ее слишком долгое, пережиточное существование в обстановке начинавшегося первоначального накопления превращало ее в фактор экономического (а за ним—и всякого иного) застоя и отставания. Слишком же ранний ее подрыв и разрушение могли вести к задержке общего развития, к яркому, но кратковременному взлету, неизбежно сменяемому возвращением к более ранним, но исторически неизжитым формам.

Система так называемого свободного ремесла, за которой стояли своекорыстные интересы определенных городских внеремесленных слоев, сковывая свободу профессионального объединения и самозащиты ремесленников, существенно сдерживала развитие самостоятельного простого товарного производства,— и именно в тот период, когда такое развитие было особенно своевременным и важно. Раннее развитие примитивно-капиталистических отношений, которому эта система благоприятствовала, оказывалось кратковременным и неизбежно сменялось известным возвратом к старому, торжеством цеховых тенденций,— и именно тогда, когда они становились оковами дальнейшего прогресса¹.

¹ Расцвет цеховой системы в Тулузе приходится на XVI столетие. —А. Д и В о u г. Tableau, p. 64.

МУКОМОЛЬНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Прежде чем оставить рассмотрение ремесла, мы должны, пусть кратко, остановиться еще на одной области промышленного труда, хотя и стоящей несколько особняком. Речь идет о мукомольном промысле.

Промысел этот возник в Тулузе рано и получил развитие, необычное даже для очень большого средневекового города. Вплоть до XVIII века тулузские водяные мельницы были предметом изумления для всех путешественников, посещавших этот город¹. Но еще важнее другое обстоятельство. Уже с конца XII столетия тулузские мельницы эксплуатируются паевыми товариществами. Паи эти и их доли свободно продаются и покупаются, причем их владельцы очень часто к самому мукомольному ремеслу никакого отношения не имеют — обслуживают мельницы в основном наемные работники.

Не удивительно, что эволюция тулузского мельничного промысла привлекла к себе внимание ряда историков и вызвала острые споры. В то время как Жозеф Кальмет видел в его орга-

¹ Любопытно отметить, что Франсуа Раблэ в своем знаменитом романе (кн. II, гл. 22), желая привести пример мельницы, исключительной по своим размерам, ссылается на Базакльскую мельницу в Тулузе.

низации зачаток капиталистических акционерных компаний¹, Марк Блок отвергал такую оценку как анахронизм². В 1910 году тулузским мельницам специальную работу посвятил Г. Мот³. В 1953 году вышло большое исследование Жермена Сикара⁴. К сожалению, оба эти автора рассматривают главным образом более поздний период, гораздо полнее представленный в источниках, но выходящий за рамки нашей основной задачи. Еще существеннее, что авторов (это относится и к Ж. Сикару, хотя он подробно рассматривает хозяйственное развитие тулузского мукомольного промысла) гораздо более интересует юридический аспект деятельности мельничных товариществ, чем их экономическая структура, новизна и противоречивость возникавших в них отношений собственности. Потому некоторые существенные вопросы остались вне сферы их внимания. При всей ценности проделанной этими авторами работы, едва ли было бы правильно считать вопрос вполне выясненным, особенно если ставить перед собою задачу уяснения истории тулузского мукомольного промысла не изолированно, а в связи с общим экономическим и социальным развитием средневекового города.

Вообще раннее и интенсивное развитие мельничного дела в Тулузе представляется вполне естественным: оно не могло не развиваться в большом городском центре, расположенном посреди хлеботорного района на полноводной реке с быстрым течением. Но, видимо, дело обстояло отнюдь не так просто. До начала 70-х годов XI века мы вообще не имеем каких-либо упоминаний о водяных мельницах на Гаронне в районе Тулузы, и едва ли это может быть объяснено только скудостью источников. Ведь именно те качества Гаронны, которые кажутся наиболее благоприятными — полноводность, большая скорость течения, — до XII века представляли наибольшие трудности для возведения мельниц. Если к этому прибавить редкую своенравность этой горной реки⁵, собственно только у Тулузы вырывающейся на равнину (резкие колебания уровня, частые разрушительные наводнения), то станет ясно, что на первых порах для развития в Тулузе мукомольного дела было, пожалуй, больше препятствий, чем благоприятных возможностей. В раннее средневековье мельницы строились обычно на ручьях и мелких речушках. Вероятно, не случайно и для постройки первой известной нам тулузской

¹ J. Calmette. *La société féodale*. P., 1932, p. 129.

² M. Bloch. — *МА*, 1934, p. 210: в тулузских компаниях не существовало права ограниченной ответственности.

³ G. Mot. *Le moulin du Château-Narbonnais de Toulouse de 1182 à 1600*. Carcassonne, 1910.

⁴ G. Sicard. *Aux origines des sociétés anonymes. Les moulins de Toulouse au Moyen Age*. P., 1953.

⁵ Высота истока Гаронны в пределах Франции — 576 м над уровнем моря (P. Arqué. *Géographie des Pyrénées Françaises*. P., 1943, p. 22).

мельницы госпиталь св. Рамуна выпросил у графа Гильема IV место около брода Базакль¹, где река значительно мельче.

Заслуживает внимания и другое обстоятельство: и эта и другие мельницы, расположенные в непосредственной близости от Тулузы, о которых сообщают источники конца XI и первой половины XII века, — монастырские, церковные, во всяком случае поместные, но не городские². Город еще не стал средоточием мукомольного промысла. Мельница еще оставалась по преимуществу принадлежностью феодального поместья, а мукомольное дело — частью феодальных привилегий сеньоров. Горожанам предстояло отвоевать свое право на этот промысел и в борьбе с конкуренцией поместных мельниц доказать превосходство своей системы организации мукомольного дела.

Достоверные сведения о тулузских городских мельницах дошли до нас только от последней четверти XII века. Это — арбитражное решение 1177 года по тяжбе, возникшей между приором церкви Дорад и владельцами мельниц на участке Базакля³. Следовательно, сами мельницы появились здесь гораздо раньше, недаром в соглашении сказано, что чинши, пошлины с продажи и штрафы в пользу приора остаются прежними. Какого развития достиг мукомольный промысел в Тулузе уже к этому времени, можно судить по тому, что на Базакле в ту пору насчитывалось 24 мельницы⁴, столько же — на плесе Нарбоннского замка и, как считает Ж. Сикар, около 15 на участке Дорад⁵, то есть свыше 60 мельниц в одном городе! Ж. Сикар полагает, что этого уровня мельничное дело достигло в Тулузе, видимо, уже в середине XII века. И это весьма вероятно, если учесть, что еще в 1152 году, едва возникнув, тулузский консулат специально занимается регулированием доходов городских мельников⁶. Несомненно городское мукомольное дело в Тулузе начало развиваться не позднее начала XII, а еще вернее — с конца XI века.

Все эти мельницы были плавучими. Мельничное оборудование ставилось на барки, закрепленные в русле реки, и приводилось в движение подливными колесами, погруженными непосредственно в водный поток. Очевидно, это следует объяснить прежде всего сравнительной дешевизной: постройка небольшой мельницы на барке или на плоту была значительно дешевле возведения водяной мельницы на берегу, при этом функционирование такой плавучей мельницы не требовало почти никакого дополнительного оборудования. В том же направлении действовал, видимо, и другой фактор. Хотя в дальнейшем сеньоры — собственники берегов в своих отношениях с мельничными това-

¹ Cart. S.-Sernin, N 547, 546.

² Ibid., N 547, 435.

³ G. Sicard. — Pièces Justificatives (далее — P. J.), N 1.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., p. 37.

⁶ Cart. Bourg, N 4.

риществами выступают одновременно и как собственники самого водного потока, можно думать, что так дело обстояло не всегда, что сначала этого права не было или оно реализовалось не полностью, и установить мельничную барку на реке можно было если не без чинша, то, по крайней мере, не внося высокой платы за допуск к земельному «феоду»,—держание фактически продавалось¹.

Вот, видимо, почему тулузские феодальные, землевладельческие документы ни словом не упоминают о плавучих мельницах не только в XI, но и на протяжении трех четвертей XII века. Да ведь и тяжба 1177 года возникла в связи с тем, что мельники Базакля стали возводить плотину, не спросив на то разрешения приора—сеньора берега, а этот сеньор только в результате арбитражного решения смог заставить владельцев плавучих мельниц признать его право собственности в отношении самой воды. Хотя приор при этом ссылаясь на диплом Карла Лысого, реально его право сеньориальной собственности на воду как движущую силу, по всей видимости, возникло не раньше, чем развились и вошли в повседневную жизнь плавучие мельницы, и лишь в связи с постройкой плотины, угрожавшей остановить судоходство у принадлежавшего ему берега, он смог доказать нарушение его сеньориальных прав землевладельца².

Примечательно в этой связи и то обстоятельство, что к строительству береговых мельниц на плесе Нарбоннского замка мельничные товарищества перешли только после разрушительного наводнения 1182 года, о чем сообщает первый известный нам договор между ними и графом в 1183 году³. Насколько можно судить, на плесе Базакля аналогичная перемена произошла приблизительно в то же время⁴. Иными словами, крайняя техническая необходимость вынудила мельников совершить переход на берег, связанный с немалыми затратами на приобретение земельного держания и с поземельными чиншами.

Но наводнение было только толчком. Более глубокие причины

¹ «... si alii homines volebant acaptare loca de priore in predicto capitio...» (Cart. S.-Sernin, N 438).

² Это предположение находит себе известное подтверждение в документах эпохи. Когда в 1199 г. владельцы мельниц Базакля с согласия приора Дорад решили возвести новую плотину — выше Старого моста, угрожая перекрыть судоходное движение по реке у самых владений тулузского графа, последний возбудил против них (и против приора) тяжбу. Оспаривая право приора распоряжаться течением реки, графский вигье утверждал, что водный путь, течение Гаронны, издавна является общим достоянием тулузцев и даже всех других людей, плавающих по реке. («... caminum Garonne erat comune omnibus hominibus civitatis Tholose et suburbii et etiam omnibus aliis hominibus in ascendendo et in descendendo naves... et ita illud caminum Garonne habuerant et tenerant comune LX annos et amplius». — HGL, VIII, N 100).

³ G. Mot. — P. J., N 1.

⁴ HGL, VIII, N 100.

заставили перейти к береговым мельницам. К этому времени в тулузском мукомольном промысле произошли важные внутренние сдвиги, которые в значительной мере предопределили и переход на берег, и вообще дальнейшие пути его развития. Напомним, что судебная тяжба 1177 года возникла в связи с постройкой плотины до противоположного берега Гаронны. Частичные плотины существовали и ранее. Первоначально это были частоколы с плетнями, поставленные у каждой плавучей мельницы. Понятно, что эти примитивные сооружения не могли обеспечить стабильности уровня воды и регулирования силы потока. Значительно эффективнее были единые плотины, перегораживавшие протоки между островами или часть основного русла реки. Вот такие-то плотины и предшествовали соглашению 1177 года — в середине и третьей четверти XII века.

Однако возведение даже частичных плотин требовало значительных затрат и, значит, объединения средств и усилий группы заинтересованных владельцев мельниц. Это должно было уже тогда породить первые формы объединения, зачатки мельничных товариществ. Что же касается возведения сплошных плотин через Гаронну, то самая задача такого рода предполагала объединение средств всех владельцев мельниц на данном участке реки. Первые договора с сеньорами берега — 1177 и 1183 годов уже несли в себе зачаток позднейших всеохватывающих мельничных товариществ — Базакля и «Замка»¹.

И дело не только в объединении. Насколько позволяют судить источники, даже каждая плавучая мельница принадлежала не одному, а двоим (если не более) мельникам-совладельцам². Но для возведения плотин в более значительных масштабах даже объединенных ресурсов нескольких мельниц было недостаточно. Уже здесь могла возникнуть необходимость привлечения денежных средств извне, а значит и возможность проникновения в мельничные товарищества элементов внеремесленных, не связанных с самим мукомольным производством. Такое проникновение становилось необходимостью там, где мельничные товарищества брались за возведение плотин от берега до берега Гаронны³. Не удивительно, что среди *paragierii* — совладельцев мельничного товарищества Базакля уже в 1177 году фигурируют лица, принадлежавшие к городской патрицианской верхушке⁴ и, несомненно, не занимавшиеся трудом мукомола. Та же картина яс-

¹ G. Sicard. — P. J., N 1, 6; Mot. — P. J. N 1.

² Что касается береговых мельниц, то и в поместьях, там, где их строил не сам сеньор, для их возведения обычно объединялись ресурсы нескольких лиц. (См. Cart. S.-Sernin, N 438).

³ Для того чтобы надежнее противостоять наводнениям и полнее направлять воду к мельницам, плотина Базакля была построена наискось и имела протяженность около полукилометра. (G. Sicard, p. 41).

⁴ G. Sicard. — P. J., N 1.

но вырисовывается и из перечня членов товарищества Нарбоннского замка, в 1183 году приобретших у тулузского графа право постройки береговых мельниц¹. Представляется вполне обоснованным мнение П. Суйри о том, что объединение средств мукомолов и прошипование в их товарищества богатых горожан происходило еще до перехода к строительству береговых мельниц, — в связи с возведением плотин, требовавших больших затрат². Но, несомненно, переход к береговым мельницам должен был в немалой степени ускорить эти процессы.

Переход к береговым мельницам диктовался и беззащитностью плавучих мельниц против стремительных паводков и разрушительных наводнений (порою Гаронна срывала баржи с якорей, выбрасывала их на берега³), и серьезностью препятствий, которые чинили плавучие мельницы судоходству⁴, но главное состояло в их низкой производительности, более не соответствовавшей потребностям тулузского хлебного рынка и бурно растущего населения города. Плавучие мельницы были мелкими, — об этом говорит самая их многочисленность. О недостаточности их производственной мощности свидетельствуют также настоячивые усилия мукомолов по наращиванию плотинных сооружений.

Переход к береговым мельницам явился важным шагом вперед, прежде всего в техническом отношении. Собственно, самая техника размол зерна оставалась тою же самой. Но благодаря подъему уровня и регулированию подачи воды мельницы могли теперь работать бесперебойно, почти независимо от колебаний уровня реки, а главное — значительно возрастала их производственная мощность. Теперь на каждой мельнице был не один, а два постава, которые обслуживались двумя мельниками, работавшими посменно⁵.

В результате производительность мельниц возросла в полтора-два раза: на Замковом плесе к 1194 году вместо 24 плавучих было построено 16 береговых мельниц⁶, а на Базакле — даже только 12⁷.

Это повышение производительности было связано с применением сравнительно сложного и не по-ремесленному дорогого оборудования. Технические сдвиги необходимо должны были по-

¹ G. Mot. — P. J., N 1.

² P. Souyri, p. 41.

³ Cart. Bourg, N 21.

⁴ Ibid., N 22.

⁵ G. Mot. p. 64.

⁶ Ibid., P. J., N 1, 7.

⁷ G. Sicard. — P. J., N 1. Если к этому прибавить приблизительно 15 мельниц участка Дорад, на левом берегу Гаронны (G. Sicard, p. 155—156), то окажется, что к концу XII века в Тулузе имелось уже свыше 40 мельниц. Любопытно отметить для сравнения, что в Париже в начале XIV века, то есть через сто с лишним лет, насчитывалось около 70 водяных мельниц. См. G. Fagniez. Etudes sur l'industrie et la classe industrielle à Paris au XIII et au XIV siècle. P., 1877, p. 164.

влек за собой сдвиги экономические. Возведение сплошных плотин на широкой реке, устройство водоподводящих каналов, проходов для судов и других сооружений (а также их поддержание и систематический ремонт) требовали таких больших капитальных вложений, какие были не по плечу не только отдельному мелкому производителю, но даже ассоциации таких производителей.

При этом следует учесть значительность тех денежных сумм, которые требовались теперь для получения у сеньоров «феода» на соответствующий участок берега и речного плеса. Правда, дошедшие договора сообщают более или менее определенно только о размерах годового чинша. Но, как свидетельствуют тулузские (и общеюжные) документы эпохи, инфеодация была фактически своеобразной, феодальноограниченной продажей объекта и требовала от «ленника» прежде всего взноса очень значительной денежной суммы как необходимого условия получения феода¹. Тем более — для получения феода на владение значительной полосой берега, с правом его застройки, и на владение обширным участком реки с правом полного ее перекрытия плотинами, а затем и вылова рыбы. Следовательно, большие капитальные вложения в организуемое по-новому мукомольное дело диктовались также задачей обеспечения условий владения для производственных объектов, организуемых в столь широких масштабах в условиях феодальных отношений собственности.

Но главной причиной глубокого преобразования тулузского мукомольного промысла явилась несомненно его техническая перестройка. Итогом явилась значительная концентрация производства и, главное, необычная для той эпохи централизация средств, необходимых для его функционирования. Соотношение стоимости искусственно созданных средств производства и стоимости прилагавшейся к ним рабочей силы оказалось здесь совершенно иным, чем в обычном средневековом ремесле.

Все это и обусловило бурное развитие тулузского мукомольного дела, начиная с последних десятилетий XII века, и его победу над сеньориальным мукомольным ремеслом: в XIV веке на тулузских мельницах молола зерно уже вся сельская округа в радиусе 30 км.² Когда в 1346 году огромным наводнением были смыты мельницы и плотины Нарбоннского замка, Тулуза в течение трех лет сильно страдала от недостатка муки. Если бы не сохранившиеся мельницы Базакля, «жителям (как сообщает грамота 1350 года) грозил голод»³. Следовательно, мука из дере-

¹ H. Richardot. — Le fief roturier à Toulouse aux XII-e et XIII-e siècles. — RHDfE, 1935, p. 307—359, 495—569, passim; Les plus anciennes chartes en langue provençale, publ. par Cl. Brunel, P., 1926, N 273.

² Ph. Wolff. Commerces, p. 502, n. 126.

³ G. Mot, p. 19.

венской округи не подвозилась вовсе,—поместные мельницы не выдержали конкуренции с городскими мельничными товариществами и просто исчезли¹.

* * *

Мельничные товарищества, охватывающие три основные участка городского течения Гаронны, сложились не сразу. В грамоте 1183 года об инфеодации графом Замкового плеса перечислено семь товариществ, получающих этот «феод»². Так как договор предоставляет «феодатариям» право возвести на графском берегу «16 или более» мельниц, то ясно, что каждому товариществу принадлежала не одна, а две или несколько мельниц, плавучих же мельниц (24) у каждой компании было перед тем еще более. Число членов товариществ в грамоте не указано, в ней лишь перечислено 112 лиц, принимающих феода от своего имени и от имени их совладельцев³. Выше было отмечено, что даже каждая плавучая мельница, как правило, принадлежала двум или более совладельцам. Значит, каждая из семи компаний 1183 года должна была включать в среднем от 4 до 8 (а то и более) членов.

Иными словами, тулузские мельничные компании XII века были еще мелкими компаниями, по всей видимости включавшими как богатых вкладчиков, так и мельников-производителей. Но и эти компании явились результатом предшествующих слияний, а переход к береговым мельницам должен был еще более стимулировать этот процесс интеграции. До 1183 года в договорные отношения с сеньором-графом, очевидно, каждая компания вступала по отдельности. Но до нас не дошло ни одного такого договора. Вероятно, прав Ж. Сикар, предполагая, что до тех пор такие договоры были устными⁴. Вернее всего, это было возможно потому, что эти договоры не включали держания земли.

На плесе Базакля такая же картина наблюдалась до 1177 года, когда товарищества заключили первый общий договор инфеодации с приором церкви Дорада. И в нем предусмотрены меры, ограждающие интересы отдельных мельниц или отдельных мелких товариществ: если та или иная мельница не может работать на старом месте, владелец ее может переменить место стоянки (на якоре), но — без ущерба для остальных; строитель во всей плотины не должно нанести какого-либо ущерба отдельным мельницам. Мелкое производство и мелкая собствен-

¹ В начале XIII века имели место даже попытки экспансии тулузского мукомольного промысла за пределы собственно пригородной зоны. Около этого времени горожане возвели плотину и построили водяную мельницу на Арьеже, близ Отрива (свыше 35 км южнее Тулузы). Она была частично разрушена, видимо во время Альбигойских войн, и затем захвачена местным сеньором. (Corr. Alfonse de Poitiers, t. I, N 813).

² G. Mot. — P. J. N 1.

³ G. Mot. — P. J., N 1: семь раз повторяется «et parierii eorum».

⁴ G. Sicard., p. 149.

ность еще господствуют безраздельно, они стараются уберечь свою неприкосновенность, но уже не могут обойтись без общего держания и общих затрат для строительства общей плотины, то есть без значительных элементов ассоциации собственности. Это продиктовано необходимостью, и эта необходимость толкает в сторону дальнейшего сплочения.

Любопытно отметить, что в договоре 1183 года уже содержится обязательство графской власти не предоставлять кому бы то ни было еще подобных лепок для постройки мельниц на том же плесе¹. Как и в других аналогичных случаях, первые же шаги к объединению связаны с попытками введения производственной монополии.

Постепенно центростремительные импульсы приобретали решающее значение и должны были взять верх над противоположными тенденциями. Уже в 1194 году мельничные товарищества графского плеса договорились между собою, что в случае разрушения наводнением какой-либо мельницы все прочие сообща предоставят средства для ее восстановления². Владельцу же мельницы будет выделяться доля дохода работающих мельниц, покуда и его мельница не сможет возобновить помол³. Мелкие товарищества выступают здесь как единоличные владельцы мельниц и их полная независимость подразумевается, но потребность взаимопомощи в виду общих условий производства уже диктует необходимость частичного объединения средств и осуществления общих затрат. Насущные производственные потребности толкали еще дальше — к созданию каких-то постоянных общих фондов: соглашением предусматривалось, что плотины и мосты будут строиться и содержаться на общий счет⁴.

В XIII столетии общее владение ограничивается нераздельным имуществом — гидротехническими сооружениями — и не затрагивает непосредственно производственных объектов; отдельные мелкие компании — владельцы мельниц — соперничают между собой, спорят, переманивают друг у друга мельников и других наемных работников⁵. Новый этап наступает в середине XIV века. Внешним стимулом послужила инициатива короля. Сделавшись после Альбигойских войн наследниками всех прав и доходов тулузских графов, короли, видимо, не ограничились получением с мельниц Замкового плеса тех чиншей, которые взымали с них графы, но и сами приобрели какие-то пайи и стали совладельцами этих мельниц. Во всяком случае уже в первые годы XIV века король фактически получал зерном 1/7 общего дохода совладельцев компаний⁶. Дробность источников этого дохо-

¹ G. Mot. — P. J., N 1.

² «... comuniter faciant missionem» (G. Mot. — P. J., N 3; G. Sicard. — P. J., N 7).

³ Ibid.

⁴ Ibid.: «de comuni».

⁵ G. Sicard. — P. J., N 6.

⁶ G. Mot. p. 24.

да и неравенство уровней доходности по отдельным мельницам и мелким товариществам затрудняли извлечение этой королевской седьмой доли. Поэтому не удивительно, что королевская власть выступила с идеей объединения мелких компаний в единое товарищество Замкового плеса.

Но королевская инициатива смогла реализоваться (да, видимо, и возникнуть) только потому, что в том же направлении действовали глубокие экономические импульсы, порожденные логикой развития мельничного промысла под властью паевых товариществ. В третьей четверти XIV века особенно обострилось соперничество между мелкими компаниями: одни тянули к себе помольщиков и обогащались, другие страдали от недостатка клиентов и терпели убытки, что, естественно, вызывало раздоры¹. Видимо, именно к этому времени производственные возможности тулузских мельниц, опиравшиеся на мощные и совершенные по тому времени гидротехнические сооружения, какие могли быть созданы только в результате объединения ресурсов компаний, не только полностью удовлетворяли, но и переросли мукомольные потребности обширной городской округи. Начала ощутимо сказываться узость рынка приложения данного производства.

Выход был найден в слиянии всех мельничных компаний Замкового плеса в единое товарищество с единым доходом, распределяемым между всеми совладельцами соответственно паю каждого (1373 год). Теперь никто из совладельцев не знал, в какой мельнице заключен его пай, но пропорциональный доход был ему обеспечен. «По этим-то причинам,—как сказано в источнике,—все мельницы были признаны общими»².

Сколь новым и смелым ни было это решение, оно, по сути дела, было предопределено всем предшествующим развитием мельничных компаний и прежде всего возникновением очень значительного ассоциированного «основного капитала» в виде общих гидротехнических сооружений. Мелкая частная собственность в тулузском мукомольном производстве начала вытесняться уже с возникновением первичных, мелких мельничных компаний. Но еще долго она сочеталась с крупной собственностью на плотины, мосты, шлюзы. Теперь крупная ассоциированная собственность полностью захватила и самую сферу производства.

К этому можно добавить, что в XIV веке аналогичным образом складываются единые мельничные товарищества плесов Дорада и Базакля; развивается практика договоров между тремя большими мельничными товариществами о согласовании дейст-

¹ Ibid., p. 43; G. Sicard, p. 179.

² «... ipsi de causis dicta molendina sunt facta communia». (Mot, p. 44). Вопреки мнению Ж. Сикара (p. 176), в этом следует видеть не приспособление старой юридической структуры к новым условиям, а возникновение новой структуры собственности, вызванной к жизни потребностями производства, нуждавшегося в крупных капитальных вложениях.

вий для снижения расходов и о некоторых формах взаимопомощи в случае наводнений; и, наконец, в 1372 году две большие компании, действовавшие на владениях Дорадского приорства, сливаются в единое мельничное товарищество Базакля¹.

Бурное развитие в Тулузе мукомольного промысла горожан в форме мельничных товариществ имело важные последствия как в экономической области, так в области права. Оно оказало воздействие и на самый сеньориальный режим в этом городе. Примечательно, что в Тулузе, где графский печной банн держался долго и прочно, источники не содержат никаких данных о существовании сеньориального мельничного баналитета. По всей видимости, до конца XI века ни графы, ни подгородные сеньоры не умели и не решались строить и почти не строили мельниц на Гаронне. А в эту пору мукомольный промысел начали горожане, и именно они были здесь первыми в этом деле, чему способствовало удачно найденное ими техническое решение—плавающая мельница. Мукомольный промысел горожан получил интенсивное развитие, сложились сильные мельничные товарищества и в этих условиях уже не оставалось почвы для возникновения феодального мельничного баналитета. Право горожан, порожденное их техническими и экономическими завоеваниями, взяло верх и вытеснило в этой сфере сеньориальное право. Точнее — не дало ему развиваться.

Мельничные товарищества принесли с собой нечто принципиально новое в отношении собственности, свойственные той эпохе. Уже обычное городское ремесло—мелкое товарное производство—несло в себе посягательство на права и привилегии сеньора. Свободный ремесленник претендовал на присвоение всего созданного им прибавочного продукта и его денежного эквивалента. Отнять у него этот прибавочный продукт было нелегко: средства его труда находились в его же собственности, в отличие от помещичьего крестьянина он не был объектом феодального «наделения» и вел свое производство независимо от феодала. Сеньорам приходилось создавать целую систему ремесленных и торговых поборов и пошлин—громоздкую и дорогостоящую. И даже эта сеть не могла уловить всей массы прибавочного продукта, производимого в городском ремесле. Задача для сеньора существенно облегчалась в тех случаях, когда ремесленник был вынужден брать у него хоть малое, подсобное, земельное держание или, особенно, если специфика данного вида ремесла требовала постоянного пользования значительным помещением, участком земли или воды, принадлежавшим феодалу. И вообще, хотя закон феодальной земельной ренты, позволявший вотчиннику присваивать весь или почти весь прибавочный продукт зависимого крестьянина, по отношению к свободному городскому ремеслу оказывался неприложимым, сеньору все-таки удавалось урвать в свою пользу немалую долю дохода ремесла, покуда перед ним были мелкие, раз-

¹ G. Sicard. — P. J., N 9.

розненные производители, лишённые защиты, а создания цеховых союзов он старался по возможности не допустить.

Существенно иную картину представляли мельничные паевые товарищества. Здесь сеньору-землевладельцу противостояли не отдельные обособленные производители, а коллективы совладельцев, обладавшие не только собственностью на средства самого мукомольного производства, но и большими денежными средствами, достаточными как для возведения солидных гидротехнических сооружений, так, если потребуется, и для того, чтобы откупить у сеньора землю и воду, необходимые для работы водяных мельниц. Притом это были компании существенно нового типа. Если средневековое право, в том числе и «римское», знало только небольшие компании, составляемые обычно лишь на сравнительно короткий срок, то тулузские товарищества объединяли многие десятки членов, использование вложенных средств было рассчитано на долгие годы, а сами товарищества просуществовали несколько столетий.

Все это существенно изменило содержание тех отношений, в которые тулузские мукомолы должны были вступать с сеньорами-землевладельцами. Чтобы рельефнее представить новизну этих отношений, необходимо, хотя бы кратко, познакомиться с тем, как складывались отношения между мукомолами и феодальными сеньорами во внегородских условиях и там, где сеньор имел дело с отдельными, обособленными производителями. Вот несколько примеров из Южной Франции этой эпохи.

В 1150 году приор церкви св. Марии в Пейриссе (близ Сен-Годенса) отдал в держание некоему Видалью де Мулин один постав мельницы, расположенной под замком Бенк, за 10 солидов, и четвертую часть собираемой платы за помол (в муке). В случаях смены как сеньора, так и держателя полагалось внесение платы за допуск. Кроме того, трижды в год держатель был обязан помочами¹. Перед нами явно непосредственный мелкий производитель. Самая его фамилия говорит о его профессии; ограниченный масштаб получаемого объекта (один постав) — о малом объеме производства и исходных средств, давших доступ к держанию, и, очевидно, о непосредственном участии в трудовом процессе. О том же свидетельствует и состав повинностей, которыми обусловлено это сугубо «ротюрное» держание. Его феодальный характер бросается в глаза. Дело не только в том, что, казалось бы, свободный договор об эксплуатации мельницы налагает на ремесленника повинность чисто сеньориальную — помочи, и не только в плате за допуск. Еще важнее то, что сеньору — собственнику мельницы здесь достается четвертая (и более) часть всего дохода.

Иными словами, ремесленник-мукомол подвергался почти такой же эксплуатации, как и феодально-зависимый крестьянин.

¹ Catalogue des actes de l'abbaye de Lézat. (HGL, V), N 315.

Приведенный пример помогает понять экономические причины этого явления. Там, где ремесленное производство по своей природе требовало сравнительно сложного и дорогого оборудования (водяная мельница), труд производителя соединялся со средствами производства, которые ему не принадлежали, ремесленник оказывался держателем чужой, господской недвижимости и потому, несмотря на промышленный характер его труда, подвергался настоящей феодальной эксплуатации.

Такого рода отношения в мукомольном деле были правилом в практике сеньоров. В 1139 году тулузский граф Альфонс-Журден инфеодировал некоему нарбоннскому монетчику (или потомку разбогатевшего монетчика) *Petro Monetarii* в Буньс, близ Нарбонны, мельницы (две или несколько), а также ту четвертую часть дохода, каковая прафу с них причиталась¹. В данном случае феодатарий отнюдь не производитель. Видимо, за немалые деньги он перекупил у сеньора право эксплуатации, но примечательно, что и характер и норма этой эксплуатации — прежние.

Но вот казус несколько иного рода. В 1144 году нимский виконт Бернар-Ат V инфеодировал двум лицам два участка у городских стен для постройки мельниц². Сделка совершена в городе, «феодатарий», по всей видимости, — нимские горожане, мельники. Более того, поскольку они берут участки для постройки мельниц, очевидно, они обладают для этого необходимыми средствами, и, значит, в отличие от первого случая, самые мельницы здесь будут принадлежать им. И тем не менее виконт обуславливает держание выплатой ему четверти мельничного дохода³. Поскольку данный вид ремесла был связан с капитальным оборудованием, требовавшим земельного держания, постольку ремесленник (даже собственник самых средств производства) оказывался объектом безудержного обирательства со стороны сеньора-землевладельца, применявшего в этих случаях почти поместные приемы и нормы эксплуатации.

Совершенно иная картина рисуется в тулузском мукомольном промысле, опиравшемся на лаевые товарищества. Внешне эти отношения выступают в конюнической форме инфеодации. «Феод» обусловлен ежегодным чиншем, в случае смены сеньора — платой за допуск, а продажа мельницы или ее части — уплатой сеньориального побора за отчуждение (*рах, vendas*)⁴. На владениях приора Дорад чинш был особенно значительным: помимо денежного в 12 денье — по 1 картону (4 тулузских сетье, около 373 кг) зерна с каждой мельницы ежегодно⁵. Это — заметный побор, но отнюдь не четверть дохода. Насколько можно заклю-

¹ HGL, V, N 543, 1.

² Layettes, t. I, N 83.

³ Ibid.

⁴ G. Sicard. — P. J., N 1; G. Mot. — P. J., N 1, 4.

⁵ G. Sicard. — P. J., N 1.

чить из сопоставления имеющихся данных, чинш этот составлял в среднем никак не более $\frac{1}{10}$ (для плавучих мельниц) и $\frac{1}{20}$ (для береговых) доли годового дохода (помольного сбора) каждой мельницы¹.

По мере развития мукомольного промысла это соотношение все более снижалось. Размер годового чинша, взимаемого с каждой мельницы, и в 1248 году оставался тем же, что и в 1177². Но там, где в начале четвертой четверти XII века было 24 мельницы, в ее конце имелось только 12. Иначе говоря, масса зерна, присваиваемая земле- и водовладельцем, сократилось вдвое³. Но важно не только это абсолютное снижение чинша с совокупного мукомольного производства мельниц Базакля. Не следует упускать из виду, что уменьшение числа мельниц было вызвано не сокращением, а, наоборот, возрастанием их производительности. Значит сокращался относительный размер чинша. По мере дальнейшей концентрации производства эта тенденция к снижению доли феодального землевладельца в доходах мукомольного промысла реализовалась все более полно, — в итоге снижались и абсолютные размеры чинша. Так, в середине XV века со всех

¹ До конца XIII века цифровые данные о доходности тулузских мельниц почти полностью отсутствуют. Но с начала XIV века можно нащупать некоторые точки опоры. В 1307/1308 году король получил с мельниц замкового плеса 74,5 картона зерна (G. Mot. p. 24), что, видимо, и составляло ту $\frac{1}{7}$ общего дохода этих мельниц, которую он стал присваивать с начала XIV века. Если допустить, что и в эту пору на графском участке Гаронны оставалось, как и в конце XII века, 16 мельниц, то, разделив общий доход ($74,5 \times 7 = 521,5$ картона) на 16, получим средний доход на одну мельницу в 32,6 картона, при котором чинш в 1 картон составит в среднем менее $\frac{1}{32}$ годового дохода. (То, что эти данные получены на материале мельниц Замкового плеса, ничего не меняет по существу, ибо нет никаких оснований считать мельницы Базакля менее производительными). Но, по данным Г. Мота, мельницы графского плеса в 1319 году состояли только из 11 поставов. Если принять эту цифру и для 1307/1308 года и при этом за мельницу считать каждый отдельный постав, то чинш в 1 картон окажется равным едва $\frac{1}{47}$ доле дохода. Если попытаться оттолкнуться от данных 1290/91 года и те 53 картона, которые в этом году получил король с мельниц Нарбоннского замка (G. Mot, p. 24), считать за $\frac{1}{7}$ их общего дохода, хотя в эту пору король еще не имел права на $\frac{1}{7}$ и это несомненно была меньшая доля, — то и тогда окажется ($53 \times 7 : 16 = 23$), что чинш в 1 картон должен был составить в среднем лишь $\frac{1}{23}$ дохода одной мельницы. Эти расчеты подтверждаются также и данными финансовых отчетов королевского тулузского сенешала за 1288 год (Comptes Royaux, II, N 16815), которые при том же (несомненно заниженном) расчете позволяют определить среднюю годовую доходность одной мельницы в 35,9 картона, так что чинш в 1 картон мог едва достигать $\frac{1}{36}$ ее дохода. (Причины колебания доходности мельниц, видимо, прежде всего в колебаниях урожайности хлебов).

² G. Sicard. — P. J., N 1, p. 366.

³ Приоры пытались противодействовать этой тенденции с помощью другой системы взимания чинша: еженедельно по 1 пюньере зерна (около 22 кг) с каждой мельющей мельницы (G. Sicard. — P. J., N 1, p. 368). Но и это мало помогало. Так, в 1248 году фактически приор получил с товариществ только 11 картонов (G. Sicard, p. 95, n. 54).

мельниц Базакля дорадский приор получал ежегодно только 30 сеты зерна, то есть менее 8 картонов¹.

На графском плесе регулярным побором был только денежный чинш в размере 12 денье (1 су) с мельницы, что равнялось всего лишь чиншу с обычной, «полной» городской усадьбы, — иными словами, это был почти что номинальный чинш с держания². Припомним, что мельник в середине XII века платил лезатскому приору годового чинша 10 тулузских солидов (см. выше). И в 1286 году Сен-Серненское аббатство с держателя водяной мельницы на Изарне, помимо прочих сеньориальных поборов, только годового денежного чинша взыскивало 5 тулузских солидов³. Другими словами, даже годовой чинш, оставшийся для тулузских мельничных товариществ Нарбоннского замка единственным видом регулярного сеньориального платежа, был здесь в 5—10 раз ниже, чем у мельников-держателей в деревне. Что касается нерегулярных сеньориальных платежей, то и они здесь имели тенденцию к снижению. Так, пошрины с продажи и залога (*vendas, impignaturas*) мельниц или их долей на плесе Базакля к 1248 году были снижены до 1/24 (от продажной цены) и 1/48 (от залоговой суммы)⁴, то есть были вдвое ниже соответствующих поборов с земельных держаний даже в городе. В дальнейшем они снижаются еще более⁵.

Таким образом, основной доход от мукомольного промысла теперь присваивается не сеньором, не владельцем земли и воды,

¹ Ibid., p. 94, p. 51. Уже для 1367 года это составляло менее 1/40 дохода. — Ibid., p. 188.

² Чем объяснить столь резкую разницу между сеньориальными поборам графа и приора? При той несловоохотливости, которая отличает тулузские акты во всем, что касается цен и внесенных сумм, ответить на этот вопрос непросто. Можно предполагать, что: 1) приор, владевший причалом на Гаронне (*R. Limouzin-Lamothe, Comptine*, p. 219), участвовал в выгодной торговле зерном и потому любой другой форме чинша предпочитал хлеб в натуре; 2) графу для его «большой политики» (в 80-е годы XII века тулузский граф ведет войны с Англией, Арагоном, а также с нарбонскими виконтами и некоторыми другими мятежными вассалами) и содержания значительного наемного войска прежде всего была необходима звонкая монета, и потому, пренебрегая ежегодным чиншем, он, по всей видимости, продал мельничным товариществам Замкового плеса «феод» на берег и воду за немалую сумму, немедленно представленную в наличности, — остальное его интересовало мало. Однако не исключено, что и граф брал с мельниц какой-то побор в зерне: в договоре 1183 года вслед за фиксацией денежного чинша сказано — «вместе с некоторыми другими платежами» (*G. Mot. — P. J., N 1*). Не отсюда ли зерновые доходы короля с Замковых мельниц еще в XIII веке?

³ Archives dépt. H. Garonne. Répertoire. S.-Sernin, t. I, fol. 128 v.

⁴ G. Sicard. — P. J., N 1, p. 365—367.

⁵ Так, в 1486 году при передаче новой владелице, купившей одну восьмую мельницы на участке Базакля, приор церкви Дорад за свое сеньориальное одобрение этого акта покупки получил несколько более 2% продажной суммы. (*G. Mot. — P. J., N 4*). А ведь при отчуждении земельного держания в Тулузе неизменно взимался 1 денье с каждого солида цены, то есть 1/12. Здесь же — всего 1/50.

а владельцами мельниц. Это и не удивительно. Ведь при всей важности и земли и воды, решающее значение в таком развитом мукомольном промысле приобретали искусственно созданные сооружения, довольно сложное и дорогостоящее оборудование. Собственники этих средств производства, инвесторы больших капитальных вложений претендовали на львиную долю доходов и не желали уступать ее сеньориальному собственнику данных природой общих условий производства.

Производство претерпело глубокие изменения, — должна была измениться и система распределения. Сеньор-землевладелец (и водовладелец), при всем значении находившихся в его распоряжении естественных условий производства, стоял вне самого производственного процесса, не был совладельцем главных, искусственно созданных производительных сил, на которые этот процесс опирался, — и он уже не получал доступа к основным доходам от этого производства и должен был довольствоваться скромным денежным чиншем, фактически — небольшой арендной платой.

Главный источник дохода был теперь в руках не сеньора, а его феодатариев — значит нужно было войти в число феодатариев. Приоры Дорад стали участниками мельничного товарищества (из 1/8 «феода») и, следовательно, собственными ленниками уже в конце XII века¹. Относительно тулузских графов у нас нет таких же сведений, но, как было отмечено, наследники тулузских графов—французские короли не ограничивались в отношении мельниц Замкового плеса ролью и доходами сеньоров-землевладельцев. Одна седьмая всех доходов мельниц, которую они здесь присваивали с начала XIV века², говорит о том, что они также стали сочленами мельничных товариществ и, значит, собственными ленниками³.

Быть феодатарием стало выгоднее, чем быть сеньором. Уже это обстоятельство достаточно убедительно свидетельствует о том, как глубоко изменились экономические отношения в тулузском мукомольном промысле к моменту и в связи с возникновением мельничных паевых товариществ. То, что в правовом отношении скрывалось за старой вывеской феода, теперь лишь весьма отдаленно напоминало феодально-держательские отношения. В самом деле, уже в 1183 году графская грамота об инфеодации Замкового плеса предусматривает полную свободу совладельцев привлекать к соучастию в мельничных товариществах любых других компаньонов⁴. Иными словами, с самого начала предусмат-

¹ G. Sicard. — P. J., N 1, p. 368 (1194 год).

² G. Mot. — P. J., N 2.

³ В 1405 году тулузский меняла Сегин Эскиват продает два юшау (1/4) мельницы на Замковом плесе, «которыми он владеет нераздельно с королем и господами пайщиками этих мельниц». (G. Mot. — P. J., N 5).

⁴ «et omnibus aliis parieris quos predicti feudatarii ibi voluerunt mittere vel colligere et omni eorum ordinio» (G. Mot. — P. J., N 1). NB: права совладельцев наследственные.

ривалась полная свобода совладельцев и посторонних лиц в продаже и покупке паев, будь то целые мельницы, их половины, третьи, четвертые и шестые доли¹. В этих условиях сеньориальное «одобрение» приобретало чисто номинальное значение, не могло ограничить мобильности имущества пайщиков, их свободы как собственников в распоряжении недвижимостью, а связанный с этим правом подбор, сведенный к минимуму, превращался в некое неизбежное, но поверхностное наслоение.

Как было показано выше, и самый поземельный чинш, поскольку он был низведен до скромной денежной арендной платы, видимо, не превышавшей 5 процентов дохода с мельницы, утратил свое прежнее значение и уже ни в какой мере не отвечал той экономической функции, которую выполняла в поместьи феодальная земельная рента. И это естественно: после того, как право постройки и эксплуатации мельниц было куплено у сеньора, он уже не имел к промыслу почти никакого отношения. Так, за старой оболочкой феодального держания обнаруживается независимое товарное производство, связанное с феодальным землевладением отношениями, приближающимися к свободной аренде.

Отсюда не следует, что тулузский мукомольный промысел был совершенно свободен от какой-либо зависимости от феодального землевладения. Даже небольшой денежный чинш в какой-то степени ограничивал полноту свободы пайщиков мельниц в распоряжении их долями и поглощал до 5 процентов общего дохода. А ведь с этой регулярной платой были связаны такие нерегулярные поборы сугубо феодального толка, как пошлина за отчуждение, плата за допуск, штрафы в пользу сеньора².

И все-таки не эти остаточные элементы феодальных отношений определяли экономическую природу тулузского мельничного промысла. Как показывают данные Ж. Сикара, каждый пай приносил своему владельцу ежегодного дохода в среднем от 10 до 25 процентов своей стоимости. Иными словами, деньги, вложенные в покупку пая, уже через несколько лет полностью возмещались и затем приносили его владельцу регулярный чистый доход, значительности и надежности которого могли только позавидовать сеньоры-землевладельцы. Собственность, основанная на труде и обмене, богатство, вложенное в промышленное производство (то, что условно, имея в виду все необходимые оговорки, можно было бы назвать капиталом), экономически здесь уже начало брать верх над феодальным землевладением. И именно это было главным и наиболее существенным в тулузском мукомольном промысле.

Эти коренные изменения в отношениях между городским му-

¹ Ibid. Уже от первой половины XIII века до нас дошел ряд грамот о продаже и дарении дробных долей мельниц: 1/4 (1246 г.), 1/6 (1232 г.), 1/8 (1221 г.), 1/12 (1228 г.). — См. G. Sicard, p. 150, n. 49.

² G. Mot. — P. J., N 4.

комольным промыслом и феодальным землевладением были следствием внутренней эволюции самого промысла, переросшего рамки мелкого ремесла.

Создание паевых товариществ означало не просто суммирование образующих единиц. Оно влекло за собою существенные перемены в структуре собственности. Уже в графской грамоте 1183 года об инфеодации Замкового плеса семи мельничным товариществам предусматривается возможность продажи и залога не только целых мельниц, но также и их долей, то есть дробных паев¹. В 1232 году некто продает «шестую часть всей той мельницы... и всех к этой мельнице относящихся прав и доходов, которую он владеет на графском плесе вместе с Рамуном-Бернаром Сартозом, Эстеве Бальдерой и другими их совладельцами». Обозначенные в грамоте соседние мельницы также оказываются совладениями нескольких лиц каждая². Следовательно, еще в первоначальных мелких мельничных компаниях XII и XIII веков каждый их член уже не был самостоятельным мелким производителем, но лишь владельцем доли мельницы или доли дохода от мельниц, совокупно принадлежавших данной компании. Иными словами, хотя само по себе мукомольное производство в основном оставалось мелким, создание мельничных товариществ означало, что мукомольный промысел в Тулузе перерос отношения собственности, свойственные ремеслу как самостоятельному мелкому товарному производству. Это должно было произвести коренные изменения в соотношении труда и собственности в этом промысле.

Найденная форма паявого товарищества в наличных условиях являлась наиболее удачной формой разрешения противоречия между мелкою собственностью и необходимостью эксплуатации относительно крупных производственных объектов. Она позволила преодолеть ту «нехватку капитала» (присущую средневековому городу вообще), которая сдерживала строительство достаточно производительных мельниц на Гаронне. Несмотря на известную нечеткость, наши источники позволяют проследить увеличение числа пайщиков. Если в договоре мельничного товарищества Нарбоннского замка с графом в 1183 году перечисляется 12 совладельцев (правда, источник отмечает, что перечислены не все), то в договоре 1194 года, при той же оговорке, названо 20 лиц, а в договоре 1234 года их уже 59³. Возводились новые плотины, в том числе каменные, по требованию тулузского консулата в плотинах устраивались проходы для судов⁴, затем — шлюзы, строились большие амбары для зерна и муки⁵. Промысел предъ-

¹ G. Mot. — P. J., № 1: «Medietatem unius molendini vel loci vel tertiam aut quartam partem ibi venditur vel minus vel amplius».

² G. Sicard. — P. J., N 8. См. также N 9, 12.

³ G. Mot. — P. J., N 1; Layettes, I, N 416.

⁴ Carl. Bourg, N 22.

⁵ P. Souyri, p. 39.

являл все новые запросы на капитальные вложения, удельная стоимость средств производства в нем возрастала.

Когда в конце XV века Тулузу постиг Иероним Мюнцер, он, восхищаясь постановкой мукомольного дела в этом городе, писал только о «двух великолепных мельницах», с девятью огромными жерновами каждая, причем на каждом жернове (поставе) за сутки можно смолоть столько муки, что не под силу и 24 лошадям¹. Очевидно, речь идет о «Замке» и Базакле. То, что прежде было отдельными мельницами (16 и 12) теперь превратилось лишь в поставы (только по 9) — видимо, очень большие, но составные части двух огромных для того времени, целостных мукомольных комплексов. Несомненно, что эта концентрация началась гораздо раньше и раньше началось сооружение более мощных мельниц. Уже в 1319 году мельницы Замкового плеса состояли только из 11 поставов². Все это должно было вести к возрастанию стоимости пая и потому — к дальнейшему дроблению паев³. Если сначала преобладали пай, составлявшие половину, треть, четверть мельницы, то затем нормативной единицей пая становится «юшау» (*uchau* — от латинского *octavum* — *uchanum*) — $\frac{1}{8}$ мельницы.

Но было бы поспешным на этом основании делать вывод о дешевизне, широкой доступности паев, о «демократизации» мельничных товариществ. У нас нет данных о цене пая в XIII веке. Но известно, что в 1335 году одна «юшау» продавалась за 20 турецких ливров⁴, то есть за 400 солидов, во второй же половине XIV века цена «юшау» достигала 45, 60, 70, 80, 126 и даже 131 ливра (2620 солидов)⁵, то есть сумм, доступных только богачам. Грамота 1405 года о продаже $\frac{1}{4}$ мельницы (2 юшау) на Замковом плесе⁶ перечисляет все те источники доходов, на соответствующую долю которых приобретал право владелец пая.

¹ *Itinerarium*, p. 75. По данным Ж. Сикара, около 1390 года тулузские мельницы перемалывали в год приблизительно 75 тысяч сетье, то есть около 7 тысяч тонн. (G. Sicard, p. 252, n. 106).

² G. Mot., p. 58. На Базакле в 1372 году — 10 мельниц. (G. Sicard, — P. J., N 9).

³ У Ж. Сикара возрастание числа пайщиков вызывает удивление. Он ищет ему объяснения в разделах при наследовании или в разорении старых фамилий в связи с Альбигойскими войнами и террором инквизиции, хотя и оставляет вопрос открытым (G. Sicard, p. 156). Эти причины могли иметь значение, но, на наш взгляд, лишь вторичное. Главное заключалось во все более глубокой трансформации внутренней экономической структуры промысла.

⁴ G. Sicard, p. 248, n. 87.

⁵ *Ibid.*, p. 257. Нет оснований видеть в этих цифрах проявление какого-то спекулятивного ажиотажа. В 1372 г. при объединении в единое товарищество каждая из 10 мельниц Базакля была оценена от 720 до 1100 флоринов. (G. Sicard — P. J. № 9). Считая королевские флорины по курсу 1328 г. равными 28 турецких су каждый (Du Cange: *Floreni regales*), получим, что стоимость одной мельницы колебалась от 20 000 до 30 000 турецких су.

⁶ G. Mot. — P. J., N 5.

Помимо самих мельниц — это доходы от плотин (видимо, как дорог и выпасов), лугов, островов¹, лесных и кустарниковых зарослей, рыбных тоней, а также от лесопилок, сукновальных и точильных мельниц и помещений, хижин (*borde*), в которых проживают работающие в этих заведениях люди.

Безусловно, в течение XIV века производственные заведения, приводимые в движение силой воды, в Тулузе сильно развились (к ним прибавились и бумажные мельницы) и много возросла стоимость приносимых ими доходов². Но большие сукновальни, лесопилы и дубильные мельницы кожевников имелись уже в XIII столетии, а плотины, рыбные топи и естественные объекты в XIII веке, надо полагать, приносили даже больший доход, так как объекты эти были менее истощены. Так что едва ли и тогда цена нормативного пая ($1/8$) могла быть значительно ниже наименьшей известной нам цифры — 20 турецких ливров, или 400 солидов. А уже и это была сумма совершенно непосильная для рядовых трудящихся элементов³.

Вот почему, наряду с $1/8$ и $1/4$, уже в XIII веке встречаются пай, равные всего лишь $1/12$ доле мельницы. Но для приобретения даже такого пая средств одного горожанина нередко было недостаточно, и «нераздельная» $1/12$ на деле оказывалась совладением нескольких лиц⁴. В то же время отдельные члены товариществ, например братья Бальдеры, были совладельцами нескольких паев⁵.

Не удивительно, что с самого начала во главе мельничных компаний выступают люди богатые и влиятельные, представители патрицианских родов. Уже в первых списках совладельцев мельниц Замкового плеса, в 1183 и 1194 гг., мы встречаем имена известных тулузских патрициев и консулов этого времени: братьев Рамуна и Пейре Видалей, Ж. Гайталец, Г. дель Понте, Б. Ружера, С. Арнаута, П. де Сан-Руман, А. Фигейра, Г. Силана (видимо, брата графского влиятельного Тулузы в те же годы), нотариар Арнаута Феррюса⁶. Равным образом и на Базакле, в договорах 1177, 1184 годов, и на участке Дорад в 1194 году среди совладельцев мельниц фигурируют такие фамилии городских патрициев, богачей и многократных консулов этой поры, как Синьяры, Рамуны, де Приньяк, Караборда, Куртасолеа, Пейре, Оды, Гау-

¹ На береговых участках и особенно на островах косили сено (*Comptes Royaux*, I, N 9205; III, N 28200, 28208).

² G. Mot. — P. J., N 2.

³ Как увидим ниже, наемный мельник в конце XIII века получал заработной платы в год 5 турецких ливров (100 су) (*Comptes Royaux*, II, N 16881). По данным же налоговых описей XIV—XV веков, среди пайщиков мельничного товарищества Базакля не было ни одного, чье имущество оценивалось бы ниже 50 турецких ливров (G. Sicard, p. 291).

⁴ См. сделку о продаже $1/12$ мельницы на Замковом плесе в 1273 г. (G. Mot, p. 36).

⁵ Ibid.; G. Sicard, — P. J., N 8, 9, 12.

⁶ G. Mot. — P. J., N 1; G. Sicard. — P. J., N 7; Layette, I, N 416.

тейры, Безанты, Гильемы, Гилаберы, Гарсиа, Руфы, Галины, Баррау, Рутберы, де Маркафаба¹. Не может быть и малейшего сомнения — эти люди у жерновов не стояли. В списках совладельцев мельничного товарищества Замкового плеса уже с 1238 года встречаются женщины, а в 1342 году фигурируют четверо менял, пять купцов, двое юристов. На протяжении всего XIII века в этом товариществе соучаствовали представители Руайсов — «этой богатейшей торговой династии»².

На основании всех этих данных Г. Мот пришел к выводу, что уже в 1183 году Замковый плес у графа арендовали не мельники, которые решили построить береговые мельницы, чтобы самим на них работать, а буржуа-предприниматели³. Как можно видеть, вывод этот (при всей сомнительности терминологии) подсказан фактами, но едва ли он может быть принят без оговорок. Ведь из данных, приводимых самим историком, следует, что предпринимательские, патрицианские элементы составляли лишь часть всех совладельцев. Особенно — в раннюю пору развития промысла.

Действительно, складывается впечатление, что в списках совладельцев товариществ, фигурирующих в грамотах инфеодации, менее всего представлены сами мельники — непосредственные производители. Они, видимо, по преимуществу скрываются за неопределенной формулой «и прочие их совладельцы». Перечисляются же и подписывают договор с землевладельцем главным образом богатые горожане, купившие большие пайи и фактически возглавившие товарищества. И хотя члены товариществ назывались *parierii*⁴, то есть равноправные совладельцы, их равенство ограничивалось только равным правом покупки и продажи паев, и менее всего здесь было экономического равенства.

Но несомненно также и то, что в число богатых совладельцев вошли и некоторые разбогатевшие мельники. Таковы, видимо, братья Бальдеры, владевшие в XIII веке несколькими паями, но совсем не фигурирующие в муниципальной жизни⁵. Отдельные такого рода элементы вливались и в верхний слой горожан — лица с родовым прозвищем-фамилией *Molinus*, *Molendinus* встречаются в списках консулов⁶.

Ж. Сикар, анализируя дошедшие до нас списки совладельцев мельничных товариществ в XIII веке и отмечая наличие в

¹ G. Sicard. — P. J., N 1, p. 363—364, 367—368; N 6; HGL, VIII, N 100.

² G. Mot, p. 33.

³ Ibid.

⁴ Любопытно, что даже в середине XIX века члены мельничной компании Базакля иногда именовались «*pariers*» (См. G. Sicard, p. 150).

⁵ G. Mot, p. 36; G. Sicard. — P. J., N 8. 9. 12.

⁶ Cart. Bourg, N 43—49, 51, 61—70, 88—89, 91, 94, 95; Cart. Cité, N 76, 77; HGL, VIII, N 235

них самого дорадского приора, женщин, консулов и вообще многих лиц, которые несомненно в самом мукомольном производстве не участвовали, приходит к еще более определенному заключению: «Таким образом, налицо отделение капитала от труда, а ведь обычно в этом видят наиболее точный критерий эксплуатации капиталистического типа»¹. Обоснованность этого вывода едва ли может вызвать сомнения. Другое дело, насколько полно и безоговорочно он выражает экономическое содержание интересующего нас явления.

В консульском постановлении 1152 года, ограничивавшем размер платы, взимаемой за помол, мы не найдем упоминания ни товариществ, ни совладельцев — речь идет только о мельниках и только им адресовано постановление². Если мы обратимся к статуту мукомольного ремесла, изданному консулатом в 1222 году, то и там увидим тщательное регулирование техники и технологии этого ремесла в целях обеспечения качества помола, как это практиковалось и в отношении других тулузских ремесел. За нарушением этих правил консулат грозил полным отстранением и недопущением данного мельника или его сыновей к мельничному делу в Тулузе³. Но и эта мера, применявшаяся, как было отмечено выше, также в отношении и других ремесел, говорит о подчинении промысла консулату, но, пожалуй, лишь укрепляет в представлении об обычной мелкоремесленной основе тулузского мукомольного дела и в первой четверти XIII столетия.

Но из того же постановления мы узнаем, что при каждой мельнице в два постава должно быть два мельника, работающих посменно и, более того, что мельникам решительно запрещается объединяться против пайщиков товариществ, — и это не может не поколебать нашего первоначального представления. Очевидно мельники зависели не только от консульского контроля. Они явно не были хозяевами тех мельниц, на которых работали, и пайщики мельничных компаний противостояли им как собственники производителей.

Каков же был экономический статус этих производителей? Консульское постановление 1296 года запрещает владельцам мельниц переманивать друг у друга мельников, плотников (плотипщиков), погонщиков мулов или посыльных⁴. Как видно, в XIII веке не только плотинщики, погонщики, рассыльные, работавшие при мельницах, но и сами мельники стали наемными работниками. Мы находим и другие свидетельства в пользу такого вывода. В 1288 году королевский сенешал в Тулузе выплатил

¹ G. Sicard, p. 154—156.

² Cart. Bourg, N 4.

³ G. Sicard; P. J., N 4.

⁴ «... ne aliquis dominus molendini ... aliquem stanquerium, molnerium, locatorem mulorum seu nuncium molendini qui conductus sit cum aliquo domino alterius molendini non collocent nec abstrahant nec pree vel precio ad hoc faciendum inducat sub pena II solidorum tolosanorum» (G. Mot, p. 67).

двум мельникам мельниц Нарбоннского замка по 62 солида 8 денариев в тулузской монете, как эквивалент причитавшихся каждому из них за эту работу 100 турецких солидов. Третьему же мельнику с тех же мельниц было выплачено 25 тулузских солидов¹. Очевидно, в XIII веке основные работы на мельницах уже выполнялись наемными работниками. Как показывают консульские распоряжения, совладельцы могли нанимать и увольнять мельников².

Таким образом, переход к эксплуатации наемного труда в мукомольном деле в XIII веке не подлежит сомнению. Это было необходимым следствием тех экономических сдвигов в этом промысле, которые произошли в связи с резким возрастанием стоимости средств производства, возникновением паевых компаний и в итоге — оттеснением мелкособственнических, трудовых элементов. Переход к наемному труду был облегчен в мукомольном деле естественной в этом производстве концентрацией производства и сравнительно малым количеством потребного рабочего персонала.

Сам по себе этот факт столь раннего применения наемного труда в основной производственной сфере данного промысла заслуживает всяческого внимания историка. Но было бы неправильно переоценивать его значение, широту и прочность перехода к этим новым экономическим отношениям. Бросается в глаза, что, несмотря на малочисленность требуемых наемных работников, мельницам их явно не хватало: одни переманивали их к себе, другие испытывали в них недостаток, — этим было вызвано и консульское постановление 1296 года. Очевидно, в этих условиях наемный труд не мог стать надежной основой хозяйствования, не могла сложиться прочная система наемного труда.

Поскольку же наемный труд применялся, есть основания сомневаться, была ли денежная оплата всеобъемлющей формой оплаты труда. В самом деле, мог ли обеспечить существование свое и семьи мельник, получавший в год 62 тулузских су и 8 денье, то есть менее 2,5 денье на день? Не говоря уже о рассыльном-глашатае и подручном мельника, получавших соответственно в год 41 и 25 тулузских су³. Не были ли эти денежные суммы лишь

¹ Comptes royaux, II, N 16881.

² G. Sicard. — P. J., N 4. По данным XV века, мельников и погонщиков мулов нанимали, как правило, на год (G. Sicard. — P. J. N 18). А в 1426 г. наемные работники мельниц Базакля объявили забастовку, требуя повышения заработной платы.

³ Comptes royaux, II, N 16880, 16881. Для сравнения отметим, что приблизительно в то же время (1292 г.) на земляных работах, которые вел тулузский сенешал, поденщикам платили в день от 6 до 12 турецких денье, что составляло до 6—8 денье в тулузской монете. — Ibid., I, N 9771, 9772, 9774—9776, 9778, 9779. Слуги же получали до 15 турецких денье в день. — Ibid., N 9836. Не подлежит сомнению: не мог слуга получать в 4,5, а землекоп в 3,5 раза больше, чем квалифицированный мельник.

частью заработной платы, другую часть которой составляла выдача натурой (зерном или мукой)? И дело не только в оплате заработка натурой, но также в том, что это могла быть выплата в продукте доли дохода мельницы, форма соучастия в доходах. Может быть потому тулузский сенешал в 1288 году и не упоминает о такой выплате. В пользу этого предположения говорят и неоднократные в XIV веке требования наемных работников мельниц перевести их с денежной на натуральную оплату, а также то обстоятельство, что в XV веке, после забастовки 1426 года, мельничные товарищества ввели новую систему оплаты работников: на всех их выделялась $\frac{1}{7}$ зерна, получаемого в качестве платы за помол¹.

В самой настойчивости требований работников мельниц о переводе их на оплату натурой можно видеть силу натурально-хозяйственных тенденций, проявлявшихся в жизни даже крупного торгово-ремесленного центра. Сравнительно частые неурожаи, вздорожание хлеба, колебание ценности денег как от этих причин, так и в силу порчи монеты нередко ставили под угрозу пропитание работника, получавшего чисто денежное вознаграждение, и (у мельничных работников особенно) порождали требования оплаты продуктом. Бедствия Столетней войны не породили этой тенденции и вызывавших ее причин, но лишь обострили их. Смешанная же, денежно-продуктовая оплата рабочей силы, судя по данным XIII века, практиковалась с самого начала применения наемного труда.

Таким образом, при несомненности применения в тулузском мельничном промысле наемного труда, несомненна и неполнота реализации этого экономического явления. Будучи наемными работниками, непосредственные производители в мукомольном деле были одновременно (частично или полностью) долевыми участниками в доходах, как бы ремесленниками-издольщиками, работавшими на чужом оборудовании.

Любопытно, что в промысле работали также подмастерья (подручные), или ученики, — в консульских постановлениях они называются *substitutii*. Их нанимали сами мельники и погонщики мулов, и они же оплачивали их труд². Значит, мельники, не владея средствами производства и продавая свою рабочую силу совладельцам компаний, вместе с тем владели мастерством и некоторыми денежными средствами, так что их положение сохраняло известные черты сходства с положением ремесленных мастеров, непосредственно участвующих в производстве, но одновременно использующих чужой труд. Едва ли прав Ж. Сикар, когда, сопоставляя положение мельников в Тулузе и в других городах (на материале истории Дуэ), приходит к выводу, что здесь не было ничего общего, что тулузские мельники были только испол-

¹ G. Sicard. — P. J., N 18; Ibid., p. 194, 227—228.

² G. Sicard, p. 194.

нителями (то есть наемными работниками?), что здесь невозможно обнаружить никаких следов отношений феодального держания или арендных отношений¹.

Экономическое положение рабочего персонала тулузских мельниц (в XIII—XIV вв.) едва ли может быть исчерпано однозначным определением, и его эволюция отнюдь не представляется прямолинейной. Превращение мельничных товариществ в компании только собственников и развитие в XIII веке системы пайма, в том числе и основных работников—мельников, означало разрыв того соединения в одном лице производителя и собственника, которое составляло экономическую основу средневекового ремесла. Капиталистическая природа складывающихся отношений здесь обнаруживалась достаточно отчетливо. Но при этом в число наемных работников попадали и те мельники, которые, быть может, обладали некоторыми средствами, достаточными для ведения самостоятельного производства на небольшом поставе, но не были настолько богаты, чтобы приобрести пай и войти в число совладельцев. Видимо, именно на них в первую очередь мельничные товарищества перелагали хлопотное дело найма подсобного персонала². Будучи сами наемными работниками, мельники в то же время выступали как субнаиматели.

Вместе с тем, как было отмечено выше, постоянные наемные работники уже в XIV веке требовали перевода с денежной на натуральную оплату, а после отмеченной забастовки стали оплачиваться постоянной ($1/7$) долей общего мукомольного дохода. Иными словами, отношения найма утрачивали известную четкость, ясность своей капиталистической природы, приобретая черты полуремесленного, издольного труда³.

Эти особенности требуют учета. Но они не должны заслонять в глазах историка несомненного факта господства по сути дела отношений капиталистической эксплуатации. Собственность на средства мукомольного производства принадлежала только владельцам паев, наемные работники не имели на нее никаких прав. Это относится и к мельникам: средства производства, которыми они «командуют», им не принадлежат, они сами — наемные работники. Оплата из доли дохода могла создать у них иллюзию соучастия в прибылях (это она и была призвана сделать), но одну седьмую общего дохода, какую присваивал один король, здесь получали все наемные работники компании. По всей видимости,

¹ G. Sicard, p. 198—199. Сам Ж. Сикар признает, что, насколько можно судить по данным XV века, тулузские мельники-производители по своему положению были ближе к ремесленникам, чем к поденщикам.

² Подручных и погонщиков ослов нанимали мельники и транспортировщики (G. Sicard. — P. J., N 18).

³ А ведь издольная оплата — обычный путь, на который вставал феодальный землевладелец в своих отношениях со свободной рабочей силой и свободной мелкой собственностью. См. договор о восстановлении поместной мельницы в 1146 г. (Gart. S.-Sernin, N 40).

реально доля каждого (особенно из младшего персонала), как правило, не превышала заработной платы, крайнего прожиточного минимума. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас крупицы сведений об условиях жизни наемного люда тулузских мельниц, точилен и других сопутствующих производств в XIV—XV вв.: проживание в жалких хижинах (*borda*) на берегу, снимаемых у мельничных компаний, держание мелких земельных участков, с продажей урожая на корню и не менее типичное для бедноты занятие—газелья (*gaselha*), издольная аренда скота «на прокорм»¹.

Более того, предоставление наемным работникам, независимо от их числа, одной седьмой общего дохода в качестве оплаты их труда, позволило владельческим компаниям не только привязать работников к интересам компаний, но также значительно интенсифицировать их труд и полнее подчинить командующей воле капитала: поскольку размер доли дохода, распределяемой в качестве заработной платы, оставался неизменным и не мог превышать $\frac{1}{7}$, работники оказывались незаинтересованными в увеличении числа наемного рабочего персонала и готовы были выполнять большую работу в единицу рабочего времени. Следовательно, полуремесленные, издольные наслоения не отменяли капиталистической природы наличных эксплуататорских отношений, но лишь маскировали и отягощали эти отношения.

Насколько можно судить, мельники и другие наемные работники мельниц, подобно ремесленникам в сукноделии, были объектами той же самой политики тулузского консулата, стоявшей на страже интересов купеческого капитала, подчинившего ремесло. Еще в середине XII века, в первый же год своего существования, консулат вводит строгие ограничения доходов мельников-производителей². В конце XIII столетия, как мы видели выше, консулат издает предписания о ведении мукомольного производства, заботится о равномерном обеспечении мельниц паевых товариществ наемными рабочими руками (в том числе и мельниками), при недопущении повышения заработной платы. От начала XIV века до нас дошли обращения товариществ в консулат за помощью в деле управления работниками. Консулы возложили на балы компаний (платная должность, обычно из числа пайщиков) функции надзора за соблюдением работниками предписаний консулата, в чем работники были обязаны присягать консулату³.

Отсутствие у тулузских мельников профессиональной организации, по мнению Ж. Сикара, ясно показывает их подчиненное положение. В то время как, например, в Нарбонне в XIV веке у мельников имелось не только религиозное братство, но и свой

¹ G. Sicard, p. 196—197.

² Cart. Bourg. N 4 (1152 г.).

³ G. Sicard, p. 198.

цах, возглавлявшийся старшинами (*superpositi*) и обладавший собственной кассой, в Тулузе единственной дозволенной организацией мельников было своеобразное братство св. Мартина, покровителя мельничного промысла, куда входили мельники Базакля. Они должны были поддерживать лампаду в церкви Сен-Пьер-де-Кюизин и оплачивать затраты на праздник этого святого, для какого случая мельничная компания Базакля один раз в год давала им 1 картон зерна. В XV веке в братство св. Мартина вошло большинство тулузских ремесленных цехов, так что оно совсем утратило характер профессиональной организации мельников¹.

Очевидно, Ж. Сикар прав, усматривая в отсутствии в Тулузе самостоятельного цеха мельников важный признак их подчиненного положения. Но едва ли картина была такою с самого начала. Так, из королевских финансовых регистров мы узнаем, что в 1288 году сенешал ассигновал «балы тулузских мельниц» 116 тулузских солидов на ремонт плотины и «дома мельников» Нарбоннского замка². Такое название могло обозначать только цеховой дом мельников товарищества Замкового плеса. Быть может, это пережиток, в дальнейшем исчезнувший, но не говорит ли он о том, что когда-то (в XII веке?) мельники-ремесленники имели свои, более или менее оформленные, цеховые союзы, как видно — раздельные по трем основным мельничным участкам Гаронны? Союз, несомненно, должен был обладать значительной долей самостоятельности, чтобы располагать собственным цеховым домом. Об известной степени самостоятельности, на наш взгляд, говорит и своя, «профессиональная» лампада мельников Базакля в старинной церкви Бурга.

Позднее, в XIII—XV веках, паевые компании, вытеснившие большую часть мельников из числа совладельцев мельниц в ряды наемных работников, все-таки должны были считаться с ними и в какой-то мере допускать существование остатков их цеховой организации и ее атрибутов. Теперь все это подчинялось воле и «благотворительности» владельческих компаний, которые готовы были, при содействии королевской казны, участвовать в поддержании цехового дома мельников (теперь в основном — наемных работников) или выдавать им раз в году на их праздник четыре мешка зерна; но которые вместе с церковью упорно старались придать цеховым союзам мельников исключительно религиозный характер и лишить эти союзы всякого профессионального содержания. Политика консулата немало способствовала подчинению мукомольного промысла купеческим капиталом, овладевшим через паевые компании всей массой производительных сил этого промысла, подчинению мельников-производителей командующей воле собственников средств производства.

¹ Ibid., p. 197—199.

² Comptes royaux, II, N 16869.

Жермен Сикар, который в ряде моментов пытается возвыситься над обычным для буржуазной литературы юридизмом, остается в плену этого юридизма там, где речь идет об определении экономической природы отношений, сложившихся в мукомольном промысле средневековой Тулузы. В его внутренних отношениях Ж. Сикар видит прежде всего применение частного права римского корня: аренда (наем) вещей и услуг — и отсутствие отношений феодального происхождения, что, по его мнению, придает системе эксплуатации тулузских мельниц черты ясности и современности¹.

Но в том-то и дело, что, как было показано выше, картина тулузского мукомольного промысла, его эволюции на протяжении XII и XIII (а затем XIV и XV) веков отнюдь не отличается желаемой ясностью, а формы, в которые отливались возникшие здесь новые отношения, — безусловной четкостью.

К сказанному выше следует добавить, что в XIV и первой половине XV века в тулузских мельничных товариществах широко развиваются отношения аренды и субаренды. Видимо, раньше они возникают в сопутствующих производствах, использующих силу воды. При этом в роли арендодателей выступают сами мельничные товарищества — феодатарии землевладельцев. Они сдавали в аренду (обычно на 6 лет) воду, как движущую силу, для сукновален, лесопилок, точилен, дубильных, а затем и бумажных мельниц. Договора такой аренды дошли до нас начиная с 40-х годов XIV века², но, как показывают данные по истории тулузского сукноделия и лесопильного дела, эти заведения (а значит, и соответствующие отношения) развились уже в XIII столетии. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что уже в 1293 году французский король был совладельцем одной тулузской сукновальной мельницы на Гаронне³.

Аренда была денежной и в совокупности давала мельничным товариществам немалые суммы⁴, которые (как и зерно) распределялись между компаньонами соответственно паям; король с середины XIV века получал и деньгами свою 1/7 дохода замковых мельниц. Юридически эта аренда выступала в форме инфеодации⁵. Г. Мот, отказываясь признать в ней феод, рассматривает ее как ротюрную цензиву⁶. Но едва ли компания совладельцев сук-

¹ G. Sicard, p. 199.

² G. Mot, p. 20—22, 58.

³ Comptes Royaux, I, N 9089, 9178; III, N 28263, 28264.

⁴ Только сукновальные мельницы Замкового плеса платили за аренду в 1343/44 году 60 тулузских ливров (2400 турецких су), а в 1393 году — 240 тулузских ливров (9600 турецких су). — G. Mot, p. 58.

⁵ Как в 1182 г. граф мельничным товариществам «donavit ad feudum», так в 1350 г. и эти последние «infeodassent et ad novum feudum dedissent» (См. G. Mot, p. 23).

⁶ G. Mot, p. 58—59.

новальни, в которой участвовал сам король, могла быть ротюрным цензитарием. И дело не только в юридическом статуте, — участие короля в этой компании достаточно убедительно свидетельствует, что предприятие приносило доход, не сравнимый с доходностью крестьянской цензивы. По всей видимости, сеньориального субстрата здесь осталось значительно менее чем в цензиве, и лишь в силу юридической традиции отношения свободной аренды здесь еще прикрывались феодальной вывеской.

В XIV веке мельничные компании широко сдают в аренду за немалые деньги не только воду, как источник энергии для различных производств, но также рыбные тони и шлюзы (в значительной мере за плату натурой — красной рыбой, которую сами продают), луга и пустоши под пастбища, а также дома и хижинны на берегу, где проживал бедный люд — поденщики, наемные работники мельниц, точилен, лесопилок (компании не гнушались доходами в несколько денье) и даже городские купальни¹.

У нас почти нет сведений о внутренней структуре тех мастерских сопутствующих производств, владельцы которых арендовали у мельничных товариществ воду и участки земли. Но консульский статут пыльщиков и лесоторговцев 1320 года², как было отмечено выше, не оставляет сомнения в том, что пыльщики на тулузских лесопилках были наемными работниками, сами же лесопилы принадлежали богатым лесоторговцам. Это были сравнительно крупные мастерские, в корне отличные от старых, мелкоремесленных, для их организации и ведения требовались значительные средства, и весьма возможно, что и здесь это вело к возникновению компаний совладельцев. По всей видимости, на сукновальных мельницах складывались подобные же отношения, если членом компании совладельцев одной из сукновален был сам король. Но нет никаких данных о существовании здесь системы свободной продажи паев.

В XIV веке паявые товарищества переходят к сдаче в аренду и самих мукомольных мельниц³. Первоначально аренда была мелкой. Так, в 1319 году каждый из 11 поставов замковых мельниц сдавался в аренду по отдельности, посредством аукциона⁴. Арендная плата была невысокой — 14 турских солидов и 8 денье, что составляло всего около 8 солидов в тулузской монете. Эти цифры, очевидно, свидетельствуют о том, что основу арендной платы здесь составляли не деньги, а хлеб в натуре (последующие данные подтверждают этот вывод), и что арендаторами выступали мелкие собственники, вероятнее всего те мельники, кото-

¹ G. Mot. — P. J., N 2.

² EGR, p. 139—142.

³ Ж. Сикар полагает, что начало этой системы относится еще к предшествующему столетию. Он ссылается на упоминание такой аренды на Замковом плесе в 1296 г. и считает, что более ранние документы на этот счет просто не сохранились. (G. Sicard, p. 188).

⁴ G. Mot., p. 58: «ad firman, solutis incheriis».

рые еще не превратились в наемных работников, но уже не могли быть ни самостоятельными производителями, ни владельцами паев — членами компаний.

Такой мельник-арендатор сам вел производство: сам нанимал мельников-подручных и погонщиков мулов, может быть и плотников (хотя общая забота о поддержании плотин оставалась за компанией и плотинщиков нанимала она), сам руководил работой этого маленького коллектива, близкого к рабочему персоналу ремесленной мастерской. И хотя такой мельник уже не был собственником средств производства, его роль в производственном процессе была очень близка к роли ремесленного мастера. Вместе с тем не следует упускать из виду, что этот процесс обслуживался наемными работниками, а сам мельник, вкладывавший в производство почти только свой труд и мастерство, в полном соответствии с отношениями собственности, получал долю помольного дохода, едва ли значительно превышавшую прожиточный минимум, — последующие данные свидетельствуют, что при арендных сделках мельничные товарищества присваивали почти всю массу дохода мельниц в зерне. Очень вероятно, что такие смешанные формы, сочетавшие элементы полуремесленной мелкой аренды и наемного труда, явились на тулузских мельницах той переходной ступенью, которая вела от старых мелкособственнических отношений к отношениям по-преимуществу капиталистическим.

Но такая мелкая аренда могла господствовать лишь до тех пор, покуда каждый постав как производственная единица и, главное, как объект собственности, оставался самостоятельным целым. Когда же, во второй половине XIV века, произошло слияние мелких компаний в два больших товарищества с объединенной собственностью на средства производства и производимый доход, — мелкая аренда должна была уступить место крупной. Так, в 1367 году все мельницы (теперь уже можно сказать — вся огромная мельница) Базакля были сданы четырем богатым арендаторам (которые одновременно были совладельцами этого товарищества), выступавшим вместе, — сданы с аукциона сроком на два года за 360 картонов зерна в год¹. Из ордонанса Карла VI 1388 года явствует, что мельницы Замкового плеса ежегодно сдавались в аренду за 500 картонов, или тысячу конских выюков зерна, каковые и распределялись между пайщиками².

Таким образом, в XIV веке отчетливо проявляется стремление совладельцев мельничных товариществ устранить от непосредственного руководства производством, передать эти обязанности арендаторам. Сдав мельницы с аукциона в аренду, они далее интересовались только распределением доходов с их паев — глав-

¹ G. Sicard, p. 188—189.

² «... soulcrant estre baillez a ferme chascun an au prie de cinq cens cartons de blé qui font mille chevaulx chargez de blé» (G. Mot. — P. J., N 2).

ным образом в зерне и частично—деньгами. Как мы видели, начало этой тенденции, несомненно, восходит еще к XIII столетию. Она с необходимостью проистекала из решающего факта проникновения в мельничные компании богатых вкладчиков, чуждых самому мукомольному производству и рассматривавших его только как форму выгодного помещения свободных денежных средств и надежного обеспечения своих продовольственных потребностей.

Тенденция эта должна была иметь существенные социальные последствия. Она вела к тому, что способ извлечения доходов из их собственности на промышленные объекты приобретал у совладельцев компаний рантьеерско-патрицианские черты. По своему социально-экономическому положению эти собственники средств мукомольного производства приближались не столько к капиталистам-предпринимателям, сколько к патрициям, вкладывающим средства, но стоящим в стороне от производственной деятельности. Кроме того, подобно полуфеодалному патрициату, они владели землей (берега) и водой Гаронны, и именно это давало им в руки немалые доходы от сопутствующих производств, использовавших силу воды, и от рыбных тоней и пастбищ. То обстоятельство, что мельничные товарищества владели этими объектами не как собственники, а только как арендаторы феодальной собственности сеньоров, не имело при этом решающего значения. В отношении сопутствующих производств и частью мелких держателей мельничные товарищества, как было отмечено, сами выступали как субземлевладельцы, земельно-рентные отношения начинали играть в их доходах все более значительную роль.

Однако нужно отдать себе отчет во всей сложности и противоречивости экономического статуса этого элемента и его эволюции. Нельзя упускать из виду, что (в отличие от патрициата) главный источник обильных доходов совладельцев мельничных компаний проистекал не из землевладения, а из собственности на средства **промышленного** производства в мукомольном деле, достигшем значительной степени концентрации, что основная масса их дохода, хотя бы и присваиваемая в форме арендной платы, производилась в процессе эксплуатации наемной рабочей силы под командованием крупных арендаторов-предпринимателей, то есть была произведена как прибавочная стоимость. Только учитывая это решающее обстоятельство, можно понять, почему с 40-х годов XV века тулузские мельничные товарищества, не желая долее делиться прибылью с арендаторами, возвращаются к непосредственной эксплуатации мельниц с помощью исключительно наемного персонала¹, а также почему структура тулузских мельничных товариществ, сложившаяся в XIV веке, смогла продержаться в сущности без изменений вплоть до конца XIX столетия².

¹ G. Sicard. p. 190. Рыбные тони, земля и вода для сопутствующих производств отдавались в аренду вплоть до Французской революции.

² Ibid., p. 10.

Мы заглянули в XIV и XV века не для того, чтобы проследить всю историю средневекового тулузского мукомольного промысла, но для того, чтобы картина экономических отношений в нем, как она складывается в XIII веке, не была лишена необходимой исторической перспективы. Как видим, последующее бросает свет на предшествующее.

После всего сказанного попытаемся ответить на поставленный в литературе вопрос об акционерных компаниях. Как форма паевого товарищества со свободной продажей паев, служащая целям централизации капитала, тулузские мельничные компании несомненно были зачатком или, вернее, прототипом акционерных обществ капиталистической эпохи. Это и не удивительно. Там, где масштабы необходимых капитальных вложений далеко превосходили возможности индивидуальных накоплений, зачаточных капиталов, да—и наличные возможности кредита, там неизбежно возникала потребность в подобных формах ассоциации капиталов. Недаром первые компании акционерного типа возникли в эпоху так называемого первоначального накопления. «Одна из последних форм буржуазного общества, *joint-stock companies*,—отмечал Маркс,—выступает также и в начале последнего в виде больших привилегированных и наделенных монополией торговых компаний»¹. Тулузские мельничные товарищества, как мы видели, были порождены не столь масштабной, но в сущности аналогичной необходимостью.

Но при этом бросаются в глаза два немаловажных обстоятельства: во-первых, тулузские компании возникли за 400 лет до знаменитых Ост-Индских компаний; во-вторых, тогда как там совокупный капитал служил торгово-колонизаторским и военно-грабительским целям, в тулузских мельничных товариществах он с самого начала был предназначен для организации и ведения промышленного производства. Все это выделяет тулузские мельничные товарищества как явления, хотя и не исключительные², но для своего времени несомненно выдающиеся.

Вместе с тем, чтобы избежать соблазнов модернизации, не следует упускать из виду некоторых конкретных особенностей тулузских средневековых «акционерных компаний», которые существенно отличают их от их зрелых потомков капиталистической эпохи³.

1. Экономическая основа тулузского мельничного промысла под властью паевых товариществ только со второй половины XIV века может быть определена как крупное производство.

¹ К. Маркс. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов). — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 734.

² Ж. Сикар прослеживает более или менее сходные явления, возникавшие в некоторых городах Европы в ту же эпоху (G. Sicard, p. 327—340).

³ Выяснение этих реальных экономических особенностей представляется нам гораздо важнее вопроса об отсутствии или наличии в тулузских товариществах права «ограниченной ответственности».

При исключительно высоком удельном весе основного капитала и несомненности явлений капиталистической эксплуатации, само мукомольное производство по масштабам каждой данной производственной единицы лишь с этого времени по-настоящему вышло за рамки обычного ремесла. Нужно ли напоминать, что капиталистические акционерные общества являются специфической формой централизации капитала для ведения крупного капиталистического производства.

2. Зачатки капитализма в тулузском мукомольном промысле развились, хотя и рядом с некоторыми другими сходными явлениями (сукноделие), но в целом в обстановке абсолютного господства мелкотоварных отношений в городе и феодально-поместной системы в деревне,—натурально-хозяйственные, потребительские интересы далеко еще не были изжиты. Продажа части зерна, полученного при распределении доходов товариществ, особенно более крупными пайщиками, едва ли может вызвать сомнения, но факты свидетельствуют, что этот «дивиденд» в значительной степени действительно служил удовлетворению потребительских нужд пайщиков, и, видимо, не только самых мелких. Об этом говорят и прямые заявления совладельцев¹, и несомненная заинтересованность патрициата в насыщении городского рынка сеньориальным зерном, столь ярко проявившаяся в дебатах на «провинциальных штатах» южных сенешальств в 50—70-х годах XIII столетия², и факт упорного сохранения системы распределения доходов товариществ в натуре, и при этом — два-три раза в месяц³. Очевидно, с этой потребительской подосновой связано и то обстоятельство, что, несмотря на интенсивное развитие паевых компаний, средневековая Тулуза не знала спекуляции мельничными паями,—ни один источник не дает оснований для противоположного вывода.

3. Хотя тулузские мельничные товарищества создавались для ведения промышленного производства, их производственный характер реализовался далеко не последовательно. Дело не только в том, что в этих компаниях с самого начала проникновения богатых вкладчиков обнаружились сильные рантье́рские тенденции,—они, как известно, в немалой степени свойственны и зрелым акционерным обществам капиталистической эпохи. Важно то, что от непосредственного ведения мукомольного производства совладельцы компаний в XIII веке предпочли перейти к сдаче в аренду отдельных поставов мельникам-арендаторам, хозяйствовавшим на полуремесленный лад, а в XIV веке—крупным арендаторам-предпринимателям. Сами же товарищества, до середины XV века почти полностью уйдя из сферы производства, в значи-

¹ G. Mot. — P. J., N 2: «... dixerent quilz ont accoustumé de vivre et estre soustenu...».

² HGL, VIII, N 529, 545.

³ G. Sicard, p. 227.

тельной мере превратились в компании вкладчиков-рантье, потребителей доходов мукомольного промысла.

Достигнутая уже в конце XII века сравнительно высокая централизация денежных средств еще долго не имела адекватной и прочной производственной почвы. Отношения капиталистической эксплуатации, связанные со сравнительно широким использованием наемного труда, еще долго оказывались оплетенными массой пережиточных и промежуточных форм, порожденных господством мелкотоварной экономики в городе и феодальных отношений на окружающей деревенской периферии. Эти деформирующие особенности были неизбежны там, где зачатки капиталистических отношений возникали в условиях, когда феодально-поместный строй деревни еще не подорван и процесс так называемого первоначального накопления еще не совершился.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СКЛАДЫВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТУЛУЗЫ

Проблема социального развития раннего города выдвигает на первый план вопрос о происхождении горожан как общественно-го слоя. Уже предшествующее рассмотрение важнейших моментов экономического развития Тулузы показало, сколь существенны были различия между отдельными элементами городского населения. Дальнейшее специальное рассмотрение тулузского патрициата должно будет еще ощутимее обнаружить глубину социального неравенства между верхами и низами уже в раннем городе. Между тем документы коммунального движения XII века, хартии вольностей, исторгнутых тулузцами у графской власти, неизменно адресуются «всему народу Тулузы», «всем мужчинам и женщинам города Тулузы и пригорода» и так далее¹. Эти документы не содержат никаких указаний на существование в городе каких-то сословных перегородок, или деление тулузских горожан на полноправных и неполноправных. Предположить, что защита общих интересов в этих хартиях была чисто декларативной, мешает самое их содержание.

Действительно, едва зарождающаяся коммуна около 1120 года выкупает «за большие деньги» провозные пошлины на юго-

¹ Cart. Bourg, N 1—3, 6—12, 14, 17, 24, 25, 29—32, 34, 35 etc.

восточных подступах к городу¹, ложившиеся главным образом на продовольственные товары и тяжко обременявшие всех горожан как потребителей, и особенно чувствительно, разумеется, бедняков. Если при этом имелось в виду также облегчение обложения сельскохозяйственных продуктов (главным образом вина), производимых в непосредственно подгородной зоне самими горожанами, то и тогда добытая вольность должна была в первую очередь служить интересам массы рядовых горожан, как об этом убедительно свидетельствуют вольности, предоставленные графом поселенцам сальветата, основанного им в южной части Ситэ и вокруг Нарбоннского замка около 1140 года².

В 1141 году горожане заставили графа пойти на значительное урезание его винной и, особенно, соляной монополии и полностью освободить от обложения личное потребление соли горожанами и продажу ими вина своего производства³. Иными словами, эта вольность не только защищала интересы массового потребителя, но и интересы производителей-виноделов, причем в обоих случаях купцы, перекупщики ставились в менее выгодное положение. Что это было выгодно городским землевладельцам-патрициям — очевидно. Но не забудем, что вино производили и продавали многие и многие рядовые, мелкие горожане.

Уступки, на которые Альфонс-Журден был вынужден пойти в 1147 году⁴, опять-таки удовлетворяли кровным потребностям всех горожан. Если отказ от принудительных займов касался преимущественно богатой верхушки (хотя, наверное, и рядовые горожане не миновали этой формы обложения), то освобождение тулузцев от военной службы графу за пределами Тулузы отвечало интересам всех горожан: пусть в составе конницы могли выступать только богатые горожане, но едва ли какой-нибудь военный поход обходился без участия пеших ополченцев⁵. Совершенно очевидно, что отказ графа в той же хартии от «произвольного взыскания» (побора сервильного корня) и от права реквизиции отражали насущные потребности прежде всего массы мелкого люда, недавних иммигрантов из поместной округи и вообще горожан как товаровладельцев.

Что касается отмены пошлины с кож, известной также под названием «пошлины с сапожников»⁶, то нет необходимости доискиваться, чьим требованиям отвечала эта вольность (при этом напомним, что в числе совладельцев этой выгодной пошлины были несколько знатных патрицианских семей). Не менее ясно и то,

¹ Ibid., N 14.

² Ibid., N 11.

³ Ibid., N 1.

⁴ Ibid., N 2.

⁵ Припомним, что еще в 1067 г. Гильем IV был вынужден освободить от участия в графском войске жителей поселка Кюзин (Кузинас) — в основном ремесленников-кожевников. (HGL. V, N 277).

⁶ Ibid., N 28 (1148 г.).

что общие интересы горожан как потребителей и производителей товаровладельцев отражали и отмена (выкуп?) провозных пошлин в Тулузе, принадлежавших сеньору Ланта¹, и подтверждение Раймундом VI в 1196 г. ранее уступленных горожанам вольностей².

Но, может быть, отмечаемое единство объяснялось чисто политическими соображениями конъюнктурного свойства? Ведь в самом деле, почти все такого рода освободительные акты, отражавшие интересы наиболее широких слоев горожан, приходятся на первую половину XII века, еще до образования консулата, когда рождавшаяся коммуна вела борьбу с сеньором-графом за право своего существования и складывавшемуся патрициату как нельзя более требовалась поддержка массы горожан, чтобы занять в этой коммуне доминирующее положение. Тем более, что указанное единство не было абсолютным. Если на этом этапе источники свидетельствуют об определенной общности горожан в их борьбе, если в известной степени такое единство можно предполагать в тех смутных событиях, которые разыгрались в Тулузе в 80-е годы XII века и которые скорее всего были следствием отчаянной попытки графской власти сломить силу и независимость городской коммуны³, то далее мы видим скорее нечто противоположное.

¹ Ibid., N 34 (1150 г.).

² Ibid., N 12.

³ Здесь мы можем лишь бегло коснуться этого сложного вопроса. Источники не содержат никаких аргументов в пользу версии. Дж. Манди, видящего в этих событиях распри, вызванные распространением в Тулузе ереси катаров (J. Mundy. Liberty, p. 60—61). Торжественные соглашения, заключенные между графской властью и коммуной 6 января 1189 г. и положившие конец этим событиям, их взаимная присяга и отказ от дальнейших враждебных действий (Cart. Bourg, N 8, 9), на наш взгляд, достаточно убедительно говорят о том, что было истинной причиной гражданской войны, терзавшей город в течение нескольких лет. Ее итогом явилось упрочение коммуны и ее окончательное признание со стороны графской власти. В пользу такого понимания тулузских событий 80-х годов XII века говорит и еще одна любопытная деталь. Только с этого времени (май 1184 года) члены коммунального магистрата, до тех пор называвшиеся капитуляриями (viri capitularii, homines de capitulo. — Cart. Bourg, N 14, 1, 28, 34, 45, 3, 19, 6, 7, 11), то есть членами коммунального капитула, присвоили себе титул консулов. (Cart. Bourg, N 15; впервые этот титул встречается в постановлении коммунального капитула 1176 года, — Cart. Bourg, N 33).

В литературе высказано немало гипотез относительно происхождения института и самого названия городских консулатов в Лангедоке вообще и в Тулузе в частности. Одни выводят их из Прованса, как результат опосредованного влияния итальянских городов (движение «с востока на запад»). Другие, справедливо замечая, что в завоевании коммунальной независимости и консулатной ее организации города Лангедока не только не отставали от городов Прованса, но, пожалуй, даже опережали их, приходят к выводу о непосредственном восприятии Лангедоком итальянского влияния, затем переданного отсюда городам Прованса (движение «с запада на восток»), хотя для того, чтобы реконструировать вероятные пути проникновения этого непосредственного влияния, особенно для таких городов, как Тулуза, стоявших далеко от моря и до XV века вообще не знавших в своих

В 1202 году состав городского консулата круто меняется: из него почти полностью исчезают представители наиболее знатных городских землевладельческо-патрицианских фамилий, заседавших там в течение 50 лет; их место занимают новые люди, в гораздо большей степени представляющие торгово-промышленные интересы, рядом с именами консулов начинают мелькать слова «купец», «мельник», «меняла»¹. В правящем слое явно произошёл какой-то внутренний сдвиг. Дж. Манди, подметив это явление, определил его как вытеснение старо-патрицианского слоя «новым патрициатом»² (и здесь его вывод представляется весьма убедительным, хотя такое определение, на наш взгляд, требует некоторых оговорок). Так или иначе налицо несомненный факт внутренней борьбы в городской общине.

Однако бросим взгляд на содержание деятельности нового консулата — она весьма колоритна и очень четко целенаправлена. Консулат упрочивает неприкосновенность прав и интересов горожан и санкционирует применение силы против феодалов, по-

стенах колоний итальянских купцов, им приходится прибегать ко всяческим ухищрениям. (См. E. Roschach. Etude sur les relations diplomatiques des comtes de Toulouse avec la République de Gènes au XII-e siècle. — MAST, 1867; R. Limouzin-Lamothe. Commune, ch. I, § 2; M. Gougon. Nîmes, p. 35, 45).

О том, что в итальянских городских республиках избираемые правители называются консулами, уже в первой половине XII века, надо думать, знали не только в Сен-Жиле и Ниме, но и в Тулузе. Однако, когда в 1152 году в Тулузе возникло городское самоуправление, его члены получили название не консулов, а капитуляриев. Едва ли это говорит в пользу итальянского или иного внешнего влияния, какого прежде всего ищут сторонники филиации идей и учреждений. Весьма вероятно выглядит гипотеза Р. Лимузен-Лямота и Дж. Манди о том, что имя капитуляриев коммунальные правители получили, так сказать, по наследству от графского городского капитула (или курии), предшествовавшего коммунальному самоуправлению. (R. Limouzin-Lamothe. Commune, p. 125; J. Mundy, Liberty, p. 39—40). Но почему же позднее они стали именоваться консулами? Сказалось ли в Тулузе итальянское влияние или не сказалось, титул консула, как символ высокого общественного значения и власти, был здесь давно известен: по крайней мере с XI века, если не раньше, так в латинских текстах документов именовался тулузский граф, иногда — другие графы, виконты же нередко назывались проконсулами. (HGL, V, N 87, 114, 245, 251, 622, 666). То же — в Гаскони и других графствах Аквитании (см. Cart. Auch, N 2, 3, 4, 5, 14).

Можно предположить, что титул консулов (и не по итальянским, а по местным причинам) выборные члены тулузского муниципального самоуправления не прочь были присвоить себе с самого начала, но в условиях графской столицы это оказывалось неудобным, даже просто невозможным. Потребовалась упорная борьба коммунально-освободительных сил, чтобы городские капитулярии смогли присвоить себе более высокий титул консулов, как символ власти независимой, как бы равной самой власти тулузского князя. Для нас это важно как лишнее свидетельство не религиозного, а коммунально-освободительного смысла борьбы, развернувшейся в Тулузе в 80-х гг. XII века.

¹ Cart. Bourg, N 24—27, 29, 30, 35, 69, 72, 88, 89; Cart. Cité, N 84; HGL, VIII, col. 640—641.

² J. Mundy. Liberty, p. 67—70.

связующих на эти права и интересы¹. Он признает свободными тулузцами двух беглых сервов и отказывает в притязаниях на них со стороны знатного сеньора². Он скупает участки земли на границе Ситэ и Бурга и начинает возводить коммунальную ратушу (*domus communis*), расширяет пределы общекommunalной собственности в городе³. Он настойчиво добивается снижения и полного снятия сеньориальных поборов и пошлин (прежде всего на графских мытных), еще продолжавших тяготеть над торговлей тулузцев в городе и, особенно, в округе⁴. В этой связи — и это стало главным в его деятельности — новый консулат в период между 1202 и 1204 годами организовал целую серию настоящих вооруженных экспедиций коммунального войска против феодалов Тулузена (и даже частью за его пределами), притеснявших тулузскую торговлю грабежами и поборами, сломил их сопротивление и закрепил победы рядом договоров, фиксировавших капитуляцию сеньоров⁵. Разумеется, эти меры (особенно последние) служили в первую очередь купеческим интересам. Но очевидно, также и то, что, поскольку дело шло об упрочении городской свободы, обеспечении и расширении рынка, эти меры отнюдь не были безразличны для всех товаровладельцев, для всех горожан.

Продолжение той же линии развития можно наблюдать между 1217 и 1227 годами. Победоносное восстание тулузцев против монфоровской оккупации и затем героическая и успешная оборона города против крестоносцев, оказавшие столь большое влияние на весь ход Альбигойских войн в этот период, были очевидно связаны с возрастанием роли широких масс горожан, что ярко отразилось как в этих событиях, так и в жизни коммунальной организации. Хотя сами городские низы не получили в ней прямого представительства, состав консулата снова меняется. Фактически ликвидированная Монфором, находившаяся в состоянии спячки коммуна вновь оживает, причем небывало активную роль во всей ее деятельности теперь играет народное собрание. И хотя и здесь, как и на предыдущем этапе, в консульской политике нетрудно обнаружить специфически купеческие интересы, главная активность консулата разворачивается снова в том же основном, антисеньориальном направлении.

Большую часть консульских актов этого периода образуют вырванные у крупнейших феодалов Тулузена, в том числе и у самого тулузского графа, полные отказы от взимания на их территориях каких бы то ни было поборов и пошлин с тулузцев и их

¹ Cart. Bourg, N 24.

² Cart. Cité, N 84.

³ Cart. Bourg, N 35—37, 43—51, 54.

⁴ Ibid., N 25, 26, 55, 56.

⁵ Ibid., N 29, 30, 38—42, 53, 57—70.

товаров¹. Консулат продолжает укреплять коммунальную организацию, коммунальную собственность и финансы, смело расширяет привилегированную городскую территорию (сальветат) на всю городскую округу Тулузы в радиусе 12 км². Он не только вынуждает сеньора-графа предоставить коммуне право вооружения и самообороны и даже возместить из доходов со своих земель все ее расходы по ведению войны против крестоносцев, но заставляет его дважды торжественно подтвердить все коммунальные вольности и отказаться от какого бы то ни было вмешательства в консульские выборы³.

Таким образом, несмотря на то, что внутренние противоречия в городской общине налицо с самого начала и порою проявляются очень остро, очевидно, не эти противоречия были главными, определяющими в жизни Тулузы этого периода. Сама эта борьба и внутренние перестановки, взятые в перспективе целого исторического этапа, обнаруживают определенное единство общей направленности коммунальной политики. Ее главным содержанием оказывается борьба против режима сеньориального обирательства во всех его проявлениях и, значит, борьба за юридическое закрепление достигнутых на этом пути завоеваний, за усиление и упрочение силы и независимости коммуны, как основы и гарантии прочности экономических и социальных завоеваний горожан. Приход к власти новых сил, отражавший специфические интересы различных слоев городского населения, каждый раз оказывается подчиненным ведущей задаче более решительного продолжения и доведения до конца борьбы с сеньориальным режимом, выражавшей наиболее общие интересы всех горожан,— и именно в этом находит свой смысл и оправдание. Очевидно, только верность этой основной задаче давала новым силам, возглавлявшим коммуну, необходимую поддержку массы горожан. Иными словами, при всей относительности и противоречивости социальной общности горожан как социального слоя, историческая реальность этой общности убедительно засвидетельствована отмеченным единством общего направления коммунальной политики в этот период.

Несомненно, борьба против сеньориального режима спланивала всех горожан. Но сказать только это — значило бы не сказать всего. Если при всех противоречиях, сталкивавших между собой интересы отдельных прослоек, горожане смогли столь ясно продемонстрировать общность объединявших их устремлений,

¹ Cart. Cité, N 76, 77; Cart. Bourg, N 76—78, 83—86. Впоследствии граф Альфонс Пуатье упрекал тулузских горожан в том, что они самовольно присвоили себе свободу от пошлин (*cives Tholosani immunitatem dictorum pedagiorum violemter usurpaverunt*) во владениях тулузского графа, воспользовавшись крайне затруднительным положением, в котором он в это время оказался. (Corr. Alfonse de Poitiers, t. II, N 2058, Resp., art. 6).

² Cart. Bourg, N 75, 82, 91, 99, 102, 73.

³ Ibid., N 79—81, 87, 94, 95, 97.

причем продемонстрировать действенно, на протяжении целого столетия, то, очевидно, их объединял не просто политический расчет, не случайные соображения конъюнктурного свойства. Единство общего направления их освободительной борьбы на протяжении этого периода может быть правильно понято лишь как проявление глубокой внутренней общности, которая превращала горожан в некое социальное целое.

При всем своекорыстии политики патрицианского консулата (землевладельческо-ростовщического или купеческо-промышленного по преимуществу), ее главным стержнем на протяжении этого периода была более или менее последовательная защита интересов городского товарного производства и обращения от гнета сеньориального режима и всех форм феодального обирательства в городе и в городском экспортно-импортном регионе. Общие условия и интересы развития товарного хозяйства и образовывали реальную основу той социальной общности горожан, которая, не снимая внутригородских противоречий, тем не менее перед лицом господствующего феодализма превращала горожан в единый общественный слой.

Эта экономическая общность сложилась не сразу, и не вдруг сложился этот общественный слой. Прошрое не оставило его в наследство средневековому городу — даже городам с античной предысторией. Слоя этого мы не найдем ни в поместьи, ни в псевдогороде раннего средневековья. Более того, ни одного из своих образующих элементов этот слой не получил от прошлого в готовом виде. Они формировались в процессе складывания новой, собственно городской экономики.

Как мы видели выше, в процессе возникновения города огромную роль сыграл приток «избыточного» поместного населения, сельской бедноты. Именно эти деревенские иммигранты составили затем основную массу средневековых горожан — ремесленников и мелких торговцев¹. Но на первых порах экономические интересы и возможности этой массы новоселов носили в значительной степени аграрный характер. Так было в сальветатах, разбросанных среди деревенской периферии, и в значительной мере — в городах. Превратится ли данное «убежище» в большое село или же в город, зависело более всего от того, насколько в данном пункте были подготовлены условия развития ремесленно-земледельческого обмена.

Припомним, что в числе важнейших вольностей, какие были предоставлены и лезатскими аббатами и тулузским графом поселенцам тулузских сальветатов в первой половине XII века и которые, очевидно, отвечали требованиям новоприходцев, были нарезка усадеб и свободная, беспошлинная продажа продуктов

¹ Как справедливо замечает Ш. Игунэ, хотя часть тулузских горожан XII и XIII веков несомненно вышла из старинных элементов местного населения, решающее значение должен был иметь внешний приток поселенцев. (Ch. Igounet. Peuplement, p. 490).

своего хозяйства, в первую очередь — вина¹. Правда, судя по масштабам и месторасположению этих «убежищ», размер усадеб был невелик. Это не были поместные мансы, но, как сказано в графской хартии, именно «casales», что в Тулузене этой эпохи обозначало огороженное пространство с домом и двором. Предоставление же права беспошлинной продажи своего вина убедительно говорит о виноградарско-винодельческом характере этого городского карликового земледелия, о его сугубо товарной направленности.

Таким образом, далеко не сразу эти деревенские переселенцы становились действительно горожанами. Порою они были даже сервами. Но как бы ни был значителен груз деревенского, поместного наследия, самый акт переселения в город означал разрыв с поместной системой, а ведущими силами, определившими дальнейшую их судьбу, были ремесло и торговля. Среди первейших требований новоселов наряду с нарезкой усадеб стоит право свободного (беспошлинного) занятия любым ремеслом.

В условиях города, интенсивно развивавшегося в торгово-ремесленном отношении, аграрные занятия, которые приносили с собой сельские переселенцы, неизбежно ограничивались земельной теснотой и, за исключением мелкого виноградарства, не могли получить развития, более того — были обречены на свертывание и вытеснение за пределы городских стен, так же как и земледельческие занятия «исконных» жителей Тулузы, унаследованных от раннего средневековья. И наоборот, ремесленно-торговые занятия получали большие возможности развития, большую надежность и привлекательность в качестве средства обеспечения существования. Сужение в городе сферы сельскохозяйственных занятий новых поселенцев имело своим следствием (хотели они того или не хотели) выталкивание их в сферу ремесленно-торговой деятельности. Объективные условия развития города как центра товарного производства и обращения делали торгово-ремесленные тенденции в хозяйстве городских жителей ведущей силой его дальнейшей экономической эволюции и определяющим фактором специфически городской трансформации массы сельских иммигрантов, превращения их в качественно новое явление — в ремесленников и мелких торговцев — основной общественный слой в социальной структуре средневекового города.

Развитие ремесла, как было показано выше, особенно таких важнейших для Тулузы его видов, как мясное дело, кожевенное и обувное производство и, разумеется, сукноделие, было прежде всего результатом хозяйственной деятельности этого слоя, выросшего из массы сельских иммигрантов. От степени развития этого слоя зависела интенсивность всего городского развития: развитие и устойчивость городского рынка, как сферы

¹ HGL, V, N 454; Cart. Bourg, N 11.

обмена продуктов сельскохозяйственного и промышленного труда, а значит и городского денежного рынка.

Свободное ремесло было ядром и кристаллизатором всей экономики средневекового города. Экономические потребности, объективные условия наиболее свободного развития этого ремесла были вместе с тем условиями наиболее успешного развития и торговли (товарами и деньгами) — всего товарного хозяйства. Как бы далеко ни отстояли от скромного ремесленника, трудящегося в своей тесной мастерской, богатые купцы и ростовщики, которые и сами умели немало поживиться за его счет, — условия их собственного хозяйствования и обогащения наиболее свободного функционирования их капиталов в высокой степени зависели от степени личной свободы, гарантий неприкосновенности личности и имущества рядового товаровладельца, непосредственного производителя, его избавления от феодального обирательства, его свободы рыночных связей.

Не удивительно, что сеньоры, там, где они стремились стимулировать городское развитие, должны были начинать с обеспечения известной свободы ремесла¹, что городской патрициат в борьбе за власть и коммунальную независимость не мог обойти коренных интересов ремесленников и мелкого городского люда². Если мы предположим, что это может быть объяснено просто политическим расчетом: домогавшийся власти патрициат шел навстречу требованиям ремесленных масс потому, что нуждался в их поддержке в борьбе с сеньором, — то и тогда тем более должны будем признать исключительность социального (и политического!) значения этих масс в жизни городского общества и в коммунальном движении (причем — в том регионе и в тот период, где и когда, казалось бы, борьба менее всего выливалась в мятежные, открыто революционные формы и не выходила из-под гегемонии патрициата). Если это так, то объяснения этого социального значения ремесленных масс следует искать все там же: свободное товарное ремесло было той закваской, на которой вырастал город, формула его экономической структуры и его развития в конечном итоге лежала в основе структуры и всех форм развития экономической активности товаропроизводящего города, обеспечение условий его развития было вместе с тем важнейшим условием интенсивного развития всего города.

Между тем в условиях средневекового города мелкие производители — ремесленники — были объектом эксплуатации со стороны различных сил. Хотя в процессе производства ремесленники не были или почти совсем не были связаны с землей, городские сеньоры эксплуатировали ремесло, опираясь на свою земельную собственность и на верховную политическую власть в городе.

¹ Cart. S.-Sernin, N 291; Cart. Bourg, N 11.

² Cart. Bourg, N 1, 14, 28; Cart. Cité, N 84.

Сеньориальная эксплуатация ремесла осуществлялась различными путями, нередко — непосредственно, через обложение мастерской, при ее открытии одновременно и затем повременно, как это практиковалось, например, в Монпелье при Гильемах, то есть в докоммунальный период¹. Для Тулузы мы не имеем подобных данных, возможно, что эта форма обложения здесь не применялась: в отличие от Гильемов в Монпелье, тулузские графы (во всяком случае в XII—XIII вв.) были собственниками лишь небольшой доли земель в городе (да и под городом) и Тулуза отнюдь не могла рассматриваться в качестве их вотчины. Зато здесь широко практиковалась другая форма сеньориального обирательства товарного производства, очень распространенная в феодальном мире и особенно удобно согласуемая с «публично-правовыми» прерогативами графской власти, — обложение торговли, то есть эксплуатации товарного производства через сферу обращения. Ярчайшим примером такого обложения была тулузская «пошлина с кож». Кто в действительности оказывался при этом объектом обирательства, современники понимали достаточно ясно, если называли ее также «пошлиной с сапожников». В Тулузе и Тулузене существовало множество других торговых пошлин с провозимых и продаваемых товаров.

Другим важным каналом сеньориального обирательства ремесла и торговли были монополии. Выше шла речь о винной и соляной монополиях тулузского графа, в частности о том, что графские монопольные цены на соль были специально нацелены на обложение производственного потребления соли кожевниками.

И вместе с тем вся история подъема горожан как социальной силы и история их антисеньориальной борьбы есть также история сокращения, вытеснения и отмены сеньориальных поборов и пошлин с ремесла и торговли.

В связи с этим возникает вопрос о рациональном истолковании как этой системы сеньориальной эксплуатации городского накопления, так и ее более или менее полной ликвидации в ходе коммунального движения. Поскольку такое обложение означало безвозмездное отторжение доли продукта труда ремесленника или доли товарного имущества купца в пользу другого общественного класса — налицо акт эксплуатации, и поскольку в пользу феодалов — видимо, акт феодальной эксплуатации. Но если не упускать из виду, что эксплуатация в строго научном смысле слова, то есть экономически необходимая эксплуатация, означает присвоение прибавочного труда непосредственных производителей классом-собственником средств производства, с помощью которых этот прибавочный продукт создается, то станет ясно, что это сеньориальное обложение выходит за рамки такого определения.

¹ См. В. И. Осипов. Основные этапы коммунального движения в Монпелье. — «Аспирантский сборник» Саратовск. ун-та, стр. 94—95.

В самом деле, ремесленник и купец в процессе осуществляемого ими производства и обращения товаров не зависели от феодального землевладения, не производили и не могли производить феодальной земельной ренты, и потому присвоение доли их труда и имущества, строго говоря, не может рассматриваться как феодальная эксплуатация.

Феодалы не были собственниками средств производства ремесленников или купеческих товаров — то и другое принадлежало здесь самим производителям или агентам товарного обращения. Иными словами, сеньор—собиратель торговых пошлин—вторгался в сферу распределения продуктов того производства, к которому сам он, в сущности, никакого отношения не имел. Это присвоение части городского накопления не вытекало из внутренних закономерностей товарного производства, было внепроизводственной, внетоварной эксплуатацией и потому не только выглядело, но и в действительности являлось необоснованным присвоением, произвольным обирательством, опиравшимся только на силу. Лишенное экономической необходимости, это обирательство ремесла и торговли со стороны земельных собственников было экономическим анахронизмом, применением старых «прав» в новых условиях, где для этих прав уже не было объективного основания. И в этом коренился источник непрочности этой системы обирательства и ее сравнительно быстрого крушения в ходе освободительного коммунального движения. Прежде всего—в самих городах, а там, где городской коммуне, как это было в Тулузе в первой четверти XIII века, удалось приблизиться к силе и могуществу независимой городской республики, там — и на сеньориальной периферии, в обширном регионе непосредственных рыночных связей городского центра.

Но покуда система сеньориального обирательства существовала, так или иначе она означала систематическое истощение городского накопления, подрывавшее самые возможности регулярного функционирования товарного производства, обмена и кредита. Делая почти невозможным внутреннее накопление и расширение производства, она нередко ставила под сомнение даже возможность регулярного воспроизводства в тех же масштабах. Естественно, что она должна была заставить непосредственных производителей искать средства самозащиты. Для мелких производителей важнейшим такого рода средством было их профессиональное сплочение, создание цеховых союзов. Только с помощью организации ремесленники могли добиться отмены, выкупа или ограничения сеньориальных поборов, взять в коллективное держание или выкупить в собственность торговые ряды на рынке, оградить себя как покупателей сырья и продавцов изделий от хищничества сеньора, его чиновников и слуг. Только сильная, сплоченная профессиональная организация могла противопоставить режиму произвола, реквизиций, пошлин и грабитель-

ских сеньориальных монополий цеховую монополию цен на ремесленные изделия как действенное орудие экономической самозащиты мелких производителей в этих условиях.

Все это были элементы свободы ремесла — частичной, неполной, но все-таки обеспечивавшей элементарно необходимые условия жизнедеятельности самостоятельного мелкого товарного производства. Выше мы пытались проследить важнейшие моменты борьбы тулузских ремесленников за эту элементарную свободу ремесла, за свободу ремесленной организации и взаимопомощи.

Эта борьба ремесленников, будучи прежде всего антисеньориальной, имела одновременно и некоторые другие аспекты. Чем более развивалось ремесленное производство и увеличивалась масса произведенного продукта, чем шире раздвигались рамки товарного рынка, особенно если открывался выход на какой-то внешний (даже недалекий) рынок, — тем более систематически между производителем и потребителем становился посредник-купец, и ремесленники не могли обойтись без этого посредничества. Эксплуатируя ремесленников как торговый посредник, купеческий капитал действовал в основном в русле законов товарного хозяйства. Это была, так сказать, внутритоварная эксплуатация, объективно обоснованная выполнением определенной экономически необходимой функции и отражавшая внутренние противоречия товарного хозяйства. В отличие от сеньориального обирательства она не могла быть устранена, но и она требовала самозащиты со стороны производителей. Эту задачу могла выполнить опять-таки только профессиональная организация, способная противопоставить нажиму купеческого капитала монопольные цеховые цены, сплоченность и взаимопомощь мелких производителей. Поэтому более или менее полная победа над сеньориальным режимом не исчерпывала и не вела к угасанию цеховых тенденций ремесла.

Более того, по мере возрастания числа городских ремесленников и массы производимых изделий, в условиях узости рынка, обусловленной сохранением в деревне домашней промышленности крестьян как составной части натурального хозяйства, эти цеховые тенденции еще усиливаются. Теперь важнейшими задачами союзов мелких производителей становится борьба за удержание рынка и защита от конкуренции деревенского ремесла, а также от внутрицеховой конкуренции.

Объективная противоречивость товарного производства такова, что с самого начала оно несет в себе тенденцию к расширению. Но, будучи мелким и примитивным, в условиях феодального общества со свойственной ему узостью рынка промышленных изделий, простое товарное производство в течение долгого времени не обладает внутренними и внешними объективными возможностями перерастания в крупное товарное производство. Более того, в этих условиях производства и рынка такое превращение может оказаться даже губительным как для массы мел-

ких производителей, так, нередко, и для данной хозяйственной единицы. Эти внутренние и внешние условия порождали в мелко-товарном ремесле, базировавшемся на простом воспроизводстве¹, противоположную тенденцию — к закреплению и удержанию узких рамок производства, к недопущению его расширения².

Задача самосохранения мелкого товарного производства в условиях узости рынка требовала определенного самоограничения каждой его хозяйственной единицы: неперменного сохранения узких рамок мелкого производства, чисто потребительской направленности, максимального равенства возможностей. Цеховая уравнительная регламентация не была навязана ремеслу извне. Она выражала его глубокие внутренние потребности на этом этапе развития, была формой реализации его свободы³.

Профессиональное сплочение ремесленников было вместе с тем важнейшей формой их социального сплочения, конституирования этого слоя как составного элемента социальной структуры города. И в исторических источниках этой эпохи ремесленники начинают фигурировать более или менее систематически именно в связи с появлением их организаций и с тем противодействием, которое встречали цеховые тенденции со стороны сеньоров и церкви, а затем — со стороны правящего патрициата и купеческих элементов.

Интенсивное ремесленное законодательство тулузского консулата в XIII веке, особенно в последней его трети, а также в на-

¹ См. В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, стр. 57.

² Рассматривая факты экономической политики средневековых цехов с точки зрения того бесспорного теоретического положения, что простое товарное производство несет в себе обе тенденции: как к застойности, так и к расширению, Ф. Я. Полянский в своей известной работе «Очерки истории экономической политики цехов в городах Западной Европы в XIII—XV вв.» (М., 1952) пришел к выводу, что эта политика сочетала в себе как антикапиталистические, так и прокапиталистические тенденции. Верно, в поздний период ростки капитализма пробивали себе путь повсюду, даже в какой-то мере внутри цехов. Но не благодаря цехам и их уставам, а вопреки им. Логическое неразрывно связано с историческим. Но связь эта не прямолинейна, одно нельзя подменять другим. Теоретически (то есть при логическом осмыслении исторического процесса, взятого в целом) товарное производство, несомненно, несет в себе обе отмеченные выше тенденции. Но исторически они проявляются не одновременно и не в равной мере. На раннем этапе (так сказать, в классическом ремесле) абсолютно преобладала первая тенденция — к застойности, к сохранению производства в его прежних масштабах, ибо только так могло в тех условиях сохранить себя и упрочиться самостоятельное мелкое товарное производство в промышленности. Именно эта тенденция породила цехи, именно она диктовала цеховые уставы и цеховую ограничительную политику. Когда вторая тенденция стала значимым экономическим явлением, ей пришлось пробиваться и просачиваться через бастионы и частокоры, воздвигнутые силой первой тенденции в форме цеховых запретов и уравнительной регламентации.

³ См. К. Маркс. Машин. Применение природных сил и науки, стр. 51.

чале XIV столетия, которое рассматривалось выше, свидетельствует не только о силе купеческо-патрицианской верхушки, ее стремлении противостоять цеховым тенденциям ремесла и умениям подчинить ремесленные организации своему контролю, а бедных ремесленников — скупщикам и раздатчикам сырья. Оно свидетельствует также о большой и возрастающей экономической и социальной роли мелкого товарного производства и представляющей его ремесленной массы в общественной жизни даже такого города, как Тулуза, где сильный, преимущественно землевладельческо-ростовщический патрициат сложился значительно раньше, чем возникли профессиональные организации ремесленников, и сумел почти полностью закрыть этим последним путь к созданию самостоятельных цеховых союзов.

Здесь нет необходимости возвращаться к рассмотрению важнейших экономических и социальных процессов, протекавших в ремесле и в среде ремесленников Тулузы в интересующий нас период — они рассматривались выше. Попытаемся набросать лишь несколько штрихов, позволяющих яснее очертить место и роль ремесленной массы в городском обществе Тулузы рассматриваемого периода. При всем значении цеховых союзов они не были единственной формой борьбы за обеспечение свободы ремесла. Эта свобода не могла быть завоевана вне коммунального движения. Припомним, что именно в ходе антисеньориальной борьбы на пути к независимой коммуне были ограничены или отменены графские монополии, сброшены сеньориальные поборы и пошлины, обременительные для товарного производства вообще и для ремесла в частности. Эти законодательные акты, вырванные у графской власти рождающейся коммуной, одновременно говорят как о краеугольной важности обеспечения интересов ремесла для всего городского развития, так и о теснейшей взаимосвязи всех основных структурообразующих элементов городского общества. Не следует также упускать из виду, что коренные интересы ремесла и ремесленников не могли бы быть обеспечены без того обеспечения неприкосновенности личности и имущества горожан-товаровладельцев, без того закрепления прав и привилегий, а также решительного расширения территории тулузского салветата, которые были отвоеваны у графской власти городским консулатом между 1120 и 1222 годами¹.

Однако это органическое единство социальной структуры городского общества, проистекающее из общности его экономической — товарной основы, как уже было отмечено выше, отнюдь не отменяло столь же органически присущей этой структуре внутренней противоречивости. Чтобы яснее представить себе сложность и противоречивость этой структуры, необходимо обратиться к рассмотрению других слоев городского населения.

¹ Cart. Bourg, N 1—5, 8, 10—12, 14, 16, 17, 20, 23—26, 28, 34, 54—70, 72, 74, 76—87, 92, 99 etc.; Cart. Cité, N 76, 84.

Вопрос о купечестве и роли купеческого капитала в Тулузе интересующей нас эпохи рассматривался частью в связи с вопросом о складывании рынка, частью — в связи с анализом зачатков раннекапиталистической эволюции отдельных ремесел. Здесь мы попытаемся затронуть лишь некоторые вопросы происхождения, места и роли этого слоя в тулузском обществе, а также основного направления его социальной активности.

Истоки купечества, так же как и ремесленников, теряются в молчании документов. И по тем же причинам: сделки по поводу движимого имущества, товаров очень долго совершались, не достигая пергамента, феодальные канцелярии не снисходили до фиксирования этих сделок и упоминания их контрагентов¹. Между тем в Тулузе, где рано сложился рынок продовольственных товаров, купцы должны были рано начать играть заметную роль в городской хозяйственной жизни. Наиболее ранние сведения на этот счет доходят до нас от начала XI века и касаются лиц, заинтересованных в солеторговле, в том числе и солеторговцев-профессионалов (*salinarii*)². В отдельных актах того же времени мелькают упоминания привилегированных сеньориальных купцов *francales*, *excusati*, которым разрешается беспоплатно торговать товаром (солью), принадлежащей данному сеньору³. Представляется маловероятным, что это были феодально-зависимые люди, что-нибудь вроде купцов-сервов. Вернее — это своеобразная форма контракта и весьма важного для тогдашнего рынка сеньориального покровительства, которые позволяли купцу в условиях рыночной монополии другого сеньора вести торговлю наиболее выгодно — как для своего сеньора, так и для себя самого. Но этих данных слишком недостаточно, чтобы пытаться набросать сколько-то цельную картину.

Первые предкоммунальные акты XII века об освобождении тулузцев от различных провозных и торговых пошлин уже прямо называют купцов-солеторговцев, занимающихся перепродажей соли, и виноторговцев, которые скупают вино в округе и привозят его для продажи в Тулузу⁴. Но для города, куда систематически стекались и откуда в немалой мере вывозились зерно, вино, соль, скот, шерсть, а затем и ткани, этих упоминаний представляется слишком мало.

Однако дело не только в скупости источников там, где речь должна идти о торговле движимым имуществом. При внима-

¹ Торговые сделки с движимым имуществом не оставили никаких следов в тулузских архивных документах даже и в XIII веке. (M. Castaing-Sicard. *Ancien droit toulousain*, p. 59).

² Cart. S.-Sernin, N 138. Это «первенство» солеторговли среди других отраслей торгового обмена объясняется главным образом остротой столкновения между различными феодальными силами вокруг этого вопроса, которое не могло миновать фиксации в документах эпохи.

³ Ibid., N 134, 136.

⁴ Cart. Bourg, N 1.

тельном их чтении в глаза не может не броситься одно примечательное обстоятельство. Первые вольности, добытые горожанами, защищают горожанина-потребителя, горожанина-товаро-производителя, горожанина-продавца товаров, произведенных в его собственном хозяйстве, но нигде (или почти нигде) не защищают горожанина-купца — скупщика или тем более перекупщика *чужих* товаров. Такие не только не пользуются льготами, но нередко ставятся в положение столь же невыгодное, как и иногородние, «чужие» продавцы того или иного товара. Утвердившийся консулат с первых же шагов своей деятельности, как отмечалось выше, издает целый ряд распоряжений, запрещающих или строго ограничивающих перекупку товаров, спекуляцию ими¹. Как это объяснить? Разумеется, консулат заботился о продовольственном обеспечении города, и по возможно более низким ценам. Но едва ли этого ответа достаточно. Ведь купец, привозящий в город значительные количества продовольственных товаров, должен был немало содействовать такому обеспечению.

Во всяком случае ясно, что такое законодательство, защищающее продавцов товаров собственного производства и покупателей, не могло исходить от купцов. Более того, не подлежит сомнению, что такое законодательство не могло бы иметь места в городе, социальную основу которого составляло купечество. Эта политика, исходящая из законности интересов прежде всего потребителя, затем продавца своих собственных товаров (произведены ли они им самим или в принадлежащем ему хозяйстве) и вместе с тем настойчиво и последовательно отказывающая в защите интересов скупщика, перекупщика, перепродавца, реальность этой политики городской коммуны в XII веке служит убедительным опровержением построения А. Ширенна и историков его школы, согласно которому средневековые города возникли из колоний купцов-авантюристов, и главной силой в раннем городе было крупное кунечество². Напротив, как видим, транзитная, крупная, спекулятивная торговля, а точнее — посредническая торговля как самостоятельный промысел, как форма хозяйственной деятельности и средство наживы рассматривается городским законодательством с явным неодобрением. Нет, не из этого вырастал средневековый город. Мелкое самостоятельное производство, потребительские интересы, продажа собственных продуктов и изделий — эти черты гораздо вернее характеризуют его экономический облик.

Содержание коммунальных вольностей и постановлений ту-

¹ Ibid., N 1, 4, 6, 7.

² Ж. Эспинас утверждал, что средневековая Тулуза возвысилась в связи с крестовыми походами и благодаря торговле с Италией и что первые тулузские вольности защищали прежде всего интересы торговли. (G. Espinas. Histoire urbaine: directions de recherches et resultats. — ANES, 1933, p. 360).

лузского консулата в XII веке свидетельствует также о том, что в эту пору не купцы стояли у власти в этом городе и что тулузский правящий патрициат был не купеческого происхождения. По всей видимости, раннесредневековая предыстория Тулузы не оставила в наследство этому городу купеческого элемента. Купцы, привозившие в город какие-то товары, в значительной мере были, видимо, чужими, внегулузскими купцами. Но особенно существенным представляется вытекающий отсюда вывод, что те местные купцы, которые несомненно имелись, не говоря уж о более мелких перекупщиках и розничных торговцах (перепродавцах), были в Тулузе людьми пришлыми, выходцами из той же массы деревенских иммигрантов, которая стала вливаться в город лишь начиная с XI века. Это — один из элементов бюргерской массы горожан. Как будет показано ниже, некоторые тулузские патриции этого времени не были чужды торговым интересам, были, видимо, в этом патрициате и отдельные купеческие элементы. Но интересы эти пока что отнюдь не стали здесь главными, а указанные элементы — многочисленными. Только в 1202 году в списке консулов впервые появляется имя с определением «купец»¹.

Насколько иной экономической политики требовали интересы купечества, показала деятельность тулузского консулата начиная с 1202 года, когда новые, преимущественно торговые слои оттеснили от власти старый землевладельческо-ростовщический патрициат. Новые правители сразу же отменяют ограничения на вывоз из города зерна и вина². От графа комменжского они добиваются освобождения тулузцев (то есть тулузских купцов) от уплаты торговых пошлин (лейд) в Мюрэ³. А затем в течение четырех лет, а более всего в 1202 и 1203 гг., развертывают неслыханно энергичную военную и политическую деятельность коммуны: во главе городского войска вторгаются во владения феодальных сеньоров окружающего района, чьи поборы и притеснения особенно существенно обременяли тулузскую торговлю, и, добившись их капитуляции, в целом ряде мирных договоров зафиксировали неприкосновенность торговых интересов Тулузы в импортно-экспортном регионе города⁴. В те же годы (1204, 1205) тулузские консулы проводят проверку размеров торговых пошлин, взимаемых и на мытных самого тулузского графа, с тем чтобы вернуть их к прежнему уровню и не допустить их повышения⁵. Активно вмешивается консулат и в монетарную политику графа⁶.

¹ Cart. Bourg, N 24, 25, 29, 30, 35, 36, 38—42, 50, 56—60; Cart. Cité, N 84.

² Ibid., N 25.

³ Ibid., N 56.

⁴ Ibid., N 38, 39, 41, 42, 60, 40, 29, 59, 30, 65, 67, 58, 61, 62, 57, 64, 53, 63, 66, 68, 69, 70.

⁵ Ibid., N 26, 55.

⁶ Ibid., N 72.

Аналогичную картину можно наблюдать, когда после победоносного восстания горожан и успешной обороны города, вынужденней крестоносцев увести свои войска от его стен, тулузская коммуна возрождается с новой силой. Как свидетельствуют источники, во всех этих событиях и успехах решающую роль сыграли городские массы, однако возродившаяся коммунальная организация оказалась в основном в руках тех же преимущественно купеческо-промысловых элементов, которые возглавляли ее и в начале столетия. Опираясь на народную поддержку и подъем освободительного духа, новый консулат развернул активную деятельность, которая ознаменовала следующую, после 1202 — 1205 годов, наиболее яркую страницу в истории тулузской коммуны.

И, хотя законодательная активность этого консулата в значительной степени отвечала основным общекоммунальным интересам¹, за этой общностью нельзя не заметить специфически купеческой заинтересованности. В 1219 и 1222 гг., пользуясь силой воспрянувшей коммуны, острыми политическими и финансовыми затруднениями графской власти, растерянностью других крупных феодалов окружающего района, консулат добился для тулузцев и тулузских товаров (то есть в первую очередь для тулузских кулцов) фактически полного освобождения от каких бы то ни было поборов и пошлин в графствах Астара, Комменж, Фуа, во владениях сеньоров Лорака, Рабастен-са, Иль-Журдена и на всей территории Тулузского графства². Эти важные уступки были прямым продолжением и развитием блестящих успехов в подчинении феодалов округи и в обеспечении интересов тулузской торговли, которые были завоеваны консулатом в начале столетия. В 1222 году консулат снова вмешался в вопросы чеканки и ценности графской монеты³. А годом ранее консулатом было издано то самое постановление по делам тулузского сукноделия⁴, в котором впервые отмечено разделение тулузских шерстяников на зависимых, эксплуатируемых бедных ремесленников и эксплуататоров-суконщиков, раздатчиков сырья и работы, и которое немало способствовало дальнейшему подчинению ремесленной бедноты эксплуататорским интересам торгового капитала, проникавшего в сферу промышленного производства.

Эта специфически купеческая направленность политики тулузского консулата в этот период не могла не затронуть также и экономических интересов старой землевладельческо-патрицианской верхушки, отстраненной теперь от власти.

Интересы городской торговли требовали устранения любых

¹ Cart. Bourg, N 95, 94, 79, 97, 102, 81.

² Cart. Cité, N 76, 77; Cart. Bourg, N 76, 77, 78, 83, 84, 85, 86.

³ Cart. Bourg, N 82.

⁴ Ibid., N 90.

препятствий свободному рыночному обороту. К этому времени были отменены основные графские пошлины в городе и сброшены те сеньориальные поборы, которыми утесняли тулузскую торговлю феодалы округа. Между тем в самом городе сеньориальные пошлины с торговли собирали некоторые патрицианские династии, обладавшие правами собственности на территорию городских рынков, на рыночные лабазы и торговые ряды. Так обстояло дело, например, на одном из главных рынков Ситэ — на площади Монтайгон. Когда в 1205 году консулат при поддержке коммунального Общего совета муниципализировал эту площадь, объявив ее и все находящиеся на ней дома, крытые торговые ряды и постройки собственностью городской общины, это постановление чувствительно затронуло интересы нескольких знатнейших патрицианских династий Тулузы, а один из бывших совладельцев этого рынка — Журдан де Вильноу заявил, что не намерен отказываться от той пошлины, которую он собирал на этом рынке¹.

Это консульское постановление показало, насколько дальнейшая, наиболее полная реализация антисеньориальных тенденций городского развития и наиболее полное обеспечение свободы развития городского товарного хозяйства требовали создания известного фонда земельной собственности, принадлежащего городской общине. Средневековая городская община вырастала не только из определенных аграрных интересов и не сводилась к пастбищной альменде² — ее требовала свобода развития городского товарного производства и товарного обращения. Вместе с тем это постановление показало, что более последовательное осуществление этой свободы социальными слоями, полнее представлявшими эти интересы, требовало оттеснения от власти и определенного экономического ущемления старого, землевладельческого городского патрициата.

Учитывая всю реальность отмеченных противоречий внутри городской верхушки, не следует, однако, эти противоречия абсолютизировать. Отнюдь не во всем политика новых правителей города шла вразрез с интересами оттесненных кругов. Если, например, в 1205 году консулат пытался несколько ограничить хищничество ростовщиков³, то тремя годами позже он издает постановление, направленное на защиту их интересов⁴.

Едва ли можно вполне согласиться с Дж. Манди, определившим те социальные силы, которые захватили тулузский консу-

¹ Cart. Bourg, N 54.

² Что касается, так сказать, аграрной альменды, насколько о ней можно говорить в Тулузе, то и ей начало было положено в ту же эпоху постановлением консулата и Общего совета коммуны 9 августа 1219 года, объявившим коммунальной собственностью склоны валов и рвов между внешними и внутренними укреплениями Ситэ и Бурга и запретившим присвоение здесь отдельных участков в частное владение (Cart. Bourg, N 91).

³ Ibid., N 52.

⁴ Ibid., N 88.

лат в 1202 году, как новый патрициат. В составе консулатов последующих лет много дотоле совершенно неизвестных имен, среди которых нетрудно обнаружить купцов, промысловиков, разбогатевших ремесленников¹. Но у нас нет или почти совсем нет данных о земельных богатствах этих элементов. Если таковые и имелись, то скорее как исключение, чем как правило. Об этом свидетельствует и политика нового коммунального руководства. Как можно было видеть выше, она диктовалась более всего торговыми интересами, но отнюдь не землевладельческими. Очевидно, к власти новые слои привела не их патрицианская природа (каковой они еще не обладали), а их торгово-промысловая, частью — торгово-ремесленная сущность.

Социально-экономическое положение патрициата в средневековом городе предопределяло присвоение им политической власти, но сам по себе захват коммунальной власти еще не подразумевает непременно патрицианского статуса возобладавшего слоя. Более того, такая смена правящих сил едва ли могла бы иметь место при идентичности или близком сходстве их соответственных социально-экономических позиций: очевидно, в ней не было бы и потребности. Наоборот, принципиальное различие социально-экономических интересов этих различных слоев обуславливало необходимость такой смены. Новые, очень важные для дальнейшего развития города экономические импульсы несли с собою торгово-промысловые слои. Но они еще не были патрициатом.

Однако, насколько можно судить, дальнейшая эволюция совершалась в этом направлении. Пришедшая к власти торгово-промысловая верхушка постепенно сама обрастает земельною собственностью и некоторыми сеньориальными доходами. Об этом говорят и жалобы тулузских консулов арагонскому королю на то, что крестоносцы опустошают «*possessiones nostras*» в городской округе (1211 год)² и, позднее, их жалобы Альфонсу Пуатье (1265 год) на то, что его сенешал беспокоит их держателей, которые издавна держат от консулов земельные участки на склонах городских валов и рвов³, и отдельные сведения XIII века о присвоении торгово-ремесленной верхушкой некоторых сеньориальных источников дохода⁴. Но самое важное свидетельство последующей патрицианской эволюции купеческо-промысловой городской верхушки Тулузы следует видеть в постепенном возвращении к кормилу коммунальной власти старинных землевладельческо-патрицианских династий в сочетании с некоторыми закрепившимися здесь династиями нового патрициа-

¹ Ibid., N 24, 25, 29, 30, 35, 38—42, 50, 56—60, 43—49, 51, 61—70, 72, 88—89, 91, 92; Cart. Cité, N 84, 76, 77; HGL, VIII, col. 640—641.

² HGL, VIII, N 161.

³ Corr. Alphonse de Poitiers, t. II, N 2058.

⁴ Например, некий тулузский сукновал Видаль (*Vitalis parator*) был совладельцем какой-то торговой пошлины в городе.

та: к середине XIII века эта тенденция реализуется уже достаточно определенно¹.

Это, разумеется, не означает, что к этому времени ведущая роль торгово-промыслового развития была исчерпана. Известная землевладельческая эволюция торгово-ремесленной верхушки, несомненно, имела место, но одновременно происходил и противоположный процесс более глубокого втягивания старых землевладельческо-патрицианских родов, особенно отдельных их ответвлений, в купеческо-промысловую деятельность (см. Мукомольный промысел). Действовавшие в противоположных направлениях эти две тенденции, в равной мере присущие средневековому городскому развитию, и обуславливали столкновения и вели к взаимному сближению двух разнородных прослоек городской верхушки.

Это сближение очень рельефно запечатлено антицеховым ремесленным законодательством тулузского консулата в последней трети XIII и первой четверти XIV века. На политике решительного противодействия цеховой самостоятельности ремесленных организаций и подчинения бедных ремесленников эксплуататорским интересам скупщика и раздатчика сырья сходились интересы как землевладельческой, ростовщической, так и купеческой верхушки. Можно сказать, что во второй половине XIII века в Тулузе складывается единый землевладельческо-ростовщическо-купеческий патрициат, который, противу централизаторских усилий королевской администрации, стремился удержать свою власть в городе, опираясь на безраздельное господство в консулате и на полное подчинение массы ремесленного и плебейского населения Тулузы.

Но и обоснование этих выводов и самостоятельное значение этой стороны социальной структуры и социальной эволюции средневекового города требуют специального рассмотрения вопроса о тулузском патрициате.

¹ Cart. Bourg, N 101, 103.

ТУЛУЗСКИЙ ПАТРИЦИАТ XII — XIII ВЕКОВ

Пожалуй, ни в одном другом явлении противоречивость средневекового города не проявилась так ярко, как в патрициате. В самом деле, чем интенсивнее шло развитие данного города, чем успешнее была его коммунально-освободительная борьба, тем активнее складывался его травящий слой, чье могущество было так или иначе связано с землевладением. Можно без преувеличения сказать, что, не разрешив проблемы патрициата, невозможно понять противоречивости средневекового города.

Что же представлял собою этот своеобразный общественный слой? Фон-Клокке, автор одной из первых работ, специально посвященных истории патрициата, определяет его как «ведущий слой городской общины, которому принадлежало решающее руководство городским управлением»¹. Но чем обуславливалась эта «постоянно ведущая» функция патрициата? Социально-экономическое содержание явления остается нераскрытым. А именно в этом пункте начинаются наиболее существенные расхождения. Тогда как для А. Пиренна патриции—это прежде всего куп-

¹ F. von Klocke. Patriziat und Stadtadel im alten Soest. Lübeck. 1927, S. 7.

цы¹, для Ж. Лестокуа — это прежде всего землевладельцы². Поэтому и процесс складывания патрициата Пиренну рисовался прежде всего как обростание богатых купцов земельной собственностью, а Лестокуа — как втягивание землевладельцев, дворян в торговлю, то есть как результат противоположных процессов.

Нельзя не заметить, однако, что отмеченные выше противоположные процессы шли в одном и том же направлении. Итогом развития так или иначе было возникновение слоя, чье специфически городское богатство в большей или меньшей степени непременно было связано с землевладением³. Быть может, объяснения столь резкого несходства трактовок патрициата и его происхождения следует искать в особенностях самого городского развития в различных регионах средневековой Европы? Во всяком случае несомненно: для того чтобы приблизиться к раскрытию внутренней противоречивости патрициата, а затем и закономерностей его становления, нужно прежде всего рассмотреть его как конкретную историческую реальность.

По уже известным нам причинам тулузский патрициат представляет в этом отношении особый интерес для историка.

Задача будет состоять в том, чтобы выявить те экономические и социальные интересы, которые определяли общественную физиономию патрициата, как более или менее сложившегося слоя, и обусловили его командующую роль в городе. При этом мы менее всего хотели бы исходить из дефиниций. Чем был в действительности верхний, правящий слой тулузских горожан в XII—XIII вв., должен показать анализ фактов. В качестве отправной точки при отборе материала представляется наиболее целесообразным принять факт более или менее систематического участия в консулате или в свидетельствовании муниципальных актов — в числе лиц, обычно именуемых как *probi homines*. Разумеется, такое участие не может рассматриваться как исчерпывающий критерий принадлежности к патрициату. Но возможные отклонения и несовпадения будут в сущности теми исключениями, которые лишь полнее подтверждают правило.

¹ H. Pirenne. *Les villes et les institutions urbaines*. Paris-Bruxelles, 1939, t. I, p. 216: «... патриции, в подавляющем большинстве, ни что иное как разбогатевшие купцы».

² J. Lestocquoy. *Aux origines*, p. 46—48. См. С. М. Стам. Об одном реакционном течении в современной французской историографии средневекового города и о проблеме городского патрициата (СВ, вып. 25, стр. 299—310).

³ Представляет несомненный интерес попытка Э. Энгельмани рассматривать патрициат, независимо от разнородности элементов, участвовавших в его образовании, и от сословных и юридических подразделений в нем, как цельный общественный слой, единый общностью своей социально-экономической позиции в жизни средневекового города. (См. E. Engelmann. *Zur städtlichen Volksbewegung in Südfrankreich*. Berlin, 1959, S. 68, 78).

У нас менее всего оснований ожидать однозначных ответов на вопросы, обращенные к источникам. Не забудем, что перед нами ранний патрициат, определяющие его природу формы экономического и социального существования только отпочковываются от предшествующих явлений, только начинают приобретать устойчивость, они еще очень диффузны, легко переливаются из одной в другую, постоянно соседствуют, а порою и сливаются с подобными, но иными по своей исторической направленности, формами экономического и социального бытия. Выявить закономерную определенность среди пестрой массы экономической многозначности — такова задача предпринимаемой попытки.

Трудности, сопряженные с поставленной задачей, многократно усугубляются скудостью источников и, что еще важнее, — их преобладающей землевладельческой ориентированностью. Новые отношения, отношения собственности, основанной на труде и обмене, отражены в них менее всего и, очевидно, далеко не адекватно действительности. Лишь с большим трудом удается разглядеть их за толщей землевладельческих отношений. Несомненно, их реальная общественная весомость была гораздо значительнее.

Первое, что бросается в глаза, когда мы пытаемся определить важнейшие источники существования правящей и богатейшей верхушки Тулузы в рассматриваемую эпоху, — это ее земельные владения в городе.

Около 1115 года представитель одного из знатнейших городских родов Тузет де Тулуза подарил Ордену госпитальеров церковь св. Ремития в Ситэ с примыкающей усадьбой, еще одну усадьбу по соседству, которую от него в качестве феода держал Ат Аземар с сыновьями, а также половину находившегося поблизости странноприимного дома¹. Позднее, около 1135 года, он расширил это дарение, прибавив к нему большой смежный участок, расположенный между двумя улицами, которым он сам, вместе с дочерьми и зятьями, владел в качестве феода². Около 1130 г. тот же Тузет де Тулуза подарил Ордену тамплиеров там же, в южной части Ситэ, обширное владение между двумя улицами, где в дальнейшем был выстроен храм ордена³. Роду де Тулуза принадлежал большой участок берега Гаронны, примыкавший к владениям графа тулузского (у Нарбоннского замка)⁴. Во втором десятилетии XIII в. другой Тузет из той же фамилии (это имя часто повторялось в роду де Тулуза) уступил здесь монастырю Дорад место для постройки плотины⁵. В 1246 г. Мансип де Тулуза вместе с братом Пейре и знатными горожанами

¹ Ordre de Malte. — P. J., N 3.

² Ibid., N 21.

³ Carl. Ordre Temple, N 20.

⁴ G. Mot. — P. J., N 1.

⁵ HGL, VIII, N 100.

Бернаром де Турре и Рамуном Баррау, отдали в лен Ордену госпитальеров ту прибрежную полосу Гаронны, около ворот Дальбад, где обычно купались жители¹.

Отдельные богатейшие семьи тулузцев владели столь значительными земельными комплексами в городе, что некоторые улицы и площади Ситэ носили их имена: *planum Roaiscensium* (Руайс)², *carraria Poncii Bertrandi*, *carraria domini Guillelmi Unaldi*³. В квартале Дальбад (в Ситэ) имя де Тулуза носили целых две улицы⁴. В Бурге обширный квартал (партида) и прилегающие к нему ворота в стене по имени одного из главных владельцев назывались Арнаут-Бернар⁵.

Не всегда масштабы городского землевладения знатных тулузцев были столь же велики, но почти всегда у представителей этого слоя оказывается несколько домов, усадеб, дворов, садов, виноградников и иных владений в городе, нередко — башни, а иногда — дворцы и даже замки.

Для постройки ратуши (*domus comunis*) консулат Тулузы в первые годы XIII века на стыке между Ситэ и Бургом скупал земельные участки, принадлежавшие различным лицам. Соответствующие консульские документы содержат любопытные данные об этой земельной собственности. В 1202 г. Барнар Караборда продал консулату башню, дома и земельное владение (*hopog*) с относящимися к нему постройками в Ситэ⁶. Все эти объекты составляли единый комплекс и находились в аллодиальной собственности продающего лица. Кроме того, тот же Караборда продал коммуне усадьбу (*casaletum*) в Ситэ и манс (*curiam*) в Бурге. Этими двумя объектами он владел как феодалом от третьих лиц⁷. Любопытно, что сам продавец в это время был консулом.

Тогда же консулат скупил смежные с владениями Караборды дома и усадьбы, которые (как аллоды) принадлежали Рамуну-Гильему Атадилно и его жене Аламане⁸. В 1203 году кон-

¹ G. Sicard, p. 58; A. Du Bourg, *Histoire du Grand-Prieuré de Toulouse*. P.—T., 1883, p. 40.

² Cart. Bourg, N 19 (1180), EGR, p. 57. Владения Руайсов концентрировались вокруг площади, которая и теперь носит их имя. (См. Ph. Wolff. *Histoire de Toulouse*. T., 1957, p. 72).

³ J. Chalande. *Histoire des rues de Toulouse*. — MAST, 1913, p. 222.

⁴ Ibid., 1914, p. 189. Ж. Шаланд весьма основательно полагает, что названия «*carraria Tholosanorum* (Tholosenchis)» и «*carraria Tolosana*», существовавшие здесь до Французской революции, означали не «Тулузская улица» или «Улица тулузцев» — «*Rue des toulousains*», как писалось по-французски и что явно лишено смысла, а «улица рода де Тулуза», который именно в этой части Ситэ владел большой территорией. Еще в XVI веке здесь встречалось написание: «*Rue de Tolosa*». См. там же.

⁵ Cart. S.-Sernin, N 188, 567. Archives dépt. H.-Garonne. Répertoire S.-Sernin, t. II, fol. 55 r.

⁶ Cart. Bourg, N 35.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid., N 36. В 1225/26 году R. G. Atadilis был консулом. Ibid., N 96, 97.

сулат Ситэ купил у Бертраиа из влиятельнейшего консульского рода Руайсов земельный участок рядом с главной улицей города. Владение это, видимо, обладало немалой ценностью, если продавец, как аллодиальный собственник, гарантирует совершенную сделку на внушительную сумму в 120 тулузских су¹. Целым рядом домов и усадеб в Ситэ владели Рамун Рутбер и Гильем де Пузан², между 1180 и 1240 гг. многократно заседавшие в городском капитуле³, а также известный богач и ростовщик Бертран Дави⁴. Эти дома и усадьбы они отдавали в держание как феодалы.

Сеньором нескольких домов и усадеб в Ситэ и Бурге был Рамун Гаутейре⁵, владевший также значительным участком берега Гаронны⁶. Между 1183 и 1197 годами он четыре раза заседал в консульате⁷. Другой знатный городской земле- и домовладелец Рамун Дюран⁸ в 1148 году выступал в числе ранних представителей коммуны, а в 1198/99 году был консулом⁹.

Держатели домов и самые их держания неоднородны. Так, владение монетчика Пейре Бертраиа—это полная усадьба: она тянется от одной улицы до другой и ее годовой чинш сеньору (Бертрану Дави) 12 денье¹⁰ — наиболее обычный в Тулузе чинш «полнонадельного» держания. Очевидно, подобную, если не большую, полную усадьбу даже с несколькими домами, держала от того же Бертраиа Дави за такой же чинш вдова Понса Трунна с сыновьями¹¹. Другое дело—владение, которое продает консулату Ситэ Саисса вдова Жуана де Гальс с сыном¹²: не «omnes illas domos cum omnibus hedificiis et bastimentis» и не honorem etc¹³, но лишь «domum... cum loco in quo est». Из текста выясняется, что этот «феод» не простирается от одной улицы до другой, но лишь от улицы до другого владения, а главное — чинш этого «феода» составляет всего 1 денье¹⁴. Аналогичную картину представляло соседнее держание Эрмессенды и ее сына Бернара Гильема, также зависимое от Рамуна Рутбера и Гильема де Пузана: такое же описание содержания владения, выход его к улице даже не упомянут, и тот же годовой чинш в 1 денарий¹⁵. По всей

¹ Ibid., N 51.

² Ibid., N 45, 47, 49.

³ Ibid., N 6, 9, 18, 32; 43—49, 51, 61—70, 101; HGL, VIII, N 235.

⁴ Ibid., N 48, 50.

⁵ Ibid., N 31—32.

⁶ Ibid., N 21.

⁷ Ibid., N 10, 12, 15—17, 20, 21, 71

⁸ Ibid., N 44, 46, 49.

⁹ Ibid., N 28, 22.

¹⁰ Cart. Bourg, N 50.

¹¹ Ibid., N 48.

¹² Ibid., N 45.

¹³ Ibid., N 48, 50.

¹⁴ Ibid., N 45.

¹⁵ Ibid., N 47.

видимости, в обоих случаях это только хижины с двориками, держания городской бедноты, а 12-кратная разница в чинше, очевидно, более или менее точно отражает реальную разницу между этими типами «феодов».

Едва ли можно сомневаться в аграрном происхождении этих городских *honoros*. Видимо, более крупные из них (от одной улицы до другой) первоначально были усадьбами аллодиального типа в стенах города. Как можно было видеть выше, и к началу XIII века многие владения сохраняли некоторые остаточные черты своего происхождения: дома сочетались здесь с усадьбами и службами. Мелкие усадьбы (*casales, casaleti, curie*) и просто «дом с тем местом, на котором он стоит» — образовались, видимо, из дробления более крупных земельных владений. Бурный экономический подъем Тулузы в XI и XII веках, превративший ее в большой торгово-ремесленный центр, и связанный с этим широкий приток населения должны были вести к дроблению многих усадеб и мелких поместий, к застройке их лавками, мастерскими (*operitoria*) и, более всего, домами, хижинами ремесленников — владение землею в городе все более превращалось во владение домами.

Дома отдавались в феодальное держание «а *feu*»¹ за денежный чинш (*oblis*) от 1 до 15, 18 денье² «*cum omnibus pertinentibus dominationibus*»³, то есть с соответствующими сеньориальными правами для собственника и повинностями для феодалария, как это практиковалось на земельных владениях. Но содержание этих *dominationes* в отношении домовых владений раскрывается в наших документах только один раз при покупке консулатом Бурга дома с двором у Мартина Фюстейра и его жены в 1194 г.⁴ Верховный собственник (*dominus*) этого владения Рамун Гаутейре, передавая проданный феод консулам, перечисляет все *dominationes*, относящиеся к трем денье годового чинша. Это пошлина за возобновление держания — 6 денье, штраф в случае провинности феодалария 4 денье, пошлина в случае продажи феода держателем (*venditiones*) — 1 денье с каждого су продажной цены или залога (*impignorationes*) — 1 обол с каждого су залоговой суммы.

Почему в других сделках содержание *dominationes* не раскрывается? Не потому ли, что в условиях интенсивного торгово-ремесленного развития владение землею в городе все более превращалось во владение домами, земельные участки при домах неизбежно сокращались и их роль в составе держания снижалась? При этом снижалась роль особых сеньориальных прав, выросших на почве владения и пользования землею, и держа-

¹ Cart. S.-Sernin, N 72; Cart. Bourg, N 43.

² Ibid., N 129, 72.

³ Cart. Bourg, N 35, 50, 43, 45, 47, 48, 49.

⁴ Ibid., N 32.

ние дома, хижины, части дома, лавки, мастерской, не утрачивая полностью своих феодальных черт, все больше превращалось в договор съема, аренды, где доход собственника ограничивался в основном небольшим годовым денежным чиншем.

В первой половине XIII в. в Тулузе появляются обладатели целых жилых комплексов, кварталов, где дома и хижины сдаются в наем мелкому люду. Интересные в этом отношении данные содержит сделанное в 1243 г. завещание Видаль Гаутейра, выходящая из богатого и знатного консульского рода¹. Совершая акт благотворительности, он отказал неимущим студентам Тулузского университета 5 домов с примыкающим участком и со всеми постройками. Кроме того, на строительство и содержание других домов для неимущих студентов он подарил доход от принадлежащих ему 18 домов, каковые сдаются в наем — *meas XVIII domos conducticias*. Согласно имеющемуся в грамоте описанию, первые 5 домов находились на территории главной усадьбы дарителя в Тулузе, рядом с его кухней и амбаром. Вторая же группа, состоявшая из 18 домов, была расположена вокруг его главного дома — *domum meam majorem*, где проживал он сам. Если здесь перечислены все дома, принадлежавшие дарителю, то Видаль Гаутейре владел в Тулузе 24 домами. Правда, среди них были и совсем небольшие: пять домов предназначалось для проживания 20 студентов. Но эти дома и не входили в число тех, что сдавались в наем, а судя по их расположению (рядом с кухней и амбарами), были, видимо, мелкими постройками на заднем дворе обширной усадьбы. Может быть, до тех пор там жила челядь, теперь их жаловали несостоятельным студентам. Дома, предназначенные для сдачи в наем, были существенно иными. Доходов от них должно было хватить на строительство и содержание домов (правда, не сказано, какого числа) для нуждающихся студентов; при этом оговорено, что, если эти доходы будут превышать расходы, излишек пусть идет на воспомоществование несостоятельным студентам. Любопытно отметить, что в завещании совсем не фигурируют земельные участки без домов и земельные владения вне города. Представитель знатного тулузского рода, владевшего в породе значительными землями, большим участком берега Гаронны, на котором они даже пытались осуществлять береговое право², Видаль Гаутейре, очевидно, считал наиболее выгодным обратить практически все свои земли под застройки, и главные доходы извлекал теперь из арендной эксплуатации жилых домов.

Силою экономических условий владение землей в городе все более превращалось во владение домами, а городской землевладелец — в домовладельца. В сущности личные, по именам круп-

¹ HGL, VIII, N 360.

² Cart. Bourg, N 21.

нейших собственников, названия улиц, площадей, целых кварталов с течением времени стали обозначать не столько владельцев земли, сколько владельцев домов. Источник второй половины XIII века, описывая владения рода Баррау, отмечает, что им принадлежало «много домов на улице посподина Арнаута Баррау, и вся эта улица, по обе стороны, платила ему чинш»¹.

Полусеньориальная — полуарендная эксплуатация домов стала в Тулузе XIII века важнейшей формой реализации городской земельной собственности.

Однако наряду с коммерческим домовладением в общей массе доходов городского патрициата важное место сохраняли доходы от земельных участков сельскохозяйственного назначения — виноградников, садов, огородов, мелких пахотных и луговых угодий — непосредственно под городом и в пределах его стен. Здесь особенно ошутимо проявилась полуфеодалная природа патрициата и его эксплуататорская позиция в отношении мелкого городского люда.

В 1130 г. Рамун-Пейре (Селизнаррант с детьми и Бернар Мартин с женою дарят Сен-Серненскому аббатству 9,5 денье чинша, каковые поступают ежегодно в праздник юв. Фомы с десяти мелких держаний: за виноградники (семь держаний), луг около Гаронны (одно), два арпаша пашни (одно держание) и одно держание неизвестного хозяйственного вида². Размер годового чинша в данном комплексе колеблется от одного обола до двух денье. Вышнюю ставку платит всего один держатель, шесть держателей платят по одному денье и трое — по одному оболу. Этот наименьший чинш платят: один держатель за луг, один — за два арпаша пашни и лишь один держатель (из семи) — за виноградник. Малые размеры держаний и чиншей не оставляют сомнения в том, что в данном случае *fevaterii* в основном мелкий городской люд, вынужденный брать в держание у городских землевладельцев мелкие участки виноградников, луга — для прокормления скотины, и даже небольшие участки пашни — для обеспечения своего продовольственного баланса. Допустимое наличие среди этих мелких держателей отдельных более зажиточных элементов, имевших владения также и в других местах, едва ли может поколебать этот общий вывод.

Это становится особенно ясным при сопоставлении с данными двух других грамот, относящихся тоже к 30-м годам XII века, по которым некто Санс Пурсель возвращает Сен-Серненской церкви незаконно захваченные у нее доходы с ряда феодалов — держаний в городе и тут же за его стенами³. Здесь перед нами держания совсем другого масштаба. Общая сумма ежегодных

¹ Bibliothèque Municipale de Toulouse, ms. lat. 490, fol. 113 r.

² Cart. S.-Sernin, N 128. Род Мартин в XIII в. дал двух консулов и нотарию (См. Cart. Bourg, N 73; HGL, VIII, N 235).

³ Ibid., N 72, 129.

чиншей с 6 держаний (по которым эти суммы указаны) составляет 7 су 3 денье: одно, видимо — большое, держание, принадлежащее нескольким лицам, дает 3 су, одно — 18 денье, два — по 12 денье, одно — 5 денье и лишь с одного держания взимается меньше 5 денье. При этом с каждого владения причитается 3,5 и даже 10 су платы за возобновление держания (*reCAPITUM*). (Недаром «добровольный отказ» С. Пурселя от этого поног обошелся аббатству в 60 су!). Но если даже сопоставить только годовой чинш, то и тогда окажется, что у мелких (или лучше сказать — мельчайших) держателей (грамота № 128) он равнялся в среднем 1 денье, тогда как у феодалов более крупных (грамоты № 72 и 129) он равен почти 15 денье, то есть в 15 раз выше. Это — владения принципиально иного типа, хотя их чинш также называется *servicium*. Об этом говорит и размер держаний (2 арпана, 4,5 арпана виноградников) и состав держателей грамоты № 72, 129 — людей состоятельных: здесь и совладелец башни Жераут Гарба¹ и Пейре Видаль, один из первых представителей тулузской коммуны (1141 г.)², и владелец церковных десятин и ипотечных закладных Пейре Караборда — также ранний предшественник консулов (1148 г.)³.

Едва ли можно сомневаться, что эти держания, по крайней мере большая их часть, обрабатывались с помощью чужого труда. Это были в сущности владения субфеодального типа. В предыдущей же грамоте представлены мелкие держания, очевидно обрабатывавшиеся собственным трудом держателей — главным образом бедного городского люда. Такие мельчайшие держания должны были брать у богатых горожан-землевладельцев в первую очередь те пришлое полуремесленные — полужемледельческие элементы, которые постоянно притекали в Тулузу на протяжении XII—XIII веков.

Но земельные владения знатных родов Тулузы не ограничивались пределами города. Они довольно широко проникли и в городскую округу. Около 1130 г., обещая Ордену тамплиеров держание *post obitum*, ценностью в 100 су, Кюрв де Турре гарантирует его своею «фермой» (*bovaria*) в Пувурвиле (5 км к югу от Тулузы)⁴. Гораздо менее богатый Понс Видаль, известный тулузский нотариус 40-х годов XII века⁵, свое дарение в 20 су гарантирует молодыми виноградниками (*malleola*) непо-

¹ Cart. S.-Sernin, N 64, 95, 98.

² Cart. Bourg, N 1.

³ Cart. S.-Sernin, N 72, 113; Cart. Bourg, N 28.

⁴ Cart. Ordre Temple, N 20. Кюрв де Турре уже в 1147 г. был в числе представителей тулузской коммуны, а на протяжении столетия, вплоть до 1247 г., в консульате заседали еще восемь лиц из этого знатного рода. (См. Cart. Bourg, N 10, 16, 20, 21, 52—55, 72, 90, 93, 96, 97, 101, 103; HGL, VIII, col. 369).

⁵ Cart. Bourg, N 1, 2, 28. Из этой фамилии вышли два нотариуса и пять консулов.

средственно под городом¹. В 1164 г. Ратейре «уступил и продал» Сен-Серненскому аббатству владения, видимо, значительные — «honorem cultum et hereditum», но разбросанные (ubi-cumque est) за рекою Эр, близ Монт-Мазальжер (Сен-Капрэ, округ Тулузы), которые принадлежали ему в качестве аллода². Во второй половине XII века землями в тулузской округе владели такие знатные городские роды, как де Тулуза, де Кастельноу, Пилистуры, Дескалькенсы, де Сент-Ибарсы³, Гиладель⁴, Маураны⁵, Руайсы⁶, де Монте⁷. Владения, как правило, сосредотачивались в радиусе 15 км от Тулузы.

Источники, как обычно в эту эпоху, почти не дают сведений о размерах земельных владений, вовлекаемых в ту или иную сделку, особенно если речь идет о владениях более крупных. И все-таки, обращаясь к внегородским земельным владениям богатых тулузцев, нельзя не заметить их существенной неоднородности. Порою перед нами, несомненно, значительные земельные комплексы. Таковы, например, владения знатнейшего тулузского рода де Кастельноу. Во второй половине XII века в районе Сен-Совер (около 15 км к северу от Тулузы) им принадлежали пашни, леса и пустоши на обширном пространстве в междуречьи Эра и Жиру⁸. Земли эти составляли их аллодиальную собственность и находились в ленном владении от них у таких, например, феодатариев, как Гильем-Пейре из знатного рода де Клаустре⁹.

Феодальная природа таких владений выражена вполне определенно. В первой половине XII века обширные владения в местечке Кастельжизнес (около 10 км к северу от Тулузы) и в его округе принадлежали известному тулузскому землевладельцу Рамуну Баптизату¹⁰. В 1162 г. его сын Эрменгаут продал Сен-Серненскому аббатству в этом районе «земли обработанные и необработанные, луга, пастбища, сады, виноградники, воды, леса, пустоши», натуральные оброки (tascas) и десятины, а также «всех мужчин и женщин», каковыми он там владел¹¹.

Аналогичные отношения сеньориальной эксплуатации имели место на подгородных владениях Пейре де Тулуза, который в 1130 году инфеодировал госпиталю св. Рамуна четыре соседние усадьбы (casales) с держателями на территории сальветата Ма-

¹ Cart. Ordre Temple, N 20.

² Cart. S.-Sernin, N 115.

³ J. M u n d y. Liberty, p. 282, n. 56.

⁴ Cart. S.-Sernin, N 354.

⁵ Ibid., N 688.

⁶ Ibid., N 7, 117; Ibid., Ap. N 49—51.

⁷ Ibid., N 104.

⁸ Cart. S.-Sernin, N 604, 606, 599.

⁹ Ibid., N 604, 599.

¹⁰ Бернар-Рамун Баптизат в 1141 г. фигурирует в числе доконсулатских представителей коммуны Тулузы. Cart. Bourg, N 1.

¹¹ Cart. S.-Sernin, N 62, 330.

тапезюль¹. В 1150 г. братья де Руайс разделили между собою имение со всевозможными угодьями и людьми в Ровер и в Пешбоннё (10 км севернее Тулузы), которым они владели в качестве феода от кафедрального собора святого Стефана в Ситэ. Часть владения и сидящих на нем держателей при этом были инфеодированы далее матерью братьев де Руайс ее зятю².

Не всегда внегородское землевладение знатных тулузцев предстает в столь внушительных масштабах. Нередко оно выглядит гораздо скромнее, складывается из нескольких, сравнительно небольших, участков, разбросанных в непосредственной близости от города. Но и тогда, как правило, это — владения нетрудового, более или менее поместного типа. Вот в 1139 г. уже известный нам Бернар Мартин³ с женою продает пол-арпана виноградника в Кардала за 7,5 тулузских су и, вместе с родственниками, еще один арпан виноградника в Монт-Мазальжер за 10 су, а также продает 1 обол чинша и все господские доходы, которые причитались им с виноградника в Мазельс. Перед нами аллодиальные владения небольшими виноградниками, разбросанными в ближайшей городской округе, но для своей обработки, очевидно, требующими труда держателей, о чем говорит и обладание совсем небольшими, но, несомненно, сеньориальными доходами.

В 1211 г. в письме к арагонскому королю Педро II консулы Тулузы сообщают, что крестоносцы разграбляют, разрушают и сжигают виноградники, сады и нивы и «нашли имущества» — *possessions nostras*⁴. Очевидно, в эту пору владение загородными фермами и мансами в городской округе для верхнего слоя тулузских горожан стало явлением обычным⁵. Несомненно, в этом слое имелись и такие элементы, чьи внегородские земельные владения уходили своими корнями не только в XII столетие, а, видимо, и глубже. Но если иметь в виду не отдельные элементы, а складывание патрициата в целом, то, насколько можно судить, эти внегородские владения — не исходный пункт, а итог интересующего нас процесса⁶.

Около середины XII века можно наблюдать, как некоторые богатые тулузцы бросаются в широкие операции, беря в залог, скупая, инфеодируя и перепродавая земельные владения. Яркий тому пример — деятельность Гильема Рамуна. Феодал со всеми угодьями, держателями и сеньориальными повинностями, при-

¹ Ibid., N 563.

² Conf. paléographie, N 5.

³ Cart. S.-Sernin, N 108. См. также N 17, 446, 497.

⁴ HGL, VIII, N 161.

⁵ См., например, Cart. S.-Sernin, N 122, 355, 356, 358, 359, 537, 564, 604—606, 668; Documents de Languedoc, t. II, p. 22; Catalogue des actes des comtes de Toulouse (HGL, VIII, N 408).

⁶ Подробнее см. ниже: Происхождение тулузского патрициата.

обретенный им в Кастьелжинес и Вилаиго в 1142 г.¹, он продал уже в декабре 1144 года². А в январе следующего, 1145 года, тем же покупателям он продал феодал от другого сеньора — манс с семейством держателей³. В марте 1145 г. вместе с Сен-Серненским аббатством (2/3) Гильем Рамун (1/3) купил у Бернара Сентюлла⁴ и еще нескольких владельцев-аллодистов землю в Камп-Радюльфе⁵. Ряд смежных владений мелких аллодистов в районе la Nauza, примыкавших к его собственным владениям, Гильем Рамун скупил (за 5, 6 и 10 тулузских су) еще в 1143 году⁶. Это были тоже совместные приобретения: половина принадлежала Гильему Рамуну, а половина — Сен-Серненскому аббатству и двум светским лицам — Бернару-Рамуну Малету (представитель коммуны в 1141 году)⁷ и Арнауту Пейре (коммунальный судья 1152 года)⁸.

Оборотистая деятельность этих двух тулузцев заслуживает того, чтобы на ней остановиться подробнее. Обладая уже какими-то землями в районе Кастьелжинес⁹, они различными способами, действуя, как правило, вместе с Сен-Серненом, расширяли здесь свои владения. У знатного тулузского патриция, одного из ранних членов городского капитула, Арнаута Гиладель¹⁰, они одно владение купили (в 1143 г.)¹¹, а другое взяли в лен (в 1145 г.)¹², — владения, очевидно, мелкие, так как первое было приобретено за 3 су, а со второго причиталось годового чинша 1 денье и столько же — за возобновление держания. В 1145 г. они вместе с Сен-Серненом взяли в феодал за ничтожный чинш (фактически, очевидно, купили) у деревенского сеньора Марфана де Вальсегюр и его брата участок нови близ Кастьелжинес¹³. В la Nauza они отдавали за натуральные оброки (*tascalem*) небольшое держание, которое в 1146 году выкупили у своей держательницы за 18 денье¹⁴. В 1146 г. они выкупили у феодалария Сен-Сернена в Каузаг (около 12 км юго-западнее Тулузы) его держание за 3,5 су¹⁵. В 1147 г. купили небольшой участок — «*medietas eiusdem terre, et quarta pars medietatis alterius*

¹ Cart. S.-Sernin, N 307.

² Ibid., N 303.

³ Ibid., N 304.

⁴ Сентюллы владели земельными участками в Тулузе (Cart. Bourg, N 35). Рамун Сентюлл был консулом в 1202/03 году. (Cart. Bourg, N 24, 25, 29, 30, 38—42, 50, 56—60; Cart. Cité, N 84).

⁵ Cart. S.-Sernin, N 122.

⁶ Ibid., N 308, 309, 353.

⁷ Cart. Bourg, N 1.

⁸ Ibid., N 4, 5.

⁹ Cart. S.-Sernin, N 356.

¹⁰ Cart. Bourg, N 1.

¹¹ Cart. S.-Sernin, N 354.

¹² Ibid., N 356.

¹³ Cart. S.-Sernin, N 355.

¹⁴ Ibid., N 358.

¹⁵ Ibid., N 366.

terre», — уплатив при этом 18 денье держателю и 20 денье сеньору¹. Тогда же они купили у некоего каноника какие-то источники доходов, доставшиеся ему по наследству², и вместе с аббатством, приобрели на территории того же Каузаг какие-то источники доходов, принадлежавшие трем владельцам, за 112 денье, 15 денье и 2 су³. У их же держательницы Дозы они взяли в залог за 4 су и 2 денье луг, с которого она платила им 3 денье чинша, и полевой участок, с которого платила натуральный оброк и десятину⁴. В 1147 году Бернар-Рамун Малет купил держательский участок за 16,5 денье с обязательством уплаты 3 обовов ежегодного чинша и 1 денье за возобновление феода⁵.

Эта сжато прослеженная нить актов середины XII века, столь цельно сохранившаяся благодаря ее связи со всею тканью землевладения Сен-Серненского аббатства, позволяет не только осязательно представить ту настойчивость, алчность, с которой некоторые знатные тулузцы приобретали земли и доходы в городской округе, но и убедиться в том, как невелики были те крупницы, из которых строилось внегородское землевладение патрициев, приобретавших земли с помощью денег.

Каковы были формы эксплуатации этих владений? Имеющиеся данные не позволяют отметить нечто принципиально новое в аграрных отношениях, складывавшихся на землях, принадлежавших горожанам. Денежные чинши (*oblies*) фигурируют среди повинностей держателей, но они, как правило, невелики и сочетаются с продуктовым оброком (*tasca*). По всей видимости, и здесь эта форма оставалась главным каналом присвоения прибавочного труда непосредственного производителя⁶.

Иное дело — на городских землях. Здесь денежный чинш господствует безраздельно⁷. На подгородных он абсолютно преобладает⁸. Этот факт сам по себе достаточно многозначителен. Но сверх этого источники не содержат данных, которые позволили бы говорить о новых формах отношений между землевладельцем и производителем на патрицианских землях. Более того, мы имеем прямые свидетельства того, что, приобретая земли у деревенских дворян, знатный горожанин перенимал в свою пользу и все взимавшиеся ими феодальные повинности. Так, в 1179 г. Пейре Мауран уступил Сен-Серненскому аббатству все те сеньориальные доходы, какие прежде в своих владениях в

¹ Ibid., N 363.

² Ibid., N 360.

³ Ibid., N 359, 361.

⁴ Ibid., N 364.

⁵ Ibid., N 365.

⁶ Cart. S.-Sernin, N 62, 150, 330, 358, 363, 599.

⁷ Cart. Bourg, N 32, 35, 45, 47—50; Cart. S.-Sernin, N 8, 9, 20, 76, 93, 94, 100—102, 123, 128, 189.

⁸ Cart. S.-Sernin, N 11, 13, 17, 92, 121, 147, 192.

Кастильоне и в Кагельжинесе получал Марфан де Вальсегюр¹, у которого Пейре Мауран купил эти владения.

С этим связано и сохранение в ряде случаев на землях, принадлежащих патрициям, сервилльных отношений. Продажа, инфеодация, обмен сервов не были редкостью. Между 1117 и 1140 годами Монтарсин Дескалькенс и его брат Бастар² за 5 су продали Сен-Серненскому аббатству некоего Бернара Видиана со всем его потомством, последующим и настоящим³. Уже известный нам Гильем Рамун⁴ в 1142 г. взял в лен у некоего Бертра-на де Кавальдос и его жены (очевидно, деревенских помещи-ков) Понса Фабра и его жену Сюзанну, их потомство, настоя-щее и будущее, и будущее потомство их детей, а также их держание и все их имущество⁵. В 1150 году при разделе между чле-нами фамилии Руайсов их владений в Пешбонньё (9 км к северу от Тулузы) упоминаются сервы — мужчины и женщины⁶.

Феодално-эксплуататорское содержание патрицианского землевладения обуславливало и феодалную форму тех право-отношений и связей, в которые оно вступало с миром поместно-го дворянства. Приобретая у деревенского помещика землю в качестве феода, городской патриций обычно получал ее на таких же условиях, что и другие феодатари: за ежегодный денежный чинш (обычно невысокий), плату за допуск и за возобновление держания (*ascapitum*, *reascapitum*) и т. д. Порою, особенно на подгородных землях, можно встретить привилегированные вла-дения горожан, свободные от годового чинша и обязанные толь-ко платой за возобновление феода⁷. Здесь ленное владение, ин-феодация которого и так уже фактически превратилась в деко-рум продажи, заметно утрачивает некоторые существенные свои качества и ощутимо приближается к грани отрыва от сеньора и превращения в полную частную собственность феоdatария-горо-жанина.

Но эта тенденция реализуется пока лишь частично, на соб-ственно деревенских землях она еще проявляется мало. Суще-ственное здесь то, что, хотя прямая покупка земли у деревенских помещиков имеет место, преобладает инфеодация, и горожа-нин так или иначе превращается в феоdatария светского сеньо-ра или могущественной церковной корпорации. Многие знатные тулузцы, особенно из Ситэ, держали феоды от кафедрального

¹ Cart. S.-Sernin, N 688.

² Бастар Дескалькенс — один из ранних представителей тулузской ком-муны (Cart. Bourg, N I, 1141 г.). Начиная с этой даты и до 1247 года, пред-ставители этого рода заседали в консульате не менее 17 раз. (Cart. Bourg, N 9, 10, 16—22, 27, 31, 32, 74—87, 96, 97, 99, 101; HGL, VIII, col. 369, 709).

³ Cart. S.-Sernin, N 538.

⁴ Впоследствии — консул. Cart. Bourg, N 19.

⁵ Cart. S.-Sernin, N 331. См. также акты обмена сервов Рамуном Гарсиа и Понсом де Тулуза в 40—70-х гг. XII века. — Cart. S.-Sernin, N 264, 689.

⁶ Conf. paléographie, N 5.

⁷ Cart. S.-Sernin, N 72, 129, 347; Cart. Bourg, N 31.

собора Сент-Этьена¹ и даже от ошского архиепископа². Такого рода ленные связи, хотя они и не обладали всею полнотою отношений, присущих феодальной иерархии, не проходили бесследно для вступающих в них городских землевладельческих элементов. Имена патрициев, державших феодалы от Сен-Сернена (а таких было много, особенно в Бурге), мы то и дело встречаем среди свидетелей важных имущественных сделок аббатства, в числе третейских судей при разборе тяжб и споров со светскими землевладельцами, в составе и руководстве созданного монастырем братства; порою вместе с аббатством или светскими сеньорами они приобретали земли и владели ими³.

Обладание земельными владениями мелкопоместного типа (как ленными, так и аллодиальными) не могло не порождать в патрициате феодально-эксплуататорских интересов и известной тенденции к сближению с собственно феодальными кругами. Патриции перенимали некоторые феодальные формы обеспечения своей собственности и доходов, нормы социального поведения. В этом отношении история тулузского патрициата содержит целый ряд весьма колоритных моментов.

Известно, что северные крестоносцы, подступив к Тулузе, были поражены множеством башен в этом городе⁴. Весьма вероятно, что часть этих башен принадлежала городским дворянам. Но среди их владельцев мы видим ряд могущественных землевладельческо-ростовщическо-купеческих фамилий. Видаль Баррау, консул 1181/82 года⁵, обладал башней в Ситэ⁶. Другой богатейший консульский род — Маураны, рано и тесно связанные с ересью, в XII веке выстроили большую башню у своего укрепленного дома в городе, другой дом замкового типа (с башней) принадлежал им за стенами Бурга. Уже в 1178 г. кардинал св. Хризогона, явившийся в Тулузу для борьбы с ересью, приказал скрыть эти башни⁷. И еще в конце XIX века сохранялось большое квадратное основание городской башни Мауранов и ее первый этаж со стенами огромной толщины⁸. Насколько велики и важны в то время для обороны были эти башни и укрепления, можно видеть из того, что, овладев, наконец, Тулузою, Симон де Монфор, дабы предотвратить восстание горожан, прика-

¹ G. Catel. Mémoires, p. 833—834; Conf. paléographie, N 4.

² Cart. Ordre Temple, N 73.

³ Рамуны, де Соредэ (Cart. S.-Sernin, N 112); де Кастельноу (Ibid., N 599, 604); Азальберы, Руфы (Ibid., N 58); Б.-Р. Малет, А. Пейре, (Ibid., N 349—356).

⁴ «*Turrita solosa*» — это название сохранялось, как сообщает Катель, и в XVII в. (См. G. Catel, Mémoires, p. 135—136).

⁵ Cart. Bourg, N 6.

⁶ Ibid., N 19.

⁷ G. Catel, Mémoires, p. 136: «*ut tures eius quas proceras et pulcherri-mas habuit demolirentur*».

⁸ J. de Malafosse. Les anciennes maisons de Toulouse. — MSAMF, 1894, p. 105.

зал срыть не только стены Ситэ и валы Бурга, но также «башни укрепленных домов в городе и за его стенами»¹. Видимо, выполнить это намерение полностью Монфору не удалось, и, когда в 1217 г. восстание тулузцев действительно разразилось, крестоносцы сами заперлись и оборонялись от осаждавших их горожан в башне родового дома городских дворян Маскаронов².

Некоторые могущественные семьи владели, кроме того, башнями на городских стенах Ситэ, Бурга и монастырских укреплений³. Совместное владение, продажа, инфеодация по частям такого рода башен становится в XII в. явлением обычным⁴. Роду Гилаберов принадлежал даже замок Базакль, вторая после графского Нарбоннского замка оборонительная твердыня Тулузы. В марте 1205 г. тулузская коммуна, преодолев немалое сопротивление, выкупила, у Арнаута Гилабера, его жены и сыновей этот замок с примыкающей к нему территорией⁵. Здесь был выстроен новый мост через Гаррону. Но долго еще могущественные Гилаберы продолжали, в ущерб коммуне, осуществлять здесь свои сеньориальные права, которые прежде опирались на обладание землей, защищенной замком⁶.

Примечательно, что и укрепленные каменные дома и башни знатных родов в городе, как правило, также возвышались над более или менее значительными комплексами земельных владений и домов, принадлежавших данному лицу или династии, как стражи, обеспечивавшие неприкосновенность данных объектов собственности и извлекаемых из них доходов⁷. Башни и части их продавались и отдавались в лен вместе с прилегающими владениями⁸.

При внимательном рассмотрении общественный облик верхнего слоя тулузских горожан интересующей нас эпохи обнаруживает и некоторые другие отчетливо феодальные по своей природе черты.

Выше отмечалось, что в 80—90-х гг. XII века в Тулузе широкое развитие получил мукомольный промысел. Водяные мельницы ставились не на берегу, а на плавучих барках. В 1193 г. большим наводнением на Гаронне многие барки-мельницы были сорваны с якорей и выброшены на берег. Те из них, что попали на прибрежные владения Рамуна Гаутейра, были им захвачены и порублены, люди же, явившиеся к нему по этому поводу, под-

¹ Guillelmus de Podio Laurentii. Chronica, cap. XXIV (éd. Beyssier, p. 140).

² Chanson, t. I, v. 5143—44.

³ Городские землевладельцы и ростовщики де Клаустре, Руайсы, Гильемы, Караборда. — Cart. S.-Sernin, N 64, 95, 98.

⁴ Ibid., Ap., N 55.

⁵ Cart. Bourg, N 37.

⁶ Ibid., N 74, 99.

⁷ Ibid., N 35. См. также Cart. S.-Sernin, Ap. N 55.

⁸ Cart. S.-Sernin, N 64.

верглись оскорблениям. При рассмотрении в консульате жалобы членов мельничного товарищества Нарбоннского замка выяснилось, что это уже не первый случай применения берегового права со стороны Рамуна Гаутейра, который при этом ссылался на давнишнюю практику его предков¹.

Порою источники сообщают о знатных тулузцах, которые, подобно некоторым деревенским сеньорам, владели церквями и церковными бенефициями. Так, церковь Сен-Ремези в Ситэ до 1115 года принадлежала роду де Тулуза². Иногда такое владение являлось результатом захвата. В 20-х или 30-х годах XII века братья Рамун-Ат и Брюн де Брюгейре уступили Сен-Серненскому аббатству церковь Сен-Кентен у стены Бурга³. Но еще в 1149 г. булла папы Геласия II в числе подтверждаемых владений Сен-Сернена называет и эту церковь⁴. Очевидно, она была захвачена сильными де Брюгейрами и лишь после упорного сопротивления «уступлена» Сен-Сернену.

Очень часто богатые горожане оказываются владельцами такого феодального дохода, как церковная десятина. Понс де Брюгейре владел десятинами в приходе Сен-Серненской церкви⁵. В 1146 г. Сен-Серненское аббатство выкупило у Гильема де Брюгейре (один из первых приюдомов и первых капитуляриев) половину десятины с двух децимариев близ Тулузы за немалую сумму в 330 тулузских су⁶. Только в 1162 году уступили Сен-Сернену десятину со своих владений Бернар-Рамун Баптизат и его сын Эрменгаут. До 1170-х годов десятину с принадлежавших им подгородных виноградников присваивали себе Арнаут Жуан (консул 1192/93 года) и его родственники, а также неоднократно (между 1179 и 1194 годами) Гильем-Понс Астре с братьями⁷. Весьма вероятно, что часть этой собственности была, так сказать, «исконного», поместного жорня. Но несомненно, что в еще большей степени это были позднейшие приобретения с помощью денег — в форме покупки, получения феодалов и через ипотеку.

Но, помимо десятины с принадлежащих им земельных владений, патриции нередко владели десятинами там, где у них не было земельной собственности. Эта форма владения феодальным доходом наиболее соответствовала особенностям экономической деятельности горожан. Не связанная с необходимостью поместного хозяйствования и вместе с тем наиболее стабильная и надежная, десятина и приобреталась на наиболее удобный для богатого горожанина лад — путем покупки и залога. Этим же

¹ Cart. Bourg, N 21.

² Ordre Malte, N 3.

³ Cart. S.-Sernin, N 85. Ibid., Ap. N 42.

⁴ Ibid., Ap. N 5.

⁵ Ibid., N 77. Ibid., N 263.

⁶ Ibid., N 90, 142.

⁷ Ibid., N 56, 62. Ibid., N 52, 53, 54, 55, 84, 93; Ap. N 51.

объясняется и значительная удаленность отдельных децимарных владений патрициев от Тулузы по сравнению с их земельными владениями. Можно заметить, что некоторые патриции, например Караборда, Баррау, де Руайсы, скупали десятины (как, впрочем, в известной мере, и другие ренты) или иным путем приобретали их¹.

Но по своему содержанию десятина оставалась феодальной повинностью, и ее приобретение необходимо превращало богатого горожанина в соучастника дележа феодальной земельной ренты, извлекаемой из труда зависимых производителей, вовлекало его в систему феодальных связей и столкновений, в первую очередь — с церковью.

Пока что мы затрагивали главным образом одну область экономических интересов патрициата. Учитывая все значение землевладения и землевладельческих доходов в экономической практике тулузских городских верхов, необходимо, вместе с тем, обратиться и к другим ее сторонам, попытаться выяснить их реальное соотношение и, насколько возможно, рассмотреть сферу экономических интересов патрициата в ее совокупности.

Наряду с землями, принадлежавшими богатым горожанам на аллодиальном и, еще гораздо более, на ленном праве, источники свидетельствуют (и очень рано) о наличии в их руках заложенных земель — *pignora*. Так, Пейре Караборда еще в 20—30-х годах XII века имел в закладе подгородное владение Сен-Серненского аббатства². Тогда же феодальное владение близ Бурга Кумба-Саломонс, верховным сеньором которого был тот же Сен-Сернен, находилось в закладе у Гильема де Клаустре за 200 су³. Ряд владений деревенских помещиков (в радиусе 10 км вокруг Тулузы) имели в залоге Рамун де Кастельноу⁴ и Бернар-Рамун Баптизат⁵. Ипотечные сделки практиковали: один из первых капитуляриев Пейре Гильем, консул 1180—90-х годов Бернар Руф, Пейре Аймерик⁶. Широчайшую кредитную деятельность под залог земли в 40—50-х гг. XII века развернули Кальвет Дансанс и его сын Бернар⁷.

Как показывает акт 1158 года о продаже феода, чини с которого был заложен у Пейре Рамуна⁸, простовщик фактически приобретал права дополнительной верховной собственности на заложенное земельное владение. Его *dominium directum* в изве-

¹ Cart. S.-Sernin, N 91. Ibid., N 113, 190, 27; N 76.

² Ibid., N 72, 129.

³ Cart. S.-Sernin, N 75. Спустя столетие, в 1220-е годы, род де Клаустре дал двух консулов.

⁴ Ibid., N 696.

⁵ Cart. Ordre Temple, N 93; Cart. S.-Sernin, N 130, 242.

⁶ Cart. S.-Sernin, N 368, 312.

⁷ Ibid., N 305, 313, 314, 316, 318—321.

⁸ Ibid., N 15.

стном смысле стояла даже выше верховного права сеньора, заложившего феода, так как без гарантии владельца ипотеки отчуждение и infeodация данного объекта собственности не могли иметь законной силы. Иными словами, горожанин — владелец залога — превращался в своеобразного сверхсеньора данного феода. (В 1203 году мы встречаем и самый термин: «*superfeodum et superdominatio*»)¹. Любопытно отметить, что через 25 лет — в 80-е годы XII в. Пейре Рамун уже дважды избирается консулом, а с 90-х годов того же столетия в консульате заседает его сын².

В 1218 г. тулузский граф Раймунд-младший заложил богатому монтобанскому горожанину Журдану де Сапиак в уплату долга, сделанного его отцом, графом Раймундом VI, укрепленное местечко *Insula Amata* со всеми относящимися к нему угодьями и правами с тем, чтобы кредитор получал в свою пользу все доходы от этих владений, пока не будет возвращена сумма долга³. Так, ипотека превращала богатого патриция-ростовщика⁴ в собирателя феодальных рент, поборов и пошлин.

На тулузских землях преобладала эта форма — так называемый «живой залог». Но неуплата долга могла вести и к превращению заложенных (или же иных) земельных владений в собственность кредитора. В 1181 г. некто Удальжер в своем завещании перечисляет целый ряд владений, которые он отдает в полную собственность Арнауту де Руайс, богатейшему тулузскому патрицию, который в этот момент был и консулом⁵. В этом перечне: владения в Марвилар — «мужчины и женщины и все, что мне там принадлежит», владения в Поюбо, в Освила, десятина в Крозилс, «каковую каноники имеют в залоге», владения в Монтальдрон, десятина в Аудивилла, а также некто Гильем Пиатре⁶. Эта передача собственности в грамоте никак не мотивирована. Но самая щедрость дарения и необычность передачи по завещанию столь значительного имущества одному, оветскому и притом, видимо, совершенно чужому лицу, не оставляет сомнения в том, что здесь перед нами возмещение долга. Вероятно, доходов от владений, заложенных в обеспечение займа, оказалось недостаточно, чтобы возместить сумму долга (возможно, возроставшего) и процентов при жизни должника. В результате он вынужден *post obitum* передать значительные и, возможно, новые объекты земельного владения в собственность кредитору. Так ростовщик становился феодальным собственни-

¹ Cart. Bourg, N 43; N 51.

² Ibid., N 6, 15, 71; 96, 97.

³ HGL, VIII, N 192, III.

⁴ Журдан де Сапиак в 1221 г. фигурирует в числе *bailes* и *prusomes* Мантобана. HGL, VIII, N 214.

⁵ Cart. Bourg, N 6.

⁶ Conf. paléographie, N 7

ком. И вот, видимо, каким образом сложились значительные, но дробные, внегородские земельные владения Руайсов.

Отдельные ростовщики, действовавшие в более узких районах (как отец и сын Дансанс в Кастельжинесе, Вилаиго, Кастильоне), создали себе из залогов весьма внушительные комплексы земельной собственности с сервами, оброками, чиншами, десятинами, каковыми затем они сами распоряжались как собственники, — закладывали, ипфеодировали, продавали¹.

Если землевладение играло столь значительную роль в экономической жизни тулузского патрициата, то одним из важнейших путей, выводивших городских богатеев в эту сферу деятельности, была ипотека.

Помимо ипотеки, уже в XII веке отдача денег в рост выступает в Тулузе в своем непосредственном, открытом виде. При этом в качестве ростовщиков, как правило, действуют видные тулузские патриции. Так, в 1184 г. некто Рамун де Рок специальной грамотой признал, что он должен уже известному нам Рамуну Дюрану (дважды был консулом²) 50 су, с каковых обязан выплачивать ему ежемесячно 8 денье процентов³. В 1201 г. Гильем-Пейре де Саказа «по доброй воле отдал и уступил» Бернару Баррау «totum lucrum et omnem usuram», каковые оный Бернар Баррау⁴ от него получил вплоть до этого дня⁵. Ростовщичеством широко занимались такие знатные семьи, как Дави⁶, Руайсы⁷, Капденье⁸, Маураны⁹, де Сент-Ибарсы¹⁰. При этом Маураны около середины XIII века располагали такими суммами, что могли предоставить значительные кредиты английскому королю¹¹.

К началу XIII века ростовщичество в Тулузе приняло такие широкие масштабы и безудержные формы, пробудило против себя столь значительное недовольство, что консулат был вынужден ввести ограничения. Из консульского постановления от 11 марта 1201 г. мы узнаем, что ссуды давались как деньгами, так и вещами под залог, без залога, с поручителем, под клятву и т. д. Ростовщики стремились опутать долгами несовершеннолетних и затем завладеть их имуществом или имуществом их родителей, залогами, полученными от несовершеннолетних¹². По-

¹ Cart. S.-Sernin, N 305, 320, 321, 323, 324, 325.

² Cart. Bourg, N 22, 28.

³ M. Castaing. Le prêt à intérêt à Toulouse aux XII et XIII siècles. — ВРНП, 1955, p. 274.

⁴ Знатный патриций из Ситэ, консул в 1194/95 г.; См. Cart. Bourg, N 10.

⁵ J. Mundy. Liberty, p. 271—272, n. 12.

⁶ M. Castaing. Loc. cit.

⁷ G. Saige. — P. J., N 13, 17.

⁸ M. Castaing, Loc. cit.

⁹ Ibid., 276.

¹⁰ Du Cange. Glossarium: Baratum.

¹¹ Rôles Gascons, v. I, N 2613, 2621, 2622, 4020, 4021.

¹² Cart. Bourg, N 23.

становление, принятое консулами вместе с Общим советом коммуны, запрещало такую практику. Отзвук широкого возмущения хищностью ростовщиков слышится не только в содержании, но и в самой торжественности тона постановления, принятого «ut in perpetuum duret et observaretur»¹.

Вместе с тем консульская политика в целом стояла на страже интересов тулузских ростовщиков. 17 марта 1208 г. консулат вместе с Общим советом коммуны принял постановление, запрещавшее лицам, проживающим вне города, отнимать залоги, которые они дали лицам, проживающим в Тулузе². Очевидно, кредитная деятельность тулузских ростовщиков к этому времени широко охватила городскую округу. Надо полагать, что она вовлекала в свою орбиту и крестьянство, но ее главным объектом, несомненно, было поместное дворянство, — едва ли крестьяне (или городская беднота) могли пытаться силой вернуть себе залоги, данные городским ростовщикам.

В самой Тулузе должниками нередко были знатные и могущественные люди. В 1225 г. должником Дюрана де Сент-Ибарс (этот род дал пятерых консулов)³ и его сына был сам тулузский граф Раймунд VII⁴. В 1220-х годах Понс Капденье имел за Арнаутом из знатнейшего тулузского рода де Вильноу долг на огромную сумму в 1200 су, предоставленный под залог земельной собственности⁵. Но, как это вообще свойственно ростовщическому капиталу, тулузские ростовщики, широко практикуя крупные ссуды, не гнушались скупать грошовые ренты и оплетать паутиною долгов городскую бедноту, мелких держателей. Тот же Понс Капденье в 1229 г., по-княжески щедро завещав только на богоугодные давания колоссальную сумму в 10 000 тулузских су, вслед за тем приобретает чинш в 2 денье⁶.

Результатом такого рода сделок было не только «перенимание» ростовщиком у землевладельцев функции присвоения земельной ренты. Нередко это вело к прямой регенерации феодальной зависимости. Уже в 1152 г. Общий совет коммуны был вынужден запретить закрепощение за долги: тот тулузец, кто ссудит кому-либо деньги под залог личности должника, теряет свои деньги⁷. Очевидно, такое постановление могло быть вызвано к жизни фактами, принявшими масштабы общественного явления и пробудившими против себя достаточно широкое недовольство, не считаться с которым только что возникший патрицианский консулат не мог. Тем не менее, покуда сохранились экономические и социальные условия, побуждавшие обеднев-

¹ Ibid.

² Ibid., N 88.

³ HGL, VIII, col. 369; Cart. Bourg, N 15, 35, 71, 87.

⁴ См. Du Cange: Baratum.

⁵ J. Mundy, Liberty, p. 62.

⁶ P. Gérard. Gartulaire de Capdenier, p. 23.

⁷ Cart. Bourg, N 5.

ших свободных людей к закреплению за долги, никакие консульские запреты не могли предотвратить подобных сделок¹. Еще в 1201 г. некий Гаусбер заложил тому же Понсу Капденне в качестве гарантии долга «свое тело и черную кобылу»².

К концу XII века бурное развитие в Тулузе ростовщического капитала, упрочение позиций консулата (особенно после событий 80-х годов) и усиление в нем ростовщических элементов — ведут к изменению консульской политики в долговом вопросе. В 1197 г. консулат издает постановление, предусматривающее тягчайшее закабаление несостоятельных должников³. При этом, если прежде закреплению за долги могло иметь место лишь как частный акт, по крайней мере внешне выступавший как добровольная сделка, то теперь долговая кабала санкционировалась и предписывалась консульскою властью в качестве обязательной меры и становилась общей участью всех несостоятельных должников. Это был типичнейший акт законодательства ростовщиков. Недаром в консульском списке 1197 г. мы встречаем Пейре Руайса, известного своими ростовщическими операциями, Рамуна и Ульрика из богатого торгово-ростовщического рода Мауранов⁴ и целый ряд видных городских землевладельцев, надо полагать — тоже отнюдь не чуждых ростовщической деятельности.

Но ростовщичество должно было вести также и к проникновению ростовщика в сферу ремесла и торговли. При этом в условиях феодального общества и пути этого проникновения и результаты его несли на себе специфически-феодалные черты.

В первой четверти XII века некто Гилабер де Лорак ссудил графине тулузской 3000 солидов под залог торговых пошлин, каковые графиня получала с рынка и с местечка Базьеж⁵. Для рядового дворянина XII века 3000 солидов в звонкой монете — сумма практически недоступная. Предоставить такие деньги наличными мог, скорее всего, богатый горожанин-ростовщик. Получив этот залог, Гилабер «по дьявольскому наущению» ввел множество новых, незаконных пошлин, «дурных обычаев» (*males usagios*): на рынке, на дорогах, на соляных мытнях. В 1123 г., с окончанием II аквитанской узурпации, он от них отрекся, а невыплаченную графинею половину долга (а с нею, очевидно, и залог) передал Сен-Серненскому аббатству⁶. Таким образом, перед нами откуп феодальных поборов, превративший откупщика в эксплуататора торговли и ремесла.

¹ См. Cart. S.-Sernin, N 311 (1162 г.).

² M. Castaing, *Prêt à intérêt*, p. 276.

³ Cart. Bourg, N 18. Ср. постановление муниципальных и сеньориальных властей Нарбонны против несостоятельных должников, принятое в 1222 году. (*Inventaire archives commun. Narbonne*, t. I, N 8).

⁴ M. Castaing, *Prêt*, p. 276.

⁵ Cart. S.-Sernin, N 5.

⁶ Cart. S.-Sernin, N 5.

Не менее ярким примером откупа является уступка в 1240 г. тулузским графом Раймундом VII права чеканки монеты Арнауту Трунну *sambiatori*¹. Здесь откупщик-меняла перенимает права феодального сеньора, в данном случае графа, и, на время оттесняя его, становится фактическим распорядителем монетного дела, а потому в какой-то мере подчиняет себе цех монетчиков. Так отношения займа и залога способствуют проникновению ростовщического капитала в сферу торговли и ремесла.

Кредитные сделки не были единственным путем вовлечения городских землевладельцев и ростовщиков в торговлю и ремесло. Из каких бы социальных элементов по преимуществу ни складывался патрициат того или иного города, торговые, а в известной мере и ремесленные, интересы всегда составляли более или менее существенный компонент его социально-экономической природы. И Тулуза в этом отношении не представляет исключения. Но формирование этой сферы деятельности патрициата происходило отнюдь не прямолинейно. Первоначально городские землевладельцы выступают главным образом как соучастники сеньориальной эксплуатации ремесла и торговли.

Так, в 1163 году Гильем де Тулуза и его сын Понс владели какими-то торговыми и проходными пошлинами в городе². Только в 1205 году консулат вместе с Общим советом коммуны (видимо, под нажимом более широких слоев горожан и отнюдь не даром) добился отказа большей группы знатных патрицианских династий от прав собственности на площадь Монтайгон в Ситэ, а также на дома и торговые ряды на этой площади, где происходил еженедельный торг, в пользу коммуны³. Очевидно, с этими правами собственности было связано право взимания торговых пошлин и различных рыночных поборов в пользу отдельных лиц, что осложняло и обременяло городскую торговлю. За эти права и немалые доходы патриции-землевладельцы цеплялись упорно. Один из них, Журден де Вильноу, даже по торжественному акту 1205 года сумел удержать за собою торговые пошлины на этом рынке⁴.

Все это относится не только к рынкам. Лишь в 1222 году консулат Бурга смог выкупить (как можно понять, за весьма значительную сумму) у Арнаута Гилабера, его жены и сыновей поборы, которые они взимали у моста Базакль⁵. И опять-таки Гилаберы удержали за собою право получения провозной (*portagium*) и судопрогонной (*de navium impulsione*) пошлин⁶. Таким образом патриций-землевладелец мог сохранить право эксплуа-

¹ HGL, VIII, N 330, V.

² HGL, V, N 658, II.

³ Cart. Bourg, N 54.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., N 74, 99.

⁶ Ibid.

тации торговли, даже утратив собственность на землю, из которой первоначально это право проистекало. Многие частные поборы и пошлины с торговли на рынках и ярмарках Тулузы оставались в руках отдельных патрицианских семей вплоть до 70-х годов XIII века, когда они были выкуплены французской короной¹.

Не всегда обладание этими пошлинами было непосредственным следствием владения земельными участками в пунктах торговли. В Тулузе — крупном торговом центре и резиденции графов — особенно рано должны были появиться чисто «рентные лены», проистекавшие из «публичной власти» верховного сюзерена — тулузского графа, кстати весьма небогатого здесь собственными земельными фондами. Очевидно, именно таково было происхождение тех торговых пошлин, которые до 1120 года принадлежали четырем рыцарям², и тех, от которых в пользу коммуны в 1150 году отказались братья де Ланта³, и только что отмеченных пошлин, которыми владел отец и сын де Тулуза, а в известной мере, видимо, и той пошлины с кож, которая в 1148 году была выкуплена у 17 знатных горожан⁴.

Что еще существеннее, к XIII веку, особенно в условиях города, собственность на доход успела уже в значительной степени оторваться от собственности на землю как источник получения данного дохода и стала объектом дробления, продажи и перепродажи. В этом отношении очень любопытны данные, приводимые Манди из актов о выкупе частных торговых пошлин королевской властью. В 70-х годах XIII века Гильем де Турре, например, владел 12½ долями из 18 долей провозной пошлины в Бурге; Бернар-Гильем де Сен-Мартин — двумя из 24 долей всех лейд Ситэ и Бурга и так далее⁵. Вот почему среди обладателей торговых пошлин в Тулузе во второй половине XIII века, наряду с такими знатнейшими семьями городских землевладельцев, как де Кастельноу, де Вильноу, де Турре, Руайсы, Баррау, фигурируют и такие, более новые сочлены городской верхушки, как Бараньоны, Куртасолеа, чьи представители появляются в консульате только с 1218 года, и даже сукновал Гильем Видаль⁶. Очевидно, к приобретению доли в надежных и возрастающих доходах от торговых пошлин, то есть фактически к соучастию во внеэкономической эксплуатации торговли и ремесла, стремились и обладатели денежного богатства, выросшего на этой самой, торгово-ремесленной почве.

С другой стороны, землевладельческо-патрицианские элементы вовлекались непосредственно в торговую и ремесленно-промысловую деятельность. Из числа знатнейших консульских ро-

¹ J. Mundy, *Liberty*, p. 260, n. 10.

² Cart. Bourg, N 14.

³ Ibid., N 34.

⁴ Ibid., N 28.

⁵ J. Mundy, *Liberty*, p. 260, n. 10.

⁶ Ibid.

дов Тулузы, несомненно, занимались торговлей Руайсы. В 1223 году при разделе наследства Дави Руайса между тремя его сыновьями среди огромных богатств перечисляются четыре «operatoria de Banquis maioribus», то есть, очевидно, четыре магазина на улице Больших Лавок в Ситэ и еще четыре других лавки в городе¹. Невозможно представить, чтобы восемь лавок сосредоточились в одних руках случайно или сразу. Начало торговой деятельности этой патрицианской династии, несомненно, восходило к XII веку. В самом деле, еще в грамоте 1176 года специально отмечается, что она составлена in operatorio (в мастерской? в лавке? в конторе?) Бернара де Руайс².

Несомненно, Руайсы были весьма крупными городскими землевладельцами, значительные владения принадлежали им и вне города. Об этом говорит и только что упомянутый акт о разделе имущества Дави Руайса. Но он же, как нам кажется, дает основания предостеречь от преувеличенных представлений об их земельных богатствах. Обращает на себя внимание некомпактность, разбросанность по преимуществу мелких внегородских земельных владений Руайсов³. Едва ли они могли быть источником больших доходов. Вернее предположить, что сами они были приобретены с помощью денег и, видимо, главным образом через ипотеку, ростовщичество. Историк рода Руайсов А. Карамель считает, что сколько-то значительное проникновение этих тулузских богачей в сферу внегородского землевладения началось лишь на рубеже XII—XIII веков⁴.

Нет, не это внегородское землевладение было основой богатства Руайсов. Гораздо существеннее были их земельные владения в городе (обширный квартал вокруг *planum Roaicensium*) — дома, лавки. Насколько можно судить, именно здесь скрывался главный источник их денежных богатств. А насколько велики были их денежные ресурсы и ростовщические операции, можно видеть, например, из того, что в 1234 году сам тулузский граф Раймунд VII был должен Аламану Руайсу 4150 тулузских су⁵. Такие огромные суммы в звонкой монете стекались в кошельки Руайсов, видимо, не без посредства торговли. К тому, что нам известно на этот счет в отношении конца XII и первой четверти XIII века, добавим, что во второй половине этого столетия Бернар де Руайс (de Roys) экспортировал вино в Англию⁶. Это не мешало тем же Руайсам одновременно участвовать в эксплуатации тулузской торговли: в 70-е годы XIII века Рамуну Руайсу принадлежала почти 1/6 всех торговых

¹ Conf. paléographie, N 18.

² Layettes, I, p. 110.

³ Распслены по доброй дюжине деревень тулузского района, — отмечает Ф. Вольфф (Commerces, p. 24—25).

⁴ A. Caramel. Les Roaix. T., 1948, p. 23.

⁵ Layettes, t. II, p. 281.

⁶ Ph. Wolff. Commerces, p. 24.

пошлин (лейд), взимавшихся в Ситэ и Бурге¹. Самое это сочетание служит ярким выражением противоречивости социально-экономической природы городского патрициата.

Интересно в этой связи попытаться, насколько возможно, выяснить источники богатства такого могущественного рода из Бурга, как Маураны. Это не легко — источники скудны и односторонни, если сообщают, то почти только о сделках с землей, и крайне редко о сделках с движимым имуществом; такого рода сделки в ту пору обычно вообще не фиксировались. А это легко может вести к односторонности реконструируемой картины. Дж. Манди отмечает участие Мауранов в ростовщической и торговой деятельности. Но главные источники их богатства, по его мнению, проистекали из владения землей и земельными рентами. «Они владели огромными землями к северу от Бурга»². Действительно, им принадлежали *hopoges* (по несколько арпанов) в Леонаке, Кастильоне, Вальсегюре³. Но трудно предположить, чтобы чинши с этих земельных владений могли приносить столь изобильные доходы, что в 1178 году еретик Пейре Мауран, по словам Роджера Ховдена, оказался в состоянии уплатить тулузскому графу штраф в поистине колоссальной сумме в 500 фунтов серебра⁴, то есть почти 19000 тулузских солидов.

Попытаемся присмотреться к внегородским земельным владениям этого тулузского семейства, например в районе Вальсегюра, близ Капельжинеса, около 10 км к северу от Тулузы. Среди них встречаются участки пашни, отдельные крестьянские дворы, по главным образом — это лес. У местного сеньора Марфана де Вальсегюр еще в первой половине XII века Маураны приобрели в качестве феодалов за годовой чинш в 18 денье несколько участков леса⁵. Сопоставляя размеры чиншей⁶, можно заключить, что Маураны владели 9 арпанами леса, другие же феодатарии Марфана де Вальсегюр — 6, 4, 2 и 0,5 арпана⁷.

Это был лесистый район в долине Эра, правого притока Гаронны⁸. Весьма возможно, что леса здесь использовались и для выпаса скота, отдельные лесные участки расчищались под пашню, но, видимо, в первую очередь они привлекали возможностью вырубки и вывоза строевого леса, бывшего в XII веке очень ходким товаром на рынке быстро застраивавшейся Тулузы, особенно Бурга. Об этом говорят неоднократно упоминаемые участки

¹ J. Mundy, *Liberty*, p. 260, n. 10.

² *Ibid.*, p. 228, n. 38.

³ Cart. S.-Sernin, N 688.

⁴ См. J. Mundy, *Liberty*, p. 270, n. 8.

⁵ Cart. S.-Sernin, N 403.

⁶ Один из феодатариев Марфана — Laurentius владел 2 арпанами леса (Cart. S.-Sernin, Ap., N 46) и платил 4 денье годового чинша (*ibid.* N 403): см. также N 367.

⁷ *Ibid.*, N 403.

⁸ P. Gérard. Aux origines du temporel de Saint-Sernin. — AM, 1960, p. 6--7.

вырубок — *exarta, de quo fuit tractum boscum*¹ — и то, что обладателем одного из лесных феодалов Марфанна был *Laurencius mercator*². В 1165 г. Пейре Мауран купил здесь еще 8 арпанов леса³ и фактически сосредоточил в своих руках большую часть лесных богатств района Кастельжинес, дававших столь ценный предмет сбыта.

Надо думать, что лес был отнюдь не единственным объектом торговли рода Мауранов, но едва ли можно сомневаться, что наряду с ростовщичеством не землевладельческие чинши, а крупная торговля, в частности торговля лесом, была важнейшим источником богатства этого влиятельного тулузского рода. Отметим, что укрепленный особняк Мауранов находился в квартале де Тауре — главном торговом квартале Бурга⁴. А в 1295 году купец-оптовик Боном Мауран поставил королю Филиппу IV большие партии боевых воротников и шлемов⁵. Были в этом роду купцы и в середине XIV в.⁶

К началу XIII века выдвигаются купцы из рода Рамунов (из Бурга). В первые годы этого столетия они, наряду с некоторыми представителями таких старинных тулузских семей, как Синьяры, Баррау, Гисы, уже систематически ездят на Шампанские ярмарки (для тулузских купцов это было делом новым), подолгу живут в Труа и других городах Шампани, женятся там и даже пользуются покровительством шампанских графов⁷. Но вряд ли прав Манди, когда на этом основании объявляет Рамунов из Бурга почти целиком купеческою династией⁸. В XII веке мы видим ее наиболее значительных представителей в качестве феодалов: владельцев *honores*, домов и даже башен в ограде Сен-Серненского аббатства, вместе с такими аристократическими семьями, как де Кастельноу⁹, в качестве ленных владельцев *honores*, с различными угодьями и с держателями, вне города — в Камп-Радюльф, Кастельжинес, Вилаиго¹⁰. Приводимый историком документ относится к началу XIII века, а перечисленные в нем богатства Пейре-Рамуна де Тауре включают «*terram et honorem*» и другие объекты земельной собственности в Бурге, Ситэ и вне Тулузы: пашни, виноградники, отдельные двory-

¹ Cart. S.-Sernin, N 403, 344; Ap., N 46.

² Ibid., Дж. Манди (Liberty, p. 280, n. 38) относит этого купца к роду Мауранов, но источник не дает для этого оснований.

³ Cart. S.-Sernin, Ap., N 46. Наряду с Мауранами лес здесь в эту пору приобретают и другие богатые тулузцы: Нижеры, Ауба, Пажеза (Ibid., N 386).

⁴ См. Ph. Wolff. Commerces, p. 89, n. 147.

⁵ Ph. Wolff. Achats d'armes, p. 87—88.

⁶ Ph. Wolff. Commerces, p. 573.

⁷ H. d'Arbois de Jubainville. Histoire des ducs et des comtes de Champagne. P., 1859—66; t. V: Catalogue des actes, N 1521, 1803; J. Mundy, Liberty, Publ. doc. N 16; ibid., p. 67, 280, n. 39.

⁸ J. Mundy, Liberty, p. 67.

⁹ Cart. S.-Sernin, Ap., N 55 (1171).

¹⁰ Ibid., N 122, 303, 304, 307; Cart. Conques, N 561.

усадьбы с чиншами и другими сеньориальными правами и поборами, а также торговые и провозные пошлины и т. д.¹. Хотя все это отнюдь не исключает активного участия Рамунов в крупной торговле и значительности их коммерческих доходов: ведь эта сфера деятельности почти не отражалась в документах. Видимо, Манди ближе к истине, когда заключает, что многие землевладельческие династии городской знати дали ветви, ушедшие в область торговли².

От XIII века порою доходят сведения о широкой коммерческой деятельности некоторых тулузских патрициев. Так, Бертран де Палас, выходец из знатного консульского рода³ и сам фигурирующий в числе наиболее почтенных граждан города⁴, в 1260 году поставил английскому королю 270 бочек вина на общую сумму в 575 ливров⁵. П. Суйри высказывает мнение, что такие большие экспортные предприятия могли осуществляться только силами целой компании и что именно такую компанию возглавлял Б. де Палас⁶. Это позволяет предположить, что его участие в этой торговле началось не с собственно купеческой деятельности, а с авансирования значительной суммы денег. Как известно, в средневековой торговле такого рода отношения встречались нередко. Они могли возникать из комиссионной торговли. Примечательно, что тулузский кутюм специально предусматривает условия комиссионной торговли (вывоз вина и других товаров) при посредстве маклера (разъездного приказчика) на жаловании⁷. Во всяком случае авансирование купцов могло явиться наиболее удобным путем вовлечения тулузского патрициата, особенно его ростовщических элементов, в крупную торговлю. Степень вовлечения в торговлю у различных патрицианских семейств была различной. Лишь у немногих из них торговые интересы стали абсолютно преобладающими.

В своем большинстве тулузское купечество вышло не из круга городских землевладельцев. Это был в сущности новый слой — люди, чье богатство выросло прежде всего на торговле. Огромное большинство их в XII веке стояло вне правящей городской верхушки, и лишь с начала XIII века пробивается в нее, но — как существенно новый слой городских богачей.

Вот некоторые штрихи, рисующие облик этого слоя. Сальнеры, о чем говорит и само их фамильное прозвище, были крупными солеторговцами еще в конце XI века. Их подписи рядом с подписями знатных тулузцев стоят под хартией тулузского графа Гильема IV об отказе в пользу Сен-Серненского аббат-

¹ J. Mundy. Liberty, Ap. V, Pub. doc. N 16.

² J. Mundy. Liberty, p. 67.

³ Cart. Bourg, N 12, 17, 20—23, 52—55; HGL, VIII, col. 369, 640—641.

⁴ Ibid., N 103.

⁵ H. Pirenne. Un grand commerce d'exportation, p. 240.

⁶ P. Souyri, p. 31—32.

⁷ Coutume de Toulouse, art. 72—73.

ства от монополии на соляном рынке Базьеж¹. В самом начале XIII века они были уже настолько богаты и могущественны, что в мирном договоре Тулузской коммуны с коммуной Гайяка (1203 год), предусматривавшем взаимный отказ жителей от претензий и репрессалий, специально оговаривалось признание претензий только одного Изарна Сальнера в отношении двух жителей Гайяка и его права захвата их самих и всего принадлежащего им имущества². Но в консульате этот род появляется только в 1218 году³.

В конце XII — начале XIII века крупными купцами, по всей видимости, были Рамун Пуллар, братья Понс и Арнаут Пуер. Когда консулат решил выяснить, где и какие торговые пошлины взимались в Тулузене за 30 лет перед тем, в числе приглашенных наиболее компетентных лиц были и названные лица⁴. С первых лет XIII века в консульских списках появляются имена с пояснительным определением «купец» — mercator. Таковы Бернар Ортолан⁵, Пейре Амель⁶, Бернар Арнаут⁷. Торговцем пряностями (espelierius) был Бернар Фабер, консул 1222/23 года⁸.

Некоторые патриции, как можно было видеть и выше, были связаны с ремеслом и промыслами. Выгодность быстро развивавшегося в Тулузе мельничного дела рано привлекла в этот промысел денежные средства богатых городских землевладельцев и простовщиков. Еще в 1177 году в списке членов мельничных товариществ Базакля встречаются имена знатных патрициев, неоднократно консулов — Бертрана Рамуна, Рамуна де Припьяк, Жуана Синьяра и Бернара Караборды⁹. В 1194 г. в аналогичном списке товариществ Дорад — имена того же Жуана Синьяра, Бернара-Рамуна Баррау, Пейре де Маркафаба, Рамуна Галина, Рамуна Рутбера, Рамуна Гаутейре и Видаля де Припьяк¹⁰. Все эти лица (некоторые — многократно) были консулами.

Но параллельно шел и другой процесс — выделение патрицианских элементов из самого ремесла. Проследить этот процесс нелегко, ибо хозяйственная деятельность ремесленников еще меньше, чем купеческая, отражена в документах эпохи (особенно в XII веке). И все-таки источники содержат несомненные свидетельства наличия этого процесса.

¹ Cart. S.-Sernin. N 138.

² Cart. Bourg, N 65.

³ Ibid., N 91, 92; Cart. Cité, N 76, 77.

⁴ Cart. Bourg, N 55. Между 1202 и 1218 годами они неоднократно были консулами.

⁵ Ibid., N 24, 30, 39—42, 50, 56—60.

⁶ Ibid., N 91—92; Cart. Cité, N 76—77.

⁷ Ibid., ibid.; HGL, VIII, N 235.

⁸ Cart. Bourg, N 74—87, 99. Между 1204 и 1247 годами этот род дал 7 консулов.

⁹ Sicard. — P. J., N 1, p. 363.

¹⁰ Ibid., p. 368; Cart. Bourg, N 20, 21.

В 1142 г. между Сен-Серненским аббатством и мясниками Бурга было заключено соглашение о коммутации их чинша монастырю за право торговли мясом на Сен-Серненском (де Тауре) рынке в Бурге¹. В качестве лиц, заключивших это соглашение, в грамоте названы: Пейре Видаль, Гильем Нижер и Гильем де Клаустре. Кто были эти люди? В 1203—1204 и 1222/23 гг. имена Нижеров и де Клаустре встречаются в списках консулов². Являлись ли Гильем Нижер и Гильем де Клаустре избранными старшинами мясников или нет — так или иначе, поскольку в 1142 г. они подписали соглашение с Сен-Серненским аббатством от имени «всех мясников Бурга», надо полагать, что они были наиболее богатыми и влиятельными среди этих ремесленников-торговцев. Очень вероятно, что еще более разбогатевшие потомки этих мясников из Бурга сумели в первой четверти XIII века войти в патрицианскую верхушку города.

Богатым мясником был, очевидно, и Пейре Видаль. Примечательно, что в списке консулов 1213/14 г. фигурирует мясник *Petrus Vitalis macellarius*³ — явно потомок интересующего нас лица. Видаль многократно были консулами и в 80-х и в 90-х годах XII века⁴. Еще существеннее то, что уже в 1141 г. П. Видаль был в числе тех знатных горожан, которые своими подписями свидетельствовали одну из первых вольностей графа Альфонса-Журдена тулузцам⁵. Более того, еще в 1130 г. П. Видаль назван в числе шести членов графской курии⁶.

Если это единая линия, то отсюда следует, что в период, когда горожанам еще не удалось добиться организации и признания каких-либо учреждений коммунального самоуправления, в состав графской городской курии (капитула), наряду с городскими землевладельцами уже смогли проникнуть отдельные представители наиболее доходных промыслов. Отметим это тем более существенно, что и при наличии сложившегося консулата собственно торгово-ростовщические, а тем более ремесленные элементы появляются в нем только с 1190-х годов, а возглавляют коммунальное самоуправление только с 1202 года. В этой связи становится понятнее, почему консул 1203/04 года Пейре Видаль только во второе свое консульство, в списках 1213/14 г. решается поставить при своем имени эпитет «мясник»⁷. Если же здесь лишь случайное совпадение фамилий и имен, то и тогда

¹ Cart. S.-Sernin, N 66.

² Cart. Bourg, N 43—49, 51, 61—70, 99.

³ HGL, VIII, col. 640—41. Правда, П. Видаль, консул 1203/04 г. (видимо — то же самое лицо), еще не носит этого профессионального эпитета. См. Cart. Bourg, N 43—49, 51, 61—70. Мясники из рода Видалей фигурируют и в консульском статуте этого ремесла, изданном в 1322 году. — EGR, p. 69—70.

⁴ Cart. Bourg, N 9, 10, 12, 16, 20, 21, 22, 27.

⁵ Ibid., N 1.

⁶ HGL, V, N 513.

⁷ HGL, VIII, col. 640—641.

история мясников Видалей из Бурга может служить ярким примером социального возвышения и проникновения в правящий патрицианский слой отдельных разбогатевших ремесленников.

В 1150 г. в числе *probi homines*, подписавших важнейший акт в пользу тулузской коммуны, фигурирует Визиан Frenarius (узденчик)¹. Примечательно, что он уже владеет в Тулузе печью, то есть присваивает баналитетные доходы². Капитулярий из Бурга 1176 и 1181/82 гг. Arnaldus Raimundus, filius dictus Raimundi Frenarii³, был, очевидно, его потомком. Любопытно, что в грамоте 1179 г. он фигурирует как Arnaldus Raimundi frenarius⁴, а в консульском постановлении 1202 г. уже именуется Arnaldus Ramundus de freneriis⁵. Видимо, первоначально это было обозначение профессии, затем превратившееся в прозвище, которое его владелец стремился освободить от собственно ремесленного значения и сделать фамильным именем территориального типа, правда, по названию не поместья, а улицы Узденчиков в Бурге.

Это само по себе достаточно убедительно говорит о том, сколь мало привычен в ту пору был факт участия ремесленника (разумеется, разбогатевшего) в породском консульате. Они единичны, но они имели место. Так, консул 1192/93 года Арнаут Жуан был оружейником *esrazerius*⁶.

В 1194 году граф Раймунд V отдал в «вечный феодал», то есть фактически продал за большие деньги, Бернару Арнауту и его потомкам площадь перед церковью Дальбад в Ситэ для устройства там мясного рынка⁷. В 1218—20 гг. Бернар Арнаут *mercator* уже заседает в консульате, а в 1223/24 году мы видим его там снова⁸. Надо полагать, что из этого же рода вышел затем и меняла — консул 1248/49 года Понс Арнаут *Cambiator*⁹.

С первых лет XIII века, а затем особенно с 1218 года, в консульских списках все чаще начинают мелькать такие родовые имена или прозвища, как *Molinus*, *Molendinus*¹⁰, *Ausberguerius*¹¹, *Cervunerius*¹², *Ortolanus*¹³, *Pelliparius*, *Pellicerius*¹⁴, *Macellarius*¹⁵,

¹ Cart. Bourg, N 34.

² G. Saige. — P. J., N 5.

³ Cart. Bourg, N 33 (1176); N 6 (1181).

⁴ Cart. S.-Sernin, N 688.

⁵ Cart. Bourg, N 35.

⁶ J. Mundy. Liberty, Ap. I, p. 177.

⁷ Layettes, I, N 413.

⁸ Cart. Bourg, N 92, 91; Cart. Cité, N 76, 77; HGL, VIII, N 235.

⁹ R. Limouzin-Lamothe. Commune, p. 256.

¹⁰ Cart. Bourg, N 43—70, 88, 89, 91, 92, 94, 95; Cart. Cité, N 76, 77; HGL, VIII, N 235.

¹¹ Cart. Bourg, N 91, 92; Cart. Cité, N 76, 77.

¹² Cart. Bourg, N 74—87, 99.

¹³ HGL, VIII, col. 640—41, 791.

¹⁴ Cart. Bourg, N 88, 89, 101; 73.

¹⁵ HGL, VIII, col. 640—41.

Parator¹, то есть мельник, владелец постоянного двора, виноторговец, скорняк, мясник, сукновал. Было бы поспешным считать всех этих консулов (порою — однократных) патрициями, но несомненно, в эту пору в среду тулузского патрициата вливается (если угодно — вторгается) целая струя влиятельных торожан, чье богатство, по крайней мере первоначальное, выросло на ремесле и промыслах. С этими и, видимо, с еще более глубокими социальными сдвигами были связаны те новые политические импульсы, которые так ярко проявились в первые годы XIII века и затем в самый напряженный период борьбы с крестоносцами: и которые необычайно активизировали все коммунальное развитие Тулузы.

И все-таки, несмотря на все значение этих сдвигов, едва ли было бы правильно делать вывод о полном изменении в эту пору социально-экономического профиля тулузского патрициата. Его преобладающей силой по всей видимости продолжали оставаться землевладельческо-ростовщические слои. В 1218 г. в победоносно восставшей против крестоносцев Тулузе консулы и Общій совет коммуны потребовали конфискации и продажи имущества тех жителей, которые не желали участвовать в расходах на оборону города, «хотя владеют добрыми именьями, или чиншами, или причитаются им многочисленные долги»². Иными словами, и во втором десятилетии XIII века важнейшими источниками доходов богатых тулузцев оставались земельные владения, ренты и ростовщические проценты. Правда, это постановление было принято консулатом, в составе которого наберется не более двух представителей старинных землевладельческих фамилий, зато много людей, никогда дотоле в городском капитуле не заседавших, и несколько несомненных представителей богатых торгово-промысловых слоев³. Весьма вероятно, что эти новые слои и новые правители города хотели перенести главную тяжесть финансовых затрат, связанных с обороной, на старинную землевладельческо-ростовщическую знать, да, быть может, имели основания именно эти элементы упрекнуть в недостатке коммунального патриотизма. Но все эти соображения не отменяют того вывода, что основу могущества «коренных» слоев тулузского патрициата составляли владения землями, рентами и деньгами, отдаваемыми под проценты.

Таким образом, снова и снова землевладение, вообще в большей или меньшей степени присущее городскому патрициату где бы то ни было в средние века, явственно вырисовывается как важнейшая экономическая основа могущества тулузской городской верхушки. Как известно, именно это обстоятельство более всего сближает патрициат с классом феодалов и нередко, осо-

¹ R. Limouzin-Lamothe, *Commune*, p. 256.

² HGL, VIII, N 197.

³ Cart. Bourg, N 92.

бенно в связи с происхождением отдельных патрицианских династий, побуждает видеть в патрициате лишь городской отпрыск поместного дворянства. Даже исследователи наиболее вдумчивые пишут об «огромных», «колоссальных» внегородских земельных владениях тулузских патрициев»¹.

Как показывают факты, такого рода представления нуждаются в весьма существенных коррективах. Два события из истории Лангедока во второй половине XIII столетия неожиданно бросают яркий свет на интересующий нас вопрос. Они заслуживают того, чтобы к ним присмотреться внимательно. В 1269 г. в связи с обильным урожаем нарбоннские консулы обратились к сенешалу Каркассона и Безье с настоятельным требованием запретить вывоз хлеба из сенешальства. Для решения этого вопроса сенешал созвал представителей всех сословий сенешальства; явились архиепископ нарбоннский, 6 епископов, 22 аббата, приоры, настоятели — всего 43 церковных феодала, помимо членов капитулов; светских сеньеров — 27 и консулов городов — 26. Обсуждение было бурным и долгим — до утра следующего дня. Нарбоннский архиепископ и Филипп де Монфор, выступая от имени прелатов и крупнейших светских землевладельцев — *pro prelatiis et terrariis*, — предлагали сенешалу не вводить запрещения на вывоз хлеба, так как в этом году в сенешальстве большое изобилие хлеба, и он на рынках недорог. Нужно только запретить вывоз хлеба по морю или по суше к сарацинам, или пизанцам, или другим недругам святой церкви и короля Сицилии², но можно вывозить хлеб в христианские государства, так чтобы купцы, которые приедут закупать хлеб, давали надежное поручительство. Это предложение и было принято сенешалом³.

Через два года, в 1271 г., представители «некоторых добрых городов Каркассонского сенешальства» обратились к викарию Безье, замещавшему сенешала, с настоятельной просьбой, ввиду неурожая и угрозы голода — *propter messes steriles bladi karistia imminebat*, — созвать собрание (сословий) и совершенно запретить вывоз хлеба из сенешальства. Под упорным нажимом городов собрание сословий было созвано. Многие светские и, особенно, духовные феодалы послали только второстепенных лиц, многие вообще не явились. В итоге, видимо, еще более горячих споров было решено полностью запретить вывоз хлеба из сенешальства куда бы то ни было, кроме Иерусалимского королевства. Но аббат св. Павла в Нарбонне от имени нарбоннского архиепископа и виконта и «от имени других» заявил, что они не считают себя связанными подобным запрещением и что они вправе сами распоряжаться хлебом, собираемым на их землях. Викарий Безье отвел этот протест и

¹ J. Mundy, Liberty, p. 10.

² Карл Анжуйский.

³ HGL, VIII, N 529.

пригрозил, в случае нарушения запрета, конфискации хлеба от имени короля¹.

Значение этих исторических свидетельств трудно переоценить. В самом деле, из них прежде всего явствует, что в XIII веке хлеб из Лангедока вывозился систематически и в больших количествах². Это создавало трудности в обеспечении продовольствием городского населения, что подтверждается и неоднократно в XIII столетии буллами пап (Григория IX, Иннокентия IV), специально запрещавшими в неурожайные годы вывозить хлеб из Тулузы, дабы обеспечить пропитание магистров и студентов Тулузского университета³. Как показывают заседания «провинциальных штатов» 1269 и 1271 годов, экспортёрами хлеба были крупные и крупнейшие феодальные сеньоры — светские и, особенно, духовные. От них-то и зависело обеспечение городов хлебом.

Но из борьбы на «провинциальных штатах» явствует и другой вывод: городские землевладельцы-патриции в вывозе хлеба не участвовали и не были в нем заинтересованы. Более того, патрицианское землевладение было совершенно не в состоянии обеспечить города продовольствием. Даже на местном хлебном рынке патрициат, очевидно, не выступал — конкуренция дешевого хлеба сеньоров его не пугала. Ограниченность патрицианского землевладения рядом с феодально-поместным выступает здесь со всею очевидностью. И с тою же очевидностью обнаруживается вторая, специфически городская природа патрициата.

Подведем некоторые итоги. Рассмотренный материал из истории тулузского патрициата XII—XIII веков обнаруживает глубокую внутреннюю противоречивость этого социального слоя. Важнейшей экономической основой его существования и могущества было городское, а частью и внегородское, землевладение. Бурное развитие ремесла и торговли, выдвигавшее на первый план значение движимого имущества и денег, требовало от городских землевладельцев существенной перестройки их методов хозяйствования и обогащения. Традиционная ценовая эксплуатация городских земель дополняется скупкою владений, обещавших наибольшие выгоды (в частности, расположенных

¹ Ibid., N 545.

² HGL, VIII, N 443 I, II; 446 XXXI. Поскольку речь шла о вывозе к сарацинам, пизанцам и в Иерусалимское королевство, ясно, что хлеб более всего вывозился по Средиземному морю. Об этом же говорит и тот факт, что находившаяся в XIII веке в Тире колония — «коммуна провансальцев» получила множество привилегий не только от Конрада Монферратского, но и от крупнейшего землевладельца и экспортёра лангедокского хлеба — Филиппа де Монфора (Heud, I, p. 320). Поскольку инициатива запрета исходила от консулов Нарбонны, очевидно, что вывоз шел главным образом через этот порт. Об этом же свидетельствуют и некоторые марсельские источники (Documents du commerce de Marseille, publ. par A. Blancard, t. I, N 41; — 1233).

³ Documents de l'Université de Toulouse (1229—1789), N 4, 14, 14-bis.

на рынках и рыночных путях), спекуляцией земельными участками, скупкой рент (особенно десятин), ипотечными операциями, прямым ростовщичеством, приобретением доли в пошлинах с торговли и ремесла, непосредственным участием в торговле и в промыслах. Именно эта эволюция превращала городских землевладельцев в городских патрициев.

При этом городское землевладение все более превращалось в коммерческое домовладение, при котором феодальное держание приближалось к отношениям свободной аренды.

Главным объектом эксплуатации со стороны складывающегося патрицианского слоя все больше становилась растущая с развитием города масса городского мелкого торгово-ремесленного люда и среднего бюргерства, которой патрициат противостоял как главный (в условиях города) обладатель земельной собственности и домов, а также как обладатель денежного богатства, частично — как соучастник феодальной эксплуатации торговли и ремесла.

Землевладельческие интересы сближали патрициат с помещико-дворянскими кругами. Вместе с тем, вторая, специфически городская, денежно-торговая природа патрицианского могущества необходимо пробуждала в этом слое стремление к устранению внешних, собственно феодальных сил из городской сферы, к освобождению города и его торговли от сеньориальной эксплуатации и притеснений, делала его кровно заинтересованным в коммунальном движении. С поместным землевладением — церковным и светским — патрициат сталкивался и на почве собственно земельной: в отношении городских патрициев светские сеньоры Тулузена и богатейшие церковные общины были неизмеримо более могущественными земельными собственниками — крупными землевладельцами *par excellence*. От них патриции зависели и им платили как феодаларии, от их обирательства страдали как купцы, с ними сталкивались как с крупнейшими производителями хлеба, от которых зависело продовольственное обеспечение города, и так далее.

Но двойственность экономической основы могущества городского патрициата порождала не только глубокую противоречивость его позиции как в отношении массы городского населения, так и в отношении феодального дворянства. Она вызывала к жизни противоречия внутри самого патрициата, приводила к его внутреннему расщеплению.

Торгово-ростовщическая эволюция верхнего слоя горожан означала все-таки более или менее глубокое приспособление городских землевладельцев к потребностям товарно-денежных отношений. Но в целом этот слой оставался по преимуществу землевладельческим. Вместе с тем бурное торгово-ремесленное развитие Тулузы должно было произвести новый слой толстосумов, чье богатство выросло прежде всего на денежном и торговом обороте. Правда, и этот слой в условиях

средневекового города, развивавшегося в обществе, где господствовало крупное землевладение, а развитие промышленности, да и торговли, могло быть только весьма ограниченным, необходимо обрастал землевладением, мог господствовать в городе только как патрициат. Однако здесь ведущими были не столько землевладельческие, сколько ростовническо-торговые, частью — промысловые интересы. Поэтому к требованиям новых экономических отношений эта новая генерация патрициата была приспособлена гораздо более старых землевладельческих династий, значительно острее выражала потребности развития новых экономических сил, обладала большим общественным динамизмом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТУЛУЗСКОГО ПАТРИЦИАТА

Вопрос о происхождении патрициата сложен. Вопрос этот тесно связан с возникновением самого города как экономического центра, с генезисом новых экономических отношений товарного производства и обращения и соответствующих им форм собственности. Вместе с тем его нельзя рассматривать вне связи с конкретной предысторией города и с тем, так сказать, историческим наследием, которое досталось новому экономическому центру, — оно отнюдь не было безразлично для складывания его социальной структуры. Нужно выяснить, в чем реально это наследие выражалось, и, насколько возможно, проследить его взаимодействие с новыми градообразующими силами. А это требует, кроме всего прочего, проникновения в тот наиболее темный предгородской период, который предоставляет историку меньше всего точек для надежной опоры.

В современной буржуазной историографии раннего города настойчиво проводится та точка зрения, что ведущей силой средневекового городского развития было землевладение, а главным источником складывания городского патрициата было дворянство или министерялы¹. Стержнем этой концепции является идея континуитета — непосредственной преемственности между городом и предшествующим ему поселением, идея гармо-

¹ См. особенно отмеченные выше работы Жана Лестокуа.

нического соответствия средневекового города и той феодальной среды, в недрах которой он рождается.

Выше мы видели, насколько такие построения далеки от действительности возникновения и развития средневекового города.

Попробуем теперь выяснить истоки и проследить основные моменты процесса складывания городского патрициата на материале истории Тулузы — города с богатым античным наследием.

Прежде всего — какова была роль землевладения вообще и дворянства в частности в процессе формирования тулузского патрициата?

Еще Салимбене в XIII веке с удивлением отмечал, что в северной Франции, в отличие от привычного для него Юга, «в городах проживают только горожане, дворяне же — в своих деревенских поместьях»¹. Признание значительности рыцарского элемента в средневековых городах Южной Европы стало общим местом в работах историков. В отношении провансальских городов, вслед за Р. Мишелем², это повторяют и Ж. Сотель и Ж. Дюби³. Давно в этом смысле стали проводить аналогию между городами Южной Франции и городами Италии (эту аналогию снова подмечает Сотель)⁴.

Ф. Кинер отметил употребление термина *milites* (*vassi domini*, *caballarii*) в источниках, относящихся к городам Прованса, начиная со второй половины X и особенно в XI веке⁵. В городах Лангедока термин *milites* в XI веке встречался также нередко.

В самом деле, в 1067 г. население Арля подразделялось на «благородных» и «неблагородных»: *gens civitatis, nobiles sive ignobiles*⁶. Центром сосредоточения рыцарей здесь были знаме-

¹ «Nam in Francia solummodo burgenses in civitatibus habitant, milites vero et nobiles domine morantur in villis et possessionibus suis». (Salimbene. Cronica fratris Salimbene de Adam ordinis Minoris, ed. O. Holder-Egger. — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores, t. XXXII, p. 222).

² R. Michel. L'administration royale dans la senechaussée de Beaucaire au temps de Saint-Louis, P., 1910, p. 129, n. 1.

³ G. Sautel, p. 337; G. Duby. Villes, p. 255—256.

⁴ В новейшие времена появилась тенденция к пересмотру этой давно сложившейся точки зрения. Так, Жан Лестокуа усматривает в дворянстве главный образующий элемент городского патрициата и вообще определяющую социальную силу средневекового городского развития не только в Южной Европе, но и в Северной: специфическое становится всеобщим. Среди буржуазных историков-урбанистов эта концепция встретила различный прием. В то время как одни, например, И. Ренуар («Annales E.S.C.», 1955, N 1) горячо приветствовали ее появление, другие, например, Л. Февр («Annales E.S.C.», 1952, N 4) и Э. Перруа («Revue du Nord», 1952, N 136), указывая на непоследовательности и натяжки, возражали против необоснованных попыток стирания различий между «городами Севера и городами Юга». Позицию, близкую к Лестокуа, занял и Э. Хибберт: патрициат складывался из феодальных элементов — землевладельцев и министерялов; и так — не только на Юге, но и на Севере Европы. (A. B. Hibbert. The origins of the medieval town patriciate. — «Past and Present», 1953, N 3).

⁵ F. Kiener. Verfassungsgeschichte. S. 106—108.

⁶ Ibid., S. 171, Anm. 43.

нитые римские арены, в эпоху варварских завоеваний и набегов арабов превратившиеся в укрепленную цитадель¹. В Ниме, в стенах такого же римского амфитеатра, который в раннее средневековье превратился в Замок Арен (*Castrum Arenarum*), обосновалась целая община рыцарей («рыцари Арен»), проживавших здесь вместе со своими семьями и возглавлявшихся нимским виконтом². В Каркассоне рыцари (*castellani*) помещались в фортах неприступной цитадели *castellum*—Ситэ³. В Авиньоне⁴ и Тарасконе городские рыцари держали свои дома как лены от сеньора города за службу охраны городских стен, которую они должны были нести постоянно⁵.

С этим связана и специфика пейзажа средневековых провансальских городов, столь ярко напоминавшего городской пейзаж Италии: множество башен и укрепленных домов. Известно, что Людовик VIII, овладев в 1226 г. Авиньоном, приказал разрушить 300 укрепленных домов⁶. В Бокере королевский сенешал Пьер д'Атье приказал скрыть все дома рыцарей вокруг замка⁷.

Эти особенности не могли не вести к социальному и юридическому размежеванию дворянского и недворянского населения в городах. В самом деле, первые Статуты арльского консулата были установлены «по соглашению некоторых рыцарей и почтенных людей»—*cum consilio quorundam militum et proborum virorum*⁸. В данном случае «et» служил не столько соединительным, сколько разделительным союзом. Разделение это не было чисто номинальным. Дворяне не платили здесь ни соляной, ни мостовой пошлины, ни чинша за выпас скота на знаменитых пастбищах Крау. Только к концу XII века горожане-нерыцари (*qui non sunt milites*) добились освобождения от всех этих поборов⁹. В Ниме в 1161 г. мы видим «совет почтенных людей города и рыцарей замка» — *consilium proborum hominum civitatis et militum castri* (т. е. рыцарей Арен)¹⁰. На суде, происходившем в 11119 г. в Кар-

¹ A. Blanchet, p. 156; A. Dupont. Cités, p. 167; E. Engelmann. S. 65.

² HGL, V, N 405, 406, 652; A. Blanchet, p. 208; M. Jouve. Le Palais des Arènes. — «Mémoires de l'Académie de Nîmes», 1901, p. 11; F. Mazauric. Histoire du Château des Arènes. Nîmes, 1934, p. 64.

³ HGL, V, col. 919—924; J. Poux. La Cité de Carcassonne. T., 1922.

⁴ L. Labande. Avignon au XII-e siècle. P., 1908, p. 171—173.

⁵ R. Michel, p. 129.

⁶ J. Flach. Origines, t. II, p. 289.

⁷ R. Michel, p. 154.

⁸ Carta consulatus arelatensis (1142—55). — Ch. Giraud. Essai sur l'histoire du droit français au Moyen-Age. P., 1846, t. 2. — P. J., p. 1.

⁹ F. Kiener, 186, 206—207.

¹⁰ L. Ménard. Histoire de Nîmes, t. I. Preuves, p. 37—38. Но борьба между нимскими горожанами и рыцарями Арен порою достигала крайнего ожесточения. (M. Gougon. Nîmes, p. 46). Нельзя согласиться с Ф. Мазориком, будто даже в таких городах, как Ним, переход горожан в число «рыцарей Арен» не представлял никаких затруднений. (F. Mazauric, passim).

кассоне, присутствовало, как сказано в источнике, «множество народа как рыцарского, так и простого звания»—*tam militaris quam popularis plebis*¹.

И вместе с тем эту сословную обособленность никак нельзя преувеличивать. От 1298 г. до нас дошел любопытный документ. Большая группа (перечисляется 21 человек) бокерских мелких дворян *domicelli*, несколько *potarii* и *burgenses* свидетельствовали своими подписями и печатями, что в Бокерском сенешальстве и в Провансе с незапамятных времен существует обычай, что дворяне и бароны, а также архиепископы и епископы могут свободно, без разрешения короля, возводить горожан в рыцарское достоинство с правом носить герб и пользоваться рыцарскими привилегиями². Очевидно, это свидетельство явилось ответом на попытку королевской власти запретить привычную для южных городов практику³.

Во всяком случае, отнюдь не во всех городах Юга дворянство отличалось сословной обособленностью. Порою четкое размежевание сословий затрудняло и современников. Любопытнейший пример в этом отношении являет нарбоннская грамота 1080 года. В ней рыцари (*milites*) объединены с нерыцарями в общем понятии горожан (*civium*), в отличие от которых владетельные сеньоры Нарбонны называются *centuriones, illustres viri, nobiles*⁴.

Если в некоторых городах Юга рыцари образовывали более или менее обособленный слой, то это имело место главным образом и почти исключительно там, где историческое ядро средневекового поселения составляла цитадель: в Арле и Ниме—римские арены, в Каркассоне—мощная крепость. Такая цитадель в раннее средневековье, в обстановке арабских набегов, должна была играть чрезвычайно большую роль, становилась центром сосредоточения рыцарства и затем, ко времени собственно городского развития, успевала превратиться в прочный центр своеобразной «рыцарской общины»⁵, чья социальная обособленность и сословные привилегии закреплялись и усиливались особою ролью во внешней защите и территориальной отграниченностью от окружающего бюргерства⁶. Не удивительно поэтому, что, например, в Арле и в середине XIII века сохраняется сословное разделение

¹ HGL, V, col. 881.

² Ibid., VIII, N 547.

³ Насколько такая практика была непривычна для Северной Франции, можно судить по тому, что еще в 1280 г. Парижский парламент запретил одному из крупнейших вассалов короля—графу фландрскому возвести в рыцарское достоинство некоего простолюдина. (См. P. Viollet. Précis de l'histoire du droit français, P., 1884, p. 221—222).

⁴ HGL, V, col. 656—657.

⁵ R. Michel, p. 110, 134.

⁶ Любопытно отметить, что в Ниме ров между амфитеатром и городом был засыпан только в конце XIII века по распоряжению королевской власти. (L. Mépard, t. I, p. 27—28).

горожан, и самый консулат формируется пополам из *milites* и *burgenses*, или *probi homines*, то есть богатых горожан-нерыцарей¹.

Аналогичная картина рисуется в мелких городках—кастеллах (*castra*) Тулузена, которые складывались вокруг небольших крепостей и рыцарских замков. В 1202—1204 гг. тулузская коммуна осуществила военные экспедиции против сеньоров Савердена, Верфея, Отрива и некоторых других кастеллов Тулузена, чинивших феодальный произвол и наносивших ущерб тулузской торговле. Мирные договоры, заключенные в результате этих победоносных для Тулузы экспедиций, представители этих городков почти всегда подписывают «*pro se ipsis et pro aliis dominis et militibus et probis hominibus castri*»².

Здесь различия между дворянами и недворянами строго соблюдаются.

Иное дело—Тулуза. Подобно другим городам Юга, Тулуза была городом башен и укрепленных домов³. Многим могущественным городским династиям, обладавшим укрепленными домами с башнями, принадлежали, кроме того, башни на городской стене, иногда даже замки⁴. Тулуза не имела такого центра сосредоточения рыцарства, как арены Нима или Арля. Нарбоннский замок—не амфитеатр-цитадель. Но Тулуза была столицей могущественных графов, а Нарбоннский замок—их резиденцией. Наличие в городе значительного дворянского элемента едва ли может вызывать сомнения.

И тем не менее документам, исходящим из этого города, хорошо известно понятие «*probi homines*», но словно бы совсем неизвестно понятие «*milites*». В грамоте графа Пуатье и Тулузы Гильема (1115 год) тулузцы фигурируют только как «*cives atque urbani*»⁵. В грамоте короля Людовика VII тулузской церкви (1154 год) говорится о присутствии тулузских «*civium et burgensium*»⁶. Иными словами, в обоих актах речь идет только о жителях Ситэ и жителях Бурга, рыцари (*milites*) даже не упомянуты. Очевидно, они входили в число тех и других—в число горожан. Какую бы дарственную хартию тулузской коммуне, какой бы акт консулата мы ни взяли, мы почти всегда встретимся с формулами: «консулы и почтенные люди города Тулузы и пригорода»⁷, «почтенные лю-

¹ «... *utrique quorum*, — пишет в 1247 г. арльский архиепископ, — *consueverunt habere in Arelate medietatem concilii et officiorum*» (F. Kieper, 192, Anm. 160).

² Cart. Bourg, N 29, 30, 38, 39, 41, 42, 53, 57, 58, 60, 61, 62, 64, 66.

³ *Guillelmus de Podio Laurentii. Chronica*, cap. XXIV, p. 140.

⁴ Cart. Bourg, N 19, 35, 37; Cart. S.-Sernin, N 64, 95, 98.

⁵ HGL, V, N 454.

⁶ Cart. S.-Sernin, N 4.

⁷ «*Consules et probi homines urbis Tolose et suburbii*», — Cart. Bourg, N 10, 33, 39, 80, 83.

ди и весь народ (или: и община) Тулузы—города и пригорода»¹, «весь народ города Тулузы и бурга»², чаще же всего: «все мужчины и женщины города Тулузы и пригорода»³— и только.

Чем объяснить это явление? В свое время еще Л. Кло высказывал предположение, что, может быть, в XII в. городское дворянство в Тулузе еще не успело сложиться и обособиться⁴. Эту же точку зрения поддерживает Ж. Сотель, который полагает, что в Тулузе, как и в Ницце, ввиду слабого размежевания классов, дворяне и богатые горожане были смешаны в общем понятии *maiores*, противостоявших народной массе, или *minores*⁵. Но оставляя в стороне Ниццу, следует отметить, что в Тулузе не существовало деления жителей на *maiores* и *minores*. Эта терминология совершенно чужда языку тулузских актов⁶. Что же касается сословного выделения дворянских элементов тулузского населения, то вот любопытный документ, относящийся к 1093 году. Он определяет, что правом быть похороненными на кладбище Сен-Серненского монастыря могут пользоваться только тулузские епископы, графы и рыцари Ситэ; остальным прихожанам Сент-Этьенской церкви (кафедрального собора Тулузы) в этом почетном праве отказано⁷.

Таким образом, несомненно, что в конце XI века некоторая сословная обособленность дворянства уже была определенным фактом городской жизни Тулузы. Она засвидетельствована и в грамоте 1036 года⁸. Почему же она исчезает в XII столетии? Едва ли потому, что она еще совсем не успела сложиться.

Р. Лимузен-Лямот усматривает причину в легкости доступа в число городских дворян. Ему представляется, что тулузскому горожанину достаточно было приобрести дворянский феодал (*fief noble*) в форме земельного владения, усадьбы или дома (*domus, honor, casales*), чтобы войти в состав *milites Tolose* и приобрести привилегии дворянства⁹. Но этот тезис ничем не подкрепляется. Не сообщают ничего на этот счет и тулузские источники. Они не

¹ «*Probi homines et omnis populus (или: et universitas) Tolose urbis et suburbii*». — Ibid., N 56, 76, 77, 78, 84—87, 102.

² «*Universus populus civitatis Tolose et burgii*», — Ibid., N 9, 28, 31, 34, 73, 79.

³ «*Omnes homines et femine urbis Tolose et suburbii*», — Ibid., N 1—3, 6—12, 14, 17, 24, 29, 30, 32, 35—36, 37, 40—51, 53—54, 57—70, 72, 80—82, 88—89, 94, 98, 101—102; Cart. Cité (Ibid.), N 76—77.

⁴ L. Clos. Recherches sur le régime municipal dans le Midi de la France au Moyen Age. — «Mémoires présentés à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres». 2-e série, t. 3. P., 1854; p. 356.

⁵ G. Sautel, 344.

⁶ Лишь во второй половине XIII в. можно встретить подобное разделение или, точнее, подобное словоупотребление для Тулузы, но насколько нам известно, только в переписке тогдашнего тулузского графа, брата французского короля — Альфонса Пуатье (Corr. Alfonse de Poitiers, t. II).

⁷ Cart. S.-Sernin, N 2.

⁸ HGL, V, N 207, VII.

⁹ R. Limouzin-Lamothé, Commune, p. 228.

знают разделения феодалов на «дворянские» и «разночинские»¹. Более того, на протяжении всего XII в. мы в них вообще практически не встречаем термина: *milites Tolose*. Его почти полное исчезновение в XII веке едва ли можно объяснить свободным доступом богатых горожан в ряды городского дворянства: круг мог бы расшириться, но обособленность все-таки осталась бы, а мы ее не наблюдаем.

Но вот в декабре 1222 г. в хартии графа Раймунда VII, торжественно подтверждавшей вольности Тулузы, после перечисления свидетелей сказано: «и многие другие благородные люди—рыцари и горожане» — *et plures alii nobiles viri milites et burgenses*². Снова, казалось бы, дворяне отделены от горожан. Следует иметь в виду, что в числе свидетелей этого важнейшего акта графской власти были не только городские патриции дворянского и недворянского происхождения, но и многие феодальные вассалы графа, в том числе графы комменжские — отец и сын, некоторые сеньоры Тулузена и т. д. Так что такое разделение в данном случае вполне объяснимо. Но что это за разделение! Как *milites*, так и *burgenses* названы *nobiles viri*. Словесный признак «благородства», знатности, бывший всегда при феодализме атрибутом землевладельческого дворянства, распространен здесь на горожан. Очевидно, сближение рыцарских элементов с богатыми горожанами шло в Тулузе не путем вступления разбогатевших бюргеров в сословие дворянства, как представляется Лимузен-Лямуту³.

Дж. Манди склонен видеть источник силы, влияния и сословной обособленности тулузского рыцарства в его землевладении и особенно — в его конной военной службе, так как кавалерия составляла ядро городского ополчения⁴. Но в XII веке тулузские графы обращаются к широкому использованию наемных войск⁵. Это — брабанты, немцы, арагонцы, наваррцы и другие инозем-

¹ Такого же мнения придерживается и исследователь ленных отношений в Тулузе Ю. Ришардо (H. Richardot, p. 313). Не знает этого разделения и такой сравнительно поздний источник, как Тулузский кутюм. Как отмечает его исследователь А. Тардиф, слово *feodum* в Тулузском кутюме «означает обычно вообще какое-то владение, благородное или ротюрное, безразлично, предоставленное какому-то лицу — свободному или серву». (A. Tardif. *Le droit privé*, p. 89—90).

² Cart. Bourq, N 81.

³ Нельзя не согласиться с Э. Энгельмани в ее споре против аналогичных представлений Э. Эннен в отношении южнофранцузских городов (См. E. Engelmann, S. 66). Против представления о значительности роли аннобирования в процессе складывания городской верхушки на провансальском Юге свидетельствуют и данные второй половины XIII века. На их основании Э. Баратьер определяет удельный вес дворянства в общей массе населения Прованса в среднем как 5—6% в деревне и 1—2% в городе. (E. Baratier. *Démographie provençale*, p. 67—68).

⁴ J. Mundy. *Liberty*, p. 11, 146.

⁵ О. Молинье отмечал, что на Юге к XIII в. широко распространилась практика замены рыцарской службы ежегодным денежным взносом. A. Molinier. *L'administration*; HGL, VII, p. 543.

цы, жалобы на бесчинства которых мелькают в документах эпохи. Об этом свидетельствует и дело Фора де Молливернета, тулузского горожанина: в 1176 г. он обратился в консулат с жалобой на свою жену, которая ограбила его и убежала с неким брабанцем, каптенармусом из графских наемных войск¹.

Видимо, в XII веке тулузские рыцари уже не играли решающей роли в графском войске. Во всяком случае документы эпохи не дают никаких оснований для противоположного вывода. Что еще важнее,—источники недвусмысленно говорят о том, что богатые горожане Тулузы в эту пору обладают рыцарским вооружением, а то и боевым конем, и могут нести военную службу не хуже самих рыцарей². Об этом свидетельствует и только что упомянутое дело Молливернета. Истец жаловался, что, похитив его деньги, ткани и одежду, неверная жена захватила и его «великолепный панцирь» (*loricam meam preciosissimam*). А ведь Молливернета явно не дворянин. Ни один документ муниципального картулярия Тулузы не дает основания для допущения, что консулы разрешали тяжбы рыцарей или что рыцари обращались в консулат по своим (не специфически муниципальным) делам. Не принадлежал он и к правящему патрицианскому слою — имя его ни разу не встречается ни в консульских списках, ни в числе свидетелей каких-либо коммунальных постановлений. Более того, насколько можно судить, он не был и очень богат — никаких драгоценностей он в своей жалобе не упоминает. Но и он обладал отличным панцирем.

Таким образом, то, что, по мнению Манди, было основой общественного веса и сословных привилегий тулузского городского дворянства в XII веке, фактически в эту пору утратило черты дворянской исключительности и в меньшей степени стало достоянием богатых горожан.

Процесс этот начался значительно раньше. Об этом свидетельствует и вышеупомянутое церковное постановление 1093 года. Самое его появление говорит о возрастании роли городского бюргерства, фактически присваивавшего себе некоторые почетные привилегии дворянской знати³.

Известное социальное сближение гетерогенных элементов формирующейся городской верхушки Тулузы, видимо, имело место уже в конце XI века. Но процесс этот, очевидно, еще только начинался, известной сословной обособленности, несомненно наличной в эту пору, тулузское рыцарство еще не утратило, и перед

¹ Carl. Bourg, N 33.

² Известный тулузский ростовщик Понс Дави в 1208 году передает по завещанию свой панцирь, гамбизоны, мечи «и другое снаряжение мужчины» (*et alia munimenta hominis*). — J. Mundy. Liberty, p. 357. Очевидно, в это время в городе боевые доспехи рассматривались не как исключительный атрибут рыцаря, но как принадлежность всякого человека, мужа.

³ Вопреки представлениям Дж. Манди, который видит в этом свидетельстве значительности роли тулузского рыцарства в эту пору. См. J. Mundy, p. 10, 227. См. также A. Dupont, Cités, p. 670.

лицом возрастания богатства и значения горожан феодально-церковные силы стремились эту обособленность поддержать и усилить. Реальной основой процесса рассасывания сословной обособленности городского дворянства было не изменение сословного статуса горожан, а возрастание роли денежного богатства — по мере развития Тулузы как торгово-ремесленного центра.

Но не менее трудно встретить на страницах тулузских документов XII века и термин *burgenses* как обозначение горожан, бюргеров, в отличие от дворян. Правда, это слово встречается в тулузских актах XII века не так уж редко, но только как обозначение жителей Бурга, в отличие от жителей Ситэ — *cives*¹. Напрасно Дж. Манди пытается дать определение содержанию термина «бюргер» — *burgensis* — в Тулузе этой эпохи. В соответствии со своею общей юридической точкой зрения, с которой феодальное общество рисуется как система соподчиненных сословий на службе политической власти, Манди истолковывает это понятие, как обозначение людей, чья служба графу не была настолько же исключительно военной, как у рыцарей: здесь преобладали «экономические услуги», или «экономические повинности» (*economic services*)². Но тулузские акты XII века не знают такого понятия *burgenses*. Надо думать, что его отсутствие коренилось в тех же жизненных явлениях, которые стерли в этих источниках и понятие *militēs*.

Очевидно, складывание тулузского патрициата нельзя понять вне связи с процессом известной социальной диссоциации дворянства и взаимного сближения сословно-разнородных элементов верхнего слоя горожан на основе интенсивного развития города как ремесленно-торгово-денежного центра.

Попробуем конкретнее проследить роль дворянских элементов в процессе складывания тулузского патрициата.

Среди знатных тулузских родов, игравших затем активную роль в консульате, источники позволяют без большого труда обнаружить отдельных ленников графа, или потомков таких ленников. К их числу несомненно должен быть отнесен знатнейший тулузский род де Вильноу. Во второй половине XII века, в 1164 г., Понс де Вильноу был графским викарием Тулузы³. В 1167 г. он подарил Ордену госпитальеров значительные богатства, включая такой чисто феодальный доход, как альберга (побор за право постоя) для 6 рыцарей и одного сержанта⁴. Но, быть может, еще показательнее в этом отношении, что еще в 1138 году тот же Понс де Вильноу поставил свою подпись под торжественным актом об отречении графа Альфонса-Журдена от права спoliации в

¹ См., например, Cart. S.-Sernin, N 4; Cart. Bourg, N 15.

² J. Mundy, p. 12.

³ Cart. Bourg, N 3. Примечательно, что одновременно он был членом коммунального капитула. См. там же.

⁴ A. Du Bourg. Ordre de Malte, N 20.

отношении тулузского епископа (в деле собственно к городу никакого отношения не имеющем), поставил свою подпись рядом с подписями графов, виконтов и крупнейших сеньоров Тулузского графства¹.

В 1207 г. мы видим другого представителя того же знатного рода — Журдана де Вильноу даже в числе свидетелей брачного договора сестры графа тулузского Раймунда VI с ее вторым мужем — сеньором де Л'Иль, наряду с такими лицами, как граф комменжский и брат жениха². При этом дворянин Журдан де Вильноу был в то же время тулузским горожанином, от 1183 до 1202 г. трижды заседавшим в городском консульате³. Наряду с другими городскими богатыми-землевладельцами он владел участками, домами, торговыми рядами на городском рынке Ситэ — на площади Монтайгон и, когда в 1205 г. владельцы недвижимости на этом рынке были вынуждены отказаться от своего права собственности в пользу коммуны, Журдан де Вильноу пытался еще сохранить за собою принадлежавшее ему чисто феодальное право сбора торговой пошлины на этом рынке⁴.

Из графских вассалов, очевидно, вышел и другой, тесно связанный с фамилией Вильноу, знатный тулузский род — де Тулуза. Еще в 1080 г. мы встречаем имя Бернара-Рамуна де Тулуза рядом с именами графов, вицеграфа и таких знатных сеньоров, как де Рокфор, де Клермон, в числе свидетелей дарственной грамоты тулузского графа Гильсма Аквитанского монастырю Сен-Понс де Томьер в Нарбоннском диоцезе⁵. Едва ли при оформлении акта графского волеизъявления, акта, по своей природе чисто феодального и не имевшего отношения к каким бы то ни было городским делам, рядом со знатнейшими феодалами Аквитании и Тулузского графства мог выступать недворянин. В аналогичной роли представители этой династии неоднократно выступали и позднее⁶.

В начале XII века Тузет де Тулуза был первым в списке знатных и богатых тулузцев, внесших дарения в пользу ордена Тамплиеров. Он и его семья пожертвовали Ордену землю в Ситэ для возведения главного храма, а также доходы с земель, боевых коней и оружие⁷. Во второй половине XII века Пейре де Тулуза владел башнями и богатыми хоромы в городе и обширными землями за его стенами, а также многочисленными феодальными

¹ HGL, V, N 537.

² HGL, VIII, N 119, II.

³ Cart. Bourg, N 12, 15, 24, 30, 35, 39, 60, 71; Cart. Cité, N 84. В 1214/15 г. консулом был его сын — Арнаут де Вильноу. (См. HGL, VIII, с. 647).

⁴ Cart. Bourg, N 54. Любопытно, что в 1298—1300 гг. в королевских счетных списках Филиппа IV по Тулузскому сенешальству Понс де Вильноу именуется dominus и miles. — Comptes royaux, t. 2, N 26360, 26728—729.

⁵ Layettes, t. I, N 24.

⁶ Cart. S.-Sernin, N 73; HGL, V, col. 1103—1104.

⁷ Cart. Ordre Malte, N 21.

доходами¹. Ему принадлежал значительный участок реки и берега Гаронны в Тулузе, непосредственно примыкавший к графским владениям у Нарбонского замка². Очень вероятно, что это был остаток первоначального вассального лена рыцарских предков этого патрицианского рода. На протяжении интересующего нас периода этот род выдвинул шесть консулов и одного графского вига Тулузы³.

Дворянского происхождения был, видимо, и род Ат, родственник роду де Тулуза. В 1067 г. графский викарий Тулузы Рамун Ат в числе других свидетелей подписал грамоту графа Гильема о дарении аббатству Муассака аллода Кузинас, на территории позднейшего Бурга⁴. В 1148 г. он был в числе тех 17 лиц, которые владели в Тулузе «сапожной пошлойной» и были вынуждены отказаться от нее в пользу коммуны⁵.

К числу патрицианских родов рыцарского корня, по всей видимости, должны быть отнесены также Пилистуры⁶, Жуаны⁷, а также Гиладель, владевшие на северной окраине Тулузы замком Базакль⁸, и некоторые другие.

Было бы слишком поспешно причислить всех владельцев башен и укрепленных домов к дворянам. Но, несомненно, среди них были и дворянские фамилии. Об этом, например, говорит самое родовое имя династии де Турре. Имя другой могущественной фамилии де Палас даст основание для предположения об ее происхождении из графских министриалов. В еще большей степени это относится к таким именам, как Юк Кумтор (Comtorus), свидетель ранних тулузских вольностей 1141 и 1150 годов⁹, видимо, член графского докоммунального городского капитула. Ю принадлежности к министриалам несомненно свидетельствует прозвище Бернара Мандадар (Mandadarius), одного из первых капитуляриев Тулузы (1152 г.)¹⁰. По значению прозвища-фамилии—

¹ J. Mundy, Liberty; ch. IV, n. 6.

² G. Mot. — P. J., N 1.

³ Cart. Bourg, N 13, 18, 23, 101; HGL, VIII, N 354.

⁴ HGL, V, N 277. Разумеется, наше предположение о дворянском статусе лиц, подписавших вместе со знатыми сеньорами — вассалами графа графские акты в конце XI в., акты чисто феодальные по своему содержанию, хотя и опирается на изложенные выше доводы, может быть принято только в целом, как общая путеводная нить. Не исключено, что в числе лиц, близких к графской власти в Тулузе, могли быть в какой-то мере представлены не только рыцари-вассалы, но и городские землевладельцы нерыцарского или, если угодно, дорыцарского происхождения, землевладельцы-недворяне.

⁵ Cart. Bourg, N 28.

⁶ Conf. paléographique, N 9.

⁷ Cart. S.-Sernin, N 291, 292; Cart. Bourg, N 16, 20, 21, 24, 25, 30, 35, 39, 50, 57, 60, 77, 78, 83, 86; HGL, VIII, N 214, II; 250.

⁸ Cart. Bourg, N 37.

⁹ Ibid., N 1, 34. Comitor, comtor — вассал старше вальвассора. См. Du Cange.

¹⁰ Cart. Bourg, N 4, 5.

это поместный (вероятнее всего, графский) управляющий, приказчик или непосредственный потомок такого¹.

Таким образом, вассально-рыцарские элементы несомненно соучаствовали в процессе складывания верхнего слоя тулузских горожан. Но насколько возможно проследить, землевладельческая база этих элементов почти всегда сосредоточена в самом городе. Это — сугубо местные, городские дворяне.

В этом отношении, видимо, не составляет исключения и такая рыцарская династия, как де Кастельноу. На протяжении интересующего нас периода этот знатнейший тулузский род выдвинул пятерых консулов, в общей сложности 12 раз занимавших кресло члена городского капитула, а также (что особенно существенно в интересующей нас связи) — одного графского викария Тулузы². Совладельцы замка Белькастель (близ Лавора, в 28 км к востоку от Тулузы) со всевозможными угодьями, держателями, феодальными доходами, вассальными платежами (альберга) и обязанностями (служба графу в войске и в суде)³ — это, несомненно, дворяне, графские ленники. Однако насколько позволяют судить источники, эти внегородские владения рода де Кастельноу появляются не раньше середины XII века⁴.

Но участвовали ли в интересующем нас процессе внегородские дворянские элементы, деревенские сеньоры?

В 1114 году при основании приорства Леспинасс, близ Мюрэ (около 22 км к юго-востоку от Тулузы) землю подарили Понс Рамун, Понс Беренжер и Кальвет Рутбер, которые в грамоте епископа Амелия именуются рыцарями⁵. В 1127 году, жалую Сен-Серненскому аббатству церковь Сен-Совёр в местечке того же названия, граф Альфонс-Журден при этом отмечает между рекою Эр и ее притоком Жиру какое-то владение, которое держит от него (*tenet de me*) Понс Беренжер⁶. Понс Беренжер, непосредственный вассал графа, по всей видимости, был деревенским помещиком из Тулузена, — помещиком едва ли крупным. Об этом говорит и его подпись в числе свидетелей отмеченной грамоты — «*Poncius Berengarii de Novital*»⁷ и его дарение Сен-Сернену владения, за которое он получает всего 5 су⁸.

Но в 1203/04, 1211/12 и в 1215/16 гг. Понс Беренжер фигуриру-

¹ Du Cange: *Mandatarius*.

² Cart. Bourg, N 6, 12, 13, 15, 17—19, 22, 71, 96—97, 101, 103; HGL, VIII, col. 647, 709; Guillelmus de Podio Leurementii, *Chronica*, cap. XV, p. 131—132.

³ HGL, VIII, N 213, II.

⁴ Ibid. В актах второй половины XIII века де Кастельноу обычно именуются рыцарями. (*Inventaire archives commun. Toulouse*, I, p. 17, N 1; p. 54 § 28; EGR, p. 91).

⁵ HGL, V, N 452.

⁶ Cart. S.-Sernin, N 255.

⁷ Novital — в том же кантоне Фронтон, департамента Верхняя Гаронна, что и местечко Сен-Совёр.

⁸ Cart. S.-Sernin, N 256.

ет в числе тулузских консулов¹, а в период Монфоровской оккупации и временного отсутствия консулата в Тулузе он был в числе тех четырех *probi homines*, которые от имени Симона де Монфора выполняли в городе функции судей по гражданским и уголовным делам². 6 марта 1222 г. Понс Беренжер ставит свою подпись в числе свидетелей важнейшего постановления консулата о порядке консульских выборов и управления городскими доходами, постановления, подписанного чуть ли ни всеми знатными горожанами Тулузы³, а 21 сентября того же 1222 г. опять-таки вместе со всею городской знатью скрепляет подписью взаимную присягу графа и коммуны и общее подтверждение коммунальных вольностей Тулузы в связи со вступлением на графский престол Раймунда VII⁴. Очевидно, это не тот Понс Беренжер, который в 1127 г. держал феода от графа Альфонса-Журдена. Но это, по всей видимости, его прямой потомок — сын или внук (повторение одних и тех же излюбленных имен в знатных тулузских фамилиях — обычное явление). Так или иначе, Беренжеры, бывшие непосредственные ленники графа, прочно вошли в состав тулузского патрициата. Это подтверждается и тем, что Рамун Беренжер (вероятно, сын Понса II) трижды был консулом: в 1217/18, 1224/25 и 1246/47 гг. и в качестве свидетеля в числе представителей тулузской знати (а 6 марта 1222 г. — одновременно с Понсом Беренжером и вместе со своим братом Гаутейром) подписал ряд важнейших для тулузской коммуны документов⁵.

Фигурирующая в городской жизни Тулузы в конце XII столетия фамилия де Маркафаба⁶ была ветвью дворянского рода из Савердена (40 км южнее Тулузы), где, как показывают грамоты конца XI — первой половины XII века, они владели церквями (в том числе и захваченными у Сен-Сернена), поместьями с зависимыми крестьянами, а также имели вассалов-рыцарей и даже обладали сеньориальной властью над городком Саверденом (*castrum Saverdunum*)⁷. Имя Арнаута Бернара де Маркафаба стоит первым в числе сеньоров и рыцарей (*domini et milites*) Савердена, подписавших в 1203 г. договор о капитуляции перед тулузской коммуной⁸.

¹ Cart. Bourg, N 26, 43—51, 61—70; J. Mundy. Liberty, Ap. 1.

² R. Limouzin-Lamothe, p. 140, 176. Любопытно отметить, что явные дворяне в городе и городских учреждениях выступают лишь как *probi homines*, то есть как «почтенные» знатные горожане.

³ Cart. Bourg, N 75.

⁴ Ibid., N 80.

⁵ Ibid., N 75, 77, 101, 103; Cart. Cité, N 76, 83; HGL, VIII, col. 709.

⁶ Cart. Bourg, N 8, 9 (1188/89), 32 (1194).

⁷ Cart. S.-Sernin, N 208, 212; HGL, V, N 540.

⁸ Cart. Bourg, N 62. Двое из этой династии вместе с другими сеньорами Тулузы в 1222 г. свидетельствовали взаимную присягу вступавшего на графский престол Раймунда VII и тулузской коммуны. — Ibid., N 80. В казначейских списках 1298—1300 гг. А. де Маркафаба именуется *dominus* и *miles*. — Comptes Royaux, t. 2, N 26468, 26581—83.

Подобные примеры можно было бы приумножить.

Но примечательное обстоятельство: в числе первых прюдомов, представителей зарождавшейся тулузской коммуны, а затем в числе первых капитуляриев мы почти не встречаем этих фамилий деревенско-поместного происхождения. В Тулузе, на арене ее муниципальной жизни они появляются, как правило, не ранее конца XII и главным образом — в начале XIII века. Очевидно, вопрос о роли дворянства вообще и внегородских поместных элементов в частности в процессе складывания тулузского патрициата отнюдь не так прост, как это может показаться с первого взгляда.

Проникнуть несколько глубже в предысторию тулузского патрициата помогают некоторые любопытные данные, которые удастся извлечь из картулярия Конкского аббатства в Руэрге¹, и их сопоставление с более поздними данными тулузских муниципальных картуляриев. Конкский картулярий особенно ценен для нас тем, что содержит грамоты второй половины XI века, что для Тулузы соответствует только началу собственно городской эпохи. Хотя Конкское аббатство находилось близ Родеза (около 130 км северо-восточнее Тулузы), владения этого монастыря, широко известного в тогдашней Франции своею «чудотворной» золотой статуей св. Веры, были разбросаны по всему Югу — от Луары до средиземноморского побережья. Ряд владений был приобретен аббатством и в Тулузене.

Рассматривая дарения, сделанные в этом районе в 60-е—80-е годы XI века, в пору наибольшего подъема клюнийского движения и первого активного натиска церкви на светское землевладение, мы то и дело встречаем среди донаторов этого аббатства имена, в дальнейшем более или менее заметные в муниципальной истории Тулузы. Так, между 1061 и 1065 гг. Понс Бернар, Ат Юк, а также сыновья Бернара Арнаута подарили Конкскому аббатству церковь и аллод, «который называют Борн»². Перед нами несомненно группа деревенских помещиков, владевших также и церковью. Между тем род Бернаров представлен в Тулузе двумя консулами (1203—1208 годы) и одним, можно сказать знаменитым в истории тулузской коммуны, нотарием³. Арнауты же — знатный патрицианский род. Бернар Арнаут в числе 14 представителей города (может быть, членов графского городского капитула, предшественника консулата?) еще около 1120 г. подписал первую из дошедших до нас грамоту о выкупе горожанами нена-

¹ Cartulaire de l'abbaye de Conques en Rouergue, publié par G. Desjardins. P., 1879.

² Близ Вильмюра, около 30 км к северу от Тулузы. (Cart. Conques, N 60).

³ R. Limouzin-Lamothe. — AM, 1933, p. 311.

вистных провозных пошлин¹. В 1150 г. в числе приюдомов Тулузы мы видим Пейре Арнаута². И еще пять консулов и три тулузских нотариа носили это родовое имя.

Между 1073 и 1087 гг. Бернар Гаусбер с женою Риксендою и сыновьями Гильемом и Рамуном, а также Понс Гайральд, Бернар Амель с женою и другие подарили Конкскому аббатству принадлежавшую им церковь в Сепет (около Тулузы)³. Опять-таки дарители несомненно помещики (видимо, не очень богатые), владевшие местной церковью.

Тогда же, в конце XI века, Конкское аббатство выкупило церковь в Galatea Querci (Кассань, близ Тулузы), принадлежавшую нескольким светским владельцам, в том числе Пейре Гаусберу с братьями и сыном Гильемом⁴.

Все три названных родовых имени позднее довольно заметны в правящем слое тулузской муниципии. Между 1207 и 1248 гг. в консулате заседали два, если не три, человека с фамильным именем Амель⁵. А между 1218 и 1227 гг. — двое из рода Гайральдов⁶. Что же касается фамилии Гаусберов, то Понс Гаусбер был в числе тех 17 знатных тулузцев, которые владели феодальной пошлиною с кож в Тулузе до 1148 года⁷. Еще три представителя этой династии четырежды заседали в тулузском консулате между 1202 и 1220 гг.⁸.

Примечательно, что отмеченная выше дарственная грамота скреплена подписями графа Гильема и тулузского епископа Изарна. Вслед за подписями этих двух глав светской и духовной иерархии Тулузена стоят еще два имени: Рамун Од и Бернар Берснжер⁹. Очевидно, это могли быть только знатные дворяне, поместные сеньоры. И мы находим в картулярии Конкского аббатства несомненные тому доказательства. Между 1087 и 1105 сыновья Рамуна Ода, их мать и два их двоюродных брата подарили этому аббатству принадлежавшую им церковь в Monte Sancto Johanni¹⁰ со всеми относящимися к ней владениями — подарили «с согласия и одобрения тулузского епископа Изарна и тулузского графа Бертрана»¹¹. Такая высшая санкция давалась отнюдь не каждому богатому помещику. Речь идет фактически

¹ Cart. Bourg, N 14.

² Ibid., N 34.

³ Cart. Conques, N 64. Относительно Бернара Амеля см. также грамоту 1096—1105 гг., там же N 464.

⁴ Ibid., N 67.

⁵ Cart. Bourg, N 88, 89, 91, 92, 101, 103; Cart. Cité, N 76, 77.

⁶ Ibid., N 91, 92, 102; Cart. Cité, N 76, 77, 83.

⁷ Cart. Bourg, N 28.

⁸ Ibid., N 24, 25, 29, 30, 35, 38—51, 57—70, 91, 91; HGL, VIII, с. 640—641.

⁹ Cart. Conques, N 64. Понс Берснжер выступает в аналогичной роли в грамоте второго десятилетия XII в., — см. там же, N 561.

¹⁰ Издатель Конкского картулярия Г. Дежардэн считает, что это, по всей видимости, может быть только Сен-Жан-де-Люнион в департаменте Верхняя Гаронна.

¹¹ Cart. Conques, N 465.

об одобрении акта отчуждения верховным феодальным собственником. Позднейшие данные позволяют укрепиться в представлении о происхождении династии Од из феодальных сеньоров, вассалов тулузского графа. И в самом деле, в сентябре 1222 г. мы видим Бернара Ода в числе самых знатных сеньоров графства, присутствующих при акте вступления на престол Раймунда VII и свидетельствующих своими подписями взаимную присягу графа и тулузских консулов¹. А в декабре того же 1222 г., вместе с графом тулузским и среди знатных его вассалов он подписал привилегию графа Фуа Ружера-Бернара, освобождавшую тулузцев от провозных пошлин и произвольных поборов в его владениях². Вместе с тем, лица, носившие то же родовое имя Од, были тулузскими консулами между 1199 и 1228 гг.³. Относительно рода Беренжеров подробно говорилось выше.

Среди богатых донаторов Конкского аббатства в последней четверти XI—начале XII века неоднократно встречается имя Dodo de Samathano. Так, между 11087 и 11108 гг. он подарил аббатству «*illam meum allodium et territorium de Vila Nova in comitatu Tolosano*»⁴, in silva de Boccona»⁵. Феодальный характер этого владения (лес) подтверждается также формулой «одобрения» со стороны верховного собственника феода — Арнаута Аземара⁶. Грамоту, кроме дарителей и некоего Доната Оромбелли, подписали Бернар Ауриоль и Бернар де Сен-Феликс⁷.

В муниципальных картуляриях Тулузы фигурирует четыре лица с родовым именем де Саматан: Пейре-Рамун был городским нотарием Тулузы в 1200 г.⁸, Бернар среди большой группы свидетелей — знатных тулузцев 1 сентября 1220 г. подписал декларацию графа Раймунда VII, разрешавшую тулузцам применение права репрессалий в отношении тех лиц, которые в ходе Альбигойских войн перешли на сторону крестоносцев⁹, а двое де Саматан — Жераут и Бернар-Гильем — были консулами, соответственно, в 1223/24 и 1227/28 гг.¹⁰. Весьма заметную роль в тулузском патрициате играли и Аземары (Адемары) между 1207 и 1221 гг.¹¹ и даже в 1279 г.¹²; Ауриоли — в 20-е годы XIII в.¹³,

¹ Cart. Bourg, N 80.

² Ibid., N 83.

³ Ibid., N 13, 73; R. Limouzin-Lamothe. Commune, p. 255.

⁴ Villeneuve-les-Cigieux, департамент Верхняя Гаронна.

⁵ Cart. Conques, N 86.

⁶ Среди свидетелей другой дарственной грамоты, относящейся ко второму десятилетию XII в., фигурирует Понс Аземар. См. там же, N 561.

⁷ Cart. Conques, N 86.

⁸ Cart. Bourg, N 33.

⁹ Ibid., N 94.

¹⁰ HGL, VIII, N 235; Cart. Bourg, N 73.

¹¹ Cart. Bourg, N 88, 89, 94, 95.

¹² Ibid., N 104.

¹³ Ibid., N 73, 84, 99.

де Сен-Феликс—в конце 10-х—первой половине 20-х годов того же столетия¹.

В списках свидетелей дарственных грамот Конкскому аббатству в районе Тулузена, относящихся к концу XI—началу XII века, мы встречаем еще несколько сугубо «тулузских» родовых имен: Ат Жуан², Арнаут Рамун, Кальвет Рутбер³. При этом все три грамоты носят чисто феодальный характер: сеньоры дарят аббатству церковь с ее владениями и доходами (1087 г.); значительные владения, часть «аллода» (1096—1105 гг.), большую часть которого вместе с церковью аббатство приобрело еще прежде, и т. д. Таким образом, сделки затрагивают интересы только феодальных землевладельцев и церкви, к каким бы то ни было городским делам они никакого отношения не имеют. Подписи интересующих нас лиц стоят рядом с подписями несомненных феодальных сеньоров (Аземар де Варен, Бернар де Альбарок), а в первых двух грамотах — наряду с подписями тулузского епископа и тулузского графа.

Вместе с тем названные выше тулузцы — свидетели дарений или их родственники — занимали весьма значительное место в верхнем слое тулузских горожан, правда, не в одно и то же время. Представители рода Жуанов появляются в числе прюдомов Тулузы уже в 60-е годы XII века (Борель)⁴, в консулате — в 80—90-е годы (Арнаут)⁵ и затем в первой четверти XIII в. (Гильем⁶ и Юк, между 1203 и 1218 гг. дважды бывший консулом⁷, а в 1221—1226 гг., — что особенно примечательно в интересующей нас связи, — графским викарием Тулузы)⁸.

Династия Рамунов играла весьма заметную роль в жизни тулузской муниципии на протяжении 100 лет. Уже в 1147 г. Гильем Рамун был в числе тех 10 лиц, которые (еще без какого-либо официального титула) подписали грамоту графа Альфонса-Журдена, освобождавшую жителей Тулузы от феодальных поборов квиса и толта и от общего военного ополчения вне Тулузена⁹, а Пейре Рамун-старший в составе представителей всей патрицианской верхушки города в 1248 г. засвидетельствовал признание графом прав коммуны самостоятельно выбирать консулов¹⁰. За это время род Рамунов выдвинул не менее шести консулов¹¹. Городское существование этой династии отме-

¹ Ibid., N 91, 92; Cart. Cité, N 76, 77.

² Cart. Conques, N 61 (1087); Ibid., N 64 (1096—1105).

³ Ibid., N 561. (10-е годы XII века).

⁴ Cart. Bourg, N 28.

⁵ HGL, VIII, c. 369; Cart. Bourg, N 16, 20, 21.

⁶ Cart. Bourg, N 24, 25, 30, 35, 38, 42, 50, 56—60; Cart. Cité, N 84.

⁷ Cart. Bourg, N 43—49, 51, 61—70; HGL, VIII, c. 647.

⁸ Cart. Bourg, N 77, 78, 83, 86; HGL, VIII, N 214, II; N 250.

⁹ Cart. Bourg, N 2.

¹⁰ Cart. Bourg, N 103.

¹¹ Ibid., N 6, 12, 15—21, 23—25, 30, 33, 35, 96, 97; HGL, VIII, c.c. 369, 640—641, 791, 1113; Catalogue Raimond V, N 122; G. Coenel, Comtes, p. 275.

чено некоторыми феодальными чертами. Бернар Рамун был также в числе тех 17 лиц, которые до 1148 года владели в Тулузе пошლიной с кож¹.

Фамилия Рутбер играла заметную роль в тулузском патрициате почти так же долго, как и Рамун, выдвинув за это время не менее четырех консулов². Уже в 1164 г. Гильем Рутбер был адвокатом тулузского городского капитула³. Источники доходов и этой династии долго сохраняют некоторые феодальные черты. Рамун Рутбер и его брат Фор вместе с еще 15 знатыми тулузцами до 1148 г. были совладельцами все той же «сапожной пошлины»⁴. Кроме того, этот род владел в городе недвижимостью, которую он отдавал в феодальное держание⁵.

Не подлежит сомнению феодальное происхождение династии де Брюгейров (de Brugariis), владевшей в тулузской округе значительными землями (частью — как непосредственными ленами от графа)⁶ и церковными доходами, особенно десятинами⁷, а в самой Тулузе провозными пошлинами⁸. Вместе с тем один из них, в числе первых тулузских приюдомов (может быть, членов графского городского капитула?), в 1141 и 1147 годах свидетельствовал первые вольности, добытые горожанами у графской власти, и в 1152 году был в числе первых городских капитуляриев⁹.

Какие же выводы позволяют сделать все эти данные?

Нам представляется, что за их видимую пестроту можно различить некоторые ведущие линии, по которым шел сложный процесс складывания городского патрициата Тулузы. Прежде всего несомненна значительность роли в этом процессе землевладельческих элементов, в том числе и дворян-ленников графа и его министерялов. Но, как отмечалось, это преимущественно городские вассалы, внутригородские землевладельцы.

Затем, несомненно, определенную роль играли и внегородские сеньориальные силы. Но роль эта отнюдь не была прямой. Наши наблюдения позволяют обнаружить в тулузском патрициате с самого начала его формирования участие некоторых элементов, либо вышедших из деревенско-дворянской среды, либо тесно связанных с феодальными родами Тулузена или с графами, а нередко и в своем городском бытии сохраняв-

¹ Cart. Bourg, N 28.

² Cart. Bourg, N 3, 6, 18, 32, 96, 97, 101, 103; HGL, VIII, col. 394, N 294.

³ Ibid., N 3.

⁴ Ibid., N 28.

⁵ Ibid., N 35 (1202), 49 (1203).

⁶ Layettes, t. 2, p. 245.

⁷ Archives dépt. H.-Garonne. Répertoire S.-Sernin, t. I, f. 2 v; Cart. S.-Sernin, N 77, 90, 142.

⁸ Cart. Bourg, N 14.

⁹ Ibid., N 1, 2, 4, 5.

ших известные специфически-феодалные черты. Таковы Брюгейры, Арнауы, Рутберы, Рамуны, а также, видимо, Кумтор и Мандадар.

Некоторые дворянские роды, такие, как Арнауы, Жуаны, Рутберы, Рамуны, довольно рано и весьма основательно входят в городскую жизнь Тулузы и в состав ее правящего патрицианского слоя. Мы отнюдь не всегда можем проследить—какими путями. Рутберы, видимо, и в городе главные доходы извлекали из землевладения и домовладения¹. Как они, так и Рамуны утрачивают свои права на «пошлину с сапожников» уже около середины XII века². А затем источники сообщают о купцах и менялах с родовыми именами Жуан и Арнаут³.

Таким образом, социальная природа этих элементов претерпевает в городе существенную трансформацию. Да и деревенско-поместное происхождение со значительной уверенностью из числа этих семейств можно признать, видимо, только за Арнау-тами. Что же касается Рамунов, Рутберов, Жуанов, то это, по всем данным, тулузские, «изначально» городские дворяне.

Другие же дворянские фамилии, мелькнув ярко, так сказать, у колыбели патрицианского правления в Тулузе, затем или вовсе исчезают из активной жизни тулузской муниципии, или ступшеваются, как это можно видеть на примере того же рода Брюгейров⁴. Что касается Кумторов и Мандадаров, то первые после 1150 года, а вторые после 1152 года из муниципальной жизни Тулузы исчезают бесследно. Мы не знаем, покинули ли они Тулузу, но мы видим, что они более не играют существенной роли в ее жизни. Вероятно, они и оставаясь в городе сливались с теми городскими дворянами, которые более или менее прочно жили в Тулузе, но так и не вошли в ее городской правящий слой, поскольку, очевидно, не вошли органически в экономическую и общественную жизнь города.

Отметим полутно, что отнюдь не все дворяне, проживавшие в городе, могут быть прямо отнесены к патрициату. Вот, например, в графской хартии 1083 г. вслед за подписью Ульрика Карборды стоит подпись Пейре Рабиа⁵. В дальнейшем Рабиа почти никакого участия в коммунальной жизни Тулузы не принимали. В муниципальном картулярии только один раз, в 1190 г., мелькает имя Бернара Рабиа — в числе свидетелей покупки консулатом участка земли, примыкающего к городской стене⁶; очевидно, и он проживал в городе.

¹ Cart. Bourg, N 32, 35.

² Ibid., N 28.

³ Ibid., N 73, 91, 91; Cart. Cité, N 76, 77; HGL, VIII, N 235; R. Li-mouzin-Lamothe, Commune, p. 256.

⁴ Cart. Bourg, N 14, (1141); 4, 5, (1152). Правда, и далее в тулузском патрициате весьма заметна фамилия Гилаберов, тесно связанная с родом Брюгейров.

⁵ Cart. S.-Sernin, N 290.

⁶ Cart. Bourg, N 31.

В двух грамотах графов Гильема IV и Гильема IX—1083 и 1098 гг., а также в дарственной грамоте Сен-Серненскому аббатству того же приблизительно времени¹ среди свидетелей фигурирует имя Арнаута Ота. В первой грамоте его подпись следует непосредственно за подписью знатного сеньора Гильема де Бирон. Несомненно, От тоже дворянин. Далее в муниципальной жизни Тулузы он никак не участвует. Только из постановления викария и городского капитула в 1180 г. об упорядочении стока городских вод мы узнаем, что Арнаут От владеет в Ситэ домом вместе со знатным патрицием и консулом Пейре де Сеп-Руман². Были ли Оты и в конце XI века городскими дворянами Тулузы, или же переселились в город в XII веке, так или иначе несомненно, что не все жившие в городе дворяне становились городскими патрициями. Некоторые так и оставались дворянами-землевладельцами, не приобщаясь ни к торгово-промышленным занятиям, ни к власти в городе. Учитывать эти элементы нужно. Но они не были многочисленны, и не они определяли социальную физиономию городских землевладельцев.

Вместе с тем данные Конкского картулярия подтверждают ранее сделанный вывод, что было немало патрицианских фамилий, чье дворянское, деревенско-помещичье происхождение источники позволяют установить с большою уверенностью. Таковы Амели, Гайральды, Оды, де Саматан, Аземары, Ауриоли, де Сеп-Феликс и некоторые другие. И опять-таки: сколько-то заметная роль этих династий в тулузском патрициате, в консульском правлении приходится на XIII столетие; в XII веке, как правило, они себя еще никак не проявляют. Совокупность имеющихся данных заставляет видеть в них отпрыски деревенских дворянских родов, лишь во второй половине XII века (частью— в начале XIII века) переселившихся в Тулузу и лишь к началу XIII столетия сумевших более или менее прочно войти в экономическую жизнь города и в известной мере влиться в его правящий патрицианский слой.

Чем вызывался этот поздний приток в город деревенско-дворянского элемента? В литературе мы встречаем несколько попыток найти удовлетворительный ответ на этот вопрос. Как было упомянуто выше, согласно В. Зомбарту и Й. Плеснеру, города явились центрами потребления феодальной ренты и возвысились прежде всего благодаря иммиграции деревенского дворянства и сосредоточению в них богатых помещиков. В итоге возникновение и возвышение городов оказывается следствием творческой деятельности феодального класса, прямым и непосредственным продолжением помещного развития. Но что понуждало дворян к бегству из деревни? Ведь переселение в город, означавшее коренную ломку всего привычного уклада по-

¹ Cart. S.-Sernin, N 290, 291, 293.

² Cart. Bourg, N 19.

мещицъей жизни, должно было означать вместе с тем и отрыв от того самого поместья, которое было источником предполагаемого избытка аккумулируемой ренты.

Едва ли эта концепция требует подробного опровержения. Даже в буржуазной историографии она не получила широкой поддержки. Школа А. Пиренна, до недавнего времени задававшая тон в буржуазной урбанистике, в лице лучших своих представителей отвергла эти построения.

Некоторые современные французские авторы (А. Дюпон, Ж. Дюби, Ж. Сотель) также склонны усматривать определяющую особенность раннего городского развития на провансальском Юге в непрерывном притоке в город рыцарского элемента¹. Что приток этот вообще имел место, не подлежит сомнению. В частности, во времена Каролингов и особенно в период борьбы против арабских вторжений. (Да и тогда в различных городах Юга он имел отнюдь не равновеликое значение: Тулузу в этом отношении никак нельзя поставить в один ряд с Арлем, Нимом или Каркассоном). Но у нас нет никаких данных, которые позволяли бы утверждать, что приток этот в заметных масштабах происходил непрерывно.

После эпохи арабских нашествий (X век), только начиная со второй половины XII века можно наблюдать сколько-то значительное переселение деревенских помещиков в города. Так, в частности, рисуется дело в Тулузе. Приведенные выше наблюдения в отношении некоторых знатных тулузских династий свидетельствуют об этом с большою достоверностью. Но в таком случае это переселение не может быть объяснено арабскими набегами и вообще потребностями обороны. Очевидно, оно связано не с прошлым, а с новыми явлениями — с бурным подъемом городской жизни, с развитием товарного производства и обращением и его воздействием на поместье.

Что касается Северной Франции, то во второй половине XIII века Бомануар сообщает о «бедных господах», у которых нет ни зависимых людей, ни поместий и которые по бедности не могут приглашать других дворян для защиты своих интересов в суде². Рассматривая социальные сдвиги этой эпохи на материале истории Нидерландов XIII века, Ф. Веркаутерен приходит к выводу, что быстрое возрастание движимого богатства в этот период привело к падению стоимости денег и сильно затронуло деревенских дворян, живших фиксированными рентами. Чинши, которые приносили их прадедам обильные доходы, теперь едва могли избавить их от нужды. Отсюда — широкая задолженность дворянства в этот период³.

¹ A. Dupont. Cités, p. 667; G. Duby. Villes, p. 236, 248—249, 255.

² Coutumes de Beauvaisis; ch. LXII, N 1791, 1792, 1793.

³ F. Vercauteren. Luttes sociales à Liège (XIII et XIV siècles). Bruxelles, 1946; p. 28.

Анализ эволюции поместья и судеб феодального класса в Лангедоке выходит за пределы нашей задачи. Но общее оскудение южного дворянства в этот период вырисовывается достаточно определенно. Хронист 80-х годов XII века Жауфре де Вижуа (Лимузен) сетует на это бедствие как на знамение времени и прямо связывает его с богатением горожан, ростом цен и разгулом ростовщичества: «Цены на сукна и меха удвоились... Берут проценты как чинш с земли...» Жалуется он и на дробление дворянских феодалов¹. В этом сходятся и историки. На Юге не было столь же строгого соблюдения права майората, как на Севере². Отсюда постоянные разделы и дробления в феодальных семьях, а также широкое распространение на Юге практики феодального совладения. Так, например, замок Гард-Герен в Жеводане одновременно находился во владении 27 сосеньоров (*paragurie*)³. Оценивая в целом положение дворянства в Восточном Лангедоке в начале XIII века, Р. Мишель пришел к выводу о преобладании здесь мелких раздробленных сеньорий и общей бедности этого слоя⁴. Едва ли в Западном Лангедоке положение было существенно иным.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о весьма широком с середины XII века приобретении внегородских земельных владений богатыми тулузскими горожанами посредством ипотеки, инфеодации и прямой покупки у деревенских помещиков, а также данные о вовлечении переселившихся в Тулузу дворян в ростовщическо-торгово-промысловую деятельность убедительно свидетельствуют также об очень затруднительном экономическом положении рядового деревенского дворянства в Тулузене в эту пору, о вынужденности и о вполне определенной целенаправленности его переселения в город⁵.

Таким образом, сама эта дворянская иммиграция была следствием интенсивного торгово-ремесленного развития города и его воздействия на феодально-поместную округу. Способствуя оскудению и разорению подгородных дворян, городское развитие побуждало их искать приспособления к новым экономическим условиям, в частности путем переселения в город. Тем са-

¹ *Gaufridus Vosiensis. Chronica* (Labbe. Nova bibliotheca manuscriptorum, Parisiis, 1657), vol. II, cap. 73—74. Потому-то, заключает хронист, многие рыцари уходят в монастыри и в крестовые походы, оставляя семьи и родных.

² A. Molinier. *L'administration féodale*; HGL, VII, n. 46, p. 150—151; A. Dupont. *Cités*, p. 449—450.

³ R. Michel, p. 115.

⁴ *Ibid.*, p. 110, 126.

⁵ Нельзя не согласиться с Э. Перруа, который, возражая против концепции, выводившей городской патрициат из дворянского корня, замечает, что деревенские поместья никогда не могли дать дворянам значительных денежных средств и что, следовательно, для завоевания командного положения в городе дворянин должен был непременно приумножить свое первоначальное богатство коммерческими операциями. («*Revue du Nord*», 1952, N 136, p. 264).

мым в значительной степени предопределялось и направление дальнейшей экономической и социальной эволюции этих элементов в условиях города.

Яркий пример трансформации землевладельческих интересов и втягивания пришлых дворянских элементов в городской хозяйственный оборот дает нам история рода Капденье в XII—первой четверти XIII века. Бернар Капденье поселился в тулузском Бурге около 1161 года, когда он приобрел там, между двумя улицами, две усадьбы (*casales*) — одну купил, а другую взял в лен¹. Его родовое имя происходило от небольшого феодального владения (поселка) Капденье, находившегося близ самого города, к северу от Бурга. Во второй половине XII века роду Капденье здесь принадлежали лес за рекою Эром и, видимо, некоторые другие земельные владения². Очевидно, это была ветвь не очень богатого рода деревенских помещиков, переселившаяся в город.

В Тулузе Бернар Капденье (а затем и его сын Понс) занимается торговлей, главным образом торговлей лесом. Более того, он обзаводится в Бурге несколькими *operatoria fuste* — видимо, небольшими лесопилками, где обрабатывался строевой лес³. Но главным объектом хозяйственной активности и отца и сына Капденье была земля: приобретение земель и рент, спекуляция земельными участками, эксплуатация мелких держателей. Для этих целей они в равной мере и покупают земли и берут их в лен. Пашни, луга, виноградники, пустоши в черте города (и в городской округе) отдавались мелким держателям за выгодные ренты. Они широко практиковали выдачу ссуд под залог земли — ипотечные сделки. В городе (главным образом в Бурге) Бернар и Понс Капденье владели целым комплексом домов, мастерскими, садами, различными держательскими участками и рентами.

Перед нами очень типичный случай социально-экономической эволюции деревенского помещика, переселившегося в город. В деревне он обладает какими-то, не очень доходными, земельными владениями. Когда-то роду Капденье, видимо, принадлежала церковь, расположенная на территории их родовой вотчины. Но затем (со времени Ключиньской реформы?) она попала в зависимость от архидиаконата Вильлонг, а этот последний в 1093 году был подчинен могущественным Сен-Серпенем⁴, так что прежним владельцам поместной церкви теперь едва ли вообще что-нибудь перепало из ее доходов. Поместные же доходы не только не возрастали, но сокращались, и младшие отпрыски рода вынуждены переселиться в город, надеясь здесь поправить свои дела. Не случайно они обосновываются в быстро строя-

¹ P. Gérard, *Cartulaire des Capdeniers*, p. 18.

² Ibid., 15.

³ Cart. Bourg, N 100.

⁴ Cart. S -Sernin, N 2

щемся Бурге, главном очаге торгово-ремесленной жизни Тулузы. И сами они ищут обогащения в торговле — прежде всего в торговле лесом, тем единственным объектом их феодальной собственности, который они скорее всего могли превратить в товар и который в условиях бурного роста города, развития торгового судоходства по Гаронне, строительства мельниц и плотин становился верным источником быстрого обогащения. Городские условия делают особенно выгодной торговлю лесом как готовым строительным материалом, и это побуждает помещика-лесоторговца заняться обработкой леса, хотя бы первичной, обзавестись лесопильнями и, таким образом, связаться с ремеслом.

Это не превращало еще Капденье ни в купцов, ни, тем более, в ремесленников. Главным объектом их устремлений по-прежнему оставалась земля. Деньги, нажитые с помощью спекуляций земельными участками, ипотеки и, особенно, торговли, они вкладывали в приобретение земель и сеньориальных прав. Насколько широко они приобретали владения в форме феодалов, показывает, например, тот факт, что только в одной грамоте 1198 года Понс Капденье рассчитывался по пяти обязательствам об уплате пошлины за возобновление ленов несколькими сеньорам¹.

Переселение в город, втягивание вчерашнего помещика в торговые и денежные операции имело свою логику. В условиях интенсивного городского строительства, растущего притока в город мелкого люда — вчерашних крестьян, полуремесленников, пуждавшихся в участках для своих хижин и дворов-усадеб, а также в клочках земли для виноградников и огородов, его землевладение в городе приобретало все более подвижный, коммерческий, спекулятивный характер. Тесно связанная с землевладением ипотека вовлекала прежнего деревенского сеньора в ростовщическую деятельность, а продажа леса и пиломатериалов — в торговлю и даже ремесло.

Но одновременно действовала другая тенденция, продиктованная старыми дворянскими традициями, старой и еще отнюдь не изжившей себя деревенско-поместной природой этих городских дворян. На торговлю они смотрели как на наиболее выгодный, быстрый источник обогащения (без нее не разбогатеешь), но наиболее надежную форму богатства в их глазах была земля. Поэтому деньги, нажитые в торговле, они вкладывали в приобретение новых земель. В этой противоречивости экономического лица городских патрициев деревенско-поместного происхождения — одно из проявлений дуализма, присущего патрициату вообще. Какая из двух противоборствующих тенденций возьмет верх в том или ином случае, зависело от конкретных обстоятельств.

Бернар Капденье и его сын Понс прочно укоренились в Ту-

¹ P. Gerard., p. 18.

лузе¹ и превратились в богатых тулузских горожан-патрициев. Понс уже трижды заседал в консульате: в 1202/03, 1213/14 и 1225/26 гг.² Напротив, для другой ветви этого рода—Капденье-Пешбоннье, также обосновавшейся в Тулузе, где она обзавелась гостиницей, — основной материальной опорой оставалась ее сеньория в Пешбоннье и владения в Лонаке. В патрицианский слой Тулузы она не вошла и сколько-нибудь значительной роли в городской жизни не играла³.

Таким образом, только вовлекаясь в городские занятия, только на основе городского богатства отпрыски поместных родов начинали играть в городе сколько-то существенную роль. Примечательно, что, переселившись в Тулузу, деревенские дворяне не сохраняют (во всяком случае не обнаруживают) никакой сословной обособленности, в источниках они фигурируют как *probi homines* — богатые горожане, а не как *milites* — рыцари. Это само по себе достаточно выразительно говорит о том, какие экономические и социальные импульсы играли ведущую роль в процессе складывания городского патрициата.

Попытка проникнуть в предысторию тулузского патрициата заставляет задуматься над еще одним нелегко объяснимым явлением. Как было отмечено, выявить нити генетической связи некоторых тулузских патрицианских родов с поместным дворянством Тулузена нам позволяют более всего те грамоты о частичном перераспределении земельной собственности и доходов внутри феодального класса, которые оставлены эпохой клонийской реформы в Тулузском графстве (в этом для нас особая ценность картулярия Конкского аббатства). Но сколько бы в этих грамотах мы ни находили родовых имен позднейших (главным образом XIII в.) тулузских патрициев, мы почти никогда не встретим в них имен тех знатнейших городских династий, которые появляются на арене муниципальной жизни Тулузы с первых моментов зарождения городской коммуны и затем, в той или иной мере, не сходят с этой арены на протяжении почти всего интересующего нас периода, а порою и значительно дольше, и уж во всяком случае безраздельно преобладают на ней в течение всего XII столетия. Мы не встретим здесь ни де Вильнуу, ни де Кастельнуу, ни де Тулуза, ни де Турре, ни Караборды, ни Мауранов, ни Видалей, ни Руайсов, ни Пейре, ни Баррау, ни Синьяров.

Как это объяснить? Почему во второй половине XI века в Тулузене эти роды совершенно отсутствуют, а в первой полови-

¹ В 1225 году Понс купил у аббата Сен-Сернена большой каменный дом с башней и домашней капеллой в Бурге, а также дома, мастерские и сад там же, между двумя большими улицами (P. Gérard, p. 19).

² Cart. Bourg, N 24—25, 29—30, 35, 38—42, 50, 56—60, 96—97; Cart. Cité, N 84; HGL, VIII, col. 640—641.

³ См.: P. Gérard, p. 16, 17.

не XII века в Тулузене почти одновременно, словно из небытия, во всей своей социальной весомости являются к активной муниципальной деятельности? При этом преимущественно — как роды землевладельческие.

Если исходить из того, что городское землевладение могло произойти только из дворянского, деревенского, то факт этот остается необъяснимым. Нам представляется, что рациональное объяснение может быть только одним: те основные, наиболее влиятельные фамилии, которые затем в течение долгого ряда десятилетий более всего определяли лицо тулузского городского капитула и тулузского патрициата, вышли не из поместной среды. Они были местными, собственно тулузскими родами. В конце XI века они еще не имели внегородских земельных владений. Некоторые особенности экономических и социальных отношений в Тулузе рассматриваемого периода укрепляют нас в этом выводе.

При рассмотрении поземельных сделок в Тулузе XII—XIII веков не может не броситься в глаза одно необычное обстоятельство. Тулузский граф, как земельный собственник, в этих сделках выступает очень редко. Масштабы земельной собственности графов в городе (во всяком случае, графов Сен-Жильской династии, правившей в Тулузе в интересующую нас эпоху) представляются весьма скромными: главным образом комплекс земель, примыкавших к Нарбоннскому замку — в стенах Ситэ и непосредственно за его стенами, а также вдоль городского берега Гаронны (включая остров Тунис, ниже которого начинались владения рода де Тулуза и приорства Дорад). Вне этих пределов граф в поземельных сделках, как правило, вообще не фигурирует, и мы не встретим в городских актах его сеньориального разрешения на ту или иную сделку с землей. Дарения, инфеодации, покупки, продажи, залоги земельной собственности совершаются либо аллодиальными собственниками, либо непосредственными владельцами-феодатариями с санкции сеньора (иногда — суперсеньора) данного владения (*domini honoris*), в большинстве случаев тоже горожанина, но граф, как сеньор, при этом не упоминается¹. Очевидно, в отношении основной массы городского землевладения в Тулузе граф не обладал правами верховной собственности. В огромном большинстве случаев это право принадлежало здесь самым богатым горожанам. Источники не допускают сомнения в правильности этого вывода².

¹ Cart. Bourg, N 31, 32, 35, 36, 43—51, 54, 91; Cart. S.-Sernin, N 103, 104, 122, 123, 182.

² Тулузский кутум, трактуя вопрос о покупке земельных участков, в равной мере предусматривает как такие, которые являются феодальной собственностью (*cum domino feodorum, si a dominis teneantur*), так и аллодиальные (*si liberi existent*). — Coutumes de Toulouse; art. 109. См. там же: art. 140: «*dominio libera*»; art. 143: «*honor liber*»; art. 148: «*immobilia libere possèssa*»; art. 155: «*fundus vel honor liber, pro quo alii dare oblias, census vel alias dominationes facere non teneatur*».

Мы оставляем здесь в стороне значение этого факта для эволюции отношений собственности, для своеобразия сеньориального режима и для всего социального развития докоролевской Тулузы. Но как объяснить самое возникновение столь необычного для средневекового города положения?

Рассматривая эволюцию земельной собственности в средневековом Брюсселе, ее историк Ф. Годдинг приходит к выводу, что здесь патрицианские династии присвоили себе права аллодиальной собственности на землю лишь в сравнительно позднее время, когда, разбогатев на ремесле и торговле, они смогли выкупить свой земельный ценз¹. Наши источники не дают оснований для аналогичного утверждения в отношении Тулузы. В отдельных случаях можно предположить, что длительное феодальное владение постепенно превратилось в аллодиальное, но прямых данных на этот счет нет. Нет и прямых свидетельств выкупа горожанами их земельного чина. Если же земля в городе или даже в городской округе приобреталась за деньги, то не у графа. При этом существенно отметить, что в самом городе в качестве аллодиальных собственников горожане выступают очень рано — уже в начале XII века дарения духовно-рыцарским орденам делаются без какой-либо сеньориальной санкции со стороны графа.

Совокупность имеющихся данных заставляет на поставленный вопрос дать только один ответ: очевидно, в Тулузе слой городских земельных собственников был старше графской власти и графского землевладения.

Упадок ремесла и торговли, возврат к натуральному хозяйству в последние столетия Римской империи, приведшие к общему захирению городской жизни, захватили и города Нарбоннской провинции. Набеги варваров, начиная со второй половины III века, а затем вестготское завоевание довершили дело — население городов резко сократилось, ремесло и торговля едва теплелись, муниципальная организация исчезала². В обстановке варварского общества, едва становившегося на путь феодализации, в обстановке безраздельного господства натурального хозяйства и возрастающей роли деревенского крупного землевладения (к тому же в обстановке, осложненной вторжениями и на-

¹ Ph. Godding. Le droit foncier à Bruxelles au Moyen Age. Bruxelles, 1962, p. 64. Частичный выкуп земельных держаний жителями средневековых прирейнских городов отмечал в свое время еще Х. Ф. Арнольд. См. Ch. Arnold. Zur Geschichte des Eigenthums in den deutschen Städten. Basel, 1861.

² Процесс упадка городов в начале раннего средневековья на материалах вестготской Испании подробно прослеживает А. Р. Корсунский в своей статье «Города Испании в период становления феодальных отношений (V—VII вв.)» (Сборник «Социально-экономические проблемы истории Испании». М., 1965, стр. 3—63; особенно стр. 27, 62).

бегами) не было предпосылок для возрождения или сохранения в городах остатков ремесла, торговли, муниципальной организации. Но эти же условия возобладания натурального хозяйства должны были способствовать сохранению и даже упрочению в уцелевших городах того землевладения, которое на протяжении античности было важнейшей подосновой всей ее городской жизни.

Самый слой городских землевладельцев, восходивший к римским посессорам, при этом не мог остаться неизменным. Его галло-римская основа в связи с общим запустением городов сократилась еще в позднеримские времена. Затем в него вошел некоторый вестготский элемент, в частности в столичном городе Тулузе, хотя основной сферой расселения готов осталась деревня¹. Франкское завоевание, установление каролингской администрации должны были способствовать проникновению в его среду бенефициарно-рыцарских, «дворянских» элементов, связанных с графскою властью. Но слой городских земельных собственников оставался.

Мы лишены возможности проследить экономическую эволюцию этого городского землевладения в раннем средневековье. Более поздние данные заставляют думать, что в связи с победою феодальных отношений в деревне и здесь имела место известная трансформация в том же направлении, немало подготовленная предшествующей, так сказать, колонатной эволюцией позднеримского землевладения. Но в данной связи нам в первую очередь важен самый факт сохранения в городе более или менее свободной земельной собственности. Значительно более длительная, чем на Севере, сохраненность на Юге аллодиального землевладения в деревне² могла только способствовать упрочению здесь слоя городских мелких и средних земельных собственников³. Пришлый элемент лишь вливался в состав этого слоя, но не мог ни вытеснить его, ни коренным образом изменить. Оказывая известное «феодализирующее» влияние на этот слой, пришлый бенефициарно-дворянский элемент быть может в еще большей степени сам ассимилировался этой средою⁴.

Вот, очевидно, почему в поземельных сделках в Тулузе XII—XIII веков, вовлекались ли в них аллодиальные владения,

¹ См. там же, стр. 12.

² Ph. de Beaumanoir. *Coutumes de Beauvaisis*, — ch. XXIV, N 688; Cart. Ordre Temple, N 215, 258, 302, 337, 366, 402, 428, 429, 430, 432; *Ordonnances des roys de France*, P., 1723, t. I, p. 65, N 23; A. Tardif. *Droit privé*, p. 47; E. Chénon. *Étude sur l'histoire des alleux en France*, P., 1888.

³ В Монториоле в XII веке богатые горожане, как правило, были аллодистами. (F. Galabert, p. 31).

⁴ Именно в этом главным образом следует видеть причину той слитности в ряде городов Юга дворянских элементов с недворянскими, о которой так ярко свидетельствует нарбоннская грамота 1080 года (см. выше).

или «феоды», — мы не встречаем верховной собственности сеньора-графа. Непосредственными и верховными собственниками земли в городе, как правило, были сами горожане¹.

В пришлом элементе (особенно во франкском, графско-вассальном) несомненно были и сравнительно могущественные рыцарские роды, с самого начала соединявшие с земельными владениями в городе обладание башнями, иногда — замками и какими-то внегородскими имениями. Но владения основной массы городских земельных собственников не выходили или почти не выходили за пределы городских стен (в Тулузе до XII века было немало пустошей). Рядом с поместьями деревенских сеньоров эти владения выглядели более чем скромно.

Здесь следует искать объяснения того странного на первый взгляд факта, что в XI веке среди донаторов Конкского аббатства из Тулузена мы не встречаем ни одного имени впоследствии столь известных тулузских патрициев — городских землевладельцев. Здесь же, по всей видимости, надо искать и разгадки таких необычных для средневековья явлений, как наличие в Тулузе земельной собственности, явно не связанной с дворянским статусом владельцев, почти полное отсутствие сословной обособленности дворянства в этом городе и возможность трактовки в общественной практике горожан, в том числе и дворян, сначала в качестве «почтенных людей» (*probi homines*), а затем — в качестве «знатных», «благородных» людей (*nobiles viri*)².

Таким образом, верхний, землевладельческий слой тулузских горожан был с самого начала слоем городских землевладельцев. Но можно ли с самого начала этот слой назвать патрицианским? Поскольку, по всем данным, в Тулузе этот слой своими корнями уходил глубоко в толщу предшествующей эпохи, мы должны были бы в таком случае патрициат отнести к собственно догородскому периоду истории Тулузы. Между тем это не какой-то внеисторический социальный слой, свойственный городскому или протогородскому поселению любой эпохи. Патрициат — специфически городской слой, присущий только торгово-ремесленным центрам феодального средневековья. Далее, это, в большей или меньшей степени, — правящий слой. Как правило, историк может наблюдать более или менее активное участие патрициата в первом этапе освободительного коммунального движения горожан, в победе которого этот слой был очень ощутительно заинтересован.

¹ Согласно юридическим представлениям тулузских горожан — и консулат декларирует это с самого момента возникновения коммунального правления (1152 год) — главным, подлинным собственником земельного владения считался его держатель: «*In supradictis quod diximus de domino honoris, dicimus et intelligimus de eo qui tenet honorem*». — Cart. Bourg, N 4.

² Ф. Мазорик считает, что первоначально, в раннее средневековье, название *probi homines* относилось ко всем свободным жителям города (F. Mazurik, p. 61, 62, 128).

Действительно, если исходить из концепции «континуитета», видящей в социальной структуре средневекового города лишь прямое и непосредственное продолжение предшествующих социальных форм, в городском праве — продолжение вотчинного права, а в учреждениях коммунальной независимости лишь эволюцию сеньориальных учреждений, — то и разница между городским и догородским центром окажется несущественной. Средневековый город, как торгово-ремесленный центр, покажется явлением не столь уж принципиально отличным, качественно новым, по сравнению с античным городом, крепостью или даже феодальным поместьем; а любой наличный верхний слой горожан, даже в период, когда и самого города в точном смысле слова еще не существовало, нетрудно будет определить как патрицианский. Но в том-то и дело, что концепция «континуитета», или трансформации сеньориальных учреждений, страдает принципиальной односторонностью — она видит преемственность, непрерывность, но не видит «перерывов», скачков, отрыва нового от старого и потому искажает историческую перспективу.

Патрициат — правящий слой средневекового города. Покуда нет известной степени городской независимости, не может быть и патрициата. Городская же независимость, самая борьба против сеньориального режима возникают лишь на базе новых экономических явлений, вытекают из потребностей развития города как ремесленно-торгово-денежного центра. И только это развитие формирует патрициат и вливает в него силы¹. Поэтому патрициат, несомненно, — новый, специфически городской общественный слой. Он явился необходимым следствием интенсивного развития города как центра товарного производства и товарного и денежного обращения. Основную движущую силу этого процесса была хозяйственная деятельность неземлевладельческих слоев — ремесленников, купцов, менял. Таким образом, сначала городское развитие — ремесло и торговля, затем патрициат².

При любых, из самой глубины веков идущих корнях, патрициат становится патрициатом только поднимаясь на дрожжах нового, ремесленно-торгово-ростовщического развития и приспособляясь к нему. Только на основе этой эволюции верхний слой средневекового города приобретает присущий ему социально-экономический облик. И только тогда можно говорить о патрициате в точном значении понятия. До тех пор, оче-

¹ «Патрициат — не более как социальный результат экономического явления: именно экономика, в определенных условиях, породила его» (G. Espinas. *Les origines du capitalisme*; P., 1949, t. 3, p. 179).

² Даже Дж. Манди, склонный усматривать патрициат уже в XI веке, должен признать, что частичное слияние верхушки богатых горожан с городскими рыцарями стало заметным только тогда, когда в XI—XII вв. начал сказываться экономический подъем города. (J. Mundy. *Liberty*, 12).

видно, речь может идти только о протопатрицианских элементах.

Мы здесь прежде всего и стремились, насколько возможно, заглянуть в предысторию тулузского патрициата, выявить его истоки, ведущие линии процесса его становления и — попытаться уловить ту реальную историческую грань, которая более или менее определенно отделяет протопатрицианские элементы от городского патрициата в собственном смысле этого слова.

См. также: Тулузский патрициат

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предыдущих главах, рассматривая важнейшие моменты экономического и социального развития Тулузы в XI—XIII веках, мы старались, сколько было в наших силах, выполнить ту двудесятую задачу, которая всегда стоит перед историком: показать конкретное во всей его осязаемости, сложности и неповторимости и вместе с тем выявить ту скрытую нить закономерности, которая связывает единичное со всеобщим и поднимает первое до уровня второго. Внимательный читатель, следя за ходом анализа, мог найти выводы в каждой главе и в каждом разделе. Поэтому, на наш взгляд, нет необходимости в Заключение повторять эти выводы или делать здесь некие выжимки из выводов. Представляется необходимым кратко остановиться лишь на двух вопросах, которые были поставлены в самом начале и к решению которых, как нам кажется, убедительно подводит анализ рассмотренного конкретного материала. Это вопрос об античном наследии и его роли в развитии средневековых городов этого региона и, в связи с этим, — вопрос о соотношении общего и особенного в их развитии.

Южная Галлия (позднейшие Лангедок и Прованс) в римскую эпоху была районом интенсивного городского развития. Между тем факты ранней истории средневековой Тулузы и других городов этого региона неопровержимо свидетельствуют, что

городское развитие в средние века не было и здесь непосредственным продолжением античного, что в XI—XII веках города здесь фактически возникли заново. Это верно, в первую очередь, в плане экономическом. Раннее средневековье явилось для городов с античной предысторией периодом глубочайшей спячки, когда значение города, как общественного явления, как экономической сферы, противостоящей деревне или хотя бы существенно отличной от нее, фактически сошло на нет. Город как не-деревня в XI—XII веках возникал заново.

Это подтверждается и в плане демографическом. Многотысячное население крупных городов средневековья в этом регионе было не результатом постепенного возрастания исконного населения полупустых псевдогородских поселений раннего средневековья, но явилось результатом бурной иммиграции из деревни на протяжении XI—XIII веков, в корне изменившей их демографический облик.

Наконец, это ярко подтверждается в плане топографическом. На французском Юге трудно найти такой город римского (или доримского) корня, который не знал бы двуединого строения, где рядом с оставленным античностью ситэ в средние века не возник бы новый городской центр — бург. Тот факт, что и в этом районе, столь богатом древними городами, XI век все-таки не мог не породить совершенно нового крупнейшего города, при этом такого экономически сильного, с интенсивной и яркой социальной жизнью города, как Монпелье, служит дополнительным свидетельством принципиальной новизны средневекового градообразующего процесса и для этого региона. И здесь средневековое городское развитие вытекло не из античных источников (они давно пересохли), но было порождено теми же, что и во всей Западной Европе, могучими импульсами, к XI веку вызревшими в недрах феодального общества.

И все-таки, как показывают факты, античная предыстория не прошла для этих городов бесследно. При благоприятных условиях раньше собственно городского (земледельческо-ремесленного) обмена здесь складывался центр земледельческо-скотоводческого обмена, более или менее устойчивый рынок сельскохозяйственных продуктов. Старый ситэ, полупустой, но защищенный стенами, грозивший сеньориальными пошлинами, но потому также обещавший элементарную защиту, естественно становился здесь центром притяжения первых питей возрождающегося обмена. Это не могло не облегчить затем сосредоточения здесь элементов отпочковывавшегося ремесла и промыслов, притока бедного люда, выталкиваемого из деревни, — короче говоря, возникновения средневекового города.

Население, оставленное в наследство этим городам поздней античностью и ранним средневековьем, было и малочисленно и незрело для собственно городского развития. Но тем не менее оно оказало известное влияние на экономический и социальный

облик нового города. Абсолютное преобладание в этом населении городских землевладельцев — мелких и средних аллодистов, как слоя с многовековым прошлым, прочно сложившегося задолго до массового притока деревенских иммигрантов, предопределило (по мере городской трансформации этого слоя) раннее возникновение в этих городах могущественного землевладельческого патрициата. Это придало всему социальному развитию этих городов и в значительной степени их муниципальным учреждениям черты определенного консерватизма. Это же, несомненно, обусловило известную сдержанность форм, в которые обычно выливалось в этих городах коммунальное движение. Здесь же главным образом следует искать объяснения таких явлений, как характерная для этого региона некоторая запоздалость и незавершенность процесса цехового сплочения местного ремесла.

Вместе с тем, то же самое историческое наследие (в сочетании с известной незавершенностью местного феодализма) — наличие в городах (а в известной мере и в деревне) старинного и устойчивого слоя землевладельцев-аллодистов обусловило здесь большую широту слоя изначально свободного городского населения, а также раннее развитие форм более полной частной собственности горожан на землю. Не подлежит сомнению, что эта их аллодиальная природа должна была сделать местных городских землевладельцев более подготовленными, более восприимчивыми в отношении новых, городских форм экономической деятельности, основанных на отношениях полной собственности товаровладельцев. Очевидно, в отмеченных особенностях следует также искать объяснения сохранности здесь многих элементов римского права (в сочетании с кутюмным) и сравнительной легкости восприятия его новой волны, нахлынувшей в новую эпоху вместе с городским развитием. Отсюда и та ранняя высокая значимость социального статуса горожанина, статуса, не зазорного (а то и завидного) для дворянина, и такие непривычные для Севера явления, как растворение городских *milites* в общей массе *proboisum hominum* или *civium*, как включение горожан наряду с рыцарями в общее понятие «благородных».

Но и наоборот — именно эта известная близость (на почве землевладения) городской верхушки и феодальных элементов была источником тех черт консервативности городского развития в данном регионе, о которых речь шла выше. Определенное социальное сближение этих сил в процессе втягивания городских дворянских элементов в ростовщическо-торгово-промысловую деятельность не снимало социальных различий и антагонизмов, только разделяющие грани и линии борьбы здесь несколько сдвигались, заключая в одни скобки городских патрициев-землевладельцев как аллодиально-городского, так и рыцарского корня, но исключая (особенно на первых порах) купеческие и

ремесленные элементы. В силу отмеченных особенностей непосредственная социально-формирующая сила городского богатства действовала здесь более непосредственно. Она не совпадала с сословными делениями и потому отодвигала их на второй план.

Таким образом, историческое наследие отнюдь не было пустым звуком для средневековых городов этого региона. Оставленное поздней античностью, модифицированное, но сохраненное ранним средневековьем, с началом собственно городского развития оно паложило на него неизгладимый отпечаток специфичности.

Но этим определяется и мера исторического воздействия этого наследия. Не оно породило городское развитие в этом регионе: и здесь средневековые города не были прямым продолжением античных, они возникли заново. И здесь они были пробуждены к жизни теми же новыми импульсами, возникшими в недрах феодализма, что и в других регионах Западной Европы, и — в ту же эпоху. И определяющие экономические основы и главные закономерности развития этих городов были в сущности те же, что и для других городов средневековья — преодолеть эти закономерности они не смогли. Отличали их только некоторые особенности. Основным источником этих особенностей была специфическая предыстория этих городов. И таково ее истинное историческое значение.

S. M. STAME. DEVELOPPEMENT ECONOMIQUE ET SOCIALE DE LA VILLE PRIMAIRE DU MOYEN AGE

(TOULOUSE DU XIe AU XIIIe SIECLE)

RESUME

Dans l'histoire de la société féodale, la ville occupe une place particulière et très importante. Quoique son apparition est dictée par les transformations plus vastes qui gagnent l'Europe aux XIe et XIIe siècles; elle en est la conséquence la plus importante et c'est elle qui, à son tour, donne l'impulsion sociale la plus active et la plus féconde au développement ultérieur.

Pour connaître l'essence d'un phénomène, il faut tout d'abord en étudier la genèse. Pour apprécier le rôle réel joué par la ville dans la société féodale, et pour tâcher de comprendre le caractère contradictoire qui lui est propre, pour faire apparaître les tendances principales qui en ont déterminé le développement, il faut commencer par étudier la première période de la ville (XIe—XIIIe sc.). En d'autres termes, il faut d'abord voir clair dans la manière dont elle se constitue en tant que phénomène économique, préciser le processus de formation de sa structure sociale.

Où faut-il chercher les origines de la ville médiévale? Celle-ci est-elle la continuation directe de la ville antique ou bien a-t-elle été engendrée par de nouveaux besoins économiques et sociaux, nés du développement progressif et contradictoire du féodalisme même? Les recherches sur le phénomène urbain ont été marquées au cours des dernières décennies, en Europe occi-

dentale, par un certain renforcement des idées de la continuité. Celles-ci ont pour commune caractéristique de nier les bonds qualitatifs, la fécondité du moment de la négation et des nouvelles forces qu'il fait surgir dans la marche de l'histoire. Leur principale essence est d'affirmer la primauté de l'ancien sur le nouveau et l'invincibilité des forces du conservatisme historique. Mais les recherches les plus perspicaces de ces dernières années sur le développement urbain, y compris les travaux fondés sur l'archéologie, en viennent de plus en plus à la conclusion que le passé historique n'a pas légué les villes toutes prêtes au Moyen âge.

Il semble que les recherches sur les villes du haut Moyen âge ne peuvent progresser de manière fructueuse qu'en dépassant les théories de la continuité et en considérant en premier lieu ce que la ville médiévale apporte de nouveau sur le plan économique, son caractère propre en tant que centre de la production marchande d'autonomie et de circulation marchande. C'est seulement dans cet esprit que l'on parviendra à une image exacte du rôle réel de l'héritage historique.

Pour pénétrer les caractères généraux du développement de la ville médiévale, il faut traiter une masse abondante de matériaux divers. Il faut donc que la recherche historique s'oriente vers l'analyse typologique et régionale. Apparemment, la méthode la plus judicieuse est de choisir comme objet d'étude une ville assez importante et représentative de la région considérée, et de suivre autant qu'il est possible les lignes de force de son développement économique et social. Il ne s'agit pas ici de se laisser enfermer dans l'histoire locale et de prétendre en tirer un étalon universel, mais de chercher à donner par ce moyen un tableau plus complet et plus détaillé des caractères généraux. Mieux que toute autre, une telle méthode mettra l'historien à l'abri de l'arbitraire, fût-il involontaire, dans le choix et la confrontation des faits; elle permet en effet de distinguer le général du particulier, le typique de l'unique, et de les considérer dans leur vivante interaction.

Dans le présent ouvrage, l'auteur s'est fixé comme objet de recherche essentiel la ville de Toulouse, l'une des plus importantes cités médiévales du Midi provençal, capitale d'une puissante principauté féodale, véritable centre du mouvement albigeois et foyer principal de résistance aux croisés du Nord; en outre, cette ville fut le théâtre d'une lutte communale extrêmement tranchée, elle sut briser la force des féodaux de la région et s'imposer comme république urbaine pratiquement indépendante. Son histoire économique et sociale semble donc devoir être tout aussi caractéristique.

Mais ce choix fut également dicté par des considérations méthodologiques. Les partisans de la continuité citent le plus souvent à l'appui de leur théorie de la progression linéaire et

harmonieuse de l'histoire en général et de la ville en particulier, l'histoire des villes du sud de l'Europe, les villes de passé antique. Il est impossible de se prononcer sur la continuité de la vie urbaine sans procéder à l'analyse approfondie du développement de ces villes au Moyen âge, de celles du Midi de la France en particulier (tout comme de celles d'Italie). L'histoire de Toulouse, comme c'est le cas pour la grande majorité des villes de cette région, remonte à l'époque romaine et même préromaine. Si sur le plan topographique, démographique, économique et social, l'histoire de ces villes au Moyen âge est déterminée par leur origine antique, l'histoire de Toulouse doit révéler avec la plus grande évidence le caractère et l'importance de ce facteur.

Examinant pour ainsi dire à la loupe les moments cruciaux du développement économique et social de Toulouse du XIe au XIIIe siècle, l'auteur s'est efforcé de les considérer non pas isolément, mais autant que possible en relation avec les phénomènes analogues qui marquent l'histoire des autres villes de la région. Il a voulu, dans son analyse des phénomènes de la vie économique et sociale urbaine de la première période, et de leur reflet dans les institutions et le droit, faire apparaître la lutte d'intérêts sous-jacente opposant les différentes couches et groupes sociaux, lutte engendrée par les contradictions du développement urbain sous le féodalisme. Derrière la complexité de ce développement, il a voulu découvrir la puissante force créatrice de la nécessité historique (avant tout économique) qui, se manifestant sous des formes diverses dans l'activité des classes, des groupes et des personnes dans ces conditions concrètes données, forme la trame vivante et unique du processus historique concret ici considéré.

CHAPITRE I. LA NAISSANCE DE TOULOUSE MEDIEVALE.

Toulouse avait déjà à l'époque romaine atteint un niveau de développement urbain remarquable. Cependant, les faits montrent que, de même que pour les autres villes de l'ancienne province de Narbonne, son histoire médiévale ne fut en aucune sorte le prolongement direct de son passé antique. Les recherches les plus récentes (y compris les travaux d'ordre essentiellement archéologique) font observer un net déclin de la vie urbaine dans les derniers temps de l'Empire Romain, avant l'arrivée des barbares. A l'époque des invasions barbares, l'extrême exigüité du territoire dans lequel s'étaient enclôses la plupart des villes, leur déplacement vers les sommets des collines ou même parfois leur complète disparition témoignent de la profonde décadence de ces cités en tant que centres économiques et démographiques. Pendant deux siècles encore, les villes les plus importantes essaient de résister aux forces de stagnation qui les assaillent, mais vers la fin du VIIe siècle (avant la conquête arabe!) ces

dernières prennent définitivement le dessus et la vie urbaine dépérit: l'économie naturelle qui règne sans partage sur l'Europe n'a pas besoin de villes et n'a pas la force de les entretenir. Aux XIe et XIIe siècles, sous l'influence de besoins nouveaux, on assiste à une nouvelle naissance des villes.

La première impulsion de ce phénomène provient du développement économique et social de la campagne féodale. Les profondes transformations qui s'y produisirent au XIe siècle provoquèrent l'exode d'une nombreuse population «excédentaire» qui fuyait l'exploitation seigneuriale et partait à la recherche de terre et de liberté. Ce fut là l'origine réelle d'un puissant courant de colonisation intérieure. Ce phénomène amena la fondation de nombreuses sauvetés. Le rôle de l'église y fut secondaire; les seigneurs ecclésiastiques essayèrent seulement d'orienter le flot dans la direction qui leur convenait, de le mettre au service de leurs intérêts, mais partout il déborda ces limites: la plupart des défrichages et des nouvelles agglomérations se firent spontanément, en fait s'imposèrent de force. Partant de là, un flot croissant d'émigrants se dirigea vers les villes qui reprirent vie.

Dans les sauvetés déjà (puis dans les bastides) on peut observer une certaine tendance au développement des activités artisanales et commerciales. Dans la masse des paysans venus se fixer à la ville, ces tendances étaient encore plus fortes. Mais dans les villes de passé antique, dans les vieilles cités devenues le lieu de résidence de puissants potentats féodaux religieux ou laïques, on favorisait fort peu l'installation des paysans pauvres (qui représentaient la majorité des nouveaux venus) et des serfs fugitifs. C'est pourquoi dans le Midi provençal, les premiers et principaux foyers de cristallisation de la vie urbaine au Moyen âge furent non point les cités héritées de l'antiquité finissante, mais de nouvelles agglomérations de type urbain surgies à côté des cités: les bourgs (des bourgs se formèrent de la même façon auprès des castra).

La formation de Toulouse en tant que ville médiévale suit le même processus général. Les données que nous possédons montrent qu'au début du Moyen âge Toulouse connaît cette même décadence, cette même désurbanisation profonde. Elle ne commence à renaître que durant la nouvelle période, lorsque les immigrants se mettent à affluer de la campagne, que le commerce et le métier commencent à se développer. Les premiers foyers de concentration de nouvelle population sont les agglomérations artisanales et commerçantes qui se créent (apparemment dès la fin du Xe siècle) sous le mur nord de la Cité et qui constituent dans la seconde moitié du XIe siècle le Bourg de Toulouse. L'accroissement et l'enrichissement rapides du Bourg déterminent l'impétueux essor de l'abbaye de Saint-Sernin à la fin du XIe et durant le XIIe siècle. C'est moins le Bourg qui doit sa croissance à l'abbaye que celle-ci qui s'enrichit et s'édifie grâce

à l'accroissement de l'agglomération artisanale et commerçante qui était devenue le Bourg. C'est à peu près à la même époque que se crée le bourg de Saint-Cyprien, sur l'autre rive de la Garonne.

La transformation de la vieille Cité en ville fut plus lente et se déroula avec un certain retard. La première sauveté n'y apparaît que dans le premier quart du XIIe siècle, et encore est-elle située hors des murs; le flot des immigrants venus de la campagne ne pénètre que peu à peu sur son territoire et l'autorité comtale ne lui ouvre les portes que contrainte et forcée. Les franchises accordées aux nouveaux venus ne s'étendent pas aux anciens habitants de Toulouse, auxquels il est formellement interdit de s'installer dans la sauveté, et ce fait montre bien le caractère fondamentalement nouveau de la ville qui naît et des rapports qui s'y constituent. Ceux-ci ne peuvent tout d'abord s'affirmer qu'en dehors des murs et du régime de la vieille cité, ils doivent commencer par rompre avec la «ville» héritée du haut Moyen âge. Les documents témoignent que la grande masse des nouveaux venus arrivant à Toulouse du XIe au XIIIe siècle était constituée de serfs fugitifs qui étaient surtout attirés par la liberté des rapports marchands et du travail artisanal. Toulouse du XIIe siècle était déjà en fait une ville nouvelle, telle que n'en avaient connu ni l'antiquité ni le haut Moyen âge. Ses transformations topographiques et démographiques très accusées reposaient sur une rénovation économique radicale.

CHAPITRE II. FORMATION DU MARCHE URBAIN DE TOULOUSE MEDIEVALE

Autant que les données existantes nous permettent d'en juger, le marché des produits agricoles (alimentaires) à Toulouse précéda l'échange entre l'artisanat et l'agriculture. Cela n'est pas dû seulement à la grande fertilité des terres qui entourent la ville, mais aussi au fait que celle-ci est située à la jonction d'une zone de plaine et de culture du blé, et d'une zone montagneuse et forestière où se pratiquaient l'élevage et la chasse, et de même au point de contact entre une région de viticulture intense et de régions qui ne connaissaient pratiquement pas la culture de la vigne. Les échanges entre ces zones, qui depuis longtemps convergeaient vers Toulouse, s'étaient sans aucun doute affaiblis dans le haut Moyen âge, mais ils se ranimèrent très tôt avec l'accroissement de la productivité de l'agriculture. L'afflux de population venue de la campagne et le début du développement artisanal de Toulouse donnèrent au marché des produits agricoles une solide assise permettant son développement intensif.

D'où provenait le blé qui arrivait sur le marché toulousain? Il ne fait aucun doute que les Toulousains pratiquaient l'agriculture. Mais, comme le montrent les documents, l'importance de cette activité aux XIe et XIIe siècles ne doit pas être exagérée, et

la notion de «semiagraire» ne peut être appliquée qu'avec de grandes réserves aux importants centres de commerce et d'artisanat tels que Toulouse. A l'intérieur et aux abords de l'enceinte urbaine, les lopins de terre étaient surtout des vignes; les terres labourées avaient été repoussées dans le district de la ville (dans un rayon de 12 à 15 km) et n'avaient qu'une importance auxiliaire, pour la consommation individuelle. Ainsi qu'en témoignent des documents du XIIIe siècle, de grandes quantités de blé du Languedoc allaient sur les marchés extérieurs et les villes manquaient souvent de vivres, il leur fallait constamment en importer; c'est donc que les exploitations agricoles des citadins ne pouvaient les nourrir. Les débats et décisions des «Etats» des sénéchaussées du Midi dans la seconde moitié du XIIIe siècle sont à cet égard particulièrement convaincants. L'analyse de la législation consulaire et du système des taxes douanières montre qu'à cette époque les Toulousains loin de craindre la concurrence du blé d'importation, cherchaient au contraire à l'attirer sur le marché de la ville.

On ne saurait résoudre le problème que pose l'approvisionnement de la ville de Toulouse au Moyen âge sans faire l'analyse des rapports agraires dominants à cette époque au Languedoc. Et là, il ne fait aucun doute que la forme essentielle était le cens en nature, que les seigneurs prélevaient en fonction des besoins du marché (en général le tiers, la moitié ou davantage de la récolte du tenancier), et qui leur permettait d'accumuler des masses considérables de blé marchand pour le jeter ensuite sur le marché urbain. Cette activité commerciale des seigneurs explique leur avidité à s'assurer les dîmes de l'Eglise; largement répandue, elle contribuait au maintien de la rente en nature dans les seigneuries.

Le commerce du vin apparut de même assez tôt à Toulouse. Au XIe siècle, il était déjà rassasié par la production locale. La vigne exigeant une surface réduite, elle était la culture la mieux adaptée aux exigences du marché, et c'est donc à elle qu'allaient les préférences des citadins en matière agricole. A la différence des cultures céréalières, cette branche avait une orientation marchande très marquée. Les profits de la viticulture marchande furent le principal stimulant de la pénétration des riches citadins dans la sphère de la propriété foncière circumurbaine à partir de la première moitié du XIIe siècle.

Mais le marché du vin était dominé par le monopole féodal du comte, lequel gênait et déformait les rapports marchands en freinant considérablement le développement de la viticulture chez les citadins. Avec le développement intensif de la ville, ce monopole ne fut plus en état de résister à la pression des citadins en tant que des producteurs indépendants. Il est caractéristique que la liberté de vendre son vin conquise par les citadins ne s'étendait ni aux étrangers, ni aux Toulousains, revendeurs de vin importé.

Au XIIIe siècle, le marché local du vin devient marché régional. Dans la seconde moitié du XIIIe siècle, la lutte concurrentielle fait qu'une partie du vin va au commerce extérieur: il descend la Garonne jusqu'à Bordeaux et, de là, est expédié dans le nord de la France, en Flandre et surtout en Angleterre.

LE COMMERCE DU SEL. Le commerce du sel se pratiquait avant l'apparition de la ville et il ne fait aucun doute qu'il précéda le marché urbain médiéval. Mais grâce à ce fait précisément, son étude permet de pénétrer plus à fond le processus de formation de ce marché et de mieux observer la contradiction aiguë entre la ville naissante et le milieu féodal au sein duquel elle apparaît.

Toulouse était depuis fort longtemps un important centre de commerce du sel, qui, par Carcassonne, était amené des sauneries de Narbonne. Il faut noter cependant que dans le haut Moyen âge l'importance de Toulouse en tant que ville avait tellement baissé que le principal marché du sel pour le Toulousain s'était déplacé dans la localité de Baziège, soumise aux seigneurs ruraux de Caraman, qui frappaient ce commerce de lourdes taxes en nature. A partir du début du XIe siècle, la ville renaissante dut soutenir une lutte obstinée contre les Caraman afin de leur arracher le marché du sel et assurer à un meilleur prix l'approvisionnement de Toulouse, à la fois pour les besoins de la population croissante et pour la production des cuirs et peaux qui se développait alors. Mais le principal profit de l'opération revint aux grands féodaux: le comte de Toulouse et l'abbaye de Saint-Sernin, qui frappaient le marché de Baziège d'une multitude de taxes et revendaient le sel ainsi accumulé.

A Toulouse même, le commerce du sel était entièrement subordonné au monopole du comte, fondé sur le droit d'entreposage. Dès le début, ce monopole imposa aux marchands de sel (les *salinarii* privilégiés par le comte) des restrictions considérables dans la liberté de disposer de leur marchandise et les plaça dans une position désavantageuse vis-à-vis du fisc du comte qui, en fin de compte, pouvait acquérir presque tout le sel qui arrivait à des prix de monopole très bas. Le système des taxes comtales allait dans le même sens.

Mais le comte avait également le monopole de la vente du sel. Ce n'est que vers le milieu du XIIe siècle que les citadins obtinrent le droit d'introduire du sel pour les besoins de leur consommation sans payer des droits. Dès lors, des marchands toulousains non privilégiés parvinrent au droit d'importer le sel en gros dans la ville. Mais les détaillants et les peaussiers ne pouvaient toujours acheter leur sel qu'au dépôt du comte, à des prix de monopole. Autrement dit, le monopole comtal avait été quelque peu limité, mais nullement aboli.

Cet exemple montre que la participation du seigneur féodal au commerce était loin de toujours représenter un facteur positif:

sa pratique commerciale s'accompagnait presque toujours d'une exploitation extra-commerciale du marché; en effet il s'appropriait gratuitement ou presque une masse considérable de produit, il jouissait de droits exclusifs dont ne disposaient pas les citadins. Le monopole du comte freinait le libre développement des rapports marchands, paralysait le processus de formation des prix, déformait l'action de la loi de la valeur. Dans ces conditions, l'entrée du seigneur dans le commerce, loin d'intensifier le développement des rapports monétaires et marchands, le freinait.

CHAPITRE III DEVELOPPEMENT DE MÉTIER

Le début du développement artisanal. A Toulouse comme dans la majorité des villes du Midi provençal, l'artisanat se développa dans le cadre de la propriété foncière urbaine héritée de l'antiquité et longtemps dominante. Mais là aussi, la concentration de l'artisanat fut le principal facteur de formation et de renforcement des centres urbains.

Les métiers les plus anciens (fin du Xe et XIe siècle) et les plus actifs à Toulouse étaient la peausserie et la chaussure, la boucherie, la minoterie, le tissage, la charpenterie et la fabrication de briques. L'afflux de la population rurale aux XIe et XIIe siècles provoqua une importante concentration de ces métiers, fait qui joua un très grand rôle dans la formation de la ville. Sur le plan topographique, démographique et économique, le développement de l'artisanat modela non seulement le Bourg, mais aussi la Cité. Les métiers les premiers apparus révèlent un rapport étroit tant avec les occupations agricoles des anciens paysans devenus artisans citadins qu'avec le marché (local et régional) des produits agricoles, dont l'apparition a précédé le développement intensif de l'artisanat et a déterminé dans une large mesure la configuration des principaux métiers urbains. Mais ce rapport avec l'agriculture s'établissait désormais sur une base entièrement nouvelle, sur une base marchande, non plus sur la ressemblance, mais sur l'opposition, sur la rupture entre le travail artisanal et le travail agricole.

Le développement des organisations artisanales. Bien que l'artisanat se soit développé de bonne heure à Toulouse, il frappe par la faiblesse de son organisation corporative. A cette raison, on tire fréquemment la conclusion que la tendance corporative n'était pas propre à l'artisanat toulousain, lequel se développait, de même que dans les autres villes du Midi provençal, comme métier particulier, «libre». Cette appréciation se fonde sur une opposition entre la liberté de l'activité artisanale et son organisation corporative. Or, l'histoire de l'artisanat au Moyen âge démontre que l'organisation en corps de métiers, le monopole des prix et la réglementation étaient des formes d'autodéfense d'une nécessité vitale pour la petite production marchande qui devait

faire face à la prédominance de l'économie naturelle, à l'étroitesse du marché, à la domination de la noblesse terrienne, à la puissance du capital commercial et usuraire; bref, ces formes lui apportaient le moyen de se maintenir et de défendre dans la mesure du possible sa liberté d'action face au féodalisme dominant.

Que le développement de métier dans les villes du Midi de la France et en particulier à Toulouse ait revêtu un caractère spécifique, cela ne fait aucun doute. Une étude approfondie des sources montre cependant que l'artisanat y manifestait les mêmes tendances corporatives qu'ailleurs. Dans l'artisanat toulousain (en particulier dans le travail du cuir et la boucherie), le processus d'organisation professionnelle remonte très loin dans le XIIe siècle, et dès le début les organisations artisanales manifestent une tendance à imposer la contrainte et le monopole de la corporation. La législation artisanale du consulat toulousain (XIIe—XIVe siècles) révèle nettement la lutte de deux tendances opposées: corporatisme chez les artisans, anticorporatisme chez le patriciat qui gouverne la ville.

Dès son apparition (1152), le consulat mène une politique qui vise à limiter les revenus des artisans; par la suite, ou bien il interdit purement et simplement les associations d'artisans, ou alors il s'obstine à en ignorer l'existence, ou bien enfin, à partir du dernier tiers du XIIIe siècle, il les autorise à la condition qu'elles se soumettent entièrement à son autorité, à son contrôle et à sa réglementation. Les corporations, quant à elles, n'ont pas la force de renverser ce pouvoir qui leur pèse, mais elles s'efforcent par tous les moyens de la limiter et d'obtenir, fût-ce sous son égide, une certaine liberté en ce qui concerne le droit de réunion, la caisse corporative, l'élection des baillis, et parfois même le monopole de la production pour la corporation. L'obstination avec laquelle les autorités de la ville s'opposèrent aux corporations, et dont témoigne le Registre des métiers du consulat de Toulouse aux XIIIe et XIVe siècles, est une preuve éloquente de la réalité et de la force des tendances corporalistes chez les artisans toulousains. Si, dans la période qui nous intéresse, les corps de métiers de Toulouse ne réussirent pas à obtenir leur indépendance, c'est avant tout en raison de la domination de la propriété foncière urbaine, qui s'établit bien avant l'épanouissement des métiers, et ensuite, étant donnée la puissance des marchands et des revendeurs, de celle des distributeurs de matière première. Le régime du «métier libre» fut l'instrument principal de la politique anticorporatiste de la couche supérieure urbaine au pouvoir.

L'évolution des métiers textiles à Toulouse. Ainsi qu'en témoignent les sources, dès la fin du premier quart du XIIIe siècle, les riches «drapiers» revendeurs de Toulouse mettent sur pied un système de distribution de la matière première aux arti-

sans pauvres, et au début du second quart du même siècle, on voit même apparaître des embryons de grandes établissements: ateliers artisanaux élargis, fondés sur la coopération simple capitaliste. La législation consulaire défend jalousement les intérêts des riches distributeurs de travail, la liberté de leur activité exploiteuse, mais renforçait le joug qui pèse sur les artisans pauvres prétendument indépendants et fait résolument obstacle aux tentatives de leur résistance.

Malgré tout, bien que ces phénomènes, très précoces pour l'époque considérée, soient importants, il ne faut pas cependant en exagérer la portée. En règle générale, les germes de nouveaux rapports économiques ne dépassaient pas ici le cadre de l'exploitation capitaliste primitive des petits producteurs dépendants travaillant sur le mode artisanal traditionnel par les distributeurs de matière première. Les embryons de grande production étaient rares et fort mal affermis; il ne pouvait en être autrement étant donné l'étroitesse et l'instabilité du marché des produits de métier et la prédominance de la petite production. Le développement ultérieur des corporations, qui dans la seconde moitié du XIVe et au XVe siècle conquièrent une large indépendance, témoignent du renforcement du petit métier indépendant (ou semi-indépendant), forme essentielle de la production industrielle de cette époque. Tant que la masse des producteurs ne fut pas coupée de ses moyens de production (ce que l'on désigne sous le terme d'accumulation initiale), des formes stagnantes de rapports capitalistes embryonnaires, telles que le système de distribution de matière première, pouvaient coexister des siècles durant avec le petit artisanat indépendant sans déboucher sur le système du travail salarié.

La meunerie. Au Moyen âge, Toulouse est réputée pour le développement extraordinairement intensif de sa meunerie. Très tôt (de toute évidence dès le XIe siècle), les habitants surent utiliser l'énergie de la capricieuse Garonne pour faire tourner des moulins flottants ancrés dans le courant. Il semble aussi que cette méthode allégeait les conditions de «tenance» de l'eau, laquelle appartenait aux seigneurs des berges.

Le passage au moulin sur berge (dans le dernier quart du XIIe siècle) fut dicté par la nécessité d'accroître la productivité du fait de l'impétueuse extension de la ville et de la masse importante de grain à moudre. La construction de grands moulins sur les berges et celle surtout de barrages coupant tout le fleuve exigeaient d'énormes investissements (en outre, obtenir du seigneur sous forme de «fief» la cession non seulement du courant de l'eau, mais aussi d'un tronçon de rive coûtait bien plus cher). Cela entraîna non seulement la fusion des anciennes petites compagnies (*pariages*) de moulins flottants en quelques grands sociétés sur chacun des trois tronçons principaux de la rivière, mais aussi l'entrée dans la profession de riches citadins et patriciens n'ayant

aucun rapport avec la meunerie. Ces associations reposaient sur le système des parts, librement négociables, ce qui favorisait largement l'afflux d'argent, mais en même temps conférait la propriété effective à qui possédait le plus grand nombre de parts. Ce système détermina un rapide progrès technique de la meunerie toulousaine et assura sa victoire complète sur les moulins féodaux du district. Dans la seconde moitié du XIVe siècle, toutes les compagnies meunières de Toulouse fusionnèrent en deux grandes associations: celle du Château Narbonnais et celle de Bazacle.

Tout cela eut aussi pour effet de modifier radicalement le caractère des rapports de tenance. Les redevances qui absorbaient en général le quart ou davantage du revenu brut des meuniers seigneuriaux, ici, furent progressivement réduites à 1/10, 1/20 et même 1/40 du revenu du moulin, autrement dit, de rente féodale agraire, elles furent pratiquement transformées en faible loyer. Le gros des bénéfices n'allait plus aux seigneurs, mais aux tenants. C'est ce qui explique que, dès la fin du XIIe siècle, les seigneurs propriétaires des rives et de l'eau tâchèrent de devenir leurs propres feudataires en entrant dans les associations.

La transformation de la meunerie toulousaine, qui débordait les limites de la petite économie artisanale, et l'augmentation de la valeur des parts amenèrent l'évincement des éléments travailleurs, des meuniers; il ne fait aucun doute que dès le XIIIe siècle on avait ici recours au travail salarié. Il ne faut pas cependant surestimer l'importance et la stabilité du passage au salariat. Le nombre de travailleurs salariés était faible et pourtant les moulins manquaient de main d'oeuvre; le paiement en argent était associé et parfois même entièrement remplacé par le paiement en nature; par la suite, le personnel salarié toucha une part des bénéfices.

Si les associations meunières toulousaines étaient une forme embryonnaire des sociétés par actions capitalistes, il ne faut pas cependant négliger entre les unes et les autres certaines différences essentielles: jusqu'à la seconde moitié du XIVe siècle, la meunerie toulousaine en resta au stade de la petite production; jusqu'au XVe siècle inclus, cette production était pour une large part déterminée par les besoins des partenaires; les rapports d'exploitation de la main d'oeuvre salariée se combinaient à des rapports semi-artisanaux de sous-location, de fermage, à des survivances donc et à des formes transitoires inévitables alors que régnait à la ville la petite économie marchande et à la campagne le système terrien féodal, alors que le processus dit d'accumulation primitive ne s'était pas encore réalisé.

CHAPITRE IV. FORMATION DE LA STRUCTURE SOCIALE DE TOULOUSE AU MOYEN AGE.

L'histoire de la période précommunale et communale de Toulouse révèle des contradictions internes et des luttes entre les différentes couches de citadins, mais surtout, chez ces derniers, une certaine **communauté** d'intérêts et d'action dans leur lutte contre le régime seigneurial et la rapacité féodale. L'analyse des revendications des citadins telles qu'elles se reflètent dans les premières franchises montre qu'elles étaient axées sur la défense de la production et de la circulation marchande. C'est l'intérêt commun à un développement plus libre de l'économie marchande qui formait la base réelle de cette communauté et qui, sans supprimer les contradictions internes, associait les citadins en une couche sociale unique face au féodalisme dominant.

Cette communauté économique et cette couche sociale ne se sont pas formées d'un coup. Elles ne furent pas léguées par le passé à la ville médiévale. Nous ne les trouvons ni dans le fief, ni dans la pseudo-ville du haut Moyen âge. Cette couche s'est formée avec l'économie nouvelle proprement urbaine et avec l'afflux des immigrants venus de la campagne aux XIe et XIIe siècle. Ceux-ci également portaient à l'origine le lourd fardeau des occupations et des intérêts agraires, et souvent même celui d'une dépendance servile. Mais la rupture avec le système seigneurial et l'exiguité des terres à la ville firent de métier et du commerce les forces déterminantes de leur transformation sociale.

L'artisanat librefut le noyau et le cristallisateur de toute l'économie de la ville médiévale. Le caractère de sa structure économique et de son développement fut en fin de compte déterminant pour la structure de toutes les formes de développement de l'activité économique de la ville productrice. En même temps, les artisans médiévaux étaient exploités par diverses forces. Bien que leur production ne fût pas liée à la terre et que les moyens de production leur appartenissent, le seigneur de la ville et ses vassaux accaparaient (essentiellement par le moyen des taxes commerciales) une part de leurs produits. Cette exploitation marquait l'intrusion du propriétaire terrien féodal dans la sphère de distribution d'une production avec laquelle il n'avait aucun rapport. N'étant dicté par aucune nécessité économique, ce dépouillement de l'artisanat et du commerce par les propriétaires terriens devenait un anachronisme économique, ce qui explique l'instabilité de ce phénomène à la ville. Un des premiers actes de la commune toulousaine naissante fut de racheter la taxe exécrée sur les peaux.

Le principal recours des petits producteurs pour se défendre contre l'arbitraire seigneurial, les réquisitions, les taxes et les monopoles léonins était la corporation. Celle-ci était également

appelée à défendre l'artisanat contre le capital marchand. L'organisation des artisans sur le plan professionnel était en même temps la principale forme de leur union sociale, de la cristallisation de cette couche comme élément de la structure sociale de la ville. A Toulouse comme dans la plupart des villes provençales issues de l'antiquité la puissance du patriciat terrien, puis marchand, gêna le libre développement des organisations artisanales.

En ce qui concerne les marchands, il est curieux d'observer que les premières franchises obtenues par les Toulousains (tout comme la législation consulaire du XIIe siècle) défendent le consommateur citadin, le producteur de marchandises, mais non le marchand citadin, le revendeur ou le racheteur de marchandises produites par autrui. Ces derniers se retrouvent souvent dans une situation aussi défavorable que les marchands étrangers à la ville. Le commerce de transit, intermédiaire, spéculatif, est considéré par la législation urbaine avec une évidente désapprobation. Cette législation ne semble donc pas être l'oeuvre des marchands, et ce ne sont pas eux, contrairement à la théorie d'Henri Pirenne, qui constituent la force sociale dominante dans la ville primaire. Visiblement, la période préurbain du haut Moyen âge n'a pas légué à Toulouse de milieu marchand important. Le corps des marchands se développa essentiellement de cette-même masse d'immigrants paysans qui commença à affluer vers la ville à partir du XIe siècle.

Les intérêts des marchands exigeaient une politique économique bien différente; on en a pour témoignage l'activité du consulat toulousain après 1202, alors que les couches nouvelles, principalement commerçantes, avaient évincé du pouvoir le vieux patriciat terrien et usurier. A partir des années vingt du XIIIe siècle, la législation consulaire se met à refléter de plus en plus les intérêts des revendeurs de produits artisanaux et des distributeurs de matière première.

Le patriciat toulousain aux XIIe et XIIIe siècles. Le caractère contradictoire de la ville médiévale se manifeste avec évidence dans la contradiction interne de sa couche dirigeante: le patriciat. La base économique fondamentale de la puissance patricienne était la propriété terrienne urbaine. A Toulouse, quelques familles possédaient de grands blocs de terre autour de certaines rues et places. L'afflux de population aux XIe et XIIe siècles, et par suite le rapide développement du commerce et de l'artisanat, entraînèrent le morcellement des propriétés urbaines, sur lesquelles furent édifiés des boutiques, des ateliers, des cabanes d'artisans, des maisons de rapport. Les propriétaires terriens de la ville se transformaient de plus en plus en propriétaires de maisons, dont l'exploitation commerciale devint la forme essentielle du profit tiré de la propriété terrienne urbaine.

Cependant, les lopins de terre à destination agricole, situés

surtout aux abords immédiats de la ville, conservent leur importance. C'est ici qu'apparaît avec une particulière évidence la nature semi-féodale du patriciat et son rôle d'exploiteur par rapport aux petites gens de la ville. Dans la première moitié du XIIe siècle, la propriété terrienne des riches citadins pénètre le district de Toulouse, en général dans un rayon de 15 kilomètres autour de la ville. Le canal essentiel de cette pénétration est l'hypothèque, mais le rachat de terres à des nobles désargentés, et surtout le rachat assorti d'inféodation, se pratiquent également. Certains riches citadins utilisent la terre comme objet de diverses spéculations; d'autres l'exploitent à la manière féodale en la donnant à des tenanciers, en général contre un cens en nature (au XIIe siècle, le servage y est encore fréquemment maintenu). Les riches citadins rachètent également avec persévérance les revenus féodaux tels que la dîme. Plus l'on se rapproche de la ville, plus la rente en argent prend de l'importance. Dans la ville même, elle règne sans partage.

Les propriétés terriennes des patriciens situées hors de la ville eurent leur importance sociale; il ne faudrait pas cependant en exagérer la portée économique réelle. Ainsi qu'il apparaît des débats des «Etats» des sénéchaussées languedociennes dans les années 60 et 70 du XIIIe siècle, la propriété patricienne n'était nullement en mesure d'assurer l'approvisionnement des villes. Non seulement les patriciens ne participaient pas à l'exportation des céréales, mais ils n'apparaissaient pas même sur le marché urbain du blé; la concurrence du blé seigneurial à bas prix ne les effrayait pas. Que cette propriété terrienne fût limitée, cela est évident, et l'on en vient à la seconde nature du patriciat, sa nature **urbaine**, d'une importance essentielle.

Au XIIe siècle, outre l'hypothèque, la pratique déclarée de l'usure se répand largement. La législation du consulat toulousain sur les dettes sanctionnait les débiteurs insolvable d'un très dur asservissement. Dans le premier quart du XIIIe siècle, les usuriers de la ville prêtèrent de grosses sommes aux comtes de Toulouse et, vers le milieu du siècle, au roi d'Angleterre. Par le moyen de l'usure (sous forme de rachat), le patriciat pénétrait en qualité d'exploiteur dans la sphère du commerce et de l'artisanat. L'acquisition de lopins sur les marchés, près des routes et des ponts, le rachat des taxes commerciales seigneuriales allaient dans le même sens. Au fil des ans, les propriétaires terriens patriciens pénétraient toujours plus dans le monde du commerce et des affaires, parfois de façon directe comme par exemple dans l'exportation du vin, la meunerie, le rachat des produits artisanaux. A partir du début du XIIIe siècle, certains patriciens toulousains participèrent activement aux foires de Champagne.

Cette évolution de la couche supérieure témoignait de l'adaptation des propriétaires terriens de la ville aux nécessités des rapports commerciaux et monétaires. Mais en même temps, le

rapide développement commercial et artisanal de Toulouse avait fait naître une nouvelle couche de nantis dont la richesse provenait avant tout de la circulation monétaire et commerciale, des affaires. Ces éléments étaient beaucoup mieux adaptés aux nouveaux rapports économiques et exprimaient les besoins essentiels de l'époque beaucoup mieux que les vieilles dynasties de propriétaires terriens urbains. C'est ce qui leur donna la force d'écarter du pouvoir consulaire le vieux patriciat des propriétaires terriens.

Mais ces contradictions n'avaient qu'une importance relative. Les éléments riches du commerce et des affaires se rendaient eux-mêmes acquéreurs de propriétés terriennes et de certaines sources de revenus semi-féodales, et peu à peu se changeaient en un patriciat nouveau. En même temps, comme nous l'avons noté, les vieilles familles patriciennes, et surtout certaines de leurs branches, s'intéressaient davantage au commerce et aux affaires. Ces deux tendances opposées sont à titre égal inhérentes au développement urbain médiéval; elles ont favorisé le rapprochement de deux couches différentes de l'élite toulousaine. Il n'est pas étonnant d'observer dès le milieu du XIIIe siècle un retour progressif au pouvoir communal des anciennes dynasties patriciennes, en liaison avec certaines dynasties du nouveau patriciat. Ce rapprochement apparaît très nettement dans la législation anticorporatiste du consulat de Toulouse dans le dernier tiers du XIIIe siècle et le premier quart du XIVe siècle. On peut dire que, durant la seconde moitié du XIIIe siècle, il se constitue à Toulouse un patriciat unique composé de propriétaires terriens, d'usuriers et de marchands qui, s'opposant aux efforts centralisateurs et anticommunaux de l'administration royale, tâche de maintenir son pouvoir sur la ville en s'appuyant sur l'accaparement absolu du consulat et l'entière soumission des masses artisanales et plébéiennes de Toulouse.

L'origine du patriciat toulousain. Les sources toulousaines du XIIe siècle ignorent la division de la population en états: nobles et roturiers. L'élite urbaine comportait sans aucun doute des nobles, vassaux (ou anciens vassaux) des comtes, mais c'étaient là des nobles **urbains**, leurs propriétés étaient concentrées dans la ville. Au début, on ne rencontre que sporadiquement dans ce milieu des nobles extérieurs à la ville, lesquels ne commencent à jouer un rôle important dans le patriciat urbain qu'à partir du début du XIIIe siècle (lorsque la noblesse terrienne qui commence à être ruinée par les rapports monétaires et marchands se déplace partiellement vers la ville), et l'importance de ce rôle-là dépendait visiblement de la mesure de leur participation aux sources de richesse urbaines. En fait, ils ne forment pas un état à part et figurent dans la ville non point comme nobles, mais comme riches citadins, comme prudhommes — *probi homines*.

Les principales familles patriciennes de Toulouse ne sont pas

issues du milieu des seigneurs ou des nobles terriens, elles sont d'origine urbaine. Dès le début du XIIe s., elles figurent comme propriétaires alleutiers de leurs terres urbaines en disposant sans la moindre sanction du pouvoir comtal. De toute évidence, la couche des propriétaires terriens urbains était à Toulouse plus ancienne que le pouvoir et la propriété terrienne du comte. Cette couche sociale remonte aux débuts du Moyen âge. Ses sources nous ramènent, apparemment, aux petits et moyens possesseurs urbains de l'époque romaine décadente.

Mais cette couche ne devient patriciat que lorsque commence un développement proprement urbain, au fur et à mesure qu'elle s'intègre à l'activité usuraire, au commerce et aux affaires. Le patriciat en tant que couche nouvelle, spécifiquement urbaine, apparaît comme résultat de la transformation économique des propriétaires terriens urbains s'étant adaptés aux rapports monétaires et marchands, puis par suite du processus inverse d'une certaine évolution terrienne de l'élite du monde du commerce et des affaires.

CONCLUSION

Quelles conclusions tirer des faits étudiés pour répondre aux deux questions essentielles, à savoir le rôle joué par l'héritage de l'antiquité dans le développement des villes de la région, et d'autre part le rapport entre le particulier et le général dans ce développement? Les faits montrent que dans le Midi, là aussi, en dépit de l'intense urbanisation romaine, le développement de la ville du Moyen âge ne fut pas le prolongement direct de celui de la ville antique, et aux XIe et XIIe siècles les villes ont en fait connu une nouvelle naissance. Néanmoins, leur passé antique les a marquées. Dans de nombreux cas, il a facilité l'apparition de marchés de produits agricoles, avant la formation de métier autonome et des échanges entre l'agriculture et l'artisanat, ce qui a ensuite contribué à la concentration d'éléments artisanaux et professionnels indépendants. La couche de population libre d'origine y était plus nombreuse et les formes de libre propriété des citoyens sur la terre s'y sont développées plus tôt et plus largement. Cela devait rendre les propriétaires terriens urbains plus ouverts aux formes nouvelles, urbaines, d'activité économique, formes fondées sur la pleine propriété des échangeurs de marchandises. De là vient que l'on attachait très tôt ici une grande importance au statut de citoyen, nullement infâmant (et parfois même enviable) pour le noble, si bien que l'on assiste même, fait presque impossible dans le Nord, à une certaine fusion des nobles de la ville dans la masse des prudhommes.

Mais en même temps, la proportion élevée de propriétaires terriens urbains et l'apparition précoce d'un puissant patriciat de propriétaires terriens donnèrent précisément à tout le développement social de ces villes, et dans une certaine mesure à leurs

institutions municipales, une certaine teinte de conservatisme, elles restreignirent quelque peu les formes sous lesquelles le mouvement communal se manifestait d'ordinaire dans ces villes, empêchèrent de même l'achèvement de l'organisation de l'artisanal local en corporations et soumirent ce dernier au contrôle des consulats patriciens.

Ce n'est pas l'héritage antique qui donna naissance aux villes médiévales de cette région. Ici, comme ailleurs en Europe, celles-ci furent le produit d'impulsions **nouvelles** nées au coeur du féodalisme **et à cette même époque**. Les fondements économiques déterminants et les principales normes de développement de ces villes furent en fin de compte les mêmes que pour les autres villes médiévales, elles ne pouvaient passer outre à ces normes. Elles ne se distinguaient que par certaines particularités héritées de leur passé antique et dont c'est là la véritable signification historique.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВИ — «Вопросы истории».
- СВ — «Средние века».
- Уч. зап. МГПИ — Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина.
- Уч. зап. СГУ — Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.
- AHES — Annales d'histoire économique et sociale.
- AHS — Annales d'histoire sociale.
- AM — Annales du Midi.
- BAHTG — Bulletin archéologique et historique de la Société archéologique du Tarn-et-Garonne.
- BEC — Bibliothèque de l'Ecole des Chartes.
- BPhH — Bulletin philologique et historique (jusqu'à 1715) du Comité des travaux historiques et scientifiques.
- EGR — Early gild records of Toulouse; publ. by S.M.A. Mulholland. N. Y., 1941.
- HGL — Cl. Devic et J. Vaissete. Histoire générale de Languedoc; 16 vol. T., 1872—1904.
- Layettes — Layettes du trésor des chartes. Inventaire et documents... t. 1—2, publ. par A. Teulet. P., 1863—66.
- MA — Le Moyen Age.
- MAST — Mémoires de l'Académie des Sciences et Belles-Lettres de Toulouse.
- MSAMF — Mémoires de la Société archéologique du Midi de la France.
- RALT — Recueil de l'Académie de législation de Toulouse.
- RH — Revue historique.
- RHDFE — Revue historique de droit français et étranger.
- T — Toulouse.

БИБЛИОГРАФИЯ¹

ИСТОЧНИКИ

- Beaumanoir Ph. (de). Coutumes de Beauvaisis; t. 1—2. P., 1899—1900.
- Cartulaire du Bourg; publ. par R. Limouzin-Lamothe: La commune de Toulouse et les sources de son histoire (1120—1249). T.—P., 1932.
- Cartulaire de la Cité; ibidem.
- Cartulaire de l'abbaye de Beaulieu; publ. par M. Deloche. P., 1869.
- Cartulaire de l'abbaye de Conques en Rouergue; publ. par G. Desjardins. P., 1879.
- Cartulaire de l'abbaye de Notre-Dame de Prouille; publ. par J. Guiraud, t. 1—2. P., 1907.
- Cartulaire de l'abbaye de Saint-Sernin de Toulouse (844—1200); publ. par C. Douais. P.—T., 1887.
- Cartulaire de l'abbaye de Saint-Victor de Marseille; publ. par B. Guérard; t. 1—2. P. 1857.
- Cartulaire de la ville de Lodève; publ. par E. Martin. Montpellier, 1900.
- Cartulaire de l'Ordre de Malte, publ. par A. Du Bourg: Ordre de Malte; histoire du grand-prieuré de Toulouse. T., 1883.
- Cartulaire de Mirepoix, publ. par F. Pasquier; t. 1—2, T., 1921.
- Cartulaire du chapitre de l'église métropolitaine de Sainte-Marie d'Auch; publ. par C. Lacave La Plagne Barris. Paris—Auch, 1899.
- Cartulaire et archives des communes de l'ancien diocèse et de l'arrondissement administrative de Carcassonne; éd. par M. Mahul; vol. 2. P., 1858.
- Cartulaire (Un) et divers actes des Alaman, des de Lautrec et des de Lévis, XIII et XIV siècle; publ. par E. Cabié et L. Mazens. Toulouse—Albi—Paris, 1882.

¹ В списке указаны только те источники и работы, на которые есть отсылки в данной монографии.

- Cartulaire général de l'Ordre du Temple, 1119?—1150; publ. par d'Albon. P., 1914.
- Catalogue des actes de Raimond V, comte de Toulouse; publ. par E. Léonard. Nîmes, 1932.
- Catalogue des actes de Simon et Amauri de Montfort; publ. par A. Molinier. — BEC, 34; 1873.
- Catalogue des actes des ducs et des comtes de Champagne; publ. par. H. d'Arbois de Jubainville: Histoire des ducs et des comtes de Champagne. P., 1859—66, t. V.
- Chanson de la croisade Albigeoise; publ. et trad. par E. Martin-Chabot, vol. 1—2, P., 1931—1957.
- Chanson de la Croisade contre les Albigeois; publ. par P. Meyer; t. 1, 2. P., 1875—1879.
- Charte de coutumes de Gimont; publ. par A. Thomas. — AM, 1896.
- Chartes (Les) de coutumes du Comminges; publ. par J. Decap. P., 1957.
- Chartes de franchises de Lauragais; publ. par J. Ramière de Fortanier. T., 1939.
- Compayré C. Etudes historiques et documents inédits sur l'Albigeois, le Castrais et l'ancien diocèse de Lavaur. Albi, 1841.
- Comptes royaux; publ. par R. Fawtier et F. Maillard; vol. 1—4. P., 1953—1961.
- Correspondence administrative d'Alfonse de Poitiers; publ. par A. Molinier; vol. 1—2. P., 1894—1900.
- Coutumes de Cahors; publ. par E. Dufour: La commune de Cahors au Moyen Age. Cahors, 1846.
- Coutumes de Toulouse; publ. par A. Tardif. P., 1884.
- Documents, analyses de pièces, extraits et notes relatifs à l'histoire municipale des deux villes de Limoges; publ. par L. Guibert; vol. 1—2. Limoges, 1897—1902.
- Documents inédits sur le commerce de Marseille au Moyen Age; publ. par L. Blancard; vol. 1—2. Marseille, 1884—1885.
- Documents relatifs à l'histoire de l'industrie et du commerce en France; publ. par G. Fagniez, vol. 1, P., 1898.
- Documents sur l'ancienne province de Languedoc, publ. par C. Douais, t. 1—2. T.—P., 1901—1904.
- Documents sur le développement des libertés municipales et des communautés urbaines en pays Toulousain du XII-e au XIV-e siècle. T., 1960.
- Documents sur l'histoire de l'Université de Toulouse (1229—1789); publ. par R. Gadave. T., 1910.
- Douais C. Travaux pratiques d'une conférence de paléographie à l'Institut catholique de Toulouse. T.—P., 1892.
- Early gild records of Toulouse; publ. by M. A. Mulholland. N. Y., 1941.
- Enquêtes administratives d'Alfonse de Poitiers, éd par P.-F. Fournier et P. Guébin. P., 1959.
- Gascon Rolls, preserved in the Public Record Office, 1307—1317; ed. by Y. Renouard under the supervision of R. Fawtier. L., 1962.
- Gaufrédus Vosiensis. Chronica Gaufredi prioris Vosiensis coenobii a Roberto rege ad annum MCLXXXIV. (Labbe Ph. Nova bibliotheca manuscriptorum librorum; t. II. Parisiis, 1657).
- Giraud Ch. Essai sur l'histoire du droit français au Moyen-Age; t. 2 — Pièces justificatives. Paris—Leipzig. 1846.
- Guillelmus de Podio Laurentii. Chronica. Publ. par Beyssier (Bibliothèque de la Faculté des Lettres de Paris, XVIII. P., 1904).
- Histoire générale de Languedoc; réd. par Cl. Devic et J. Vaissete. Preuves (Chroniques; Chartes et diplômes; Catalogues des actes); vol. 1, 2, 3, 5, 8, 10, T., 1872—1892.
- Inventaire des archives communales antérieures à 1790 (ville de Narbonne); publ. par G. Mouynès; t. I. Narbonne, 1871.
- Inventaire-sommaire des archives communales de la ville de Toulouse antérieures à 1790, vol. I; publ. par E. Roschach. T., 1891.
- Inventaire-sommaire des archives départementales antérieures à 1790. Haute-Garonne; t. I, T., 1927.

- Itinerarium sive peregrinatio excelentissimi artium ac utriusque medicine doctoris Hieronymi Monetarii de Feltkirchen civis Nuremburgensis; publ. par E. Déprez. AM, 1936.
- Layettes du trésor des chartes; publ. par A. Teulet; t. 1—2. P., 1863—1866.
- Leuda Sancti-Egidii. — Les coutumes de Saint-Gilles (XII—XIV siècles), publ. par E. Bligny-Bondurand. P., 1915.
- Leudaire de Toulouse; publ. par Ph. Wolff. — AM, 1956.
- Liber instrumentorum memorialium; éd. par A. Germain. Montpellier, 1886.
- Livre (Le) d'Agenais; publ. par G. P. Cuttino. T., 1956.
- Ordonnances des roys de France; t. I. P., 1723.
- Petrus Vallium Cernaii. Historia Albigenensium. — Patrologia Latina, ed. Migne, t. CCXIII.
- Plus (Les) anciennes chartes en langue provençale; publ. par Cl. Brunel; 2 vol. P., 1926—1952.
- Privilèges et titres relatifs aux franchises, institutions et propriétés communales de Roussillon et de Cerdagne, depuis le XI-e siècle jusqu'à l'an 1660; publ. par B. Alart. I-re partie. Perpignan, 1874.
- Règlements sur les arts et métiers de Paris; publ. par G.—B. Depping. P., 1837.
- Rôles Gascons; publ. par F. Michel et Ch. Bémont, t. 1—2. P., 1885—1900.
- Salimbene. Cronica fratris Salimbene de Adam ordinis Minorum; ed O. Holder—Egger. — Monumenta Germaniae Historica, Scriptores, t. XXXII.
- Statuta Massiliae; publ. par L. Méry et F. Guindon: Histoire analitique et chronologique des actes et des délibérations du corps et du conseil de la municipalité de Marseille, depuis le X-e siècle jusqu'à nos jours; vol. V. Marseille, 1841—43.
- Statuts (Les) municipaux de Marseille; publ. par R. Pernoud. Monaco—P., 1949.
- Statuts super facto pannorum; éd. by M. Ambrose. («Essays in medieval life and thought, presented in honor of Austin Patterson Evans». N. Y., 1955).
- Statutum pargameneriorum Tholose; publ. par C. Douais. — MAST, 1896.
- Страбон. География в 17 книгах (пер. с греческого). М., 1964.

Archives départementales Haute-Garonne. Répertoire des titres et documents concernant les donations ... et divers autres droits appartenants à august, vénérable et ancien chapitre de Saint-Sernin (rédigé par Cl. Cresty). t. 1—2.

Archives départementales Haute-Garonne. Répertoire des titres et documents concernant les biens et droits du Chapitre de Saint-Etienne de Toulouse (rédigé par Cl. Cresty), t. 1—2.

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К. К критике гегелевской философии права. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 1.
- Маркс К. Нищета философии. — Там же, т. 4.
- Маркс К. Введение. (Из экономических рукописей 1857—1858 годов). Там же, т. 12.
- Маркс К. Капитал, т. I, III. Там же, т. 23; т. 25, ч. I—II.
- Маркс К. Письмо к А. В. Анненкову от 28 декабря 1846 года. — Там же, т. 27.
- Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу от 27 июля 1864 года. — Там же, т. 28.
- Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940.
- Маркс К. Подготовительные работы к «Капиталу». — «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII). М., 1933.
- Маркс К. Машины. Применение природных сил и науки. (Из рукописи 1861—1863 гг. «К критике политической экономии»). — («Вопросы истории естествознания и техники», вып. 25, 1968).

- Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология.— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 3.
- Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке.— Там же, т. 19.
- Энгельс Ф. Марка.— Там же.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Там же, т. 21.
- Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств.— Там же.
- Энгельс Ф. Юридический социализм.— Там же.
- Энгельс Ф. О Франции в эпоху феодализма.— «Архив Маркса и Энгельса», т. X. М., 1949.
- Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов.— Полное собрание сочинений, т. I.
- Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках. Там же.
- Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г-на Струве.— Там же.
- Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Там же, т. 3.
- Ленин В. И. Демократия и народничество в Китае.— Там же, т. 21.
- Ленин В. И. К вопросу о диалектике.— Там же, т. 29.
- Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии».— Там же.
- Ленин В. И. О продовольственном налоге.— Там же, т. 43.

* *

- Барг М. А. Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М., 1962.
- Барг М. А., академик Сказкин С. Д. История средневекового крестьянства в Европе и принципы ее разработки. — ВИ, 1967, № 4.
- Бессмертный Ю. Л. Проблема западноевропейской торговли в XI—XIII вв. в современной западной медиевистике.— СВ, вып. 23, 1963.
- Бессмертный Ю. Л. О социальном значении новых форм земельных держаний в рейнской деревне XII—XIII вв.— СВ, вып. 24, 1963.
- Бессмертный Ю. Л. К изучению торговли в среднерейнской деревне XII—XIII вв.— СВ, вып. 25, 1967.
- Блок М. Характерные черты французской аграрной истории (пер. с французского). М., 1957.
- Ермолаев В. А. Франконский город в Крестьянской войне 1525 года— СВ, вып. V, 1954.
- Зомбарт В. Современный капитализм, т. I. М.—Л., 1931 (пер. с немецкого).
- Карсавин Л. П. Монашество в средние века. СПб, 1912.
- Кириллова А. А. Английский город XIII—XIV вв.— Уч. зап. МГПИ, т. 59, вып. 3, 1949.
- Кириллова А. А. Свободное земельное держание в городах Англии XIII века.— Уч. зап. МГПИ, т. 68, вып. 4, М., 1954.
- Кириллова А. А. Из социальной истории городов Англии XIII в.— СВ, вып. 13, 1958.
- Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, т. 1-3. М., 1898—1903.
- Конюкотин А. В. Очерки по аграрной истории Северной Франции в IX—XIV вв. Иваново, 1958.
- Корсунский А. Р. Города Испании в период становления феодальных отношений (V—VII века).— В сб.: Социально-экономические проблемы истории Испании. М., 1965.
- Корхов Ю. А. Догородское ремесло средневековой Германии.— Уч. зап. МГПИ, т. 26, вып. I, 1940.
- Корхов Ю. А. Ремесленники средневекового Страсбурга под властью сеньора города.— Уч. зап. МГПИ, т. 68, вып. 4, 1954.
- Косминский Е. А. Исследования по аграрной истории Англии в XIII веке. М., 1947.

- Котельникова Л. А. Земельная рента в Тоскане в XI—XIII вв. (по материалам Луккской округи). — СВ, вып. 24, 1963.
- Котельникова Л. А. Земельная рента в округе Флоренции в XI—XIII вв. — СВ, вып. 25, 1964.
- Котельникова Л. А. Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. По материалам Средней и Северной Италии. М., 1967.
- Курбатов Г. Л. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962.
- Курбатов Г. Л. Разложение рабовладельческих отношений и проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VI вв. — «Вестник ЛГУ», № 14, вып. 3, 1965.
- Курбатов Г. Л. Ранневизантийский город (IV—VI вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1966.
- Левцкий Я. А. Проблема раннего феодального города в Англии и Книга Страшного суда. — СВ, вып. 3, 1951.
- Левцкий Я. А. Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв. М.—Л., 1960.
- Мильская Л. Т. Очерки из истории деревни в Каталонии X—XII вв. М., 1962.
- Негуляева Т. М. Проблема поземельной собственности в средневековом городе в немецкой буржуазной историографии. — Историографический сборник № 2. Изд. Саратов. ун-та, 1964.
- Негуляева Т. М. Свободное земельное держание в средневековом Страсбурге (XI—начало XIV века). В сб. Экономическое развитие и классовая борьба в средние века и в античности. Изд. Саратов. ун-та, 1968.
- Негуляева Т. М. Свободная земельная собственность и ее судьбы в средневековом Страсбурге (XIII—XIV вв.). — В Сб. Средневековый город. Изд. Саратов. ун-та, 1968.
- Неусыхин А. И. Социологическое исследование Макса Вебера о городе. — «Под знаменем марксизма», 1923, № 8—9.
- Осипов В. И. Развитие ремесла в Монпелье в XII—XIV вв. и проблема «свободного ремесла». — Аспирантский сборник, вып. 3, Саратов, 1966. (Саратов. гос. университет).
- Осипов В. И. Основные этапы коммунального движения в Монпелье. — Там же.
- Осипов В. И. Складывание патрициата в Монпелье (XII—XIII вв.). — В сб.: Средневековый город. Изд. Саратов. ун-та, 1968.
- Осипов В. И. Судьбы городского дворянства Монпелье (XII—XIII вв.). — В сб.: Экономическое развитие и классовая борьба в средние века и в античности. Изд. Саратов. ун-та, 1968).
- Осокин Н. История альбигойцев и их времени; т. 1—2. Казань, 1869—1871.
- Оттокар Н. П. Опыты по истории французских городов в средние века. Пермь, 1919.
- Пирени А. Средневековые города Бельгии (пер. с французского). М., 1937.
- Полянский Ф. Я. Очерки истории экономической политики цехов в городах Западной Европы в XIII—XV вв. М., 1952.
- Ревуненкова Н. В. К истории свободного ремесла в городах Южной Франции XII—XV веков. — СВ, вып. 21, 1962.
- Ревуненкова Н. В. Население Монпелье в XII веке. — СВ, вып. 30, 1967.
- Рутенбург В. И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV века. М.—Л., 1951.
- Свандзе А. А. Ремесло и ремесленники в средневековой Швеции (XIV—XV вв.). М., 1967.
- Сказкин С. Д. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. — ВИ, 1958, № 2.
- Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.

- Стам С. М. К вопросу об основном экономическом противоречии феодализма. — Уч. зап. СГУ, т. 66. Саратов, 1958.
- Стам С. М. Об одном реакционном течении в современной французской историографии средневекового города и о проблеме городского патрициата. — СВ, вып. 25, 1964.
- Стам С. М. Движущие противоречия развития средневекового города. — ВИ, 1965, № 7.
- Стам С. М. Складывание социальной структуры средневекового города (XI—XIII вв.). — «Спорные вопросы истории античного и средневекового города». Тезисы докладов на сессии научного совета при Отделении Истории АН СССР (Ленинград, 3—5 июня 1968 года). М., 1968.
- Стоклицкая-Терешкович В. В. Проблема многообразия средневекового пеха на Западе и на Руси. — СВ, вып. 3, 1951.
- Стоклицкая-Терешкович В. В. Классовая борьба в Милане в XI веке и зарождение Миланской коммуны. — СВ, вып. V, 1954.
- Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные вопросы истории средневекового города X—XV веков. М., 1960.
- Тьерри О. Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия. — В кн.: О. Тьерри. Избранные сочинения; пер. с французского под ред. О. Л. Вайнштейна. М., 1937.
- Agus I. Urban civilisation in pre-crusade Europe. Vol. 1—2. N. Y., 1965.
- Ambrose S. M. Statutes on clothmaking, Toulouse, 1227. — Essays in medieval life and thought, presented in honor of Austin Patterson Evans. N. Y., 1955.
- Aris R. et Picheire J. Essai sur le développement topographique d'Agde. — AM, 1960.
- Arnold Ch. F. Zur Geschichte des Eigenthums in den deutschen Städten. Basel, 1861.
- Arqué P. Géographie des Pyrénées françaises. P., 1943.
- Aubenas R. Autour de l'ancien droit toulousain. — AM, 1960.
- Auriol A. et Rey R. La basilique Saint-Sernin de Toulouse. T.—P., 1930.
- Baratier E. La démographie provençale de XIII au XVI siècle. P., 1961.
- Barry E. Tolosa Tectosagum. — MAST, 1873.
- Bautier R. H. Recherches sur les routes de l'Europe médiévale. Le grand axe routier est-ouest du Midi de la France: d'Avignon à Toulouse. — BPhH (1961); P., 1963.
- Belperron P. La croisade contre les Albigeois et l'union de Languedoc à la France. P., 1942.
- Bisson Th. Assemblies and representation in Languedoc in the thirteenth century. Princeton, 1964.
- Blanchet A. Les enceintes romaines de la Gaule. P., 1907.
- Bloch M. Compte rendu critique. — MA, 1934, N 3.
- Bloch M. La société féodale. P., 1939.
- Boissonnade P. Essai sur l'organisation du travail en Poitou depuis le XI-e siècle jusqu'à la Revolution, t. 1, 2, P., 1900.
- Boissonnade P. Le travail dans l'Europe chrétienne au Moyen Age (V-e—XV-e siècle). P., 1921.
- Bourquelot F. Etude sur les foires de Champagne; t. I. P., 1861.
- Bousquet J. Les premiers privilèges communaux en Rouergue. — BPhH (1961). P., 1963.
- Boyer G. Etudes d'histoire toulousaine. — RALT, 1957.
- Brutails J. A. Etude sur la condition des populations rurales du Roussillon au Moyen-Age. P., 1891.
- Caldéran-Giacchetti H. L'exportation de la draperie languedocienne dans les pays méditerranéens d'après les archives Dalini (1380—1410). — AM, 1962.
- Calmette J. La société féodale. P., 1932.
- Caramel A. Les Rouais. T., 1948.
- Castaing M. Le prêt à intérêt à Toulouse aux XII et XIII siècles. — BPhH, 1955.

- Castaing-Sicard M. Donations toulousaines du X au XIII siècle. — AM, 1958.
- Castaing-Sicard M. Contrat de travail et louage d'ouvrage dans la vie toulousaine des XII et XIII siècles. — «Recueil des mémoires et travaux publiés par la Société d'histoire du droit et des institutions des anciens pays de droit écrit» IV, I. Université de Montpellier, 1958.
- Castaing-Sicard M. Les contrats dans le très ancien droit toulousain (XI—XIII siècle). T., 1959.
- Castaing-Sicard M. Monnaies féodales et circulation monétaire en Languedoc (X—XIII siècles). T., 1961.
- Caster G. Le vignoble suburbain de Toulouse au XII-e siècle. — AM, 1966.
- Catel G. Histoire des comtes de Tolose, avec quelques traitez et chroniques anciennes, concernant la mesme histoire. T., 1623.
- Catel G. Mémoires de l'histoire de Languedoc. T., 1633.
- Chalande J. Histoire des rues de Toulouse. — MAST, 1913, 1914.
- Chenon E. Etude sur l'histoire des alleux en France. P., 1888.
- Clos L. Recherches sur le régime municipal dans le Midi de la France au Moyen Age. — «Mémoires présentés à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres», 2-me série, t. 3. P., 1854.
- Clos L. Etude sur la municipalité de Toulouse et l'établissement de son consulat. — MAST, 1873.
- Coornaert E. Les corporations en France avant 1789. 7-me éd., P., 1941.
- Coppolani J. Essai de solution géographique du problème des origines de Toulouse. — AM, 1950.
- Coppolani J. Toulouse. Etude de géographie urbaine. T. 1954.
- Dauzat A. Traité d'anthroponymie française. Les noms de famille. P., 1945.
- Delaruelle F. Toulouse et la route des Deux Mers. — AM, 1950.
- De Ribbe C. Les corporations ouvrières en Provence. Aix, 1865.
- Déprez E. Jerome Münzer et son voyage dans le Midi de la France en 1494—95. — AM, 1936.
- Desjardins E. Géographie historique et administrative de la Gaule romaine; vol. 1—4, P., 1876—93.
- Dhondt J. Etudes sur la naissance des principautés territoriales en France, IX—X siècle. Ghent, 1948.
- Dognon P. Les institutions politiques et administratives du pays de Languedoc du XIII-e siècle aux guerres de religion. T., 1895.
- Dossat Y. Le chroniqueur Guillaume de Puylaurens était-il chapelain de Raymond VII ou notaire de l'Inquisition toulousaine? — AM, 1953.
- Douais C. Des fortunes commerciales à Toulouse et de la topographie des églises et maisons religieuses de Toulouse d'après deux testaments (XIII-e — XV-e siècle). — MSAMF, 1894—1896.
- Douais C. Statut municipal inédit des parcheminiers de Toulouse 10 Février 1329 (n. s.). — MAST, 1896.
- Du Bourg A. Ordre de Malte; histoire du grand-prieuré de Toulouse. T., 1883.
- Du Bourg A. Tableau de l'ancienne organisation du travail dans le Midi de la France. T., 1885.
- Duby G. Les villes du Sud-Ouest de la Gaule du VIII-e au XI-e siècle. — La città nell'alto medioevo. Spoleto, 1959.
- Duby G. L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval; t. 1—2; P., 1962.
- Du Cange. Glossarium mediae et infimae latinitatis.
- Du Mège A. Histoire des institutions religieuses, politiques, judiciaires et littéraires de la ville de Toulouse; t. I; T., 1844.
- Dupont A. Les cités de la Narbonnaise Première depuis les invasions germaniques jusqu'à l'apparition du consulat. Nîmes, 1942.
- Dupont A. Les relations commerciales entre les cités maritimes de Languedoc et les cités méditerranéennes d'Espagne et d'Italie du X au XIII siècle. Nîmes, 1942.

- Dupont A. L'exploitation du sel sur les étangs de Languedoc (XI—XIII siècle). — AM, 1958.
- Dupont A. L'évolution sociale du consulat nimois. AM, 1960.
- Dutil L. La Haute-Garonne et sa région; t. 1—2; T.—P., 1928.
- Eberstadt R. Das französische Gewerberecht. Leipzig, 1899.
- Emery R. W. Heresy and Inquisition in Narbonne. N. Y., 1941.
- Emery R. W. Flemish cloth and flemish merchants in Perpignan in the thirteenth century. («Essays in medieval life and thought, presented in honor of Austin Patterson Evans». N. Y., 1955).
- Engelmann E. Zur städtischen Volksbewegung in Südfrankreich. Berlin, 1959.
- Ennen E. Frühgeschichte der europäischen Stadt. Bonn, 1953.
- Ennen E. Die Entwicklung des Städtewesens an Rhein und Mosel von 6. bis 9. Jahrhundert. (La città nell'alto medioevo. Spoleto, 1959).
- Espinas G. La vie urbaine de Douai au Moyen Age; vol. II. P., 1913.
- Espinas G. Histoire urbaine. — AHES, 1933.
- Espinas G. Les origines du capitalisme, t. 1—3. Lille—Paris, 1933—1949.
- Espinas G. Métiers, associations et confréries de métier: l'exemple des nappiers de Toulouse. — AHS, 1945.
- Espinas G. Comment étudier les statuts d'une association professionnelle. — RHDFE, 1946—47.
- Fagniez G. Etudes sur l'industrie et la classe industrielle à Paris au XIII et au XIV siècle. P., 1877.
- Faucher D., Higounet Ch. Les villes de la région de Toulouse. T., 1942.
- Févre L. Villes du Nord, villes du Midi. — «Annales», 1952, N 4.
- Février P.-A. Le développement urbain en Provence de l'époque romaine à la fin du XIV-e siècle (Archéologie et histoire urbaine). P., 1964.
- Flach J. Les origines de l'ancienne France; t. II; P., 1893.
- Fons V. Le Bourg de Toulouse. — MAST, 1867.
- Gachon P. Histoire de Languedoc. P., 1926.
- Galabert F. Le nombre des hommes libres dans le pays de Tarn-et-Garonne aux XI-e et XII-e siècles. — BAHTG, 1901.
- Galtier G. Le vignoble du Languedoc méditerranéen et du Roussillon. P., 1958.
- Ganshof F. L. L'origine des constitutions urbaines en Flandre. — MA, 1926.
- Ganshof F. L. Notes sur les ports de Provence du VIII-e au X-e siècle. — RH, t. 183, 1938.
- Ganshof F. L. Etudes sur le développement des villes entre Loire et Rhin au Moyen Age. Paris—Bruxelles, 1943.
- Gantner J., Pöb M., Roubier J. Gallia romanica. Wien und München, 1955.
- Gérard P. Le Cartulaire de Capdenier. (Douzième Congrès d'études de la Fédération des Sociétés académiques et savantes Languedoc—Pyrénées—Gascogne. Toulouse, 21—23 Avril 1956. Actes du Congrès). Albi, 1958.
- Gérard P. Aux origines du temporel de Saint-Sernin: Vilaigon, l'alleu de Castillon et la famille de Valségur—Castelmaurou (X—XII siècle). — AM, 1960.
- Gérard P. Le marché de Baziège au XI-e siècle et dans la première moitié du XII-e. — BPhH (1961); P., 1963.
- Géraud H. Les routiers au XII-e siècle. — BEC, 1841—42.
- Germain A. Histoire de la commune de Montpellier, t. 1—3. Montpellier, 1851.
- Germain A. Histoire du commerce de Montpellier, t. 1—2. Montpellier, 1861.
- Gilles H. Les Etats de Languedoc au XV-e siècle. T., 1965.
- Godding Ph. Le droit foncier à Bruxelles au Moyen Age. Bruxelles, 1962.
- Gouron A. La réglementation des métiers en Languedoc au Moyen Age. Genève—Paris, 1958.
- Gouron M. Les étapes de l'histoire de Nîmes. Nîmes, 1939.

- Grand R. Les «Paix» d'Aurillac. P., 1945.
- Griffe E. L'ancien suburbium de Saint-Paul à Narbonne. — AM, 1943.
- Grillon L. Le prieuré des Touches et l'exploitation du sel par l'abbaye de Dalon. — AM, 1963.
- Guibert L. Les anciennes organisations de métiers en Limousin. — «La réforme sociale», 1883.
- Hauser H. Le sel dans l'histoire. — «Revue économique internationale», 1927.
- Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen Age. Leipzig, 1936.
- Hibbert A. B. The origins of the medieval town patriciate. — «Past and present», 1953, N 3.
- Higounet Ch. A propos de Guillaume de Tudele. — AM, 1938.
- Higounet Ch. Le peuplement de Toulouse au XII-e siècle. — AM., 1942—1943.
- Higounet Ch. Le comté de Comminges des ses origines à son annexion à la couronne; vol. 1—2. T.—P., 1949.
- Higounet Ch. La frange orientale des bastides. — AM, 1949.
- Higounet Ch. Un mémoire sur les péages de la Garonne au début du XIV-e siècle. — AM, 1949.
- Higounet Ch. L'occupation du sol du pays entre Tarn et Garonne au Moyen Age. — AM, 1953.
- Higounet Ch. Une carte agricole de l'Albigeois vers 1260. — AM, 1958.
- Higounet Ch. Bordeaux pendant le haut Moyen Age. Bordeaux, 1963.
- Huvelin P. Essai historique sur le droit des marchés et des foires. P., 1897.
- Imberdis F. Les routes médiévales: mythes et réalités historiques. — AHS, 1939.
- Joulin L. Les stations antiques des coteaux de Pech—David près de Toulouse. — MAST, 1902.
- Jouve M. Le Palais des Arènes. — «Mémoires de l'Académie de Nîmes», 1901.
- Julian C. Histoire de la Gaule; t. 1—8. P., 1907—1926.
- Kiener F. Verfassungsgeschichte der Provence seit der Ostgothenherrschaft bis zur Errichtung der Konsulate (510—1200). Leipzig, 1900.
- Klocke F. (von). Patriziat und Stadtadel im alten Soest. Lübeck, 1927.
- Labande L.-H. Avignon au XIII siècle. P., 1908.
- Labrousse M. Villes romaines du Midi. — AM, 1959.
- La Faille G. Annales de la ville de Toulouse depuis la réunion de la comté de Toulouse à la couronne. T., 1687.
- Lavedan P. Les villes françaises. P., 1960.
- Lebel P. Les noms de personnes en France. P., 1962.
- Le Bellegou-Beguin G. L'évolution des institutions municipales toulonnaises. Aix—en—Provence, 1959.
- Le Goff J. Orientation de recherches sur la population et le commerce du sel en Méditerranée au Moyen Age. — BPHH, 1958 (P., 1959).
- Lesage G. Marseille angevine. P., 1950.
- Lesne E. Histoire de la propriété ecclésiastique en France; vol. VI. Lille, 1950.
- Lestocquoy J. Patriciens du Moyen Age. Les dynasties bourgeoises d'Arras du XI-e au XV-e siècle. Arras, 1945.
- Lestocquoy J. The tenth century. — «The economic history review», 1947, N 1.
- Lestocquoy J. Aux origines de la bourgeoisie: Les villes de Flandre et d'Italie sous le gouvernement des patriciens (XI-e—XV-e siècles). P., 1952.
- Lestocquoy J. Les villes et la population urbaine (l'exemple d'Arras). — «Cahiers de civilisation médiévale». 1958, N 1.
- Levasseur E. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant 1789; vol. 1—2. P., 1900—1901.
- Lewis A. The development of town government in the XII-th century Montpellier. — «Speculum», 1947.

- Lewis A. R. The development of Southern French and Catalan society, 718—1050. Austin, 1965.
- Limouzin-Lamothe R. Bibliographie critique de l'histoire municipale de Toulouse des origines à 1789. T.—P., 1932.
- Limouzin-Lamothe R. La commune de Toulouse et les sources de son histoire (1120—1249). T.—P., 1932.
- Lodge E. Gascony under english rule. L., 1926.
- Lot F. L'histoire urbaine du Nord de la France. — «Journal des savants», 1935.
- Lot F. Recherches sur la population et la superficie des cités remontant à la période gallo-romaine; t. 1—3. P., 1945—1952.
- Lot F. La Gaule. P., 1947.
- Luchaire A. Manuel des institutions françaises. P., 1892.
- Luchaire A. Les communes françaises à l'époque des Capetiens directs. P., 1911.
- Lyon B. D. From fief to indenture. Cambridge, Mass., 1957.
- Malafosse J. (de). Les anciennes maisons de Toulouse. — MSAMF, 1894.
- Marca P. (de). Marca Hispanica, sive Limes hispanicus, hoc est graphica et historica descriptio Cataloniae, Ruscinonis et circumjacentium populorum. Parisiis, 1688.
- Martin Saint-Léon E. Histoire des corporations de métiers. P., 1922.
- Maschke E. Continuité sociale et histoire urbaine médiévale. — «Annales», 1960, N 5.
- Maunier R. L'origine et la fonction économique des villes. P., 1910.
- Mazauric F. Histoire du Château des Arènes. Nîmes, 1934.
- Ménard L. Histoire civile, ecclésiastique et littéraire de la ville de Nîmes, t. I, P., 1758.
- Michel R. L'administration royale dans la seneschaussée de Beaucaire au temps de Saint-Louis. P., 1910.
- Molinier A. Etude sur l'administration féodale en Languedoc au Moyen Age. P., 1875.
- Morlet T. La vie économique d'une cité au Moyen Age. («Proceedings of the eight international congress of onomastic sciences». The Hague-Paris, 1966).
- Mot G. Le moulin du Château Narbonnais de Toulouse de 1182 à 1600. Carcassonne, 1910.
- Mundy J. Liberty and political power in Toulouse 1050—1230. N. Y., 1954.
- Mundy J. Hospitals and leproseries in twelfth- and early thirteenth-century Toulouse. («Essays in medieval life and thought, presented in honor of Austin Patterson Evans». N.Y., 1955).
- Ourliac P. Les sauvelés des Comminges. T., 1947.
- Ourliac P. Les villages de la région toulousaine au XIIe siècle. — «Annales», 1949.
- Ourliac P. L'hommage servil dans la région toulousaine («Mélanges d'histoire du Moyen Age dédiés à la mémoire de Louis Halphen». P., 1951).
- Perroy E. Compte rendu critique. — «Revue du Nord», N 136, 1952.
- Petit-Dutaillis Ch. La prétendue commune de Toulouse. («Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres de Paris», 1941).
- Petit-Dutaillis Ch. Les communes françaises. P., 1947.
- Pigeonneau H. Histoire du commerce de la France; t. I, P., 1885.
- Pirenne H. L'origine des constitutions urbaines au Moyen Age. — RH, 1893, 1895.
- Pirenne H. Les périodes de l'histoire sociale du capitalisme. Bruxelles, 1922.
- Pirenne H. La civilisation occidentale au Moyen Age du Xe au milieu du XVe siècle. — «Histoire générale», publ. sous la dir. de G. Glotz; t. VIII, P., 1933).
- Pirenne H. Un grand commerce d'exportation au Moyen Age: les vins de France. — AHES, 1933.

- Pirenne H. Mahomet et Charlemagne. Paris-Bruxelles, 1937.
- Pirenne H. Les villes et les institutions urbaines; t. 1—2. Paris-Bruxelles, 1939.
- Plesner J. L'émigration de la campagne à la ville libre de Florence au XIII-e siècle. Copenhague, 1934.
- Port C. Essai sur l'histoire du commerce maritime de Narbonne. P., 1854.
- Poux J. La cité de Carcassonne. T., 1922.
- Prinet M. L'industrie du sel en Franche-Comté avant la conquête française. Besançon, 1900.
- Prou M., Une ville-marché au XII-e siècle: Etampes, Seine-et-Oise (Mélanges d'histoire offerts à H. Pirenne; t. II. Bruxelles, 1926).
- Ramet H. Histoire de Toulouse. T., 1935.
- Renouard Y. Les voies de communication entre pays de la Méditerranée et pays de l'Atlantique au Moyen Age. Problèmes et hypothèses. («Mélanges d'histoire du Moyen Age, dédiés à la mémoire de Louis Halphen». P., 1951).
- Rey R. La cathédrale de Toulouse. P., 1924.
- Reynouard F. Histoire du droit municipal en France, sous la domination romaine et sous les trois dynasties; vol. 1—2. P., 1829.
- Richardot H. Le fief roturier à Toulouse aux XII et XIII siècles. — RHDFE, 1935.
- Roblin M. Cités ou citadelles? Les enceintes romaines du Bas-Empire d'après l'exemple de Paris. — «Revue des études anciennes», 1951.
- Roschach E. Etude sur les relations diplomatiques des comtes de Toulouse avec la République de Gênes au XII-e siècle (1101—1174). — MAST, 1867.
- Roschach E. Les douze livres de l'histoire de Toulouse, Chroniques municipales manuscrites du XIII au XVIII siècle (1295—1787), étude critique. T., 1887.
- Roschach E. Note sur la commune de Toulouse. — HGL, VII.
- Roschach E. Quelques données sur la vie municipale à Toulouse tirées de la Chanson de la Croisade contre les Albigeois. — MAST, 1897.
- Roslanowski T. Recherches sur la vie urbaine et en particulier sur le patriciat dans les villes de la Moyenne Rhénanie septentrionale (fin du XI-e — début du XIV-e siècle). Warszawa, 1964.
- Rossignol E. Etude sur l'histoire des institutions seigneuriales et communales de l'arrondissement de Gaillac (Tarn). T., 1866.
- Saige G. Les juifs du Languedoc antérieurement au XIV-e siècle. P., 1881.
- Sautel G. Les villes du Midi méditerranéen au Moyen Age. — «La ville», 2-me partie, Bruxelles, 1955.
- Schneider J. La ville de Metz au XIII et XIV siècles. Nancy, 1950.
- Sicard G. Aux origines des sociétés anonymes. Les moulins de Toulouse au Moyen Age. P., 1953.
- Slicher van Bath B. H. The agrarian history of Western Europe. A. D. 500—1850. L., 1963.
- Slicher van Bath B. H. Les problèmes fondamentaux de la société préindustrielle en Europe occidentale. Wageningen, 1965.
- Souyri P. L'évolution économique et sociale de Toulouse du XI-e siècle à 1270. T., 1948.
- Tardif A. Le droit privé au XIII-e siècle d'après les coutumes de Toulouse et de Montpellier. P., 1886.
- Thompson E. A. The settlement of the barbarians in the Southern Gaul. — «The Journal of Roman studies». L., 1956.
- Timbal P. Les villes de consulat dans le Midi de la France. — «La ville», 1-ère partie. Bruxelles, 1954.
- Trabut-Cussac J.—P. Les coutumes ou droits de douane perçus à Bordeaux sur les vins et les marchandises par l'administration anglaise de 1252 à 1307. — AM, 1950.
- Vercauteren F. Etudes sur les civitates de la Belgique seconde. Contribution à l'histoire urbaine du Nord de la France de la fin du III-e siècle à la fin du XI-e siècle. Bruxelles, 1934.

- Vercauteren F. Luites sociales à Liège (XIII et XIV siècles). Bruxelles, 1946.
- Vercauteren F. La vie urbaine entre Meuse et Loire du VI-e au IX-e siècle (La città nell'alto medioevo. Spoleto, 1959).
- Vercauteren F. De la cité antique à la commune médiévale. (Académie royale de Belgique. Bulletin de la Classe de lettres, t. 48; 1962).
- Verriest L. Nouvelles études d'histoire urbaine. Gembloux, 1948.
- Vidal de la Blache P. Tableau de la géographie de la France. P., 1911.
- Viollet P. Précis de l'histoire du droit français. P., 1884.
- Viollet P. Les communes françaises au Moyen Age («Mémoires de l'Institut national de France. Académie des Inscriptions et Belles-Lettres»; t. 36, P., 1901).
- Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. 1—2. Hbd. Köln-Berlin, 1964.
- Wolff Ph. France du Nord, France du Midi. Les luttes sociales dans les villes du Midi français (XIII—XIV siècles). — «Annales», 1947, N 2.
- Wolff Ph. Achats d'armes pour Philippe le Bel dans la région toulousaine. — AM, 1948.
- Wolff Ph. Le problème des Cahorsins. — AM, 1950.
- Wolff Ph. Commerces et marchands de Toulouse (vers 1350 — vers 1450). P., 1954.
- Wolff Ph. Chronique d'histoire toulousaine. — AM, 1955.
- Wolff Ph. Les «Estimes» toulousaines des XIV-e et XV-e siècles. T., 1956.
- Wolff Ph. Corps de métiers au Moyen Age. — AM, 1959.
- Wolff Ph. Un leudaire de Toulouse. — AM, 1962.
- Wolff Ph. Une ville à l'âge ingrat. — AM, 1966.
- Young A. Travels in France. London, 1924.
- Yver G. Le commerce et les marchands dans l'Italie méridionale au XIII et au XIV siècle. P., 1903.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август, Гай Октавий — 67, 106.
 Авзоний — 187.
 Адальмода, графиня тулузская — 72.
 Аделаида, виконтесса нарбоннская — 151.
 Азальбер (тулузский род) — 330.
 Аземар (тулуз. род.) — 367, 371.
 Арнаут — 367.
 Ат — 318.
 Понс — 367.
 Аймери, виконт нарбоннский — 173.
 Аймерик II, граф ошский — 55.
 Аймерик, Пейре — 333.
 Аламан (феод. род) — 28.
 Сикар — 125.
 Альбарок, Бернар (де) — 368.
 Альфонс-Журден, граф тулуз. — 50—51, 60, 64, 70—71, 89—90, 116, 130, 141—143, 165—166, 180, 183, 196, 273, 296, 345, 360, 363—364, 368.
 Альфонс (де) Пуатье, граф тулуз. — 29, 60, 115, 117, 137, 170, 201, 211, 256, 300, 314, 357.
 Амелий, епископ тулуз. — 79, 164, 369.
 Амель (тулуз. род) — 366, 371.
 Бернар — 366.
 Пейре — 344.
 Аркадий, римск. император — 39.
 Арнаут (тулуз. род) — 146, 280, 365, 370.
 Бернар — 184, 344, 346, 365.
 Пейре — 366.
 Понс (меняла) — 346.
 Ариольд X. Ф. — 378.
 Арсенда, графиня каркассонская — 47.
 Арталий, сп. серданьский — 58.
 Астре (тулуз. род) — 146.
 Гильем-Понс — 332.
 Ат (тулуз. род) — 362.
 Рамун — 362.
 Атадиль (тулуз. род)
 Аламана — 319.
 Рамун-Гильем — 319.
 Атье (д'), Пьер — 354.
 Ауба — 342.
 Аурноль, Бернар — 367, 371.
 Лурюз, Урик — 155, 156, 158—161.
 Аустид, архиеп. Новемпопулани — 63.

- Базьеж, Гильем (де) — 160, 164.
 Бальдера (тулуз. род) — 280, 281.
 Эстеве — 278.
 Бангизат (тулуз. род) — 146, 164.
 Бернар-Рамун — 165, 325, 332, 333.
 Пейре — 164.
 Рамун — 164, 165, 325.
 Эрменгаут — 325, 332.
 Бараньон (тулуз. род) — 339.
 Баратье Э. — 358.
 Барг М. А. — 17, 53, 124.
 Баррау (тулуз. род) — 146, 165, 281,
 323, 339, 342, 376.
 Арнаут — 323.
 Бернар — 165, 335.
 Бернар-Рамун — 344.
 Видаль — 330.
 Рамун — 319.
 Барри Э. — 22, 102.
 Безант (тулуз. род) — 281.
 Беренжер (тулуз. род) — 367.
 Бернар — 366.
 Гаутейре — 364.
 Понс I — 363, 364, 366.
 Понс II — 364.
 Рамун — 364.
 Бернар (тулуз. род) — 365.
 Понс — 365.
 Бернар-Ат V, виконт нимский — 273.
 Бернар Клервоский — 57.
 Бертран, граф тулузский — 79, 253,
 366.
 Бертран, Пейре — 320.
 Бессмертный Ю. Л. — 11, 17,
 124, 125.
 Бийу Ж. — 150.
 Бирон, Гильем (де) — 371.
 Биссон Т. — 31.
 Бланше А. — 39.
 Блок М. — 22, 41, 58, 76, 77, 138, 262.
 Бомануар Ф. (де) — 95, 192, 372.
 Ботье А. — 150.
 Брюгейре (де) (тулуз. род) — 369,
 370.
 Брюн — 332.
 Гильем — 332.
 Понс — 332.
 Рамун-Ат — 332.
 Брютай Ж. О. — 127.
 Буало, Этьен — 192, 220.
 Буассоннад П. — 192, 224.
 Буркело Ф. — 250.
 Вальсегюр, Марфан (де) — 327, 329,
 341, 342.
 Варен, Азмар (де) — 368.
 Вебер М. — 76.
 Веркаутерен Ф. — 12, 38, 45, 47,
 48, 68, 69, 108, 372.
 Верье Л. — 11, 58.
 Видаль (тулуз. род) — 345, 346.
 Пейре — 199, 280, 324, 345.
 Пейре (мясник) — 345.
 Понс — 324.
 Рамун — 280.
 Видаль, Гильем, сукновал — 314, 339,
 376.
 Вильноу (де) (тулуз. род) — 85, 86,
 339, 360, 361, 376.
 Арнаут — 336, 361.
 Журдан — 313, 338, 361.
 Понс — 360, 361.
 Видиан, Бернар — 329.
 Вольфф Ф. — 23—26, 30, 75, 76,
 97, 112, 149, 247, 252, 254, 256,
 340.
 Воронова Т. П. — 13.
 Вэссет Ж. — 22.
 Гайральд (тулуз. род) — 371.
 Понс — 366.
 Гайтапеш, Жуан — 280.
 Галабер Ф. — 128.
 Галин (тулуз. род) — 281.
 Рамун — 344.
 Галлиен, Публий, римск. импера-
 тор — 39.
 Гальс (де) (тулуз. род)
 Жуан — 320.
 Сансса — 320.
 Ганнон, еп. кельнский — 71.
 Гансхоф Ф. — 43, 45, 48, 65, 71.
 Гарба, Жераут — 324.
 Гарсиа (тулуз. род) — 281.
 Рамун — 329.
 Гаусбер (тулуз. род) — 366.
 Бернар — 366.
 Гильем — 366.
 Пейре — 366.
 Понс — 366.
 Рамун — 366.
 Риксенда — 366.
 Гаутейре (тулуз. род) — 280.
 Видаль — 322.
 Рамун — 320, 321, 331, 332, 344.
 Гашон П. — 76.
 Геласий II, папа — 332.
 Генрих II, англ. король — 176.
 Гибер Л. — 190, 207.
 Гилабер (тулуз. род) — 281, 325, 331,
 362, 370.
 Арнаут — 327, 331, 338.
 Гильем III Тайфер, граф тулуз. — 157.
 Гильем IV, граф. тулуз. — 51, 70, 72,
 79, 139, 143, 159, 164, 165, 180, 196,
 262, 296, 362, 366.
 Гильем IX, граф Пуату, герцог акви-
 танский — 79, 83, 89, 90, 109—
 111, 128, 129, 134, 136, 138, 142,
 159, 356, 361, 371.

Гильем (тулуз. род) — 281, 331.
 Бернар — 320.
 Пейре — 333.
 Эрмессенда — 320.
 Гильем де Пюилоран — 30, 112.
 Гильем из Туделы — 30.
 Гильем-Рамун, граф серданьский — 58.
 Гиро Ж. — 28.
 Гис (тулуз. род) — 342.
 Годдинх Ф. — 378.
 Гонорий, римск. император — 39.
 Гран Р. — 19.
 Григорий VII, папа — 78, 79.
 Григорий IX, папа — 349.
 Грийон Л. — 176.
 Гурон А. — 190, 194, 199, 210, 220, 221.
 Дави (тулуз. род) — 146, 335.
 Бертран — 320.
 Понс — 359.
 Дансанс (тулуз. род) — 335.
 Бернар — 333.
 Кальвег — 333.
 Девик К. — 22.
 Десжарден Г. — 28, 366.
 Декк — 53.
 Делярюель Ф. — 25, 251.
 Деплен Ж. Б. — 239.
 ДеРибб — 190, 258.
 Дескалькенс (тулуз. род) — 325.
 Бастар — 329.
 Монтарсин — 329.
 Доза — 328.
 Доминик Гусман — 28, 121.
 Дольон П. — 10, 210.
 Допш А. — 9.
 Дуэ С. — 27, 28, 78, 80, 82, 119, 153.
 Дюби Ж. — 43, 52, 53, 353, 372.
 Дюбур А. — 189, 209.
 Дюмеж А. — 22.
 Дюпон А. — 9, 23, 39—45, 102, 117, 150—153, 179, 372.
 Дюран, Рамун — 320, 335.
 Дютиль Л. — 39, 58.
 Ермолаев В. А. — 13, 225.
 Жауфре де Вижуа — 373.
 Жерар П. — 150, 154—155, 159.
 Жераут, Юк — 163.
 Жермен А. — 22.
 Жиль А. — 117.
 Жуан (тулуз. род) — 362, 368, 370.
 Арнаут — 332, 346, 368.
 Ат — 368.
 Борель — 368.
 Гильем — 368.
 Юк — 368.

Зомбарт В. — 10, 371.
 Иванс О. П. — 24, 25.
 Ивер Г. — 253.
 Игунэ Ш. — 25, 39, 43, 45, 53—59, 64, 71, 83, 86, 96, 148, 301.
 Изарн, еп. тулузский — 78, 82, 88, 173, 366.
 Иннокентий IV, папа — 349.
 Иоанн Безземельный, англ. король — 175.
 Кавальдос, Бертран (де) — 329.
 Каликст II, папа — 42.
 Кальмет Ж. — 261.
 Капденье (тулуз. род) — 335, 374, 375.
 Бернар — 114, 187, 374, 375.
 Понс — 187, 336, 337, 374—376.
 Капденье-Пешбоинье — 376.
 Караборда (тулуз. род) — 280, 331, 376.
 Азема — 165.
 Бернар — 319, 344.
 Пейре — 324, 333.
 Ульрик — 370.
 Эсгеве (Стефан) — 164.
 Караман (фсод. род) — 50, 74, 107, 154—166.
 Донат — 156—158, 162.
 Карамель А. — 340.
 Карл Анжуйский — 348.
 Карл Великий — 47, 87.
 Карл Лысый — 47, 51, 77, 87, 151, 264.
 Карл Мартелл — 40.
 Карл VI, франц. король — 290.
 Каролинги — 41—50, 80, 100, 372.
 Кастельноу (де) (тулуз. род) — 325, 330, 339, 342, 363, 376.
 Арнаут-Рамун — 163.
 Рамун — 333.
 Кастэн-Сикар М. — 21, 25, 57.
 Кастэ Ж. — 143.
 Катель Г. — 21, 22, 330.
 Кинер Ф. — 353.
 Кириллова А. А. — 14.
 Клаустре (де) (тулуз. род) — 146, 331, 333, 345.
 Гильем — 163, 199, 333, 345.
 Гильем-Пейре — 325.
 Клермон (де) — 361.
 Кло Л. — 357.
 Клокке Ф. (фон) — 316.
 Ковалевский М. М. — 211.
 Конрад Монферратский — 349.
 Копполани Ж. — 24, 106, 247, 251.
 Корнэр Э. — 190, 192, 211.
 Корсунский А. Р. — 16, 378.
 Корхов Ю. А. — 13, 14.

Косминский Е. А. — 21, 35, 95, 124, 259.

Котельникова Л. А. — 17, 125.

Крести К. — 28.

Кумтор, Юк — 362, 370.

Курбатов Г. Л. — 16.

Куртасолеа (тулуз. род) — 280, 339.

Лавор, Гильем (де) — 56.

Лайон Б. — 10.

Ланта (де) — 297, 339.

Латуш Р. — 11.

Левассёр Э. — 191, 192, 195, 210, 224.

Левицкий Я. А. — 14.

Ле Гофф Ж. — 150.

Ленн В. И. — 34, 99, 226, 307.

Леонар Э. — 29.

Лестокуа Ж. — 9, 12, 45, 317, 352, 353.

Л'Иль (де) — 361.

Лимузен-Лямот Р. — 22, 23, 27, 76, 77, 210, 251, 298, 357, 358.

Луитпранд Кремонский — 65.

Лорак, Гилабер (де) — 159, 337.

Лот Ф. — 12, 38, 40, 44, 46, 48, 52, 67, 68, 153.

Льюис А. — 12, 153, 157.

Люблинская А. Д. — 13.

Людвик VII, франц. король — 64, 71, 87, 356.

Людвик VIII, француз. король — 354.

Люшер А. — 10.

Мазорик Ф. — 354, 380.

Майяр Ф. — 29.

Малет, Бернар-Рамун — 327, 328, 330.

Мандадар, Бернар — 362, 370.

Манди Дж. — 24, 25, 85, 88, 89, 210, 297, 298, 313, 339, 341—343, 358—360, 381.

Маркафаба (де) (тулуз. род) — 281, 364.

Арнаут-Бернар — 364.

Пейре — 344.

Маркс К. — 7, 10, 13, 31—34, 99, 121—122, 124, 127, 196, 225, 226, 238, 244, 249, 258, 259, 292, 307.

Мартин (тулузск. род) — 323.

Бернар — 323, 326.

Маскарон (тулуз. род) — 331.

Мауран (тулуз. род) — 325, 330, 335, 341, 342, 376.

Боном — 342.

Пейре — 328, 329, 341, 342.

Рамун — 337.

Ульрик — 337.

Машке Э. — 9.

Мсровянги — 49.

Метелл, Цецилий Непот, римск. проконсул — 102.

Мильская Л. Т. — 121.

Мишель Р. — 353, 373.

Молдавская М. А. — 13.

Молинье О. — 22, 29, 137, 210, 358.

Молливернета, Фор — 359.

Молла М. — 150.

Монте (де) (тулуз. род) — 325.

Монпелье, Гильем (де) — 64, 304.

Монфор (де) (феод. род)

Алпса — 154.

Амори — 29.

Симон — 19, 29, 76, 88, 112, 113, 170, 299, 330, 331, 364.

Филипп — 136, 348, 349.

Мот Г. — 262, 274, 281, 288.

Мулин (де), Видадь — 272.

Мюльхолланд М. Э. — 25, 30, 184, 198, 210, 211, 221, 240, 249—251.

Мюнцер, Иероним — 103, 279.

Негуляева Т. М. — 16.

Неусыхин А. И. — 18, 35.

Нижер (тулуз. род) — 342, 345.

Гильем — 199, 345.

Обенас Р. — 21.

Од (тулуз. род) — 280, 367, 371.

Бернар — 367.

Рамун — 366.

Ортолан, Бернар — 344.

Осипов В. И. — 15.

Осокин Н. А. — 19.

От (тулуз. род) — 371.

Арнаут — 371.

Оттокар Н. П. — 11.

Пажеза (тулуз. род) — 342.

Палас (де) (тулуз. род) — 362.

Бертран — 343.

Педро II, король арагонский — 116, 326.

Пейре (тулуз. род) — 280, 376.

Арнаут — 327, 330.

Гильем — 164.

Рамун — 163.

Перну Р. — 205.

Перруа Э. — 12, 353, 373.

Пиатре, Гильем — 334.

Пижонно А. — 249, 250.

Пилистур (тулуз. род) — 325, 362.

Пишн Короткий — 40.

Ппренн А. — 11, 24, 41—44, 52, 53, 68, 76, 310, 316, 317, 372.

Плеснер Я. — 11, 371.

Плний Старший — 105.

Полянский Ф. Я. — 13, 307.

Помпей, Гней — 102.

- Понс, граф тулузский — 72.
Понте, Гильем (дель) — 280.
Постум — 39.
Приньяк (де) (тулуз. род) — 280.
 Видадь — 344.
 Рамун — 344.
Пти-Дютайи Ш. — 10.
Пузан (де), Гильем — 320.
Пуер (тулуз. род)
 Арнаут — 344.
 Понс — 344.
Пуллар, Рамун — 344.
Пурсель, Санс — 323, 324.
Пьер де Во-Сернэй — 30.
Раба (тулуз. род) — 370.
 Бернар — 370.
 Пейре — 163, 370.
Рабле Ф. — 261.
Раймунд IV, граф тулузский — 79.
Раймунд V, граф тулузский — 29, 60,
 173, 174, 184, 193, 197, 346.
Раймунд VI граф тулуз. — 71, 99, 92,
 112, 170, 184, 297, 334, 361.
Раймунд VII, граф тулуз. — 60, 63,
 92, 115, 200, 201, 334, 336, 338,
 340, 358, 364, 367.
Раме А. — 211.
Рамун, еп. тулуз. — 156, 157.
Рамун (тулуз. род) — 280, 330, 342,
 343, 368, 370.
 Арнаут — 368.
 Бернар — 369.
 Бертран — 344.
 Гильем — 163, 326, 327, 329, 368.
 Пейре — 333, 334, 368.
 Понс — 363.
Ревуенкова II. В. — 15.
Рейнуар Ф. — 10.
Ренуар И. — 251, 353.
Ричард Львиное Сердце, англ. ко-
 роль — 174—176.
Ришар, архиеп. нарбоннский — 173.
Ришардо Ю. — 12, 358.
Роблсн М. — 9, 38, 45.
Рокфор (де) — 361.
Ромфор Ж. де — 150, 171.
Росшаш Э. — 31.
Руайс (де) (тулуз. род) — 23, 281,
 319, 320, 325, 326, 329, 331, 335,
 339, 340, 376.
 Аламан — 340.
 Арнаут — 334.
 Бернар — 340.
 Дави — 340.
 Пейре — 337.
 Рамун — 340.
Ружер, виконт Безье — 56.
Ружер, Бернар — 280.
Ружер-Бернар, граф Фуа — 367.
Рутбер (тулуз. род) — 281, 369, 370.
 Гильем — 369.
 Кальвет — 363, 368.
 Рамун — 320, 344, 369.
 Фор — 369.
Рутенбург В. И. — 13, 249.
Руф (тулуз. род) — 281, 330.
 Бернар — 333.
Саказа, Гильем-Пейре (де) — 335.
Салимбене Пармский — 353.
Сальнер (Салынар) (тулуз. род) —
 163, 343.
 Арнаут-Понс — 163.
 Гильем-Понс — 163.
 Изарн — 344.
Саматан (де) (тулуз. род) — 367, 371.
 Бернар — 367.
 Бернар-Гильем — 367.
 Додон — 367.
 Жераут — 367.
 Пейре-Рамун — 367.
Сапняк (де), Журдан — 334.
Сартоз, Рамун-Бернар — 278.
Сатурнин св. — 75, 77, 107.
Сванидзе А. А. — 13.
Селизнаррант, Рамун-Пейре — 323.
Сен-Жильский дом (династия тулуз.
 графов) — 29, 377.
Сен-Мартин (де), Бернар-Гильем —
 339.
Сен-Руман (де), Пейре — 280, 371.
Сент-Ибарс (тулуз. род) — 325, 335.
 Дюран — 336.
Сентюлл (тулуз. род) — 327.
 Бернар — 327.
 Рамун — 327.
Сен-Феликс (де) (тулуз. род) — 368,
 371.
 Бернар — 367.
Сидоний, АполлINARY — 151.
Сикар Ж. — 24, 129, 262, 263, 268,
 277, 281, 284—289, 292.
Силан, Гильем — 280.
Синьяр (тулуз. род) — 280, 342, 376,
 Жуан — 344.
Сказкин С. Д. — 35, 42, 123, 124.
Слихер-ван-Бат Б. — 46.
Сорда (де) (тулуз. род) — 330.
Сотель Ж. — 9, 42, 49, 67—71,
 77, 178, 179, 192, 353, 357, 372.
Стоклицкая - Терешкович
 В. В. — 13, 14, 221.
Страбон — 105, 251.
Суйри П. — 23, 48, 52, 73, 88, 91,
 92, 189, 250, 266, 343.
Тардиф А. — 358.
Тауре (де), Пейре-Рамун — 342.
Тембаль П. — 9.

- Тёле А. — 29.
 Тиберий, римск. император — 106.
 Трунн (тулуз. род)
 Арнаут — 338.
 Понс — 320.
 Тулуза (де) (тулуз. род) — 318, 319, 325, 332, 339, 361, 376, 377.
 Бернар-Рамун — 361.
 Гильем — 338.
 Мансин — 318.
 Пейре — 137, 318, 325, 361.
 Понс — 329, 338.
 Тузет — 318, 361.
 Турре (де) (тулуз. род) — 146, 339, 362, 376.
 Бернар — 319.
 Гильем — 339.
 Кюрв — 324.
 Тьерри О. — 10, 22.
 Удальжер — 334.
 Урбан II, папа — 78, 79.
 Урлиак П. — 25.
 Фабер, Бернар — 344.
 Фабер, Понс — 329.
 Фабер, Сюзанна — 329.
 Фавтье Р. — 29.
 Февр Л. — 12, 353.
 Феврис П. А. — 12, 13, 40, 45, 49, 66, 80.
 Феррюс, Арнаут — 280.
 Фигейра, Арнаут — 280.
 Филипп II, франц. король — 54.
 Филипп III, франц. король — 61, 95, 132, 253.
 Филипп IV, франц. король — 61, 230, 253, 342, 361.
 Филиппа, графиня Пуату, герцогиня аквитанская — 110, 159.
 Флак Ж. — 58, 71.
 Фонс В. — 77, 84.
 Фрснар (Френер) (тулуз. род)
 Аранаут-Рамун — 346.
 Визнан — 346.
 Фюстейра, Мартин — 321.
 Хлодвиг — 40.
 Хибберт Э. Б. — 353.
 Ховден, Роджер — 341.
 Цезарь, Юлий — 102.
 Цицерон, Марк Тулий — 37, 102.
 Чистозвонов А. Н. — 13.
 Шаланд Ж. — 107, 165, 319.
 Эберштадт Р. — 191, 192.
 Эйгас И. — 52.
 Элеонора Аквитанская, англ. королева — 175, 176.
 Эмброуз С. М. (см. Мюльхолланд М. Э.).
 Энгельманн Э. — 317, 358.
 Энгельс Ф. — 13, 31—34, 94, 127, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.
 Эрменгарда, виконтесса нарбоннская — 174.
 Эскиват, Сегин — 276.
 Эспинас Ж. — 12, 22, 53, 60, 224.
 Этъен, еп. Турнэ — 54.
 Юнг. А. — 104.
 Laurentius mercator — 341, 342.
 Petrus Monetarius — 273.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Авиньон — 66, 67, 192, 254, 354.
 Авиньонэ — 252.
 Агд — 67.
 Ажен — 60, 170, 174, 175.
 Аженэ — 63, 78, 147, 174.
 Аквитания — 21, 83, 147, 148, 175, 176,
 181, 298, 361.
 Аквитанская (Нарбоннская) дорога —
 37, 50, 66, 77, 102, 110, 155, 165,
 253.
 «Аквитанский перешек» — 251.
 Аквитанское королевство — 49.
 Акс — 252.
 Алеппо — 252.
 Альби — 66—68, 138, 187, 253, 254.
 Альбижуа — 96, 105, 137, 180.
 Альзона — 155.
 Альштадт (в Кельне) — 47.
 Англия — 14, 53, 124, 147, 251, 252,
 275.
 Ангулем — 176.
 Ангумуа — 78.
 Анианское ябб. — 151.
 Апт — 81.
 Арагон — 275.
 Арелатское королевство — 48.
 Арль — 12, 48, 52, 65—67, 69, 72, 75,
 81, 103, 179, 192, 209, 211, 353,
 355, 356, 372.
 Арманьяк — 105.
 Арнаут-Бернар — 84, 85, 313.
 Аррас — 72, 253.
 Артахона — 78.
 Арьеж р. — 47, 90, 110, 116, 147, 181,
 185, 201, 252, 254, 268.
 Астарах, графство — 312.
 Атлантический оксан — 251.
 Аудивилла — 334.
 Африка Северная — 184, 249.
 Ахен — 47.
 Базакль — 51, 83, 88, 107, 181, 185,
 263—268, 270, 271, 274, 275, 279,
 281, 283, 287, 290, 331, 344, 362.
 Базьеж — 50, 107, 152—155, 158—160,
 161, 165, 167, 169, 187, 337, 344.
 Байонна — 252.
 Балканы — 252.
 Бальма — 144.
 Бар — 148.
 Берн — 252.
 Белье — 29, 66, 69, 102, 103, 151,
 153, 180.
 Бельвез — 65.
 Белькастель — 363.

- Бельперш (абб.) — 176.
 Бенк — 272.
 Бланьяк — 83, 110, 111.
 Бокер — 19, 66, 69, 253, 254, 354, 355.
 Бокерское сенешальство — 355.
 Бомон-де-Ломань — 61—63.
 Бонн — 72.
 Борделэ — 57.
 Бордо — 38, 39, 45, 69, 71, 81, 96, 147, 148, 174, 175, 250—252.
 Борн — 365.
 Брюгге — 253.
 Брюссель — 378.
 Буконский лес — 56, 185.
 Буше — 273.
 Бургетноу — 66.
 Баланс — 211.
 Вальсегюр — 341.
 Венаск — 40, 43.
 Верден-на-Гаронне — 54, 60, 67, 250.
 Верфей — 144, 356.
 Верхняя Гаронна (депт.) — 27, 363, 366, 367.
 Вестготское королевство — 18.
 Виланго — 335, 342.
 Вильлонг (архидиаконат) — 60, 78, 84, 374.
 Вильмюр — 148, 365.
 Вильнсьв — 65.
 Вильноу — 85, 240.
 Вильфранш-де-Коифьян — 58.
 Вормс — 68.
 Восточная Европа — 123.
 Вторая Нарбоннская провинция — 38.
 Гайяк — 115, 125, 137, 138, 148, 344.
 Галлия — 36—40, 45, 46, 48, 69, 77, 105, 107, 383.
 Гап — 66.
 Гард-Герен — 373.
 Гаронна р. — 37, 42, 45, 50, 51, 54, 56, 58, 63, 73, 74, 88, 90, 101, 103—110, 129, 134, 147, 154, 162, 165, 174—185, 201, 250—254, 262, 264—271, 278, 187—288, 318—323, 331, 341, 362, 375, 377.
 Гароннская низменность — 104.
 Гасконь — 30, 60, 62, 86, 103, 107, 148, 154, 180, 298.
 Генуя — 253.
 Германия — 65.
 Гланум — 13, 40.
 Готия — 153.
 Грав (де ля), госп. — 88.
 Гранкастель — 63.
 Гранселльв (абб.) — 29, 54, 60, 61, 86, 147, 174, 175, 185, 207.
 Грасс — 13, 66, 81.
 Гренада-на-Гаронне — 60, 63.
 Гренобль — 47.
 Гризоль — 56, 60, 63.
 Далон — 176.
 Далонское абб. — 176.
 Дальябад — 76, 184, 319, 346.
 Динь — 40, 81.
 Домицисва дорога — 37, 66, 102.
 Дорад — 49, 76, 78, 86, 201, 210, 263—276, 318, 344, 377.
 Дуэ — 239, 284.
 Египет — 102.
 Жеводан — 373.
 Жиронда — 148.
 Жиру р. — 325, 363.
 Замок Арен — 354.
 Иерусалимское королевство — 349.
 Изарн р. — 275.
 Иль-де-Франс — 52.
 Иль-Журден — 148, 312.
 Индия — 121, 122.
 Испания — 37, 39, 75, 78, 85, 102, 153, 251, 378.
 Италия — 11, 37, 78, 178, 179, 184, 249, 253, 258, 297, 298, 353, 354.
 Йер — 81.
 Кагор — 134, 209, 251, 253, 254.
 Кальмон — 185.
 Камбрэ — 67.
 Камп-Радюльф — 327, 342.
 Караман — 144, 154.
 Карбон — 185.
 Кардала — 326.
 Кардона — 173.
 «Карлополне» — 47.
 Каркассон — 19, 50, 66, 69, 90, 103, 116, 153, 154, 205, 252, 253, 255, 258, 354, 355, 372.
 Каркассонская дорога — 143.
 Каркассонское (и Безье) сенешальство — 348.
 Каркассэ — 96, 125, 154, 254.
 Карпентрас — 40, 43.
 Кассань — 366.
 Кастанет — 125.
 Каstellан — 40.
 Каstellжннесс — 325, 327, 329, 335, 341, 342.
 Каstellнодари — 252.
 Каstellсарразен — 60—62, 148, 176, 250, 251.
 Кастилия — 252.
 Кастильон — 329, 335, 341.

- Кастр — 121, 258.
 Каталония — 121, 153, 173, 255.
 Каузаг — 327, 328.
 Керси — 78.
 Кельн — 68, 71, 72.
 Кирпичного вала ул. — 74.
 Клонийское абб. — 100.
 Комменжский мост — 254.
 Комменжское графство — 56, 90, 105, 180, 181, 185, 254, 312.
 Компьен — 47.
 Кондом — 252.
 Конкское абб. св. Веры — 28, 55, 56, 120, 121, 365—368, 371, 376, 380.
 Константинополь — 52.
 Коньяк — 211.
 Корбьеры — 105.
 Корд — 137.
 Корнан — 65, 151.
 Крау — 103, 354.
 Крсон — 62.
 Кроза (Лас Кросас) — 85.
 Крозильс — 334.
 Кумба-Саломонс — 333.
 Кюзин (Кузинас) — 51, 70—82, 85, 162, 180—182, 187, 196, 296, 362.
 Лавор — 363.
 Лаграсс — 205, 258.
 Лаграсс (абб.) — 29, 151, 173.
 Лан — 67.
 Лангедок — 18, 21, 23, 26, 29, 54, 58, 66, 103, 117—128, 135, 136, 141, 150—153, 157, 171, 178—179, 190—195, 199, 210, 220, 224, 250, 253, 256, 297, 348, 349, 373, 389.
 Ланта — 144.
 Левант — 249, 253.
 Лезат (абб.) — 29, 55, 88, 142, 275.
 Лсонак — 341.
 Леспинасс — 363.
 Либурн — 251.
 Лимож — 72, 176, 180, 190, 205, 207.
 Лиму — 255.
 Лимузен — 224.
 Лион — 37.
 Людев — 67.
 Лонак — 376.
 Лорагэ — 90, 96, 110, 130, 180, 181, 252, 254.
 Лорак — 312.
 Луара р. — 45, 69, 365.
 Льеж — 192.
 Люксембург — 133.
 Лявильдье — 148.
 Магелон — 173.
 Мазельс — 326.
 Майнц — 48, 68.
 Малая Азия — 17.
 Маноск — 81.
 Маренн — 176.
 Марманда — 63, 174.
 Марвиллар — 334.
 Марсель — 13, 41, 66, 77, 80, 81, 103, 107, 133, 179, 180, 205, 209, 253, 349.
 Матабоу — 85.
 Матапезюль, сальветат — 56, 325—326.
 Мауран — 185.
 Меренс — 252.
 Мец — 133.
 Миранда — 258.
 Мирпуа — 225.
 Монберо — 185.
 Монмираль — 137.
 Монпелье — 12, 15, 19, 22, 64, 103, 173, 179, 180, 184, 195, 209, 211, 220, 250, 253, 254, 304, 384.
 Монтайгон, площ. — 182, 313, 338, 361.
 Монтальдрон — 334.
 Монтань-Нуар — 105, 121.
 Монтель — 115, 116.
 Монтеке — 185.
 Монт-Мазальжер — 325, 326.
 Монтобан — 60, 63, 64, 104, 148, 334.
 Монтобанская дорога — 143.
 Монтроль — 64, 379.
 Монферран — 155.
 Муассак — 51, 54, 60, 148, 174, 175, 181, 201, 250.
 Муассакское абб. св. Петра — 55, 72, 78, 82, 182, 196, 362.
 Мюрэ — 56, 59, 250, 311, 363.
 Паварра — 78.
 Нарбонна — 29, 37, 38, 66, 69, 71, 72, 78, 80, 92, 102, 103, 136, 151—154, 157, 173, 180, 252, 253, 273, 286, 337, 348, 349, 355, 356.
 Нарбоннская провинция — 18, 36—38, 44, 67, 102, 139, 153, 378.
 Нарбоннская церк. провинция — 42, 361.
 Нарбонские ворота — 37, 50, 90, 114, 181.
 Нарбоннский замок — 37, 40, 86, 88, 90, 110, 129, 131, 138, 141, 142, 165, 169, 181, 183, 263—269, 274—278, 283, 287, 296, 318, 331, 332, 362, 377.
 Нидерланды — 65, 372.
 Ним — 19, 37, 67, 193, 194, 254, 298, 354, 355, 356, 372.
 Ницца — 40, 41, 66, 81, 357.
 Новый бург (в Арле) — 66, 68.
 «Новый Рим» — 47.
 Нормандия — 53.

- Норузский перевал (водораздел) — 102, 103.
 Ноэ — 185.
 Нуайон — 67.
 Нугароль — 63.
- Овиллар — 175.
 Ода р. — 42, 65, 66, 78, 251, 252.
 Орияк — 57.
 Орлеан — 38.
 Оsville — 334.
 Отрив — 201, 268, 356.
 Отфор — 176.
 Отэн — 37, 46.
 Ош — 55, 86.
- Памплона — 78.
 Памье — 67, 145, 147, 148, 252, 254.
 Париж — 38, 221, 224, 239, 253, 266.
 Пейрисса — 272.
 Пекснора — 252.
 Первая Нарбоннская провинция — 23.
 Пергаментчиков ул. — 73.
 Перигор — 176.
 Перпиньян — 255.
 Пиза — 253.
 Пиреней — 37, 56, 103, 105, 121, 153, 255.
 Пешбонньё — 326, 329, 376.
 Поюбо — 334.
 Прованс — 12, 13, 21, 40, 45, 46, 49, 66, 80, 81, 103, 119, 150, 167, 178, 190, 192, 253, 297, 353, 355, 358, 383.
 Провен — 43, 69.
 Пруильское абб. — 28, 120, 121, 125.
 Пуатье — 190.
 Пувурвиль — 324.
 Пузамила — 85.
 Пюнмироль — 63.
- Рабастенс — 137, 148, 312.
 Рамет — 63.
 Реймс — 38, 253.
 Рейн р. — 124.
 Рейнфурштадт (в Кельне) — 68, 71.
 Рим — 39, 78.
 Римская империя — 16, 23, 37, 38, 41, 42, 44, 68, 102, 107.
 Ровер — 326.
 Родез — 67, 365.
 Рокфор — 185.
 Рона р. — 45, 66, 68, 103, 179.
 Руайян — 148.
 Руан — 242.
 Руссийон — 58, 121, 127.
 Руэрг — 28, 63.
 Рьё — 40, 66.
- Саверден — 116, 136, 356, 364.
- Салин, площ. — 107, 166—172.
 Салон — 13, 66, 81.
 Саллис — 67.
 Сант-Яго-де-Компостелла — 75, 86.
 Сен-Бертинское абб. — 46.
 Сен-Виктор, бург — 80.
 Сен-Годенс — 56, 272.
 Сен-Дени — 242.
 Сен-Жан-де-Люнион — 366.
 Сен-Жермье, сальветат — 56, 59.
 Сен-Жиль — 80, 253, 298.
 Сен-Жори — 180, 184, 250.
 Сен-Жюст, бург — 80.
 Сен-Жюст (в Нарбонне) — 151.
 Сен-Кантен — 67.
 Сен-Капрэ — 325.
 Сен-Ксентен — 76, 332.
 Сен-Люн, бург — 80.
 Сен-Поль, бург — 66, 71, 80.
 Сен-Поль (абб.) — 80, 136, 151, 348.
 Сен-Понс — 121.
 Сен-Понс-де-Томьер (абб.) — 136, 151, 361.
 Сен-Пьер (бург Авиньона) — 67—68.
 Сен-Пьер-де-Кюизин — 73, 75, 76, 84, 210, 287.
 Сен-Пьер и Сен-Жеро — 76.
 Сен-Рамун, госп. — 83, 85, 140, 143, 165, 262, 325.
 Сен-Ремези — 76, 318, 332.
 Сен-Ромен — 76.
 Сен-Сальви — 66, 68.
 Сен-Сернен — 27, 28, 51, 56, 60, 73, 75—87, 109—111, 116, 118—121, 129, 136—139, 158—165, 172, 181, 199, 211, 175, 323—333, 337, 342—
 Сен-Совёр — 325, 363.
 Сен-Сернен-дю-Тор — 76, 82, 84, 85, 86, 107.
 Сен-Сиприан, бург — 88, 205.
 Сен-Совёр — 325, 363.
 Сент-Антонсн — 63.
 Сент-Омер — 253.
 Сентонж — 176.
 Сен-Трофим — 81.
 Сент-Фуа, сальветат — 56.
 Сент-Этьен — 28, 76, 78, 83, 84, 87, 88, 96, 110, 172, 173, 210, 326, 336.
 Сен-Феликс — 258.
 Сепет — 366.
 Септимания — 102, 153.
 Сердань, графство — 58.
 Сетдене — 74, 187.
 Симьез — 40.
 Сирия — 17, 184.
 Систерон — 81.
 Сицилия — 102, 184, 249.
 Сона р. — 38.
 Сона (Сауна) р. — 129, 130.

Средиземное море, Средиземноморское побережье — 41, 45, 48, 49, 78, 102, 251, 254, 349, 365.

Старая Тулуза — 106.

Старый бург (в Арле) — 65.

Старый мост — 264.

Страсбург — 16.

Тараскон — 13, 354.

Тарн р. — 54, 63, 66, 78, 105, 180, 250, 254.

Таррагонская церк. провинция — 42.

Тауре (де Тауро), рынок — 107, 181, 199, 342, 345.

Терсак — 185.

Теш р. — 58.

Тир — 349.

Тоскана — 125.

Тренктай — 66, 68.

Трир — 68, 133.

Труа — 72, 342.

Тулон — 42.

Тулузен — 27, 29, 47, 54, 63, 65, 73, 80, 86, 102—104, 117, 120, 121, 130, 133, 135—139, 145, 147, 153—157, 162, 167, 174, 175, 187, 188, 230, 299, 302, 304, 344, 356, 358, 364—369, 380.

Тулузский диоцез — 55, 136, 201.

Тулузское графство — 60, 141, 142, 173, 251, 312, 361, 376.

Тулузское сенешальство — 61, 187, 361.

Тунис о. — 101, 162, 181, 185, 377.

Тур — 71.

Туш (приорство) — 176.

Турсан (виконтство) — 78.

Уздечников ул. — 346.

Фанжо — 258.

Флжеак — 253.

Фландрия — 53, 147, 210.

Флоренция — 249, 258.

Форкалькье — 81.

Фрежюс — 81.

Фрезелас — 67.

Фронтон — 363.

Фуа, графство — 90, 105, 116, 225, 252, 254, 312.

Центральный массив — 103, 105.

Шалон — 101.

Шампань — 69, 101, 180, 184, 250, 254, 342.

Шартр — 205.

Экс — 38, 66, 81.

Эр р. — 129, 130, 251, 325, 341, 363, 374.

Эстап — 107, 155, 158, 161.

Castrum Ugernum — 66.

Cheiranum — 47.

Civitas Verona — 72.

Galatca Quercu — 366.

Guillelmi Unaldi, carraria — 319.

Insula Amata — 334.

Malcousinat, rue — 74.

Mons Sancti Johanni — 366.

Nauza (La) — 327.

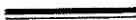
Novital — 363.

Podiolus — 112.

Ponci Bertrandi, carraria — 319.

Roaicencium, planum — 319, 340.

Silva Boccona — 367.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТУЛУЗЫ	36
ГЛАВА II. СКЛАДЫВАНИЕ ГОРОДСКОГО РЫНКА (Продоволь- ственные товары)	98
ТОРГОВЛЯ СОЛЮ	150
ГЛАВА III. РАЗВИТИЕ РЕМЕСЛА	178
Начало тулузского ремесла	178
Развитие ремесленных организаций	189
Эволюция тулузского сукноделия	230
МУКОМОЛЬНЫЙ ПРОМЫСЕЛ	261
ГЛАВА IV. СКЛАДЫВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СРЕД- НЕВЕКОВОЙ ТУЛУЗЫ	295
ТУЛУЗСКИЙ ПАТРИЦИАТ XII—XIII вв	316
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТУЛУЗСКОГО ПАТРИЦИАТА	352
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	383
Резюме на французском языке	387
Список сокращений	404
Библиография	405
Указатель имен	417
Указатель географических и топографических названий	423

TABLE DES MATIÈRES

INTRODUCTION	5
CHAPITRE I. LA NAISSANCE DE TOULOUSE MEDIEVALE .	36
CHAPITRE II. FORMATION DU MARCHÉ URBAIN (Les marchan- disés alimentaires)	98
LE COMMERCE DU SEL	150
CHAPITRE III. DEVELOPPEMENT DE METIER	178
Le début de l'artisanat toulousain	178
Le développement des organisations corporatives .	189
L'évolution des métiers textiles à Toulouse . . .	230
LA MEUNERIE	261
CHAPITRE IV. FORMATION DE LA STRUCTURE SOCIALE DE TOULOUSE MEDIEVALE	295
LE PATRICIAT TOULOUSAIN AU XII ^e ET XIII ^e SIECLES	316
LES ORIGINES DU PATRICIAT TOULOUSAIN .	352
CONCLUSION	383
Resumé en français	387
Abbreviations	404
Sources et bibliographie	405
Index des noms de personnes	417
Index des noms de lieux	423

**Соломон Моисеевич
Стам**

**Экономическое и социальное развитие раннего города
(Тулуза XI—XIII веков)**

Редактор **Р. Ф. Носкова**

Технический редактор **В. В. Зенин**, корректоры **Л. В. Аброськина**,
З. И. Шевченко, **И. И. Матюшина**

Обложка художника **П. И. Карчевского**

НГ08169.	Сдано в набор 3.VI.69 г.	Подписано к печати 16.X.69 г.	
	Формат 60×90 ¹ / ₁₆ .	Печ. л. 27.	Уч.-изд. л. 27,5.
Тираж 800 экз.	Заказ 2368.	Цена 1 р. 72 к. в переплете № 5.	

Издательство Саратовского университета, Университетская, 42.
Типография издательства «Коммунист», пр. Ленина, 94.